

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2019 Том 10 № 4

**Лингвистическая семантика,
лингвосемиотика и текстология**

**DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>**

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Российская Федерация)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory):

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 10.12.2019. Выход в свет 25.12.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 46,04. Тираж 500 экз. Заказ № 1864. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2019 VOLUME 10 No. 4

Linguistic Semantics and Semiotics.
Literary Text Studies

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, EBSCOhost.

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

Лингвистическая семантика, лингвосемиотика и текстология

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Лазарева О.В. Функциональная семантика и лингвосемиотика: современные тенденции	731
--	-----

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

Денисенко В.Н., Чжан Кэ (Москва, Российская Федерация). Графически заимствованное слово из японского языка в современном китайском языке	740
Bednárová-Gibová K. (Prešov, Slovak Republic). Selected English Lexical Semantics Terms (Беднарлова-Гибова К. (Прешов, Словацкая Республика). Основная терминология лексикологии английского языка	754
Киров Е.Ф. (Москва, Российская Федерация). Значение слова в модели понимания	761
Перфильева Н.В., Галанкина И.И. (Москва, Российская Федерация). Элементы инкорпорации в русском коммерческом нейминге	775
Дремов А.Ф. (Москва, Российская Федерация). Зоны и таксис: локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики	789
Александрова О.И. (Москва, Российская Федерация). Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык	810
Батурина Е.Н. (Биробиджан, Российская Федерация). Десакрализация слова <i>человек</i> в русском языке и его духовный потенциал	828
Денисова Э.С., Проскурина А.В. (Кемерово, Российская Федерация). Внутренняя форма языка как детерминанта его лексического своеобразия (на материале паремий русского и телеутского языков)	841
Зимарева О.Л., Песина С.А. (Магнитогорск, Российская Федерация). Кластерный анализ семантической структуры полисемантов в свете инвариантной теории	860
Диланова Э.А. (Москва, Российская Федерация). Метафорический потенциал сленгового языка молодежи: некоторые результаты пилотного эксперимента	871
Шляховой Д.А. (Москва, Российская Федерация). Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы)	879
	727

Сёмина П.С. (Москва, Российская Федерация). Тематическое многообразие бельгийских паремий (на лексикографическом материале)	893
Курбанов Б.Ш. (Ташкент, Узбекистан). Непроизводные и производные омонимы русского и узбекского языков	906
El-Zawawy M. Amr (Alexandria, Egypt). TV Live Reporting: a Pilot Study in Contrastive Genre Analysis (Эль-Завави М. Амр (Александрия, Египет). Телевидение: прямой репортаж (пилотное исследование в контрастивном жанровом аспекте)	920

СЕМИОТИКА И КОММУНИКАЦИЯ

Максименко О.И., Хроменков П.Н. (Мытищи, Российская Федерация). Полисемиотические элементы государственных гербов — лингвоконфликтологический анализ	947
Герасимова С.В. (Москва, Российская Федерация). Юродство, потемневшие иконы и механизм забвения в контексте семиотической системы культуры	957
Новиков А.Л., Новикова И.А. (Москва, Российская Федерация). Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты	977
Горностаева А.А. (Москва, Российская Федерация). Ирония как культурный и языковой феномен	990
Сытько А.В. (Минск, Республика Беларусь). Говорящий как субъект деонтики в политической речи (на материале немецкого и русского языков)	1003
Mukhortov D.S., Malyavina Y.S. (Moscow, Russian Federation). Cross-situational Consistency of Female Politicians' Language Use (Мухортов Д.С., Малявина Я.С. (Москва, Российская Федерация). Модели коммуникативного поведения женщины-политика)	1021
Guido Tejerina (Moscow, Russian Federation). Las tendencias contemporáneas del lenguaje español y los cambios sociales en la sociedad (Contemporary Trends in Spanish Language and Social Changes in the Spanish-habitat Society)	1037

СЕМАНТИКА И ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Синячкин В.П., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. (Москва, Российская Федерация). Сообщение литературных доменов в поликультурном тексте	1048
Векшин Г.В., Лемешева М.М. (Москва, Российская Федерация). Поэт как речевая роль: к семантике и прагматике русского поэтизма	1067
Стрельникова Н.Д. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Семантическое пространство романа А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства»	1088
Шляхова Г.И. (Москва, Российская Федерация). Узуальное и индивидуально-авторское функционирование лексем грёза и мечта в поэзии Игоря Северянина	1106

Linguistic Semantics and Semiotics. Literary Text Studies

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

- Lazareva O.V.** Functional Semantics and Linguosemiotics: Modern Trends 731

FUNCTIONAL SEMANTICS

- Denisenko V.N., Zhang Ke (Moscow, Russian Federation).** Graphically Loanword from the Japanese Language in Modern Chinese Language 740
- Bednárová-Gibová K. (Prešov, Slovak Republic).** In Selected English Lexical Semantics Terms 754
- Kirov E.F. (Moscow, Russian Federation).** The Meaning of the Word in the Model of Understanding 761
- Perfilieva N.V., Galankina I.I. (Moscow, Russian Federation).** Elements of Incorporation in the Russian Commercial Naming 775
- Dremov A.F. (Moscow, Russian Federation).** Zones and Taxis: Locative Semantics of Russian Cases in Terms of Modern Systems Linguistics 789
- Aleksandrova O.I. (Moscow, Russian Federation).** Semantic Transformation of Film Titles, Translated to Russian 810
- Baturina E.N. (Birobidzhan, Russian Federation).** Desacralization of the Word MAN in the Russian Language and its Spiritual Potential 828
- Denisova E.S., Proskurina A.V. (Kemerovo, Russian Federation).** Inner Language Form as a Determinant of its Lexical Peculiarity (based on the Study Material of the Russian and the Teleut Languages Paroemia) 841
- Zimareva O.L., Pesina S.A. (Magnitogorsk, Russian Federation).** Cluster Analysis of Polysemous Word Semantic Structure in the Light of Invariant Theory 860
- Dilanova E.A. (Kursk, Russian Federation).** Metaphorical Potential of Slang Language: some Results of the Pilot Experiment 871
- Shliakhovoi D.A. (Moscow, Russian Federation).** Modeling of a Generalized Speech Portrait of a Blogger (as Exemplified in the German Military Blogosphere) 879

Syomina P.S. (Moscow, Russian Federation). Subject Variety of the Belgian Paroemias (on Lexicographical Material)	893
Kurbanov B.Sh. (Tashkent, Uzbekistan). Non-Derivative and Derivative Homonyms in the Russian and Uzbek Languages	906
El-Zawawy M. Amr (Alexandria, Egypt). TV Live Reporting: a Pilot Study in Contrastive Genre Analysis	920

SEMOTICS AND COMMUNICATION

Maksimenko O.I., Khromenkov P.N. (Mytitschi, Moscow Region, Russian Federation). Polysemiotic Elements of the State Emblems	947
Gerasimova S.V. (Moscow, Russian Federation). Foolishness, Darkened Icons and the Mechanism of Oblivion in the Context of the Semiotic System of Culture	957
Novikov A.L., Novikova I.A. (Moscow, Russian Federation). Ethnic Stereotypes in Intercultural Communication: Psychological and Semantic Aspects	977
Gornostaeva A.A. (Moscow, Russian Federation). Irony as a Cultural and Language Phenomenon	990
Sytko A.W. (Minsk, Republic of Belarus). Speaker as a Deontic Agent in Political Speech (on the Material of German and Russian Languages)	1003
Mukhortov D.S., Malyavina Y.S. (Moscow, Russian Federation). Cross-situational Consistency of Female Politicians' Language Use	1021
Guido Tejerina (Moscow, Russian Federation). Contemporary Trends in Spanish Language and Social Changes in the Spanish-habitat Society	1037

LITERARY TEXT SEMANTICS AND POETICS

Sinyachkin V.P., Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. (Moscow, Russian Federation). Literary Domains' Connection in a Policultural Text	1048
Vekshin G.V., Lemesheva M.M. (Moscow, Russian Federation). Poet as a Role: on the Semantics and Pragmatics of Russian Poeticism	1067
Strelnikova N.D. (St. Petersburg, Russian Federation). The semantic space in the novel of A. Nikolaenko "To kill Bobrykin. The History of one Murder"	1088
Shliakhova G.I. (Moscow, Russian Federation). Usual and Individual Authorial Functioning of Lexemes "Dream" and "Reverie" in Igor-Severyanin's Poetry	1106

Лингвистическая семантика, лингвосемиотика и текстология

Linguistic Semantics and Semiotics. Literary Text Studies

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-731-739
УДК 81'37:003

Редакционная статья / Editorial article

Функциональная семантика и лингвосемиотика: современные тенденции

О.В. Лазарева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

Functional Semantics and Linguosemiotics: modern trends

O.V. Lazareva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Выпуск журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика Семантика объединяет статьи таких направлений, как «Функциональная семантика», «Семиотика и коммуникация» и «Семиотика и поэтика художественного текста».

Направление «*Функциональная семантика*» открывает статья **В.Н. Денисенко** и **Чжан Кэ**, (Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация) «Графически заимствованное слово из японского языка в современном китайском языке». Японские графические заимствования осваиваются в китайском языке и фонетически, и графически и представлены двумя группами: 1) графические заимствования, включая собственно японские слова, которые зафиксированы китайскими иероглифами, и 2) слова, созданные японцами с использованием китайских иероглифов для передачи лексем других языков, включая лексику древнекитайского языка. Как показал анализ материала, способы заимствования и осво-

ения заимствованных языковых единиц, в том числе графических, определяются системным характером лексики и в целом такими свойствами языковой системы, как открытость, динамичность и адаптивность. В статье **Клаудии Беднаровой-Гибовой** (Университет Прешова, Словацкая Республика) «Основная терминология лексикологии английского языка» используется лингвокультурный подход к англоязычному семантическому континууму. Он основан на идее Ф. Шарифиана о том, что метаязык английской лексической семантики является хранилищем культурных концептов, которые отражаются в актуальной терминологической практике. Тем не менее, английские термины, семантика которых предполагает существенное языковое пространство для их синонимического объединения, зачастую подвергаются неправильному концептуальному декодированию. Цель статьи **Е.Ф. Кирова** (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация) «Значение слова в модели понимания» предложить общую модели понимания смысла высказывания на примере описании модели понимания в процессе коммуникации. Основной метод исследования — теоретико-описательный. Результатом исследования стало создание модели значения слов с опорой на его знаковую символическую природу. В публикации **Н.В. Перфильевой** (Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация) и **И.И. Галанкиной** (РГАУ—МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация) «Элементы инкорпорации в русском коммерческом нейминге» поставлена цель определить границы словообразовательной инкорпорации в русском языке. Инкорпорация исследуется на материале русского коммерческого нейминга интернет-сайтов: это коммерческие названия, или эргонимы, которые представляют собой инкопорационные комплексы — вывески продуктовых магазинов, ресторанов, кафе и других коммерческих заведений. В результате проведенного исследования разработана классификация эргонимов, образованных по инкопорационной словообразовательной модели в современном русском языке.

Статья **А.Ф. Дремова** (МГИМО МИД РФ, Москва, Российская Федерация) «Зоны и таксис: локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики» представлены результаты анализа локативной семантики падежей в ракурсе современной системной лингвистики. Падеж трактуется как формально-грамматическая категория имени, возникшая в русском языке как типичном представителе языков флективного типа в ответ на функциональный запрос языковой системы обеспечить компрессию и формальное выражение содержательной (предикативной, логической) связности первообразного текста, необходимого для исчерпывающего описания события.

О.И. Александрова (Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация) в публикации на тему: «Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык» предпринимается попытка выделения в названиях смыслового центра и их классификации по типу смыслового центра. Название как вербальный компонент комплексной единицы — кинотекста участвует в формировании первого впечатления у потенциаль-

ного зрителя. Трансформации названия могут повлечь за собой смещение фокуса адресата и повлиять на восприятие им кинотекста в целом. В ходе исследования обнаружена общая тенденция смещения при переводе от абстрактного к конкретному и от персонального к событийному.

В статье **Е.Н. Батуриной** (Биробиджан, Российская Федерация) «Десакрализация слова человек в русском языке и его духовный потенциал» обсуждается семантике скрытых сакральных смыслов слова на примере лексических значений слова человек и люди (людин) в разные периоды его функционирования, прежде всего в языке XIX—XX веков с опорой на минимальные контексты из текстов Священного Писания.

В данный раздел также вошли статьи, отражающие тенденции в развитии теории и практики функциональной семантики: **Э.С. Денисовой** и **А.В. Проскуриной** (КГУ, Кемерово, Российская Федерация) «Внутренняя форма языка как детерминанта его лексического своеобразия (на материале паремий русского и телеутского языков)»; **О.Л. Зимаревой** и **С.А. Песиной** (МГТУ им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Российская Федерация) «Кластерный анализ семантической структуры полисемантов в свете инвариантной теории», **Э.А. Дилановой** (КГУ, Курск, Российская Федерация) «Метафорический потенциал сленгового языка молодежи: некоторые результаты пилотного эксперимента»; **П.С. Сёминой** (Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация) «Тематическое многообразие бельгийских паремий (на лексикографическом материале)»; **Б.Ш. Курбанова** (Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан) «Непроизводные и производные омонимы русского и узбекского языков» и **Эль-Завави М. Амра** (Университет Александрии, Египет) «Телевидение: прямой репортаж (пилотное исследование в контрастивном жанровом аспекте)». В центре внимания авторов этих публикаций — полисеманты, паремии, жанровые и сленговые номинации, исследование которых объединяется методологией и методами функциональной семантики.

Раздел «Семиотики и коммуникации» открывает статья **О.И. Максименко** и **П.Н. Хроменкова** (МГОУ, Мытищи, Российская Федерация) «Полисемиотические элементы государственных гербов — лингвоконфликтологический анализ». В ней главные символы государства рассматриваются как поликодовый текст, включающий вербальный компонент (девиз, название страны) и иконические геральдические составляющие. В статье дается лингвосемиотический анализ гербов всех стран мира на предмет их гипотетической конфликтности и приводятся результаты интерпретации реципиентами потенциально конфликтосодержащих составляющих гербов.

А.Л. Новиков и **И.А. Новикова** (Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация) в статье «Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты» на примере конкретных эмпирических исследований этнических стереотипов в контексте межкультурной коммуникации показан эвристический потенциал метода семанти-

ческого дифференциала для диагностики этнических стереотипов как феноменов, с одной стороны, отражающих различные аспекты межкультурного восприятия и диалога, а, с другой — оказывающих непосредственное влияние на протекание межкультурного взаимодействия. Что имеет высокую практическую значимость для разработки программ повышения межкультурной компетентности, востребованные в сферах образования, бизнеса, туризма и др.

В центре внимания статьи **А.А. Горностаевой** (МГЛУ, Москва, Российская Федерация) «Ирония как культурный и языковой феномен» — ирония как многоплановое явление, находящееся на стыке нескольких наук: истории, философии, культурологии, литературоведения, лингвистики и т.д. Ирония рассматривается как культурно-исторический и как языковой феномен. Цель статьи — проанализировать закономерности функционирования иронии в дискурсе и определить условия эффективности иронического общения. Ирония, как категория дискурса, является совместным продуктом говорящего и слушающего.

А.В. Сытько (МГЛУ, Минск, Республика Беларусь) «Говорящий как субъект деонтики в политической речи (на материале немецкого и русского языков)» статья посвящена семантической и функциональной вариативности деонтических конструкций, составляющих ядро политического дискурса в немецкой и русской лингвокультурах. Метод функционально-семантического описания с учетом социокультурного контекста позволяет выявить дискурсивную полифункциональность данных конструкций.

В ходе анализа, проведенного в статье **Д.С. Мухортова** и **Я.С. Малявиной** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация) «Модели коммуникативного поведения женщины-политика», показано, что женщины-политики, успешно ведущие феминистский политический курс, склонны прибегать к коммуникативно типично женскому виду риторики. В этой связи рассматриваются некоторые типичные особенности женской речи: некатегорические высказывания, использование хедж-маркеров, употребление лексики, относящейся к разряду социальной и когнитивной языковой подсистемы.

Статьи **С.В. Герасимовой** (ВШПиМ МПУ, Москва, Российская Федерация) «Юродство, потемневшие иконы и механизм забвения в контексте семиотической системы культуры» и **Гидо Техерина** (Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация) «Las tendencias contemporáneas del lenguaje español y los cambios sociales en la sociedad» объединяет общий подход к синтезированному анализу вербальных и невербальных семиотических феноменов в системе культуры.

Раздел «Семантика и поэтика художественного текста» объединяет работы нескольких направлений научных исследований, его открывает статья **В.П. Снячкина**, **У.М. Бахтикиреевой** и **О.А. Валиковой** (Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация) «Сообщение межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты литературных доменов в поликультурном тексте». Авторы рассматривают семиотические системы разно-

го уровня организованности как базы данных — домены, которые на протяжении времени накапливают численность ретранслируемых единиц и сообщаются друг с другом, порождая новые вместилища культурной информации. Механизмом сообщения между доменами можно назвать диалогом (в широком смысле), а его разновидностями — интертекстуальную переключку, аллюзии, модификацию прецедентных феноменов.

В публикации **Г.В. Векшина** и **М.М. Лемешевой** (Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация) «Поэт как речевая роль: к семантике и прагматике русского поэтизма» анализируется семантика и прагматика русских поэтизмов как дейктических указателей на сферу поэтического и одну из шести универсальных социокультурных ролей — роль поэта-сочинителя. В связи с разграничением стилистики языка и речи рассматривается отличие поэтического стиля языка, который представляет собой хранилище поэтизмов; дается развернутое определение поэтического языка. Поэтизмы рассматриваются на разных уровнях языковой системы. Дается анализ типичного текста массовой поэзии с обилием поэтизмов. Используется опыт составления поэтического корпуса «Живого стилистического словаря русского языка», возможности его диагностики стилистической семантики слова и первичной оценки художественного качества текста.

Н.Д. Стрельникова (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, Российская Федерация) в статье «Семантическое пространство романа А. Николаенко Убить Бобрыкина. История одного убийства» анализирует роман лауреата премии «Русский Букер» 2017 года А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства» как гетерогенный текст. Семиотически осложненный текст анализируется сквозь призму культурных кодов, что позволяет прочесть роман А. Николаенко на другом семиотическом уровне, проследив многочисленные отсылки, в том числе имплицитные — к символистскому роману Серебряного века.

В работе **Г.И. Шляховой** (Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Российская Федерация) «Узуальное и индивидуально-авторское функционирование лексем грёза и мечта в поэзии Игоря-Северянина» представлен анализ употребления лексики ментальной сферы в поэзии Игоря-Северянина. Относящиеся к ментальному полю лексемы грёза и мечта выступают в творчестве эгофутуриста лейтмотивными, смыслообразующими элементами. Сопоставление контекстуальных значений лексем со словарными показывает, как в стихотворениях художественный образ наполняется новыми смыслами, расширяя семантическое поле слова. Лексемы ментальной сферы представляют собой ключ к пониманию идиостиля Игоря-Северянина как основоположника литературного течения эгофутуризма.

The issue of the RUDN University journal of LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS combines the sets of articles forming up three sections: **Functional Semantics, Semiotics and Communication** and **Literary Text Semantics and Poetics**.

Functional Semantics section starts with the article of **V.N. Denisenko, Zhang Ke** (RUDN University, Moscow, Russian Federation) “Graphically Loanword from the

Japanese Language in Modern Chinese Language” is discussing Japanese graphic borrowings which are acquired in the Chinese language both — phonetically and graphically and form two groups: 1) graphic borrowings including original Japanese words fixed in Chinese hieroglyphs, and 2) words created by the Japanese on the basis of Chinese hieroglyphs as well to render lexemes of other languages, including Ancient Chinese. The analysis demonstrated that borrowing and their acquisition including graphic ones, are determined by the systemic character of lexis and on the whole by such linguistic system properties as openness, dynamism and adaptation.

The article by **K. Bednárová-Gibová** (University of Prešov, Prešov, Slovak Republic) “In Selected English Lexical Semantics Terms” approves the chosen linguocultural approach to the English semantic continuum. Based on the F. Sharrifian’s ideas of understanding the English semantic metalanguage as a treasury of cultural concepts to be reflected in the actual terminological practice. Nevertheless, English terms belonging to the essential core linguistic space to synonymize them, are quite often conceptually misdecoded.

The goal of the article by **E.F. Kirov** (Moscow, Russian Federation) (Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia) “The Meaning of the Word in the Model of Understanding” is formulated to put forward the general model to understanding the sense of an utterance in the communicative process. Main method is a theoretical and descriptive one. As a result, the model of word meaning emerged to reveal its semiotic symbolic nature.

The published material by **N.V. Perfilieva** (RUDN University, Moscow, Russian Federation) and **I.I. Galankina** (RSAU-MTAA named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russian Federation) “Elements of Incorporation in the Russian Commercial Naming” is trying to define the limits of word-formation incorporation in Russian. Incorporation means are treated on the samples of Russian commercial namings, or ergonyms retrieved from Internet sites and present so called incorporational complexes — grocery store signs, restaurants, cafes, and other commercial locations. Research results brought the ergonym classification while ergonyms were formed according to the incorporational word-derivation in Russian.

The article of **A.F. Dremov** (MGIMO-University, Moscow, Russian Federation) “Zones and Taxis: Locative Semantics of Russian Cases in Terms of Modern Systems Linguistics” sums up the results to analyse locative semantics of Russian cases in terms of modern systemic linguistics. Case is treated as a formal grammar category of a noun which in Russian emerged as a typical phenomenon of inflexional languages and a response to functional demand of language system to provide for compression and formal expression of content cohesion (predicative and logic) in relation to the original text to describe an event in detail.

O.I. Aleksandrova (RUDN University, Moscow, Russian Federation) in the article on “Semantic Transformation of Film Titles, Translated to Russian” attempts to extract the meaningful center in film titles and accordingly, elaborate their classification. The title as a verbal component of a complex unit — a film text participates in the formation of the first impression of a potential movie-goer. Title transformations may lead to the displacement of the addressee focus and influence the whole film text perception. The

general trend of displacement in translation process takes place in the direction from abstract to concrete; from personal/ individual to eventful ones.

The article of **E.N. Baturina** (Birobidzhan, Russian Federation) “Desacralization of the word *MAN* in the Russian language and its spiritual potential” discusses the semantics of latent sacred word senses as of examples of lexical meanings of the words *man* and *men/people* in various times of their functioning, firstly, in XIX—XX centuries proceeding from the text and minimal contexts of the Holy Writ.

The section also includes the articles reflecting emerging trend in theory and practice of functional semantics studies, namely, the articles are: **E.S. Denisova** and **A.V. Proskurina** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation) “Inner Language Form as a Determinant of its Lexical Peculiarity (based on the Study Material of the Russian and the Teleut Languages Paroemia)”. Several articles of the section develop the study of functional semantics, those are: **O.L. Zimareva**, **S.A. Pesina** (Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation) “Cluster Analysis of Polysemous Word Semantic Structure in the Light of Invariant Theory”; **E.A. Dilanov** (Kursk State University, Kursk, Russian Federation) “Metaphorical Potential of Slang Language: some Results of the Pilot Experiment”; **D.A. Shliakhovoi** (Military University of the Ministry of Defense of the RF, Moscow, Russian Federation) “Modeling of a generalized speech portrait of a blogger (as exemplified in the German military blogosphere)”; **P.S. Syomina** (RUDN University, Moscow, Russian Federation) “Subject variety of the Belgian paroemias (on lexicographical material)”; **B.Sh. Kurbanov** (Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan) “Non-Derivative and Derivative Homonyms in the Russian and Uzbek Languages” and **M. Amr El-Zawawy** (University of Alexandria, Egypt) “TV Live Reporting: a Pilot Study in Contrastive Genre Analysis”. The attention of those authors is focused on polysemy, paroemia, slang and other nominational studies using same methodology and methods of functional semantics.

Studies of “**Semotics and Communication**” are opened with the article by **O.I. Maksimenko**, **P.N. Khromenkov** (Moscow Region State University, Mytishi, Russian Federation) “Polysemiotic Elements of the State Emblems”. It studies the state main symbols as polycode texts, combining verbal components (motto, or name of a country) and iconic heraldic components. The article applies linguosemiotic analysis of state emblems of the countries worldwide in the angle of their hypothetical conflictogeneity and their components as well to be perceived by various recipients.

A.L. Novikov, **I.A. Novikova** (RUDN University, Moscow, Russian Federation) in the article of “Ethnic Stereotypes in Intercultural Communication: Psychological and Semantic Aspects” demonstrate the empiric study of ethnic stereotypes within the context of intercultural communication and the heuristic potential of semantic differentiation to diagnose ethnic stereotypes as phenomena, on the one hand, reflecting various aspects of crosscultural perception and dialogue, and on the other hand, — revealing immediate influence of crosscultural interaction, which brings high efficiency to upgrade crosscultural competences in the fields of education, business, tourism, etc.

The focus of the article by **A.A. Gornostaeva** (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation) “Irony as a Cultural and Language Phenomenon” deter-

mines irony as a multidimensional phenomenon across a number of studies in philosophy, history, cultural sciences, philology, linguistics, etc. Irony is both cultural and historical and linguistic phenomenon as well. The goal of the article is to analyse the regularities of functioning irony in discourse and determine the conditions of efficient ironic communication. As a discourse category, irony is a common product of a speaker and a hearer.

A.W. Sytko (Minsk State linguistic university, Minsk, Republic of Belarus) wrote the article on “Speaker as a deontic agent in political speech (on the material of German and Russian languages)” which is devoted to the semantic and functional variability of deontic constructions, where the speaker is a deontic agent, in the nuclear genre of political discourse — political speech — in German and Russian linguistic cultures. On the basis of contextual analysis the semantic polysemy of these modal constructions is defined as determined by the socio-cultural context.

The analysis carried out in the article by **D.S. Mukhortov** and **Y.S. Malyavina** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation) “Cross-situational consistency of female politicians’ language use” is stated that women-politicians successfully carrying out feminist political course are inclined to apply typically feminine rhetoric. In this relation, a few typical peculiarities of female speech are discussed such as non-strict (categoric) utterances, hedge-markers, lexical use dealing with social and cognitive linguistic subsystems.

The articles by **S.V. Gerasimova** (Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation) “Foolishness, Darkened Icons and the Mechanism of Oblivion in the Context of the Semiotic System of Culture”; use” and **Guido Tejerina** (RUDN University, Moscow, Russian Federation) “Contemporary Trends in Spanish Language and Social Changes in the Spanish-habitat Society)” apply common principles to synthetic analysis of verbal and non-verbal semiotic phenomena in the system of culture.

Literary Text Semantics and Poetics section brings together a few more aspects of linguistic studies and starts with the following article by **V.P. Sinyachkin**, **U.M. Bakhikireeva** and **O.A. Valikova** (RUDN University, Moscow, Russian Federation) “Literary Domains’ connection in a Poly-cultural Text”. The authors analyse semiotic systems of various structures organized as databases or domains, which with time, accumulate the larger quantity of retranslated units and are interacting among themselves thus generating new volumes of cultural data. Message mechanism among the domains might be named a dialogue (in broader sense), and the varieties be understood as an intertextual dialogue, allusion and modification of precedent phenomena.

The article by **G.V. Vekshin**, **M.M. Lemsheva** (Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation) “Poet as a Role: on the Semantics and Pragmatics of Russian Poeticism” analyses semantics and pragmatics of Russian “poetisms” as deictic markers of the poetic sphere and one of the six universal socio-cultural roles — the role of a poet-composer. In connection with the distinction between the stylistics of language and speech, the poetic style of language becomes a conservation of poetisms, and a detailed description of poetic language follows. Poetisms belong to various levels of linguistic system, and typical text of mass poetry is given. The article relies on the poetic

ldatabase ov “Live Stylistic Russian Dictionary”, its potential to diagnose stylistic semantics of words and preliminary evaluation of literary text quality.

N.D. Strelnikova’s article (Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI”, St. Petersburg, Russian Federation) “The semantic space in the novel of A. Nikolaenko ‘To kill Bobrykin. The History of one Murder’” treats the novel by the Russian Booker-2017 prize winner, A. Nikolaenko ‘To kill Bobrykin. The History of one Murder’”, as a heterogeneous text. Semiotically complicated text is presented through the prism of cultural codes which help read the novel by A. Nikolaenko as if belonging to some other semiotic sphere, and following multiple references — vivid and implicit ones — to the type of symbolic novel of the Silver Age.

The work of **G.I. Shliakhova** (Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russian Federation) “Usual and Individual Authorial Functioning of Lexemes ‘Dream’ and ‘Reverie’ in Igor Severyanin’s Poetry” presents the review of using lexis describing mental sphere in the poetry of Igor Severyanin. Mental semantic field lexemes — Dream and Reverie are sense-forming lexemes in the creative work of the ego-futurist I. Severyanin. Comparison of contextual meanings with those of dictionary entries explains the changes of meanings concerning poetic characters. Mental lexemes are keys to understand the poetry and idiostyle of I. Severyanin — the founder of egofurism.

Сведения об авторе:

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания РУДН. *Сфера научных интересов:* теоретические вопросы языкознания, теория заимствований, неология, лексическая семантика, лингвoseмиотика; *e-mail:* lazareva-ov@rudn.ru

Information about the author:

Olesya V. Lazareva, PhD in Philology, Assistant Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Academic interests* include theoretical issues of linguistics; theory of loan words, neology, linguistic semantics and linguosemiotics; *e-mail:* lazareva-ov@rudn.ru

Функциональная семантика Functional Semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-740-753
УДК [811.521:811.581]373.45

Научная статья / Research article

Графически заимствованное слово из японского языка в современном китайском языке

В.Н. Денисенко¹, Чжан Кэ

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
¹denisenko-vn@rudn.ru

Данная статья посвящена изучению японских заимствованных слов в китайском языке и их классификации. Особенное внимание уделяется лексическим единицам в написании китайскими иероглифами, приходящим из японского языка, как графическим заимствованным словам в современном китайском языке из японского и японизмам, популярным в китайскоязычном Интернете.

Материалом исследования послужили заимствованные слова японского происхождения, выбранные из словарей и научных работ по данной тематике, а также словоупотребления в сообщениях на русскоязычных и китайскоязычных интернет-форумах. Японские заимствованные слова в китайском языке мы разграничиваем на два типа по способам их заимствования: фонетически и графически заимствованные слова. Графические заимствованные единицы из японского языка, включая собственно японские слова, записанные китайскими иероглифами, и слова, созданные японцами с использованием китайских иероглифов для передачи лексем других языков, а также слова древнекитайского языка, переосмысленные японцами для создания терминов, затем вернувшиеся обратно в современный китайский язык, составляют характерную группу графических заимствованных слов в китайском языке.

Ключевые слова: лексикология, система, типология, японское заимствованное слово, фонетически заимствованное слово, графически заимствованное слово, японизм

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики».

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

© Денисенко В.Н., Чжан Кэ, 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Денисенко В.Н., Чжан Кэ Графически заимствованное слово из японского языка в современном китайском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 740—753. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-740-753

UDK [811.521:811.581]’373.45

Graphically Loanword from the Japanese Language in Modern Chinese Language

Vladimir N. Denisenko, Zhang Ke

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
¹denisenko-vn@rudn.ru

This article is devoted to the study of Japanese loanwords in Chinese and their classification. Particular attention is paid to the lexical units in writing in Chinese characters, coming from the Japanese language as graphic loanwords in modern Chinese and Japanese, popular on the Chinese-language Internet.

The material of the study is loanwords of Japanese origin, selected from dictionaries and scientific works on this topic, as well as word usage in messages on Russian and Chinese Internet forums. We distinguish between two types of Japanese loanwords in Chinese according to how they are borrowed: phonetic and graphic borrowed words. Graphic borrowed from the Japanese language, including the actual Japanese words spelled in Chinese characters, and words created by the Japanese using Chinese characters to convey tokens of other languages, as well as the words of the ancient Chinese language, rethought by the Japanese to create terms, then returned back to modern Chinese language, constitute a characteristic group of graphic loanwords in Chinese.

Key words: lexicology, system, typology, Japanese loanword, phonetic loanword, graphic loanword, japanism

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00014 “Reconstruction of the content of the conceptual fields of systemic linguistics”.

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Denisenko, V.N. & Zhang, Ke (2019). Graphically Loanword from the Japanese Language in Modern Chinese Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 740—753. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-740-753

Введение

С древнейших времен до настоящего времени Китай и Япония взаимодействуют друг с другом в политике, экономике, культуре и общественной жизни. До середины и конца XIX в. древние китайские книги были широко распространены в Японии, изучение китайской культуры Японией в большей степени

проявилось во влиянии Китая на Японию. С XX в. Япония оказывает большое влияние на Китай, и заимствованные слова из японского языка играют большую роль в обогащении лексического состава китайского языка. Заимствованные слова японского происхождения представляют собой особый пласт лексики китайского языка. Они составляют 70% терминов китайского языка из области науки и техники, гуманитарных и естественных наук [1. С. 15].

В связи с географической близостью Китая и Японии и длинной историей взаимоотношений между двумя странами японцы перенимали китайские знаки письма с обозначаемыми ими значениями, иными словами, в японский язык пришли китайские лексические элементы. Позже многие слова японского происхождения, фиксируемые на письме ранее заимствованными китайским иероглифами, заимствуются китайским языком. В китайском языке в таких словах сохраняется как внешняя форма (используются те же иероглифы, которые образовали исходные слова в японском языке, только с конца XX в. в Китае упрощенная письменность заменила бывший традиционный вид, а в японском языке традиционный вариант письменности до сих пор используется), так и смысловая структура, которая была закреплена за ним в японском языке, меняется лишь фонетическая оболочка: иероглифы читаются так, как они изначально читались в китайском языке [2. С. 182].

Слова японского происхождения, представленные на письме китайским иероглифами, составляют характерную группу графически заимствованных слов в китайском языке.

Анализ материала современной китайской интернет-коммуникации подтверждает ранее сделанный Г.Н. Трофимовой вывод о том, что «интернет-тексты становятся сосредоточием игровых манипуляций с языковыми единицами» [3. С. 13].

При проведении исследования было принято во внимание положение системной лингвистики об универсальности заимствования как способа развития лексики: «Во всех языках мира используется в большей или меньшей степени такой принцип, как заимствование иностранных знаков не как абстрактных символов, а как морфем, т.е. значимых элементарных знаков. Но чтобы реально было освоить состав этих морфем, их нужно брать уже из одного источника, вместе с основными законами их сочетаемости, сложившимися на практике» [4. С. 96].

Понятие японское заимствованное слово в китайском языке

Термин *заимствованное слово* переводится на китайский язык как *借词* [jiè cí] («*借* [jiè]») — ‘заимствовать или заимствованный’, «*词* [cí]») — ‘слово(а)’; перевод слова *借词* [jiè cí] на английский — ‘loanword’). Ши Ювэй [5] в своей работе «Заимствованные слова в китайском языке» приводит подробное описание истории функционирования терминов в теории заимствования в китайской лингвистике: в 1902 г. термин *外来语* [wài lái yǔ] (дословный перевод данного термина на русский язык — ‘языковые единицы, пришедшие в один язык из других’) был впервые предложен Чжан Тайянем (‘如外来语, 破纯粹之国语而驳之, 亦非尽人理解, 有时势所逼迫, 非他语可以侷代, 则用之可也...’) для обозначения

слова в иероглифической записи, заимствованного из японского языка' [6]. Сам термин 外来语 [wài lái yǔ] тоже исходит из японского языка, в котором 舶来语 [bó lái yǔ] (дословный перевод «舶 [bó]» — 'судовой сплав'; 舶来语 — 'языковые единицы, пришедшие из других языков по морю') используется как эквивалент английского *loanword* ('заимствованное слово') [5] [Ши Ювэй 2003]. Термин 借词 [jiè cí] был впервые использован в 50-х гг. XX в., он в настоящее время получает широкое признание в китайской лингвистике [7. С. 13]. В то же время многие современные исследователи (Ван Дэчунь [8; 9]; Цэнь Линьсян [10]; Чжан Дэсинь [11]; Жун Цзе [12]; Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа [13]; Ян Сипэн [14]; Сю Ган [15]; Цзинь Цзин [16]; Ма Чжонхун и Ян Чанчжэн [17]; Чэнь Цянь [18]; Ли Хайянь [19]) используют 外来词 [wài lái cí] (калька англ. *loanword*, дословный перевод — 'слова, пришедшие в один язык из другого') в качестве эквивалента 借词 [jiè cí]» [20. С. 727]. Например, в 1984 г. вышел в свет «汉语外来词词典 ('Словарь заимствованных слов в китайском языке')» Лю Чжэнтаня, Гао Минкая, Мая Юнцзяня и Ши Ювэя [21], в котором количество заимствованных слов составляет более 10 000 лексем; в 1990 г. опубликован «汉语外来词词典 ('Словарь заимствованных слов в китайском языке')» Цэнь Линьсяна [22], где зафиксировано 4370 лексических единиц.

В китайской лингвистике термины 外来词 [wài lái cí] и 借词 [jiè cí] функционируют в теории заимствования как взаимозаменяемые понятия. В китайском энциклопедическом словаре «辞海 (Цыхай)» термин 外来词 [wài lái cí] интерпретирован так: «外来词 [wài lái cí], называемое также „借词 [jiè cí]“, представляет собой слова, произошедшие от слов другого языка» [23].

Более детальное разграничение перечисленных названий базового понятия только осложнит простой вопрос. Согласно доминирующей точке зрения китайских лингвистов допустимо рассматривать 外来词 [wài lái cí] и 借词 [jiè cí] как равные по значению слова. Поэтому мы используем термин китайского языка 外来词 [wài lái cí] в качестве эквивалента термина *заимствованное слово* в русском языке.

Классификация японских заимствованных слов в китайском языке

В китайском языке встречается довольно много слов, пришедших из японского языка. Японские заимствованные слова в китайском языке трактуются исследователем Ян Сипэном как графические переводы слов: «китайский язык в этом случае заимствует только форму слов, произношение же отличается от японского» [14. С. 32].

Н.В. Перфильева и Ху Пэйпэй понимают под японскими заимствованными словами примеры графических заимствованных слов, лингвисты рассматривают понятие графического заимствования в узком и в широком смысле [24]. В узком понимании графические заимствованные слова в китайском языке — слова, у ко-

торых форма написания (иероглифы) были полностью заимствованы из японского языка; в широком понимании — сохранение исходной графики заимствованного слова в китайском языке [24].

Слова в написании китайскими иероглифами, приходящие из японского языка, мы относим к графически заимствованным словам из японского, так как они заимствуются в графическом облике (в том же и значении), такой способ заимствования уместно назвать графическим.

Исследователи предлагали различные классификации заимствованных слов японского происхождения в китайском языке. Так, Ши Ювэй разделяет все японские заимствованные слова в китайском языке «по способам заимствования японских единиц» на два разряда: графические и фонетические [5].

В работе «Исследование заимствованных слов в современном китайском языке» Гао Минкай и Лю Чжэнянь [7] останавливаются на критерии «способов образования слов-источников», подразделяя заимствованные слова на три рода:

1. «Собственно японские», например, 场合 [chǎng hé] — ‘случай’, 节约 [jié yuē] — ‘экономить’, 道具 [dào jù] — ‘постановочный инвентарь’, 特殊 [tè shū] — ‘особый’ [7. С. 83].

2. «Слова, представляющие собой неисконно японские, а перевод терминов из западных языков», например, 经济 [jīng jì] — ‘экономика’, 文化 [wén huà] — ‘культура’, 艺术 [yì shù] — ‘искусство’, 文学 [wén xué] — ‘литература’ [7. С. 89].

3. «Слова, созданные в японском языке по китайским словообразовательным моделям», например, 辩证法 [biàn zhèng fǎ] — ‘диалектика’, 美学 [měi xué] — ‘эстетика’, 电报 [diàn bào] — ‘телеграмма’, 动员 [dòng yuán] — ‘мобилизация’ [7. С. 96].

Ян Сипэн разграничивает японские заимствованные слова по их происхождению на два типа: «образованные в японском языке лексемы» и «обратные заимствованные слова, т.е. лексемы, уже существовавшие в древнекитайском и среднекитайском языках и заимствованные и употребляемые японцами, после чего вернувшиеся в современный китайский язык с измененной семантикой» [14. С. 31—32].

Вань Хон в работе «Изучение современного китайского языка в китайской социолингвистике» разделяет японские заимствованные слова на четыре типа:

1) «собственно японские»;

2) «слова, созданные японцами с использованием китайских иероглифов для передачи лексем других языков»;

3) «слова древнекитайского и среднекитайского языков, переосмысленные японцами для создания терминов, затем вернувшиеся обратно в современный китайский язык»;

4) «фонетические заимствованные слова» [25. С. 75—78].

Мы соглашаемся с классификацией Вань Хона и с его мнением о том, что к японским заимствованным словам относятся фонетические заимствованные слова. В китайском языке фонетический способ заимствования давно распространен, поскольку он точно передает значение заимствуемой единицы, следовательно,

фонетические слова составляют немалую группу среди японских заимствованных единиц. Фонетическое заимствование заключается в том, что фонетический облик языковой единицы одного языка передается единице другого языка [[26; 27; 28. С. 87; 29. С. 58; 5; 30]. Поэтому под *фонетически заимствованным словом* понимаем результат передачи звучания и значения слова одного языка в другой язык.

Так, учитывая данные теоретические положения и проанализировав единицы японского происхождения, описанные в словарях заимствованных слов в китайском языке, мы разбили японские заимствованные слова на фонетические и графические. Графически заимствованные слова включают в себя собственно японские слова, записанные китайскими иероглифами, и слова, созданные японцами с использованием китайских иероглифов для передачи лексем других языков, а также слова древнекитайского языка, переосмысленные японцами для создания терминов, затем вернувшиеся обратно в современный китайский язык.

Собственно японские слова, записанные китайскими иероглифами

Среди исконно японских слов по своему происхождению, которые представляются на письме иероглифами, в свое время взятыми японцами из китайского языка, и образуются по китайским словообразовательным моделям, встречаются реалии японской жизни, культуры и искусства, например:

寿司 [shòu sī] (от япон. *寿司* [суши]) — ‘суши’;

物语 [wù yǔ] (от япон. *物語* [моногатали]) — ‘моногатали, истории, рассказы на различные темы’;

盆栽 [pén zāi] (от япон. *盆栽* [бонсай]) — ‘бонсай, горшечная культура’;

柔道 [róu dào] (от япон. *柔道* [дзюдо]) — ‘дзюдо, японское боевое искусство’;

巨匠 [jù jiàng] (от япон. *巨匠* [коушо]) — ‘выдающийся деятель науки или искусства’;

武士道 [wǔ shì dào] (от япон. *武士道* [бусидо]) — ‘бусидо, принципы самурайской морали, кодекс рыцарской чести’;

新干线 [xīn gàn xiàn] (от япон. *新幹線* [шингэнсэн]) — ‘сеть японских скоростных железных дорог’;

株式会社 [zhū shì huì shè] (от япон. *株式会社* [кабушикикайша]) — ‘японская акционерная компания’ [31].

Слова, созданные японцами с использованием китайских иероглифов для передачи лексем европейских языков

Лю Чжэнтань, Гао Минкай, Май Юнцзянь и Ши Ювэй относят к заимствованным лексическим единицам из японского языка, образованным по китайским словообразовательным моделям, записанным китайскими иероглифами, в частности, следующие бытовые слова:

关系 [guān xi] (от япон. *關係* [канкей] — ‘связь’) = *关* — ‘касаться’ + *系* — ‘связываться с’;

必要 [bì yào] (от япон. 必要 [хсийо] — ‘необходимость’) = 必 — ‘обязательно’ + 要 — ‘быть должным’;

反对 [fǎn duì] (от япон. 反对 [хантай] — ‘оппозиция’) = 反 — ‘двигаться в противоположном направлении’ + 对 — ‘относиться к’;

乘客 [chéng kè] (япон. 乗客 [йокуаку] — ‘пассажир’) = 乘 — ‘ехать на чем-либо’ + 客 — ‘путешественник, проезжий’ (см. эти примеры: Лю Чжэнтань и др. 1984) [32].

В китайском языке функционирует огромное количество терминологических слов, заимствованных из японского языка, состоящих из китайских лексических элементов (в иероглифической записи), которые были использованы в японском языке для калькирования соответствующих терминов из западных языков. Например:

常识 [cháng shí] (от япон. 常識 [цзошики] — ‘общее представление’, которое представляет собой структурную кальку англ. *common sense*) = 常 — ‘обычный’ + 识 — ‘знание’;

饱和 [bǎo hé] (от япон. 飽和 [хова] — ‘насыщенность’, этимологическая калька англ. *saturation*) = 饱 — ‘насыщаться’ + 和 — ‘гармонировать с окружающим’;

悲观 [bēi guān] (от япон. 悲觀 [хикэнь] — ‘пессимизм, видеть все в черном свете’, этимологическая калька англ. *pessimism*) = 悲 — ‘грустный’ + 观 — ‘взгляд’;

催眠 [cuī mián] (от япон. 催眠 [саймин] — ‘гипнотизировать’, этимологическая калька англ. *hypnotize*) = 催 — ‘стимулировать’ + 眠 — ‘засыпать’;

杂志 [zá zhì] (от япон. 雜誌 [заши] — ‘журнал’, этимологическая калька англ. *magazine*) = 杂 — ‘смешанный, разнообразный’ + 志 — ‘обзор, описание’;

广告 [guǎng gào] (от япон. 廣告 [кококу] — ‘реклама’, этимологическая калька англ. *advertisement*) = 广 — ‘широкий, общераспространенный’ + 告 — ‘ставить в известность’;

交响曲 [jiāo xiǎng qǔ] (от япон. 交響曲 [кокийоку] — ‘симфония’, этимологическая калька англ. *symphony*) = 交 — ‘вместе, совместно’ + 响 — ‘звучать’ + 曲 — ‘музыка, мелодия’;

不动产 [bù dòng chǎn] (от япон. 不動產 [фудосан] — ‘недвижимость’, этимологическая калька англ. *immovables*) = 不 — ‘не’ + 动 — ‘движимый’ + 产 — ‘имущество’ (см. эти примеры: Лю Чжэнтань и др. 1984) [32].

Слова древнекитайского языка, переосмысленные японцами для создания терминов, и затем вернувшиеся обратно в современный китайский язык

В период принятия японцами китайской иероглифической письменности вместе с лексическими элементами были заимствованы и слова китайского языка. Слова, уже существовавшие в древнекитайском языке и заимствованные японском

языком, были переосмыслены японцами для создания терминов, после чего, с измененной семантикой, были перенесены снова в современный китайский язык. Приведем пример таких «обратных» заимствованных слов в китайском языке:

слово 储蓄 [chǔ xù] в древнекитайском языке функционировало со значением ‘делать запасы на будущее, на случай голода или войны’ [32. С. 66]. Данную лексему заимствовали и использовали японцы для перевода английского слова *saving*, позже 储蓄 вернулось в современный китайский язык в качестве экономического термина в значении ‘хранить (в банке) денежные сбережения’ [32. С. 66].

По мнению Лю Чжэнтаня, Гао Минкая, Май Юнцзяня и Ши Ювэя [32], в китайском языке заимствованными из японского словами, появившимися в результате переосмысления японцами слов древнекитайского языка, являются:

侵略 [qīn lüè] в древнекитайском языке имело значение ‘занимать чужую территорию’, после заимствования данного слова японцами для обозначения англ. *aggression*, 侵略 из японского языка пришло в китайский язык в политическом значении ‘незаконное применение силы одним государством против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства’;

社会 [shè huì] ранее означало ‘собрание сельской общины, посвященное жертвоприношению духу земли в период начала весны и начала осени’, в результате графического заимствования из японского языка оно обладает более широким значением — ‘совокупность людей, объединенных способом производства материальных благ на определенной ступени исторического развития; форма объединения людей, обладающих общими целями, интересами и ценностями’;

亲子 [qīn zǐ] традиционно в китайском языке означало ‘родные дети’, после его заимствования японским языком оно употребляется в значении ‘родители и дети’. Теперь данное слово вернулось в современный китайский язык в этом же значении;

代言 [dài yán] ранее означало ‘составлять указ от имени правителя’, а теперь употребляется в значении ‘быть представителем, быть оратором’;

人气 [rén qì] ранее означало ‘дух человека’, через японский язык его значение изменилось — ‘популярность, известность’;

组织 [zǔ zhī], его традиционное значение — ‘ткать’, новое значение — ‘организация’;

景气 [jǐng qì] раньше обозначало ‘пейзаж’, через японский язык оно приобрело значение английского слова *prosperity* — ‘состояние экономики страны, характеризующееся ростом производства, повышением его эффективности, оживлением экономической деятельности в различных сферах, повышением уровня жизни’;

世纪 [shì jì] тоже поменяло свое ранее значение ‘жизнеописание правителей’ на ‘век, столетие, эра’ под влиянием японского языка (см. эти примеры: Лю Чжэнтань и др., 1984) [32].

Новые графически заимствованные слова из японского языка в китайскоязычном Интернете

В настоящее время в китайскоязычном Интернете встречаются новые графически заимствованные из японского языка слова, которые объединяются сферами японской культуры аниме (мультфильмов для подростков и взрослых), манга

(комиксов), компьютерных игр и легких интернет-романов [33. С. 345]. Японизмы содержат новые понятия в рамках принимающей культуры, быстро распространяются посредством форумов, чатов, QQ, wechat и активно употребляются в языке общения пользователей. Например:

御宅 [yù zhái] в значении ‘человек, который любит дома сидеть, не ходит на работу, мало общается с другими’ было заимствовано от японского **御宅** [отаку], которое обозначает «тех людей, которые увлекаются аниме и манга» [34]. В процессе активного использования **御宅** [yù zhái] в китайском языке это слово упростилось — из него выпал компонент **御** [yù].

宅 [zhái] как древнее китайское слово обозначает ‘дом, квартира’ [31. С. 1633], а теперь оно в качестве сокращенного графического заимствованного из японского слова участвует в образовании в китайском языке новых сложных слов: **宅男** [zhái nán] — ‘домосед’ («**男**» [nán] — ‘мужчина’); **宅女** [zhái nǚ] — ‘домоседка’ («**女**» [nǚ] — ‘женщина’) [31. С. 1633].

腹黑 [fù hēi] (**腹** [fù] имеет значение ‘живот’, **黑** [hēi] — ‘темный’) в значении ‘кто-то лицемерный’ произошло от японского **腹黑** [харагурои] (при заимствовании убрали знак японской слоговой азбуки い) [34]. В китайском языке можно назвать **腹黑** тех людей, которые стараются казаться добрым и услужливым, скрывая свои настоящие, порой недобрые, намерения [34]. Так характеризуют изначально некоторых персонажей японских мультфильмов, комиксов, компьютерных игр и романов [34].

乱入 [luàn rù] (**乱** [luàn] означает ‘беспорядок’, **入** [rù] — ‘входить’) графически заимствовалось от япон. **乱入** [ранню] в значении ‘неожиданное появление какого-то персонажа компьютерных игр, который не должен появиться, или его удивительное появление в неправильных местах’ [34]. В китайском языке **乱入** употребляется в значении ‘кто-либо внезапно появился, как шалит’.

暴走 [bào zǒu] (**暴** [bào] обозначает ‘насилие’, **走** [zǒu] — ‘идти пешком’) графически заимствовано от япон. **暴走** [босо] в значении ‘ситуация, когда персонажи японских мультфильмов потеряли управление над своими эмоциями’ [34]. Данное слово теперь используют китайцы для обозначения «состояния у человека сильного душевного волнения» [34].

逆袭 [nì xí] в китайском языке традиционно функционирует как военный термин в значении ‘наносить контрудар’ (Китайский язык Байду: <https://hanyu.baidu.com/>), теперь оно, получив семантику японского **逆袭** [яку], описывает «процесс преодоления многих препятствий в жизни человека на пути к успеху» [35. С. 950].

Японские фонетически заимствованные слова в китайском языке

Фонетическое заимствование заключается в том, что фонетический облик языковой единицы одного языка передается единице другого языка. При фонетическом лексическом заимствовании «воспроизводится звуковая форма и одновре-

менно фиксируется смысловое содержание слова-источника» [14]. При фонетическом заимствовании китайский язык передает звучание японского слова по слогам и записывает каждый слог иероглифом, например:

萝莉 [luó lì] (от яп. ㇿㇿ) — ‘симпатичная девочка’;

便当 [biàn dāng] (от яп. 弁当) — ‘японский термин для однопорционной упакованной еды’;

乌冬 [wū dōng] (от яп. うどん) — ‘один из видов лапши из пшеничной муки, характерных для японской кухни’;

欧巴桑 [ō bā sàng] (от яп. おばさん) — ‘тетя (женщина старше 40 лет)’;

榻榻米 [tà tà mǐ] (от яп. たたみ) — ‘маты, которыми в Японии застилают полы домов (традиционного типа)’;

呦西 [yō xī] (япон. よし) — ‘хорошо’;

纳尼 [nà ní] (япон. なに) — ‘Что?’;

干巴爹 [gān bā diē] (япон. がんばって) — ‘прибавлять силы, Давай!’ (см. эти примеры: [17; 30; 34]).

Заключение

Японские заимствованные слова составляют характерную группу заимствованных единиц в китайском языке, особенно место занимают графические заимствованные слова, которые состоят из исконно китайских лексических элементов, поэтому они не выглядят иноязычными по происхождению словами. Без специальных исследований трудно понять, какие современные слова появились в результате переосмысления старой лексики в самом китайском языке и какие являются обратными графически заимствованными словами из японского языка; какие образовались способом калькирования иностранных лексических единиц в китайском языке, какие представляют собой графически заимствованные слова из японского языка, которые создали японцы с использованием китайских иероглифов для калькирования лексем других языков. Что касается собственных японских слов, составленных из китайских элементов (кроме экзотических японизмов), то они тоже внешне не отличаются от лексики, которая формировалась в самом Китае.

Исследование японских заимствованных слов позволяет приблизиться к более четкому и глубокому пониманию феномена заимствования и его особенностей в современном китайском языке.

Как показал анализ материала, способы заимствования и освоения заимствованных языковых единиц, в том числе графических, определяются системным характером лексики, а также такими свойствами языковой системы, как открытость, динамичность и адаптивность. Именно эти свойства языковой системы приспособливают субстанцию языка (звуковой или графический материал) к его структуре и делают мало отличимыми от исконного материала, а сам язык в целом меняется не случайным образом, а стремится приспособиться к актуальным речевым потребностям его носителей.

Библиографический список

1. 顾江萍. 汉语中的日语借词研究. 上海: 上海辞书出版社, 2011. (*Гу Цзянпин*. Японское заимствованное слово в китайском языке. Шанхай: Издательство Шанхай Цышу, 2011).
2. 葛本仪. 现代汉语词汇学. 济南: 山东大学出版社, 2003. (*Гэ Бэньи*. Лексика современного китайского языка. Цзинань: Изд-во Шаньдонского университета, 2003).
3. *Трофимова Г.Н.* Проблемы интернет-коммуникации: межкультурный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. no 1. С. 8—14.
4. *Мельников Г.П.* Конспект лекций по курсу «Введение в языкознание» (1979—1980). Москва: Машинопись, 1980.
5. 史有为. 汉语外来词. 北京: 商务印书馆, 2003. (*Ши Ювэй*. Заимствованное слово в китайском языке. Пекин: Коммерческое издательство, 2003).
6. 章太炎. 章太炎全集(三). 上海: 上海人民出版社, 1984. (*Чжан Тайянь*. Полное собрание сочинений Чжан Тайяня. В 3 т. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1984).
7. 高明凯, 刘正垓. 现代汉语外来词研究. 北京, 文字改革出版社, 1958. (*Гао Минкай, Лю Чжэньянь*. Исследование заимствованных слов в современном китайском языке. Пекин: Издательство Реформа письменности, 1958).
8. 王德春. 词汇学研究. 济南: 山东教育出版社, 1983. (*Ван Дэчунь*. Исследование китайской лексики. Цзинань: Издательство Шандун Цзяюй, 1983).
9. 王德春. 多角度研究语言. 北京: 清华大学出版社, 2002. (*Ван Дэчунь*. Многоаспектные исследования языка. Пекин: Издательство Цзинхуа университета, 2002).
10. 岑麒祥. 外来汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1990. (*Цэнь Линьсян*. Словарь заимствований в китайском языке. Пекин: Коммерческое издательство, 1990).
11. 张德新. 第三次浪潮—外来词引进和规范刍议 // «语言文字应用». 1993年第3期. 70—76页. (*Чжан Дэсинь*. Третья волна: освоение и правила заимствования // Употребление речи и письменности. 1993. no 3. С. 70—76).
12. 荣杰. 俄汉语言世界图景下的外来词研究 // «解放军外国语学院学报». 1998年第4期. 39—44页. (*Жун Цзе*. Заимствованные слова в китайской и русской языковой картинах мира // Научный журнал военного иностранного университета. 1998. no 4. С. 39—44).
13. 刘光准, 黄苏华. 俄汉语言文化习俗探讨. 北京: 外语教学与研究出版社, 1999. (*Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа*. Исследования и обсуждения культур и традиций в русском и китайском языках. Пекин: Иностранные языки, 1999).
14. 杨锡彭. 汉语外来词研究. 上海: 上海人民出版社, 2007. (*Ян Сипэн*. Заимствованное слово в китайском языке. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2007).
15. 修刚. 外来词汇对中国语言文化的影响. 天津: 天津人民出版社, 2011. 199页. (*Сю Ган*. Влияние заимствованных слов на культуру китайского языка. Тяньзинь: Народ Тяньзинь, 2011).
16. 金晶. 最新韩国语外来词解析. 北京: 世界图书, 2014. (*Цзинь Цзин*. Исследование новейших заимствованных слов из корейского языка. Пекин: Мировые книги, 2014).
17. 马中红, 杨长征. 新媒介新青年新文化: 中国青少年网络流行文化现象研究. 北京: 清华大学出版社, 2016. (*Ма Чжонхун, Ян Чанчжэн*. Новые СМИ, Новая молодежь, Новая культура: исследование феномена популярной культуры в Интернете среди китайской молодежи. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2016).

18. 陈强. 基于社会语言学和语言文化学视角的俄语外来词研究 // «文化学刊». 2018 年第 10 期. 191—193 页. (*Чэнь Цянь*. Социолингвистические и культурологические аспекты исследования заимствованных слов из русского языка // Журнал культуры. 2018. no 10. С. 191—193).
19. 李海燕. 英源外来词的引进与演变研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2018. (*Ли Хайянь*. Исследование вхождения и изменения английских заимствованных слов в китайском языке. Пекин: Китайские общественные науки, 2018).
20. *Чжан Кэ*. Понимание термина *заимствованное слово* в русской и китайской лингвистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. no 3. С. 724—734.
21. 刘正琰, 高名凯, 麦永乾, 史有为. 汉语外来词词典. 上海: 上海辞书出版社, 1984. (*Лю Чжэнтань, Гао Минкай, Май Юнцзянь, Ши Ювэй*. Словарь заимствованных слов в китайском языке. Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 1984).
22. 岑麒祥. 外来汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1990. (*Цэнь Линьсян*. Словарь заимствований в китайском языке. Пекин: Коммерческое издательство, 1990).
23. 夏征农, 陈至立. 中国综合性辞典《辞海》. 上海: 上海辞书出版社, 2009. (*Ся Чжэннун, Чэнь Чжили*. Китайский энциклопедический словарь «Цыхай». Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 2009).
24. *Перфильева Н.В., Ху Пейней* Различные трактовки заимствования в работах китайских лингвистов. Современные исследования социальных проблем. 2012. no 8. Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/hu.pdf> (дата обращения: 21.09.2019).
25. 万红. 当代汉语的社会语言学观照. 天津: 南开大学出版社, 2007. (*Вань Хон*. Изучение современного китайского языка в китайской социолингвистике. Тяньцзинь: Издательство Нанкайского университета, 2007).
26. *Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1973.
27. *Аристова В.М.* Английские слова в русском языке: учебное пособие. Калининград: КГУ, 1985.
28. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII—XX вв. Москва: Едиториал УРСС, 2002.
29. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. Москва: Наука, 1968.
30. 董政民. 英语日语外来词词典. 上海: 上海译文出版社, 2015. (*Дон Чжэнминь*. Словарь заимствованных слов из английского и японского языков. Шанхай: Шанхай Ивэнь, 2015).
31. 现代汉语词典. 商务印书馆创立 115 周年纪念版. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2012. (Словарь современного китайского языка. Редакционный отдел словарей института лингвистики Китайской академии общественных наук. Пекин: Коммерческое издательство, 2012).
32. 高名凯, 刘正琰, 麦永乾, 史有为. 汉语外来词词典. 上海: 上海辞书出版社, 1984. (*Лю Чжэнтань, Гао Минкай, Май Юнцзянь, Ши Ювэй*. Словарь заимствованных слов в китайском языке. Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 1984).
33. 温玉晶. 日语外来语与日语语言文化特点探讨. «明日风尚». 2016. (*Вэнь Юйцзин*. Исследование японских заимствованных слов и особенности культуры языка // Завтрашние нравы. 2016. no 16).
34. 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com> (Энциклопедия Байду. Режим доступа: <https://baike.baidu.com>. Дата обращения: 20.09.2019).

35. 现代汉语词典. 第七版. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2016. (Словарь современного китайского языка. Редакционный отдел словарей института лингвистики Китайской академии общественных наук. Пекин: Бизнес издательство. 2016).

References

1. 顾江萍 (2011). 汉语中的日语借词研究. 上海: 上海辞书出版社.
2. 葛本仪 (2003). 现代汉语词汇学. 济南: 山东大学出版社.
3. Trofimova, G.N. (2012). Problems of Internet Communication: Intercultural Aspect, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3(1), 8—14. (In Russ).
4. Melnikov, G.P. (1980). Lecture Notes on the Course “Introduction to Linguistics” (1979—1980). Moscow: Mashinopis. (In Russ).
5. 史有为 (2003). 汉语外来词. 北京: 商务印书馆.
6. 章太炎 (1984). 章太炎全集(三). 上海: 上海人民出版社.
7. 高明凯, 刘正埏 (1958). 现代汉语外来词研究. 北京, 文字改革出版社.
8. 王德春 (1983). 词汇学研究. 济南: 山东教育出版社.
9. 王德春 (2002). 多角度研究语言. 北京: 清华大学出版社.
10. 岑麒祥 (1990). 外来汉语词典. 北京: 商务印书馆.
11. 张德新 (1993). 第三次浪潮—外来词引进和规范刍议 // 《语言文字应用》. 年第 3 期. 70—76 页.
12. 荣杰 (1998). 俄汉语言世界图景下的外来词研究 // 《解放军外国语学院学报》. 年第 4 期. 39—44 页.
13. 刘光准, 黄苏华 (1999). 俄汉语言文化习俗探讨. 北京: 外语教学与研究出版社.
14. 杨锡彭 (2007). 汉语外来词研究. 上海: 上海人民出版社.
15. 修刚 (2011). 外来词汇对中国语言文化的影响. 天津: 天津人民出版社.
16. 金晶 (2014). 最新韩国语外来词解析. 北京: 世界图书.
17. 马中红, 杨长征 (2016). 新媒介新青年新文化: 中国青少年网络流行文化现象研究. 北京: 清华大学出版社.
18. 陈强 (2018). 基于社会语言学和语言文化学视角的俄语外来词研究 // 《文化学刊》. 年第 10 期. 191—193 页.
19. 李海燕. (2018). 英源外来词的引进与演变研究. 北京: 中国社会科学出版社.
20. Zhang, Ke (2017). Definition of terminology Loanword in Russian and Chinese, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 724—734. (In Russ).
21. 刘正埏, 高名凯, 麦永乾, 史有为 (1984). 汉语外来词词典. 上海: 上海辞书出版社.
22. 岑麒祥. (1990). 外来汉语词典. 北京: 商务印书馆.
23. 夏征农, 陈至立 (2009). 中国综合性辞典《辞海》. 上海: 上海辞书出版社.
24. Perfilieva, N.V. & Hu, Peipei. (2012). Different Interpretations of the Loanword in Chinese Linguistic Works, *Modern Research of Social Problems*, 8. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/hu.pdf> (accessed: 21.09.2019).

25. 万红 (2007). 当代汉语的社会语言学观照. 天津: 南开大学出版社.
26. Berkov, V.P. (1973). Questions of bilingual lexicography. St. Petersburg: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ).
27. Aristova, V.M. (1985). English words in the Russian language: textbook. (In Russ).
28. Panov, M.V. (2003). History of Russian Literary Pronunciation of the XV—XX centuries. Moscow: Editorial URSS. (In Russ).
29. Krysin, L.P. (1968). Foreign Words in Modern Russian. Moscow: Nauka. (In Russ).
30. 董政民 (2015). 英语日语外来词词典. 上海: 上海译文出版社.
31. 现代汉语词典 (2012). 商务印书馆创立 115 周年纪念版. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆.
32. 高名凯, 刘正埙, 麦永乾, 史有为 (1984). 汉语外来词词典. 上海: 上海辞书出版社.
33. 温玉晶 (2016). 日语外来语与日语语言文化特点探讨. «明日风尚».
34. 百度百科 URL: <https://baike.baidu.com> (accessed: 21.09.2019).
35. 现代汉语词典 (2016). 第七版. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆.

Сведения об авторах:

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов*: семантические и когнитивные исследования языка; теория семантического поля; контрастивный и сравнительный языковой анализ; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Чжан Кэ (Китай), аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистическая семантика; *e-mail*: ke6831@yandex.ru

Information about the authors:

Vladimir N. Denisenko, DSc. in Philology, Full Professor, Head of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. The sphere of research includes semantic and cognitive language studies, theory of semantic fields, contrastive and comparative linguistic analyses; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Zhang Ke, Post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *Interests*: linguistic semantics; *e-mail*: ke6831@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-754-760
UDK 811.111'373

Научная статья / Research article

Synonymic Traps in Selected English Lexical Semantics Terms

K. Bednářová-Gibová

Institute of British and American Studies, University of Prešov
1, ul. 17 Novembra, Prešov, Slovak Republic, 080 01
klaudia.gibova@unipo.sk

The paper zooms in on terminological and conceptual scrutiny of selected eight English lexical semantics terms with the aim of pointing out their terminological synonymy, which is often misrecognized by English linguistics undergraduates. Does a 'loose synonym' denote in lexical semantics the same thing as a 'partial synonym' or 'cognitive synonym'? Is the cognitive content of the term 'false friend' identical with that of a 'pseudosynonym' or 'paronym'? What aspects of the semantic continuum are shared and non-shared by the selected terms? These questions are at the core of this contribution which can serve didactic purposes of English linguistics teaching. The desk research findings are part of semantic and lexicographic studies and aspire to forewarn English linguistics undergraduates of conceptual misinterpretations in common lexical semantics terms. The paper operates from the perspective of cultural linguistics across the Anglophone semantic continuum. It is based on a tailored Sharifian's premise [2015] that the metalanguage of English lexical semantics is a repository of cultural conceptualizations that leave traces in its current terminological practice. The study suggests that some English lexical semantics terms offer a considerable space for their synonymic treatment, however, to the detriment of their correct conceptual decoding. The credit of the paper lies in raising undergraduates' awareness of metalinguistic terminology but also in increasing their conceptual fluency in the selected terms.

Key words: lexical semantics, terms, synonymy, conceptual fluency, cultural linguistics, linguistics undergraduates

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Bednářová-Gibová, K. (2019). Synonymic traps in selected English lexical semantics terms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 754—760. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-754-760

© Bednářová-Gibová K., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.111'373

Синонимы-ловушки отдельных терминов лексической семантики английского языка

К. Беднарова-Гибова

Институт британских и американских исследований, Университет Прешова
I, ул. 17 ноября, Прешов, Словацкая Республика, 080 01
klaudia.gibova@unipo.sk

В статье рассматривается терминологическое и концептуальное изучение отдельных восьми терминов английской лексической семантики с целью выявления их терминологической синонимии, которая часто неправильно распознается студентами-лингвистами, изучающими английский язык. Означает ли «свободный синоним» в лексической семантике то же самое, что и «частичный синоним» или «когнитивный синоним»? Является ли когнитивное содержание термина «ложный друг» идентичным содержанию термина «псевдосиноним» или «пароним»? Какие аспекты семантического континуума обозначаются выбранными терминами? Эти вопросы лежат в основе этого исследования, который может служить дидактическим целям преподавания английской лингвистики. Результаты данной работы являются частью семантических и лексикографических исследований и направлены на то, чтобы предвосхитить концептуально неверные интерпретации терминов общей лексической семантики. В статье используется лингвокультурный подход к англоязычному семантическому континууму. Он основан на идее Ф. Шарифиана о том, что метаязык английской лексической семантики является хранилищем культурных концептуализаций, которые оставляют следы в актуальной терминологической практике. Исследование предполагает, что некоторые английские термины лексической семантики предлагают значительное пространство для их синонимического объединения, однако в ущерб их правильному концептуальному декодированию. Целью данной работы является разделение данных терминов, уточнение данных вопросов металингвистической терминологии, а также повышение концептуальной беглости в использовании данных терминов.

Ключевые слова: лексическая семантика, термины, синонимия, концептуальная беглость, лингвокультура, студенты-лингвисты

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Беднарова-Гибова К. Синонимы-ловушки отдельных терминов лексической семантики английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 754—760. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-754-760

1. Introduction

Lexical semantics represents a fairly established branch of linguistics which is concerned with the study of lexis, its properties, use and meaning of words, and relations among lexical units of a language. Although there is a considerable variability of extant approaches in defining the scope of lexical semantics both in the Anglophone as well as continental linguistic zone [2], the terminological and conceptual mastery of its core terms is part and parcel of the metalanguage of linguistics. Under terminological mastery

I understand being familiar with multiple terminological designations for the same linguistic concept whereas conceptual mastery involves a semantic decoding, interpretation and (hermeneutic) understanding of a term.

A true command of linguistics metalanguage within a selected sub-discipline, i.e. in our case lexical semantics, greatly contributes to the ease of the processing meaning of a term that is known as conceptual fluency [3]. The motivation for writing this paper stems from an authentic author's experience when teaching lexical semantics to second year English major students enrolled at the University of Prešov in Slovakia when a post-course research experiment revealed that almost 70% of the focus group had difficulty identifying synonymic terminological designations for the identical lexical semantics concepts. This result testifies to the importance of raising awareness of the metalinguistic terminology, especially its synonymic variation in lexical semantics, on the part of university undergraduates.

This paper aims to point out terminological synonymy present in selected eight lexical semantic terms, which is, based on the conducted post-course research experiment, widely misrecognized by English linguistics undergraduates. The erroneous linguistic behaviour in terms of misidentifying synonymic 'traps' in the selected lexical semantics terms has been a driving force behind the proposed analytical probe. Borrowing from cultural linguistics and shedding light on the Anglophone semantic continuum, the paper is grounded in an adjusted Sharifian's premise [1] that the metalanguage of English lexical semantics represents a repository of cultural conceptualizations that leave traces in its current terminological practice. The paper is based on a hypothesis that lexical semantics terms exhibit a relatively high degree of synonymy, which complicates its linguistics metalanguage. In terms of methodology, the paper offers a terminological and conceptual analysis of the selected terms within the frame of lexical semantics; induction is employed in order to infer general conclusions from the individual cases. The assembled 'term-bank' and its analysis remains on an intralingual level only, i.e. within the Anglophone linguistic entrenchment. That said, this paper refrains from an intersemiotic treatment of the selected terms, which could be achieved by comparing their terminological and semantic scopes in two linguocultures, e.g. Anglophone and Slavic. Only multiple terminological designations consisting of three 'variations' minimum have been included, thus excluding synonymic variation restricted to 'double forms' like e.g. 'semantic field/lexical field' or 'antonym in narrow sense/antonym proper'.

2. Theoretical points of departure behind the conceptualization of lexical semantics terms

In contrast to ordinary lexical units as occurring in the vocabulary of general language, terms are used in specialized language. According to Cabré [4. P. 80], terms are "distinctive and meaningful signs which occur in special language discourse." She also views them as conventional symbols which stand for concepts defined within a particular field of knowledge [4. P. 81], i.e. in our case lexical semantics. Since terms result from a specialized area, their semantics can be considered deeper. If we accept Dolník's construal [5] that terms capture nodal points of scientific thinking then they make it possible for us to grasp the linguistics metalanguage cognitively.

When outlining the relationship between a term and concept, as a rule, terms stand for concepts, or to put it more precisely, terms convey concepts. Kecskes and Papp [6. P. 42] contend that “the full acquisition and proper use of a concept requires the learner to know not only its [...] associative declarative knowledge but also the multimodal mental representation and culturally based behavioural scripts and schemas”. Langacker [7. P. 28], building upon tenets of cognitive and cultural linguistics, proposes that “meaning is identified as conceptualization [and] cognition at all levels is both embodied and culturally embedded”. This means that conceptual structures supposedly have a cultural basis, which brings us closer to the culturally constructed essence of conceptualization. Drawing on Dolník’s understanding of conceptualization [8] and its subsequent reframing to lexical semantics, conceptualization refers to the competence of assigning meanings to the parts of the linguistics metalanguage, which is enabled by an individual’s ability to recognize a pertinent interpretation of a particular term. Such linguistic behaviour on the part of the interpreter should result, however, in an adequate term’s mental picture.

Lexical semantics terms in the Anglophone linguistic zone acquire meaning which is subject to cultural image-schemas that I understand in compliance with cognitive psychology as culturally constructed schemas that represent “building blocks of cognition used for storing, organizing, and interpreting [semantic] information” [1. P. 475]. An illustration of this cognitive approach would be reflected e.g. in the conceptual preference of the term ‘lexical semantics’ in Anglophone linguistics over the roughly synonymous ‘lexicology’ in the continental linguistic zone to denote a discipline which is concerned with a study of lexis and its meaning.

Although synonymy represents one of the basic sense relations among lexemes implying sameness of the denotative (i.e. conceptual/cognitive) meaning, its occurrence in linguistics metalanguage, and with lexical semantics in particular, can significantly impair conceptual fluency in English linguistics undergraduates. Therefore, I dare claim that the terminology of lexical semantics brims with a great many synonymic traps that the focus group under discussion should be made heedful of, at least by virtue of this paper. Below follows a brief terminological and conceptual analysis of the selected terms with a view to substantiating the paper’s aim.

3. Selected English Lexical Semantics Terms in Close-up

The first term which merits attention is ‘absolute synonym’; a type of a synonym that has the same meaning as another word agreeing in its denotative and connotative meaning and contextual distribution [2]. In the Anglophone culture-based linguistic schema also ‘strict synonym’ and ‘total synonym’ share the same aspects of the given semantic continuum although they are “extremely rare or even impossible” [10. P. 104]. However, a potentially synonymic trap must be excluded when considering ‘stylistic’ or ‘ideographic’ synonyms, which show the same denotation but a different connotation or a different degree of intensity or shade of meaning, respectively.

The second term is ‘connotation’ which is within the Anglophone cultural image-schema in a broader context easily interchangeable with that of ‘connotative meaning’, i.e. “supplementary subjective meaning of a word based on one’s associations which

include attitudinal or emotional factors” [9. P. 31]. The schema of speaker’s individual mental understanding of an expression links it also with ‘associative meaning’.

Similarly to the previous term, ‘denotation’ is synonymically related to ‘denotational meaning/denotative meaning’ in the sense of the primary dictionary meaning of a word conveying its basic conceptual properties. However, there is one more feature of the semantic continuum of the given term which is additional in the Anglophone cultural conceptualization, i.e. the act of denoting, the relationship between a linguistic form (*signifiant*) and the extra-linguistic thing (*referent*) it refers to, as present in a classic semiotic triangle. What baffles English linguistics undergraduates even more are synonymic traps like ‘cognitive’ or ‘conceptual’ meaning. In sum, the presence of five-fold synonymic variation in regard to the analysed term evidences a rich terminological variation in lexical semantics.

The fourth term is ‘paronym’ as a subtype of homonym where one word has a similar but not identical sound or spelling, but is in fact semantically completely different and only mistakenly interchangeable, e.g. *collision* — *collusion*, *lose* — *loose*. Other alternative terms such as ‘false synonym’ or ‘pseudosynonym’ further complicate the semantics meta-language. What is more, interlingual paronymy occurring between different languages gives rise to ‘false friend’ or ‘faux ami’ in compliance with a French linguo-cultural tradition. In this case, however, paronymy results not only from a fallacious semantic interlingual interpretation, but also from mistranslation. Owing to their intralingual dimension, ‘paronym/false synonym/pseudosynonym’ should not be muddled up with ‘false friend/faux ami’ which originate interlingually.

The fifth term that deserves a mention is ‘loose synonym’ whose encoded lexical meaning refers to “a word which has the same (cognitive) meaning as another word but is interchangeable only in some contexts and differs in its level of formality and connotations” [9. P. 72]. With regard to the collective salience of the given term in the sense of prominent meaning within the frame of lexical semantics, also ‘partial synonym’ or ‘cognitive synonym’ run rampant in the Anglophone conceptualizations under the influence of a cultural image-schema.

The penultimate term is that of ‘semantic component’ as the basic conceptual component of meaning that can be identified in componential analysis. The desk research into secondary sources has revealed that in Anglophone linguoculture also ‘semantic feature’ and ‘seme’ can be “personalized/privatized/subjected” [11. P. 192] in the minds of linguistics users, all sharing the same segments of the semantic continuum. The existence of manifold terminological designations, as evidenced further by the said term, has a negative bearing on conceptual fluency in linguistics undergraduates, because they tend to be familiar with one term only.

The last term featured in this analysis is the abstract ‘concept’. What complicates its correct decoding is the fact that in accordance with the culturally constructed nature of Anglophone conceptualization the term is endowed with two semantic readings. First, it is “an abstract idea, thought or mental construct which represents the basic characteristics of some objects in one’s mind” and second, it refers to the “content aspect of the linguistic sign” [2. P. 99]. Some English clarifications of the term, however,

do not encompass this semiotic angle. Other synonymic terms include the more philosophical ‘idea’ or ‘thought’ or the more professional ‘reference’ (not referent) and the Saussurian term ‘*signifié*’. A weak degree of collective salience of the given term in the testees serves to confirm yet again that the hypothesis in this paper has been confirmed.

4. Conclusion and implications

To sum up, the paper has shown that cultural content of lexical semantics terms runs much deeper than one might think at first sight. It dispels a conventional stance that cultural content in the lexicon is unimportant for linguistics and terminology, in particular [see 12]. Both linguists as well as undergraduates should be made more perceptive to the legacy of terms as carriers of cultural meaning. Overall, lexical semantics terms exhibit a relatively high degree of synonymic variation, which can cause proverbial traps for linguistics undergraduates. These may lead to an inadequate mental picture of a given term because of the existence of other designations that the linguistics user may fail to decode semantically. Based on this paper, it is advisable that linguistics undergraduates consult special linguistics dictionaries and multiple terminological designations are made a natural part of their educational journey across linguistics terminology. In future research it would be relevant to explore if a comparable synonymic variation among terms exists in the second linguoculture and in a positive case scenario, to compare its semantic scope.

References

1. Sharifian, F. (2015). *The Routledge Handbook of Language and Culture*. London and New York: Routledge.
2. Bednárová-Gibová, K. (2018). *Selected Chapters in English Lexicology*. Part I: Lexical Semantics and Lexicography. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity.
3. Lee, M.P., Yoon, C. & Mitchell, A.A. (2004). Perceptual and Conceptual Fluency as Antecedents of the Mere Exposure Effect In: *Research paper series*. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9439/fd384d49f2dcc87544a14e80f8641c366670.pdf> (accessed: 02.01.2019).
4. Cabré, M.T. (1999). *Terminology: Theory, methods and applications*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
5. Dolník, J. (2007). *Lexicology*. Bratislava: SPN. (In Slovak).
6. Kecskes, I. & Papp, T. (2000). *Foreign Language and a Mother Tongue*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
7. Langacker, R.W. (2014). Culture and cognition, lexicon and grammar In: M. Yamaguchi, D. Tay, B. Blount (eds.) *Towards an Integration of Language, Culture and Cognition: Language in Cognitive, Historical, and Sociocultural Contexts*. London: Palgrave Macmillan. pp. 27—49.
8. Dolník, J. (2009). *General linguistics. Description and explanation of the language*. Bratislava: Veda. (In Slovak).
9. Bilá, M., Kačmárová, A., Vaňková, I., Gumanová, G., Bednárová-Gibová, K. & Eddy, E. (2018). *A Handbook of English and Slovak Linguistic Terminology*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. URL: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Bila6> (accessed: 03.12.2018).
10. Fuster-Márquez, M. (2012). *An Introduction to English Lexicology: the Study of Form and Meaning*. València: Universitat de València.
11. Kecskes, I. (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
12. Goddard, C. (2015). Words as Carriers of Cultural Meaning In: J.R. Taylor. *The Oxford Handbook of the Word*. Oxford: Oxford University Press. pp. 380—398.

Библиографический список

1. *Sharifian F.* The Routledge Handbook of Language and Culture. London and New York: Routledge, 2015.
2. *Bednárová-Gibová K.* Selected Chapters in English Lexicology. Part I: Lexical Semantics and Lexicography. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2018.
3. *Lee M.P., Yoon C., Mitchell A.A.* Perceptual and Conceptual Fluency as Antecedents of the Mere Exposure Effect. In: Research paper series, 2004. Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/9439/fd384d49f2dcc87544a14e80f8641c366670.pdf> (дата обращения: 02.01.2019).
4. *Cabré M.T.* Terminology: Theory, methods and applications. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1999.
5. *Dolník J.* Lexikológia. Bratislava: SPN, 2007.
6. *Kecskes I., Papp T.* Foreign Language and a Mother Tongue. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2000.
7. *Langacker R.W.* Culture and cognition, lexicon and grammar // М. Yamaguchi, D. Tay, B. Blount (eds.) Towards an Integration of Language, Culture and Cognition: Language in Cognitive, Historical, and Sociocultural Contexts. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 27—49.
8. *Dolník J.* Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka. Bratislava: Veda, 2009.
9. *Bilá M., Kačmárová A., Vaňková I., Gumanová G., Bednárová-Gibová K., Eddy E.* A Handbook of English and Slovak Linguistic Terminology. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2018. Режим доступа: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Bila6> (дата обращения: 03.12.2018).
10. *Fuster-Márquez M.* An Introduction to English Lexicology: the Study of Form and Meaning. València: Universitat de València, 2012.
11. *Keckes I.* Intercultural Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2014.
12. *Goddard C.* Words as Carriers of Cultural Meaning // J.R. Taylor. The Oxford Handbook of the Word. Oxford: Oxford University Press, 2015. 380—398.

Сведения об авторе:

Беднарова-Гибова К., доктор филологических наук, доцент Института британских и американских исследований, факультет гуманитарных наук Прешовского университета (Словакия). *Сфера научных интересов:* английская лексикология, история английского языка, лингвистический анализ текста, анализ и перевод текстов юридического дискурса, теория и практика переводоведения; *e-mail:* klaudia.gibova@unipo.sk

Information about the author:

Klaudia Bednárová-Gibová, PhD, Associate Professor of Translation Studies, Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov, Slovakia. *Research interests:* English lexicology, history of the English language, linguistic text analysis, analysis and translation of legal texts, translation theory and practice; *e-mail:* klaudia.gibova@unipo.sk

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774
УДК 81'37
ББК 800.81.23

Научная статья / Research article

Значение слова в модели понимания

Е.Ф. Киров

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина 6, г. Москва, Российская Федерация, 117485
efkirov@pushkin.institute

Актуальность статьи заключается в рассмотрении модели значения слова в рамках общей модели понимания смысла высказывания. Цель исследования состоит в создании и описании модели понимания в процессе коммуникации. Материалом послужило структурное описание русского языка, метод исследования в статье — теоретико-описательный. Результатом исследования стало создание модели значения слова. Выводы: слово традиционно (со времен стоиков) иллюстрируется треугольником. Последние достижения в понимании сущности значения слова приводят к семантической трапеции как модели значения слова.

Ключевые слова: слово, значение, семантический треугольник, семантическая трапеция, фонема, звук, понимание

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Киров Е.Ф. Значение слова в модели понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 761—774. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774

UDK 81'37

The Meaning of the Word in the Model of Understanding

Evgeny F. Kirov

Pushkin State Russian Language Institute
Akadem. Volgin str. 6, Moscow, Russian Federation, 117485
efkirov@pushkin.institute

A model of the meaning of a word is considered, which is traditionally (since the times of the Stoics) illustrated by a triangle. Recent advances in the understanding of the essence of the meaning of a word lead to a semantic trapezium as a model of the meaning of a word and/or morpheme.

Key words: word, meaning, semantic triangle, semantic trapezium, phoneme, sound, understanding

© Киров Е.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Kirov, E.F. (2019). The meaning of the word in the model of understanding. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 761—774. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774

Введение

В настоящее время не существует согласованного описания модели понимания и модели значения слова. В то же самое время имеется значительное количество описаний такой центральной единицы языка, как слово.

Существует необходимость обобщить и развить имеющиеся сведения в теории языка по данному вопросу. Актуальность такого исследования несомненна, т.к. представление о языке в науке до сих пор ограничивается метафорическим «черным ящиком». В литературе по данной теме существует немало ценных сведений, начало которым положено еще «Восьмикнижием» Панини.

Однако развитие идей в истории науки о языке проходило достаточно медленно. Очень перспективным представлением о слове языка можно считать диалог Платона «Кратилл».

Но о сущности слова как основной единицы языка в лингвистике достаточно мало теоретических сведений, имеющих общенаучный характер. Лишь в XX веке в трудах Л.О. Резникова и Б.Н. Головина, Г.П. Мельникова и Л.А. Новикова появилось системное представление о сущности значения слова. Основной проблемой исследования является создание адекватной современным научным представлениям модели значения слова, сопряженной с моделью понимания языковых единиц в процессе коммуникации на естественном языке.

1. Значимость слова и теория относительности в языке

Соссюровское сравнение языка с шахматами можно развить, условно введя представление о таких шахматах, в которых фигуры по ходу партии могут менять свой функционал и не только убывать, но и прибывать (могут возникать новые). Примем, что язык — это динамичная система элементов, которые в процессе использования в речевой деятельности по производству речевых актов могут релевантно видоизменяться: как устраняться, так и добавляться, но кроме всего прочего, элементы могут использоваться в добавочной функции, что приводит к многозначности слов и грамматических конструкций. Появление в словаре нового слова неминуемо ведет к изменению системы ценностей лексем, о которой хорошо известно после выхода в свет «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Принято считать, что теория относительности вошла в языкознание вместе с трудами американских этнографов-лингвистов Э. Сэпира, Б. Ли Уорфа и немецкого гумбольдтианца-лингвиста Й. Лео Вайсгербера. Однако теория значимостей

Ф. де Соссюра была первым и самым настоящим фрагментом теории относительности в языкознании. В целом начало 20 века ознаменовалось расширением теории относительности на гуманитарные науки — было совершено открытие логики включенного третьего казанским профессором Л. Васильевым, положившим конец тысячелетиям господства формальной логики Аристотеля (прости, Аристотель!). При этом следует сказать, что начало теории относительности, конечно же, заложено было еще в XIX веке великим математиком (как ни странно, тоже профессором и ректором Казанского университета) Н.И. Лобачевским. Подчеркнем со всей откровенностью, что А. Эйнштейн был не первым ученым, кто открыл такой способ научного мышления и описания явлений окружающего мира.

Однако в языкознании этот способ мышления пробивал себе дорогу с трудом, и потребовалось достаточно немало времени, чтобы после концепции значимости слова был сделан еще один шаг в направлении понимания релятивного соотношения языковых единиц, но сделано это было достаточно громко и заслужило названия революции — речь идет о хомскианской революции, положившей начало эксплицитному пониманию релятивного соотношения поверхностного и глубинного предложения, т.е. пропозиции высказывания. Синтаксис в релятивном виде приобрел вид завершенной и полноценной научной системы, уже подготовившей в общих чертах разгадку феномена понимания смысла высказывания. Дальнейшее развитие синтаксиса текста (грамматики текста и дискурса) еще более приблизило решение этой проблемы, которое уже не за горами.

В целом в лингвистике (смею надеяться) созрело понимание, что описание языка следует начинать «сверху», т.е. строить модель языка от уровня текста/дискурса к уровню предложения/высказывания, далее к уровню слова/семеме и уровню звука/фонемы.

Если начинать описание языковой систематики с текста и дискурса, то необходимо дать релевантные дефиниции тому и другому феномену. Наиболее распространенным является определение дискурса Н.Д. Арутюновой, данное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: дискурс — это речь, «погруженная в жизнь», хотя в этой же статье дается и определение дискурса как текста: «текст в событийном аспекте».

Мы в одной из своих работ [1] предложили связать дискурс с понятием «речевой акт». В результате можно получить очень простое и понятное определение дискурса как цепочки речевых актов, ориентированных на одну микротему, которая по мере нарастания складывается в тему текста/дискурса.

2. Текст как знак дискурса

Не подлежит сомнению, что текст и дискурс тесно связаны друг с другом в семиотическом плане (см., например, работы: П. Серио, 1999; Ю. Земской, 2010 и др.). Текст может пониматься как знак дискурса только в семиотической ситуации, когда появляется адресант и адресаты, на которых и направлено текстовое сообщение, при этом в момент восприятия и понимания адресатами оно превращается в дискурс, поскольку обрастает социогенными обстоятельствами и прагматическим воздействием на адресатов. Таким образом, текст функционирует как

знак дискурса в коммуникативно-знаковой ситуации. Если заранее подготовить некий связный речевой континуум, характеризующийся завершенностью, логичностью, когезией и когерентностью, то возникнет текст, который еще не стал дискурсом, так как не вышел за рамки сознания его создателя, не стал элементом коммуникативной интеракции, потому что не приобрел пока адресата, ради которого и был задуман. Если адресат попадет в семиотическую ситуацию восприятия данного текста, т.е. прочтет или прослушает этот текст (про себя или вслух), то этот текст в момент восприятия превратится в дискурс, поскольку процесс восприятия и понимания информации будет протекать в реальном времени и при участии адресата, в том числе и автоадресата, если коммуникативная интеракция ведется с самим собой, поскольку воспринятый текст может изменить самого говорящего и одновременно слушающего, т.е. вызвать прагматический (перлокутивный) эффект.

Текст как знак дискурса может приобрести письменную форму, т.е. долговременную форму существования и хранения. Это означает, что он в любой момент может вновь превратиться в дискурс, если возникнет адресат, который через много веков возьмет книгу в руки и прочтет древний текст, что породит эффект понимания (возможно, частичного) той информации, которая содержится в тексте. Следовательно, любой текст, включая и древний, — это потенциальный дискурс. Текст может на долгое время «затаиться» и существовать в записанной форме, но как только некто обнаружит его и начнет читать, в результате в какой-то мере изменив свою картину мира под его воздействием, текст сразу превратится в дискурс на момент его чтения или слухового восприятия. Так происходит до бесконечности коммуникативных интеракций адресата и адресанта с участием данного текста.

Спецификой обладает устный текст (например, фольклорный или современный звучащий) в виде монолога или диалога, который воспринимается в процессе звуковой коммуникативной интеракции, — это «дискурс он-лайн». Если его не записать, он перестанет существовать как реальность после своего произнесения и переместится в виде фрагментов в память (иногда он запоминается слово в слово, т.е. целиком, например, в эпосе или фольклоре). На протяжении многих тысячелетий человечество имело дело преимущественно с таким видом текста, однако возникновение письменности и книгопечатания, но особенно цифровой системы хранения и передачи информации и Интернета существенно изменило дискурсивное общение и породило тотальность коммуникативных интеракций в последнее время [1].

Также и текст имеет множество определений, мы ограничимся метафорическим определением: текст — это спящий дискурс, если текст включить в реальную жизнь, в систему социальных и коммуникативных отношений, он превратится в дискурс.

3. Понимание в коммуникации

Центральной проблемой, конечной инстанцией всего комплекса наук, в который входит и лингвистика, является проблема понимания как составляющих единиц текста/дискурса, так и его самого в целом. В этом направлении сделано немало,

вкратце рассмотрим наиболее известную концепцию Ван Дейка. В неявной форме в модели понимания Ван Дейка содержится идея герменевтического круга. Суть этого феномена сводится к тому, что понять мы можем только то, что уже знаем в какой-то степени (понимание части исходит из предзаданного понимания целого). Й. Гадамер в работе «Истина и метод» говорил в этой связи: «Понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям».

Пожалуй, общепринятым является положение о том, что составляющей любой модели понимания должна быть антиципация как предвосхищение, предугадывание, представление о результате того или иного процесса, возникающее до его реального достижения и служащее средством обратной связи при построении действия («опережающее отражение», по П.К. Анохину).

Такое положение должно получить лингвистическое обоснование, по нашему мнению, оно не может не опираться на теорию валентности, в соответствии с которой синтагматические цепи языковых единиц имеют ограничения на сочетаемость. Другими словами, как в языковых единицах, так и в самом тексте не все может сочетаться со всем: не каждый согласный звук может сочетаться с гласным звуком /e/ в русском языке, не каждое существительное может сочетаться с глаголом «спать», не каждое высказывание может сочетаться с высказыванием «*Мне грустно*» и т.д.

Н. Хомский добавил к известному лингвистическому афоризму («Глокой куздре») Л.В. Щербы не менее знаменитую фразу (1) «*Бесцветные зеленые... идеи яростно спят*» — как пример запрещенной валентности входящих в эту фразу слов.

Нам понадобится и еще одна теория, которая необходима для формирования первичной и приблизительной модели понимания, и такая теория была разработана немецкими лингвистами Йостом Триром, Вальтером Порцигом и Йоганном Лео Вайсгербером — речь идет об известной и ставшей классической теории семантического поля, которое образуют сходные по основной и общей семеме (гиперсемеме) слова языка (а также, как выяснилось позже, и грамматические значения в теории функциональной грамматики). Соединение теории валентности и теории семантического поля дает очень позитивное единство для построения теории понимания, включающей в себя элемент антиципации.

Для того, чтобы построить теорию «лингвистической антиципации» в рамках психолингвистической теории понимания слов, высказываний и текстов, нужно распространить валентность в обе стороны, в том числе и вспять, т.е. придать ей в дополнение к правому вектору также и левый, направив валентность слов, например, и их значений в сторону предвосхищения, тем самым включив в создаваемую модель понимания идею герменевтического круга. В результате возникнет модель двунаправленного валентностного синтагмирования слова, ориентированного на предвосхищенное извлечение вероятного последующего слова из принципиально возможного семантического поля слов, которые могут сочетаться с заданным словом. И речь в данном случае должна идти не о собственно слове из словаря, а о семеме из семантического поля релятивно и ценностно соотнесенных семем, т.е. единице тезауруса. Именно такие единицы формируют глубинное предложение, или пропозицию высказывания.

Глубинное предложение, или пропозиция, формирующая смысл высказывания, строится на основе семантического синтаксиса Филлмора—Теньера и включает в свой состав актанты и сирконстанты, но собственно сам сценарий, определяющий смысл высказывания, задается предикатом подобно сценарию той пьесы, которую, по словам А. Сеше, мы усматриваем в пропозиции предложения/высказывания, разыгрываемой актантами в обстоятельственных сирконстантах.

Анализ. Для примера возьмем слово «спит». Понятно, что любой человек, владеющий языком и правильно организованной картиной мира, на уровне предпонимания уже заранее знает (предугадывает), что речь скорее всего в дальнейшем пойдет о живом существе. Поэтому при стимуле-предикате «спит» в сознании может возникнуть три сценария: а) фрейм А (базирующийся на основном значении слова) — речь пойдет о человеке или о животном в сценарии А (2). *Ребенок спит*. Однако, кроме основного, может возникнуть побочный фрейм В, включающий сценарий, в котором речь пойдет о мифическом существе (3). *Русалка спит*. Но может возникнуть и поэтический фрейм С на основе переноса значения, в котором речь пойдет об олицетворенном предмете (4). *Спят туманы синие...*

Следовательно, чтобы обнаружить механизм понимания высказывания, необходимо ввести принцип обратной валентности (антиципации как психолингвистическом синониме обратной валентности) на этапе предпонимания в рамках герменевтического круга, который и обеспечит понимание речевого акта как события, описывающего то или иное действие или состояние.

Следовательно, в процессе понимания мы используем принцип антиципации от предиката (глагола или категории состояния), предвосхищая последующую семему (значение слова) с точностью «до поля», но не можем предполагать появление связи со словом из «запрещенного» валентностью поля, т.е. используем принцип запрещенной валентности. Именно так действует принцип герменевтического круга, связанного с предложенным здесь понятием обратной валентности.

Основным претендентом на валентную связь с предикатом, т.е. вторым элементом валентной связки, неминуемо становится такой актант глубинного строя пропозиции, как прежде всего актер, т.е. главное действующее лицо в семантической схеме пропозиции, являющейся основой смысла высказывания. На поверхностном уровне предложения — это подлежащее.

Момент понимания (инсайт) в сознании — это переворот восприятия, когда левая валентность с центром внимания от предиката к актору (от сказуемого к подлежащему) преобразуется в правую валентность с центром внимания от актора к предикату, т.е. на первый план выходит главный действующий персонаж пьесы предложения (*ребенок, котенок, русалка, река* и т.д.), на второй план удаляется предикат (*спит*), затем вторичное внимание уделяется сирконстантам, т.е. обстоятельствам действия.

Таким образом, понимание связано с переворотом левой валентности на этапе предпонимания в правую на этапе окончательного понимания, т.е. правильную прямую (не пассивную) валентность от производителя действия к действию, когда ожидаемое и предполагаемое понимание переходит в режим свершившегося факта,

описываемого в пропозиции. В результате возникает то, что Ш. Балли называл актуализацией, когда потенциальное значение превращается в реальное, формируя смысл высказывания.

Применительно к рассматриваемому предикату «спит» необходимо последующее слово, определяющее сценарий А — при выборе претендента на роль актора из словесного поля живых существ. Но может быть выбран и понят сценарий В при выборе последующего претендента на роль актора из словесного поля мифических существ. Особого труда нашего воображения требует понимание сценария С, если последующий претендент на «акторство» (т.е. главное действующее лицо «пьесы предложения») будет выбран из поля олицетворенных существ, как в примере (4).

В процессе понимания высказывания неминуемо возникнет «гносеологический шок», если на стимул «спит» поступит непрогнозируемый методом левонаправленной валентности в нормальной картине мира слово-стимул «идея» в им. п. ед. числа, что обусловит выполнение субъектом, обозначенным этим словом (т.е. «идеей»), глубинной роли актора (главного действующего героя) абсурдной (как получается) пропозиции (1). Все дело в том, что не существует такого поля абстрактных имен, в которое входит имя «идея», которые бы находились в валентной связке с предикатом «спит», потому что такого не наблюдается в реальной жизни.

4. Модель значения слова

Однако сосредоточим внимание на единице, которую считают центральной в любом языке — на слове.

Принято считать, что моделью значения слова является так называемый **семантический треугольник**, который можно обнаружить в любом учебнике логики или теории языка (в философии со времени стоиков в Древней Греции). Мы посвятили этой проблеме специальные работы [6, 7 и др.], в которых стремились показать экспланаторную (объяснительную) недостаточность идеи треугольника при формировании адекватной модели значения слова. Итак, есть основания предполагать, что модель значения слова, впервые разработанная стоиками и много позже эксплицированная Г. Фреге в реальную геометрическую модель семантического треугольника, поддержанная и развиваемая А. Черчем, У. Куайном, Ч.У. Моррисом и др. логиками и лингвистами и сводящаяся к трем элементам — знаку, понятию (или концепту) и предмету (денотату), расположенным на углах треугольника — недостаточна для объяснения того, как возникает (и функционирует) значение слова.

Впервые описание значения слова в виде треугольника из взаимосвязанных объектов можно обнаружить у стоиков, например, Секст Эмпирик отмечал: «Стоики утверждают, что три вещи между собою сопряжены — обозначаемое, обозначающее и объект. Из них обозначающее есть звук, например, „Дион“; обозначаемое — тот предмет, выражаемый звуком, который мы постигаем своим рассудком, как уже заранее существующий, а варвары не воспринимают, хотя и слышат звук; объект — внешний субстрат, например, сам Дион. Из них две вещи телесны,

именно звук и объект, одна бестелесна, именно обозначаемая вещь, и это есть высказываемое, которое бывает истинным и ложным» [2. С. 69]. Исследования стойков в области знаков были усвоены и получили дальнейшее развитие в трудах Августина; при этом использовались латинизированные термины, в частности, *signum* (знак), который включал в себя и *signans*, и *signatum* (означаемое и означающее).

Так, Соссюром в «Курсе общей лингвистики» [3] у стойков заимствуются термины *означающее* и *означаемое*, но при этом в нетипичном значении использован термин *знак*, вероятно, в смысле термина *значение*, хотя знаком в семиотике еще со времен стойков называют материальный предмет, передающий информацию о чем-либо.

Разгадка феномена значения слова и эксплицитная формулировка этого понятия была осуществлена именно в русской лингвистике, где впервые было предложено верное понимание модели значения слова Л.О. Резниковым [4] и позже Б.Н. Головиным [5]. Так, Б.Н. Головин писал: «Значение слова — это возникшая и действующая в нашем сознании связь двух отображений — отображения физической стороны слова и отображения предмета» [5. С. 29].

В свете сказанного становится понятным, что знаком как таковым является цепочка звуков (или букв), объединенных в фонетическое слово ударением (буквы объединяются в графическое слово и ограничиваются пробелами с обеих сторон (хотя так было не всегда), т.е. знак представляет собой материальный объект. Таким образом, знаки языка существуют как фонетические или графические экспоненты слова (цепочка звуков и исторически позже цепочка букв). Это материальный план значения, но, как подчеркивали стойки, имеется и другой — ментальный (бестелесный) план значения слова. Как же он возникает?

В сознании имеется два образа: образная копия как самого предмета, так и его знака (цепочки звуков и цепочки букв), которым этот предмет поименован, т.е. имеется ментальная копия экспонента (т.е. фонетической или графической оболочки слова), с одной стороны, и реального или воображаемого предмета, с другой стороны. Первой, естественно, в сознании людей в рамках модели значения слова возникает ментальная копия звучащего экспонента слова, т.к. человек начинает говорить в фонетической форме, лишь позже к ней (по мере усвоения грамоты в онтогенезе развития личности человека и в филогенезе развития общества) прибавляется ментальная копия графического (буквенного или иероглифического) экспонента слова, — напомним, что тот и другой «телесный» экспонент слова представляют собой знаки языка как таковые.

Однако знак языка может быть знаком только в том случае, если он обозначает нечто, находящееся вне него, т.е. обозначает какой-либо конкретный или абстрактный предмет. Поэтому в модели значения слова есть место не только для знаковой, но и для содержательной части. Человек наблюдает или воображает нечто и создает в сознании образ того, что наблюдает или воображает, т.е. формирует и виртуальные объекты типа «любовь», сложный образ которых также существует в сознании.

Графическая схема значения слова, которая иллюстрирует вербальные формулировки Л.О. Резникова и Б.Н. Головина, приведена ниже: чтобы получилось значение слова, необходимо, чтобы две ментальных копии — образ фонетического или графического знака, с одной стороны, и образ предмета, с другой стороны, как писали Л.О. Резников и Б.Н. Головин, — соединились, подобно двум сторонам листа бумаги, по образному выражению де Соссюра, и в результате получится значение слова (по такой же технологии возникает и значение морфемы).

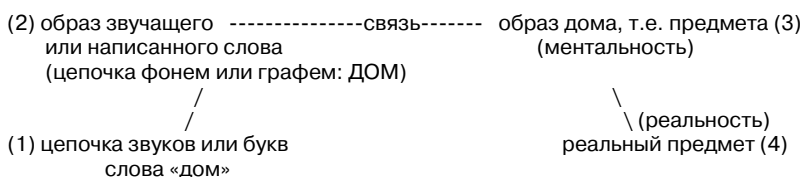

Схема 1. Модель значения слова

(см. работу [7])

Scheme 1. The model of the meaning of the word

(see [7])

Подобную схему значения слова в виде трапеции, но на несколько иных основаниях, разработал Л.А. Новиков в вузовском учебнике под его редакцией [8].

Как видим, на схеме в модели языкового значения имеется четыре (но не три, как в треугольнике Стойков, Г. Фреге — Ч. Осгуда) элемента, которые могут быть обозначены такими терминами: (1) — знак языка в виде звучащего или написанного слова; (2) — означающее как образ знака в языковом секторе сознания человека; (3) — означаемое как образ предмета, (десигнат) в ментальном континууме расчлененных образов (элементов) реального и виртуального мира в сознании человека; (4) — предмет реальный или воображаемый (денотат).

При всей простоте и ясности полученной модели значения слова возникает два кардинальных вопроса: из чего складывается означающее и чем является означаемое?

5. Логическая сущность означаемого

Соссюр, как известно, просто предложил считать означаемое понятием, и это предложение можно принять лишь в том случае, если условиться, что речь идет о «наивном понятии» (Ю.Д. Апресян), в основе которого лежит простой образ или примитивный концепт как таковой.

Трудно поддается осознанию само представление об образе (визуальном или каком-либо ином) в составе модели абстрактного значения слова. Тогда возникает вопрос, как соотносятся друг с другом такие компоненты означаемого, как образ, концепт и наивное понятие, — ведь очевидно, что все они входят в означаемое?

Этот вопрос можно решить так: образ — это начальное звено наивного понятия, его визуальная составляющая. К ней при формировании наивного понятия прибавляется необходимый минимум знаний о предмете, если дело касается конкретного материального предмета, т.е. гештальт как целостная и неаддитивная картина, в которой образ предмета (денотата) находится в окружении и в функ-

циональной взаимосвязи с другими образами других предметов, с которыми обозначенный предмет находится в соприкосновении в реальной жизни. Из этой картинки возникает представление не только о самом предмете, но и о его окружении, возникает комплексный образ, т.е. когнитивный гештальт, а при дальнейшем развитии когнитивный скрипт (динамический гештальт в виде маленького фильма). Именно эти элементы формируют представление, а затем и понятие о предмете. И именно этот комплекс можно назвать когницией, т.е. объемом знаний о предмете, который актуализируется как содержательный образ-комплекс при восприятии слова. Естественно, что этот минимум знаний, умений и навыков обращения с конкретным предметом, сформированный в виде когнитивного гештальта, не может не опираться на концепт, он и является его содержательной стороной.

Таким образом, наивное понятие, связанное с конкретным предметом, состоит из визуальной ментальной картинке и минимума знаний о том, что можно делать с этим предметом, при этом знания задаются первично концептом предмета и расширяются при помощи личного опыта человека до когнитивного гештальта (знания, что это такое и что с ним можно делать). Именно концепт позволяет объединить в одно целое группу тождественных предметов в реальном мире и придать им одно слово (имя) для языкового означивания, при этом слово без артикля будет иметь объем семантики, равный сигнификату (наивному понятию или концепту — в зависимости от познанный мира), а при определенном артикле слово будет обозначать сам конкретный предмет, т.е. денотат, точнее, иметь смысл конкретного предмета (в русском языке в функции артикля используется чаще контекст, хотя есть и артиклевые местоимения «этот», «тот» и под.).

Более сложную картину представляет собой означаемое абстрактного значения слова, например, означаемое слова «мужество». Сразу оговоримся, что при анализе семантики иногда допускается методическая ошибка: слово абстрактного значения анализируется наравне и подобно слову конкретного значения. Однако это очень разные типы слов, которые будут иметь разные исходные наборы сем при компонентном, например, анализе. Все дело в генетике той и другой лексемы: абстрактная лексема изначально обобщает целую жизненную ситуацию, а не предметы, т.е. называет целый когнитивный скрипт, для описания которого могут потребоваться многие слова с конкретной семантикой. Например, слово «мужество» рисует перед мысленным взором картины героического поведения на войне, в трудных ситуациях жизни и другие возможные скрипты. Поэтому целесообразно считать, что абстрактная лексема представляет собой способ компрессии знания, основанного на обобщении реальности, во-первых. Во-вторых, абстрактная лексема является способом формирования также и ирреального знания, которое человек формирует для описания миров (мифического, религиозного, фантастического, эзотерического, трансцендентного и т.д.). При этом подчеркнем, что нет принципиальной разницы между абстрактной лексемой, представляющей компрессию знания о реальности — типа «любовь» или «мужество», и лексемой, описывающей скрипт воображаемого мира — типа «армагеддон» или «ад», «рай» и т.д. Такая разница обнаруживается только в жизни при верификации высказываний, причем

признание реальными денотатов таких слов, как «*божество*», например, в разные эпохи меняется: были времена, когда боги признавались реальными субъектами, участвующими в реальной жизни людей, т.е. верифицировались как живые существа. Однако наблюдение над такими словами, как «*идея*», с одной стороны, и «*идеология*», с другой стороны, позволяет заметить, что одни абстрактные лексемы элементарны («*идея*»), другие же абстрагируют абстракции («*идеология*»), т.е. одни являются своеобразными гипонимами, а другие — гиперонимами, т.о. систематизация абстрактной лексики осуществляется, как и у лексем с конкретным значением.

Трудно поддается осознанию само представление об первичном образе (визуальном или каком-либо ином) в составе модели абстрактного значения слова. Вполне очевидно, что единственным синэстетическим образом в таком случае может быть один из элементов, который символизирует целое значение абстрактного слова.

6. Означающее

Перейдем к рассмотрению кардинального вопроса о поиске подходящей фонологической теории, которая могла бы лечь в основу фонемной интерпретации означающего. Теперь обратимся ко второй из обозначенных выше проблем — из чего складывается **означающее**? Конечно, можно предположить, что означающее — это цельный и неделимый образ, и он не из ничего не складывается, однако это не так, поскольку и сам знак как прообраз означающего являются дискретной единицей, складывающейся из составляющих элементов, которыми являются звуки или буквы. Следовательно, и означающее соответствует в этом плане своему знаку как своему прообразу и тоже складывается из неких первичных элементов. Итак, необходимо пояснить суть составляющих элементов всех элементов модели значения слова, но прежде всего нужно просто объяснить, из каких элементов складывается **означающее** как образ знака.

Другими словами, нужна некая фонемная теория (фонология), которая могла бы проложить мостик от звучащего слова как реальной фонетической материи (собственно знака), с одной стороны, и с другой стороны, к означающему — материи идеальной, **психической**, т.е. ментальной копии знака в сознании коммуникантов. И такую теорию фонемы мы обнаруживаем у Бодуэна де Куртенэ, точнее — в одном из его представлений о фонеме (психологическом), — при этом подчеркнем, что у Бодуэна в целом насчитывается четыре теории фонемы: фонема как подвижной элемент морфемы и признак известной морфологической категории — разработано МФШ с добавлением понятия гиперфонемы; фонема как аккорд кинакем, т.е. различительных признаков фонемы — разработано Пражской школой (якобсоновский «пучок РП») с добавлением понятия архифонемы; фонема как звуковое единство для ряда родственных языков (*ночь—нічь*) — мы назвали такую единицу генетофонемой) — не разработано ни в одной из школ из-за неясности научных перспектив, хотя эта единица может стать основой фонологической компаративистики [9].

Итак, особо скажем о четвертом, но самом главном по значимости и первым по времени появления представлении Бодуэна о фонеме, которое и ложится

в основу теории значения — речь идет о фонеме как образе звука в языковом сознании человека.

Именно такой психологический и в силу этого продуктивный смысл вкладывает в термин «фонема» в момент ее открытия родоначальник фонологии Бодуэн де Куртенэ (он придерживается этого определения фонемы как основного всю свою жизнь). Так, во «Введении в языковедение» Бодуэн пишет: «Постоянно в нашей психике существующее представление „звука“, т.е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть фонемой» [10. С. 249]. Нет никакого сомнения в том, что под фонемой Бодуэн здесь под словом «представление» понимает образ звука (это определение фонемы будет неоднократно дублировано в трудах Бодуэна, наконец фонема приобретет вид «психического эквивалента звуков языка» и в кратком виде сведется к определению в словаре Брокгауза и Евфрона как «звукорепрезентации», т.е. ментального образа звука). Вот с этих фонологических позиций можно ответить на вопрос, из чего складывается означающее как ментальный образ цельного звучащего слова в модели его значения: оно складывается из бодуэновских психологических фонем-звукорепрезентаций (фонем как образов звуков, составляющих обозначающее как цепочку звукообразов), при этом в реальности само физическое слово складывается из собственно реальных и материальных звуков членораздельной речи.

Таким образом, подводя итоги данным размышлениям, отметим, что модель значения слова включает в себя четыре элемента. 1. Фонетический или графический **знак** в виде звучащего или написанного слова, т.е. знак из звуков или букв (т.е. графет, этических единиц) на материальном уровне. 2. Означающее из фонем (или графем) как образов звуков (или букв) на ментальном уровне модели значения слова (и морфемы). 3. На материальном уровне экзистенции сам **предмет** (или качество, количество, состояние, процесс или характеристика процесса — в соответствии с этим в языке сформированы части речи, включая гибридные). 4. Образ предмета (признака, количества состояния, процесса или признака процесса), т.е. то, что стойки обозначили термином «означаемое». Важно подчеркнуть, что означаемое может быть виртуальным, воображаемым, т.е. не иметь прообраза в реальном мире. Кроме этого, означаемое может быть представлено в разной степени осознанности: от простого образа до представления и понятия — в зависимости от информированности субъекта (компетентности языковой личности).

При этом означающее, являясь неотъемлемым элементом значения слова или морфемы, составляется из единиц, которые открыл Б. де Куртенэ, определив их как образы звуков и назвал фонемами языка. Таким образом, Бодуэн, открыв психологическую фонему, сформировал базу для создания адекватной модели значения слова или морфемы, внося неопределимый вклад в общую теорию понимания слов и высказываний языка.

Выводы

Что следует из сказанного для лингвистики? Нужно создавать словари нового типа и грамматики нового типа с учетом принципа валентности и поля. Если встать на позицию, что теория поля должна консолидироваться с теорией двунаправлен-

ной валентности, чтобы лечь в основу теории понимания, необходимо создать новую генерацию словарей. В итоге ассоциативные словари, имеющие огромное значение в процессе преподавания того или иного языка как иностранного, должны соединиться с корпусными тезаурусами, построенными по полевому принципу, в результате возникнет новая генерация лингвистических тезаурусно-корпусных словарей, т.е. валентно-полевые словари-корпусы.

Представляется, что такие словари смогут оказать значительную помощь в деле преподавания любого языка в иноязычной среде. Валентностно-полевое представление о слове влечет за собой и новый подход к грамматике, который уже осуществляется в наше время в виде функциональной грамматики (труды А.В. Бондарко и его последователей), построенной с учетом идеи поля. Идеи валентностной грамматики в целом уже реализованы в известной концепции «смысл-текст» И. Мельчука и Ю.Д. Апресяна. Дальнейшее развитие русистики должно привести к синтезу этих очень плодотворных концепций.

Библиографический список

1. *Киров Е.Ф.* Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. no 2. С. 15—25.
2. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: ОГИЗ, 1936.
3. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики (комментарии Тулио де Мауро). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
4. *Резников Л.О.* Гносеологические проблемы семиотики. Л.: ЛГУ, 1964.
5. *Головин Б.Н.* Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979.
6. *Киров Е.Ф.* Теоретические проблемы моделирования языка. Казань: Изд-во КГУ, 1989.
7. *Kirov E.* Das Zeichen und die Bedeutungstheorie // *History and Rationality. The Skovde Papers in the Historiography of Linguistics.* Münster: NodusPublikationen. 1995. P. 227— 236.
8. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань». 2003.
9. *Киров Е.Ф.* Фонология языка. Ульяновск: СВНЦ, 1997.
10. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во ФН СССР. 1963.

References

1. Kirov, E.F. (2018). Text and discourse in semiotic ratio, *Vestnik of Volgograd state University. Series 2: Linguistics*, 17(2), 15—25.
2. Ancient theories of language and style (1936). Moscow—Leningrad: OGIZ.
3. Saussure, F. (1999). Course of General linguistics (comments by Tulio de Mauro). Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University.
4. Reznikov, L.O. (1964). Epistemological problems of semiotics. Leningrad: Leningrad state University.
5. Golovin, B.N. (1979). General linguistics. Moscow.
6. Kirov, E.F. (1989). Theoretical problems of language modeling. Kazan: KSU publishing House.
7. Kirov, E. (1995). Das Zeichen und die Bedeutungstheorie In *History and Rationality. The Skovde Papers in the Historiography of Linguistics.* Münster: NodusPublikationen. pp. 227— 236.
8. Modern Russian language: Textbook: Phonetics. Lexicology. Word-formation. Morphology. Syntax (2003). L.A. Novikov (Ed.). St. Petersburg: Publishing house “LAN”.
9. Kirov, E.F. (1997). The Phonology of the language. Ulyanovsk: SVNTS.
10. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). Selected works on General linguistics. Vol. 2. Moscow: Publishing house of the USSR FN.

Сведения об авторе:

Киров Евгений Флорентович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; *научные интересы*: фонетика и фонология русского языка, грамматика русского языка, теория языка, моделирование языка, теория текста, философия языка, история русского языкознания, фразеология русского языка. *e-mail*: efkirov@pushkin.institute

Information about the author:

Evgeny F. Kirov, Dr. habil., Professor, Professor of the Department of General and Russian linguistics of Pushkin State Russian Language Institute; *research interests*: phonetics and phonology of the Russian language, Russian grammar, theory of language, modelling language, theory of text, philosophy of language, history of Russian linguistics, phraseology of the Russian language; *e-mail*: efkirov@pushkin.institute

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-775-788
УДК 811.161.1'373

Научная статья / Research article

Элементы инкорпорации в русском коммерческом нейминге

Н.В. Перфильева¹, И.И. Галанкина²¹Российский университет дружбы народов
*ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198*²Российский государственный аграрный университет имени К.А. Тимирязева
*ул. Тимирязевская ул., 49, г. Москва, Российская Федерация, 127550*¹perfilyeva-nv@rudn.ru

Статья посвящена словообразовательной инкорпорации в русском языке. Под инкорпорацией подразумевается сращение двух и более слов в одно морфологическое целое без участия словообразовательных формантов, при котором происходит трансформация значения производного по отношению к значениям исходных слов. Производные инкорпорации принято называть инкорпорационными комплексами. Инкорпорационные комплексы могут образовываться с помощью слов, словосочетаний и предложений. Также составными частями инкорпорационных комплексов могут выступать квазиморфемы — особые элементы, которые не соответствуют классическому представлению о лексических или словообразовательных единицах. Обзор научных работ, посвященных инкорпорации в языках мира, демонстрирует различные подходы к данному явлению и терминологические разночтения при его определении. Инкорпорация уже более столетия является объектом изучения как значимая характеристика полисинтетических и аналитических языков. Применительно к флективному русскому языку данный феномен не был системно описан, что определяет актуальность исследования. Данное языковое явление в русском языке отмечается относительно недавно и, несомненно, требует научной оценки. Авторы ставили своей целью определить границы словообразовательной инкорпорации в русском языке и ее отличия от сходных деривационных моделей. В рамках статьи инкорпорация исследуется на материале российского коммерческого нейминга. Материал собран методом сплошной выборки из интернет-сайтов, подобраны коммерческие названия или эргонимы, которые представляют собой инкорпорационные комплексы — вывески продуктовых магазинов, ресторанов, кафе и других коммерческих заведений. В результате проведенного исследования разработана классификация эргонимов, образованных по инкорпорационной словообразовательной модели в современном русском языке. Исследование представляет научный интерес, так как предлагается анализ тенденции, развивающейся во флективном русском языке. Метод контрастивного анализа используется для сопоставления аналогичных примеров из современного английского языка. Лексические единицы из английского языка стали объектом изучения, так как модели словообразования английского языка заимствуются вместе со словами. Также выделена значительная группа примеров русских эргонимов с заимствованными компонентами, среди которых преобладают англоязычные сегменты.

Ключевые слова: инкорпорация, инкорпорационный комплекс, русский язык, английский язык, словообразовательная модель, эргоним, квазиморфема

© Перфильева Н.В., Галанкина И.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Перфильева Н.В., Галанкина И.И. Элементы инкорпорации в русском коммерческом нейминге // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10. no 4. С. 775—788. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-775-788

UDF 811.161.1'373

Elements of Incorporation in the Russian Commercial Naming

Natalia V. Perfilieva¹, Inna I. Galankina²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198

²The Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy
named after K.A. Timiryazev (RSAU-MTAA)
Timiriazevskaya Str. 49, Moscow, Russian Federation, 127550

¹perfilieva-nv@rudn.ru

The article is devoted to the problem of word formation incorporation in the Russian language. Incorporation is understood as the merger of two or more words into one morphological whole without the participation of word-forming formants, in which the value of the derivative is transformed in relation to the values of the original words. The derivatives of incorporation are called incorporation complexes. Components of incorporated complexes are classified as quasi-morphemes, which are special elements that do not correspond to the classical notion of lexical or word-forming units. A review of scientific papers on incorporation in the languages of the world demonstrates different approaches to this phenomenon and terminological differences in its definition. Incorporation has been a subject of study for more than a century as an essential characteristic of polysynthetic and analytical languages. In relation to inflectional Russian, this phenomenon has not been systematically described, which determines the relevance of the study and its analysis in this article. This linguistic phenomenon in the Russian language is relatively recent and, of course, requires scientific evaluation. The authors set a goal to determine the boundaries of word-formation incorporation in the Russian language and its differences from similar derivational models. The article considers the incorporation on the basis of the Russian commercial name. The material is collected by the method of continuous sampling from Internet sites. Incorporation complexes are selected among commercial names or ergonyms, which are signs of grocery stores, restaurants, cafes and other commercial establishments. As a result of the research, the classification of ergonyms formed according to the incorporated word-formation model in the modern Russian language is developed. The study is of great interest, as it offers an analysis of the trend actively developing in inflectional Russian. The method of contrastive analysis is used to compare similar examples from modern English. Lexical units from the English language have become the object of study, as the models of word formation of the English language are borrowed together with words. A significant group of examples of Russian ergonyms with borrowed components, among which English-language segments predominate, is also highlighted. The presence of incorporation in the Russian language, in particular, in commercial naming is considered as proof of the universality of certain linguistic phenomena in word formation.

Key words: incorporation, incorporation complex, Russian, English, derivational model, ergonym, quasi-morpheme

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Perfilieva, N.V. & Galankina, I.I. (2019). Incorporation's in the Russian Commercial Naming. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 775—788. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-775-788

1. Введение

Темой данного исследования является языковое явление инкорпорации, наблюдаемое в настоящее время в русском языке, в частности, в коммерческом нейминге. В статье рассматриваются деривация таких названий, как *Фреешмаркет*, *Самбери*, *Вкусвилл*, *Еданадом*, которые представляют собой сращение двух и более слов в одно целое без участия формантов, при котором происходит трансформация значения сегментов производного слова относительно значений исходных слов. Данный феномен представляет научный интерес, поскольку образование лексических единиц по способу инкорпорации не является типичным для флективного русского языка. Увеличение количества единиц, образованных данным способом, свидетельствует о тенденции к частичной трансформации типичных для русского языка словообразовательных способов и моделей, хотя об изменении всей словообразовательной системы говорить, естественно, преждевременно. Отметим, что образование лексических единиц по способу инкорпорации имплицитно заложено в структуру флективного русского языка. Существование таких лексических единиц, как *сорвиголова*, *нижеподписавшиеся*, *яжемать* и т.п. являются неоспоримым доказательством возможности образования лексических единиц, структура которых скорее свойственна инкорпорирующим языкам.

2. Постановка проблемы

Инкорпорация в современных европейских языках, в частности в русском — пример нестандартного функционирования словообразовательных моделей в индоевропейских языках. Подобные языковые явления, происходящие «здесь и сейчас», фиксируются в научной литературе, но ввиду их новизны не получили должного системного описания и научной оценки.

Существуют различные варианты понимания инкорпорации, что нередко приводит к некоторым противоречиям при ее описании. Наличие нескольких толкований явления инкорпорации свидетельствует о многообразии подходов к данному языковому явлению. Приведем некоторые из них.

В Большом энциклопедическом словаре инкорпорация определяется как «<...> объединение в одно синтактико-морфологическое целое („слово-предложение“) двух и более основ, автономных по своему лексическому значению. Отношения между этими основами соответствуют отношениям компонентов словосочетания (предложения)» [1].

Данное определение подчеркивает словообразовательный характер инкорпорации, однако не определяются формальные признаки компонентов, которые образуют синтактико-морфологическое целое.

Несколько иной подход отражен в «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова: инкорпорация рассматривается как способ синтаксической связи компонентов словосо-

четания или членов предложения, при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей [2].

Отметим, что под один термин подводится разное понимание инкорпорации: в первом случае речь идет о словообразовательном явлении, то есть сохраняется само понятие слова, а во втором — инкорпорация понимается шире: речь идет о слове-предложении. Слово-предложение, которое подобно соответствующей структуре инкорпорирующих языках.

В современном русском языке четко не определен статус инкорпорации. Мы предлагаем рассматривать инкорпорацию не только как способ синтаксической связи компонентов словосочетания или членов предложения (первое и второе определение инкорпорации), при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей, но и как способ образования единиц, статус которых равен слову.

Выделим существенные // конститутивные признаки словообразовательной инкорпорации:

- 1) целостность комплекса;
- 2) наличие двух и более компонентов;
- 3) возможность функционирования компонентов как самостоятельных слов;
- 4) отсутствие формальных показателей, «обслуживающих» соединение компонентов.

Итак, в фокусе данного исследования — **словообразовательная инкорпорация**, подразумевающая слияние или **сращение** нескольких компонентов в одно целое. Отметим, что значение производного не является суммой значений компонентов, которые в свою очередь могут использоваться как самостоятельные лексемы. Словообразовательная инкорпорация оперирует в качестве «строительного материала» целыми словами, особыми единицами — квазиморфемами, словосочетаниями и предложениями.

3. История вопроса

Исследования инкорпорации имеют почти столетнюю историю, и тем не менее рассматриваемое явление представляет неисчерпаемый материал для дальнейшего изучения.

Первоначально инкорпорация рассматривалась как структурная организация предложения в инкорпорирующих языках. Известно, что ряд языков, в которых инкорпорация является важнейшим средством построения предложения, называются инкорпорирующими. Инкорпорирующие языки были впервые выделены и описаны В. Гумбольдтом, который обратил внимание на включение имен в глагольные формы и образование своего рода слов-предложений в языке науталь. По В. Гумбольдту, в ряде языков американских индейцев можно «рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово» [3. С. 144].

Э. Сепир рассматривает инкорпорацию и как модель словообразования в индоевропейских языках, и как синтаксическое устройство предложения в инкорпорирующих языках. Инкорпорация в индоевропейских языках, по его мнению,

похожа на обычное словосложение. Э. Сепир понимал инкорпорацию в первую очередь как процесс объединения именной основы с глагольной, вне зависимости от синтаксической функции слова в предложении [4. С. 257]. По мнению исследователя, ядром инкорпорационного комплекса является глагол. Многие исследователи вслед за В. Гумбольдтом рассматривают инкорпорацию как включение в глагольную форму имени в качестве подлежащего или дополнения. М.С. Бейкер в труде «On Zero Agreement and Polysynthesis» // «О нулевом согласовании и полисинтезе», описывая полисинтетический язык могавак, указывает на наличие в нем инкорпорации: “...special case, when the direct object is incorporated into the verb” // «особого случая, когда прямое дополнение встраивается в глагол» (перевод авторов) [5. С. 1].

И.И. Мещанинов различает полное и частичное инкорпорирование: «<...> полное инкорпорирование передает все построение предложения целиком в одном слившемся синтаксическом комплексе, а частичное — разделяет цельный состав предложения. Каждая из этих частей имеет свое содержание, но ее содержание не охватывает всего высказывания, а ограничивается передачей одного из понятий, составляющих высказывание» [6. С. 34]. И.В. Муравьева понимает под инкорпорацией не только глагольные композиты, но и именные: «инкорпорация в широком смысле — это снятие ограничения на „глагольность“ композитов» [7. С. 20]. По мнению Муравьевой, следует различать аналитическую инкорпорацию (без изменения частей композита, но с использованием служебных слов) и синтетическую (в этом случае в составных частях инкорпорационного комплекса происходят фонетические, морфонологические и другие изменения в зависимости от типа языка) [7. С. 36].

Подведем итоги: в современной лингвистике инкорпорация рассматривается не только на синтаксическом уровне, но и как **способ словообразования**. Элементы инкорпорации были выделены в языках различных типов, в частности, в инкорпорирующих языках, агглютинативных и флективных языках.

Что касается английского языка, который характеризуется выраженным аналитизмом, инкорпорация в нем представлена как достаточно частотный способ словообразования. К инкорпорации в английском языке можно отнести деривационную модель словосложения, так как в английском языке использование формантов при функционировании данной модели факультативно. Слова, образованные сложением двух и более слов, принято называть **compound** ‘словосложение’. В Oxford Advanced Learner's Dictionary термин **compound** объясняется как «...the commonest type of new word, when two existing words are combined to give a new meaning» / «наиболее распространенный способ образования новых слов, соединение которых создает новое значение» [8. Р. 16]. При образовании слов данным способом значение нового слова, как правило, не является суммой значений слов, его образующих. Например, *mouthpiece*, слово, образованное сложением двух лексических единиц *mouth* ‘рот’ и *piece* ‘кусочек’, имеет значение ‘микрофон телефона’. Термином **compound** пользуются зарубежные лингвисты и при описании английского словообразования, в частности, Л. Блумфилд [9], Н. Фэбб [10], Л. Бауэр [11] и др. Так как в английском языке словосложение не требует формантов, пред-

ставляется возможным рассматривать этот способ словообразования как инкорпорацию.

Понятие инкорпорации трактуется в англоязычной лингвистической литературе неоднозначно. Д. Мэссэм, представившая обзор различных подходов к инкорпорации в современной зарубежной лингвистике, считает применение термина **incorporation** к тем или иным явлениям английского языка дискуссионным [12. Р. 1091]. В целом Д. Мэссэм характеризует явление инкорпорации как “a microcosm of linguistic theory, demonstrating the struggle by linguists to answer major questions” // «микрокосм лингвистической теории, демонстрирующий разногласия лингвистов по многим вопросам» [12. Р. 1091]. По сложившейся традиции в европейской лингвистике, при анализе инкорпорации в английском языке преобладает «глаголоцентрический» подход. Примечательно, что сам термин, как правило, встречается в сочетании **noun incorporation**, что подразумевает присоединение имени к глаголу, а не именное сочетание. Так Р. Холл рассматривает в качестве инкорпорантных комплексов глаголы, образованные от сложных существительных, включающих глагольные основы: *kidnapper — to kidnapp* [13].

Многие российские лингвисты понимают под инкорпорацией в английском языке слова, образованные сложением нескольких слов, одно из которых обязательно является глаголом, в частности, М.А. Анохина [14], С.В. Шустова, Е.А. Смирнова [15].

Как было сказано выше, в рамках данной статьи инкорпорация рассматривается как сращение предложений, словосочетаний (в том числе именных), слов и в некоторых случаях квазиморфем. Таким образом, ориентируясь на широкое понимание инкорпорации, мы можем включить в рамки этого явления применительно к английскому языку такой способ словообразования, как словосложение, рассматривая глагольно-именную инкорпорацию как его частный случай.

4. Инкорпорация в русском языке

В работах о словообразовательной инкорпорации в русском языке также, в основном, приводятся глагольные композиты. В частности, В.А. Плунгян относит к инкорпорации словообразование с соединительным гласным: *руководить, благословлять, благоволить* [16. С. 6].

Отнесение слов, образованных по данной модели, к инкорпорации считается спорным. Академическая грамматика — 80 определяет подобную модель как словосложение, т.е. «...способ образования слов, при котором опорный (последний компонент) равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляют собой чистую основу», причем наличие интерфикса сигнализирует об утрате морфологического значения у предшествующего компонента: *первоисточник* [17. С. 139]. Наличие интерфиксации — важный признак слов, образованных способом словосложения для флективных языков. Подобные интерфиксы свидетельствуют о том, что мы имеем дело именно с морфемой, а не со словом или квазиморфемой.

Если считать отсутствие формантов конститутивным признаком инкорпорации, то термин *инкорпорация* может быть применим к такому способу русского

словообразования, как **сращение**, которое представляет собой соединение слов аналогичное словосочетанию с сохранением живой связи его частей *вечнозеленый, нижеследующий* [17. С. 139]. Добавим, что в таких словах, как *сорвиголова, перекапти-поле, яжемать*, прослеживаются синтаксические связи, присущие предложению.

Заслуживают внимания заимствованные русским языком иноязычные слова, образованные по способу инкорпорации: *кашине, пленер, чупакабра, скриншот, braindrain*. Носители русского языка, не знающие английского, французского или испанского, не ощущают внутреннюю форму данных слов.

В текстах СМИ данные слова часто приводятся в английской графике, иногда с пояснением: *braindrain* — утечка мозгов. Отметим, что изначально (с середины XX в. термин *brain drain* употреблялся как словосочетание). С начала 2000-х гг. наблюдается активное заимствование лексем-инкорпоратов из английского языка: вначале в качестве неграмматикализованных лексических единиц, которые постепенно осваиваются русским языком в основном как имена существительные мужского рода с твердой основой на согласный, изменяемые по типу II склонения [18]. Приведем несколько примеров из разговорной речи:

- ◆ Все учат английский язык, но что-то *аутнут* невелик.
- ◆ Поговорим о *мастхевах* сезона.
- ◆ Я с удовольствием участвую в *оупенэйрах*.

Иногда возникают парадоксальные ситуации, когда подобные заимствования используются и в православной литературе, редко допускающей отклонения от жанра. Так, в повести «Флешбэк» О. Рожнёвой речь идет о семье священнослужителя. Объясняя название своей повести, автор пишет, что *флешбэк* — «взгляд в прошлое, который влияет на настоящее» [19. С. 191].

5. Материал исследования и методология

Под влиянием англ. заимствований, интернет-технологий (сайты, теги, электронные адреса) сращение или инкорпорация как деривационная модель получает все более широкое распространение в русском языке, в том числе и при образовании коммерческих названий или эргонимов. Под эргонимами мы понимаем многочисленную группу слов, в которую входят «собственные наименования предприятий различного функционального профиля» [20. С. 93]. Эргонимы помимо обязательной номинативной функции могут выполнять также информативную, аттрактивную, эстетическую и суггестивную и другие функции [21. С. 91]. Многофункциональность эргонима обуславливает емкость и многосложность его семантики, открывая возможности для языковой игры.

Ядром исследуемого материала стали названия кафе, столовых, ресторанов и продуктовых магазинов. В качестве дополнения были собраны примеры из других областей бизнеса. Источниками послужили интернет-ресурсы, примеры из научных работ, собственные наблюдения, вывески городских объектов Москвы, а также Санкт-Петербурга, Новороссийска и некоторых других городов.

Представим классификацию эргонимов, образованных по способу инкорпорации.

6. «Строительный материал» инкорпоратов в русском языке: целые слова, особые единицы — квазиморфемы, словосочетания и предложения

6.1. Инкорпораты-слова

При отнесении эргонимов к данному типу определяющим является отсутствие синтаксической связи между словами. Например, эргонимы, которые составлены из существительных в именительном падеже: *Кефирбатон*, *Сервиспродукт*, *Джекичанкафе*.

Встречаются эргонимы-инкорпораты глагольных форм и частиц — это название кондитерской *Неслипнеца* (рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1

6.2. Инкорпораты с квазиморфемами

В последние 5—10 лет активно образуются эргонимы, в состав которых входят графемы числа. Числительные в составе эргонимов выполняют функцию квазиморфемы. Так в логотипе сетевого магазина *7Я* обыгрывается созвучие сочетания числительного *7* и местоимения *я* со словом *семья* (рис. 2). Составные части словосочетания '*семь я*' заменяют словообразовательный корневой сегмент слова *сем-я*. В наименованиях *All4coffee*, *Kalian4you* цифра *4* замещает компонент *for*.

Рис. 2 / Fig. 2

Рассмотрим эргоним *Живика*: частица *-ка* придает названию аптеки сходство с названиями ягод, например, *черн-ик-а*, *ежев-ик-а*, в которых сочетаются суффикс *-ик-* и окончание *-а*. Таким образом, можно предположить, что в ассортименте аптеки присутствуют в большом количестве лекарства с натуральными компонентами. Включение квазиморфем в инкорпорационный комплекс — частый стилистический прием.

6.3. Инкорпораты-словосочетания

Как было сказано выше, в полисинтетических языках словосочетания-инкорпораты в основном представляют собой сращения именных и глагольных компонентов. В русском языке, как правило, инкорпораты-словосочетания являются именными:

- ◆ *Мирчая*
- ◆ *Еданадом*
- ◆ *АлкогольОптом.*
- ◆ *Goodfood*
- ◆ *Базарбай* (рис. 3)

Рис. 3 / Fig. 3

Отметим, что в инкорпоратах-словосочетаниях достаточно часто используются заимствованные компоненты. Возможны различные варианты сложения русскоязычных и заимствованных компонентов в названиях. Подавляющее большинство эргонимов включает заимствованные компоненты. Например, англицизмы: *фуд*, *шоп*, *фреш*, *маркет* и мн. др., галлицизмы: *бон*, *бель*, *вилл*; латинизмы: *аква*; немецкие компоненты: *бург*, *гросс*; испанские компоненты: *торро* (искаженное *toro*) тюркские компоненты: *бай*, а также экзотизмы, не имеющие русских аналогов: *суши*, *кальян*. Иноязычные компоненты могут сочетаться с русскими: *Бестчай*, *Мирбир*, *Kingikra*, *Вкусвилл*, *Бельпостель*, *Торропышка*. Частотны также эргонимы, представляющие собой комплекс из заимствованных компонентов: *Kimchishop*, *Bonsize*, *Гроссфуд*. Так, в русском языке встречаются коммерческие названия из иноязычных компонентов, при этом подобные эргонимы отсутствуют в языках, из которых был взят ‘строительный материал’: *Greenfrogplace*, *Шончунс*, *Изивендинг*.

Образованные эргонимы чаще оканчиваются на согласную, что, позволяет с легкостью склонять их по модели слов мужского рода:

- Купить во ФрешмаркетЕ...*
- Ждать у КофепортА и т.д.*

Рис. 4 / Fig. 4

Отметим, что в тоже время комплексы, состоящие из русских элементов, могут быть несклоняемыми: *Едананадом*.

Встречаются названия, имеющие в своем составе только русские основы: *СHTOTOKRASIVOYE* (Магазин одежды) (рис. 4).

Глагольные инкорпораты-словосочетания среди коммерческих названий крайне редки, что, по-видимому, объясняется номинативной функцией эргонимов.

6.4. Инкорпораты-предложения

Приведем примеры инкорпоратов-предложений:

- ◆ *Эллиунессло* (рис. 5),
- ◆ *Сьелбысам*,
- ◆ *Самбери*,
- ◆ *Емколбаски* (рис. 6).
- ◆ *Ларисуваннучочу* (рис. 7).
- ◆ *Онапожратьлюбит*

Рис. 5 / Fig. 5

Рис. 6 / Fig. 6

Рис. 7 / Fig. 7

Отметим, что подобные примеры имеют сходство со структурой предложений в инкорпорирующих языках, в которых в глагол встраиваются дополнения и субъект.

7. Статистика эргонимов-инкорпоратов на интернет-сайтах

Из 1000 названий московских продуктовых магазинов, представленных на сайте «Магазины продуктов и напитков в Москве» [22], представлено 43 наименования, образованные способом инкорпорации, что составляет около 4% от общего количества. Приблизительно такое же соотношение фиксируется и других сайтах, например, «Продовольственные магазины Москвы» [23; 24]. Приведенная статистика позволяет прогнозировать постепенный рост популярности наименований-инкорпоратов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Термин инкорпорация употребляется в двух значениях:

- ◆ Инкорпорация понимается как способ образования слов. Отличительным признаком словообразовательной инкорпорации является отсутствие словообразовательного форманта. Продуктом словообразовательной инкорпорации становится лексическая единица, представляющая собой инкорпорационный комплекс. Сегментами в подобных инкорпорирующих комплексах могут выступать элементы квазиморфемы, слова, словосочетания и целые предложения или части предложений.
- ◆ Инкорпорация используется для характеристики типа языков, т.е. инкорпорирующих языков.

2. Были исследованы эргонимы, образованные способом инкорпорации. В настоящее время количество подобных эргонимов сравнительно невелико по сравнению общим количеством эргонимов. Однако значительный рост эргонимов-ин-

корпоратов свидетельствует о тенденции к активизации данного способа образования во флективном русском языке, для которого данный способ образования слов не является характерным.

3. Отличительной чертой эргонимов-инкорпоратов является семантическая трансформация производного значения слова.

4. Увеличение количества эргонимов-инкорпоратов объясняется тем, что инкорпорация представляет собой универсальный способ экономии языковых средств.

5. Как правило, названия-инкорпораты обладают выраженной аттрактивной функцией, например, *Эллинесло* (Волков А.М. «Волшебник изумрудного города»), *Ларисуваннучу* (фильм «Мимино»).

Наличие инкорпорации в русском языке, в частности, в коммерческом нейминге, может рассматриваться как доказательство универсальности отдельных языковых явлений в словообразовании.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139314/%D0%98%D0%9D%D0%9A%D0%9E%D0%A0%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 05.05.2019).
2. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935—1940). Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/09/usc0705.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.05.2019).
3. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
4. *Sapir E.* The Problem of noun incorporation in American languages // *American Anthropologist*. 1911. Vol. 13. № 2. С. 250—300.
5. *Baker M.C.* On Zero Agreement and Polysynthesis // *Arguments and Agreement*. Oxford: Oxford University Press, 2006. С. 289—320.
6. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М., Л.: Наука, 1978.
7. *Муравьева И.А.* Типология инкорпорации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
8. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. A.S. Hornby. 6th edition. Ed. by S. Wehmeier. Oxford University Press, 2000.
9. *Блумфильд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968.
10. *Fabb N.* Sentence Structure. Routledge, 2005.
11. *Bauer L.* The Grammar of Nominal Compounding. Odense: Odense University Press, 1978.
12. *Massam D.* Noun Incorporation: Essentials and Extensions // *Language and Linguistics Compass*. 2009. 3/4. С. 1076—1096.
13. *Hall R.* How we noun-incorporate in English // *American speech*, University of Wisconsin—Madison: Duke University Press 1956. Vol. 31. no 2.
14. *Анохина М.А.* Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) // *Ползуновский вестник*. Барнаул: Алт ГТУ, 2006. no 5. С. 73—82.
15. *Шустова С.В., Смирнова Е.А.* Инкорпорация как способ изменения валентности глагола (на примере английских глаголов с инкорпорированными актантами) // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 2014. no 1. (15). С. 94—101.
16. *Плунгян В.А.* Почему языки такие разные? М.: АСТ-пресс, 2010.
17. *Русская грамматика*. Академия наук СССР. Институт русского языка. Т. I. М.: Наука, 1982.
18. *Perfilieva N.* Lexical innovations in Russian media texts. Multimeditional language words // *Proceedings of the international scientific conference: Peoples' Friendship University of Russia*. М.: РУДН, 2015. С. 62—69.

19. Рожнёва О.Л. Флешбэк // Монастырские встречи. М.: Благовест, 2010.
20. Перфильева Н.В., Новоспаская Н.В., Лазарева О.В. Эффективность коммерческого имени // Вопросы психолингвистики. 2017. по 2. С. 92—107.
21. Жукова А.Г. Об эвфемистической функции эргонимов // М-лы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения 24 мая 2016 г.». М.; Ярославль: Ремдер, 2016. С. 91—95.
22. Магазины продуктов и напитков в Москве. Режим доступа: Магазины продуктов и напитков в Москве // <https://www.yell.ru/moscow/top/magaziny-produktov-i-napitkov> (дата обращения: 05.05.2019).
23. Продовольственные магазины Москвы. Режим доступа: [https://2gis.ru/moscow/search/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20\(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5\)%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%8B%20%2F%20%D0%93%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%8B/rubricId/373](https://2gis.ru/moscow/search/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5)%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%8B%20%2F%20%D0%93%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%8B/rubricId/373). (дата обращения: 05.05.2019).
24. Смешные названия питерских баров. Режим доступа: <http://checkinandgo.ru/naming/> (дата обращения: 05.05.2019).

References

1. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139314/%D0%98%D0%9D%D0%9A%D0%9E%D0%A0%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF> (accessed 05.05.2019). (in Russ.).
2. Lexicon of Russian Language edited by D.N. Ushakov (1935—1940), URL: [//feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/09/usc0705.htm?cmd=0&istext=1](http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/09/usc0705.htm?cmd=0&istext=1) (accessed 12.05.2019). (in Russ.).
3. Gumboldt, V. (2000). *Selected Works on the Linguistic*. М.: OAO Progress, 400. (in Russ.).
4. Sapir, E. (1911). The Problem of noun incorporation in American languages, *American Anthropologist*, 13 (2), 250—300.
5. Baker, M.C. (2006). On Zero Agreement and Polysynthesis, *Arguments and Agreement*. Oxford: Oxford University Press, 289—320.
6. Meshchaninov, I.I. (1978). *Parts of Sentence and Parts of Speech*. Moscow; Leningrad: Nauka. (in Russ.).
7. Muravyova, I.A. (2004). *Typology of the Incorporation*. М. (in Russ.).
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S. Hornby 6th edition (2000). Oxford University Press. pp. 1539.
9. Bloomfield, L. (1968). *Language*. Moscow: Progress. (in Russ.).
10. Fabb, N. (2005). *Sentence Structure*. Routledge.
11. Bauer, L. 1978. *The Grammar of Nominal Compounding*. Odense: Odense University Press.
12. Massam, D. (2009). Noun Incorporation: Essentials and Extensions, *Language and Linguistics Compass*, 3(4), 1076—1096.
13. Hall, R. (1956). How we noun-incorporate in English, *American speech*. *Duke University Press*, 31(2), 83—88.
14. Anokhina, M.A. (2006) Semantic Incorporation as one of Processes of the Realization of the Cognitive Model of the Verb (on the material of English Language), *Polzunovsky vestnik*, 5, 73—82. (in Russ.).
15. Shustova, S.V. & Smirnova, E.A. (2014). Noun-Incorporation as a Means of Changing Valency of a Verb (the Case of English Verbs with Incorporated Actants), *Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 1(15), 94—101. (in Russ.).

16. Plungian, V.A. (2010). *Why are the Languages so Various?* Moscow: AST-press. (in Russ.).
17. *Russian Grammar* (1982). Moscow: Nauka, Academy of Science of USSR. Institute of Russian Language. Vol. 1.
18. Perfilieva, N. (2015). Lexical Innovations in Russian Media Texts. In *Multimeditional language words. Proceedings of the international scientific conference*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. pp. 62—69.
19. Rozhniova, O.L. (2010). Flashback In *Acquaintances in Monastaries*. Moscow: Blagovest. (in Russ.).
20. Perfilieva, N.V., Novospasskaya, N.V. & Lazareva, O.V. (2017). Effect of the Commercial Name. *Journal of Psycholinguistics*, 2, 92—107.
21. Zhukova, A.G. (2016). About euphemistic function of ergonims In *Proceedings of International Science- Practical Conference "Slavonic Culture: Sources, Traditions, Interaction. XVII Saint Kirill-Methodiy Conference 24th May 2016"*. Moscow, Yaroslavl: Remder. pp. 91—95. (in Russ.).
22. Food and Beveredgies Stores of Moscow URL: <https://www.yell.ru/moscow/top/magaziny-produktov-i-napitkov> (accessed: 05.05.2019).
23. Grocery Stores of Moscow URL: [https://2gis.ru/moscow/search/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20\(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5\)%%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%8B%20%2F%20%D0%93%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%8B/rubricId/373](https://2gis.ru/moscow/search/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5)%%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%8B%20%2F%20%D0%93%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%8B/rubricId/373) (accessed: 05.05.2019).
24. Funny Names of Saint Petersburg bars URL: <http://checkinandgo.ru/naming/> (accessed: 05.05.2019).

Сведения об авторах:

Перфильева Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: семантика, прагматика, сравнительно-сопоставительное языкознания; *e-mail*: perfilieva-nv@rudn.ru

Галанкина Инна Ивановна, ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин Российского государственного аграрного университета имени К.А. Тимирязева; *научные интересы*: методика преподавания русского языка как иностранного, сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: gaii@live.ru

Information about the authors:

Natalia V. Perfilieva, Candidate of Philology, Associate Professor of General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *academic interests*: semantics, pragmatics, discourse analysis, comparative linguistics; *e-mail*: perfilieva-nv@rudn.ru

Inna I. Galankina, senior lecturer of Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev (RSAU-MTAA; *academic interests*: methods of teaching Russian as a foreign language comparative linguistics; *e-mail*: gaii@live.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809
УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

Зоны и таксис: локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики¹

А.Ф. Дремов

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, Российская Федерация, 119454
afdream@bk.ru

В настоящей публикации представлены результаты анализа локативной семантики падежей с позиций современной системной лингвистики, в которой падеж трактуется как формально-грамматическая категория имени, возникающая в русском языке как типичном представителе языков флективного типа в ответ на функциональный запрос языковой системы обеспечить компрессию и формальное выражение содержательной (предикативной, логической) связности первообразного текста, необходимого для исчерпывающего описания события. Зоны (или сферы) объекта — это объективно существующие структурные элементы лица и вещи, наличие которых особенно ярко проявляется, когда эти лица или вещи становятся участниками события, которое в системной лингвистике понимается как совокупность генетически связанных явлений, образующих каузальный цикл. В простом предложении основным средством выражения таксиса, трактуемого как хронология явлений участвующих в событии субъектов и объектов, являются падежи.

Ключевые слова: системная теория падежа и предлога, событие, внутренняя и внешняя зоны объекта, таксис в простом предложении, локативная семантика падежей

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.11.2019

Для цитирования:

Дремов А.Ф. Зоны и таксис: локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 789—809. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809

¹ Современная системная лингвистика — направление отечественного языкознания, методологической основой которого является системология Г.П. Мельникова [1; 2].

© Дремов А.Ф., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37

Zones and Taxis: Locative Semantics of Russian Cases in Terms of Modern Systems Linguistics

Alexey F. Dremov

MGIMO-University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

afdream@bk.ru

This paper presents the results of the analysis of locative case semantics from the standpoint of modern system linguistics, in which case is interpreted as a formal grammatical category of a name that arose in Russian as a typical representative of inflecting languages in response to a functional query of the language system to provide compression and a formal content expression (predicative, logical) connectivity of the antiderivative text necessary for an exhaustive description of the event. Zones (or spheres) of an object are objectively existing structural elements of a person and a thing, the presence of which is especially pronounced when these persons or things become participants in an event, which in system linguistics is understood as a combination of genetically related phenomena that form a causal cycle. In a simple sentence, the main means of expressing taxis, interpreted as a chronology of the phenomena of subjects and objects participating in an event, are cases.

Key words: the system theory of a case and preposition, an event, internal and external zones of an object, taxis in a simple sentence, locative semantics of cases

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.11.2019

For citation:

Dremov, A.F. (2019). Zones and Taxis: Locative Semantics of Russian Cases in Terms of Modern Systems Linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 789—809. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809

Введение

При описании пространственной семантики падежей исследователь должен в первую очередь решить для себя вопрос о критериях анализа материала, в частности определить, какие из известных ему свойств (признаков) падежей действительно являются релевантными. Понятно, что при этом он, как правило, опирается на свои представления, а равно и на идеи своих предшественников, к числу которых по праву принято относить прежде всего Л. Ельмслева — автора монографии «La catégorie des cas. Etude de grammaire générale» [3], в которой он предложил, по его мнению, универсальную, но в основе своей локалистскую концепцию природы падежного значения как результат сведения к общему принципу «формальной логики и логики языка», получившую у него название сублогической системы (système sublogique) [3. С. 127 и след.].

Содержательное ядро концепции Л. Ельмслева, по-видимому, можно охарактеризовать как попытку инвентаризации всех возможных семантических проти-

вопоставлений падежей. По мнению этого лингвиста, значение любого падежа в любом языке можно представить как комбинацию трех дифференциальных признаков (*trois dimension*): 1) направление (*direction*), обобщающее приближение — покой — удаление (*rapprochement — repos — éloignement*), 2) когерентность — некогерентность (*cohérence — incohérence*)² и 3) объективность — субъективность (*subjectivité — objectivité*), поскольку считал, что значение падежа есть не что иное, как «отношение между двумя объектами» [3. С. 96, 127, 134]³.

Данный подход, безусловно, имеет положительные стороны, но лишь тогда, когда речь идет о локативной семантике падежей, а не об их грамматических функциях.

К числу исследований, в которых был представлен аналогичный подход, следует отнести, во-первых, статью Р.О. Якобсона, опубликованную в 1936 г. В ней он предложил использовать следующие три пары дифференциальных признаков: 1) центральный — периферийный, 2) объемный — необъемный и 3) направленный — ненаправленный [4]. А во-вторых, значительную и по объему, и по содержанию работу М.В. Всеволодовой и Е.В. Владимирского, посвященную, правда, не собственно падежам, а способам выражения с их помощью пространственных отношений [5].

В отличие от указанных произведений, в настоящей публикации представлены результаты анализа локативной семантики падежей с позиций современной системной лингвистики (см. труды Г.П. Мельникова), в которой падеж трактуется как формально-грамматическая категория имени, возникшая в русском языке как типичном представителе языков флективного типа в ответ на функциональный запрос языковой системы обеспечить компрессию и формальное выражение содержательной (предикативной, логической) связности первообразного текста⁴, необходимого для исчерпывающего описания события⁵ [6; а также более поздние статьи автора].

Но прежде чем перейти к рассмотрению тех семантических признаков падежей, которые, по нашему мнению, являются значимыми при выражении пространственных отношений и для описания локативной семантики падежей, остановимся на содержании используемых нами терминов.

² Здесь речь идет о четырех «степенях близости» объектов (*le degré d'intimité*), из которых три — это варианты когерентности: 1) «внутри» (*inhérence*), 2) «на поверхности» (*adhérence*), 3) «рядом при наличии контакта» (*adhérence*), и 4) один вариант некогерентности (*incohérence*) — «рядом, но без контакта» (у Р. Раска, на которого ссылается Л. Ельмслев [3: 65], эти степени перечисляются в порядке возрастания близости).

³ «La relation entre deux objets, qui est la signification des cas, peut être conçu par un système d'oppositions logico-mathématiques ou par un système d'oppositions participatives» [3: 127, 96].

⁴ Первообразными текстами мы называем связанные по смыслу речевые произведения, которыми описывались события до формирования в языке падежей и класса переходных глаголов; напр.: 1) *Охотник гасит. Снег гасит. Огонь гаснет*; 2) *Учитель объясняет. Теорема объясняется. Ученики понимают. Теорема понимается* и т.п.

⁵ **Событие** — это имеющая основание, ограниченная в пространстве и времени **совокупность генетически связанных явлений, образующих каузальный цикл**, виток развития. В отличие от события, ситуация — это совокупность условий и обстоятельств явления или события, пространственно-временной фон, на котором разворачивается событие или обнаруживается явление.

Локализация. Поскольку пространство и время суть формы координации существующих объектов и их явлений, заключающаяся в том, что они определенным образом расположены друг относительно друга [7. Т. 4: 392], локализация понимается нами как установление положения (размещения) объекта в пространстве (точнее сказать, в среде), или как определение порядка сосуществования двух объектов в пространстве, а также их явлений во времени⁶. Это значит, что для определения местонахождения какого-л. объекта в пространстве необходимо наличие **реперного объекта**, а для локализации какого-л. явления во времени, в частности нахождения, — наличие **реперного явления**⁷.

Реперный объект — это статичный объект, относительно которого локализуется другой объект, называемый поэтому **локализуемым**. Всякий объект — будь то вещь или живое существо, — характеризуется, по нашему мнению, не только наличием массы, формы и объема, как любое физическое тело, но и наличием своей окрестности. Иными словами, реперный объект — это объект, тело или окрестность которого (напр., *в лесу* — *у леса*) является местом нахождения локализуемого объекта в абсолютном или относительном времени.

Таксис — языковая категория, которая «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [10. С. 101], «в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения» [11. С. 504]. Более развернутое определение таксиса было дано В.С. Храковским: таксис — это функционально-семантическая категория, «которая реализуется в бипропозитивных (и шире полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т.е. независимо от какой-л. еще ситуации P_n ». Поскольку в системной лингвистике падежи рассматриваются как конституирующие члены простого канонического предложения, которое трактуется как внешняя форма сообщений о событиях, под таксисом нами понимается «внутрисобытийная хронология», т.е. порядок следования явлений участников одного и того же события, определяемый относительно времени действия агенса события как его начала [9. 4. С. 52]⁸. В отличие от времени действия агенса, выражаемого формой

⁶ В словарях (в частности см. [8]) понятие «локализация» имеет, как правило, два толкования: 1) отнесение чего-н. к определенному месту или времени и 2) ограничение распространения какого-н. явления, процесса каким-н. пространственными или временными рамками. Понятно, что второе толкование к локативной семантике падежей отношения не имеет.

⁷ Для локализации во времени какого-л. описываемого события или явления репером, как известно, служит время акта речи: именно с ним соотносится время действия агенса (причины события), которое в свою очередь становится реперным временем для явлений всех других участников события [9: 52].

⁸ Сравнение предложения с «маленькой драмой» принадлежит А. Сеше [12. С. 49], однако популярным оно стало благодаря Л. Теньеру, который писал, что в предложении тоже «обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [13. С. 117]. Поэтому простое предложение можно сравнивать со сценарием, определяемом в словарях театральной терминологии как «список действующих лиц пьесы с указанием порядка и времени их выхода на сцену». Заметим, кстати, что доскональным знанием сценария события всеми носителями языка обеспечивается антиципация в актах коммуникации. Вот что об этом писал

глагольного сказуемого, таксис в простом предложении выражается имплицитно — падежными флексиями, которые являются сказуемыми свернутых простейших предложений, входящих в состав простого как его члены. Так, например, из сообщения, имеющего форму простого предложения, *Мой коллега посылает своему знакомому статью Веренка* следует, что Веренк (прекурсор⁹ данного события) написал эту статью до начала текущего события, статья на момент начала данного события уже существовала и теперь посылается (пациенс), знакомый моего коллеги (бенефициант) получит ее по прошествии некоторого времени, т.е. в будущем относительно времени текущего действия моего коллеги (агенса). Хронология явлений актантов данного события такова: 0) возникновение основания актуального события (*Веренк написал статью*) → 1) явление агенса — порождение причиной следствия (*Мой коллега посылает статью*) → 2) явление пациенса — возникновение следствия (*Статья посылается*) → 3) явление бенефицианта — возникновение последствия (*Знакомый получит эту статью + Статья будет получена*).

Таким образом, здесь речь идет о таком виде зависимого таксиса, как порядок следования явлений разных участников одного события относительно действия агенса этого события и, разумеется, безотносительно ко времени акта речи, а также, что особенно важно, выражаемого в простом предложении падежами.

Понимание события как совокупности генетически связанных явлений, с одной стороны, а с другой — простого предложения как канонической внешней формы сообщений о событиях и падежей как свернутых простейших предложений дало нам основание утверждать, что падежи, кроме всего прочего, являются формально-грамматическим средством выражения таксиса [9. С. 52].

Зоны (сферы) актанта¹⁰. По мере развития падежной системы, сопровождавшегося развитием переходности и ее видов, т.е. 1) *делать + что*; 2) *делать что +*

Г.П. Мельников: «...Канон внутренней формы языков флективного типа, наиболее последовательно выдерживаемый славянскими языками, а среди славянских — русским, заключается в наличии тенденции по возможности *любое* сообщение представлять через *внешнюю форму канонического предложения*, номинативный смысл которого вписывается в такой канон *внутренней формы*, как *образ развивающегося события*. Поэтому смысловые поля русских лексем, вещественные и грамматические значения морфем, синтаксические связи между словоформами предложения и т.д. — все это обусловлено потребностью дать слушающему возможность без труда догадаться, образ какого развивающегося события имел в своем замысле говорящий, формируя данное высказывание как сообщение в форме канонического предложения» [14. С. 58]. Это значит, что продуценту, когда он сообщает о каком-л. событии реципиенту, нужно лишь назвать «исполнителей ролей» в этой «драме».

⁹ Прекурсором события мы называем обозначаемый родительным актант, главная особенность которого состоит в том, что его явление, предшествуя актуальному событию, создает основание события — предпосылку, необходимую для его возникновения. Например, в событии *Преподаватель читает ученикам басню Эзопа* функцию прекурсора выполняет автор басни — Эзоп, который «сделал» басню и тем самым «сделал» возможным актуальное событие [9].

¹⁰ Мы используем оба эти термина как равноценные и даже взаимодополняющие. Дело в том, что зона, в отличие от сферы, ассоциируется обычно с двумерным пространством, с плоскостью, что прежде всего относится к понятию внешней зоны. Нам же нужно, чтобы словосочетание «внешняя зона» понималось как в исконном смысле слова «зона» («пояс»), так и как сфера, как аналог государственной территории, в понятие о которой включается не только суша, но и воздушное пространство (над ней) и недра (под ней).

кому; 3) *делать что кому + чем*, вследствие возрастания роли падежей имени в сообщении о событии и употребления их вместо соответствующих диатезных конверсивов глагола, называющего действие агенса, осуществлялось поэтапное формирование простого предложения как сложного знака, элементы которого и структура их связей и отношений изоморфно отображают соответствующие компоненты события [16. С. 48—49].

Параллельно с этим в семантике косвенных падежей закреплялось различие форм воздействия агенса (обозначается именительным) на включенные в событие субъекты и объекты. Так, в частности, при взаимодействии с объектом-пациентом (обозначается винительным), действие агенса направляется непосредственно на сам объект, на его тело, т.е. на то, что является его неотчуждаемой (или неотторжимой) принадлежностью. Оказывая воздействие на тело объекта, условно названное нами зоной «быть», агенс сообщает ему определенную форму бытия, «навязывает» ему соответствующее своему действию состояние: отношение между агенсом и пациентом — это отношение «делать → быть», или «причина → следствие»: *агенс льет* → *вода течет/льется*, *агенс гасит* → *костер гаснет/гасится*; *агенс сушит* → *одежда сохнет/сушится* и т.п.). В результате действия агенса пациент либо порождается и существует (*строить дом, писать портрет, ваять бюст Зевса, родить дочь*), либо изменяется (*белить потолок, резать ткань, править текст, варить мясо*), либо уничтожается (*сжигать листву, рушить стену, стирать надпись, убивать врага*), либо воспринимается агенсом, который в этом случае становится также экспериенцером (*ощущать холод, чувствовать запах, терпеть нужду, слышать шум, видеть свет* и т.п.).

Но если в событие включается такой участник, который играет в нем роль бенефицианта¹¹ (получателя результата действия агенса, адресата, реципиента; обозначается дательным падежом), который, как и агенс, является лицом, действие агенса направлено уже не на его тело, а на то, что представляет собой его второе, внешнее «Я», названное нами зоной «иметь»¹², поскольку в нее включается то,

¹¹ Таким «заинтересованным лицом» очень часто является сам агенс [15. С. 49].

¹² Еще А.М. Пешковский обращал внимание на то, что «нет ни одного глагола, требующего дательного падежа, значение которого было бы необходимо связано с физическим воздействием на предмет или хотя бы с прикосновением к нему (при «давании» адресата должна коснуться вещь, которую дают, а не сам дающий...)» [16. С. 300]. Внешняя зона субъекта — это своего рода «буферная зона» между ним и миром, это его так наз. «личное пространство», граница которого проходит примерно на расстоянии вытянутой руки, или та часть среды, находясь в пределах которой, субъект находится «у себя», и все, что находится в этой зоне, является его принадлежностью по естественному праву. Для нас отправным моментом для выделения в составе субъекта и объекта зон «быть» и «иметь» послужили суждения Ю.С. Степанова об «обращении с пространством» людей, воспитанных в разных национальных культурах [17. С. 9, 60], и понятия сопостранственности и несопостранственности, используемые М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирским в [5. С. 9—12]. Позднее нам стало известно о возможности разграничения модусов существования «быть» и «иметь» благодаря монографии Э. Фромма «Иметь или быть?» [18]. Примечательно, что в наши дни распространение получает проксемика, основы которой были заложены Эдвардом Холлом, упомянутым в «Семантике» Ю.С. Степанова.

что́ это лицо «имеет», в частности вследствие действия агенса. Воздействуя на внешнюю зону этого актанта, агенс тем самым управляет его поведением, побуждает реагировать на свои действия сообразно своему намерению. Отношение между агенсом и бенефициантом — это иная форма причинно-следственных отношений, а именно «делать → иметь»¹³: *Библиотекарь дает книгу читателю → Читатель берет/получает/имеет книгу; Учитель объясняет правило ученику → Ученик понимает правило; Учитель говорит → Ученик слушает. Экскурсовод показывает памятник экскурсантам → Экскурсанты осматривают памятник* и т.п.

Наконец, в случае взаимодействия с фациенсом (обозначается творительным падежом) целью действия агенса является его функция (действие), которую он выполняет (явный предикат) или может выполнять (диспозициональный предикат) в событии; напр., нож сделан и, как правило, используется для того, чтобы резать колоть, рубить и т.п.; карандаш — для того, чтобы писать, чертить, рисовать, и т.п.; скатерть — для того, чтобы покрывать стол и т.д.¹⁴ Другими словами, воздействие агенса на тело фациенса имеет целью то, что́ «делает» или «может делать» в событии фациенс, — его функциональные связи, или то, что́ предстает как третье «Я» участника события — его сфера «делать» (отношение между агенсом и фациенсом — это отношение «делать → делать»: *Повар режет овощи ножом → Нож режет; Инженер начертил схему карандашом → Карандаш чертил; Мы идем до реки лесом → Лес идет до реки* и т.п.

Это значит, что, воздействуя на соответствующую сферу зависимого лица или вещи, агенс сообразно своим целям и особенностям объекта детерминирует либо 1) его состояние, либо 2) его отношения, либо 3) его функционирование [9. 2. С. 74]. Возникающие при этом связи¹⁵ различаются своим содержанием: при воздействии на пациенс к нему от агенса переносится (переходит) структура, или форма, при воздействии на бенефицианта — вещество (материя), а при воздействии на фациенс — энергия или информация¹⁶.

Отсюда становятся понятными основания закрепления специфики этих трех видов воздействия агенса на других участников события в узуальной семантике винительного, дательного и творительного падежей соответственно.

Таким образом, зона, или сфера, — это объективно существующий структурный элемент субъекта и объекта, обнаруживающийся, когда они становятся участниками события и выполняют в нем функции агенса, пациенса, фациенса, бенефицианта, локуса (хронотопа) или прекурсора.

¹³ Отношение агенса и бенефицианта можно охарактеризовать и как отношение «донор — реципиент».

¹⁴ Это, в частности, позволяет нам говорить, что инструмент, являясь артефактом, в отличие от орудия, каковым может быть любой пригодный для роли фациенса объект, имея заранее заданные утилитарные свойства, представляет собой своего рода овеществленную функцию.

¹⁵ «Любая связь между любыми объектами есть процесс, есть проявление движения как обмена между этими объектами, где обмениваемыми единицами являются элементы определенных глубоких ярусов связанных объектов» [19. С. 35].

¹⁶ Кроме трех материальных сфер, субъект имеет и еще одну — **идеальную**. Поэтому, следуя Декарту, мы можем говорить: «Я **мыслю**, следовательно, я **есть, имею и делаю**».

Выделение в структуре каждого участника события разных зон позволяет, частности, объяснить основные особенности выражения с помощью предложно-падежных сочетаний отношений объектов в пространстве, а равно и таксиса — порядка следования их явлений во времени относительно времени действия агенса.

Так, если какой-л. объект локализуется относительно другого, то его положение определяется не только по отношению к реперному объекту, но и относительно времени действия агенса:

1) нахождение в зоне «**быть**»:

а) **одновременное** с действием агенса — *Дачники гуляют в лесу / на поле,*

б) **после** действия агенса — *Дачники идут в лес / на поле,*

в) **до** действия агенса — *Дачники идут из леса / с поля;*

2) нахождение в зоне «**иметь**»:

а) **одновременное** с действием агенса — *Дачники гуляют у леса / у поля,*

б) **после** действия агенса — *Дачники идут к лесу / к полю,*

в) **до** действия агенса — *Дачники идут от леса / от поля.*

Как мы видим, для предложно-падежных сочетаний первой группы (*в лесу / на поле — в лес / на поле — из леса / с поля*) общим признаком (основанием для сравнения) является то, что ими называется сам реперный объект — его тело, его зона «быть», которая во всех этих трех случаях является **несущей**, а дифференциальным признаком — время нахождения локализуемого объекта в этой зоне (и, как следствие, время контакта с этой зоной), определяемое по отношению ко времени действия агенса (зд. это наст. вр.).

Что касается второй группы (*у леса / у поля — к лесу / к полю — от леса / от поля*), то и для нее общим признаком является нахождение локализуемого актанта в одной и той же зоне реперного объекта, но уже во внешней, в зоне «иметь», а проще говоря¹⁷ — в его окрестности, поскольку именно она в таких случаях является несущей зоной; дифференциальным признаком для данной группы, как и для первой, служит время нахождения локализуемого объекта во внешней зоне, определяемое по отношению ко времени действия агенса.

Вышесказанное можно обобщить, представив в виде таблицы.

Таблица 1 / Table 1

**Зоны локализации и таксис /
Localization Zones and Taxis**

Зона локализации (конкретное место)	Таксис		
	а) одновременность	б) следование	в) предшествование
1) «быть»	<i>в лесу / на поле</i>	<i>в лес / на поле</i>	<i>из леса / с поля</i>
2) «иметь»	<i>у леса / у поля</i>	<i>к лесу / к полю</i>	<i>от леса / от поля</i>

И последнее. **Несущая**, или **опорная**, зона — это та из двух зон реперного объекта, которая в каждом конкретном случае выполняет функцию места локализуемого объекта, на которую воздействует вся или большая часть его массы и которая адекватно реагирует на это воздействие (отношение «локализуемый

¹⁷ Это имеет особое значение для практики преподавания русского языка как иностранного.

объект — локус» эквивалентно отношению «делать → иметь»¹⁸. Это, в частности, значит, что «находиться где-л.» — это не только «занимать место в пространстве» или «быть, существовать, присутствовать, иметься, наличествовать в каком-л. месте», но и оказывать на это место воздействие всей или большей частью массы своего тела и одновременно испытывать на себе реакцию места, чем мы обычно пренебрегаем; ср.: *птица на ветке* и *яблоко на ветке*. В первом случае ветка, выполняющая функцию реперного объекта, является опорой для локализуемого объекта, во втором — подвесом, но и птица, и яблоко находятся именно на ветке и воздействуют на нее, на ее зону «быть», с внешней стороны. Соответственно и функция места — это и «иметь в/на себе», и «поддерживать», испытывая при этом воздействие массы локализуемого объекта.

Для более убедительного обоснования нашего тезиса, что описание локативной семантики русских падежей должно опираться прежде всего на понятия зоны и таксиса, рассмотрим приведенные выше примеры детально¹⁹.

1. Винительный с предлогами *в* и *на*

Если, например, сообщается, что *Дачники идут в лес / на поле* (т.е. не в сторону, не в направлении *леса / поля*, а именно *в лес / на поле*), и это сообщение истинно, то это значит, что по прошествии некоторого времени они будут находиться *в лесу / на поле* и, как следствие, будут контактировать с самим реперным объектом — с его зоной «быть». Намерение (интенция) дачников оказаться *в лесу / на поле* как «намеченном пределе» движения станет действительностью (экстенцией).

Ясно, что цель дачников (агенса данного события и одновременно локализуемого актанта) будет реализована при условии, что с ними по дороге ничего не случится и что они сами не откажутся по каким-л. причинам от своего желания попасть *в лес / на поле*²⁰. То есть, при наличии достаточных условий результатом описываемого события будет нахождение локализуемого актанта в пределах зоны «быть» названного реперного объекта и, как следствие, его контакт именно с этой его зоной — с его телом.

В соответствии со схемой события²¹ образы таких событий репрезентируются следующим образом:

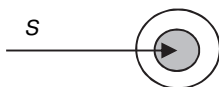

Рис. 1

¹⁸ Именно поэтому на нашей схеме события локус (хронотоп) занимает ту же позицию, что и бенефициант, но в ряду объектов — неодушевленных актанта [20. С. 46].

¹⁹ Мы не рассматриваем здесь нахождение между двумя или несколькими объектами, поскольку не преследуем целью описание видов пространственных отношений или способов их выражения в русском языке.

²⁰ «Все утверждения о будущем носят модальный характер и являются вероятностными» (В.П. Казарян [21]).

²¹ См., напр., [20], а из последних [22. С. 54].

На этом рисунке, который несложно воспроизвести даже мелом на доске, заштрихована внутренняя зона реперного объекта, и в данном случае именно она является, строго говоря, будет являться несущей, функциональной. Символом *S* обозначен локализуемый актант (зд. это субъект-агенс), стрелкой обозначено направление его движения, а линией — путь, в любой точке которого он может находиться в каждый конкретный момент, пока не достигнет намеченного предела.

Структура рассмотренного здесь события, по сути дела, аналогична структуре событий, описываемых такими сообщениями, как *Дачники собирают / жгут листву, Охотник разводит / поддерживает / гасит костер, Прачка стирает белье* и т.п., поскольку в таких событиях агенс воздействует на сферу «быть» пациенса (отношение «агенс — пациенс» эквивалентно отношению «причина — следствие»: «агенс делает — объект есть таков, каково действие агенса»). Оказывая воздействие на тело объекта, агенс сообщает ему соответствующую своему действию форму бытия²²: *жечь* → *гореть*, *гасить* → *гаснуть*, *мочить* → *мокнуть*, *белить* → *белеть*, *слепить* → *слепнуть*, *тонить* → *тонуть* и т.п.). Основой винительного в высказываниях о событиях называется объект, а флексией сообщается, что он играет в событии роль пациенса — является прямым объектом действия агенса (всякий падеж, в отличие от имени, есть свернутое простейшее предложение — внешняя форма компрессированного сообщения о явлении).

Что касается таксиса, то, напоминая, что явление-причина (действие агенса) и явление-следствие (состояние пациенса) «находятся в отношении „абсолютно раньше — абсолютно позже“, не нарушаемом ни в какой из физически допустимых систем отсчета» [7. С. 373].

Спецификой инвариантного значения винительного падежа («состояние объекта таково, какова его причина») и его внутренней детерминанты («объект в роли пациенса») объясняется то, почему, когда возникает потребность назвать место нахождения в относительном будущем, а точнее — реперный объект, в зоне «быть» которого локализуемый актант окажется в результате своего перемещения в пространстве, в современном русском языке используется именно этот, а не какой-л. другой падеж.

Этим же объясняется, почему сообщение *Дачники идут в лес / на поле* синонимично сообщению *Дачники будут (находиться) в лесу / на поле*. Формально связанное сообщение *Дачники идут в лес / на поле* есть результат компрессии содержательно связанного текста, состоящего из двух сообщений о двух явлениях — *Дачники идут + Лес будет локусом*.

Смысл, выражаемый винительным в сообщениях данного типа, — это образ реперного объекта, в пределах зоны «быть» которого агенс будет находиться по завершении своего движения, т.е. в результате перемещения.

²² «Структура причины воспроизводится в структуре следствия с точностью до изоморфизма» [7. С. 372].

2. Дательный с предлогом к

Если сообщается, что *Дачники сейчас идут к лесу / к полю*, т.е. намеченным пределом их движения, или местом «финиша», является внешняя зона реперного объекта — его окрестность, то это значит, что по завершении движения они будут находиться *у леса / у поля* и неизбежно, или, по выражению Ю.П. Трусова, «с точностью до землетрясения»²³, будут контактировать именно с этой зоной реперного объекта.

В соответствии с упомянутой выше схемой развивающегося события образы таких событий репрезентируются следующим рисунком:

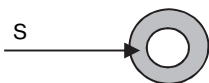

Рис. 2

Смысл, выражаемый дательным в сообщениях данного типа, — это образ реперного объекта, в зоне «иметь» которого агент будет находиться по завершении своего действия, т.е. в будущем по отношению ко времени действия агенса как реперного явления.

На этом рисунке заштрихована внешняя зона реперного объекта, в данном событии именно она является (будет являться) функциональной — несущей.

Сообщение *Дачники идут к лесу / к полю* можно рассматривать как эквивалент двух содержательно связанных сообщений *Дачники идут* + *Дачники будут находиться у леса / у поля*.

Использование дательного для выражения пространственных отношений данного вида обусловлено его инвариантным значением и внутренней детерминантой, т.е. тем, что обозначаемый им актант, играет в событии роль получателя результата действия агенса — бенефицианта, к которому от агенса переносится материя.

Дательный без предлога, как и винительный, выполняет в предложении функцию прямого дополнения (актуализатора ядра ремы — личной формы глагола), соответствующего, однако, особому виду переходности. Действие агенса, называемое глаголами типа «делать» и имеющие следствием реакцию второго лица типа «иметь» (*давать* → *брать*, *посылать* → *получать*, *показывать* → *смотреть*, *говорить* → *слушать*, *объяснять* → *понимать* и т. п.), распространяется, что уже отмечалось, не на тело бенефицианта, а на его внешнюю зону — зону «иметь». В результате такого воздействия происходит изменение именно этой его зоны: «он теперь имеет / будет иметь то, что сделал агент»; например: из сообщения *Дачники дали соседу газонокосилку*, следует, во-первых, то, что газонокосилка теперь «есть дана», а во-вторых, то, что у их соседа теперь есть газонокосилка.

²³ Ю.П. Трусов — основатель и руководитель исследовательского семинара «Основания и конструкции знания» философского общества СССР при АН СССР.

Поэтому в структуре события мы выделяем не только обозначаемое винительным следствие, но и обозначаемое дательным последствие [9. 2. С. 73].

На примере этого падежа можно еще раз убедиться в том, что для понимания смысла, выражаемого в речи каким-л. падежом, достаточно владеть русским языком, но для того чтобы объяснить, почему данный смысл выражается этим, а не другим падежом, необходимо знать не только его внутреннюю детерминанту²⁴, но и его инвариантное значение — внутреннюю форму, а таковой является свернутое простейшее предложение строго определенной семантики [6; 9]. Отрицание наличия у падежа инвариантного значения, не тождественного ни его общему, ни его главному смыслу, есть, по сути дела, отрицание закона достаточного основания.

Всякий падеж имени есть свернутая (имплицитная, «морфологизированная») предикативная единица — простейшее предложение. Основой дательного (тема; подлежащее) называется второй участвующий в событии субъект, а флексией (рема; сказуемое) сообщается его реакция на действие агенса — «имеет». Дательный падеж в высказывании *Дачники дали газонокосилку соседу* соответствует эксплицитному сообщению *Сосед взял, получил («имеет») газонокосилку*.

Таким образом, использование дательного для обозначения реперного объекта, зона «иметь» которого является «намеченным пределом» движения, или местом «финиша», местом нахождения в результате движения, т.е. в будущем по отношению ко времени действия агенса, обусловлено спецификой присущего ему значения и его внутренней детерминанты.

Вышесказанное о винительном с предлогами *в* и *на* и о дательном с предлогом *к* при глаголах движения можно обобщить: местом нахождения в результате движения, может быть либо 1) внутренняя зона реперного объекта — его зона «быть» (*в лес / на поле*), либо 2) его внешняя зона — зона «иметь» (*к лесу / к полю*). Понятно, что в первом случае перемещающийся актант неизбежно будет контактировать с самим реперным объектом, а во втором — с его окрестностью.

Для предложно-падежных сочетаний 1) *в лес / на поле* и 2) *к лесу / к полю* общим признаком (основанием для сравнения) является время нахождения движущегося актанта в указанной зоне — относительное будущее; различаются же они тем, что ими обозначаются разные зоны реперного объекта: «быть» и «иметь» соответственно.

Осуществление намерения агенса (преодоление дистанции, достижение соответствующей несущей зоны реперного объекта и нахождение в ней) в таких сообщениях выражается глаголом совершенного вида: *Дачники пришли в лес / на поле* или *к лесу / к полю*.

В обоих рассмотренных выше случаях временной план действия агенса, выражаемый формой глагольного сказуемого простого предложения (*идут*),

²⁴ Ср. с «главным значением» падежа в Р.О. Якобсон [4. С. 144]

и временной план нахождения в намеченной зоне реперного объекта не совпадают: действие агенса как причина события, вне зависимости от фактического времени этого действия, предшествует нахождению актанта в соответствующей зоне реперного объекта как следствию.

3.1. Родительный с предлогами *из* и *с*

Если дачники сейчас идут *из леса / с поля*, то это значит, что они находились *в лесу / на поле* до начала названного в высказывании действия, т.е. в относительном прошлом, и, естественно, контактировали с самим реперным объектом — с его зоной «быть».

Такие события репрезентируются следующим рисунком:

Рис. 3

Смысл, выражаемый в подобных сообщениях родительным с предлогами *из* или *с*, — это образ реперного объекта, зона «быть» которого являлась местом нахождения локализуемого актанта до начала описываемого события (в таких событиях нахождение предшествует движению).

Сообщение *Дачники идут из леса / с поля* можно рассматривать как эквивалент текста, состоящего из таких высказываний, как *Дачники идут* и *Дачники были в лесу / на поле*.

Системная трактовка значения родительного падежа и его категориального смысла как основания актуального события — его исходного условия, предпосылки [9. 3. С. 73—74] позволяет объяснить, почему в тех случаях, когда возникает потребность назвать явление, объект или событие, отстоящие от актуального в пространстве или во времени (т.е. предшествующие ему), используется именно этот, а не какой-л. другой падеж.

3.2. Родительный с предлогом *от*

Если сообщается, что дачники сейчас идут *от леса / от поля* (а не со стороны леса или поля), то это значит, что они находились во внешней зоне реперного объекта (в его зоне «иметь», в его окрестности) и, стало быть, контактировали с ней еще до начала движения:

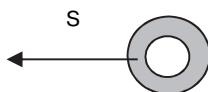

Рис. 4

Смысл, выражаемый сочетанием родительного с предлогом *от* в сообщениях данного типа, — это образ реперного объекта, в зоне «иметь» которого локализу-

емый актант находился в относительном прошлом²⁵, т.е. его нахождение в указанной зоне, а равно и контакт с этой зоной предшествуют актуальному действию агенса.

Сообщение *Дачники идут от леса / от поля* эквивалентно двум более простым, связанным содержательно, но не формально: *Дачники идут. Дачники были у леса/ у поля.*

События, описываемые сообщениями, подобными сообщениям *Дачники идут из леса / от леса*, отличаются от событий, описываемых сообщениями, подобными сообщениям *Дачники идут в лес / к лесу*, как временем нахождения локализуемого объекта в соответствующей зоне реперного объекта (до начала действия и после него соответственно), так и направлением движения локализуемого объекта относительно реперного объекта («первое измерение» в концепции Л. Ельмслева): в первом случае локализуемый объект удаляется от реперного объекта, во втором — приближается к нему). Но если место — это пространственная характеристика объекта, то направление — это пространственная характеристика движения, а это значит, что противопоставление приближения (*rapprochement*) и удаления (*éloignement*) покою (*repos*), а точнее было бы сказать, нахождению (*séjour*) едва ли можно считать вполне корректным.

Использование родительного с предлогами *из/с* и *от* теперь тоже можно обобщить: исходным пунктом движения агенса (или перемещаемого им объекта) является либо 1) внутренняя зона реперного объекта — его зона «быть» (*из леса / с поля*), либо 2) его внешняя зона — зона «иметь» (*от леса / от поля*). Понятно, что в первом случае описываемый актант (агенса или перемещаемый им объект) находился в самом реперном объекте (*идут из леса / с поля; вынимает платок из кармана; берет книгу с полки* и т.п.), во втором — в его окрестности (*идут от леса / от поля; отодвигает шкаф от стены; от пепелища несло гарью* и т.п.).

Примечательно, что в обоих этих случаях функциональные (несущие) зоны реперного объекта обозначаются не собственно родительным падежом, а предлогами — *из / с* и *от* соответственно, что лишний раз свидетельствует о том, что отношения между объектами (как членами отношения) выражаются предлогами, а не падежами.

Таким образом, для предложно-падежных сочетаний *из леса / с поля* и *от леса / от поля* общим признаком, т.е. основанием для сравнения, является время локализации (относительное прошлое); отличаются же эти сочетания друг от друга тем, что ими называются разные несущие зоны — «быть» и «иметь» соответственно.

4. Предложный с предлогами *в* и *на* и родительный с предлогом *у*

Если сообщается, что дачники сейчас гуляют а) *в лесу / на поле* или б) *у леса / у поля*, то самоочевидно, что они находятся а) в пределах внутренней и б) в пределах внешней зоны реперного объекта одновременно со своим действием и, как следствие, контактируют с этими зонами.

²⁵ Понятно, что данное высказывание в другом контексте может служить сообщением о движении локализуемого актанта со стороны леса.

Из таких сообщений с необходимостью вытекает, что на момент действия агенса его нахождение в зоне «быть» или в зоне «иметь» реперного объекта является экстенцией, т.е. оно реально:

Дачники гуляют + Дачники находятся а) в лесу / на поле, б) у леса / у поля.

Рис. 5

Смысл, выражаемый данными предположно-падежными сочетаниями, — это образ реперного объекта, в зоне «быть» или в зоне «иметь» которого агенс находится одновременно со своим действием.

Понятно, что данный вариант пространственных отношений может обнаруживаться также в прошедшем и в будущем, и тогда для выражения этого смыслового содержания будут использоваться надлежащие формы глагольного сказуемого — *гуляли* и *будут гулять*.

Что касается модальности нахождения локализуемого объекта в пределах самого реперного объекта или в его окрестности, то в рассматриваемых случаях она не может не совпадать с модальностью действия агенса.

Таким образом, для предположно-падежных сочетаний а) *в лесу / на поле* и б) *у леса / у поля* дифференциальным признаком является зона локализации, а основанием для сравнения, — время нахождения в указанной зоне, которое в данном случае совпадает со временем действия агенса. Иначе говоря, оба эти явления агенса — синхронны.

Так мы в третий раз приходим к тому, что при локализации одного объекта относительно другого функциональными признаками являются зона и таксис.

Следовательно, «второе измерение» сублогической системы Л. Ельмслева («когерентность — некогерентность»), трактуемое как наличие /отсутствие непосредственного контакта локализуемого объекта с реперным объектом, для русской падежной системы не релевантно²⁶. Нахождение локализуемого объекта в любой

²⁶ Более того, оно не релевантно для средств выражения пространственных отношений вообще. Исчерпывающие, на наш взгляд, разъяснения на этот счет были даны М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирским: «Среди сем локативности мы не выделяем сем контактности/неконтактности... Дело в том, что отношения соппространственности эту сему предполагают, как бы включают в себя, в частности при расположении предмета на одной из поверхностей локума (*на столе, на стене, на полу*). В рамках отношений несопространственности контактность предполагается при семе заполненности (*от/до самого города поля*), но при семе незаполненности контактность/неконтактность выражается на уровне контекста; ср.: *приблизиться к стене — прислониться к стене*, где в первом случае допускаются уточнители обоих типов: *приблизиться к стене вплотную* (контактность) /*на два шага* (дистантность), что показывает недифференцированность этой конструкции в отношении контактности/неконтактности. Таким образом, сема контактности как бы растворяется в семах соппространственности и заполненности пространства» [5. С. 15].

зоне реперного объекта имплицитно его контакт с этой зоной, не исключая при этом его контакт со смежной зоной. Но для семантики падежей это не имеет никакого значения. Обратное, кстати сказать, тоже невозможно. Наличие контакта локализуемого объекта с какой-л. из зон реперного объекта не означает его нахождения в этой зоне: напр., чтобы ложки стояли у стены, их нужно либо прислонить к стене, либо воткнуть в снег. Понятно также и то, что для «Девочки на шаре», несущей зоной в структуре шара как реперного объекта служит его зона «быть», хотя при этом девочка контактирует и с его внешней зоной, а площадь контакта ее тела с этой зоной шара в десятки раз больше площади ее контакта с самим шаром. Местом нахождения девочки является шар, а не его окрестность, и не вследствие ее непосредственного контакта с реперным объектом, а вследствие того, что этот объект служит ей опорой.

Вышесказанное означает, что при описании локативной семантики русских падежей во главу угла должны ставиться не привативные оппозиции «наличие контакта — отсутствие контакта» локализуемого объекта с реперным объектом или их «сопространственность — несопространственность», а эквиполентная оппозиция «внутренняя зона реперного объекта — его внешняя зона» и таксис.

Но если от понятий «сопространственность» и «контактность» все же не отказываться, то тогда следует говорить о двух видах «сопространственности» и о двух видах «контактности» — с самим реперным объектом и с его окрестностью, хотя едва ли в этом есть необходимость.

Что же касается таксиса, то синхронность или асинхронность 1) акта речи, 2) действия агенса как реперного явления для 3) нахождения локализуемого актанта в любой из зон реперного объекта можно для наглядности представить в виде матрицы.

Таблица 2 / Table 2

Синхронность/асинхронность акта речи, действия агенса и его локализации / Synchronicity / asynchrony of a speech act, action of an agent and his localization

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	...	
t_1	—	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	→
t_2	—	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	→
t_3	—	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	→

Стрелки t_1 , t_2 и t_3 символизируют оси времени: t_1 — это так называемое «время жизни» продуцента, t_2 — «время жизни» агенса события, t_3 — «время жизни» реперного объекта.

Точками на t_1 обозначено время акта речи, на t_2 — время действия агенса, определяемое в отношении времени акта речи, а на t_3 — время нахождения локализуемого актанта в пределах любой из зон реперного объекта, определяемое в отношении времени действия агенса²⁷: *Продуцент говорит, что дачники (I) гуляют*

²⁷ В наших примерах агенс одновременно является локализуемым актантом. Тем, что явление может быть не только моментарным, но и интервальным, сейчас можно пренебречь.

в лесу / у леса; (II) идут в лес / к лесу; (III) идут из леса / от леса; (IV) пришли в лес / к лесу; <...> (IX) будут гулять в лесу / у леса.

В качестве еще одного аргумента, подтверждающего наш тезис, что падежи являются формально-грамматическим средством выражение таксиса, приведем пример, которым мы обязаны Г.П. Мельникову.

Общеизвестно, что предлог *с* используется не только с родительным и с творительным падежами, но и с винительным (хотя и значительно реже). Инвариантное значение предлога *с*, по Г.П. Мельникову, — это касание, контакт. Так вот, в высказывании *Он идет с вокзала с чемоданом уже с час* предлогом «с» в сочетании 1) с родительным обозначается контакт агенса с реперным объектом до начала его действия (предшествование), в сочетании 2) с творительным — контакт актантов во время события (одновременность), а в сочетании 3) с винительным — контакт, которого на момент действия агенса еще нет, но который вскоре возникнет (следование)²⁸.

Заключение

В конечном итоге мы приходим к следующему выводу.

При локализации одного объекта относительно другого местом нахождения в прошлом, в настоящем или в будущем по отношению ко времени действия агенса, может быть либо внутренняя, либо внешняя сфера реперного объекта, т.е. либо его тело (зона «быть»), либо его окрестность (зона «иметь»). Формально-грамматическим средством выражения данного смыслового содержания в русском языке являются падежи в сочетании с соответствующими предлогами. А это означает, что описание локативной семантики русских падежей должно опираться прежде всего на такие понятия, как зона и таксис.

Тот факт, что пространственные и темпоральные отношения оказываются выраженными синкретически, по нашему мнению, не означает неспособности различать эти виды отношений, а скорее свидетельствует о понимании неразрывности взаимосвязи пространства и времени.

В качестве заключения остановимся кратко на предложенном Л. Ельмслевом термине «когерентность» и его отношении к семантике русских падежей.

Понятие «когерентность» репрезентируется Л. Ельмслевом двумя другими — ингерентность (*inhérence*: внутрь — внутри — изнутри объекта) и адгерентность (*adhérence*; на поверхность — на поверхности — с поверхности объекта) [3. С. 129—130]. Что касается некогерентности (*incohérence*), то она характеризуется отсутствием контакта локализуемого объекта с реперным. Именно по этой причине оба вида когерентности, с одной стороны, и некогерентность, с другой стороны, понимаются исследователями падежной семантики как «контактность» и «неконтактность».

Выше уже отмечалось, что М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский в своей работе, посвященной пространственным отношениям, «выражаемым беспредлож-

²⁸ Мысль К.С. Аксакова, что значение предлогов «находится в них как намек, который становится ясен только при падеже» [23. С. 36—37], Г.П. Мельников считал чрезвычайно важной и всегда обращал на нее внимание в своих лекциях.

ными и предложными формами существительных в русском языке» [5. С. 2—3], показали, что признак «контактность» для семантики русских падежей не релевантен. Действительно, нахождение локализуемого объекта в каком-л. месте, понимаемое нами не только как пребывание в данном месте, но и как воздействие локализуемого объекта на место нахождения всей или большей частью массы его тела, имплицитно его контакт с этим местом, а таковым, как мы это тоже уже неоднократно видели, может быть либо сам реперный объект (его сфера «быть»), либо его окрестность (сфера «иметь»).

Системная трактовка события как совокупности генетически связанных явлений позволяет показать, что участниками события, явления которых действительно когерентны, являются обозначаемый именительным агенс и обозначаемый творительным фациенс: именно фациенс вследствие воздействия на него агенса и одновременно с этим воздействием выполняет в событии функцию, аналогичную функции агенса, поскольку действие, совершаемое этим участником события, почти тождественно действию агенса: (отношение «агенс — фациенс» эквивалентно отношению «делать что-л. → делать»): *Повар режет ножом мясо → Нож режет; Ученик пишет диктант ручкой → Ручка пишет; Лесник рубит дерево топором → Топор рубит; Мы идем до реки лесом → Лес идет до реки* и т.п. [6].

Фациенс — это, как правило, неодушевленный, несамостоятельный актант; его явление есть следствие воздействия на него агенса и одновременно условие²⁹ реализации агенсом его цели, поэтому фациенс включается агенсом в событие уже на первом этапе его развития и остается включенным в него столь долго, сколь долго продолжается действие агенса: нож режет, рубит, царапает и т.п. вследствие того, что человек что-л. режет, рубит, царапает, и только тогда, когда человек это делает; карандаш пишет вследствие того, что человек что-л. пишет, и только тогда, когда человек это делает; вода гасит вследствие того, что человек гасит костер; оркестр играет вследствие того, что дирижер им управляет, и т.п.³⁰ Словом, фациенс «делает» (действует, функционирует) по причине того, что к нему от агенса переносится (переходит) либо 1) энергия, как это имеет место, когда агенс использует какое-нибудь средство, либо 2) информация, как это имеет место в событиях, описываемых глаголами со значением управления, или «руководящего действия» (в терминах Г.А. Золотовой).

В связи с этим хочу особо отметить, что Г.П. Мельников еще на этапе становления системной теории падежа рассматривал творительный как единственный «однородный» с именительным и противопоставил его по этому признаку всем остальным косвенным падежам [1. С. 19].

Спецификой значения морфемы творительного падежа, которое в системной теории падежа формулируется как «делает то, что делает агенс, и вследствие

²⁹ «Если причина непосредственно обращена к следствию, то прямое воздействие условий направлено не на следствие, а на причину; они определяют способ действия причины. В природе условий нет того, что само по себе могло бы породить данное следствие или содержало бы возможность такого порождения»²⁹ [7. С. 373]. Условие отличается от причины тем, что последняя обладает «большой производящей активностью» [там же].

³⁰ В сущности, и дорога идет/ведет куда-л. лишь тогда, когда мы по ней идем или едем.

того, что агент это делает», обусловлено использование этого падежа в тех случаях, когда необходимо назвать участника события, явление которого подобно в каком-л. отношении явлению агенса (реже другого актанта), в частности при сравнении (так наз. «творительный уподобления»), а также в пассивных конструкциях и др.; напр.: *Он воет волком* — агент и фациенс «когерентны», «однородны» во время действия *воет*; «*Сизым облаком ты полетишь к родному дому*»; *упал камнем, ходит гоголем, извивается ужом, лежит пластом; хвост кренделем, голова яйцом, брови домиком; вернулся победителем, работает преподавателем, является директором, представился журналистом; избрали Петрова делегатом; сделали козлом отпущения; Пирог пахнет медом; Сад кишит пчелами; Купола сияли золотом; Мы дошли до реки лесом; прошел парком; Полковник наш рожден был хватом; Рисунок сделан сангиной, Луга залило водой* и т.п., о чем уже говорилось в [6; Дремов 2001: 43].

В свете вышесказанного должно быть понятно, почему агент и фациенс на нашей схеме события занимают одну и ту же, первую, позицию [Дремов 1992: 46; 2019: 54] и почему они могут рассматриваться как актаны, явления которых когерентны: агент и фациенс либо а) изначально являются единым целым (*машет рукой, щелкнул пальцами, хлопает глазами, вертит хвостом* — неотчуждаемая принадлежность), либо б) образуют единое целое на время события (*машет платком, щелкнул затвором винтовки, хлопает ставнями, вертит мужем* — отчуждаемая принадлежность).

И последнее замечание. Представленные здесь наблюдения (хотя и в более простом виде) уже не одно десятилетие используются автором в практике преподавания русского языка как иностранного и неоднократно доказывали эффективность системной трактовки основных грамматических категорий русского языка.

Библиографический список

1. Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей. Исследования в области грамматики и типологии языков // Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39—64 (электронная версия).
2. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
3. Hjelmslev L. La catégorie des cas // Etude de grammaire générale. Aarhus: Universitetsforlaget, 1935—1937.
4. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133—175.
5. Всеволодова М.В., Владимирский Е.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
6. Мельников Г.П., Дремов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики. Коммуникативный синтаксис: Сб. науч. тр. / отв. ред. О.А. Крылова. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1984. С. 49—70.
7. ФЭ — Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1960—1970.
8. Крысин Л.П. Словарь иностранных слов. М.: БЭКМ, 2006.
9. Дремов А.Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: Мир русского слова, 2001. no 1—4.

10. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. 1972. С. 95—113.
11. Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 503—504.
12. Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, Champion, 1926.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: пер. с франц. / редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др. Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.
14. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
15. Дремов А.Ф. Модель внутренней и внешней формы русского канонического сообщения. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Выпуск 7 / под ред. В.А. Пищальниковой. М.: МГЭИ, 2004. С. 71—75.
16. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
17. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989.
18. Фромм Э. Иметь или быть? Пер. с англ. общ. ред. В.И. Добренёва. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990 (Б-ка зарубеж. психологии).
19. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. радио, 1978.
20. Дремов А.Ф. Лингвистическая модель как основание сопоставительного описания языков // Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков: сб. науч. тр. / под ред. Г.С. Романовой и Г.Г. Тяпко. М.: МГИМО, 1992. С. 43—50.
21. Казарян В.П. Будущее. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kazaryan_buduscheye.htm (дата обращения: 12.08.2018).
22. Дремов А.Ф. Понятия простейшего и простого предложения в парадигме системной теории падежа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 43—62.
23. Аксаков К.С. О русских глаголах. М.: тип. Л. Степановой, 1855.

References

1. Melnikov, G.P. (1980). The nature of case values and the classification of cases In *Studies in the field of grammar and typology of languages*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. pp. 39—64 (electronic version). (In Russ.).
2. Melnikov, G.P. (2003). *System typology of languages: Principles, Methods, Models*, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Hjelmslev, L. (1935—1937). La catégorie des cas In *Etude de grammaire générale*. Aarhus: Universitetsforlaget. (In French).
4. Jacobson, R.O. (1985). To the general theory of the case. The general meaning of the Russian case. Selected works. Moscow: Progress. pp. 133—175. (In Russ.).
5. Vsevolodova, M.V. & Vladimirsky, E.V. (1982). Ways of expressing spatial relations in modern Russian. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
6. Melnikov, G.P. & Dremov, A.F. (1984). Levels of text connectivity, current prediction and case from the standpoint of systemic linguistics. *Communicative Syntax*, O.A. Krylova (Ed.). Moscow: Universitet druzhby narodov. pp. 49—70. (In Russ.).
7. FE—Philosophical Encyclopedia (1960—1970). In 5 vols. F.V. Konstantinov (Ed.). Vol. 4. Moscow: Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
8. Krysin, L.P. (2006). Dictionary of foreign words. Moscow: BECM. (In Russ.).
9. Dremov, A.F. (2001). The system theory of case and preposition in the practice of teaching Russian as a foreign language. Moscow: Mir russkogo slova, 2001. no 1—4. (In Russ.).
10. Jacobson, R.O. (1972). Shifters, verb categories and Russian verb In *Principles of typological analysis of languages of different systems*. Moscow: Nauka. pp. 95—113. (In Russ.).

11. Bondarko, A.V. (1990). Taxis In *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: sovetskaja jenciklopedija. pp. 503—504. (In Russ.).
12. Sechehaye, A. (1926). *Essai sur la structure logique de la phrase*. Paris: Champion. (In French).
13. Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*, G.V. Stepanov (Transl.), V.G. Gak (Ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
14. Melnikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: synthesis of morphological classification of languages with stadial. Moscow: Publishing House of RUDN. (In Russ.).
15. Dremov, A.F. (2004). A model of the internal and external forms of the Russian canonical message In *Linguistic being of a person and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects*. Issue 7, Pishchalnikova (Ed.). Moscow: Publishing House of Moscow Institute of Physics and Technology. pp. 71—75. (In Russ.).
16. Peshkovsky, A.M. (1956). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Uchpedgiz, 1956. (In Russ.).
17. Stepanov, Yu.S. (1989). *Indo-European proposal*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Fromm, E. (1990). To have or to be? V.I. Dobrenkov (Transl., ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
19. Melnikov, G.P. (1978). Systemology and linguistic aspects of cybernetics. Moscow: Sov. radio. (In Russ.).
20. Dremov, A.F. (1992). Linguistic model as the basis for a comparative description of languages. In *Questions of language contacts and comparative study of languages*, G.S. Romanova & G.G. Tyapko (eds.). Moscow: Publishing House of MGIMO. pp. 43—50. (In Russ.).
21. Ghazaryan, V.P. *Future*. URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kazaryan_buduscheye.htm (accessed: 08/12/2018). (In Russ.).
22. Dremov, A.F. (2019). The Concepts of the Simplest and Simple Sentences in the Paradigm of Systemic Theory of Case. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1) 1, 43—62. (In Russ.).
23. Aksakov, K.S. (1855). *About Russian verbs*. Moscow: L. Stepanov's Publishing House. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Алексей Фёдорович Дремов, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России; e-mail: afdream@bk.ru

Information about the author:

Alexey F. Dremov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Department; e-mail: afdream@bk.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-810-827
УДК 811.161.1'37:81'255.4

Научная статья / Research article

Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык

О.И. Александрова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
alexandrova-oi@rudn.ru

Статья посвящена изучению семантических трансформаций, происходящих при переводе названий художественных фильмов с использованием стратегий частичной и полной замены. Материалом исследования послужили 104 названия фильмов, 31% от всего количества англоязычных кинофильмов, вышедших в прокат в России в 2018 году. В работе предпринимается попытка выделения в названиях смыслового центра и их классификации по типу смыслового центра. Анализ семантической структуры названий в оригинальном и переведенном вариантах позволил выделить шесть групп со смысловым центром «персонаж(и)», «числа», «предметы», «хронотоп», «сюжетная линия», «идея». В 39% названий наблюдается смещение смыслового центра с частичной или полной заменой. Название как вербальный компонент комплексной единицы — кинотекста участвует в формировании первого впечатления у потенциального зрителя. Трансформации названия, происходящие при переводе, могут повлечь за собой смещение фокуса адресата и повлиять на восприятие им кинотекста в целом. В ходе исследования обнаружена общая тенденция смещения при переводе от абстрактного к конкретному и от персонального к событийному.

Ключевые слова: семантическая трансформация, смысловой центр, перевод, локализация, название кинофильма

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Александрова О.И. Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 810—827. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-810-827

© Александрова О.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37:81'255.4

Semantic Transformation of Film Titles, Translated to Russian

O.I. Aleksandrova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
alexandrova-oi@rudn.ru

The article focuses on the issue of semantic transformations that occur when translating the titles of feature films using partial and complete replacement strategies. The research material includes 104 film titles, 31% of the total number of English-language films released in Russia in 2018. The paper attempts to highlight the semantic center in the film titles and classify them according to the type of the center. The analysis of the semantic structure of film titles in the original and translated versions made it possible to identify six groups with the semantic center of “character (s)”, “numbers”, “objects”, “chronotope”, “storyline”, “idea”. In 39% of the names, a shift in the semantic center with partial or complete replacement is observed. The name as a verbal component of a complex unit — filmtext is involved in the formation of the first impression of a potential audience. Film titles transformations can entail a shift in the focus of the addressee and affect his perception of film text as a whole. The study reveals a general tendency of transferring from abstract to concrete and from personal to event when translating the film titles from English to Russian.

Key words: semantic transformation, semantic center, translation, localization, film title

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Aleksandrova, O.I. (2019). Semantic Transformation of Film Titles, Translated to Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 810—827. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-810-827

Введение

В последние годы в отечественной науке наблюдается растущий интерес лингвистов к таким проблемам перевода названий кинофильмов, как: эффективность использования различных стратегий при переводе [1—5 и др.]; особенности их локализации в различных лингвокультурах [6—11 и др.]; факторы, осложняющие перевод названий [12, 13 и др.], жанровая идентификация переведенных названий кинофильмов [14 и др.], особенности названий кинофильмов как единиц номинации [15—19, и др.] и пр.

Внимание исследователей к этим проблемам можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, в условиях глобализации современные продукты кинопроизводства (особенно американского) получают все большее распространение и популярность и, становясь неотъемлемой частью массовой культуры с высоким уровнем прецедентности, привлекают внимание исследователей с точки зрения их воздействия на современное общество.

Во-вторых, использование при переводе названий фильмов стратегии полной замены легко обнаруживается зрителями, имеющими благодаря электронным технологиям доступ к иноязычному оригиналу, что приводит к многочисленным

дискуссиям по поводу качества перевода. Так, например, при запросе «замена названия при переводе фильма» поисковая система Яндекс предлагает 9 миллионов ссылок, включая ресурсы, ориентированные на широкую аудиторию, например: «Дурацкие переводы названий фильмов», «Голстости перевода: 12 нелепых переводов названий фильмов», «Трудности перевода: Как меняют фильмы в прокате за рубежом»¹ и др. Целевая аудитория заинтересована в качественном переводе, а его обеспечение может зависеть от понимания механизмов и целесообразности использования тех или иных переводческих стратегий.

В-третьих, название кинофильма представляет научный интерес с позиции семиотики: являясь образно-смысловым центром сложной поликодовой единицы — кинотекста, оно обнаруживает множественные смысловые и дискурсивно-обусловленные связи, раскрывающие особенности репрезентации содержания кинотекста, при этом сжатость его «формы» и относительная автономность позволяет осуществлять как качественный, так и количественный анализ, повышающий уровень валидности результатов исследования.

С учетом сохраняющейся актуальности проблемы перевода названий кинофильмов и степени разработанности различных ее аспектов в качестве объекта данного исследования были выбраны семантические преобразования в переведенных названиях кинофильмов, наблюдающиеся при использовании переводческой стратегии замены. Именно при частичной или полной замене названия при переводе, сопровождающейся смысловыми смещениями, возникает вопрос адекватности или неадекватности перевода, обусловленности выбора данной переводческой стратегии экстралингвистическими факторами, необходимости этого выбора.

Исследование семантических сдвигов в процессе перевода англоязычных названий на русский язык может не только проиллюстрировать механизмы выбора нового названия, но и обозначить тенденции в направлении смыслового смещения при использовании стратегии частичной или полной замены и их обусловленность жанровой принадлежностью кинофильма и его содержанием. В перспективе исследование данного аспекта перевода на более обширном материале позволит оценить, насколько важна закреплённость оригинального названия за общим содержанием кинотекста и как такое смещение может повлиять на его восприятие зрителем в целом.

Материалом данного исследования послужили названия художественных фильмов, выпущенных в оригинале на английском языке и вышедших в прокат в России в 2018 году в дублированной версии. Из 330 фильмов было отобрано 104 кинофильма (31%), в переведенных названиях которых была обнаружена трансформация (как с частичной, так и с полной заменой). Анализируемый материал намеренно отбирался методом сплошной выборки, чтобы проверить частотность использования переводческого приема замены в определенный промежуток времени. Кроме того, сплошная выборка обеспечивает работу с разнородным материалом, то есть с фильмами самых разных жанров, как успешных, так и неуспешных в прокате, что должно повысить релевантность результатов исследо-

¹ <http://begin-english.ru/blog/perevod-filmov>
<https://www.iv1.ru/titr/motor/wrong-translations>
<https://www.kinopoisk.ru/media/article/2839624/>

вания. Ограниченность одним годом выпуска фильмов обусловлена, с одной стороны, необходимостью обзорности материала для проведения качественного семантического анализа, с другой стороны, необходимостью анализа новейшей кинопродукции.

В качестве метода для семантического анализа использовался принцип выделения смыслового центра, который был положен в основу семантических классификаций названий, предложенных Н.А. Веселовой в 1998 г. [20], А.В. Ламзиной в 1999 г. [21] и Л.Г. Бабенко и др. в 2000 г. [22]². Изучение оригинальных и переведенных названий проводилось в несколько этапов:

1) названия делились на группы с общим смысловым центром, выделенным на основе когнитивно-тематического принципа (сначала классифицировались оригинальные, а затем переведенные);

2) семантическая структура исходного названия и его переведенного варианта сравнивалась, определялись степень и виды трансформации названия;

3) обнаруживались сдвиги (замена) смыслового центра;

4) трансформированные названия анализировались с точки зрения их соответствия жанровой принадлежности и общему содержанию кинотекста;

5) количество сдвигов каждого типа подсчитывалось для понимания степени релевантности исследования материала.

Проведенный анализ позволил выделить в исследуемом материале шесть групп, по которым были распределены как оригинальные, так и переведенные названия, объединенные по принципу обобщения. Степень изменения названия варьировалась от расширения значения, модуляции до полной замены со смещением смыслового центра. Количественный анализ проиллюстрировал некоторые тенденции такого смещения, а одновременное с семантическим анализом определение жанра показало, как закреплённость названия за кинотекстом зависит от его идейного содержания и жанровой принадлежности.

1. Название как составляющая кинотекста

Являясь образно-смысловым центром кинотекста, название кинофильма функционально призвано привлекать внимание потенциального зрителя и в совокупности с другими средствами готовить к его просмотру, в связи с чем оно должно быть связано с сюжетными линиями, идейным содержанием, жанровыми характеристиками, коррелировать с визуальным рядом, сопровождающим его появление. В случае перевода, когда на другом языке интерпретируется исходный текст, происходит некоторое смещение, влияющее на процесс передачи авторского замысла адресату-реципиенту. При сохранении авторского замысла, жанровой принадлежности, сюжетных линий, визуального и звукового (музыки, шумов и пр.) ряда существуют два (или несколько) кинотекста с двумя центрами-названиями — исходным и переведенным, что мы попытались изобразить на рисунке 1³.

² Ссылки на работы авторов были обнаружены на ресурсе <https://scienceforum.ru/2012/article/2012001069>

³ Схема является развитием идеи, предложенной нами в статье «Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы», опубликованной в журнале «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика». 2017. Т. 9. no 4. С. 176—185.

Рис. 1. Результат интерпретации текстовой составляющей при переводе кинофильма /
Fig. 1. The result of the interpretation of the text component in the translation of the film

В отличие от перевода произведений художественной литературы при переводе кинотекста сохраняются неизменными его оригинальная музыкальная, звуковая и визуальная составляющие, а также сопровождающие коммуникацию паравербальные и экстравербальные сигналы [23; 24]. Они связывают исходный и переведенный тексты, что, на наш взгляд, и обеспечивает возможность выбора при переводе.

Возвращаясь к переводу названий, необходимо отметить, что при интерпретации кинотекста переводчик располагает другими включенными в него текстами, такими как афиша, слоган, синопсис, трейлер, титры. Эти составляющие кинотекста имеют свою микроструктуру, они должны дополнять название и способствовать его адекватному восприятию. Следовательно, комплексность и многокомпонентность кинотекста обеспечивает его семантическую целостность даже при локализации, предполагающей адаптивные техники и некоторые трансформации, нацеленные на снятие барьеров межкультурной коммуникации [11. С. 440]. Тем не менее, при сохранении целостности кинотекста трансформации его вербальной составляющей, происходящие при переводе, могут повлечь за собой смещение фокуса адресата и повлиять на восприятие им кинотекста.

2. Семантическая трансформация в переведенных названиях и выделение смыслового центра

Выбирая ту или иную стратегию перевода, переводчик опосредованно влияет на намерение потенциального зрителя смотреть или не смотреть фильм. Из всего многообразия стратегий наибольший интерес, на наш взгляд, представляет перевод

с трансформацией, а именно частичная или полная замена, так как именно такой перевод чаще всего оценивается с точки зрения его адекватности. Под частичной заменой мы понимаем не только лексическую замену одного из компонентов названия, но и приемы опущения и дополнения [2] как оппозиции с нулем в лексико-семантической структуре названия (замена на нуль значимого компонента названия и замена нуля на значимый компонент).

Семантическая трансформация названия предполагает манипуляции с компонентами его плана содержания, которые вычлняются из структуры всего кинотекста. В семантической структуре названия кинофильма содержится смысловой центр (ядро), который фокусирует внимание зрителя на одном из компонентов содержания произведения. Выбор этого центра определяется авторским выдвижением на первый план философской проблематики, обозначенной идеей или символом, сюжетной линии сценария, героя или играющего его актера, жанра или настроения картины, хронотопа как событийного маркера и др. Такая классификация заголовков по типу соотносительности с текстом и когнитивно-тематическому принципу изначально была предложена применительно к художественным произведениям [20—22] и частично применена к названиям фильмов [19].

На основе соотношения названия с компонентами произведений в сочетании с когнитивно-тематическим принципом анализируемые названия были поделены на шесть групп, в каждой из которых в силу неоднородности материала выделялись подгруппы.

Первичное распределение названий осуществлялось без опоры на сюжет, идейное содержание, жанр, звуковой или визуальный ряд, так, как это потенциально может воспринимать адресат. Однако в случае многозначности лексем, входящих в состав названия, обращение к синопсису, слогану, афише было неизбежно (что еще раз доказывает спаянность компонентов кинотекста).

Выделение смыслового центра осуществлялось не только с опорой на сигнификативное значение, но и через установление синтагматических отношений на уровне лексической и грамматической семантики. В словосочетаниях (ими является большая часть названий, особенно в русском варианте) устанавливались синтаксические связи и определялось главное слово, выбираемое как опорное для выделения смыслового центра.

Следует сказать, что определение смыслового центра может быть затруднительным, особенно это касается парцеллированных конструкций. Например, в русском переводе названия для фильма *Rebirth* предлагается вариант *Ночь живых мертвецов: Перерождение*: главным компонентом словосочетания является слово *ночь*, определяющее хронотоп, время событий фильма; с другой стороны, не менее значимыми являются введенные персонажи, указывающие на жанр фильма, при этом сохраняется сюжетная перспектива *перерождение*. В данном случае первая часть парцеллированной конструкции в русском варианте сохраняется в связи с коммерческой необходимостью для обозначения вышедших ранее фильмов этой серии, однако она остается значимой и для определения сюжетной линии и жанровой принадлежности фильма.

Названия с полной заменой при переводе и смещением смыслового центра оказываются в разных категориях в разных языках, поэтому учитываются дважды, например, в исходном англоязычном названии *The mercy* (милость / пощада / прощение / счастье / удача) фокус на идейном содержании фильма, тогда как в русском переводе *Гонка века* в центре внимания оказывается событие, сюжетная линия.

Итак, отобранные названия были поделены на следующие группы:

1) названия, смысловым центром которых является «персонаж(и)» (мы отказываемся от предложенных в других работах обозначений группы «человек», «антропоним», так как в названиях фильмов обозначены не только люди, но и животные, вымышленные существа: *Show Dogs*, *Early Man*, *Sidewiped*, *Привидение*, *Миссис Клаус*, *Кавалерия*, *Мама-папа гусь*);

2) названия, смысловым центром которых является «предмет» (под предметом может подразумеваться любой объект, имеющий ключевое для сюжета или символическое значение: *The package*, *Battle Drone*, *Прибор*, *Маленькое красное платье*);

3) названия, смысловым центром которых является «число» (самая малочисленная группа, числа имеют символическое значение, но их сложно отнести к какому-либо другим категориям: *911*, *211*);

4) названия, смысловым центром которых является «хронотоп» (названия со значением времени и места распределены в подгруппы, а в исследуемом материале обнаружены названия, сочетающие и место, и время: *Here and Now*, *An L.A. Minute*, *The 15:17 to Paris*, *Однажды в Стокгольме*);

5) названия, смысловым центром которых является «сюжетная линия» (при отнесении названия к этой группе мы считаем значимым наличие процессуальности, развития, причины или результата какого-то действия: *Ride*, *The Last Sharknado: It's About Time*, *Second Act*, *Как женить холостяка*, *План побега 2*, *Во власти стихии*);

6) названия, смысловым центром которых является «тема/идея» (выбор названия группы вызвал самые большие трудности, так как тема всегда является частью сюжета, однако существуют названия, отражающие не фабульные или кульминационные сюжетные линии, а идейно-философское содержание: *Teen Spirit*, *Deep State*, *Mercy*, *Власть*, *Иллюзия*).

Состав выделенных групп оригинальных и переведенных названий не совпадает. Изменение смыслового центра обусловлено выбором переводчика (и зачастую прокатчиков), важным остаются вопросы, насколько необходимо такое смещение фокуса и как оно влияет на первичное восприятие кинопродукта.

2.1. Названия со смысловым центром «персонаж(и)»

Данная группа включает наибольшее количество названий как в оригинальных, так и в переведенных вариантах. Все названия можно поделить на несколько подгрупп, каждая из которых включает неоднородные названия.

Первая подгруппа содержит **имена собственные** *Nureyev*, *Gotti*, *Mara*, *The Meg*, *Jonathan*, *Heathers*, *Mr Inbetween*, *Pistachio*, *Lizzie*, *Crikey! It's the Irwins*, *Greta*, *Here comes the Grump*, *Ланочка 4*, *Missis Клаус*, *Tomb Raider: Лапа*

Крофт и др. В подгруппе содержатся имена главных героев кинофильмов, прецедентные имена *Nureyev* (общеизвестное имя), *Gotti* (узнаваемое только для американского зрителя), *Лара Крофт* (известно любителям компьютерных игр и уже выходящих по их мотивам фильмов 2001, 2003, 2007), *Миссис Клаус* (отсылает к прецедентному имени Санта Клаус), имена с прозрачной внутренней формой *Mr Inbetween* (семантика раскрывается только в оригинале) и имена героев, остающиеся для зрителя непрозрачными (хотя обычно имя дается персонажу неслучайно).

Непрозрачность семантики названий с именами собственными обуславливает трансформацию при переводе: оригинальные названия с личными именами персонажей получают семантическое расширение при сохранении имен (*Mara — Mara: пожиратель снов*, *The Meg — Meg: Монстр глубины*, *Lizzie — Месть Луизы Борден*, *Gotti — кодекс Готти*, *Crikey! It's the Irwins — Зоопарк Ирвинов и др.*), и только в двух переведенных названиях сохраняются имена собственные *Ланочка 4* (как ставшее прецедентным, с усечением второй части парцелированной конструкции *Honey: Rise Up and Dance*) и *Миссис Клаус* с полной заменой смыслового центра (*Stirring*). В двух названиях имя собственное вводится при переводе: *At Eternity's Gate — Ван Гог. На пороге вечности*, *Inhumanity — Сэм «Шесть кубиков»* (в первом случае прецедентное имя конкретизирует тему, во втором внимание обращается на главного персонажа).

В других названиях с именем собственным в оригинальной версии при переводе наблюдается полная замена: *Mr Inbetween — Решала* (имя заменяется на указание на род деятельности героя), *The Possession of Hannah Grace⁴ — Кадавр* (имя заменяется на объект ее внимания, кадавр — устаревшее название для трупа), *Pistachio — Прирожденная наездница* (*Pistachio* — имя лошади, в центре внимания остается персонаж, но теперь другой), в том числе со смещением смыслового центра: *Alex, Inc. — Старпан, Jonathan — Дубликам*, *Greta — В объятиях лжи*, *Heathers — Смертельное влечение*.

Три названия получают конкретизацию с указанием имени собственного в переводе при его отсутствии в оригинале, в двух случаях из трех это прецедентные имена (*At Eternity's Gate — Ван Гог. На пороге вечности*, *Stirring — Миссис Клаус*, *Inhumanity — Сэм «Шесть кубиков»*).

В первой подгруппе, содержащей имена собственные, категории «персонаж(и)» при переводе, обнаруживаются следующие семантические изменения: частичное смещение смыслового центра с опущением части названия, лексической заменой, расширением значения названия с появлением дополнительного фокуса, указывающего на жанр или сюжетные линии, заменой имени собственного на нарицательное, пересекающееся с сюжетом; полная замена смыслового центра со смещением от персонажа к сюжетной линии и идее.

Вторая подгруппа включает названия-**антропонимы**, характеризующие главных героев, указывающие на род занятий персонажей, гендер, социальную роль,

⁴ При определении смыслового центра этого названия (дословно: Собственность Анны Грейс) допускаем, что название может быть отнесено к группе «тема» или «предмет».

статус и иные характеристики: *Guitar Man*, *Friday's Child*, *Accident Man*, *The Rookie*, *The Front Runner*, *Vice*, *The Nun*, *Gringo*, *Rumspringa* и др. В данную группу вошли и образные названия *The Mule*, *Beast of Burden*, собирательные названия *Social Animals*, *12 Strong*. Некоторые названия, содержащие предикативную конструкцию, *Stath Lets Flats*, *He's Out There* несмотря на наличие некоторой событийности фокусируют внимание на персонаже (*Стас, некто*), поэтому они также были включены в эту подгруппу.

Наиболее распространенным типом модуляции при переводе такого рода названий является лексическая замена с сохранением типа смыслового центра (58% внутри группы):

частичная замена: *First Man* — *Человек на Луне*, *Drunk Parents* — *Родители легкого поведения*, *The Rookie* — *Новобранец*, *Early man* — *Дикие предки*, с семантическим расширением *Guitar Man* — *Не стреляй! Я гитарист!*,

полная замена: *12 Strong* — *Кавалерия*, *the Watcher* — *Плохая монахиня*, *He's out there* — *Кукловод* и др. В случае использования в исходном названии многозначного слова в его образно-переносном значении лексическая замена на конкретное значение наблюдается во всех случаях как с сохранением типа смыслового центра *The Mule* — *Наркокурьер*, так и с его изменением *Beast of Burden* — *Опасное задание*. При частичной замене может происходить смещение смыслового центра: *The Nun* — *Проклятие монахини* (внимание переключается с персонажа на событие, сюжетную линию).

Чаще смещение смыслового центра происходит при полной замене. Названия по персонажу локализуются с указанием сюжетной линии: *Gringo* — *Опасный бизнес*, *The Front Runner* — *Как не стать президентом*, *Social Animals* — *Погоня за любовью*, хронотопа: *Bad Samaritan* — *Логово монстра*, *The Witch in the Window* — *Проклятый дом*, *Rumspringa* — *Рай для амишей*, основной идеи фильма: *Vice* — *Власть* (в этом примере нужно отметить, что многозначное оригинальное название было определено в группу «персонаж(и)» только после ознакомления с синопсисом фильма, из которого стало понятно, что фильм о «теневом игроке»). Совершенно очевидно, что культуроспецифические названия подлежат замене, так как не будут восприняты представителями другой культуры: название *Rumspringa* дословно переводится как «румспринга, окольник» — подросток у амишей от шестнадцати лет до принятия выбора остаться в общине или покинуть ее⁵, оно требует развернутого комментария, введенное в название для обозначения тематики слово *амиши* также требует фоновых знаний, но все-таки более узнаваемо.

В третью подгруппу включены названия, указывающие на других персонажей — **животных**, вымышленных существ. Такие названия характерны для анимационных и документальных фильмов. При переводе такого рода названий смысловый центр «персонаж» сохраняется, но наблюдается частичная замена: *Duck Duck Goose* — *Мама-папа гусь* (здесь фокус смещается с других персонажей «утка, утка, гусь» на роль главного персонажа), *Show Dogs* — *Псы под прикрытием* (смещение с кульминационной роли героя на фабульную). Если рассматривать

⁵ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1860495>

переведенные русскоязычные варианты, то в этой группе окажутся названия *Обитатели холмов*, *Сага о чудовище*. *Сумерки*, *Привидение*, ставшие результатом смещения смыслового центра от предмета, сюжетной линии и хронотопа (ср. *Water-ship Down*, *Wildling*, *Every Day*).

2.2. Названия со смысловым центром «предмет»

Данная группа включает всего четыре оригинальных названия с указанием на **предмет** или объект, играющий ключевую роль в развитии сюжета: *In Fabric*, *The Package*, *Battle*, *Drone*, *Water-ship Down* тогда как среди переведенных названий такой смысловый центр встречается чаще: *Маленькое красное платье*, *Прибор*, *Темное зеркало*, *Почка* и частично в названиях *Любовь в чашке кофе* — *Brimming with Love*, *Счастье в волосах* — *Nappily Ever After* (в данном случае основным фокусом является идея, тема — любовь, счастье, а названия предметов вводятся в качестве дополнительного фокуса для поддержания сюжетной линии и сохранения компонентов оригинального названия: *Brimming* — *наполненный до краев* (метафорически любовью), *Nappily* — *туго закрученный* (о волосах).

В группе таких названий при переводе на русский язык наблюдается:

конкретизация с семантическим расширением значения названия: *In Fabric* — *Маленькое красное платье* (скорее всего дополнение является аллюзией на прецедентный феномен *маленькое черное платье*, связывающий название с темой моды и потребительства);

полная замена названия при сохранении его отнесенности к предметному содержанию: *The Package* — *Прибор* (сюжет заключается в доставке предмета одному из персонажей, в русском названии фокус смещается с процесса и объекта «посылки» на ее содержимое);

а также полная замена названия со смещением смыслового центра: *Water-ship Down* — *Обитатели холмов* (смещение от названия предмета «водное судно» к главным героям⁶); *Battle Drone* — *Загнаный*, при котором внимание зрителя переключается с объекта, участвующего в событиях (все-таки назвать боевой дрон персонажем сложно), на действующего персонажа, а точнее персонажей («загнанным» оказывается боевой отряд).

В русском переводе смысловый центр «предмет» появляется при полной замене оригинальных названий, подчеркивающих сюжетную линию, и персонажей: *Почка* — *What Death Leaves Behind* (*Что остается после смерти*) *Темное зеркало* — *Look Away*, (*Отвернись*) *Тачка на миллион* — *Driven* (*Управляемый, побуждаемый*).

2.3. Названия со смысловым центром «число»

В данную группу включены названия, содержащие только **число**: *911* и *211*. Названия такого рода сложно назвать информативными, поэтому при переводе их значение конкретизируется. Если число 911 является легко узнаваемым и допол-

⁶ Название фильма повторяет переведенное на русский язык название книги, по мотивам которой он снят.

нение «служба спасения» в русском варианте названия можно было бы опустить, то название 211 не дает никакого представления о содержании фильма, и поэтому в русском языке локализуется с семантическим расширением *Ограбление: код 211*, позволяющим определить тематику и жанр кинофильма.

В материале, выбранном для исследования, есть другие названия, содержащие числа *Ocean's Eight*, *The 15:17 to Paris*, *Escape Plan 2: Hades*, *Hotel Transylvania 3: Summer Vacation*, *Лапочка 4*, *Агент Джонни Инглиш 3.0*, однако они являются дополнительным фокусом: *Ocean's Eight* — количество главных героев (персонажи), *The 15:17 to Paris* — время отправления поезда (хронотоп), в остальных случаях число указывает на новую выходящую серию успешного в прокате кинофильма.

2.4. Названия со смысловым центром «хронотоп»

В данную группу вошли названия, концентрирующие внимание зрителя на **пространственно-временных обстоятельствах** событий, происходящих в кинофильме. При необходимости группу можно разделить на две отдельные со смысловым центром «место» и «время», но так как есть названия, объединяющие эти обстоятельства, мы предпочли разграничить их внутри группы на подгруппы.

Первая подгруппа содержит названия со смысловым центром «место». Этот семантический признак оказывается центральным в названиях, указывающих на место, в котором разворачиваются события, включающих конкретные топонимы: *Stockholm*, *Entebbe*, *Waco*, *Siberia* и обобщенные названия места, определяющего сюжетную линию: *Realms — Зачарованный город*, *Wanderland — Пристанище страха*. Кроме того, семантическим центром может быть место-тема, которой посвящен весь кинофильм: *Final Space — Крайний космос*, *One Strange Rock — Неизвестная планета Земля*.

При переводе на русский язык все названия-топонимы трансформируются. В первом случае происходит частичная замена с расширением *Stockholm — Однажды в Стокгольме* (с аллюзией на ставший прецедентным кинотекст *Однажды в Америке* гангстерской тематики). Такое уточнение сосредотачивает внимание зрителя на том, что фильм о случившемся однажды событии, а не просто о городе (как в названиях, где место — это тема фильма). Нужно отметить, что фокус на обстоятельственной функции в оригинальной версии названия *Stockholm* поддерживается слоганом *Based On An Absurd But True Story (Основано на абсурдной, но правдивой истории)*. Аналогичной является частичная замена названия *Waco — Трагедия в Уэйко*, где расширение обусловлено необходимостью обозначить жанр кинофильма. Название-топоним *Siberia* полностью заменяется со смещением смыслового центра на персонажа *Профессионал*, что, на наш взгляд, обусловлено попыткой сконцентрировать внимание на кинозвезде Киану Ривз, играющем главную роль. Название-топоним *Entebbe* (город в Уганде) локализовано с полной заменой *Entebbe — Операция «Шаровая молния»*, так как совсем не узнаваемо российскому зрителю, поэтому смысловой центр смещен на событие, благодаря чему легко определяется и жанр фильма — боевик.

Название фильма *National Theatre Live: Allelujah!* усекается в русском переводе до второй части парцеллированной конструкции *Аллилуйя!* Первая часть ори-

гинального названия указывает на то, что это телевизионный спектакль Национального театра. Национальный театр не является местом происходящих событий, поэтому при переводе семантическим центром становится кульминация сюжетной линии.

При переводе названий, указывающих на место, обобщенно характеризующее события, как правило происходит лишь частичная лексическая замена: *Realms — Пристанище страха, Wanderland — Зачарованный город, Action Point — Точка отрыва*, обусловленная необходимостью подчеркнуть жанровую принадлежность фильма и связать с его тематикой.

Перевод названия кинофильма *Hotel Mumbai* заслуживает отдельного внимания, так как за время сбора нами материала и проведения исследования русский вариант перевода изменился и фильм вышел в прокат не с тем названием, с которым был заявлен в рекламе до его выхода. Сначала название было локализовано с полной заменой в варианте *Katapsis*, подчеркивающим трагичность и психологизм происходящих событий. Однако в прокат фильм вышел в России под названием *Отель Мумбаи: противостояние*, в котором смысловой центр со значением места не заменяется, а дополняется указанием на сюжетную линию.

Вторая подгруппа содержит названия со смысловым центром «**время**», указывающих на значимый для сюжетной линии временной период или дату: *Every day, Very, Very, Valentine — Таинственный день Святого Валентина*, в том числе с дополнительным указанием на место событий: *Here and Now — Лучший день в моей жизни, L.A. Minute — Минута по-голивудски*. Для данной подгруппы характерна частичная замена названия с уточнением и расширением значения.

Исследование выбранного материала показало, что при переводе на русский язык происходит смещение смыслового центра в сторону хронотопа, то есть в русских переводных названиях появляются компоненты, указывающие на место событий, которых нет в оригинальных названиях, ср.: *Rebirth — Ночь живых мертвецов: перерождение; Crikey! It's the Irwins — Зоопарк Ирвинов, Rumspringa — Рай для амишей, The Public — Общественная библиотека, Bad Samaritan — Логово монстра*.

2.5. Названия со смысловым центром «сюжетная линия»

В группу со смысловым центром «**сюжетная линия**» включены названия, в которых содержится семантический компонент, указывающий на событийность. Выражение событийности в названиях различается наличием и способами представления предикативности и процессуальности.

Первая подгруппа содержит названия с **предикативными** конструкциями разных типов от простых предложений до побудительных конструкций, например: *The Con Is On, I Feel Pretty, What Death Leaves Behind, Johnny English Strikes Again, Welcome Home, Look Away, Better Start Running — Начинай бежать, For Today I Do — Я согласна, Начни сначала, Не стреляй! Я гитарист! Я — возмездие, Две головы лучше, Как женить холостяка, Как не стать президентом*.

Из представленных примеров видно, что при переводе такого рода названий стратегия частичной и полной замены используется переводчиками регулярно. Локализация часто обусловлена объективными причинами, например, сложностью

дословного перевода грамматических конструкций, семантического согласования и пр. Для данной подгруппы характерно семантическое расширение, лексическая замена, полная замена со смещением смыслового центра (чаще всего по направлению от «сюжетной линии» к «персонажу» и в обратном направлении).

Вторая подгруппа включает названия, в которых сюжетная линия представлена наличием или развертыванием какого-то **события** или **действия**, например: *Rebirth, Stirring, Ride, Adrift, Extinction, Vengeance, Destination Wedding, Haunting on Fraternity Row, Nodding Off, Headgame* — *Смертельная игра, The Split* — *Развод по-английски, Ограбление: Код 211, Опасный бизнес, Операция «Шаровая молния», Гонка века, Смертельное влечение, Проклятие монахини, Старпан, Идеальная западня, Несчастный случай*. В данной подгруппе два названия переведены с частичной заменой: *Headgame* — *Смертельная игра*, когда окказионализм заменяется на словосочетание с намеком на жанр кинофильма, а также *The Split* — *Развод по-английски*, в котором используется ставшая прецедентной конструкция, ср.: *Развод по-итальянски (1961) Развод по-американски (2006), Развод по-французски (2014)*. В остальных случаях используется полная замена названия, из них в шести случаях с изменением смыслового центра.

В третьей подгруппе объединены названия, указывающие на событие и его **обстоятельства**, например: *At Eternity's Gate, Second Act, Escape Plan 2: Hades* — *План побега 2, The Last Sharknado: It's About Time* — *Последний акулий торнадо: Как раз вовремя, Random Acts of Flyness* — *В свободном улете, Во власти стихии, В объятиях лжи, За мечтой, Закат цивилизации*. Внимание адресата сосредотачивается в названии на цели, обстоятельствах происходящего, которые оказываются значимыми для раскрытия содержания кинотекста. Модуляция наблюдается в двух примерах с усечением части парцеллированной конструкции и заменой окказионального слова на словосочетание. В русском переводе смещение смыслового центра на обстоятельства событий встречается часто, что может быть обусловлено грамматическим потенциалом — возможностью использования синтаксических конструкций с субъектно-обстоятельственными и обстоятельственными детерминантами.

2.6. Названия со смысловым центром «идея/тема»

В группу со смысловым центром «идея/тема» объединены названия, в которых внимание адресата сосредоточено на **идейно-философском** содержании фильма: *The Mercy* (прощение, милость божья, благодать), *Teen spirit* (подростковый дух, дух молодости), *Inhumanity* (бесчеловечность, жестокость), *The Public* (общественность), *The Assassin's Code* (кодекс ассасина) — *Наследие, Deep state* (глубокое состояние) — *Тайная власть, Deception* (обман, уловка) — *Иллюзия, Власть*. Из семи названий этой группы половина переведена с полной заменой и смещением смыслового центра на событие, сюжетную линию (*Гонка века*⁷, *За мечтой*), персонаж (*Сэм «шесть кубиков»*), хронотоп (*Общественная библиотека*), три названия переведены с заменой, но с сохранением смыслового центра. Замена названия со смещением смыслового центра от персонажа к идее

⁷ Переведенные названия представлены в том же порядке, что и оригинальные названия.

встречается один раз *Vice* (заместитель) — *Власть* (нужно оговориться, что слово *vice* в английском языке многозначно и кроме указанного имеет значения «порок, недостаток, зло», при переводе эта многозначность утрачивается вместе с одновременным указанием на персонажа и основную идею).

3. Качественно-количественный анализ результатов исследования

Анализ названий кинофильмов и их переведенных на русский язык вариантов с частичной или полной заменой показал близкое пропорциональное распределение по семантическим группам с выделенными смысловыми центрами, количественное соотношение которых отражено в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Распределение по группам с различными смысловыми центрами оригинальных и переведенных названий кинофильмов / Distribution of original and translated film titles into groups with different semantic centers

Смысловой центр	Оригинальные названия	Переведенные названия
Персонаж(и)	44	40
Предмет	4	5
Число	2	1
Хронотоп	17	17
Сюжетная линия	28	34
Идея / тема	9	7
Итого:	104	104

Возможно, анализ оригинальных и дословно переведенных названий показал бы иные результаты, но в наши задачи входило определение типов смещения и изменения смыслового центра, сосредотачивающего внимание зрителя.

В переводном варианте количественно менее представленными оказались группы «персонажи», «идея», «число» и количественно более представленными — «сюжетная линия» и «предмет». При сравнении не оказалось ни одной группы, в которой все названия были бы переведены без замены со смещением его смыслового центра.

Количество случаев локализации, сопровождающейся изменением смыслового центра названия, составило 39,4% (41 название из 104). Наибольшее «движение» обнаруживается между группами «персонаж(и)» и «сюжетная линия», «хронотоп» и «сюжетная линия», «персонажи» и «хронотоп». Детальное соотношение можно увидеть на диаграмме, изображенной на рис. 2.

Если рассматривать семантические группы с точки зрения частоты смещения смыслового центра, то в оригинальном варианте было заменено:

- 17 названий со смысловым центром «персонаж» (38,6%),
- 11 названий со смысловым центром «сюжетная линия» (39,2%),
- 7 названий со смысловым центром «хронотоп» (41%),
- 3 названия со смысловым центром «идея» (30%),
- 2 названия со смысловым центром «предмет» (50%),
- 1 название со смысловым центром «число» (50%).

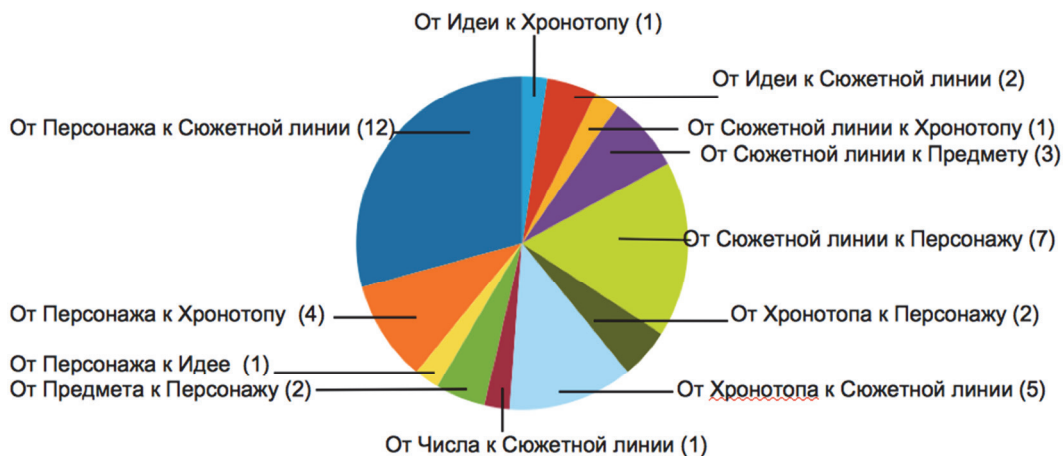

Рис. 2. Направление изменения смыслового центра при переводе названий кинофильмов /

Fig. 2. The direction of change of the semantic center when translating film titles

С точки зрения предпочтений в выборе смыслового центра русскими переводчиками можно отметить появление:

20 названий со смысловым центром «сюжетная линия» (32%),

11 названий со смысловым центром «персонаж» (27,5%),

6 названий со смысловым центром «хронотоп» (35,2%),

3 названия со смысловым центром «предмет» (60%),

1 название со смысловым центром «идея» (14%),

0 названий со смысловым центром «число» (0%).

В 41% случаев (17 из 41 всех названий со смещением смыслового центра) заменяются оригинальные названия, сосредотачивающие внимание адресата на **персонаже**. При переводе названий кинофильмов на русский язык локализаторам наиболее значимым видится **сюжет** кинотекста: в 48,7% случаев — 20 из 41 всех названий с заменой происходит смещение смыслового центра в сторону сюжетной линии. Событийность оказывается в русском переводе важнее персонажа.

Если обратить внимание на пропорции внутри групп, то самыми заменяемыми оказываются названия со смысловым центром **«предмет»** (50% заменились на название по персонажу и 60% сместились от сюжетной линии к предмету) и **«хронотоп»** (41% заменились на названия со смысловым центром «сюжетная линия» и «персонаж» и 35% названий получили смысловой центр «хронотоп» в русском переводе). Такие названия характеризуются конкретностью значения и хорошо запоминаются.

Названия, обращенные к **идейно-философскому содержанию**, чаще замещаются, нежели появляются в переводном варианте (ср. 30% замененных оригинальных названий и одно (14%) новое переведенное название со смысловым центром «идея»). Это наблюдение поддерживает предположение о том, что в случае перевода кинотекстов аттрактивная функция названия может превалировать над

остальными, а «переводческие трансформации названий выступают в качестве инструмента лингвистического маркетинга...» [14. С. 193].

Замена смыслового центра обусловлена необходимостью «жанровой идентификации», повышающей привлекательность названия, а вместе с ним и фильма (там же). Определение жанра фильмов показало, что смысловая модуляция в большей степени характерна для фильмов, требующих размышлений (драмы), а расширение значения — для названий фильмов, требующих жанровой конкретизации (ужасы, боевики). Изменение смыслового центра характерно для драмы, боевиков и триллеров, в меньшей степени — для ужасов и комедий.

Заключение

Адаптируя оригинальное название под фоновые знания потенциальных зрителей и пытаясь привлечь любителей жанрового кино, локализаторы (переводчики и прокатчики) используют прием частичной и полной замены и перемещают внимание зрителя на новый компонент кинотекста, сдвигая смысловой центр названия фильма. Смещение смыслового центра может менять первичное восприятие адресатом названия и вместе с ним ожидание от кинофильма, однако другие компоненты кинотекста, обеспечивающие его целостность, могут компенсировать потерянные при переводе смыслы. Локализованные в русском переводе названия со смещением смыслового центра, как правило, конкретизируют содержание, снимая трудности понимания и узнавания. Совпадение или несовпадение ожидания зрителя и его впечатления после просмотра фильма позволяет определить, насколько адекватен перевод названия: если после просмотра название встраивается в систему смыслов кинофильма, то даже при замене смыслового центра перевод можно считать удачным.

Библиографический список

1. *Подымова Ю.Н.* Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Адыгейский гос. университет, Майкоп, 2006.
2. *Милевич И.Г.* Стратегии перевода названий фильмов // *Русский язык за рубежом*. 2007. no 5. С. 65—71.
3. *Бальжинимаева Е.Ж.* Стратегии перевода названий фильмов. Улан-Уде, 2009. Режим доступа: <https://www.labatr.bsu.ru> (дата обращения: 25.05.2019).
4. *Александрова О.И., Николаева У.А.* Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. no 2. С. 113—122.
5. *Wildfeuer J.* More Than Words. Semantic Continuity In Moving Images // *Image & Narrative*. 2012. Vol. 13. no 4. С. 181—203.
6. *Veleva-Borissova, A.* La théorie interprétative de la traduction et les titres: thèse de doctorat. Paris: ESIT. 1993.
7. *Скворцова Е.В.* Прагмалингвистический потенциал малоформатных текстов названий американских кинофильмов // *Научные ведомости БелГУ*. Серия: Гуманитарные науки. 2011. no 6(101). С. 203—208.
8. *Колодина Е.А., Пащикова И.В.* Специфика передачи образа-смысла при переводе названий кинофильмов (на материале английского и корейского языков) // *Сибирский филологический журнал*. 2016. no 2. С. 188—195. DOI: 10.17223/18137083/55/20.

9. Руфова Е.С. Семантическая интерпретация фильмонимов (на материале японского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. no 6 (72). Ч. 1. С. 127—129.
10. Ткачева А.Н. Особенности российской локализации французских кинозаголовков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. no 2. С. 144—148.
11. Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Том 23. no 2. С. 435—459.
12. Панова К.О., Бондаренко Е.В. Факторы, осложняющие перевод названий фильмов // Интеллектуальный потенциал XXI века: Ступени познания. 2013. no 16. С. 73—78.
13. Воронцова И.И., Ткаченко Н.Л. Тенденции перевода фильмонимов в контексте современного российского кинематографического рынка // Новый филологический вестник. 2015. no 3 (34). С. 139—149.
14. Бочарникова Н.В. Жанровая идентификация переводного текста как инструмент лингвистического маркетинга // Мир науки, культуры, образования. 2013. no 1 (38). С. 191—194.
15. Кныш Е.В. Наименование кинофильмов как объект ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 106—111.
16. Васильева Т.В. Когнитивные механизмы формирования и функционирования заголовка // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. no 1. С. 154—171.
17. Горшкова В.Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. no 10. С. 33—34.
18. Александрова О.И. Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Том 9. no 4. С. 176—185.
19. Акчурина Н.И., Мубаракишина А.М. Номинация художественных фильмов в аспекте лингвокультурологии // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1. no 4 (4). С. 52—60.
20. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1998.
21. Ламзина А.В. Заглавие // Введение в литературоведение. М.: Высшая школа, 1999.
22. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Уральского ин-та, 2000.
23. Kelz H.P. Interkulturelle Kommunikation und Wirtschaftsdeutsch-Didaktik. Das Wort. Germanistisches Jahrbuch '00-01 GUS. Moskva: Metatext, Ltd., 2000.
24. Потапова Р.К. Сопоставительная паравербалика и ее просодические корреляты // Контрастивные исследования языков мира: Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. М.: Калуга. Вып. 3. 2009. С. 252—258.

References

1. Podymova, Yu.N. (2006). Films Titles In The Structural-Semantic And Functional-Pragmatic Aspects [dissertation]. Maykop. (In Russ.).
2. Milevich, I.G. (2007). Strategies For Translating Movie Titles. *Russian Language Abroad*, 5, 65—71. (In Russ.).
3. Balzhinimaeva, E.Zh. (2009). Movie Title Translation Strategies. Ulan-Ude. URL: <https://www.labatr.bsru.ru> (accessed: 25.05.2019). (In Russ.).
4. Aleksandrova, O.I. & Nikolaeva, U.A. (2016). Traslation Strategies Of Modern English Filmonyms Into Russian And Spanish (The Example of Films Released in 2008—2014), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(2), 113—122. (In Russ.).
5. Wildfeuer, J. (2012). More Than Words. Semantic Continuity In Moving Images, *Image & Narrative*, 13(4), 181—203.

6. Veleva-Borissova, A. (1993). La théorie interprétative de la traduction et les titres [dissertation]. Paris: ESIT. (In French).
7. Skvortsova, E.V. (2011). Pragmalinguistic Potential of Miniformat Texts Name of American Movies, *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 6 (101), 203—208. (In Russ.).
8. Kolodina, E.A. & Pashkova, I.V. (2016). The Specificity Of The Image-Sense In Translating Film Titles (based on the English and Korean Languages), *Siberian Journal of Philology*, 2, 188—195. DOI: 10.17223/18137083/55/20. (In Russ.).
9. Rufova, E.S. (2017). Semantic Interpretation Of Filmonyms (by the Material of the Japanese Language), *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 6 (72), Part 1, 127—129. (In Russ.).
10. Tkacheva, A.N. (2019). Features of the Russian Localization of French Film Titles, *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2. (In Russ.).
11. Anisimov, V.E., Borisova, A.S. & Conson, G.R. (2019). Linguocultural Localization of Movie Titles, *Russian Journal of Linguistics*, 23(2), 435—459. (In Russ.).
12. Panova, K.O. & Bondarenko, E.V. (2013). Factors complicating the translation of film titles, *Intellectual potential of the XXI century: Steps of knowledge*, 16, 73—78. (In Russ.).
13. Vorontsova, I.I. & Tkachenko, N.L. (2015). Trends in Translating Movie Titles in the Context of Modern Russian Cinema Market, *New Philological Bulletin*, 3 (34), 139—149. (In Russ.).
14. Bocharnikova, N.V. (2013). The Genre Identification of a Translated Text as a Means of Linguistic Marketing, *World of Science, Culture, Education*, 1 (38), 191—194. (In Russ.).
15. Knysh, E.V. (1988). The Name of Films as an Object of Onomastics In *Actual Problems of Russian Onomastics*. Kiev. pp. 106—111. (In Russ.).
16. Vasilieva, T.V. (2006). Cognitive Mechanisms of the Formation and Functioning of the Title, *Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*, 1, 154—171. (In Russ.).
17. Gorshkova, V.E. (2014). Film Title as a Unit Of Translation and a Unit Of Image-Sense, *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy*, 10, 33—34. (In Russ.).
18. Alexandrova, O.I. (2017). Original and Translated Film Titles as Specific Naming Units, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 1176—1185. (In Russ.).
19. Akchurina, N.I. & Mubarakshina, A.M. (2018). Nomination of Art Films in the Aspect of Linguoculturology, *Kazan Linguistic Journal*, 1(4—4), 52—60. (In Russ.).
20. Veselova, N.A. (1998). Title of Literary Text: Ontology and Poetics [dissertation]. Tver. (In Russ.).
21. Lamzina, A.V. (1999). Title In *Introduction to Literary Criticism*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
22. Babenko, L.G., Vasiliev, I.E. & Kazarin, Yu.V. (2000). Linguistic Analysis of Literary Text. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural Institute. (In Russ.).
23. Kelz, H.P. (2000). Interkulturelle Kommunikation und Wirtschaftsdeutsch-Didaktik. Das Wort. Germanistisches Jahrbuch '00-01 GUS. Moscow: Metatext, Ltd. (In German).
24. Potapova, R.K. (2009). Comparative Paraverbal and its Prosodic Correlates, *Contrastive studies of the languages of the world: Readings from the memory of V.N. Yartseva*, 3, 252—258. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Александрова Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: семантика и семиотика, дискурс-анализ, теория перевода, сравнительное языкознание; *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru

Information about the author:

Oksana I. Alexandrova, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department; RUDN University; *academic interests*: semantics and semiotics, discourse analysis, theory of translation, comparative linguistics; *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-828-840
УДК 81'374

Научная статья / Research article

Десакрализация слова человек в русском языке и его духовный потенциал

Е.Н. Батурина

Аппарат губернатора и правительства Еврейской автономной области
просп. 60-летия СССР, 18, Биробиджан, Российская Федерация, 679016
murzilka240163@mail.ru

Процессы десакрализации и секуляризации, пронизывающие всю ткань русского литературного языка в течение трех предшествующих столетий и в настоящее время, привели к значительным изменениям в его лексической системе. Однако в языке сохраняются лексические единицы, обладающие внутренним духовным потенциалом. Они несут в себе генетическую память о значениях и смыслах прошлого. Одним из таких слов, по-нашему мнению, является лексема *человек*. В статье представлены результаты анализа семантической структуры слова *человек* в аспекте диахронии, выполненного на материале толковых словарей русского языка, отражающих лексику разных эпох, а также этимологических словарей. Исследование проведено с целью выявления в семантике слова скрытых сакральных смыслов. В качестве основного метода исследования использовался метод обобщения (унификации) словарных дефиниций. Рассмотрены лексические значения слова *человек* в разные периоды его функционирования, прежде всего в языке XIX—XX веков. В работе мы опирались на исследования по данной проблематике отечественных лингвистов. Сакральные смыслы в семантической структуре слова *человек* были выявлены при сопоставлении этимологических и словообразовательных особенностей лексем *человек* и *люди* (*людин*) с опорой на минимальные контексты из текстов Священного Писания. Несмотря на секуляризацию семантической структуры исследуемой лексической единицы: актуализацию в ней значения 'личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных качеств' и утрату значения 'существо, достойное этого имени' (с учетом степеней человечности по В.И. Далю: «человек плотский, мертвый», «человек чувственный, природный», «человек духовный», «человек благодатный»), на этимологическом уровне она сохранила свой духовный потенциал.

Ключевые слова: десакрализация языка, секуляризация языка, семантическая структура слова, лексикографический облик слова, сакральные смыслы слова, духовный потенциал лексической единицы

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Батурина Е.Н. Десакрализация слова *человек* в русском языке и его духовный потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 828—840. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-828-840

© Батурина Е.Н., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81'374

Desacralization of the Word MAN in the Russian Language and its Spiritual Potential

Evgeniya N. Baturina

Office of the Governor and the Government of the Jewish Autonomous Region
60 years of the USSR Av., 18, Birobidzhan, Jewish Autonomous Region,
Russian Federation, 679016
murzilka240163@mail.ru

The processes of desacralization and secularization, taking place in the Russian literary language over the three preceding centuries and nowadays, have caused significant changes in its lexical system. However, the language preserves lexical units with internal spiritual potential. They carry the genetic memory of the meanings of the past. One of these words, in our opinion, is the lexeme *man*. The article presents the results of analysing the semantic structure of the word *man* in the diachronic aspect. The analysis is based on the explanatory dictionaries of the Russian language, which include the vocabulary of different centuries, as well as etymological dictionaries. This study is carried out in order to reveal hidden sacral meanings in the semantics of the word. The method of generalization (unification) of dictionary definitions was used as the main research method. The lexical meanings of the word *man* were examined in different periods of its functioning, primarily in the language of the XIX—XX centuries. In our research, we based on the works of Russian linguists studying this problem. Sacred meanings in the semantic structure of the word *man* were revealed by comparing etymological and word-formation features of the lexemes *man* and *people* drawn upon minimal contexts from the texts of the Holy Scriptures. Despite the secularization of the semantic structure of the studied lexical unit, namely the actualization of the meaning of ‘personality as an exemplar of high moral and intellectual qualities’ and the loss of the meaning of ‘creature worthy of this name’, taking into account the degrees of humanity according to V.I. Dal such as ‘a fleshy, deadman’, ‘aman of feelings and nature’, ‘a spiritual man’, ‘a blessed man’, it retained its spiritual potential at the etymological level.

Key words: language desacralization, language secularization, the semantic structure of the word, the lexicographic representation of the word, sacral meanings of the word, spiritual potential of the lexical unit

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Baturina, E.N. (2019). Desacralization of the word *MAN* in the Russian language and its spiritual potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 828—840. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-828-840

Введение

Сегодня, на пороге второго десятилетия XXI века, особенно остро (как никогда) ощущается потребность в переосмыслении судьбы русского языка, его духовного наследия и потенциала сквозь призму глобальных внутренних и внешних преобразований в структуре языка, произошедших в течение XVIII—XX веков.

В средневековье язык образцовых текстов, созданных русскими книжниками, воспринимается в его обращенности к контекстам Священного Писания, а сами тексты как боговдохновенные [1. С. 109]. Отношение к тексту как к явленности сущности — сокровенной и неведомой, которую надлежит растолковать и раскрыть при неоднократном перечитывании [2. С. 33], определяет вектор его восприятия в сознании читателя. Мыслью автора текста движет не собственная воля и «устремление к самовыражению», а благодать, «нацеленность на выражение онтологически достоверных смыслов» [3. С. 398].

Однако начиная с XVII века такое отношение к тексту и речевой стихии, его породившей, в сознаниях автора и читателя начинает трансформироваться. В работах О.И. Валентиновой убедительно показано, что изменение семантической структуры русского литературного языка связано в первую очередь с изменением роли канонических смыслоформирующих контекстов Средневековья, разрушением символических значений извлеченных из них знаков [3. С. 248—249].

Процессы десакрализации и секуляризации пронизывают всю ткань языка: от уровня фонем до уровня текста. Особенно ярко это проявляется на лексическом уровне. Обмирщению и обездуховливанью подвергается семантическая структура высокого древнерусского слова, к XIX веку все чаще употребляемого в «светских» контекстах в сочетании с обыденными словами. В новых текстовых условиях слово обретает автономность и свободу, а значит и способность «соединяться с любым другим, столь же свободным от узкого контекста словом» [4. С. 158].

В течение XX столетия в связи с эпохальными историческими событиями и общественно-политическими преобразованиями лексико-семантическая система русского языка также претерпевает значительные изменения.

Вместе с тем, несмотря на перечисленные факторы, в современном русском языке продолжают функционировать слова, несущие в себе генетическую память о значениях и смыслах прошлого и сохраняющие свой духовный потенциал. Одним из таких слов, по-нашему мнению, является слово *человек*.

Цель

Цель исследования — показать, что в семантической структуре слова *человек* имплицитно содержатся (в свернутом виде) особые сакральные смыслы.

Материалы и методы

Данные смыслы выявлены в результате анализа семантической структуры слова в аспекте диахронии, выполненном на материале толковых словарей русского языка, отражающих лексику XI—XX веков, а также этимологических словарей. В качестве основного метода исследования использовался метод обобщения (унификации) словарных дефиниций. По сути, был описан лексикографический облик слова *человек* (без учета его дефиниций в энциклопедических словарях).

В работе мы опирались на исследования по данной проблематике отечественных языковедов. Для удобства при сопоставлении выделенные из словарных статей значения представлены в таблицах.

Семантика слова *человек* в толковых словарях, отражающих лексику русского языка XI—XIX веков

Были использованы: «Материалы для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, «Словарь Академіи Россійской» (1789—1794 гг.), «Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный» (издан в 1806—1822 гг.), «Словарь церковно-славянскага и русскаго языка, составленный Вторымъ отделеніемъ Императорской академіи наукъ» (издан в 1847 г.), «Толковый словарь живаго великарускаго языка» В.И. Даля (1863—1866 гг. — 1-е издание), а также «Словарь языка Пушкина» (1956—1962 гг. — 1-е издание) [5—10].

Таблица 1 / Table 1

**Семантика слова человек в толковых словарях (XI—XIX) /
The semantics of the word man in explanatory dictionaries (XI—XIX)**

	Материалы для Словаря древнерусского языка	Словарь Академии Российской...1794 года	Словарь Академии Российской...1822 года
1	Существо челоѵческаго рода	Превосходнѣйшее изъ всехъ животныхъ, одаренное способностію думать и разсуждать	Превосходнѣйшее изъ всехъ животныхъ, одаренное способностію думать и разсуждать и мысли свои сообщать словами
2	Челоѵкъ какъ членъ общества	Съ прибавленіемъ извѣстныхъ прилагательныхъ разумѣется состояніе, званіе или промыселъ чей либо	Съ прибавленіемъ извѣстныхъ прилагательныхъ разумѣется состояніе, званіе или ремесло чье либо
3	Находящійся на службѣ у кого либо (чей либо челоѵкъ)	Въ просторѣчїи: слуга, служитель	Въ просторѣчїи: слуга, служитель
4	Челоѵкъ какъ единица при счетѣ		

Таблица 2 / Table 2

**Семантика слова человек в толковых словарях (XI—XIX) /
The semantics of the word man in explanatory dictionaries (XI—XIX)**

	Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка	Толковый словарь живаго великарускаго языка	Словарь языка Пушкина
1	Животное, одаренное разумно-свободной душою и способностію сообщать другимъ свои мысли	Каждый изъ людей	Существо, обладающее даромъ речи, наделенное разумомъ, способностію мыслить, трудиться
2	Служитель	Высшее изъ земныхъ созданій, одаренное разумомъ, свободной волей и словесной речью	В сочетании с определениемъ употребляется при характеристике каких-н. качествъ, свойствъ личности
3		Нерѣдко челоѵкъ знчт. существо, достойное этого имени	Дворовый, слуга мужскаго пола
4		Служитель, прислуга, лакей или комнатный	

Отметим, что автор Толкового словаря живаго великорусскаго языка, кроме собственно толкованія слова *человек*, определяет 4 степени челоѵчества: «*Челоѵкъ плотской, мертвый*, едва отличается отъ животнаго, въ немъ пригнетенный духъ подъ спудомъ; *члѵкъ, чувствѣнный природный*, признаетъ лишь вещественное и законъ гражданскій, о вѣчности не помышляетъ, въ искусь падаетъ; *члѵкъ, духовный*, по верѣ своей, въ добрѣ и истинѣ, цель его — вѣчность, законъ — совѣсть, въ искусь побѣждаетъ; *члѵкъ, благодатный*, постигаетъ по любви своей вѣру и истину, цѣль его царство Божіе, законъ — духовное чутье, искушенья онъ презираетъ» [9. С. 588].

В результате сопоставленія лексикографическаго материала можно отметить, что во всехъ словаряхъ отражены такие характеристики челоѵка, какъ биологическая (родовая), общественная, а также его характеристика в состоянїи зависимости (несвободы) — «чей-либо челоѵек». В дефинїцияхъ, данныхъ в Словаре церковно-славянскаго и русскаго языка и Толковомъ словаре живаго великорусскаго языка,

содержатся духовные составляющие в характеристике человека: *душа, создание, одаренное*. Причастие *одаренное*, что значит «наделенное свыше», содержится также в толкованиях, приведенных в Словарях Академии Российской... 1794 г. и 1822 г.: «Превосходнейшее изъ всѣх животныхъ, одаренное способностію думать и разсуждать». Данное толкование опирается на слова святителя Иоанна Златоуста из «Бесед на книгу Бытия»: «Человек есть превосходнейшее из всех видимых животных» [11].

В целом из всех рассмотренных определений значения слова *человек* только толкование в словаре В.И. Даля «нерѣдко *человѣкъ* знчт. существо, достойное этого имени» наполнено особой духовностью и сакральностью: человек рассматривается в его отношении к Богу, к вере. Четыре степени человечества по Далю — это четыре ступени нравственного и духовного совершенствования человека: от низшей («человѣкъ плотской») до высшей («человѣкъ благодатный»).

Семантика слова *человек* в толковых словарях, отражающих лексику русского языка XX века

Обратимся к толковым словарям русского языка XX века и рассмотрим, как изменялась семантика слова *человек* с течением времени.

Таблица 3 / Table 3

**Семантика слова *человек* в толковых словарях (XX) /
The semantics of the word *man* in explanatory dictionaries (XX)**

	Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (1935—1940 гг. — 1-е изд.)	Словарь современного русского литературного языка в 17 томах (БАС) (1948—1965 гг. — 1-е изд.)	Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой в 4 томах (МАС) (1957—1961 гг. — 1-е изд.)
1	Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда	Общественное существо, способное производить орудия труда, обладающее сложной организованной мозгом, членораздельной речью	Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда
2	То же, как носитель каких-н. внутренних качеств, свойств, личность	Отдельная личность	Лицо, являющиеся носителем каких-л. внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-л. среде, обществу и т.п.
3	То же, как обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств (книжн., ритор.)	С обобщенным или неопределенным значением: некое или всякое, любое лицо С местоименным значением <i>Не в себе человек</i> Употребляется при счете, указании на количество людей	Личность, как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств
4	Употр. в знач. местоимения: всякий (т.е. любой человек), никто (т.е. никакой человек), кто-н. (т.е. какой-н. человек) и т.п.	<i>Устар.</i> Дворовый; вообще слуга мужского пола, лакей Слуга в трактире, ресторане	Употребляется в значении местоимений: он, кто-то, некто
5	При крепостном праве — дворовый слуга или вообще помещичий служитель — в частности в отличие от крестьян-земледельцев; истор.) Официант, половой (дореволюц.)		Дворовый слуга или вообще помещичий крепостной слуга Официант, слуга в трактире в дореволюционной России

В таблице 3 представлены дефиниции из словарей, созданных в первой половине XX века [12—14] и отражающих лексику русского языка этого периода. Обратимся к словарям, изданным в конце XX — начале XXI века, так или иначе отражающим лексический состав языка второй половины XX века [15—17].

Таблица 4 / Table 4

**Семантика слова человек в толковых словарях (XX) /
The semantics of the word man in explanatory dictionaries (XX)**

	Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1997 г. — 4-е изд.)	Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный Т.Ф. Ефремовой (2000 г. — 1-е изд.)	Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред С.А. Кузнецов (1998 г. — 1-е изд.)
1	Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе общественного труда	Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи, мысли и способностью производить орудия труда и пользоваться ими	Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда
2	При крепостном праве: дворový слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга	Носитель каких-л. качеств, свойств (обычно с определением), личность	Лицо, являющееся носителем каких-л. внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащий к какой-л. среде, обществу и т.п.
3		Обладатель лучших интеллектуальных или моральных качеств	Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств
4		Любое лицо, всякий Некое лицо, кто-л.	О каком-л. лице, кто-то, некто
5		<i>Устар.</i> Дворový слуга (в Российском государстве при крепостном праве) Любoй слуга мужского пола, лакей Официант в трактире, ресторане, полевой	В России до 1917 г.: дворový слуга или вообще помещичий крепостной слуга <i>Устар.</i> Официант, слуга в трактире

Из сопоставления статей в 6 словарях видим, что в них толкования первого (прямого) значения практически идентичны, и в его структуре содержатся семы: ‘живое существо’, ‘обладающее даром мышления и речи’, ‘способное производить орудия труда’. На основе толкований в словарях можно выделить значения: ‘личность как носитель каких-либо внутренних качеств, свойств’, ‘личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств’. Кроме того, указаны употребления лексемы *человек* в значениях местоимений: *всякий, никто, кто-нибудь*. Во всех словарях даются устаревшие ЛСВ слова: ‘дворový, помещичий крепостной слуга’ и ‘официант, слуга в трактире’.

Таким образом, в семантической структуре слова *человек* в XX веке появляется новое значение ‘личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств’.

Появление этого значения можно объяснить двумя причинами в их хронологической последовательности. Во-первых, — более поздним по сравнению с другими европейскими языками возникновением в русском языке концепта ЛИЧНОСТЬ и, следовательно, более поздним развитием соответствующего значения у слова *личность* — ‘монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая, отражающая и создающая в себе мир’ [18. С. 273]. По мнению

В.В. Виноградова, данное значение формируется в русском литературном языке лишь в 20—30-х годах XIX века [Там же]. Во-вторых, появление у лексики *человек* нового, не характерного для языка эпохи Пушкина и эпохи Достоевского значения, обусловлено процессом десакрализации русского языка в целом и прежде всего, конечно, глобальными изменениями в языке в советскую эпоху.

Вернемся к значению, отраженному в Словаре живого великорусского языка: «нередко *человек* значит существо, достойное этого имени» (т.е. человек в высоком смысле этого слова). Данное значение подразумевает два понимания высокой сущности человека: в социальном (мирском) смысле и духовном (сакральном) смысле. Развившееся к середине XX века производное от него значение «личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств» отражает мирское понимание человеческой сущности, а выделенные В.И. Далем степени человечества «человек духовный» и «человек благодатный» передают духовное (сакральное) ее понимание.

По нашему мнению, из значения «*человек* значит существо, достойное этого имени» в XX веке возникают два смысловых оттенка: *человек* — это звучит гордо (Выражение из пьесы М. Горького «На дне» (1902), д. 4, слова Сатина «Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! <...>» [19]) и *настоящий человек* (устойчивое выражение советской эпохи: ср. «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, 1946 г.), «Как воспитать настоящего человека» В.А. Сухомлинского, 1975 г.). Близким по значению данному выражению является выражение *человек с большой буквы* — человек высоких моральных достоинств и качеств (выражение из очерка М. Горького «В.И. Ленин», 1924 г.) [20]).

Разрушительный пафос гордости наполняет смысл слова *человек* после употребления его в выражении в пьесе Горького. Пафос этот входит в содержание концепта ЧЕЛОВЕК в языке ранних произведений писателя («Макар Чадра», «Старуха Изергиль», «Челкаш»). Выражение из пьесы «На дне» после широкого распространения его в русском литературном языке в первой трети XX века нивелирует духовную составляющую в семантике лексики *человек*, сохранявшуюся в середине XIX века и отраженную в Словаре В.И. Даля.

Необходимо напомнить в связи с этим провидческие по своей сути слова Ф.М. Достоевского, произнесенные им в 1880 г. в «Пушкинской речи»: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость» [21. С. 404].

Семантика слова *человек* (люди) по данным этимологических словарей

Для выявления сакральных смыслов в слове *человек* необходим сравнительный анализ его семантики в толковых и этимологических словарях. Рассмотрим этимологию слова *человек*, а также этимологию его формы множественного числа *люди*.

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера: «Праслав. *čeloveкъ<...>, лтш. silvėks «человек». <...> Первая часть — čelo- — сближается с *челядь*, далее — с др.-инд. kulam «стадо, множество, семья, род», греч. τέλος «толпа», ирл. cland, clan «потомство, род» лит. kiltis, kiltis «род». Во второй части

усматривают слово, родственное лит. *vaikas* «мальчик, ребенок, лтш. *vaiks* — то же, др.-прусс. *waiks* «слуга» [22. С. 302].

В Историко-этимологическом словаре П.Я. Черных: «Сложное, двухосновное слово. Происхождение его вызвало множество суждений. Устойчивее других считается объяснение, предложенное <...> немецким лингвистом Циммером, по мнению которого о.-с. **čelovekъ* в первой своей части <...> связано с о.-с. **čeljadъ* > рус. *челядь*; и.-е. корень **kel* — «род», «клан», «стая», «рой», «толпа» <...>; во второй — с лит. *vaikas* — «дитя», «детеныш», «потомок», «мальчик» <...>, *vaikis* — «парень», «батрак»; латыш. *vaiks* — «мальчик», «юноша», др.-пр. *vaix* — «работник», «батрак» *vaiklis* — «сын». <...>. Т.о., старшее, первоначальное знач о.-с. **čelovekъ*: **č(ь)lověkъ* — «дитя», «отпрыск», «потомок семьи, рода, клана» [23. С. 378].

Очевидно, что на основе данных толкований в семантической структуре слова *человек* можно выделить семы 'род, семья' и 'мальчик, сын', 'дитя'. Кроме того, в этимологических объяснениях есть зародыш еще одной семы — 'работник, батрак'.

По мнению В.В. Виноградова, «Первоначальное значение у слова *čelověkъ* предполагается 'мужчина как член рода'. Это слово сформировалось в период родовой организации. В это время человек мог быть только в составе своего рода, племени; вне его он не был «человек», он был враг, он был беспомощен» [18. С. 817].

Уточним семантику корня *-люд-* по данным этимологических словарей русского языка. В словаре М. Фасмера:

«**ЛЮД**, род. <...>, укр., блр., *людь*, цслав. *людь*, словен. *ljud*, др. чеш. *l'ud*, чеш. *lid*, польск. *lud*, отсюда *люди* мн., укр. *люди*, др. русск., ст.-слав. **Людиѣ** мн. <...> далее др.-русс., ст.-слав. **Людинь** «свободный человек» <...>, укр. *людина* «человек», др.-русс. *Люджанин* <...>. // Родственно лит. *liaudis* «народ». <...>, др.-в.-н. *liut* «народ», ср.-в.-н. *liute*, бургунд. *leudis* «свободный муж (человек)», а также греч. *ελευθερος* «свободный (человек)», лат. *liber* — то же» [24. С. 545].

В словаре П.Я. Черных:

«**ЛЮДИ**, — мн. ч. от *человек*. Собр. **люд** <...>. укр. **люди**, **люд** <...>; блр. **людаі**, **люд** <...>; болг. устар. **люде**, мн., <...>; словен. *ljudie*; чеш. *lide* — «люди», *lid* — «народ» (...); польск. *ludzie*, *lud* — «народ» <...>, др.-рус. **людие** (Остр. ев.), **людье** (Р. прав.), **люди** (Пов. вр. л. <...>), **людь** — «народ» <...>. и.-е. корень **leudh* — «вырастать», «разрастаться», «прибавляться» <...>. Ср. лит. *liadis* — «народ»; гот. *liudan* — «расти»; др.-в.-нем. *liut* — «народ»; ср.-в.-нем. — *liute* (совр. нем. *Leute*) — «люди» при *liotan* — «расти»; латин. *liber* — <...> «свободный» <...>; греч. *ελευθερος* <...> — «свободный», «независимый», «благородный» [25. С. 498].

Таким образом, первоначальное значение корня *-люд-* — 'народ'. В семантике корня просматривается связь с индоевропейским **leudh* — «вырастать», «разрастаться», «прибавляться», то есть сема 'расти, вырастать' в значении корня исходная. В современном русском языке сохранилось собирательное существительное *люд* со значением 'люди, группа людей, объединенных общностью каких-либо условий (социальных, профессиональных и т.п.)', имеющее разговорный оттенок.

Очевидно, изначальная семантика собирательности, множественности в корне *-люд-* предопределила употребление лексемы *люди* как формы множественного числа для слова *человек* в русском и других славянских языках. Форма единственного числа с данным корнем в значении ‘человек’ употребляется в настоящее время только в украинском языке: *людина*.

Семантика слова *людин* в толковых словарях древнерусского языка и словаре В.И. Даля

В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского у слова *людинъ* выделены значения: ‘человекъ’, ‘ближний, друг’, ‘простолюдин’, ‘мирянин’ [5. Т. 2. Ст. 94].

В «Словаре русского языка XI—XVII веков» существительное *людинъ* имеет значения: 1. Человек; 2. Простолюдин; 3. Человек, не принадлежащий к духовенству, мирянин [26. С. 343]. У слова *люди* (*людие*) шесть значений: 1. Люди; 2. Народ, подданные, свободное население страны, княжества, города // Низший слой свободного населения; 3. Зависимые лица, а также слуги, челядь, рабы; 4. Свидетели; 5. Посторонние, другие люди; 6. Миряне; люди, не принадлежащие к духовенству [26. С. 341], у слова *людъ* — значение собирательное.

Необходимо отметить, что в словаре В.И. Даля слово *людинъ* рассматривается только как диалектное: «*Людинъ*<...>ряз. един. число отъ *люди*, человекъ; истарь, гражданинъ, обыватель, вольный человекъ (не крестьянинъ); нынѣ: простолюдинъ или человекъ изъ черни, мужикъ» [9. т. 4. С. 284]. В качестве иллюстрации этого слова в контексте можно привести пословицу из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа»: «Людей-то много, да человека нет. Людина не человек» [27. С. 195].

Из рассмотренных толкований видно, что изначально в семантической структуре корня *-люд-* основными семами были ‘народ’ и ‘свободный’. Одно из первоначальных значений слова *людинъ* (*людина*) — «свободный (вольный) человек».

Рассматривая специфику концептов ЧЕЛОВЕК и ЛИЧНОСТЬ в русской культуре, Ю.С. Степанов констатирует, что посредством слов *людъ*, *людие*, *людинъ* изначально в понятие «личность» вошел компонент «свободный», «свободный человек» [28. С. 724].

Выводы

Итак, слово *человек* образовано на основе двух корней, первый из которых восходит к индоевропейскому *kel — «род», «клан», семья, «стая», «рой», «толпа», второй также имеет соответствия в индоевропейских языках (например, в литовском: *vaikas* — «дитя», «детеныш», «потомок», «мальчик», в древнепрусском: *vaiklis* — «сын»), а слово *люди* — на базе одного индоевропейского корня *leudh — «вырастать», «разрастаться», «прибавляться» На уровне общеславянских слов: старшее, первоначальное знач о.-с. *čelovekъ: *čь(ь)lověkъ — «дитя», «сын», «отпрыск», «потомок семьи, рода, клана».

Старшее значение слова *люд* — «народ, подданные, свободное население». От слова *людиѣ* (*людье*) образовано с помощью суффикса *-ин* со значением ‘один из множества, совокупности’ слово *людин* (*людина*). Иначе говоря, *людин* — один из толпы, народа, никак не индивидуализированный, безликий, не несущий на себе черты рода, клана, но свободный и независимый. В семантике лексемы прослеживается центрбежная зависимость от этимона *-люд-*.

В отличие от слова *людин* слово *человек* со значением ‘сын, отпрыск рода, семьи’ изначально содержит в своей семантике центростремительную зависимость этимона *-векъ-* от этимона *-ѣл-*: человек — это сын рода (рода человеческого), несущий на себе черты рода и зависимый от него (сохранивший с ним связь).

Очевидно, не только семантика соответствующих этимонов (пракорней), но и особенности словообразования слов *человек* и *людин* (*люди*) предопределили особенности функционирования этих лексем в русском языке и их концептуальную значимость.

Сакральные смыслы в слове *человек*

Рассмотрев словарную статью слова *сынъ* в словаре И.И. Срезневского, видим, что «*сынъ человекъскый* (*сынъ человекъчъ*) значит «человѣкъ» [5. Т. 3 (Р — С). Ст. 873]. Кроме того, это же сочетание *сынъ человекъскый* (*сынъ человекъчъ*) — «наименованіе, придаваемое Иисусомъ Христомъ себѣ самому» [Там же].

Для иллюстрации приведем примеры из русского перевода Библии: «Да будет рука Твоя над мужем десницы Твоей, над сыномъ человеческим, которого ты укрепил себе» (Пс. 79: 18) [29. С. 607]; «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесныя — гнѣзда, а Сынъ Человеческій не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20) [30. С. 27].

Вместе с тем в текстах Священного Писания лексема *человек* употребляется в двух основных значениях: в прямом номинативном значении «человек — существо человеческого рода» и в сакрально-символическом значении «Человек — Иисус Христос». Например: «Наблюдай за непорочным и смотри на праведного, ибо будущность *такого* человека есть мир (Пс. 36: 37) [29. С. 585]; «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им *Пилат*: се, Человек!» (Ин. 19: 5) [30. С. 373].

Таким образом, выполненный нами этимологический анализ слова *человек* в сопоставлении с анализом его семантики в толковых словарях разных периодов с минимальным привлечением контекстных употреблений позволил увидеть, что данное слово в русском языке обладает глубоким сакральным содержанием. Несмотря на секуляризацию его семантической структуры: актуализацию в ней значения ‘личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных качеств’ и утрату значения ‘существо, достойное этого имени’ (с учетом степеней человечности по В.И. Далю: «человек плотскій, мертвѣй», «человек чувствѣнный, природный», «человек духовный», «человек благодатный»), на этимологическом уровне оно сохранило свой духовный потенциал.

Скрытые во внутренней форме слова *человек* сакральные смыслы «сын рода человеческого», «Сын Человеческій» отсылают нас к текстам Ветхого и Нового Заветов.

Библиографический список

1. *Валентинова О.И.* Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформация // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. no 3 (48). С. 109—118.
2. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
3. *Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.* Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
4. *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
5. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Репринтное издание. М.: Госуд. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958.
6. Словарь Академии Российской. Часть VI и послѣдняя: от Т до конца. Въ Санктъ-Петербурѣ при Императорской Академіи наукъ 1794 года.
7. Словарь Академіи Россійской по азбучному порядку расположенный. Часть VI: от С до конца. Въ СанктъПетербурѣ при Императорской Россійской Академіи 1822 года.
8. Словарь церковно-славянскаго и русского языка, составленный Вторымъ отделеніемъ Императорской Академіи наукъ. СанктъПетербурѣ.: В Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: ТЕРРА, 1995.
10. Словарь языка Пушкина / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000.
11. *Иоанн Златоуст, святитель.* Беседы на книгу Бытия. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Joann_Zlatoust/tolk_01/8 (дата обращения: 29.06.19).
12. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996.
13. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 17. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1965.
14. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Русс. яз. Полиграфресурсы, 1999.
15. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А Темп», 2006.
16. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русс. яз., 2001.
17. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
18. *Виноградов В.В.* История слов. Институт русского языка РАН. М.: 1999.
19. *Серов В.В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Режим доступа: <https://rus-wingwords-dict.slovaronline.com/3384-Человек%20-%20это%20звучит%20гордо> (дата обращения: 12.11.2019).
20. *Горький М.* Собрание сочинений. В 17 т. Т. 17: Рассказы, очерки, воспоминания. 1924—1936. Режим доступа: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/gorkiy-pss30-17/gorkiy-pss30-17.html#work001> (дата обращения: 12.11.2019).
21. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн. 2: Дневник писателя. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.
23. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. М.: Русс. яз., 1999.
24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986.
25. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. М.: Русс. яз., 1999.
26. Словарь русского языка XI—XVII веков. Вып. 8. М.: Изд-во «Наука», 1981.
27. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Изд-во «Эксмо»; Изд-во ННН, 2005.
28. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.

29. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового заветов. Канонические. С параллельными местами. М.: «Библейская лига», 2009.
30. Святое Евангелие. По благословию святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Сибирская Благовонница, 2016.

References

1. Valentinova, O.I. (2016). Archetypal signs of medieval theological text and their transformation, *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 109—118. (In Russ.).
2. Kolesov, V.V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye publ. (In Russ.).
3. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhenskiy, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). *System view as the basis of philological thought*. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK publ. (In Russ.).
4. Kolesov, V.V. (2004). *Word and deed: from the history of Russian words*. St. Petersburg: Izdatel'stvo of St. Petersburg University publ. (In Russ.).
5. Sreznevsky, I.I. (1958). *Materials for the dictionary of the Old Russian language*. Reprint. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo natsional'nykh i inostrannykh slovarey publ. (In Russ.).
6. Dictionary of the Russian Academy: Part VI is the last: from T to the end. In St. Petersburg at the Imperial Academy of sciences Russian 1794 publ. (In Russ.).
7. Dictionary of the Russian Academy located in alphabetical order: Part VI: from C to the end. In St. Petersburg at the Imperial Russian Academy in 1822 publ. (In Russ.).
8. Dictionary of Church Slavonic and Russian language compiled by the Second division of the Imperial Academy of sciences. St. Petersburg. Typography of Imperial Academy of sciences 1847 publ. (In Russ.).
9. Dal', V.I. (1995). *Explanatory dictionary of living Great Russian language*. In 4 vol. Moscow: TERRA publ. (In Russ.).
10. Dictionary of language of Pushkin (1999). V.V. Vinogradov (Ed.). Moscow: Azbukovnik publ. (In Russ.).
11. John Chrysostom, Saint. *Conversations on the Genesis*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_01/8 (accessed: 29.06.19). (In Russ.).
12. Explanatory dictionary of Russian language (1996). D.N. Ushakov (Ed.). Moscow: TERRA publ. (In Russ.).
13. Dictionary of modern Russian literary language (1965). In 17 vol. Vol. 17. Moscow: Izdatel'stvo Nauka publ. (In Russ.).
14. Dictionary of Russian language (1999). Pod. red. A.P. Yevgen'yevoy. Moscow: Russ. yaz. Poligrafresursy publ. (In Russ.).
15. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006). *Dictionary of Russian language*. Moscow: OOO A Temp publ. (In Russ.).
16. Efremova, T.F. (2001). *New dictionary of Russian language*. Moscow: Russ. yaz. publ. (In Russ.).
17. Big explanatory dictionary of Russian language, (2000). S.A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg: Norint publ. (In Russ.).
18. Vinogradov, V.V. (1999). *The history of words*. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN publ. (In Russ.).
19. Serov, V.V. Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions. URL: <https://rus-wingwords-dict.slovaronline.com/3384-Человек%20-%20это%20звучит%20гордо> (accessed: 12.11. 2019). (In Russ.).
20. Gor'kiy, M. Stories, Essays, Memories In *Collected works* in 17 vol. Vol. 17. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/gorkiy-pss30-17/gorkiy-pss30-17.html#work001> (accessed: 12.11. 2019). (In Russ.).

21. Dostoevsky, F.M. (2004). Collected works. In 9 vol. Vol. 9. In 2 books by the Prince 2. Diary of the writer. Moscow: OOO Izdatel'stvo Astrel': OOO Izdatel'stvo AST publ. (In Russ.).
22. Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of Russian language*. In 4 vol. Vol. 4. Moscow: Progress publ. (In Russ.).
23. Chernykh, P.Ya. (1999) *Historical and etymological dictionary of modern Russian language*. In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Russ. yaz. publ. (In Russ.).
24. Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of Russian language*. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Progress publ. (In Russ.).
25. Chernykh, P.Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of modern Russian language*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russ. yaz. publ. (In Russ.).
26. Dictionary of Russian of the XI XVII centuries (1981). Iss. VIII. Moscow: Izdatel'stvo Nauka publ. (In Russ.).
27. Dal', V.I., (2005). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Izdatel'stvo Exmo: Izdatel'stvo NNN publ. (In Russ.).
28. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of the Russian culture*. Moscow: Academicheskyyi proyekt publ. (In Russ.).
29. Bible (2009). *Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. Canonical. With parallel seats. Moscow: Bibleyskaya liga publ. (In Russ.).
30. Sacred Evngeliye (2016). *On blessing of the most Saint Patriarch of Moscow and all Russia Kirill*. Moscow: Sibirskay blagozvonitsa publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Батурина Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, специалист-лингвист аппарата губернатора и правительства Еврейской автономной области; *научные интересы:* лексическая семантика, семантика художественного текста, лексикографические исследования, лингвистика нарратива; *e-mail:* murzilka240163@mail.ru.

Information about the author:

Evgeniya N. Baturina, philosophy doctor, specialist-lingvist of office of the Governor and the Government of the Jewish Autonomous Region; *research interests:* lexical semantics, the semantics of a literary text, lexicographical researchers, linguistics of narrative; *e-mail:* murzilka240163@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-841-859
УДК [811.161.1:811.512:2]'373

Научная статья / Research article

Внутренняя форма языка как детерминанта его лексического своеобразия (на материале паремий русского и телеутского языков)

Э.С. Денисова¹, А.В. Проскурина

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, Российская Федерация, 650000

¹elvdenisova@yandex.ru

В настоящей статье предпринята попытка развить идеи российского лингвиста Г.П. Мельникова о детерминантах языковой системы в свете его учения о динамической природе языка. Предлагаемое исследование посвящено обоснованию своеобразия лексических ресурсов разноструктурных языков с опорой на их внутреннюю форму. Актуальность данной работы определяется, во-первых, возросшим интересом со стороны ученых к сопоставительному изучению взаимодействующих на одной территории языков в условиях сохранения их национальной и культурной самобытности, во-вторых, недостаточной изученностью лингвистических особенностей малых фольклорных жанров телеутского народа, в-третьих, научно востребованной тенденцией к экспланаторности изысканий в сфере современной лингвистики, обращенной к человеку и окружающему его миру. Авторами ставится цель изучить типичные коммуникативно релевантные способы отображения внеязыковой действительности, которые детерминируют лексический состав русского и телеутского языков. Для достижения обозначенной цели в работе были использованы методы выборки материала (данные из словарей, через опрос и анкетирование информантов), описания, сопоставления, эксперимента, а также приемы лингвокультурологического и статистического анализа. Материалом исследования послужили пословицы, приметы, загадки, фразеологизмы, рассматриваемые как элементы духовной культуры русского и телеутского этносов. Выявленные через анализ лексических универсалий коммуникативные ракурсы осмысления культурно значимых реалий позволяют охарактеризовать национальную картину мира русского и телеутского народов. Проведенное исследование доказало, что полученные в ходе анализа типичные и уникальные способы кодирования сохранившейся в глубинах народной памяти информации детерминируют лексическое своеобразие сопоставляемых языков. Таким образом, изучение паремиологического фонда русского и телеутского языков с опорой на категорию внутренней формы позволило авторам вскрыть механизм происходящих между ними лингвокультурных процессов.

Ключевые слова: внутренняя форма языка, детерминанта, лексические ресурсы, картина мира, языковая картина мира, языковая универсалия, паремии, пословицы, приметы, загадки, фразеологизмы

© Денисова Э.С., Проскурина А.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Информация о вкладе каждого автора:

Э.С. Денисова — концепция исследования, сбор и обработка материала (приметы, фразеологизмы), написание текста, А.В. Проскурина — концепция исследования, сбор и обработка материала (пословицы, загадки, фразеологизмы), написание текста, М.Н. Якучакова-Тарасова, Р.Д. Шадеева — перевод с телеутского языка на русский.

Благодарность:

Исследование выполнено в рамках проекта 17-04-00253-ОГН/18 «Язык и культура телеутов», поддержанного Грантом РГНФ/РФФИ.

Авторы выражают искреннюю благодарность М.Н. Якучаковой-Тарасовой, учителю телеутского языка в основной общеобразовательной школе с. Беково, и Р.Д. Шадеевой, жительнице с. Беково, за оказанную помощь в написании статьи.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.10.2019

Для цитирования:

Денисова Э.С., Проскурина А.В. Внутренняя форма языка как детерминанта его лексического своеобразия (на материале паремий русского и телеутского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 841—859. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-841-859

UDK [811.161.1:811.512:2]373

**Inner Language Form as a Determinant
of its Lexical Peculiarity
(based on the Study Material of the Russian
and the Teleut Languages Proverbia)**

Elvira S. Denisova¹, Anastasia V. Proskurina

Kemerovo State University

Krasnaya Str., 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000

¹elvdenisova@yandex.ru

In the present article we make an effort to develop the ideas of the Russian linguist G.P. Melnikov about the determinants of the language system in the context of his study about the dynamic language nature. The article is devoted to argumentation of peculiarity of multi-structural languages lexical recourses based on their inner form. Significance of the present article is determined, at first, by increased interest from scientists to comparative study of the languages used within one territory in conditions of preservation of their national and cultural originality; second, by insufficient information about linguistic peculiarities of short folklore genre of the Teleut people; third, by scientific relevant tendency to explanatoriness of surveys in the sphere of modern linguistics that is directed to human beings and the world around them. The goal of the authors is to research typical communicatively relevant ways to reflect extralinguistic reality that determine vocabulary of the Russian and Teleut languages. To achieve the stated goal the authors use in the present article data-fetching methods (data from dictionaries, via informants interviewing and questionnaire), descriptions, comparisons, experiments as well as the methods of linguoculturological and statistic analyses. The material for this study is based on proverbs, superstitions, riddles, idioms that are regarded as the elements of the Russian and Teleut people spiritual culture. Communicative aspects of culturally

significant facts comprehension identified through lexical universals analyses allow us to define the national world-image of the Russian and Teleut people. The conducted research proved that received during the analyses typical and unique coding methods of the information preserved in the depths of national memory determine lexical originality of compared languages. As a result, the study of paroemiological fund of the Russian and Teleut language that is based on the inner form category allowed the authors of the present article to reveal the mechanism of linguoculturological processes happening between them.

Key words: inner language form, determinant, lexical resources, world image, linguistic world image, language universals, paroemia, proverbs, superstitious beliefs, riddles, idioms

Information about the contribution of each author:

E.S. Denisova — the concept of research, the collection and processing of material (signs, phraseologisms), writing text, A.V. Proskurina — the concept of research, the collection and processing of material (proverbs, puzzles, phraseological units), writing a text, M.N. Yakuchakova-Tarasova, R.D. Shadeeva — translation from Teleut into Russian.

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-04-00253-ОГН/18 «Teleut language and culture».

The authors are sincerely grateful to M.N. Yakuchakova-Tarasova, teacher of the Teleut language in the main secondary school in Bekovo, and R.D. Shadeeva, a resident of Bekovo (village), for the help in writing the article.

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.10.2019

For citation:

Denisova, E.S. & Proskurina, A.V. (2019). Inner Language Form as a Determinant of its Lexical Peculiarity (based on the Study Material of the Russian and the Teleut Languages Paroemia). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 841—859. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-841-859

Введение

В научном мире общепризнанным является подход к языку как своеобразному способу формирования и хранения национальной культуры (см., например, [1]). Специфика разноуровневой организации языков обнаруживается в их внутренней форме, которую целесообразно рассматривать в качестве детерминанты содержательного плана [2].

Понятие «внутренняя форма» первоначальное осмысление получило в трудах В. фон Гумбольдта [3], И.А Бодуэна де Куртенэ [4], А.А. Потебни [5]. В XX веке в рамках системной лингвистики, у истоков которой находится ведущий российский языковед Г.П. Мельников, внутренней форме уделяется пристальное внимание в силу присущего ей объяснительного потенциала.

В работах Г.П. Мельникова, последовательно развивающего принципы системной лингвистики, реализуется установка на объяснение языкового механизма, типологического устройства языка, посредством обращения к понятиям внутренней и внешней детерминанты. Геннадий Прокопьевич, определяя в качестве «важнейшей функции языка функцию быть средством формирования и под-

держания единства социального сознания» [2. С. 121], рассматривает язык как коммуникативную адаптивную систему, отвечающую запросам его носителей. «Исходным положением для системной лингвистики является не просто признание системности языка как социального явления, а утверждение, что язык входит в класс адаптивных (самонастраивающихся) и, следовательно, динамических систем» [6].

Следует отметить, что коммуникативный статус языка, будучи его внешней детерминантой, зависит от «условий жизни и деятельности социума» [2. С. 96]. В то же время отношения между языковыми единицами на всех уровнях определяются коммуникативным ракурсом — способом изображения внеязыковой действительности, соотносимым с внутренней формой языка: «...Типологическое своеобразие языков зависит прежде всего от того, через схему какого целостного образа старается носитель языка намекнуть собеседнику на замысел своего высказывания, то есть какова схема номинативного смысла типичного высказывания на данном языке» [6].

На наш взгляд, внутренняя форма языка задает его содержательный план, который высвечивает особенности мировосприятия, типичные для отдельного языкового коллектива. Этот код зависит от типологического устройства языка. Через внутреннюю форму языка обнаруживается его знаковая природа: способность языковых единиц разных уровней, включая лексический, кодировать культурно обусловленную информацию.

В контексте возросшего интереса со стороны ученых к изучению в сопоставительном аспекте контактирующих в одном социокультурном пространстве языков актуальными становятся исследования, посвященные проблемам сохранения их национальной и культурной самобытности, межэтнического взаимодействия, поиска путей эффективной межкультурной коммуникации. Так, в работах [7—11], выполненных на материале телеутского и русского языков, представлено описание фрагментов языковой картины мира их носителей, выявлены национально обусловленные особенности мышления, образа жизни, характерные черты материальной и духовной культуры. Особое внимание уделяется проблемам эффективно обучения коренных малочисленных народов России русскому языку [12].

Актуальность выбранной темы объясняется и тем, что в современной лингвистической литературе изучение и описание малых фольклорных жанров телеутского языка практически не представлено. Однако стоит отметить, что описание лексического культурного фонда телеутов вызывает научный интерес не только у лингвистов, но и у социологов, этнологов, историков — как дополнительный источник знаний о лингвокультурной и социокультурной динамике этноса и его перспективах. О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко в статье, посвященной анализу пословиц русинского языка на фоне русской и украинской паремиологии, подчеркивают: «При сравнительно-сопоставительном анализе паремиологического материала важную роль играет определение культурологической информации. Несмотря на внешнее различие мотивационной зоны паремии, денотативная зона может совпадать, что позволяет делать вывод о типологическом сходстве пословичного материала» [13. С. 121], обладающего познавательным потенциалом.

В рамках настоящей статьи мы ставим **цель** рассмотреть типичные коммуникативно востребованные способы отображения внеязыковой действительности, которые детерминируют лексический состав русского и телеутского языков.

Материалом исследования послужили тексты малых фольклорных жанров (пословицы, приметы, фразеологизмы, загадки) телеутского и русского языков, описанные в научной литературе и печатных изданиях, а также полевой материал авторов (ПМА), собранный в ходе экспедиций 2017—2019 гг. в село Беково и микрорайон Телеут (Кемеровская область). Исходным для сопоставительного анализа является русский язык, так как русское народное творчество, по сравнению с телеутским, имеет относительно полную письменную фиксацию.

Исследование единиц паремийного фонда как «элементов духовной культуры этноса» позволяет «реконструировать традиционную «картину мира» жителей определенной территории» [14. С. 15—16]. Следовательно, можно предположить, что, будучи языковыми (лексическими) универсалиями, выбранные для анализа единицы представляют собой типичные высказывания, смысловое наполнение которых обусловлено условиями общения в языковом коллективе, сложившимся в результате комплекса исторических, географических и психологических причин.

В качестве **методов исследования** были использованы метод выборки материала (данные из лексикографических источников, опрос, интервью), описания, сопоставления, эксперимента, а также элементы лингвокультурологического и статистического анализа.

Анализ лексических универсалий русского и телеутского языков

Пословицы как особая разновидность паремий охватывают «обширную область оценок и суждений, как жить, как воспитывать детей, как чтить предков, мысли о необходимости следовать их заветам и примерам, житейские правила поведения» [15. С. 14]. По определению В.И. Даля, пословица — «краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора; пословица есть собь языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа» [16. С. 334]. Именно пословицы, будучи поучительными высказываниями, выражают глубокое ценностное отношение народа к жизни, способны регулировать поведение людей в разных ситуациях общения. Получается, что содержательный план пословичных высказываний составляют ценностные ориентации, как универсальные, так и национально обусловленные.

Пословичный фонд русского языка отличается тематическим разнообразием [17]. В нем представлены пословицы о родине, о любви к ней ((1) *Родимая сторона — мать, а чужая — мачеха*; (2) *Глупа та птица, которой гнездо свое не мило* [15. С. 327]), об историческом прошлом ((1) *Пусто, словно Мамай прошел*; (2) *Каков хан, такова и орда* [15. С. 328]), о вере и религии ((1) *Гром не грянет, мужик не перекрестится*; (2) *Избу ставят, Бога славят* [15. С. 333]), о значимости обучения и роли языка ((1) *Ученье — свет, а неученье — тьма*; (2) *Кто грамоте горазд, тому не пропасть*; (3) *Сытое брюхо к ученью глухо* [15]), о взаимоотношениях родителей и детей ((1) *Детей наказывай стыдом, а не грозой и бичом*;

(2) *Малы детушки — что часты звездочки: и светят, и радуют в темную ночь* [15. С. 340]), о семье ((1) *Замуж идет — песни поет, а вышла — слезы льет*; (2) *Любовь да совет, так и нуждочки нет* [15. С. 342]), о душевных качествах, умениях и чувствах ((1) *Злой человек как уголь: если не жжет, то чернит*; (2) *И на доброго коня бывает спотычка* [15. С. 343]) и мн. др. Каждая из пословиц аккумулирует накопленный тысячелетиями познавательный опыт русского народа. «Пословицы выступают как формы реагирования на обстоятельства жизни. Пословица запечатлена в памяти человека как народная мудрость, освещенная традицией и усвоенная, как правило, с детства» [18. С. 65].

Пословичные высказывания, будучи универсальными и в то же время национально маркированными единицами, занимают существенное место в традиционной культуре коренных малочисленных народов, определяя своеобразие лексического наполнения их родного языка и особенности мировосприятия его носителей. Пословичный фонд телеутского языка позволяет реконструировать систему ценностей и знаний о мире, отражающую этническое самосознание народа. Следует отметить, что «историческими и культурными детерминантами этнического самосознания выступают историческое прошлое и традиции телеутов, их сложившиеся обычаи и нормы поведения, предания, зафиксированные в фольклоре» [18. С. 66]. Поэтому, как подчеркивает В.М. Кимеев, «традиционная культура телеутов носит синкретичный характер» [19. С. 58], проявляющийся, с одной стороны, в многожанровости их фольклора (мифы, предания, легенды, сказки, песни, колядки, пословицы, заговоры, благопожелания, загадки, скороговорки) [20. С. 271—272], а с другой стороны — в концептуально-тематическом своеобразии каждого из указанных жанров.

Пословичный репертуар телеутского этноса прежде всего позволяет вскрыть систему ценностей, которая детерминирует образ жизни и поведение отдельных его представителей в ситуациях повседневного и ритуального общения. Как отмечают телеуты, самое главное в жизни человека — семья, поэтому содержание большого количества пословиц связано с семейными ценностями, правилами поведения между мужем и женой, родителями и детьми, людьми старшего и младшего поколений:

- (1) *Қыс пала энеге полушчы, уул — абазына полушчы* (рус. Девочка — матери помощница. Мальчик — отцу помощник)¹;
- (2) *Абазы жоқто уул паштақ, энези жоқто қыс паштақ* (рус. Если нет отца, то сын — шалун, если нет матери, то дочь — шалунья);
- (3) *Јан кижиди толорго керек. Күчүге аба пол* (рус. Старших тебя почитай. Младшим тебя как отец будь);
- (4) *Қалаш мажақта, пала күчүде* (рус. Хлеб — в колосе, ребенок — в детстве);
- (5) *Јанды узага керек, јашты үредеге керек* (рус. Слова старших нужно слушать. Молодых надо учить) и др. (ПМА).

¹ В скобках, после контекстов на телеутском языке, дается их буквальный перевод на русский язык.

Среди пословиц телеутского языка можно выделить пословицы, в которых провозглашаются не только семейные ценности, но и общие социальные нормы поведения, ставшие уже традиционными и приемлемыми в условиях современной жизни:

- (1) *Қумагы жоқ — су жоқ, қудайы жоқ — қалық жоқ* (рус. Нет воды без песка, нет народа без Бога);
- (2) *Элгези жоқ — айақ кигиши жоқ, жұртты (туулған јер) жоқ — кигиши жоқ* (рус. Без выкройки не бывает обуви. Без рода не бывает человека);
- (3) *Јаманаң қач, јақшыға јанажа пол* (рус. От плохого убегай, с хорошим рядом будь);
- (4) *Көзиң пар — көр, қолуң пар — иште* (рус. Глаза есть — смотри, учись. Руки есть — работай);
- (5) *Қурзақ јизең меңдебе. Малға (атқа) отурзаң — турба* (рус. Пока ешь — не топись. Сядешь на лошадь — не останавливайся) и др. (ПМА).

Мы видим, что пословичные высказывания в русской и телеутской лингвокультурах, с одной стороны, обнаруживают общую востребованность в коммуникативной деятельности русских и телеутов, но, с другой стороны, демонстрируют явные отличия в содержательном плане.

К фольклорным текстам относятся и народные приметы. Традиционно под приметой понимают малый фольклорный жанр, «раскрывающий соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями» [21. С. 188]. Примету следует отличать от суеверия, возникающего на основе веры человека в приметы: «С течением времени некоторые приметы, являющиеся объективными по отношению к окружающему миру, трансформируются в ограниченные, ничем не обоснованные суеверия-предрассудки» [22. С. 262]. Приведем примеры суеверий из телеутского и русского языка:

- (1) *Ийт ойногон, қуйбырган јерге пазага керек жоқ (јарабас)* (рус. На место, где собака крутилась, наступать нельзя);
- (2) *Көзнөккө қурзақ салбайалар* (рус. На подоконник еду не кладут);
- (3) *Эмчек палалды киге көргиснейтен тир јашқа јетире* (рус. Грудного ребенка людям до года не показывали) (ПМА);
- (4) *Беременным нельзя стричь волосы;*
- (5) *Нельзя здороваться через порог;*
- (6) *Вещи с кладбища забирать нельзя* (примеры (4)—(6) взяты из работы [23. С. 147; С. 149; С. 157]).

В нашем исследовании мы также отграничиваем приметы-суеверия от примет-наблюдений: первые научно не обоснованы, не имеют логического объяснения, вторые в основном объясняются совпадениями и случайностями. В собранном материале к приметам-наблюдениям относятся телеутские паремии, связанные со сновидческой реальностью:

- (1) *Түјсиңде көрзең јазанқойгон қат кижиди — јаманға* (рус. Во сне видел нарядную женщину — к плохому);
- (2) *Өлгөн киги түјсиңде күлүнзе — јаманға, сөксө — јақшыға* (рус. Если умерший во сне улыбается — к плохому, ругается — к хорошему);

- (3) *Тўжиңде көрзең телеут қат кижі — јаманга, қазақ қат кижі — јақшыға* (рус. Если во сне приснится телеутская женщина — это к плохому, если русская женщина — к хорошему) (ПМА).

Для русской культуры сновидения-приметы менее характерны, но также, как и в телеутской, связаны с бытовой сферой, ср.:

- (1) *Кошка снится — к слезам;*
(2) *Кошка снится — к мелким ворам* [23. С. 59].

В целом, и телеутские, и русские приметы согласно тематическому принципу можно распределить на 3 кластера: 1) «природные приметы, которые, как правило, имеют научное обоснование, связанное с законами природы»; 2) «бытовые приметы, которые в отличие от природных примет, характеризуются необоснованностью в естественно-научном смысле»; 3) «календарные приметы, которые закреплены за каким-то определенным временем и не действуют в другие дни» [24. С. 107—108]. Подобная тематико-идеографическая классификация примет дает возможность увидеть, «какие ценности являются наиболее важными для человека, воссоздают фрагменты этноязыковой картины мира» [25. С. 3].

При сборе примет телеутского языка мы использовали методику психолингвистического эксперимента, целью которого была актуализация (восстановление) в долговременной памяти телеутов культурных единиц, характерных для их исторического прошлого. В качестве информантов выступили билингвы, носители русского и телеутского языков. Опрос информантов проходил по схеме $S \rightarrow R$, где в качестве S (стимула) выступала примета русского языка, а R (реакция информанта) представляла собой аналог приметы в телеутском языке или примету телеутского языка, аналог которой отсутствует в русском языке. Было опрошено 15 информантов, в возрасте от 47 до 67 лет, собрано 104 приметы, классифицированные нами как бытовые — 54 единицы, метеорологические (природные) — 32 единицы, календарные — 4 единицы, сновидческие — 4 единицы, суеверия — 10 единиц.

Бытовые приметы занимают первое место по частотности употребления как в русской, так и в телеутской культуре, ср.:

- (1) *Ўйдең эртен чықсаң: эр кижі учрашса — јақшыға, қат кижі — нурул үйге* (рус. Из дома утром выйдешь: встретишь мужчину — к удачному дню, женщину — возвращайся домой);
(2) *Сол алақан қычыза — ақчага, оң — учражага* (рус. Левая ладонь чешется — деньгам, правая — встрече);
(3) *Эмчекте қадайбеди — өлгөнге* (рус. В груди (женской) закололо — к покойнику) (ПМА).

Доминирование бытовых примет над другими видами вполне объяснимо: именно они «способны репрезентовать специфику быта и культуры народа в полной мере» [23. С. 134].

Большинство собранных телеутских примет идентичны русским, поскольку моделируют одинаковые бытовые ситуации, ср.:

- (1) *Пуу жылда јаңы угыбалзаң қууқты, септе ақча ползо — жыл полор пайлу* (рус. В первый раз услышал кукушку в году, и в кармане есть деньги — будет год

- богатым) — *Если кто, весною, в первый раз, услышит кукование кукушки при деньгах, — тот будет целый год при деньгах* [26. С. 154];
- (2) *Саңысқан қарғанжит, жамаң қабар акелжит* (рус. Сорока стрекочет, плохую весть несет) (ПМА) — *Если вблизи дома часто и подолгу кричит сорока — умрет кто-то из домашних* [23. С. 135];
- (3) *Если гроб длинный, то ко второму покойнику* (ПМА) — *Если гроб не в меру велик — быть в доме еще одному покойнику* [Там же. С. 148];
- (4) *Ийт улуганда — жаманга* (рус. Собака воет — к плохому) (ПМА) — *Собака воет на дворе — к беде* [26. С. 115].

Однако стоит обратить внимание и на существенные отличия. Например, в телеутской культуре не существует ритуала отмены приметы (характерного для русской культуры), что связано с реализацией значимого принципа гостеприимства, ср.:

Шабала түйсе — қат кижі кирер, сайғы, пычақ — әр кижиге (рус. Ложка упадет — придет женщина, вилка, нож — мужчина).

Не принято стучать столовым прибором три раза по полу, телеуты рады гостям, ждут их (ПМА) — *Если нож упадет, нужно постучать об пол. Это у меня примета такая — если нож упадет, а я не «обстучу» — значит, притащится сосед* [23. С. 140].

Метеорологические приметы находятся на втором месте по частотности употребления. Собранные в ходе эксперимента единицы наиболее ярко демонстрируют антропоцентризм языковой картины мира телеутов: погода как важное природное явление оказывает влияние на разнообразные аспекты их жизнедеятельности, что отражается в языке, в частности, в его паремиологическом фонде. В ходе анализа полученных данных мы пришли к следующим выводам:

1. Телеуты как жители сельской местности проявляют повышенное внимание к природе, поэтому в исторической памяти народа сохранилось немало различных погодных суеверий и примет, ср.:

- (1) *Түдин чықанда өрө — сууққа, төмөн түшкенде — жулуга* (рус. Дым идет вверх — к холодам, вниз — к теплу);
- (2) *Күн қызарып отыржит — жақшы күнге* (рус. Солнце садится и красное зарево — к хорошему дню);
- (3) *Жамғырдаң сууда құқ ползо — жамғыр пир ле күн полбос* (рус. Дождь образует пузыри в воде — то дождь будет лить не один день);
- (4) *Эртен туман ползо — жақшы күнге* (рус. Утром туман — будет хорошая погода) (ПМА).

Приведенным выше телеутским приметам можно найти аналог среди паремийного фонда русской лингвокультуры, например, среди зимних и летних примет, зафиксированных в календаре-месяцеслове [27. С. 13; С. 42].

2. В большинстве телеутских и русских примет в качестве ключевых слов фигурируют номинации животных, птиц, насекомых, повадки которых помогают предсказать изменения погоды:

- (1) *Қызынқа тумчығын жажыржит — сууққа* (рус. Если кошка прячет нос — к холодам) (ПМА) — *Кошка в клубок — мороз на пороге*;

- (2) *Ийт тоглонгондо — салкынга* (рус. Собака спиной на земле ворочается — к ветру (непогоде)) (ПМА) — *Собака катается по траве — к ветру, по снегу — к метели, или на оттепель*;
- (3) *Қудай қужсы төмөн угса — жамгырға* (рус. Ласточки низко летают — к дождю) — *Ласточки летают над самой землей — к дождю*;
- (4) *Күзүрүмдер қайнажабеди — жамгырға* (рус. Муравьи засуетились — к дождю) (ПМА) — *Муравьи прячутся в гнезда — к грозе*

(примеры русских паремий (1)—(3) взяты из словаря примет [26. С. 102; С. 115; С. 157; С. 196]).

3. В структуре примет активно используются опорные слова-символы культуры телеутов — береза [9. С. 286] и конь/лошадь [7. С. 295], ср.:

- (1) *Определить, какая будет зима, можно по березе. Если осенью береза стоит голая, то зима будет холодная. Если осенью береза стоит с листочками, значит, зима будет теплая*;
- (2) *Малдар қыйғыпјалар, айақнаң қақјалар — сууққа* (рус. Лошади фыркают, бьют копытом — к холоду) (ПМА).

5. Приметы раскрывают языковую картину мира телеутов через обращение к кочевому образу жизни, характерному для их исторического прошлого, ср.: *Раньше люди (телеуты) ходили по полям. Поэтому и возникла эта примета, если выпить из родника (свежего, который только недавно забил ключом), то будешь долгожителем* (примета, известная информанту от бабушки) (ПМА). Как правило, подобного рода приметы построены по принципу предания, известны со слов «старших».

В отличие от бытовых и метеорологических, календарные приметы меньше всего используются в речевой практике носителей русского и телеутского языков. Однако и между ними можно найти соответствия в сравниваемых лингвокультурах. Продемонстрируем этот тезис на примере анализа паремийного материала, взятого нами из раздела «Народные приметы» газеты «Телеутская земля» [28] и русского календаря-месяцеслова [27]. Описание примет строится в нашей работе по следующему принципу: примета, содержащая метеоним, в русской культуре — примета, содержащая аналогичный метеоним, в телеутской культуре — дословный перевод телеутской приметы на русский язык.

- (1) *1 декабря — день Платона и Романа. Зимоуказатель: каков день случается — такова и зима* [28. С. 54]. *1 күс қуйрығы айда қанди күн ползо — анди қыш полор. Күн јулу ползо — қыш јулу полор. Сууқ ползо — сууқ полор* [28. С. 9] (рус. 1 декабря. День теплый будет — зима теплая будет. Холодно будет — тогда и зимой холодно будет).
- (2) *1 января. Если ночь на Новый год звездная — быть по лету большому урожаю ягод. Каков первый день января, таков и первый день лета* [27. С. 6]. *1 чаган айда Јаңы јылда тјунде теңреде јылдыс ползо — јайғыда көп јилек полор* [28. С. 9] (рус. 1 января. В Новый год ночью в небе звезда будет — летом много ягод будет).
- (3) *19 декабря — Никола зимний. Сколько Никола зимний даст снегу, столько Никола весенний даст травы* [27. С. 58]. *19 күс қуйрығы айда — қышқы Миколо. Қанча қышқы Миколо қар перзе — анча јасқы Миколо јажыл өлөн перер* [28. С. 9] (рус. 19 декабря. Сколько зимний Миколо снега даст — столько весенний Миколо даст зеленой травы).

- (4) *23 января — Григорий-летоуказатель. Иней на деревьях и стогах — к мокрому и холодному лету* [27. С. 8]. *23 чаган айда агаштарда, үүндерде куру ползо — суук, жамгырлу жай полор* [28. С. 9] (рус. На деревьях, стогах иней будет — холодное, дождливое лето будет).
- (5) *25 января — Татьянин день. Если проглянет солнышко, то к раннему прилету птиц; если снег, то лето дождливое* [27. С. 8]. *25 чаган айда күн көрзө — куштар эрте учуп келер, қар ползо — жамгырлу жай полор* [28. С. 9] (рус. 25 января. Если появится солнце — птицы рано прилетят, будет снег — будет лето с дождем).

Таким образом, раскрытие роли приметы как культурно обусловленной лексической универсалии в формировании национальной картины мира, сбор и сопоставительное изучение примет и суеверий русской и телеутской лингвокультур позволяют не только реконструировать традиционную картину мира изучаемых народов, но и обнаружить «точки» их взаимодействия.

В паремиологической системе русского и телеутского языков особая роль отводится загадкам, возникновение которых связано «с традицией условного наименования предметов, идущей от тайной речи древности» [15. С. 733]. Загадка представляет собой «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [17. С. 56]. Следовательно, загадывание какого-либо предмета на основе свойств или функций вскрывает культурно значимые ракурсы его осмысления через «соединение предметов, их взаимодействие, соотношение» [29. С. 22]. «Загадкой утверждается бытие предмета, и все загадки в их комплексе дают как бы цикл мироздания» [29. С. 49]. Поэтому целесообразно говорить о миромоделирующей функции загадок как паремиологических единиц, коммуникативное назначение которых заключается в представлении загадываемой реалии «в зашифрованном, уводящем в сторону виде» [30. С. 110].

Загадка, будучи типичным коммуникативно ориентированным высказыванием о сущности предметно-вещественного мира, его закономерностях, особенностях устройства, «является как бы концентрированным изложением основ традиционного мировосприятия» [31. С. 49]. Система загадок в русском и телеутском языках показывает значимость для их носителей реалий жизни, связанных с человеком, его повседневной и профессиональной деятельностью. Прежде всего загадывается то, что окружает людей, влияет на их поведение и образ жизни. Поэтому в тематическом плане наблюдается разнообразие данных паремий на основе их соотнесенности с определенным фрагментом мира. В обоих языках обнаруживаются загадки о человеке ((1) *За стеной костяной, соловейко, спой!* (язык) [15. С. 734] и (2) *Сдобной калаш столдо полбогон, түгезе кижилер југен* (кижиный эмчек) (рус. Сдобный калач, который на столе не лежит, а его все люди едят (женская грудь) [31. С. 121]), о его жилище ((1) *Стоит терем, в тереме ящик, в ящике мучка, в мучке жучка* (изба, печь, зола, жар) [15. С. 736] и (2) *Ани — тепселү јер, мини — тепселү јер, ортозында — темир чылап, јалтрақ јер* (позого) (рус. Туда — истоптанное место, сюда — истоптанное место, посередине — словно железо, гладкое место (порог) [31. С. 120]), о предметах быта ((1) *Не бык, а бодает,*

не ест, а еду хватает, что схватит, отдаст, сам в угол идет (ухват) [15. С. 739] и (2) *Јус көстү, пойы сыгыр, талқаннаң көсти сейқойды* (сиит) (рус. Сотни глаз, а сам слепой, засорил глаза мукой (решето) [31. С. 122]), о животных и птицах ((1) *Не пахарь, не столяр, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник* (лошадь) [15. С. 742] и (2) *Қыр ағашқа қар жүқпайт* (ўйдин мўўзи) (рус. На кривом дереве снег не держится (рога коровы) [31. С. 121]), о явлениях природы ((1) *На дворе горой, а в избе водой* (снег) [15. С. 757] и (2) *Қара пашту қарғалар қайың пажында отурјалар* (пулуттар) (рус. Черноголовые вороны на вершине березы сидят (тучи) [31. С.120]) и мн. др.

Мы видим, что содержание загадок и предметная соотнесенность их отгадок выявляют общий набор загадываемых реалий в сопоставляемых нами языках. Так, и в русской, и в телеутской культурах конь, как уже отмечалось, является особо почитаемым животным, которое ценится за счет своих природных качеств. Русская загадка (1) *Две прямых, одна кривая, посередочке — живая* (отгадка — лошадь, дуга, оглобля) «указывает на значимую роль лошади в бытовой деятельности крестьянина» [29. С. 367]. В телеутской загадке (1) *Ары јаны камыш, пери јаны көрөң* (малдың јалы, куйруғы) (рус. С той стороны — камыш, с той стороны — осока (отгадка — грива, хвост коня) [31. С. 125]) отражено восприятие лошади в аспекте ее отличительных признаков. Примечательно, что образ коня организует смысловое наполнение телеутской загадки о шумовке для пельменей, которые телеуты предпочитают изготавливать из мяса этого домашнего животного ((1) *Јус ат сууға тўити, Јүрелдей абышқа эже тўити* (пельмен калбуш) (рус. Сто коней в воду упали, старик Јүрелдей следом за ними спустился (шумовка для пельменей) [31. С.125]). В то время как в сознании русского народа пельмени соотносятся с образами овцы ((1) *На калиновом мосточке лежали овечки, огонь увидали и в воду упали*) и гуся ((2) *Летели гусельцы по липовым мостянкам, увидали зарю — побросались в воду* [29. С. 162]). Подобные примеры свидетельствуют о наличии универсальных способов представления мира носителями разных языков, среди которых преобладает повествование: «Чаще предмет определяется трудовым опытом человека, прикосновением, движением, работой, и потому преобладают загадки повествовательные» [29. С. 18]. «Имея в виду предметы в их частном бытии, загадка вся направлена к тому, чтобы развернуть представление о предмете. Загадка вскрывает или происхождение предмета, или его функцию, или же дает всю его биографию, с начала и до конца его бытия» [Там же. С. 17]. Следует учитывать, что выбранный способ раскрытия образа загадываемого предмета, задающий смысловой план высказывания о нем, может быть реализован посредством метафорической или метонимической иносказательности, указания значимых признаков, сравнения, вопросной формы. Вариативное моделирование образа одного и того же фрагмента мира в разноязычных загадках обусловлено, на наш взгляд, фактором коммуникативной целесообразности, которая выступает внешней детерминантой по отношению к их форме и содержанию.

Обращаясь к понятиям картина мира и языковая картина мира, стоит отметить, что в рамках последней исследователи выделяют и фразеологическую кар-

тину, под которой понимают «представления человека о себе и окружающем его мире, фиксируемые фразеологическими средствами языка и рассматриваемые как явление национально-культурного наследия» [32. С. 51]. В нашей работе под фразеологизмами (или фразеологическими оборотами) понимаются не только традиционные идиомы, но и пословицы и поговорки, «для которых характерны три основных параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка; принцип полной или частичной идиоматичности; свойство устойчивости» [33. С. 56].

Общепринятым в науке является тезис о том, что «фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа» [34. С. 15]. Способность идиомы отражать и хранить материальную и духовную жизнь народа-носителя позволяет глубже изучить и осмыслить не только историю языка, но и выявить ритуалы, традиции, обычаи, положенные в основу ее наименования.

И в русском, и в телеутском языке можно найти фразеологизмы с одним и тем же опорным компонентом (ключевым словом) и общей семантикой. Так, в речевой практике носителей русского языка активно используются фразеологизмы с компонентом «ветер» и его производными, которые помогают описать легкомысленного, пустого человека или поведение без ясного, четко сформулированного плана, ср.: *бросать на ветер*; *бросать на ветер слова*; *ветер в голове* (*бродит [свистит / гуляет / ходит]*) *у кого*; *ветер свистит в карманах*; *говорить на ветер*; *ветреная голова*; *без руля и ветрил*; *ветряная мельница* [35. С. 62].

Для характеристики беззаботного и несерьезного человека телеуты могут использовать в своей речи фразеологизм *салқын кижі* (ветренный человек): «В мифологии Ветер часто представлялся в образе проказливого, драчливого, иногда неистового божества. В некоторых мифах образ Ветра показывается в виде неукротимой лошади. Легкомысленных людей или лошадей часто называют рожденными от ветра» [36]. В телеутском языке существует фразеологизм *кижі салқындыяля*, у которого обнаруживается иное значение по сравнению с предыдущей устойчивой единицей: «Телеуты употребляют его в ситуации, когда о человеке нужно сказать, что он быстрый, как ветер. Ветер может находиться во многих местах одновременно, он может внезапно появиться или исчезнуть, при применении фразеологизма эта черта присваивается человеку» [36].

Как мы видим, фразеологизмы в телеутском языке, будучи типичными высказываниями, демонстрируют древние народные представления об устройстве мира, месте человека в нем, о его взаимоотношениях с божественными силами. Например, фразеологический оборот *түктү жүрек*, который «дословно переводится как сердце, обросшее шерстью, восходит к мифологическому культурному коду» [36]. В древнетюркском эпосе бытует легенда о шамане, «которого враги убивали три раза, но он всегда оживал, поэтому ему выкололи глаза и распороли живот. Враги увидели, что сердце шамана покрыто шерстью. Сейчас если о человеке говорят, что у него обросшее шерстью сердце, то ему выражают уважение, его называют очень смелым человеком» [36]. Для такого фразеологизма в русском языке найти эквивалент невозможно.

Получается, что вышеприведенные фразеологические высказывания, типичные для разных языков, обнаруживают общие принципы передачи культурного опыта и в то же время воссоздают уникальное содержание значимых коммуникативных ситуаций.

Заключение

Опыт сбора и классификации малых фольклорных жанров телеутского народа позволил провести сопоставительный анализ паремиологического фонда русского и телеутского языков, выявить общее и уникальное в функционировании выбранных для анализа единиц в языковой картине мира русских и телеутов. Рассмотренные нами языковые универсалии позволили обнаружить типичные для русского и телеутского языков способы изображения действительности, каждый из которых вскрывает коммуникативный ракурс их лексического наполнения.

«Учитывая, с одной стороны, динамичную природу языковой реальности и с другой стороны, происходящие в обществе процессы модернизации, следует предположить, что внутренняя форма языка может быть актуальной (живой), подвергаться забвению или стать утраченной. Благодаря живой внутренней форме язык, во-первых, используется как средство общения, познания, передачи культурного опыта, во-вторых, выступает способом самоидентификации народа. Именно присущая тому или иному языку внутренняя форма обеспечивает его жизнеспособность в условиях функционирования в семиотическом пространстве культуры и позволяет носителям языка сохранить свое этническое самосознание» [37. С. 241].

«Направленность языка на создание определенного образа, которую Г.П. Мельников называл детерминантной языка, зависит не от формальных структур языка, а от типичного информационного запроса участников коммуникации, и как раз она настраивает язык на закрепление некоторых формальных структур в качестве канонических» [38. С. 90], к которым, на наш взгляд, и относятся малые фольклорные жанры. Будучи коммуникативно ориентированными высказываниями, фольклорные тексты имплицитно аккумулируют в содержательном плане информацию о результатах познавательной и аксиологической деятельности носителей архаичного взгляда на мироустройство. Поэтому, как показывают результаты нашего исследования, именно во внутренней форме языков как типологически и культурно обусловленном способе отражения действительности таится их лексическое своеобразие.

Для формирования более четкого представления о лингвокультурных процессах, происходящих с телеутским языком, необходимы дальнейший сбор и обработка лексико-фразеологического материала, дополнение уже имеющихся словарных статей и приложений в электронном лингвострановедческом телеутско-русском словаре [39], а также изучение других малых фольклорных жанров — поговорок, частушек, скороговорок, колыбельных. Кроме того, целесообразным представляется проведение лингвистического эксперимента по восприятию паремий носителями русского и телеутского языков разных возрастных, профессиональных и социальных групп.

Библиографический список

1. *Araeva L.A., Denisova E.S., Katyshev P.A., Melnik N.V., Olenev S.V., Evseeva I.V.* Names of dishes and establishments of Japanese cuisine in Russian linguistic culture: structural and pragmatics // *Life Science Journal*. 2014. no 11 (11). P. 362—366.
2. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001.
3. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Общее языкознание. М.: Издательство «Юрайт», 2018.
4. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007.
5. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.
6. *Мельников Г.П.* Внутренняя форма русского языка — ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях [Электронный ресурс] // *Беседы в обществе любителей русской словесности*. ОРЛС, 1998. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov-vf.htm> (дата обращения: 15.07.2019).
7. *Abdullayeva F.E., Li S.I., Proskurina A.V.* Teleut Labor and Life // *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*. Ed. E.A. Railean. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 294—307. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
8. *Araeva L.A., Artemova T.V., Bulgakova O.A., Obratsova M.H., Kreydlin G.E.* Propositional frame-based description of fragments of teleuts linguistic worldview // *Review of European Studies*. 2015. no 7 (6). P. 295—301.
9. *Obratsova M.N., Denisova E.S., Kereksibesova U.V.* The Symbolism of Archaic Rites, Signs and Superstitions of Teleuts // *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*. Ed. E.A. Railean. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 277—293. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
10. *Olenev S.V., Araeva L.A., Bulgakova O.A.* Teleuts' Family and Kinship Ties: Socio-Demographic Background and Linguistic Analysis // *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*. Ed. E.A. Railean. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 308—323. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
11. *Языковая картина мира телеутов: монография / науч. ред. Л.А. Араева, отв. ред. А.В. Про-скурина.* Кемерово: КемГУ, 2018.
12. *Образцова М.Н., Крым И.А., Кузнецова В.С.* Создание открытых электронно-образова-тельных ресурсов по русскому языку для коренных малочисленных народов Сибири как результат межэтнического взаимодействия на территории одной страны // *Русин*. 2018. Т. 51. Вып. 1. С. 312—328. doi: 10.17223/18572685/51/20.
13. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // *Русин*. 2016. no 3(45). С. 119—129. doi: 10.17223/18572685/45/9.
14. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. М.: Флинта, 2016.
15. *Русское устное народное творчество: Хрестоматия.* Сост., вст. ст., коммент. В.П. Ани-кина. М.: Высшая школа, 2006.
16. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М.: Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011.
17. *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957.
18. *Кригер Г.Н.* Самосознание представителей телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики: монография. Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2012.
19. *Кимеев В.М.* Исторические судьбы телеутов: учебное пособие. Кемерово, 2017.
20. *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX века: историко-этнографи-ческое исследование. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993.

21. *Завьялова Е.Е.* Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение. М., 2013. по 2. С.187—193.
22. *Козина О.* Приметы и суеверия как категория наблюдения-анализа в традиционной русской культуре // Аналитика культурологии. 2009. по 2 (14). С. 262—264.
23. *Агапова Н.А., Банкова Т.Б., Угрюмова М.М.* Ключевое слово народной приметы: репрезентация константы культуры // Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск: Томский государственный университет, 2017.
24. *Павлова Е.Г.* Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования / сост. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 294—299.
25. *Иванова Н.Н.* Примета-пословица как особая паремиологическая единица // В.И. Даль в парадигме современной науки: Язык — словесность — самосознание — культура: Всероссийская научная конференция, посвященная 200-летию юбилею В.И. Даля: в 2 ч. Ч. 1. Иваново: Иванов. гос. ун-т., 2001. С. 33—35.
26. Словарь народных примет в разноструктурных языках (русский, татарский, английский, немецкий). Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2014.
27. Русский народный месяцеслов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1990.
28. Телеутская земляца. Приложение к газете Беловского муниципального района «Сельские зори». по 56. 26 октября, 2018.
29. *Рыбникова М.А.* Загадки. Москва — Ленинград: Academia, 1932.
30. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Наука, 1966.
31. *Функ Д.А.* Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов // Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск VIII. Телеуты. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 5—140.
32. *Веренич Т.М.* Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 51—53.
33. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
34. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. М.: Азбука-классика, Авалонь, 2005.
35. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. М.: Русский язык, 1987.
36. *Якучакова О.* Идиомы телеутского языка как к экспликатор национальных архетипов [Электронный ресурс] // Молодежная научная конференция Томского государственного университета. 2009. Томск, 2010. Вып. 1: Проблемы гуманитарных наук. С. 185—188. Режим доступа: <http://programma.x-pdf.ru/16tehlicheskie/99784-2-materiali-xlviimezhhdunarodnoy-nauchnoy-studencheskoy-konferencii-student-nauchno-tehnicheskij-progress-10-14-aprelya-20.php> (дата обращения: 20.07.2019).
37. *Проскурина А.В.* К вопросу о внутренней форме телеутского языка // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. / отв. и научный ред. проф. Б.Я. Шарифуллин [Электронный ресурс]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. Вып. 7 (16). С. 240—248. Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/21605> (дата обращения: 10.07.2019).
38. *Валентинова О.И., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.* Забытые парадигмы языкознания: системология Г.П. Мельникова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. по 5. С. 85—91.
39. Лингвострановедческий телеутско-русский словарь мультимедийного типа / Авторы: науч. ред. Л.А. Араева, отв. ред. А.В. Проскурина, Ф.Э. Абдуллаева, О.А. Булгакова, Э.С. Денисова и др. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017—2019. Режим доступа: <http://ls-teleut.kemsu.ru> (дата обращения: 10.08.2019).

References

1. Araeva, L.A., Denisova, E.S., Katyshev, P.A., Melnik, N.V., Olenev, S.V. & Evseeva, I.V. (2014). Names of dishes and establishments of Japanese cuisine in Russian linguistic culture: structural and pragmatics, *Life Science Journal*, 11 (11), 362—366.
2. Humboldt, V. von. (2001). *Selected works on linguistics*. Moscow: OJSC IG Progress. (In Russ.).
3. Baudouin de Courtenay, I.A. (2018). *General linguistics*. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russ.).
4. Potebnya, A.A. (2007). *Thought and language*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
5. Mel'nikov, G.P. (2003). *System typology of languages. Principles, methods, models*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Mel'nikov, G.P. (1998). The internal form of the Russian language is the key to understanding its features at all levels [Electronic resource] In *Conversations in the society of lovers of Russian literature*. ORLS. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov-vf.htm> (accessed: July 15, 2019). (In Russ.).
7. Abdullayeva, F.E., Li, S.I. & Proskurina, A.V. (2019). Teleut Labor and Life In *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*, E.A. Railean (Ed.). Hershey, PA: IGI Global. pp. 294—307. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
8. Araeva, L.A., Artemova, T.V., Bulgakova, O.A., Obraztsova, M.N. & Kreydlin, G.E. (2015). Propositional frame-based description of fragments of teleuts linguistic worldview, *Review of European Studies*, 7 (6), 295—301.
9. Obraztsova, M.N., Denisova, E.S. & Kereksibesova, U.V. (2019). The Symbolism of Archaic Rites, Signs and Superstitions of Teleuts In *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*, E.A. Railean (Ed.). Hershey, PA: IGI Global, 277—293. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
10. Olenev, S.V., Araeva, L.A. & Bulgakova, O.A. (2019). Teleuts' Family and Kinship Ties: Socio-Demographic Background and Linguistic Analysis In *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*, E.A. Railean (Ed.). Hershey, PA: IGI Global, 308—323. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
11. Linguistic picture of the world of Teleuts (2018). Monograph, L.A. Araeva & A.V. Proskurina (Eds.). Kemerovo: KemSU. (In Russ.).
12. Obraztsova, M.N., Crimea, I.A. & Kuznetsova, V.S. (2018). Creating open electronic educational resources in the Russian language for the indigenous peoples of Siberia as a result of interethnic interaction in the territory of one country, *Rusin*, 51(1), 312—328. doi: 10.17223/18572685/51/20. (In Russ.).
13. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). The cognitive potential of Ruthenian paremias against the background of Russian and Ukrainian languages, *Rusin*, 3 (45), 119—129. doi: 10.17223/18572685/45/9. (In Russ.).
14. Khrolenko, A.T. (2016). *Fundamentals of linguoculturology*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
15. Russian oral folk art (2006), Anthology, V.P. Anikin (Ed.). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
16. Dal' V.I. (2011). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Bustard; Russian language. Media. (In Russ.).
17. Anikin, V.P. (1967). *Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
18. Krieger, G.N. (2012). *The self-consciousness of the representatives of the Teleut ethnic group: cultural and historical determinants and structurally meaningful characteristics: a monograph*. Kemerovo: State Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University. (In Russ.).

19. Kimeev, V.M. (2017). *The historical fate of the Teleuts: a textbook*. Kemerovo. (In Russ.).
20. Funk, D.A. (1993). *Bachat Teleuts in the XVIII — the first quarter of the XX century: historical and ethnographic research*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. (In Russ.).
21. Zavyalova, E.E. (2013). Signs as a folklore genre: the experience of systematization, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 187—193. (In Russ.).
22. Kozina, O. (2010). Signs and superstition as a category of observation-analysis in traditional Russian culture, *Analytics of Cultural Studies*, 2 (14), 262—264. (In Russ.).
23. Agapova, N.A., Bankova, T.B. & Ugryumova, M.M. (2017). Keyword of folk signs: representation of the constant of culture In *Constants of Russian folk culture: language incarnations*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russ.).
24. Pavlova, E.G. (1984). The experience of classification of folk signs In *Paremiological studies*, comp. G.L. Permyakov (Ed.). Moscow: Nauka. pp. 294—299. (In Russ.).
25. Ivanova, N.N. (2001). Sign-proverb as a special paremiological unit In V.I. *Far in the paradigm of modern science: Language — literature — self-awareness — culture: All-Russian scientific conference dedicated to the 200th anniversary of V.I. Dahl: at 2 pm Part 1*. Ivanovo: Ivanovo University publishing house. pp. 33—35. (In Russ.).
26. Dictionary of folk signs in different structural languages (Russian, Tatar, English, German) (2014). Kazan: Publishing House “Printing Service XXI Century”. (In Russ.).
27. Russian folk month (1990). Yaroslavl: Upper Volzh. Prince ed. (In Russ.).
28. Teleut zemlya (2018). Appendix to the newspaper of the Belovsky municipal district “Rural Dawns”. no 56. October 26. (In Russ.).
29. Rybnikova, M.A. (1932). *Riddles*. Moscow—Leningrad: Academia. (In Russ.).
30. Kvyatkovsky, A.P. (1966). *Poetic dictionary*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
31. Funk, D.A. (1992). Oral creativity, games and entertainment of the Bachat Teleuts In *Materials for the series “Peoples and Cultures”. Issue VIII. Teleuts*. Moscow: IEA RAS. pp. 5—140. (In Russ.).
32. Verenich, T.M. (2012). Features of a national character in the phraseological picture of the world (based on French and Russian languages) In *Philology and Linguistics in Modern Society: Materials of the Intern. scientific conf. (Moscow, May 2012)*. Moscow: Your printing partner. pp. 51—53. (In Russ.).
33. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. (In Russ.).
34. Mokienko, V.M. (2005). *Riddles of Russian phraseology*. Moscow: Alphabet-classic, Avalon. (In Russ.).
35. Phraseological dictionary of the Russian language (1987). L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov (Eds.). Moscow: Russian language. (In Russ.).
36. Yakuchakova, O. (2009). Idioms of the Teleut language as an explicator of national archetypes [Electronic resource], *Youth Scientific Conference of Tomsk State University*. Tomsk, 2010. Issue 1: Humanities issues. pp. 185—188. URL: <http://programma.x-pdf.ru/16tehnicieskie/99784-2-materiali-xlviix-mezhdunarodnoy-nauchnoy-studencheskoy-konferencii-student-nauchno-tehnicheskij-progress-10-14-aprelya-20.php> (accessed: 20.07.2019). (In Russ.).
37. Proskurina, A.V. (2016). To the question of the internal form of the Teleut language, *Man and language in the communicative space: Sat. scientific Art. / holes and scientific ed. prof. B.Ya. Sharifullin*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 7 (16), 240—248. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/21605> (accessed: 07.10.2019). (In Russ.).
38. Valentinova, O.I., Preobrazhensky, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). Forgotten Linguistics Paradigms: G.P. Systemology Melnikova, *Philological sciences. Scientific reports of higher education*, 5, 85—91. (In Russ.).
39. Lingvostranovedchesky Teleut-Russian dictionary of multimedia type (2019). L.A. Araeva, A.V. Proskurina, F.E. Abdullaeva, O.A. Bulgakova, E.S. Denisova et al. Kemerovo: Kemerovo State University, 2017—2019. URL: <http://ls-teleut.kemsu.ru> (accessed: 10.08.2019). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Денисова Эльвира Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»; ORSID: 0000-0003-4591-6576, eLibrary SPIN-код: 1531-5684; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, словообразование, психолингвистика, телеутский язык, культура речи, риторика; *e-mail*: elvdenisova@yandex.ru.

Проскурина Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»; ORSID: 0000-0003-0665-7049, eLibrary SPIN-код: 5917-4098; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, словообразование, русские народные говоры, телеутский язык, культура речи, русский язык как иностранный; *e-mail*: proskurina@yandex.ru.

Information about the authors:

Elvira S. Denisova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Style and Rhetoric, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University; ORSID: 0000-0003-4591-6576, eLibrary SPIN code: 1531-5684; *Research interests*: cognitive linguistics, linguoculturology, word formation, psycholinguistics, Teleut language, speech culture, rhetoric; *e-mail*: elvdenisova@yandex.ru.

Anastasia V. Proskurina, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Style and Rhetoric, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University; ORSID: 0000-0003-0665-7049, eLibrary SPIN code: 5917-4098; *Research interests*: cognitive linguistics, cultural linguistics, word formation, Russian dialects, Teleut language, culture of speech, Russian as a foreign language; *e-mail*: proskurina@yandex.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-860-870

УДК 81'37

Научная статья / Research article

Кластерный анализ семантической структуры полисемантов в свете инвариантной теории

О.Л. Зимарева¹, С.А. Песина²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
ул. Ленина 38, Магнитогорск, Российская Федерация, 455000
¹olgalatushkina87@mail.ru; ²spesina@bk.ru

Статья посвящена раскрытию особенностей применения кластерной методики организации материала к анализу семантической структуры многозначных слов. Объектом изучения стали наиболее частотные полисеманты русского и английского языков, имеющие развитую семантическую структуру, так как благодаря богатой системе внутрисловных связей мы можем наглядно представить картину отбора семантических компонентов в процессе декодирования переносных значений. Основным методом анализа является компонентный анализ и учет нетривиальных семантических признаков. В процессе анализа полисемантов нами преследовалась цель обнаружить то, что лежит в основе удержания множества значений в рамках одной структуры. Изначально высказывалась идея в пользу существования некоего инвариантного содержания, которое в свернутом виде хранится в сознании носителя языка. В настоящем исследовании применение кластерной теории к организации семантической структуры полисемантов не только подтвердило инвариантную теорию, но и вывело ее на новый уровень понимания, что такое значение слова и каким образом мы понимаем переносные значения. Представление семантической структуры в виде связанных между собой признаков, объединенных в кластеры на основании какого-либо критерия, представляет собой новый подход к пониманию явления полисемии и объяснения диффузности значений. Конфигурация инвариантных и дифференциальных признаков в процессе декодирования обеспечивает понимание переносных значений полисеманта. Подтверждение данной теории мы находим в работах по нейролингвистике и когнитивной психологии.

Ключевые слова: полисемия, значение, инвариант, семантические компоненты, кластерный анализ, компонентный анализ, нейронная сеть, метафорическое значение

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

© Зимарева О.Л., Песина С.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Зимарева О.Л., Песина С.А. Кластерный анализ семантической структуры полисемантов в свете инвариантной теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 860—870. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-860-870

UDK 81'37

Cluster Analysis of Polysemous Word Semantic Structure in the Light of Invariant Theory

O.L. Zimareva, S.A. Pesina

Nosov Magnitogorsk State Technical University
st. Lenina 38, Magnitogorsk, Russian Federation, 455000

¹olgalatushkina87@mail.ru; ²spesina@bk.ru

The aim of the article is to disclose specific features of the cluster method of material organization to the semantic structure analysis of polysemous words. The object of study includes the most frequent polysemous words of Russian and English languages. The words for study should have a developed semantic structure thanks to which intra-word connections and a picture of the semantic component selection in the process of decoding figurative meaning can be visually presented. The main method of analysis is component analysis and consideration of non-trivial semantic components. In the process of word analysis, we intend to discover what underlies the retention of meanings within a single structure. Initially, the idea bases on the existence of some invariant content, which is stored in the folded form in the mind of a native speaker. In the present study, the application of cluster theory to the organization of the polysemous word semantic structure not only confirms the invariant theory, but also brings it to a new level of understanding what the meaning of the word is and how we understand the figurative meaning. Representation of the semantic structure in the form of interconnected semantic components, united in clusters on the basis of a criterion, represents a new approach to understanding the phenomenon of polysemy and explaining the diffusivity of figurative meanings. The configuration of invariant and differential components in the decoding process provides an understanding of figurative meanings. We find confirmation of this theory in the works on neurolinguistics and cognitive psychology.

Key words: polysemy, meaning, invariant, semantic components, cluster analysis, component analysis, neural network, figurative meaning.

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Zimareva O.L. & Pesina S.A. (2019). Cluster Analysis of Polysemous Word Semantic Structure in the Light of Invariant Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 860—870. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-860-870

Введение

Проблема решения лексической многозначности насчитывает не одно десятилетие. В основном решение сводится к признанию у одного слова нескольких значений, фиксируемых в словарях, которые носитель языка выбирает из списка

в соответствии с контекстом. Использование подобных схем не учитывает того, что часто, когда в процессе коммуникации носитель языка сталкивается с теми или иными метафорическими значениями впервые, сознанию удается в кратчайшие сроки установить, о чем идет речь. Возникает вопрос, если у человека значения хранятся в том виде, в каком он их запомнил вследствие накопленного языкового опыта, то каким образом мозгу удастся найти «соответствие» между значением, хранящимся в памяти, и новым значением, полученным извне. Возможно, для ответа на этот вопрос нужно заглянуть немного дальше и посмотреть, как у слова возникло множество значений.

Одним из самых очевидных ответов на поставленный вопрос будет обращение к этимологическому анализу, который предоставит массу примеров заимствования значений из других культур. Так, например, у английского полисеманта *grain* (зерно) в ранненовоанглийский период развития появляется значение «кормосодержащий дуб», на основе которого образовалось метафорическое значение «алая краска, изготовленная из самок жуков». Данное значение было заимствовано из санскрита на основании внешнего сходства между зерном и зернистой структурой коры дерева, которую образуют самки жуков, плотно ее покрывающие [1. С. 129—132]. По ошибке жучков, которые обитали на коре кормосодержащего дуба, принимали за зерна, что указывает на метафорическое происхождение данного значения в этот период. Другими словами, причиной заимствования в данном случае могли послужить зрительные признаки «зернистый», «похожий на зерно», благодаря которым в структуре полисеманта начала развиваться параллельная ветвь значений, обозначающих текстуру любой поверхности, в том числе шершавой (E.g.: *grain of rock/metallic surface; grain of streets*). Другими словами, для того, чтобы новое значение было включено в семантическую структуру слова, потребовалось обнаружение одного-двух общих признаков. Отсюда следует вывод о том, что для создания ветви значений по схеме «первое значение — текстура деревянных поверхностей — текстура любых поверхностей» достаточно было установить малейшую общую составляющую, в данном случае получившую выражение в виде семантического признака «похожий на зерно». Таким образом и была рождена идея о том, что семантическая структура многозначных слов базируется не на значениях, а на группах семантических признаков, конфигурация из которых и составляет значения полисемантов, развернутый вид которых мы можем найти в толковых словарях.

Кластерная организация семантической структуры многозначных слов

Мы считаем, что в основе семантической структуры полисемантов лежит кластерная система объединения признаков. Объяснение полисемии с позиции кластерного устройства имеет ряд преимуществ: во-первых, очевиден тот факт, что у среднего носителя языка отсутствует абсолютная память. Но если предположить, что в памяти индивида множество признаков разделены на группы и связаны между собой на основании какого-либо критерия и автоматически тянут

за собой сеть других ассоциативных признаков, то компактный характер удержания значений в одной структуре полисеманта становится очевидным. Один признак может быть связан с множеством слов, и нет необходимости «запоминать» его во многих значениях. Во-вторых, как правило, знание того или иного полисеманта сводится к нескольким центральным значениям, знакомым всем с детства. Однако, встретившись со словом, явно несущим новое значение, мозгом автоматически удается его интерпретировать хотя бы в общих чертах, не имея подходящего готового значения в ментальном лексиконе. Можно предположить, что в сознании человека всегда присутствуют базовые компоненты, в нашем случае семантические, помогающие мозгу идентифицировать новое знание и отнести его в определенную сферу, что указывает на то, что не обязательно знать множество значений, достаточно одного-двух для формирования устойчивого кластерного объединения признаков. В-третьих, структура самого кластера является гибкой и открытой системой, способной развиваться за счет получения новой информации. Такое устройство ментального лексикона позволяет расширяться семантической структуре полисеманта и со временем включать новые значения.

Термин «кластер» не является новым в науке и в настоящее время является одним из оптимальных методов обработки больших массивов данных. Одним из примеров успешного применения кластерного анализа является программа Texterra [2], на основании которой осуществляется семантический анализ текстов. Одним из особенностей данного метода является представление информации в виде иерархической структуры, что очень удобно при исследовании семантической составляющей многозначных слов, так как известно, что признаки носят разнородный характер (образные, центральные, периферийные, идентифицирующие, дифференциальные, скрытые, функциональные и прочее) и характеризуются различной степенью удаления от центра.

Кластерный анализ нашел применение в социологии (впервые его описал и применил Трион в 1936), в экономике, в компьютерной сфере, в биологии. Основной целью такого анализа является распределение объектов или их признаков на группы или кластеры. Каждая группа должна быть определена на основании какого-то критерия. Другими словами, благодаря такому анализу решается задача классификации баз данных и определения ее структуры. Одним из главных преимуществ использования такого подхода является использование нескольких параметров для разбиения объектов на кластеры. Благодаря построению кластерного объединения появляется возможность прогнозирования вектора развития полисеманта в случае, когда показатели имеют настолько разнообразный вид, что их тяжело отследить, имея на руках его списочный аналог [3—6].

Сложность представленной в виде кластерного объединения признаков семантической структуры полисеманта зависит от степени развития самого слова (если опираться на данные словарей и корпуса), однако построение подобной структуры открывает возможности для коррекции исходного компонентного анализа. Данная система является открытой, так как за каждым словом-признаком может скрываться еще больше признаков, которые переплетаются между собой подобно аксонам в мозгу человека. Построив множество кластерных схем, мы

смогли наглядно увидеть, что в каждом кластерном объединении полисеманта возникают особые многофункциональные идентифицирующие инвариантные признаки, к которым ведет большее количество связей, нежели к периферийным или дифференцирующим. Такие признаки формируют своего рода каркас слова, и к ним наличествует наиболее быстрый доступ в системе. Известно, что у одного нейрона может быть связь со многими другими нейронами (до 20 000), а если представить, например, с каким количеством слов может быть связан признак *важный*, то аналогия кластерной семантической системы с нейронной структурой головного мозга возникает сама собой. Более того известно, что одно слово может иметь не только семантическую связь, но также синонимическую с другими отделами мозга, затрагивать моторные, эмоциональные участки мозга, участки, отвечающие за память [7. С. 35]. Другими словами, слово является составной частью не только языка, но отражает многие аспекты повседневного опыта.

Нейролингвистическое обоснование кластерной организации семантической структуры многозначных слов в свете инвариантной теории

Наше исследование многозначного слова изначально строится на теории, что в процессе человеческой жизни у людей формируется некое усредненное значение, некий конструкт, лексический инвариант, хранящийся на уровне языка и включающий ряд устойчивых семантических компонентов, позволяющих идентифицировать лексему на уровне обыденного сознания, в то время как на уровне речи он представлен отдельными значениями, актуализирующими те или иные семантические компоненты [8—10]. Инвариантные признаки образуют своего рода «общее значение» и позволяют хранить слово в более компактном виде на уровне языка, что отвечает теории экономии языка. Наглядное представление семантической структуры многозначного слова в виде разбиения на кластеры подтверждает инвариантную теорию и доказывает существование общих семантических компонентов, составляющих каркас полисеманта, которые не позволяют слову распасться на омонимы.

Л.С. Выготский утверждал, что «всякое значение слова представляет собой обобщение <...>. В тот момент, когда ребенок впервые усвоил новое слово... развитие слова не закончилось, оно только началось; оно является вначале обобщением самого элементарного типа и только по мере своего развития переходит от обобщения элементарного типа к все высшим типам обобщения, завершая этот процесс образованием подлинных и настоящих понятий» [10. С. 470—472]. Другими словами, начиная с малых лет начинается процесс развития семантической сети признаков, значений, слов. Чем чаще человек обращается в речи к тем или иным связям, тем более прочными они становятся и тем более быстрый доступ к ним обнаруживается. Чем более прочным становится мнемонический след, тем быстрее мозгом обнаруживается общая закономерность внутризнакового содержания.

Знаменитый нейропсихолог А.Р. Лурия утверждал, что за словом всегда стоит множество связей [11. С. 31—39], имея в виду не только семантические. Он гово-

рил, что изначально в мозгу человека понимание объекта содержится в развернутом виде как совокупность признаков, на которые мозг разбивает полученный им образ или информацию, но затем по мере взросления понимание объекта получает «свернутый характер». Так, полуторагодовалый ребенок способен отличить собаку от кошки. Очевидно, что он оперирует не значениями слов, так как в данном возрасте только формируется способность говорить, а образами, которыми он окружен. Постепенно устойчивая и развитая сеть образных признаков дополняется семантическим аспектом. Известно, что в норме зрительный образ — яркий, приближающийся к эйдетическому у одних людей и размытый у других — легко может быть вызван одним словесным обозначением соответствующего предмета. Со временем он претерпевает некоторые изменения, либо превращаясь в более обобщенный, либо начиная проявлять более выраженные отличительные признаки [12. С. 239].

Мы полагаем вслед за А.Р. Лурией, что подобным образом организовано развитие и работа ментального лексикона человека. На первых этапах формирования сложных механизмов система имеет развернутый характер, а затем она сворачивается до минимально необходимых ядерных компонентов. К слову сказать, считается, образ преобладает над признаком, однако мы забываем, что прежде чем мы осознаем видимую картинку, мозг расщепляет ее на мелкие признаки, обрабатывает информацию, а затем представляет ее как целостный образ. Любые ментальные образы, в том числе лексемы и понятия, необходимо рассматривать с точки зрения «тщательно разработанных сетей знаний» [7. С. 35]. Множество свидетельств в пользу этого было найдено в середине XX века [13].

В пользу того, что наше восприятие опирается на кластеры признаков, а не на готовые значения и словосочетания, говорит исследование нейробиологов, утверждающих, что в зрительной коре головного мозга существует огромное число высокодифференцированных нейронов, каждый из которых реагирует лишь на какой-либо один признак воспринимаемого объекта [12; 14; 15]. Это исследование позволяет утверждать, что представление значения в виде семантической кластерной сети отвечает современным результатам исследования мозга и напоминает нейронную сеть человека. Известно, что при визуализации деятельности мозга в момент реакции на представленный стимул (слово) наблюдается активность не в одной конкретной точке, а работа целой группы взаимосвязанных нейронов, находящихся порой в разных областях мозга. Существует теория о том, что в мозге могут существовать нейроны, чувствительные к определенным свойствам и принимающие участие в работе более чем одной семантической сети [16; 7]. Таким образом, важно понимать, что описанный нами механизм семантической структуры слова является небольшой частью огромной семантической сети, в которой все тесно взаимосвязано.

Кластерный анализ полисеманта «Trunk»

В качестве иллюстрации представим краткий анализ многозначной лексемы английского языка «Trunk», имеющую развитую семантическую сеть, в которой можно выделить несколько групп семантических признаков. Первым и наиболее доступным кластером является группа признаков, формирующая номинативно-

непроизводное значение (на рисунке признаки выделены зеленым цветом). На схеме приведены семы, выделенные на основе частотного анализа данного слова в более чем 15 толковых словарях. Семы данной группы наиболее узнаваемы и в первую очередь возникают при предъявлении языковой формы. Так, в многозначной лексеме trunk главное значение включает следующие семантические компоненты: *part of a tree, upper, upright, woody, as distinct from its branches and roots, covered with bark, etc.*

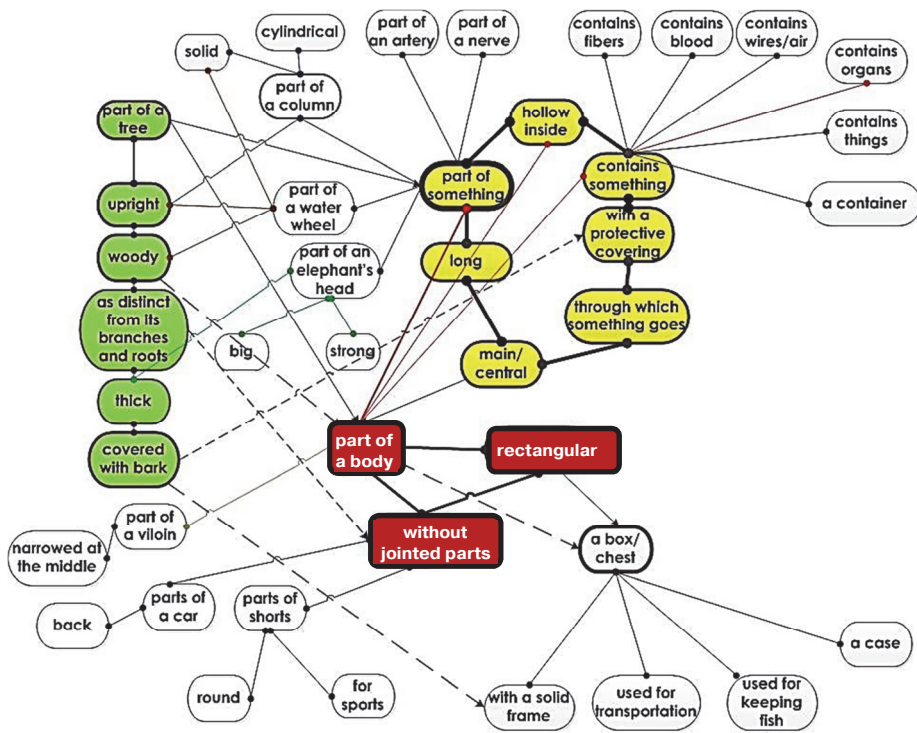

Рис. 1. Кластерная организация семантической структуры 'Trunk' / **Fig. 1.** Cluster organization of polysemous word 'Trunk' semantic structure

Комментарии: на схеме представлена семантическая структура, на которой прямые связи между признаками представлены сплошными линиями. Прерывистые линии указывают на признаки, которые получили переосмысление в новом контексте (Напр.: покрыт корой — имеет жесткую раму для защиты). Цветом представлены центральные признаки каждого из трех описанных выше кластеров. Дифференциальные признаки не выделены цветом, но принадлежность их к определенной группе или группам можно проследить по соответствующим векторам.

На основе признаков данного кластера в процессе развития лексемы появились метафорические значения, основанные на образе ствола дерева. Данные признаки расположены на рисунке в правом верхнем углу и выделены желтым цветом. Рассмотрим несколько примеров их образования. Так, метафорическое значение trunk (2), представленное в толковом словаре Concise English Dictionary как «an enclosed shaft or conduit for cables or ventilation», обозначает трубу для кабелей, желоб, трубопровод или вентиляционную трубу. Все эти *части* коммуникационной системы являются *протяженными, полыми изнутри, обладают прочным внешним слоем*. Трубопровод подобно стволу дерева обеспечивает передачу необходимых элементов от источника (корень дерева) к отдельным системам

(ветви, листья, плоды). Он также является основной частью, от которой отходят меньшие по размеру ответвления. Таким образом, метафора основана на взаимосвязи следующих семантических компонентов: *part of something, long, contains something (wires/air), main, hollow inside*. Другими словами, в основе связи первого значения и trunk (2) лежат компоненты *part of something, long, main*.

Другое метафорическое значение trunk of a nerve (3), которое в толковом словаре имеет форму «the main stem of a nerve consisting of a bundle of nerve fibers bound together by a tough sheath of connective tissue» [АНДЕЛ], обозначает основной пучок нервных волокон, которые связаны между собой прочной соединительной тканью. Подобная структура напоминает ствол дерева, состоящего из волокон и покрытого корой, имеющего разветвления. Помимо идентифицирующих сем в значении присутствует функциональный признак *through which impulse goes*: нервные волокна передают импульсы к разным частям тела в той же степени, в какой ствол дерева служит для передачи питательных веществ от корней к ветвям и листьям. Более того, нервные волокна содержат тончайшие, полые внутри нити — аксоны, что указывает на скрытый компонент *hollow inside*, который актуализируется только у специалистов. Семантические компоненты, лежащие в основе данной метафоры следующие: *part of a nerve system, a bundle of nerves, main, long, hollow inside, contains something (organic material), through which impulse goes*.

Исследовав внимательно эти два значения, мы уже можем отследить наиболее существенные семантические компоненты, лежащие в основе данного кластера: *part of something, long, main, hollow inside, contains something, with a protective covering, through which something goes* — из которых первые три служат связью с материнским кластером, остальные были привнесены в процессе расширения группы и выделяют группу в отдельный кластер. Эти компоненты мы обнаруживаем и в других значениях, относящихся к данному кластеру, а именно: trunk of an artery (4), trunk (6) — the shaft of a column or pilaster, trunk (7) — part of a water wheel, trunk of an elephant (8).

В основе третьего кластера (на рисунке выделен красным цветом) семантических признаков лежит сема *part of a human/animal body*. Этот признак обладает высокой семантической устойчивостью, так как сохранился в лексеме с латинского периода (*truncus*) и, несмотря на заимствование в старофранцузский язык, успешно сохранился и послужил основой для рождения ряда значений в современном английском языке. В основе значения trunk of a person лежат семантические признаки *part of a body, rectangular, main, upright, hollow inside, contains something (organs)*. Необходимо отметить пересекающиеся с первым и вторым кластерами семантические компоненты (*part of something, main*), которые приобретают статус инвариантных. Многие признаки совпадают с семами второго кластера (*hollow inside, contains something*). Однако этот кластер признаков отделился от второго, так как объекты данной группы отличаются по форме: они имеют не удлиненную основную часть чего-либо, напоминающая ствол дерева, а имеют прямоугольную форму, подобно телу человека. На данном примере ясно видно, что достаточно одного семантического компонента (в данном случае *rectangular* вместо *long*), чтобы начал развиваться новый кластер.

Так, например, на основе семантических признаков *rectangular, hollow inside, used to carry something* образовалось метафорическое значение, известное как *trunk — luggage* (13). К данному кластеру мы также можем отнести метафорические значения *trunk* (9) — *the body of a fish*, *trunks* (10) — *men's shorts worn chiefly for sports*, *trunk* (11) — *a fiddle*, *trunk* (12) — *an ornamental chest (as a jewel casket) or a box (as a packing case) used for storage*, *trunk* (14) — *box or tank for keeping fish alive after they are caught*, *trunk* (15) — *compartment at the back of a car*, *trunk* (16) — *a bucket*.

Таким образом, наиболее существенные и частотные семантические компоненты выполняют роль инвариантных признаков и служат для быстрого декодирования значения. Вместе они формируют лексический инвариант данного слова (*lengthened, often central hollow inside part of an object with a protective covering used for connecting or a solid rectangular hollow inside container, used for storing things* [1. С. 109]) и хранятся в компактном виде в ментальном лексиконе человека. В ситуации, когда не удастся сразу «отыскать» необходимые семы или необходим детальный анализ, вся семантическая сеть участвует в декодировании лексем (например, при выборе между синонимами).

Заключение

Кластерная организация семантической структуры многозначного слова вновь поднимает вопрос о том, что такое значение. Согласно данной теории значение представляет собой конфигурацию интегральных, идентифицирующих или дифференциальных признаков того или иного кластера в зависимости от задачи, которую решает носитель языка. Одни семы занимают главное, другие — второстепенное положение в иерархии семантической структуры. Наиболее частотные семы получают статус инвариантных, так как к ним есть самый быстрый доступ в системе. Другими словами, значение не имеет раз и навсегда закреплённый вид. Оно может варьироваться от ситуации к ситуации, от того, что является более важным для говорящего на момент речи, от объема памяти, а также от степени знания человека.

Подобное понимание сущности значения является новым в том плане, что зыбкость границ значения, так часто постулируемая в когнитивной лингвистике, в нашем исследовании получает подробную и основательную трактовку. Таким образом, при декодировании сообщения мозг на основе знаковой информации «подключается» к необходимому кластеру семантических признаков, на основе сравнения данных выдает «соответствие» или «несоответствие», игнорируя «несущественные» признаки. В случае «соответствия» (понимания) сообщение понимается данным человеком быстро и без затруднений, в противном случае мозгом осуществляется анализ полной семантической структуры на предмет поиска сем, позволяющих декодировать полученную информацию. Подобная система представляет абсолютно иной подход к пониманию семантической структуры слова и может быть применено при разработке декодирования многозначных слов искусственным интеллектом.

Библиографический список

1. Зимарева О.Л. Исследование многозначного слова в свете инвариантной теории и антропоцентрического подхода (на примере лексико-семантической группы «Растение»): дис. ... к.филол.н. 2017. Режим доступа: <http://www.bashedu.ru/dissovets?d=11> (дата обращения: 12.04.2018).
2. Турдаков Д.Ю., Андрианов И.А., Астраханцев Н.А., Майоров В.Д., Недумов Я.Р., Сысоев А.А., Федоренко Д.Г. Семантический анализ текстов с использованием системы Texterra. Тезисы доклада международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». 2014 г. Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/TurdakovDY.pdf> (дата обращения: 08.03.2019).
3. Tryon R.C. Cluster analysis. London: Ann Arbor Edwards Bros, 1939.
4. Дюран Б., Оддел П. Кластерный анализ. М.: Статистика, 1977.
5. Мандель И.Д. Кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1988.
6. Калинина В.Н., Соловьев В.И. Введение в многомерный статистический анализ / ГУУ. М., 2003.
7. Баарса Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. Ч. 2 / пер.с англ. под ред. проф. В.В. Шульговского. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014.
8. Архипов И.К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике // Человеческий фактор в языке: учеб.-метод. пособие (материалы к спецкурсу). СПб.: Невский ин-т яз. и культуры, 2001. С. 39—57.
9. Песина С.А. Слово в когнитивном аспекте. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
10. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во «Эксмо», 2003.
11. Лурия А.Р. Язык и сознание / под. ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1979.
12. Лурия А.Р. Нейропсихология памяти. М., 1973.
13. Kuhn T.S. The structure of scientific revolutions. Chicago: The University of Chicago Press, 1962.
14. Brain W.R. Visual disorientation with special references to lesions of the right cerebral hemisphere // Brain. 1941. Vol. 64.
15. Hecaen H. Aphasia, apraxic & agnostic syndromes in right and left hemisphere lesions // Vinken P.J. & Bruyn G.W. Handbook of clinical, neurol. Amsterdam, 1969. Vol. 4. P. 290—311.
16. Hodges J.R., Patterson K. Semantic memory disorders // Trends in Cognitive Sciences. 1997. no 1(2). P. 68—72.

References

1. Zimareva, O.L. (2017). Polysemous word research in the light of invariant theory and anthropomorphic approach (using the example of a lexical group ‘Plant’). Thesis for a degree of Candidate of Philological Studies. URL: <http://www.bashedu.ru/dissovets?d=11> (accessed: 12.04.2018).
2. Turdakov D.Yu., Andrianov I.A., Astrakhantsev N.A., Maiorov V.D., Nedumov Ya.R., Sysoev A.A., Fedorenko D.G. (2014). Text semantic analysis using system Texterra. Report thesis of international conference “Dialog” URL: <http://www.dialog21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/TurdakovDY.pdf> (accessed: 08.03.2019).
3. Tryon, R.C. (1939). Cluster analysis. London: Ann Arbor Edwards Bros.
4. Dyuran, B. & Odell, P. (1977). Cluster analysis. Moscow: Statistika.
5. Mandel', I.D. (1988). Cluster analysis. Moscow: Finansy i statistika.
6. Kalinina, V.N. & Solov'ev, V.I. (2003). Introduction of multidimensional statistics analysis / GUU. Moscow.
7. Baarsa, B. & Geidzh, N. (2014). Brain, cognition, mind: introduction to cognitive neuroscience: Vol. 2. Ch. 2. Prof. V.V. Shul'govski (Ed.). Moscow: BINOM, Laboratoriya znanii.
8. Arkhipov, I.K. (2001). Cognitive and logic analysis in lexicographic practice In *Human factor in language: teaching aid (course materials)*. Saint Petersburg: Nevskii in-t yaz. i kul'tury. pp. 39—57.

9. Pesina, S.A. (2011). *Word in cognitive aspect*. Moscow: FLINTA: Nauka.
10. Vygotskii, L.S. (2003). *Psychology of human*. Moscow: Eksmo.
11. Luriya, A.R. (1979). *Language and consciousness*, E.D. Khomskaya (Ed.). Moscow: Publishing house of Moscow university.
12. Luriya A.R. (1973). *Neuropsychology of memory*. Moscow.
13. Kuhn, T.S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. Chicago: The University of Chicago Press.
14. Brain, W.R. (1941). Visual disorientation with special references to lesions of the right cerebral hemisphere In *Brain* 64.
15. Hecaen, H. (1969). Aphasia, apraxic & agnostic syndromes in right and left hemisphere lesions In *P.J. Vinken and G.W. Bruyn. Handbook of clinical, neurol.* Amsterdam. Vol. 4. pp. 290—311.
16. Hodges, J.R. & Patterson, K. (1997). Semantic memory disorders, *Trends in Cognitive Sciences*, 1(2), 68—72.

Сведения об авторах:

Зимарева Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, полисемия, язык и сознание, язык и мышление, лексикон, ментальная репрезентация знаний, когнитивная психология, нейролингвистика, преподавание иностранных языков; *e-mail*: olgalatushkina87@mail.ru

Песина Светлана Андреевна, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и перевода ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, фразеология, когнитивная семантика, философия языка, философия Гуссерля, когнитивные образы, биоллингвистика, педагогика, преподавание перевода, теория языка; *e-mail*: spesina@bk.ru

Information about the authors:

Zimareva Olga Leonidovna, Candidate of Philology, Docent of the Linguistics and Translation Department at Nosov Magnitogorsk State Technical University; *Research interests*: cognitive linguistics, cognitive semantics, polysemy, language and consciousness, language and thinking, lexicon, mental representation of knowledge, cognitive psychology, neurolinguistics, teaching of foreign languages; *e-mail*: olgalatushkina87@mail.ru

Pesina Svetlana Andreevna, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor of the Linguistics and Translation Department of Nosov Magnitogorsk State Technical University; *Research interests*: cognitive linguistics, phraseology, cognitive semantics, philosophy of language, Husserl's philosophy, cognitive images, biolinguistics, pedagogy, teaching of translation, theory of language; *e-mail*: spesina@bk.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-871-878
УДК 81'373:81'276.2-053.81

Научная статья / Research article

Метафорический потенциал сленгового языка молодежи: некоторые результаты пилотного эксперимента

Э.А. Диланова

Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация
улица Радищева, 33 Курск, Российская Федерация, 305000
urban044@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию сленгового языка молодежи на материале результатов пилотажного свободного ассоциативного эксперимента. Цель данного исследования — выявить, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в стереотипные для них понятия, и раскрыть связи, существующие в концептуальной системе носителей языка. В связи с этим был проведен пилотажный ассоциативный эксперимент среди 40 испытуемых — носителей английского языка или владеющих им на уровне родного, относящихся к молодежи. Также были представлены результаты проведения свободного ассоциативного эксперимента, нацеленного на выявление компонентов, отражающих национальные и индивидуальные особенности восприятия сленгизмов, а также метафорические характеристики наивного дискурса, являющиеся универсальными для представителей молодежи. Кроме того, нам удалось выявить влияние экстралингвистических факторов на устройство ассоциативного тезауруса.

Ключевые слова: метафора, стимул, реакция, эксперимент, ассоциация, сленгизм

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Диланова Э.А. Метафорический потенциал сленгового языка молодежи: некоторые результаты пилотного эксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 871—878. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-871-878

© Диланова Э.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81'373:81'276.2-053.81

Metaphorical Potential of Slang Language: some Results of the Pilot Experiment

E.A. Dilanova

Kursk State University, Kursk, Russian Federation
33, Radisheva st., Kursk, Russian Federation, 305000
urban044@mail.ru

This article is devoted to the study of the slang language of youth on the basis of the results of a pilot free associative experiment. The purpose of this study is to identify the content of the stereotypical notions for native speakers, and to reveal the links that exist in the conceptual system of native speakers. In this regard, a pilot associative experiment was conducted among 40 students, belonging to the youth, who are either native English speakers or who speak English fluently. There were also presented the results of a free associative experiment aimed at identifying components that reflect national and individual characteristics of the perception of slangism, as well as the metaphorical characteristics of naive discourse, which are universal for young people. In addition, we were able to identify the influence of extra-linguistic factors on the content of the associative thesaurus.

Key words: metaphor, stimulus, reaction, experiment, association, slangism

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Dilanova E.A. (2019). Metaphorical Potential of Slang Language: some Results of the Pilot Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 871—878. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-871-878

Введение

Сленговые метафоры — относительно новый для лингвистической науки объект исследования, следовательно, их изучение и анализ являются актуальными вопросами в применении привычных методов к новому материалу, что неизбежно ставит перед исследователем новые задачи.

Так, например, сленгом занималась Э.М. Береговская, которая определяла сленг как «интереснейший лингвистический феномен, уникальный пример взаимодействия и взаимовлияния различных пластов лексики, являющейся фондом, откуда литературный язык черпает новые средства выражения» [1. С. 32], Е.Д. Поливанов, который фокусировал проблематику сленгизмов на семантической составляющей данного явления [2]. Из зарубежных авторов мы можем выделить М. Адамса, который подчеркивает мысль о том, что использование сленга тесно связано с желанием человека принадлежать к некой социальной группе, а также Т. Торна, который выделяет связь сленга с социолингвистическими аспектами [3].

Материалы и результаты исследования

В настоящей статье представлены результаты и интерпретация некоторых результатов пилотажного свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с участием 40 студентов Русенского университета I—IV курсов. Материал ассо-

циативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество «актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта» [4. С. 87]. Таким образом, такой анализ позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в стереотипные для них понятия, и раскрыть связи, существующие в концептуальной системе носителей языка (т.е. взаимодействие анализируемого концепта с другими концептами).

Наиболее традиционный тип проведения ассоциативного эксперимента — предложение слова-стимула, к которому испытуемые должны дать за короткий период времени слово-реакцию (или несколько моментально возникших слов-реакций). «Слово-стимул при ассоциативном эксперименте выступает как импульс, „запускающий“ процесс активации в сети и приводящий в предречевую готовность значительный ее участок, в результате чего испытуемый вербализует один из находящихся в предречевой готовности узлов» [5. С. 250].

Затем следует этап восприятия и идентификации слова, что приводит к возникновению целого ряда сложных ассоциаций. В ассоциативном эксперименте реакции, полученные от испытуемых, позволяют судить о том, какие признаки слов-стимулов оказались для них наиболее актуальными и вызвали активацию соответствующих связей в лексиконе. В нашем эксперименте приняли участие 40 испытуемых — носителей английского языка или владеющие им на уровне родного, 23 мужчины и 17 женщин в возрасте от 20 до 25 лет, имеющие различную профессиональную принадлежность: студенты-филологи, бухгалтеры, юристы, экономисты, специалисты отдела маркетинга.

Специалисты в области психолингвистики полагают, что ассоциативное поле определенного слова-стимула, полученное в результате эксперимента, не только отражает особенности психики конкретного человека, но также является фрагментом концептосферы этноса, отраженной и закрепленной в сознании носителя языка и культуры [4. С. 165]. Одним из вариантов экспериментального определения субъективных семантических полей и связей внутри них является метод ассоциативного эксперимента. Так, А.А. Леонтьев утверждает, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть „культурную“ специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для общения семантические связи, которое имеет данное слово, его семантические „обертоны“ — без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [6. С. 121].

По мнению А.А. Залевской, ассоциативный эксперимент «вскрывает такие характеристики психологической структуры значения слова, которые отражают языковой, когнитивный и эмоциональный «фон» или «контекст», специфичный для носителей того или иного языка» [7. С. 53].

Для полноты изложения логики нашего исследования значимым является вывод о том, что описание ассоциативных полей дает возможность построить модель языкового сознания носителей определенной культуры [8. С. 38].

Возрастной состав испытуемых является значимым, поскольку именно студенческая молодежь характеризуется физиологической и интеллектуальной зрелостью, общественной активностью, достаточной степенью социализации и богатыми социальными потенциалами [9]. К указанному возрасту «становление языковой

личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [5. С. 192]. Каждый участник эксперимента получал анкету с 18 стимулами и, согласно инструкции, должен был заполнить ее, написав напротив каждого стимула первые пришедшие в голову слова, вызванные в сознании заданными лексемами или словосочетаниями. Мы не элиминировали восклицательные и вопросительные знаки в реакциях респондентов, как показатели соответствующей интонации.

Гипотезой нашего эксперимента послужила идея о том, что единицы сознания в психике человека связаны, при этом в качестве единиц сознания могут выступать образы, представления, понятия, эмоции, чувства. Актуализация той или иной связи единиц при ответе не случайна и может зависеть от ситуации. Также является очевидным влияние экстралингвистических факторов на устройство ассоциативного тезауруса. Вслед за О.С. Зубковой полагаем, что «в лингвистическом поле прослеживается устойчивая корреляция между категориями опыта индивида и закономерностями организации языкового континуума» [10. С. 33]. То есть вербальные ассоциации испытуемых могут быть обусловлены возрастом, географическими условиями, национальностью и профессией человека. Это говорит о достаточной стереотипии языкового мышления. Так, ассоциативные эксперименты В.Л. Латышевой на материале русского и французского языков выявил, что большинство французских респондентов слово-стимул «скупой» связали с именем французского писателя Жана Батиста Мольера или с героем его произведения Гарпагоном, чрезвычайно жадным персонажем, имя которого стало нарицательным. В то же время наиболее частотной реакцией русских респондентов на данное слово-стимул стала реакция рыцарь, которая является ссылкой на произведение А.С. Пушкина «Скупой рыцарь» [11. С. 115].

Мы исследуем образы сознания молодых носителей языка, вызванные стимулами, относящимися к молодежному сленгу. Полагаем, что совокупность сленговых единиц является репрезентативным фрагментом любой языковой картины мира, отражающим не только фрагмент вербальной памяти испытуемого, но и «этнопсихологические» особенности народа. В качестве материала исследования были выбраны английские сленговые метафоры, которые мы, прежде всего, рассматриваем вслед за О.С. Зубковой в качестве продукта когнитивной метафоризации «при взаимодействии абстрактного и конкретного компонентов которой возникает новое значение, представляющее собой способ познания действительности индивидом» [12. С. 12]. Нами были отобраны получившие широкое распространение в молодежной коммуникации и зафиксированные в словарях сленговые метафоры на английском языке, так как респонденты обладают достаточным уровнем владения иностранным языком.

В ходе проводимого нами свободного ассоциативного эксперимента каждому респонденту предлагалось 18 стимулов. Эти стимулы были отобраны из электронного словаря *urban dictionary* [13] методом сплошной выборки и представляли собой метафорические выражения, принадлежащие к сленгу и характеризующиеся актуальностью номинации и обозначаемого денотата в современном мире, что определялось частотой встречаемости их в повседневной окружающей реальности:

Headphone zombie, Twitney spheres, Tattoo remorse, TV stoned, Computer-face, Googly eyes, Keyboard warrior, Bucket list, Cop shop, Champagne problem, Chatterbox, Earworm, Google stalk, Chicken sleeping, Ghost beer, Backseat buyer, Cloud plans, Selficide. Базой для словаря послужили тексты произведений современной прозы, словотворчество пользователей, интернет-блоги и СМИ. Заметим, что, выбирая конкретные слова-стимулы, мы руководствовались положением о том, что язык молодежи отражает систему эталонов современной культуры и известен подавляющему большинству членов молодежного сообщества.

В результате анализа было получено 620 реакций. Вертикальный анализ не выявил непригодных для дальнейшей работы бланков.

Таким образом, после проведения количественного анализа следует констатировать максимальное число ответов — 36, предложенных на стимулы «*headphone zombie*», «*selficide*», «*TV stoned*». Анализ показал, что наиболее частотными реакциями на слово-стимул «*headphone zombie*» стали реакции, которые можно обобщить, как «*a person who always wears headphones and therefore doesn't notice what goes around*», то есть человек, который всегда носит наушники, таким образом не замечает, что происходит вокруг, например: «*deaf*», «*music fanatic*», «*teenagers*». Также стимул «*selficide*» получил заметно большее количество однотипных реакций — 34, например: «*suicidal selfie*», «*selfieholio*». Такое количество реакций может объясняться наличием в составе этих стимулов лексем, которые связаны с развитием современных технологий, средств массовой коммуникации.

Вместе с тем на ряд стимулов (20% от общего числа единиц) было дано заметно меньше реакций. Так, 9 испытуемых оставили без ответа стимул «*cop shop*», 6 человек отказались дать ассоциацию на «*earworm*», у 4 респондентов затруднение вызвало слово «*champagne problem*». Для данных сленговых выражений характерно максимальное расхождение между действительным значением и реакциями испытуемых. Так, например, сленгизм «*cop shop*» интерпретируется как «*a shop where policemen can buy clothes*», то есть «магазин, в котором полицейские покупают одежду». Болгарской молодежи не известен этот сленгизм в значении «полицейский участок». Или на стимул «*earworm*» респонденты дали реакции, не соответствующие реальному значению, например: «*a bug*», «*smb whose speech annoys you*», «*a person who asks a lot of questions*», в то время как реальное значение данного метафорического сленгизма означает «*легко запоминающееся музыкальное произведение, которое постоянно повторяется в голове, как только оно перестает играть*». Таким образом, мы получили подтверждение вывода о том, что метафоры — «важный элемент языковой картины мира, они отображают способ членения и классификации реальности, принятый в рамках конкретного языкового сообщества, являются отражением системы ценностей» [14].

На стимул «*backseat buyer*» были предложены такие варианты, как «*smb who buys everything*», то есть человек, который покупает много вещей, или «*customer*», покупатель. Здесь следует отметить очевидное непонимание данной сленговой метафоры, и как следствие ее директивное толкование. Сленговая метафора «*champagne problem*» также оказалась непонятна большинству испытуемых. Представители болгарской молодежи толковали данное сленговое выражение как

«*problems with alcohol*», то есть проблемы с алкоголем (10 реакций). Также испытуемые в качестве ответа давали разнообразные наименования марок данного напитка, например, «*Moet*», «*Dom perignon*», что связано, по нашему мнению, с активной рекламой и международной известностью данного продукта. Отсутствие соответствия интерпретаций испытуемых и зафиксированного в словаре значения данных сленгизмов является естественным, поскольку речь идет о тех метафорических переносах, которые не характерны для реалий болгарской жизни или имеют эквивалент в болгарском языке, не связанный с английским сленгизмом.

Необходимо отметить также наличие в составе ответов различных марочных наименований продукции, например, *chicken sleeping* — *Mac Donalds*, *TV-stoned* — *MTV*, *headphone zombie* — *JBL*, *computer-face* — *Facebook*, *Ghost beer* — *Zagorka*, что свидетельствует о лингвокультурной обусловленности данного лингвистического феномена.

«Метафора является одной из доминирующих ментальных репрезентаций, изменяющаяся в процессе когнитивного развития, обеспечивающая направление восприятия и действия» [15. С. 48]. Именно реализация когнитивного потенциала, обеспечивающего восприятие, стала основой для культурно-маркированных реакций на сленгизм «*ghost beer*», интерпретируемых как «*the beer from the Godfather*», то есть «*пиво из «Крестного отца»*», в то время как «Крестный отец» — это популярный среди студентов ресторан, однако словарь сленгизмов «*Urban dictionary*» дает следующую трактовку: «*When you inadvertently reach for a beer that does not exist. Usually seen when sitting in your favorite chair while watching your favorite sport or tv show*», то есть «когда человек инстинктивно тянется за пивом, которого нет рядом (обычно сидя в любимом кресле, смотря любимое телевизионное шоу)».

Анализируя полученные данные, мы подтвердили наше предположение о значимости образности и наглядности при реализации метафорического потенциала сленгизмов. Так, например, испытуемые добавляли «смайлики» к своим ответам; интонационная насыщенность: на слово-стимул «*cloud plans*» была дана реакция «*your special mind place...*», где трюеточие может расцениваться как интонационная маркировка задумчивости, также на стимул «*keyboard warrior*» были получены реакции с восклицательным знаком: «*aggressive chatter!!!*» или «*this is spartaaa!*»; оценочная семантика, так, на стимул «*ghost beer*» были даны отрицательные характеристики: «*bad*», «*light*», «*low quality*»; наименования марок и др. Что касается количественных характеристик реакций, то чаще всего отказ имел место в случае отсутствия в данной лингвокультуре подобных явлений.

Выводы и обобщения

Проведенный анализ экспериментальных данных позволяет сделать вывод о том, что сленговая метафора так же, как и языковой знак, является как социальным, но преломляясь сквозь призму собственного опыта, может становиться индивидуальным явлением. То есть предположение о влиянии экстралингвистических факторов на устройство ассоциативного тезауруса, а также о том, что в процессе реакции на стимул запускаются различные когнитивные узлы в зависимости от ситуации, подтвердилась. Таким образом, ассоциация, на основе которой происходит

метафорический перенос, соотносится, во-первых, с общими культурными знаниями человека, а во-вторых, с практическим и индивидуальным опытом. Перспективным представляется анализ и описание сравнительных эквивалентных экспериментальных данных, с учетом географических и культурных характеристик.

Библиографический список

1. *Береговская Э.М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. no 3. С. 32—41.
2. *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931.
3. *Thorne T.* Dictionary of Contemporary Slang — A & C Black Publishers Ltd, 2005.
4. *Крючкова Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов: Научная книга, 2005.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1.
6. *Леонтьев А.А.* Словарь стереотипных ассоциаций русского языка, его теоретические основы, задачи и значение для обучения русскому языку иностранцев // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969. С. 114—128.
7. *Залевская А.А.* Некоторые пути исследования психологической структуры значения ключевых слов в целях оптимизации межнационального общения // Перевод и автоматическая обработка текста. М., 1987. С. 46—58.
8. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. no 2. С. 34—47.
9. *Орлова В.В.* Социальная зрелость молодежи: социально-психологический аспект // Молодежь в социальной структуре российского общества Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/4479> (дата обращения: 05/09/2018).
10. *Зубкова О.С.* Терминологическая деривация профессиональной метафоры: лингвосомиотический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. no 2. С. 32—36.
11. *Латышева В.Л.* Национальные прецедентные феномены как элементы ассоциативного тезауруса русского и французских языков (по данным экспериментального исследования) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. no 4 (12). С. 110—118.
12. *Зубкова О.С.* Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2006.
13. <https://www.urbandictionary.com>
14. *Зубкова О.С.* Специфика объективации означающих практик в рамках интегрированного лингвосомиотического пространства // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. 2013. no 1 (13). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf> (дата обращения: 05.09.2018).
15. *Зубкова О.С.* Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация // Вопросы когнитивной лингвистики. Научно-теоретический журнал. 2010. no 3. С. 41—48.

References

1. Beregovskaya, E.M. (1996). Youth slang: formation and functioning, *Questions of linguistics*, 3, 32—41. (In Russ.).
2. Polivanov, E.D. (1931). Marxist linguistics. Moscow: Federation, 1931. (In Russ.).
3. Thorne T. (2005). Dictionary of Contemporary Slang — A & C Black Publishers Ltd.
4. Kryuchkova, N.V. (2005). Linguocultural variation of concepts. Saratov: Nauchnaja kniga. (In Russ.).

5. Karaulov, Yu.N. (1994). Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for the analysis of language ability // Russian Associative Dictionary. Moscow: Pomovsky and partners, 1994. Book 1: Direct vocabulary: from stimulus to reaction. Associative thesaurus of modern Russian language. Part 1. (In Russ.).
6. Leontiev, A.A. (1969). Vocabulary of stereotypical associations of the Russian language, its theoretical foundations, tasks and importance for teaching the Russian language to foreigners In *Questions of educational lexicography*. Moscow. pp. 114—128. (In Russ.).
7. Zalevskaya, A.A. (1987). Some ways to study the psychological structure of the meaning of keywords in order to optimize inter-ethnic communication In *Translation and automatic text processing*. Moscow. pp. 46—58. (In Russ.).
8. Tarasov, E.F. (2004). Linguistic consciousness, *Questions of psycholinguistics*, 2, 34—47. (In Russ.).
9. Orlova, V.V. Social maturity of youth: the socio-psychological aspect In *Youth in the social structure of Russian society* URL: <http://econf.rae.ru/article/4479> (accessed: 05/09/2018). (In Russ.).
10. Zubkova, O.S. (2014). Terminological derivation of professional metaphor: linguosemiotic aspect, *News of South-West State University. Scientific peer-reviewed journal. Series: Linguistics and Pedagogy*, 2, 32—36.
11. Latysheva, V.L. (2010). National precedent phenomena as elements of the associative thesaurus of Russian and French (according to experimental research), *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, 4 (12), 110—118.
12. Zubkova, O.S. (2006). The specifics of the functioning of the metaphor in the individual lexicon [dissertation]. Kursk.
13. URL: <https://www.urbandictionary.com> (accessed: 05/09/2018).
14. Zubkova, O.S. (2013). The specifics of the objectification of meaningful practices in the framework of an integrated linguosemiotic space, *Theory of language and intercultural communication. Science Magazine*, 1 (13) [Electronic resource] URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf> (accessed: 05/09/2018).
15. Zubkova, O.S. (2010). Medical metaphor-term as mental representation, *Questions of cognitive linguistics. Scientific and theoretical journal*, 3, 41—48.

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892
УДК 811.112.2'276:355/359

Научная статья / Research article

Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы)

Д.А. Шляховой

Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение
высшего образования «Военный университет»
Министерства обороны Российской Федерации
ул. Б. Садовая, 14, г. Москва, Российская Федерация, 123001
magistri@mail.ru

Исследование посвящено вопросу моделирования обобщенного речевого портрета субъекта блог-дискурса в речевом пространстве немецкой военной блогосферы. Актуальность работы заключается в развитии методологии моделирования речевого портрета виртуальной языковой личности, за маской которой скрывается личность реальная, активно участвующая в жизни своего интернет-сообщества, объединенного профессиональной деятельностью и национальной принадлежностью. В настоящей работе автор использует примеры из блог-дискурса немецкой военной блогосферы, однако метод построения обобщенного речевого портрета онлайн-личности, основанный на работах профессора Б.Л. Бойко, применим к описанию любой языковой личности в коммуникативном пространстве глобальной сети. Цель настоящего исследования заключается в выделении основных черт для построения обобщенного речевого портрета немецкого военного блогера как субъекта онлайн-коммуникации. Методом сплошной выборки нам удалось выявить типовые особенности речи немецкого военного блогера и его виртуальной языковой личности, к которым относим единицы военной лексики и терминологии, жаргонизмы, профессионализмы, аббревиатуры, устойчивые единицы речевого общения военнослужащих, специфические хэштеги и невербальные знаки, несущие в себе концепты долга, воинственности, патриотизма, скорби и др., связанные с ценностными установками военнослужащих. В результате проведенного исследования мы приближаемся к речевому портретированию более мелких групп внутри социальной группы немецких военных блогеров, например, созданию речевого портрета военного медика, десантника или танкиста. Итоги нашего исследования представляют особый интерес для военных переводчиков, специалистов, занимающихся изучением теории и практики интернет-коммуникации, блог-дискурса, социально-групповой диалектологии. Знание специфики речевых проявлений отдельных социально-групповых общностей позволит по речевым признакам опознать отдельного субъекта онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: речевой портрет, социальная группа, виртуальная языковая личность, блог-коммуникация, военная блогосфера, военный блогер

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

© Шляховой Д.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Шляховой Д.А. Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 879—892. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892

UDK 811.112.2'276:355/359

Modeling of a Generalized Speech Portrait of a Blogger (as Exemplified in the German Military Blogosphere)

Dmitrii A. Shliakhovoi

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14, B. Sadovaya, Moscow, Russian Federation, 123001
magistri@mail.ru

The study investigates the modeling of a generalized speech portrait of a blog-discourse subject in the speech space of the German military blogosphere. The relevance of the work lies in the development of a methodology for modeling a speech portrait of a virtual linguistic personality, behind the mask of which is a real person, actively participating in the life of his Internet community, united by professional activities and nationality. In this work, the author uses examples from the blog discourse of the German military blogosphere, however, the method of constructing a generalized speech portrait of an online personality, based on the works of Professor Boris Boyko, we apply to the description of any linguistic personality in the communicative space of the global network. The purpose of this study is to highlight the main features for constructing a generalized speech portrait of a German military blogger as a subject of online communication. We were able to identify typical features of the speech of a German military blogger and his virtual linguistic personality, which include units of military vocabulary and terminology, jargon, professionalisms, abbreviations, stable units of verbal communication of military personnel, specific hashtags and non-verbal signs that carry concepts of duty, militancy, patriotism, mourning, etc., associated with the values of military personnel. As a result of the study, we are approaching the speech portrayal of smaller groups within the social group of German military bloggers, for example, creating a speech portrait of a military medic, paratrooper or tanky. The results of our research are of particular interest to military translators, specialists engaged in the study of the theory and practice of Internet communication, blog-discourse, social group dialectology. Knowing the specifics of the speech manifestations of certain social-group communities will allow the recognition of separate subject of online communication by speech characteristics.

Key words: speech portrait, social group, virtual linguistic personality, blog communication, military blogosphere, military blogger

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Shliakhovoi, D.A. (2019). Modeling of a generalized speech portrait of a blogger (as exemplified in the German military blogosphere). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 879—892. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892

Введение

Жанр блога предлагает авторам широкие возможности по созданию своей идентичности в глобальной сети. Это позволяет нам рассматривать автора блога не только как реальную личность, но и как создаваемую им виртуальную языковую личность. Виртуальная языковая личность блогера вступает в онлайн-взаимодействие, формируя собственный образ и управляя впечатлением о себе посредством языка (речи). Основным средством самопрезентации блогеру служит языковое оформление постинга, и это позволяет ему создавать о себе впечатление по своему выбору [1. С. 49]. Таким образом, свою социальную и языковую идентичность каждый блогер волен конструировать так, как ему этого хочется, воплощаясь в опосредованной компьютером речи.

Исследуя пути реконструкции (идио-)лексикона, Ю.Н. Караулов приходит к выводу о том, что необходимо анализировать дискурс личности (термин *дискурс* в данном случае рассматривается ученым как речь, или «совокупность текстов, продуцированных одним персонажем» — Д.Ш.) и дополнить этот анализ «приемами построения ассоциативно-семантической сети непосредственно из текста». Подобно тому, как «словарь языка писателя» слагается из многоголосья, из множества идиолексиконов, так и словарь языка немецкого военного блогера состоит из множества индивидуальных лексиконов [2. С. 103, 107]. Ввиду мощного развития интернет-коммуникации на современном этапе, в частности блог-коммуникации, такой метод анализа онлайн-дискурса языковой личности приносит положительные результаты.

Цель настоящего исследования заключается в выделении основных черт для построения обобщенного речевого портрета немецкого военного блогера как субъекта онлайн-коммуникации. К задачам исследования относим выбор методологии моделирования обобщенного речевого портрета, отбор маркеров вербальных и невербальных проявлений языковой личности немецкого военного блогера.

Обобщенный речевой портрет военного блогера

Речевой портрет — это речевые предпочтения языковой личности, совокупность специфических черт, которые позволяют стать ей узнаваемой на фоне остальных [3. С. 37—38].

Осуществляя попытку построения обобщенного речевого портрета немецкого военного блогера на примерах, взятых с блог-платформы Instagram, воспользуемся следующими пятью принципами моделирования речевого портрета: 1) вычленение наиболее типичных черт речи; 2) признание неоднородности объекта, т.к. в индивидуальном речевом портрете не обязательно будут явлены наблюдателю все потенциальные языковые и речевые средства; 3) ограниченность речевой активности субъекта определенными ситуациями общения; 4) использование игры для создания условий, в которых могут быть реализованы потенциальные возможности портретируемого как языковой личности; 5) обращение к разным по статусу,

жанру и стилю текстам речевых произведений [4. С. 113—114]. Ниже мы поэтапно и в логической последовательности моделируем обобщенный речевой портрет немецкого военного блогера в соответствии с названными принципами.

Фреймовый анализ ряда постингов военных блогеров показывает, что их как социальную группу объединяет собственно разговорный стиль письменной речи, наличие сравнительно большого количества определенных слов-маркеров и выражений, вербальных и невербальных единиц, которые используются в обиходной речи исключительно военнослужащих.

К наиболее типичным маркерам речи военнослужащих на блог-платформе Instagram (*первый принцип моделирования речевого портрета*) можно отнести:

1) единицы военной лексики и терминологии: *Kamerad* ‘товарищ’, *Kameradschaft* ‘товарищество’, *Uniform* ‘военная форма одежды’, *Gefechtsanzug* ‘полевая форма одежды’, *Ausrüstung* ‘снаряжение’, *Dienstgrad* ‘воинское звание’, *Übungsplatz* ‘полигон’, *Alarmposten* ‘пост боевого охранения’, *Gefechtsschießen* ‘боевая стрельба’, *Auftrag* ‘задача’, *Jäger* ‘стрелок, пехотинец’, *Grenadier* ‘военнослужащий мотопехоты’ и др. Наиболее популярны среди немецких военных блогеров постинги со словами *Dienstschluss* ‘окончание службы’ (в конце недели) и *Dienst-antritt* ‘выход на службу’ (в начале недели), которые употребляются в совершенно разных вариациях, но суть остается одна — в первом случае это выражение крайней радости с красочным описанием планов на выходные, а во втором — глубокой печали с планом мероприятий на предстоящую неделю;

2) единицы вербального и невербального общения, относящиеся к военной сфере — профессионализмы, жаргонизмы, аббревиатуры, фрагменты речи, графические символы (эмодиконы и др.):

- ◆ *Des Marders bester Freund*. ‘Лучший друг **Мардера**’ (боевой машины пехоты «Мардер» — Д.Ш.).
- ◆ *Grenni* (Grenadier): *Er ist kein Mensch, er ist kein Tier, er ist ein Panzergrenadier*. — *Grenni* — разг. солдат мотопехоты. Далее — игра слов, основанная на стремлении выделить уникальность мотопехотинца — *он не человек и не животное, он просто пехотинец*.
- ◆ *OBtsm* (Oberbootsmann): “*Schönes Bergfest Frau OBtsm*. 😊👍” ‘Хорошо Вам отпраздновать **середину недели**, госпожа **обер-боцман**’. Слово *Bergfest* закрепилось в бундесвере в значении середины рабочей недели. Так военнослужащие называют третий день недели — среду, радуясь тому, что рабочая неделя наполовину окончена.
- ◆ *IGF* (individuelle Grundfertigkeiten): “*Alle Jahre wieder... Plötzlich ist Dezember... Zeit für IGF* 🤔😂👍” ‘Каждый год одно и то же... Вот и декабрь... Время проверки **основных навыков военнослужащего**’.
- ◆ *DF-Brigade* (Deutsch-Französische Brigade): “*Dienste an DF-Brigade?*” — „*Ja, stimmt*”. ‘Служишь в **германо-французской бригаде**?’ — ‘Угадал’.
- ◆ *AGA/Aga/aga* (Allgemeine Grundausbildung): “*Sag mal, warst du zur Aga in Feldkirchen?* 🙄” ‘Скажи, ты проходил **общевойсковую подготовку** в Фельдкирхене?’
- ◆ *TSK* (Teilstreitkraft): “*Herzlich Willkommen bei der coolsten TSK!*” ‘Добро пожаловать в ряды самого крутого **вида вооруженных сил!**’

Нам удалось выделить наиболее популярные эмодзи, употребляемые в контексте тех ценностей, на которые ориентируются представители социальной группы немецких военных блогеров. В разных сочетаниях друг с другом и/или с лексическими единицами, внутри синтаксических конструкций в постингах они обозначают:

Концепт	Эмодзи, отражающие концепт
Долг и честь	
Воинственность	
Патриотизм	
Скорбь	
Одобрение	
Пожелание удачи	
Гендер	

In English:

Concept	Emoticons that reflect the concept
Duty and honor	
Militancy	
Patriotism	
Mourning	
Approval	
Good luck wish	
Gender	

3) устойчивые единицы речевого общения — констатации, пожелания, вопросы, фразеологизмы:

- ◆ *Wo biste stationiert?* ‘Где служишь?’ (Где расположено подразделение, в каком населенном пункте? — Д.Ш.)
- ◆ *Glück ab!* ‘Удачи!’, ‘Счастливого приземления!’ — такая форма пожелания используется преимущественно в воздушно-десантных войсках, когда командир,

стоящий перед подразделением, которому предстоит выполнить какую-либо учебную или боевую задачу, выкрикивает «Glück!», а в ответ военнослужащие в составе подразделения коротко и громко произносят «Ab!», и это повторяется три раза¹.

- ◆ *Alles Gute im neuen Dienstgrad!* ‘Успехов в новом (воинском) звании!’
- ◆ *Danke für deinen Dienst!* ‘Спасибо за службу!’
- ◆ *Dran, drauf, drüber!* — выражение относится к «боевому кличу» мотопехоты и означает “Ran an den Feind, drauf auf den Feind, hinweg über den Feind” ‘Вперед на врага, навалимся на врага, разделаемся с врагом’.
- ◆ *Die Uniform steht dir gut.* ‘Форма тебя красит’.
- ◆ *Weiterhin viel Soldatenglück!* ‘Так держать, дальнейших успехов в службе!’
- ◆ *Ohne Mampf kein Kampf!* ~ ‘Война войной, а обед по расписанию’ (*mampf-mampf* — ономотопея (звукоподражание), передача чавкающих звуков средствами письменной речи — Д.Ш.);

4) хэштеги как вербальные единицы самопрезентации и самоидентификации в социальной среде: *#bundeswehr* ‘бундесвер’ *#einsatz* ‘миссия’ *#wirdienendeutschland* ‘Мы служим Германии’ (девиз бундесвера — Д.Ш.) *#flecktarn* ‘камуфляж’ (полевая форма одежды — Д.Ш.), *#uniform* ‘военная форма’ *#heer* ‘сухопутные войска’ *#luftwaffe* ‘военно-воздушные силы’ *#marine* ‘военно-морские силы’ и др.

Военные блогеры — диффузная социальная группа, их объединение не носит системного характера, основанного на каком-либо четко сформулированном принципе или идее — оно скорее хаотично; военных блогеров не объединяет совместная организованная деятельность вне блогосферы, их общение ограничивается онлайн-коммуникацией. В то же время эта социальная группа едина: 1) в своей принадлежности к действующим военнослужащим или резервистам, что означает знание ими ценностей военной субкультуры, в первую очередь так называемого «языка военных», где единицы военного жаргона образуют наиболее яркий с точки зрения речевой экспрессии слой; 2) в обладании уникальными навыками в различных аспектах военного дела; 3) в приверженности к онлайн-коммуникации на блог-платформах и в социальных сетях.

Несмотря на разрозненный характер социальной группы военных блогеров, выделить их среди других субъектов блог-коммуникации оказывается достаточно просто: по самопрезентации и маркированной лексике (*второй принцип моделирования речевого портрета*). Обычно эти люди гордятся своей профессией и хотят распространить информацию о себе или своей деятельности, используя все возможные коммуникативные приемы, в том числе «трендовые» или «модные», ничем не уступая в этом другим блогерам. Мы приходим к выводу, что рассматриваемая нами социальная группа неоднородна и разнесена в пространстве, состо-

¹ Немецкое пожелание **Glück ab!** ‘Счастливого приземления!’, характерное для военнослужащих воздушно-десантных подразделений, противопоставлено шахтерскому **Glück auf!** (досл. Счастливого возвращения из забоя!). В немецкой военной субкультуре пожелание **Glück ab!** коррелирует с наименованием известной песни немецких воздушных десантников **Glück ab, Kamerad!** См.: <https://www.discogs.com/ru/composition/9af64fcb-c196-4928-97fb-7d242ebf554f-Gl%C3%BCck-Ab-Kamerad>

ит из множества языковых личностей, имеющих определенный набор схожих черт. Это обстоятельство позволяет нам считать объект исследования неоднородным, что соответствует второму принципу построения обобщенного речевого портрета субъекта социальной группы.

Пройдя этап идентификации, то есть определения себя в группе «своих», военные блогеры вступают в онлайн-коммуникацию. Условия ситуации общения, в которой они оказываются изначально, схожи — это инициация онлайн-коммуникации через стимул, зачастую заключенный уже в самопрезентации. Таким образом, ситуации общения, в которых оказываются военные блогеры, будут одинаковыми по месту (глобальная сеть), типу взаимодействия (опосредованном электронным мультимедийным устройством), статусу коммуникантов (все блогеры равны в своих правах на самовыражение). Предмет речи, которого касается обсуждение военных блогеров, чаще относится к тематике военного быта или других более обширных аспектов военной жизни, к примеру, военной политики, проблем международных отношений, крупных общественно-политических событий, так или иначе связанных с армией. Ситуации общения, в которых оказываются военные блогеры в онлайн-коммуникации, ограничены определенными условиями — это отвечает *третьему принципу моделирования социально-группового речевого портрета*.

Коммуниканты при взаимодействии друг с другом порождают социальную ситуацию, в которой они исполняют определенные функции или играют роли. Получается, что процесс общения ограничивается ситуацией, ролями и правилами — нельзя говорить что угодно в любой ситуации [5. С. 9]. Для успешной коммуникации необходимым условием выступает содержательная сторона общения. Внутри каждой неформальной социальной группы — к таковым мы относим военных блогеров — общение часто реализуется в форме языковой игры, предписывающей сознательное нарушение или специфическое употребление языковых единиц [6].

Блогеры намеренно и активно используют языковые средства для создания атмосферы языковой игры: модификации подвергаются лексика, синтаксические конструкции, орфография и пунктуация (*четвертый принцип моделирования социально-группового речевого портрета*). Эмотиконы приобретают особое значение в языковой игре, выражая эмоции, которые в устной коммуникации передаются интонацией, жестами и мимикой. Языковая игра стирает барьеры в межличностном общении коммуникантов блогосферы, выводит общение на неформальный уровень даже среди незнакомых людей или виртуальных языковых личностей (блогеры объединены осознанной принадлежностью к своей социальной среде).

Через языковую игру осуществляется внутригрупповое опознавание «свой» — «чужой». Так, в обсуждениях блогов часто используются разговорные наименования предметов или явлений быта военнослужащих, их шуточные названия, выражающие какие-либо свойства объекта или субъекта. Примером служит постинг одного из военнослужащих, который в своем «Insta-блоге» делится фотографиями и описаниями своего опыта участия в военной операции в Афганистане: *Vor allem die Kinder waren offen und kamen als erstes auf uns zu. Fast immer hatten wir Kleinigkeiten, die wir verteilen konnten. ZB Kekse aus den Notrationen, wie hier im #Bild, oder*

Fußbälle [7]. 'Наиболее доброжелательными были дети, которые первыми к нам подходили. Почти всегда у нас находились для них какие-нибудь маленькие угощения или подарки. Например, печенье из сухого пайка, как здесь на фото, или футбольные мячи'.

В качестве реплики-реакции на свой постинг блогер получил комментарий:

Die guten panzerplatten 😊 'Старые-добрые **бронеплиты**'.

Неподготовленный читатель, не имеющий представления о продовольственных пайках военнослужащих бундесвера, вряд ли поймет, отчего вдруг в комментарии появляется термин *Panzerplatte* 'броневая плита'. Делаем вывод: эта реплика либо абсурдна, либо предназначается именно «своим» — тем, кому известен жаргон бундесвера, кто понимает, о чем идет речь, и способен поддержать разговор, используя тот же языковой код, что и другие коммуниканты внутри группы.

Автор постинга употребляет слова, понятные каждому, а пользователь, отреагировавший своей репликой на его постинг, пытается сменить языковой код, употребляя военный термин *Panzerplatte* (броневая плита) в его переносном, жаргонном значении, и, таким образом, перевести контур общения во внутригрупповые рамки, где *Panzerplatten* — это *Hartkekse aus den Notrationen* 'галеты из сухого пайка' (твердые хлебцы квадратной формы). Так осуществляется метафоризация значений, и слово *Hartkekse* 'галеты' замещается словом *Panzerplatten*, которое закрепилось в обиходно-разговорной речи военнослужащих бундесвера в значении «галеты». Среди лексических средств идентификационными качествами наряду с терминами, имеющими образную внутреннюю форму, обладают профессионализмы и жаргонизмы военной речи [8. С. 119].

Лексические отклонения от нормы в живой речи происходят по ряду причин, среди которых назовем: 1) затруднения при подборе необходимого слова в нужный момент, 2) желание выразиться более компактно, 3) стремление к оригинальности и особой выразительности — экспрессия [9. С. 152]. Эти же причины остаются актуальными и в блоговом общении в первую очередь потому, что письменная разговорная речь на текущем этапе развития интернет-коммуникации крайне мало отличается от обыденной устной речи, за исключением необходимых средств точной передачи ритмомелодичной и экспрессивной нагрузки речи, мимических и жестиквляционных особенностей коммуникантов. Беглость письменной разговорной речи ограничена, что связано, прежде всего, с возможностями электронных средств опосредованной онлайн-коммуникации и индивидуальными особенностями автора.

Несмотря на выделенные нами отличия воплощения устной разговорной речи в ситуации непосредственного общения и письменной разговорной речи в интернет-коммуникации, говорящий так или иначе склонен облегчить свою задачу снижением знаменательности знаков, заменой нарицательных слов на дейктические и собственные, применением удобных для себя условностей и окказионализмов, однако вынужден считаться с осведомленностью и подготовленностью слушателя [9. С. 57]. В условиях блоговой коммуникации говорящим становится пишущий, а слушающим — активный (тот, кто реагирует своей репликой-реакцией на текст-стимул пишущего блогера — Д.Ш.) или пассивный читатель. В качестве примера действенности принципа речевой экономии и использования упро-

ценной лексики и грамматики приводим фразу (1), замеченную нами на блог-платформе Instagram:

- (1) **steffen.b**: *Ich hatte bei meiner **aga** auch jmd der das **fallibarett** trägt obwohl dieser kein **falli** war. Der war **fwbl** im Bereich **san** und da er in einer **falli Kaserne** war hat er ein **falli barett** bekommen [10]. ‘Когда я проходил курс общевойсковой подготовки, у кого-то тоже был берет парашютно-десантных войск, хотя владелец берета не был десантником. Он был фельдфебелем медико-санитарной службы, а так как он жил в казарме десантников, то тоже носил их берет’.*

В цитируемом фрагменте замечаем несколько лексических отклонений от нормы, касающиеся военно-профессиональной сферы, а именно:

- ◆ *аббревиатуры*: *aga* = *AGA* = *Allgemeine Grundausbildung* ‘курс общевойсковой подготовки’; *fwbl* = *Feldwebel* ‘фельдфебель’;
- ◆ *сокращения*: *san* = *Sanitätsdienst* ‘медико-санитарная служба’;
- ◆ *контрактуры*: *falli* как существительное = *Fallschirmjäger* ‘военнослужащий парашютно-десантных войск’, *fallibarett* = *falli barett* = *Fallschirmjägerbarett* ‘берет парашютно-десантных войск’; *falli* как прилагательное в словосочетании *falli Kaserne* = *Kaserne der Fallschirmjägertruppe* ‘расположение (военный городок) парашютно-десантного подразделения’.

Именно наличие узкоспециальных аббревиатур, сокращений и контрактур указывает на соответствие стилю устного общения в профессиональной среде [11. С. 118], что создает определенные трудности для понимания таких текстов неподготовленным читателем. Все выделенные слова и сочетания возникли по принципу экономии усилий: в данном случае пишущий блогер рассчитывает на полное понимание своей фразы теми, кому она предназначена, при отсутствии трудозатрат на перевод своих мыслей в рамки узуальной нормы языка. Для сравнения мы можем смоделировать вариант той же фразы, но с учетом лексико-грамматической нормативности. Для наглядности приводим сравнительную таблицу 1.

Таблица 1

Исходная фраза	Смоделированный вариант с учетом узуса
Ich hatte bei (1) meiner aga auch (2) jmd der das (3) fallibarett trägt obwohl dieser kein (4) falli war. Der war (5) fwbl im Bereich (6) san und da er in einer (7) falli Kaserne war hat er ein (8) falli barett bekommen.	Ich hatte bei (1) der Allgemeinen Grundausbildung auch (2) jemanden gesehen , der (3) das Fallschirmjägerbarett getragen hat , obwohl dieser kein (4) Fallschirmjäger war. Der war (5) Feldwebel im Bereich (6) Sanitätsdienst , und da er in einer (7) Fallschirmjägerkaserne diente , hat er ein (8) Barett der Fallschirmjägertruppe bekommen.
<i>Перевод</i> : Когда я проходил курс общевойсковой подготовки, один из военнослужащих, который не был десантником, носил берет парашютно-десантных войск. Он был фельдфебелем медико-санитарной службы, а так как он жил в казарме десантников, то тоже носил их берет.	

In English:

Initial phrase	Converted variant of the phrase factoring in language norm
Ich hatte bei (1) meiner aga auch (2) jmd der das (3) fallibarett trägt obwohl dieser kein (4) falli war. Der war (5) fwbl im Bereich (6) san und da er in einer (7) falli Kaserne war hat er ein (8) falli barett bekommen.	Ich hatte bei (1) der Allgemeinen Grundausbildung auch (2) jemanden gesehen , der (3) das Fallschirmjägerbarett getragen hat , obwohl dieser kein (4) Fallschirmjäger war. Der war (5) Feldwebel im Bereich (6) Sanitätsdienst , und da er in einer (7) Fallschirmjägerkaserne diente , hat er ein (8) Barett der Fallschirmjägertruppe bekommen.
<i>Перевод</i> : Когда я проходил курс общевойсковой подготовки, один из военнослужащих, который не был десантником, носил берет парашютно-десантных войск. Он был фельдфебелем медико-санитарной службы, а так как он жил в казарме десантников, то тоже носил их берет.	

В таблице 1 мы отмечаем, что в одной фразе, состоящей из двух сложносочиненных предложений, встречается восемь лексико-грамматических отклонений от нормы: блогер воспроизводит на письме свою устную речь. Смоделированные нами фразы значительно длиннее, что свидетельствует о реализации принципа экономии усилий в разговорно-письменной речи в той же степени, что и в устной. Пишущий блогер предполагает, что читатель, он же *гость блога*, достаточно осведомлен и подготовлен для интерпретации упрощенного текста-стимула, так как он является представителем той же социальной группы.

Переходя заключительному, *пятому принципу моделирования обобщенного речевого портрета военного блогера*, мы ставим перед собой задачу обнаружить его тексты в разных стилях и жанрах. К таким речевым произведениям могут относиться научные тексты, художественная проза, публицистические тексты, мемуарная литература и др. [4. С. 114]. Ранее в наших исследованиях мы упоминали о том, что тексты блогеров существуют в разных стилях и жанрах, образуя новые макро- и микрожанры — блогер сам выбирает стиль, жанр, тематику, оформление своих идиолектных текстов [12. С. 942]. Задача выделения определенного функционального стиля в блоге на поверку оказывается непростой, ведь зачастую черты различных функциональных стилей совмещаются в блоге, например публицистический с разговорным или деловой и разговорный [13. С. 142]. В немецкой военной блогосфере мы обнаруживаем тексты художественного, публицистического, разговорного стилей, реже — официально-делового и научного стилей. Смещение функциональных стилей в блогосфере наблюдается повсеместно. Примеры текстов приведены в таблице 2.

Таблица 2

Текст	Стиль	Жанр
<p>Nun sahen wir das erste mal einen Panzer, welcher später zu unserem zweiten zu Hause werden sollte, aus unmittelbarer Nähe. Ziemlich beängstigend, dunkel, eng und zu 98% aus Stahl bestehend. <...> während den ersten Geländefahrten auf jeden Fall "Seekrank", wer kotzen muss, tut das in seinen Helm, nicht in den Marder. Knochenbrüche, Sauerstoffmangel, in seine Feldflasche pinkeln und und und [14]</p> <p>‘И вот мы в первый раз в непосредственной близости увидели бронированную боевую машину, которая впоследствии должна будет стать нашим вторым домом. Довольно устрашающего вида, темная, тесная, на 98% состоящая из металла. <...> при первых поездках по бездорожью в любом случае настигает «морская болезнь» — кого рвет, тот пользуется своей каской, но никак не на пол Мардера. Приходится считаться с переломами, кислородным голоданием, мочиться в свою же флягу и т.д., и т.п.’</p>	публицистический+ разговорный	пост-очерк
<p>P30 Dienstwaffe eine der besten Handfeuerwaffen die vom Dienstherrn an bestimmte Truppenteile ausgegeben werden. Ich kenne meine Susi wie kein anderer und bin froh, dass Sie mich im Notfall schützt. Bedenkt aber es ist kein Spielzeug. Natürlich als junger Frischling finde ich es auch ^cool^ habe es richtig gefeiert eine Waffe in der Hand zu haben. Ich möchte grade den jungen Kameraden auf den Weg geben befasst euch mit eurer Waffe behandelt Sie wie eine Frau/Mann, liebt Sie, pflegt Sie und behandelt Sie mit Respekt... [15]</p> <p>‘P30 — один из лучших образцов стрелкового оружия, который назначается определенным подразделениям в качестве штатного оружия. Я знаю мою Сюзи как никто другой и рад, что она может защитить меня при необходимости. Нужно понимать, что это не игрушка. Конечно, когда я был молодым и горячим, было ^круто^ держать в руках оружие, я ликовал. Теперь я бы хотел дать совет моим молодым товарищам, наставить их на путь истинный: занимайтесь своим оружием, обращайтесь с ним как с любимой женщиной/мужчиной, любите его, заботьтесь о нем и относитесь к нему с уважением...’</p>	литературный + разговорный	пост-очерк

Текст	Стиль	Жанр
Wir sind Soldaten, wir sind Kameraden und wir gehören zusammen. Egal welche Religion, egal welche Hautfarben. WIR dienen zusammen und wir gehören zusammen. Traurig das es nunja vermeintliche Kameraden gibt die das nicht so sehen. Aber die sind dann wohl fehl am Platze und sollten ihren Dienst überdenken... [16] 'Мы солдаты, мы товарищи по оружию, и мы — единое целое. Неважно, каким богам мы молимся, какого цвета наша кожа. Мы служим вместе, и мы — одно целое. Печально, что не все из нас так думают. Они явно не на своем месте, им надо бы найти для себя другую службу...'	публицистический + разговорный	пост-эссе

In English:

Text	Style	Genre
Nun sahen wir das erste mal einen Panzer, welcher später zu unserem zweiten zu Hause werden sollte, aus unmittelbarer Nähe. Ziemlich beängstigend, dunkel, eng und zu 98% aus Stahl bestehend. <...> während den ersten Geländefahrten auf jeden Fall "Seekrank", wer kotzen muss, tut das in seinen Helm, nicht in den Marder. Knochenbrüche, Sauerstoffmangel, in seine Feldflasche pinkeln und und und [14]. 'И вот мы в первый раз в непосредственной близости увидели бронированную боевую машину, которая впоследствии должна будет стать нашим вторым домом. Довольно устрашающего вида, темная, тесная, на 98% состоящая из металла. <...> при первых поездках по бездорожью в любом случае настигает «морская болезнь» — кого рвет, тот пользуется своей каской, но никак не на пол Мардера. Приходится считаться с переломами, кислородным голоданием, мочиться в свою же флягу и т.д., и т.п.'	publicistic style + informal style	Post-ing-sketch
P30 Dienstwaffe eine der besten Handfeuerwaffen die vom Dienstherrn an bestimmte Truppenteile ausgegeben werden. Ich kenne meine Susi wie kein anderer und bin froh, dass Sie mich im Notfall schützt. Bedenkt aber es ist kein Spielzeug. Natürlich als junger Frischling fand ich es auch ^cool^ habe es richtig gefeiert eine Waffe in der Hand zu haben. Ich möchte grade den jungen Kameraden auf den Weg geben befasst euch mit eurer Waffe behandelt Sie wie eine Frau/Mann, liebt Sie, pflegt Sie und behandelt Sie mit Respekt... [15] 'P30 — один из лучших образцов стрелкового оружия, который назначается определенным подразделениям в качестве штатного оружия. Я знаю мою Сюзи как никто другой и рад, что она может защитить меня при необходимости. Нужно понимать, что это не игрушка. Конечно, когда я был молодым и горячим, было ^круто^ держать в руках оружие, я ликовал. Теперь я бы хотел дать совет моим молодым товарищам, наставить их на путь истинный: занимайтесь своим оружием, обращайтесь с ним как с любимой женщиной/мужчиной, любите его, заботьтесь о нем и относитесь к нему с уважением...'	literary style + informal style	Post-ing-sketch
Wir sind Soldaten, wir sind Kameraden und wir gehören zusammen. Egal welche Religion, egal welche Hautfarben. WIR dienen zusammen und wir gehören zusammen. Traurig das es nunja vermeintliche Kameraden gibt die das nicht so sehen. Aber die sind dann wohl fehl am Platze und sollten ihren Dienst überdenken... [16] 'Мы солдаты, мы товарищи по оружию, и мы — единое целое. Неважно, каким богам мы молимся, какого цвета наша кожа. Мы служим вместе, и мы — одно целое. Печально, что не все из нас так думают. Они явно не на своем месте, им надо бы найти для себя другую службу...'	publicistic style + informal style	Post-ing-essay

Мы привели для наглядности лишь отдельные фрагменты речи из блогосферы, указывая на тенденцию к смешению различных функциональных стилей с разговорным в блог-коммуникации, что подчеркивает уникальность текстов, порождаемых именно блогерами, и пришли к выводу, что письменный текст блогера, как и устный разговорный язык, не отвечает нормам литературного языка.

Заключение

Руководствуясь методологией построения обобщенного речевого портрета представителя социальной группы, разработанной Б.Л. Бойко, мы можем выделить типовые особенности речи немецкого военного блогера и его виртуальной языковой личности. Каждый блогер стремится создать или перенести во всеобщее интернет-пространство свой уникальный образ через самопрезентацию и речь как языковое проявление своей реальной или новой виртуальной личности. Речевой портрет блогера позволяет исследователям выделить специфические черты, характерные для носителя определенной социальной группы. В самопрезентации военного блогера всегда прослеживается его принадлежность к профессии военнослужащего через фотографии в военной форме, специальные хэштеги и словмаркеры. Обобщенный речевой портрет отражает специфический стиль и маркированность речи представителя социальной группы, использование им определенного «кода», позволяющего ему не затеряться на фоне других представителей блогосферы, через речь показать свою принадлежность к определенной социокультурной и профессиональной общности.

Проведенное нами исследование позволило выявить особенности употребления вербальных и невербальных средств-маркеров онлайн-речи военнослужащих в ситуации блог-коммуникации. К таким средствам мы относим: 1) единицы военной лексики и терминологии — *Kameradschaft* ‘товарищество’, *Uniform* ‘военная форма одежды’, *Gefechtsanzug* ‘полевая форма одежды’); 2) единицы вербального и невербального общения, относящиеся к военной сфере — жаргонизмы, профессионализмы, аббревиатуры — *Aga*: *Allgemeine Grundausbildung* ‘общевоинская подготовка’, *TSK*: *Teilstreitkraft* ‘вид вооруженных сил’, *DF-Brigade*: *Deutsch-Französische Brigade* ‘германо-французская бригада’, *Grenni*: *Grenadier* ‘военнослужащий мотопехоты, мотопехотинец’, *Falli*: *Fallschirmjäger* ‘десантник, военнослужащий воздушно-десантных войск’, *Sani*: исх. *Sanitätsdienst* ‘военнослужащий медико-санитарной службы’; 3) устойчивые единицы речевого общения — констатации, пожелания, вопросы, фразеологизмы — *Wo biste stationiert? Где служишь?*, *Alles Gute im neuen Dienstgrad! Успехов в новом звании!*, *Ohne Mampf kein Kampf!* ‘Война войной, а обед по расписанию’; 4) хэштеги как вербальные единицы самопрезентации и самоидентификации в социальной среде: *#bundeswehr* ‘бундесвер’ *#einsatz* ‘миссия’ *#wirdienenddeutschland* ‘мы служим Германии’, *#flecktarn* ‘камуфляж’, *#uniform* ‘военная форма’ *#heer* ‘сухопутные войска’.

Военные блогеры предпочитают вступать в открытые дискуссии по своей профессиональной тематике; опознать их в тематических дискуссионных сообществах оказывается несложно. Их общение стимулируется языковой игрой, которая позволяет преодолеть рамки формализма и создать комфортную среду для общения. Языковая личность военного блогера находит свое проявление во всех функциональных стилях, причем чаще наблюдается смешение стилей, например, публицистического и разговорного или литературного и разговорного.

В результате проведенного нами исследования мы приближаемся к выделению и речевому портретированию более мелких групп внутри социальной группы

немецких военных блогеров, например, созданию обобщенного речевого портрета военного медика, десантника или танкиста. Итоги нашего исследования представляют особый интерес для военных переводчиков, специалистов, занимающихся изучением теории и практики интернет-коммуникации, блог-дискурса, социально-групповой диалектологии. Знание специфики речевых проявлений отдельных социально-групповых общностей позволит по речевым признакам опознать отдельного субъекта онлайн-коммуникации.

Библиографический список

1. *Рябова М.Э.* Языковая личность блогера в современной коммуникации // Организационная психолингвистика. 2018. no 1. С. 39—53.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 8-е. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2014.
3. *Юдина Н.В., Кузнецова Е.А.* Языковой портрет современного финансиста: учебник для бакалавров. М.: Финансовый университет, 2016.
4. *Бойко Б.Л.* Социально-групповая диалектология: монография. М.: Военный университет, 2018.
5. *Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.
6. *Данилевская Н.В.* Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: ФЛИНТА. Наука, 2003. [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/271-Языковая игра](https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/271-Языковая_игра) (дата обращения 12.05.2019).
7. *johannes.clair #Afghanistan*, 2010. Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/Btc9v89hqLn/> (дата обращения: 15.03.2019).
8. *Бойко Б.Л.* Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта (к проблеме создания речевого портрета человека на войне) // Вестник Военного университета, 2008. no 2. С. 114—121.
9. *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979.
10. *isabella.brdar* URL: https://www.instagram.com/p/BorbFiUB1fR/?utm_source=ig_web_button_share_sheet (Дата обращения: 17.04.2019).
11. *Бойко Б.Л.* Основы теории социально-групповых диалектов: монография. М.: Военный университет, 2008.
12. *Шляховой Д.А.* Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. 8 (4). С. 939—948. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948.
13. *Колокольцева Т.Н.* Диалог vs диалогичность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, Наука, 2016.
14. *MATZINGHA*, Режим доступа: <http://bundeswehr-blog.blogspot.com/2013/12/15-die-spezialgrundausbildung-beginnt.html> (дата обращения: 17.06.2019).
15. *tango.delta.ger*, Режим доступа: https://www.instagram.com/p/BuVmOg0HmgM5PN74EzfFvpqFnelyMOXqGn-5bY0/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=s9lhgq5lvby4 (дата обращения: 19.06.2019).
16. *bloggermuhammad*, Режим доступа: https://www.instagram.com/p/Bsqilv5HbNu/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=wniwwvzno13r (дата обращения: 1.07.2019).

References

1. Ryabova, M.E. (2018). Blogger's lingual identity in modern network communication. *Organizational Psycholinguistics*, 1, pp. 39—53. (In Russ.).
2. Karaulov, Yu.N. (2014). Russian language and linguistic personality. Moscow: Book House LIBROCOM. (In Russ.).
3. Yudina, N.V. & Kuznetsova, E.A. (2016). A language portrait of a modern financier: a textbook for bachelors. Moscow: Financial university. (In Russ.).
4. Boyko, B.L. (2018). Social group dialectology: monograph. Moscow: Military university. (In Russ.).
5. Van Dijk, T.A. & Kintsch, W. (1988). Linked text understanding strategies. *New in foreign linguistics. Publ. XXII. Kognitive aspects of language*. Moscow: Progress. (In Russ.).
6. Danilevskaya, N.V. (2003). Language play. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: FLINTA, Nauka. URL: [https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/271-Языковая игра](https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/271-Языковая_игра) (accessed: 12.05.2019). (In Russ.).
7. johannes.clair #Afghanistan, 2010. URL: <https://www.instagram.com/p/Btc9v89hqLn/> (accessed: 15.03.2019). (In German).
8. Boyko, B.L. (2008). Principles of modeling a speech portrait of a carrier of a social group dialect (on the problem of creating a speech portrait of a person in a war). *Bulletin of the Military University*, 2, 114—121. (In Russ.).
9. Devkin, W.D. (1979). German spoken language: Syntax and vocabulary. Moscow: International Relations. (In Russ.).
10. isabella.brdar. URL: https://www.instagram.com/p/BorbFiUB1fR/?utm_source=ig_web_button_share_sheet (accessed: 17.04.2019). (In German).
11. Boyko, B.L. (2008). Fundamentals of the theory of social group dialects: monograph. Moscow: Military university. (In Russ.).
12. Shliakhovoy, D.A. (2017). Genre features of blogs as electronic means of mass communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 939—948. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948. (In Russ.).
13. Kolokoltseva, T.N. (2016). Dialogues vs dialogueness. *Internet communication as a new speech formation: collective monograph*, T. Kolokoltseva, O. Lutovinova (eds.). Moscow: FLINTA, Nauka. (In Russ.).
14. MATZINGHA, URL: <http://bundeswehr-blog.blogspot.com/2013/12/15-die-spezialgrundausbildung-beginnt.html> (accessed: 17.06.2019). (In German).
15. tango.delta.ger, URL: https://www.instagram.com/p/BuVmOg0HmgM5PN74EzfFvpqFnelyMOXqGn-5bY0/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=s9lhq5lvby4 (accessed: 19.06.2019). (In German).
16. bloggermuhammad, URL: https://www.instagram.com/p/Bsqilv5HbNu/?utm_source=ig_share_sheet&igshid=wniwwvzno13r (accessed: 1.07.2019). (In German).

Сведения об авторе:

Шляховой Дмитрий Александрович, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, старший преподаватель кафедры германских языков, ФГК ВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, научные интересы: интернет-коммуникация, блог-дискурс; e-mail: magistri@mail.ru

Information about the author:

Dmitri A. Shliakhovoi, Aspirant for a degree of Candidate of Philol. Sciences, senior faculty member, department of Germanistics, Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, interests: internet-communication, blog-discourse; e-mail: magistri@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-893-905
УДК 811.133.1'373/374:398.9(493)

Научная статья / Research article

Тематическое многообразие бельгийских паремий (на лексикографическом материале)

П.С. Сёмина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
karpovapauline@gmail.ru

Данная статья посвящена рассмотрению основных тем, представленных в бельгийских паремиях. В статье паремия понимается как родовое понятие по отношению к пословицам, поговоркам и приметам. Материалом для исследования послужила авторская картотека паремий французского языка Бельгии, извлеченная приемом сплошной выборки из словаря пословиц и поговорок бельгийской франкофонии. Показано, как паремии отражают национальный характер и особенности мировидения определенного народа. Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью описания паремиологической картины мира бельгийцев, поскольку до настоящего времени тематическая палитра и описание бельгийского национального характера не являлись предметом детального изучения ни в российской, ни в бельгийской лингвистике.

Ключевые слова: национальный характер, аксиология, паремия, бельгийский язык, пословица, поговорка, примета

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Сёмина П.С. Тематическое многообразие бельгийских паремий (на лексикографическом материале) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 893—905. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-893-905

УДК 811.133.1'373/374:398.9(493)

Subject Variety of the Belgian Proverbs (on Lexicographical Material)

Polina S. Syomina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198
karpovapauline@gmail.ru

This article focuses on the main topics presented in the Belgian proverbs. In the paper, the proverb is understood as a generic concept in relation to proverbs, sayings and signs. The author's file of the Belgian French proverbs, taken by a continuous sampling method from the dictionary of proverbs and sayings of

© Сёмина П.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the Belgian francophony, is served as the material for the study. It is shown, how paroemias reflect the national character and features of the worldview of certain people. The relevance of the study is due to the necessity of the Belgians paroemiological world view description, because until now the thematic palette and description of the Belgian national character have been the subject of detailed study in neither Russian, nor Belgian linguistics.

Key words: national character, axiology, paroemia, Belgian language, proverb, sayings, omen

Article history:

Received: 01.03.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Syomina, P.S. (2019). Subject variety of the Belgian paroemias (on lexicographical material). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 893—905. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-893-905

Введение

Язык представляет собой важную сферу жизни человека. Посредством языка не только осуществляется коммуникация, но и накапливается и передается личный и коллективный этнокультурный опыт. Культура живет в каждом говорящем, а значит, и в языке, характерном для определенной нации.

Вопросы взаимосвязи языка и культуры стали одним из ведущих направлений современной лингвистики. Данная проблематика представляет интерес, поскольку является отражением современной антропоцентрической парадигмы. Ряд лингвистических, лингвокультурологических и философских исследований привел ученых к единому мнению о существовании тесной связи между культурой и языком.

Целью нашего исследования стало выявление основных тем общения франкоговорящих бельгийцев путем анализа тематики паремий, представленных в словаре «Proverbes et dictons de Belgique francophone» (Пословицы и поговорки бельгийской франкофонии) Françoise Pirart, Pierre Maury, материал которого аутентичен.

1. Лингвокультурология и лингвоаксиология как направления современной науки о языке

Направления лингвистики развиваются в соответствии с вызовами времени. Наряду с такими традиционными областями лингвистики, как лексикология, лексикография, семантика, грамматика и др., сформировались направления, которые находятся на стыке лингвистики с другими областями знания, такими как философия, естественные и гуманитарные науки, что говорит о мультидисциплинарности современной гуманитаристики в целом. Именно на стыке философии, культурологи и лингвистики в 90-е годы XX века формируется лингвокультурология, предметом которой одновременно являются и язык, и культура, находящиеся в непрерывном взаимодействии.

Язык представляет собой неотъемлемую часть сознания человека. Благодаря языку человек не только общается, но и передает накопленную информацию,

запечатленную в различных знаках. Новым поколениям передается не только сам язык с его фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями, но и опыт, культурная информация. Наиболее ярко проследить мировоззрение народа через язык позволяют различные единицы фразеологического уровня языка: фразеологизмы, пословицы, поговорки, приметы, загадки. Некоторые из них рождаются на протяжении всей жизни человека, часть остается в том времени, в котором они появились, а многие передаются из поколения в поколение, отражая ход истории, быт народа, представляя систему имен собственных. Например, национальные лингвомаркёры (resp. этнолингвомаркёры) — компоненты паремий (имена собственные, этнонимы, названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа) — отражают национальное своеобразие, «культурную память», позволяют раскрыть этноспецифичность языкового знака [1. С. 120—121].

Понять особенности национальной картины мира помогает изучение отдельных языковых единиц. В частности, ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре социумов находят отражение во фразеологических единицах и пословицах, что дало основание выделить аксиологические фразеологизмы [2. С. 10—12], по аналогии с которыми можно говорить и об аксиологических паремиях.

Изучению паремиологии посвящены труды М.А. Бредиса, В.П. Жукова, Е.Е. Иванова, Е.В. Ивановой, А. Крикманна, О.В. Ломакиной, В. Мидера, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Л.Б. Савенковой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семеновко и др.

Одной из задач лингвоаксиологии является выявление ценностей и антиценностей, нашедших отражение в языковых единицах лексического и фразеологического уровней языка, на основании чего можно сделать выводы о национальном характере, особенностях миропонимания отдельного народа.

Национальный характер и его проявления стали ключевой темой в исследованиях таких ученых, как А.С. Борисова, Е.В. Иванова, Т.В. Ларина, В.А. Маслова, Н.Ф. Михеева и др.

Вслед за Н.М. Фирсовой под национальным характером мы понимаем «своеобразие национальных психологических черт, менталитета (концептуального видения картины мира, ценностных ориентаций в частности), национальных традиций и обычаев, сформировавшихся под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религиозных верований данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа» [3. С. 51].

Ж.В. Кургузенкова, Н.Ю. Нелюбова указывают на необходимость подробного рассмотрения фразеологических ресурсов языка, поскольку ФЕ и паремии «чаще всего содержат компоненты значения, транслирующие информацию о национально-специфических особенностях восприятия действительности, так как оценочно-эмоциональное мировосприятие является неотъемлемой составляющей любого национального характера» [4. С. 66].

2. Паремия как источник лингвокультурной информации

Интерес исследователей к паремиям закономерен, поскольку они «раскрывают тайну человеческих взаимоотношений, знакомят с обычаями, традициями и особенностями быта, позволяют лучше понять социально-исторический контекст и механизмы формирования культурных стереотипов» [5. С. 765], а значит, дает информацию о национальном характере и позволяют более полно охарактеризовать национальную картину мира через паремиологию.

В научной литературе термин «паремия» используется как родовое, выражающее более общее понятие для таких видов малых фольклорных форм, как пословица, поговорка, примета, поверье, загадка, гадание, пожелание, прибаутка, при словье и пр. Употребляется также слово «паремия» как синоним пословицы и поговорки [6. С. 603]. *Паремии* — «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл» [7. С. 242].

К *паремиям* «большинство авторов старых рукописных и печатных сборников (И.В. Паус, В.Н. Татищев, А.И. Богданов, Н.А. Добролюбов, А. Бутурлин, М.В. Красноженова, П. Симони, В.И. Даль, И.М. Снегирев и др.) помимо пословиц и поговорок относили многочисленные присловья, скоро- (чисто-)говорки, прибаутки, загадки, поверья, суеверья, сельскохозяйственные приметы и даже изредка рагадки снов [7. С. 243].

Под термином *пословица*, вслед за В.М. Мокиенко, мы понимаем «как логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [8. С. 5].

В качестве рабочего определения *поговорки* мы также будем использовать определение В.М. Мокиенко. *Поговорка* — меткое устойчивое выражение экспрессивно-образного типа, ярко характеризующее человека и окружающую действительность. Они отличаются от пословиц, имеющих назидательный смысл и некую законченность, тем, что они дают оценку предметам, о которых повествуют. Поговорки понимаются как фразеологизмы в узком смысле слова [8. С. 5].

Паремии характеризуются некоторыми свойствами: «вторичность текста или высказывания и особенности внутренней формы паремии, способствующей формированию прагматически обусловленного подтекста (у пословиц, загадок и примет) или значения (у поговорок)» Паремии имеют кумулятивную функцию, так как они «легко преодолевают временные барьеры и приспособляются к живому народному языку, приобретая статус текста культуры» [9. С. 18].

Таким образом, можно сделать вывод, что комплексное изучение *паремий* является актуальным, так как данные единицы выполняют важную функцию в индивидуальном и коллективном языковом сознании носителя того или иного языка и культуры, они позволяют выявить и понять национально-культурные особенности языковой картины мира. Следовательно, именно всестороннее изучение паремий помогает понять особенности ментальности и культуры народа, изучить национальный характер.

Нашей задачей является анализ *паремий* бельгийского народа для раскрытия их национального характера.

3. Анализ тематического многообразия бельгийских паремий

Настоящее исследование построено на основе анализа паремиологического фонда бельгийского варианта французского языка. Мы исходим из предположения, что изучение паремиологических единиц народа помогает выявить основные концепты, раскрыть особенности национального характера народа, более полно представить национальную картину мира бельгийцев.

Материал для анализа был выбран из словаря Франсуазы Пирарта и Пьера Мори «Пословицы и поговорки бельгийской франкофонии» (1989), представляющего собой аутентичный источник. В основу исследования положена авторская картотека, насчитывающая 1327 паремиологических единиц.

В рамках данного исследования мы исходили из следующей гипотезы: о чем у нации существует больше всего паремиологических единиц, те темы и являются наиболее популярными и близкими носителям языка. Следовательно, именно их через них мы можем определить национальный характер бельгийского народа.

Необходимо отметить, что в вышеупомянутом сборнике значительную часть составляют и общефранцузские паремии, что объяснимо, так как бельгийцы, говорящие на французском языке и имеющие непосредственную связь с французским народом, используют в своей речи и французские паремии. Несмотря на это, так называемые «географические варианты французского чаще всего описываются как в отдельных словарях, так и в специальных книгах, и имеют систематическое ранжирование» [10. С. 831]. Для проведения настоящего исследования является показательным то, что выбор тематики и самих языковых единиц в имеющемся у нас аутентичном сборнике осуществлялся бельгийскими лексикографами.

Для выявления основных тем, близких франкоязычным бельгийцам, нами был проведен количественный анализ паремий, извлеченных путем сплошной выборки из указанного выше словаря. Все единицы представлены в рамках тематической классификации, которая включает большие группы, поделенные, в свою очередь, на более мелкие рубрики. Так, авторами словаря все выражения (1327) были разделены на 8 тематических групп: *Le temps (погода/время)* — 330; *L'homme, qualités et défauts (человек, его достоинства и недостатки)* — 238; *L'argent (средства)* — 187; *La nature (природа)* — 115; *La conversation (беседа)* — 96; *L'amour et l'amitié (любовь и дружба)* — 90; *La morale de cette histoire (правила морали)* — 90; *La nourriture et la boisson (еда и напитки)* — 81.

Все паремиологические единицы систематизированы. Все они отражают то, каким образом раскрывается та или иная тема в паремиологическом фонде бельгийцев. Стоит отметить, что «системность паремий обуславливается организующей функцией базовых категорий, формирование которых детерминировано направленностями человеческого интереса, в предшествующем паремиологической концептуализации опыте познания мира». По мнению Нечипорчик, оценочные значения в паремиях реализуются отражением и формированием ценностного и антиценностного отношения к объектам мира, убеждений, определяющих направленность человека; отражением и формированием осознанных мотивов

человеческой деятельности; отражением и формированием активной позиции в отношении к существу, ориентации в выборе способа действия и модели поведения [11. С. 6].

«Идея антропоцентричности отражается на разных языковых уровнях при выборе языковых единиц в процессе ретрансляции сходных смыслов» [12. С. 19].

Таким образом, все крупные темы сборника отражают базовые универсальные категории, которые определяют восприятие человеком мира и себя в нем [13. С. 61].

Значимой темой для бельгийцев является тема *Le temps (погода/время)*, которая тоже имеет антропоцентрическую направленность основных тем бельгийского народа. Важно отметить, что *le temps* с французского языка переводится как «Время» и как «Погода». Пословицы, приведенные на данную тему, затрагивают и метеорологию, и календарь, и философию бытия.

Первая рубрика, выделенная авторами в данной теме, называется *Le temps, qu'il fait (погода)* (121 единица). Это пословицы, связанные с климатическими условиями — *La pluie et le mauvais temps (дождь и непогода)* (26) и *le beau temps (хорошая погода)* (3) и календарем — *Le calendrier* (92). Как утверждают авторы словаря, для бельгийцев гораздо важнее иметь представление о плохой погоде, чем о хорошей, поэтому в большинстве их пословиц о погоде содержится предупреждение о дожде. Например:

Quand le chat gratte la queue, c'est signe de vent; derrière l'oreille, c'est signe de pluie. (Josoigne) (пер. Когда кошка почешет хвостик — будет ветрено, за ушком — будет дождь.)

Vent de Louvain, pluie ou neige. (Ветер со стороны Лёвена, будет дождь или снег.)

La pluie est bonne sur le gazon. (Дождь нужен траве.)

Возможно, говоря о дожде и плохой погоде, бельгийцы подразумевают вовсе не отрицательную оценку: для хорошего урожая дождь нужен, а они занимаются сельским хозяйством, для них важен их огород и сад. Поэтому пословицы о так называемой плохой погоде содержат положительную оценку, а вот пословицы о хорошей (*le beau temps*) солнечной погоде — совсем наоборот. Например:

La roue de Saint Bernard (l'arc-en-ciel), trois jours beaux, trois jours laids. (Радуга три дня красива, три дня безобразна.)

Sècheresse n'a jamais amené cherté. (Засуха никогда не приносила богатства.)

Тема *Le temps, qu'il fait* завершается большой рубрикой *Le calendrier (календарь)*. Здесь собрано 92 пословицы-приметы на каждый месяц года. Поскольку для бельгийцев сельское хозяйство является одной из основных тем, им важно знать, будет ли сезон урожайным. Следующие примеры наглядно это иллюстрируют:

Orage en janvier, hiver parti. (Гроза в январе, зима уходит.)

Mars sec, avril humide et mai chaud, tout vient à souhait. (Март сухой, апрель влажный и май теплый, тогда урожай будет достаточный).

Как мы видим, тема *Le temps (погода)* очень значима для бельгийцев. На нее приходится около 10% всех единиц словаря. Таким образом, данное понятие, предположительно, можно отнести к национальным концептам.

Следующая рубрика внутри раздела *Le temps (время) — Le temps qui passe (ход времени)* (209). Здесь выделяются следующие подрубрики: *Le jour et la nuit (день и ночь)* (11), *La patience (терпеливость)* (22), *Le temps perdu ne se rattrape jamais (потерянное время не наверстает)* (32), *La jeunesse et la vieillesse (молодость и старость)* (45), *La santé (здоровье)* (20), *La vie et la mort (жизнь и смерть)* (34), *Prévoir l'avenir (предвидеть будущее)* (22). Авторы словаря отмечают, что бельгийцы очень ценят время. Например, поговорка *Le temps c'est de l'argent (Время — деньги)* ярко подтверждает эту мысль. Время уходит, так устроена жизнь. Следующая единица как раз говорит об этом:

Il n'y a pas de temps qui ne vienne et pas qui ne passe (Нет времени, которое не настает и которое не проходит).

В то же время бельгийцы считают, что таков нормальный ход вещей, с этим ничего нельзя сделать, и, следовательно, быстрый ход времени необходимо принять как данность.

Il y a temps pour tout. (Всему свое время).

Il vient toujours un jour qui n'est pas encore venu (Всегда приходит день, которого еще не было).

По наблюдениям авторов словаря, разграничение времени на день и ночь поражает воображение. Эти уникальные природные явления упоминаются в 11 поговорках:

La nuit porte conseil. (Утро вечера мудренее).

Il y a plus de jours que de semaines. (Дней больше, чем недель.)

Il ne faut pas se vanter d'une belle journée avant qu'elle soit terminée. (Не стоит хвастаться хорошим днем, пока он не закончится.)

La patience (терпение) — одна из добродетелей, которую ценят бельгийцы. Например:

Qui a patience, a vertu. (Кто терпелив, тот добродетелен.)

Tout vient à point à qui peut attendre. (Все приходит в нужный момент к тому, кто умеет ждать.)

Тема *La jeunesse et la vieillesse (молодость и старость)* (45) также значима для бельгийцев. Время идет, дети растут, потом стареют. Бельгийские поговорки говорят об очевидной разнице между молодостью и старостью:

Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait. (Если б молодость знала, если б старость могла.)

On fait des sottises à tout âge. (Глупости совершают в любом возрасте) и др.

Однако важнее всего в любом возрасте здоровье, о котором речь идет в поговорках следующей подрубрики: *La santé (здоровье)* (20). Даже те, кто имеют хорошее здоровье на протяжении всей жизни, умирают. Таков ход человеческого существования. Пословицы:

Celui qui attend n'est pas mort. (Тот, кто ждет, не умирает).

Il faut vivre avec les vivants (Жить нужно с живыми).

В словаре выделена также тема *будущего* *Prévoir l'avenir* (22). Такие поговорки, как

Il vaut mieux prévenir que d'être prévenu. (Лучше предупредить, чем быть предупрежденным.)

Un homme prévenu en vaut deux. (Предупрежден значит вооружен.)

и др. отражают отношение бельгийцев к тому, что ждет их в будущем. Им важно это знать и быть готовыми к будущему.

Вторая по значимости тема, выделенная в сборнике, — *L'homme, qualités et défauts* (человек, его достоинства и недостатки). Авторами было собрано 238 единиц, затрагивающих данную тематику. Кто есть человек? Какова его судьба? Каковы шансы каждого? На все эти вопросы дают ответ паремии данного раздела, который, как и остальные, представлен несколькими рубриками: *Ce qui arrive malgré soi* (то, что происходит независимо от нас) — 17, *Le choix* (выбор) — 67, *Les hommes entre eux* (человек среди людей) — 21, *Qualités et défauts* (достоинства и недостатки) — 90, *Les femmes* (женщины) — 40.

На тему *Ce qui arrive malgré soi* (то, что происходит независимо от нас) представлено 17 паремий, отмечающих роль некоторых неизбежных обстоятельств, которые не зависят от решения людей:

On n'attrape jamais deux fois un lièvre à la même trouée. (Никогда не поймешь двух зайцев в одной норе.)

Une once de chance vaut mieux qu'une livre de savoir faire. (Унция удачи лучше, чем книга знаний.)

Возможно, рассмотренной выше теме неизбежности авторы противопоставляют тему выбора (*Le choix*), на которую паремий представлено значительно больше — 67:

Qui trop choisit, mal choisit. (Кто слишком много выбирает, выбирает неправильно.)

Celui qui cherche, trouve. (Кто ищет — тот всегда найдет.)

On prend son plaisir où il se trouve. (Мы довольствуемся тем, что находим.)

и др. поговорки иллюстрируют мнение бельгийцев о том, что какими бы ни были обстоятельства, всегда существует возможность выбора своего пути.

Рубрика *Les hommes entre eux* (человек среди людей) — 21 пересекается с темой *Qualités et défauts* (достоинства и недостатки) — 90. Обе темы содержат поговорки и поговорки о жизни, быте, взаимоотношениях в коллективе, различных человеческих качествах, хороших и плохих: *la bêtise* (глупость) (11), *sages et foux* (мудрецы и глупцы) (11), *aspect physique* (физические умения/способности) (7):

Un fou avise bien un sage. (Дурак хорошо знает мудреца.)

On trébuche bien sans tomber. (Хорошо спотыкаться, не падая.) и др.

Одна из самых интересных не только для бельгийцев, но и для многих народов тем представлена в отдельной рубрике: *Les femmes* (женщины), чувства к которым становятся порой яблоком раздора, причиной войн.

Данная рубрика представлена двумя подрубриками. В первой перечислены паремии о достоинствах женщины (*Les qualités*) — 8, во второй — о ее недостатках

(*Les défauts*) — 26. Судя по количеству пословиц в каждой подрубрике, можно предположить, что бельгийцы воспринимают женщину скорее критически.

Следующей по значимости для бельгийцев темой является тема *L'argent* (*деньги*) — 187. По мнению авторов словаря, отношения между людьми часто устанавливаются в соответствии с уровнем их достатка, иерархией в профессиональной деятельности. Желание разбогатеть является одним из главных мотивов существования. В этой рубрике выделены 4 подрубрики. Первая называется *Le valeur des choses* (*ценность вещей*) (27). Здесь все паремии повествуют о том, что ценность вещей устанавливают законы торговли. Например:

Les conditions font les marchés. (Предложения рожают спрос.)

N'est pas berger celui qui converse ses moutons. (Не пастух тот, кто обменивает своих овец).

Вторым разделом внутри группы являются *L'argent* (*деньги*) (24). Деньги ассоциируются с богатством, счастливой и обеспеченной жизнью, властью. Например:

Tout doit passer par le cordon de la bourse. (Все должно проходить через кошелек.)

Celui qui a de l'argent trouve des parents. (У кого есть деньги, найдутся и родственники.)

Тема денег сменяется далее большим разделом — *Riches et pauvres* (*богатые и бедные*) (45), который в свою очередь состоит из подрубрик *Les riches* (7), *Les pauvres* (17) и *Maîtres et valets* (*хозяева и слуги*) (15).

Отношения между богатыми и бедными, между имеющими власть и подчиненными всегда сложны. Ряд паремий свидетельствует о том, что для некоторых богатство, наоборот, нежелательно:

Qui veut s'enrichir en un an se fait pendre au bout de six mois. (Кто хочет разбогатеть за год, тот скорее повесится через шесть месяцев).

Однако прожить свою жизнь в бедности бельгийцы тоже не хотят:

De la misère et de la pauvreté, il ne faut pas semer. (Не стоит сеять нищету.)

Последней рубрикой в тематике *L'argent* (*деньги*) выделяется *La libre circulation des biens* (*свободное передвижение товаров*) (89). К ней также относятся подрубрики *Le vol* (*кража*) (28), *Le travail* (*работа*) (42). По всей видимости, именно воровство и работа представляют для бельгийцев большие проблемы.

Тема *La nature* (*природа*) (115) также представляет интерес. Из четырех основных элементов: воздух, земля, вода и огонь только два последних, радикально противоположные, упоминаются в собранных паремиях. Огонь, в значительной степени из-за опасности, которую он представляет:

Il n'y a pas de fumée sans feu. (Нет дыма без огня.)

Celui qui ne veut pas brûler ne doit pas aller au feu. (Кто не хочет обжечься, не разжигает огонь.)

Следующей в данной группе является рубрика *Les animaux* (*животные*) (115). В таких пословицах отражаются человеческие черты через характер того или иного животного. Героями бельгийских паремий о животных чаще всего становятся

собаки (23), свиньи (15), волки (12), лошади (9), кошки (6), курицы и петухи (4), ослы (4) и коровы (2). Например:

Chien qui aboie ne mord pas. (Лающая собака не кусается.)

A cheval donné, on regarde pas les dents. (Дареному коню в зубы не смотрят.) и др.

Анализ рубрики *La conversation (беседа)* (96) показал, что данная тема очень близка бельгийцам. Человек — социальное существо. Для любого человека общение — одна из самых значимых сфер жизни. Так и бельгийцы ценят хорошую беседу. Например:

Bien parler fait bien comprendre. (В приятной беседе рождается взаимопонимание.)

Рубрика включает 3 подрубрики: *Ecouter (слушать)* (10), *Parler (говорить)* (36), *Mensonge et Vérité (ложь и правда)* (20). Исходя из количественного соотношения, можно сделать вывод, что бельгийцы больше говорят, чем слушают.

Тема, которой бельгийцы также уделяют много внимания — *L'amour et l'amitié (любовь и дружба)* (90). Все пословицы и поговорки данной тематики сентиментальны. В раздел входят рубрики *L'amour (любовь)* (19), *Le mariage (брак)* (50), который включает в себя подрубрику *La famille (семья)* (18), *L'amitié et les querelles (дружба и ссоры)* (26). В некоторых паремиях отражается положительное отношение к любви, а в некоторых — негативное. Например:

Froides mains, chaudes amours. (Холодные руки, теплая любовь.)

L'amour fait danser les ânes. (Любовь заставляет ослов танцевать.)

Брак в бельгийских пословицах является обязательной частью жизни для всех и каждого.

Une fois se marier, une fois mourir. (Женятся и умирают один раз.)

Tous les amoureux n'épousent pas. (Не все влюбленные женятся.)

Дружба, естественно, рождается между людьми, имеющими общие черты. Например:

Les oiseaux d'une même couleur se recherchent volontiers. (Птицы одного цвета охотно ищут друг друга.)

Qui se ressemble, s'assemble. (Кто похож, тот вместе.) и пр.

Для бельгийцев важна тема питания, которой посвящена следующая тема словаря *La nourriture et la boisson (еда и питье)*. Здесь собрано 90 паремий. Бельгийцы очень внимательно относятся к тому, что они едят и пьют. Внутри раздела выделяются рубрики: *La gourmandise (гурманство)* (27); *Le Goût (вкус)* (25); *Manières de table (правила поведения за столом)* (9), *La boisson (напитки)* (20). По мнению бельгийцев, не стоит бояться переедания:

Il ne faut pas laisser la nourriture dans le plat. (Не стоит оставлять еду в тарелке.)

L'appétit vient en mangeant. (Аппетит приходит во время еды.)

Более того, в этих паремиях речь идет не только о пище, но и о чувствах:

Ce qui est doux à la bouche est amer au coeur. (Во рту сладко, а сердцу горько.) и др.

Раздел паремий на тему *La morale de cette histoire (мораль)* (91) делится на рубрики: *Morale laïque (мораль светская)* (43) и *Morale religieuse (мораль*

религиозная) (48). Пословицы, как мы уже могли заметить, хоть и не всегда соответствуют моральным принципам, но это не мешает им доносить высокие духовные ценности. Например:

En voulant faire mieux, on fait plus mal. (Желая стать лучше, мы приносим больше вреда.)

Peu de choses nous console parce que peu de chose nous afflige. (Мало того, что нас утешает, потому что мало того, что нас огорчает.)

Aidez-vous et le bon Dieu vous aidera. (Помоги себе сам, и Бог поможет тебе.)

Le diable ne meurt jamais. (Дьявол никогда не умрет.) и др.

Заключение

В данной статье была предпринята попытка выявления основных тем франкоговорящих бельгийцев на основе анализа материала аутентичного сборника пословиц и поговорок бельгийской франкофонии. В результате подсчета количества паремий по каждой теме удалось выяснить, какие темы представляют больший интерес. По нашему предположению, именно эти темы связаны с национальными ценностями бельгийцев, а в дальнейшем позволят выделить основные концепты их языковой картины мира.

1327 пословиц и поговорок, приведенных в словаре, были представлены в 8 основных тематических разделах: *Le temps (погода/время)* — 330; *L'homme, qualités et défauts (человек, достоинства и недостатки)* — 238; *L'argent (средства)* — 187; *La nature (природа)* — 115; *La conversation (беседа)* — 96; *L'amour et l'amitié (любовь и дружба)* — 90; *La morale de cette histoire (правила морали)* — 90; *La nourriture et la boisson (еда и напитки)* — 81. Внутри каждой из 8 тем выделены рубрики, а внутри последних — подрубрики.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Все основные разделы имеют одинаковую антропоцентрическую тематическую направленность. Самыми значимыми темами для бельгийцев можно считать темы «Время» и «Человек». В данных паремиях содержатся размышления о быстротечности времени, о жизни и смерти, о человеческих взаимоотношениях, о достоинствах и недостатках, об отношении к женщинам. Важными являются также такие темы, как «Погода», что связано с развитым сельскохозяйственным сектором, «Деньги» и денежные отношения. Пословицы и поговорки свидетельствуют о том, что бельгийцы сентиментальны в любви, ценят дружбу, любят хорошо поесть и поговорить.

Большой раздел посвящен теме природы и животным: через описание повадок и характера зверей в бельгийских пословицах передается характер человека. Склонность к философии и рассуждениях о морали и духовных ценностях, о религиозных образах — Боге и дьяволе — также нашли отражение в паремиологическом фонде.

Перспективами дальнейшего исследования паремиологического фонда бельгийского языка является соотнесение тематических групп и концептов, что позволит определить «ценностные константы и ценностные переменные, для чего требуется на материале языковых единиц представить иерархию ценностей в «кресте

реальности» (В.Н. Телия)» [14. С. 305]. Кроме того, необходимо сравнение основных ценностей бельгийцев с основными ценностями французов. Полученные данные будут полезны для сравнительно-сопоставительной лингвоаксиологии.

Библиографический список

1. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. no 3(45). С. 119—128. DOI: 10.17223/18572685/45/9.
2. Байрамова Л.К., Иванова М.В. Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. 2014. no 3 (45). С. 10—12.
3. Фирсова Н.М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане // Филологические науки. 2004. no 2. С. 51—58.
4. Кургузенкова Ж.В., Нелюбова Н.Ю. Фразеологические единицы с компонентами-сома-тизмами в объективации процесса приема пищи во французской культуре. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2012. no 1. С. 66—69.
5. Солдаткина Т.А. Базовые концепты английского и французского паремиологического фонда // Современные проблемы науки и образования. Издательский дом «Академия Естественных наук». 2013. no 6. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10970> (дата обращения: 1.05.2019).
6. Сперанская А.Н. Эффективное речевое общение. Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2014.
7. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта: Наука, 2009.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева В.К. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
9. Семенов Н.Н. Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Волгоград. 2009. no 2 (10). С. 17—23.
10. Lamiroy Béatrice. Le français de Belgique et les locutions verbales figées. In: Revue belge de philologie et d'histoire, tome 84, fasc. 3, 2006. Langues et littératures modernes — Moderne taal en litterkunde. pp. 829—844. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/rbph_0035-0818_2006_num_84_3_5046 (дата обращения 18.12.2018).
11. Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 2016.
12. Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2015.
13. Иванова Е.В. Мир в русских и английских пословицах: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006.
14. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. no 4 (54). С. 303—317. DOI: 10.17223/18572685/54/18.
15. Pirart F., Maury P. Proverbes et dictons de Belgique francophone. Rivages, 1989.
16. Montreynaud F., Pierron A., Suzzonni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris: Le Robert, 2006.

References

1. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). The cognitive potential of the Ruthenian paroemias against the background of the Russian and Ukrainian languages, *Rusin*, 3 (45), 119—128. DOI: 10.17223 / 18572685/45/9. (In Russ.).

2. Bayramova, L.K. & Ivanova, M.V. (2014). Russian culture in the “Axiological Phraseological Dictionary of the Russian Language”, *Problems of history, philology, culture*. Magnitogorsk State Technical University. G.I. Nosov, 3 (45), 10—12. (In Russ.).
3. Firsova, N.M. (2004). On the national characters of the Spanish-speaking and English-speaking peoples in the comparative plan, *Philological Sciences*, 2, 51—58. (In Russ.).
4. Kurguzenkova, J.V. & Nelyubova, N.Yu. (2012). Phraseological units with somatism components in the objectification of the process of food intake in French culture, *Russian Journal of Linguistics*, 1, 66—69. (In Russ.).
5. Soldatkina, T.A. (2013). Basic concepts of the English and French Paremiological Foundation, *Modern problems of science and education*. Publishing House “Academy of Natural History”, 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10970> (accessed: 1.05.2019). (In Russ.).
6. Speranskaya, A.N. (2014). Effective speech communication. Dictionary reference. Electronic edition. Siberian Federal University. Krasnoyarsk. (In Russ.).
7. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009). Phraseology and paremiology: A textbook for the bachelor's level of philological education. Moscow: Flint: Science. (In Russ.).
8. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaev, V.K. (2010). Large dictionary of Russian sayings. Moscow: CJSC “OLMA Media Group”. (In Russ.).
9. Semenenko, N.N. (2009). The case law of paroemia as a problem of semantic research, *Bulletin of VolSU. Series 2: Linguistics*, 2 (10), 17—23. (In Russ.).
10. Lamiroy, Bé. (2006). Le français de Belgique et les locutions verbales figées. In: *Revue belge de philologie et d'histoire*, tome 84, fasc. 3, 2006. Langues et littératures modernes — Moderne taal en litterkunde. pp. 829—844; [Electronic resource] URL: https://www.persee.fr/doc/rbph_0035-0818_2006_num_84_3_5046 (accessed: 18.12.2018) (In French).
11. Nichiporchik, E.V. (2016). Reflection of value orientations in paromas: linguo-cognitive, comparative, and sociopsycholinguistic aspects [dissertation]. Minsk. (In Russ.).
12. Lomakina, O.V. (2015). Phraseology in the language of L.N. Tolstoy: linguistic commentary and lexicographical description [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).
13. Ivanova, E.V. (2006). The world in Russian and English proverb. Tutorial. S]. St. Petersburg: Publishing house of S.-Petersburg. un-that; Filol. Faculty of St. Petersburg State University. (In Russ.).
14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value Constants of the Russian Paremiology (on the Background of Ukrainian and Russian Languages), *Rusin*, 4 (54), 303—317. DOI: 10.17223 / 18572685/54/18. (In Russ.).
15. Pirart, F. & Maury, P. (1989). Proverbes et dictons de Belgique francophone. Rivages. (In French).
16. Montreynaud, F., Pierron, A. & Suzzonni, F. (2006). Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris: Le Robert. (In French).

Сведения об авторе:

Полина Сергеевна Сёмина, аспирант направления «Романские языки», Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: изучение языковых особенностей бельгийского варианта французского языка, выявление ведущих концептов французов и бельгийцев на различном языковом материале; *e-mail*: karpovapauline@gmail.ru

Information about the author:

Polina S. Syomina, 3 year post-graduate student in “Romance languages”, Peoples’ Friendship University of Russia; *research interests*: the study of the linguistic features of the Belgian version of the French language, the identification of principal French and Belgian concepts on various linguistic material; *e-mail*: karpovapauline@gmail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-906-919
УДК [811.161.1:811.512.133]373.423

Научная статья / Research article

Непроизводные и производные омонимы русского и узбекского языков

Б.Ш. Курбанов

Узбекский государственный университет мировых языков
ул. Малая кольцевая, Г-9а квартал, 21а, м-в Чиланзар,
Учтепинский район, г. Ташкент, Узбекистан, 100138
kurbanov.baxram@bk.ru

В статье рассматриваются вопросы относительно непроизводных и производных омонимов на примере глаголов русского и узбекского языков. В поле зрения находятся проблемы разграничения полисемии и омонимии, критерии определения их границ. Основу исследования составляют вопросы изучения внутренней структуры слова. Представлена классификация непроизводных и производных глаголов-омонимов русского и узбекского языков с учетом способов их образования, производности и непроизводности лексем в зависимости от их взаимодействия в словообразовательном гнезде. Приведены примеры словообразовательных типов, в частности, аффиксальных способов словообразования, присущих образованию глагольных омонимов в сопоставляемых русском и узбекском языках. В статье также речь идет об особенностях и отличительных свойствах лексических, словообразовательных омонимов, приведены примеры отраженной омонимии в системе словообразовательных гнезд. Словообразовательные гнезда рассматриваются как основной критерий определения производности и непроизводности глагольных омонимов русского и узбекского языков. Разработана классификация непроизводных и производных омонимов русского и узбекского языков. Приведены примеры составления словообразовательных гнезд глаголов в узбекском языке с учетом возможности образования наибольшего количества дериватов в структуре гнезд. Следовательно, продемонстрированы фрагменты относительно организации отраженной омонимии как в русском, так и в узбекском языках. Результаты анализов свидетельствуют о том, что явление омонимии в русском и узбекском языках имеет регулярный и системный характер. Доказана регулярность взаимоотношений и взаимодействий лексических парадигм сопоставляемых языков в образовании производных, в частности, отраженных омонимов. Важное место при этом отводится омонимии, возникающей благодаря омонимии основ и аффиксов.

Ключевые слова: омонимия, непроизводные и производные омонимы, словообразовательное гнездо, исходное слово

История статьи:

Дата поступления: 01.05.2019

Дата приема в печать: 20.09.2019

Для цитирования:

Курбанов Б.Ш. Непроизводные и производные омонимы русского и узбекского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 906—919. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-906-919

© Курбанов Б.Ш., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK [811.161.1:811.512.133]373.423

Non-Derivative and Derivative Homonyms in the Russian and Uzbek Languages

Bakhram Sh. Kurbanov

Uzbek State University of World Languages
*Malaya koltsevaya str., G-9a quarter, 21a, Chilanzar massif,
Uchtepa district, Tashkent, Uzbekistan, 100138*
kurbanov.baxram@bk.ru

The article discusses questions regarding non-derivative and derivative homonyms by the example of verbs of the Russian and Uzbek languages. In sight are the problems of distinguishing polysemy and homonymy, the criteria for determining their boundaries. The basis of the study is the study of the internal structure of the word. The classification of non-derivative and derivative verbs-homonyms of the Russian and Uzbek languages is presented taking into account the ways of their formation, derivative and non-derivative lexemes depending on the place in the word-building nest. Examples of word-formation types, in particular, affix word-formation methods inherent in the formation of verbal homonyms in the comparable Russian and Uzbek languages are given. The article also deals with the features and distinctive properties of lexical, derivational homonyms, examples of reflected homonymy in the system of derivational nests are given. Word-building nests are considered as the main criterion for determining the production and non-production of verbal homonyms of the Russian and Uzbek languages. The classification of non-derivative and derivative homonyms of the Russian and Uzbek languages is developed. Examples of compiling word-formation nests of verbs in the Uzbek language are given, taking into account the possibility of the formation of the largest number of derivatives in the structure of nests. Consequently, fragments are shown regarding the organization of reflected homonymy in both Russian and Uzbek languages. The analysis results indicate that the phenomenon of homonymy in the Russian and Uzbek languages has regular and systemic character. The regularity of relationships and interactions of lexical paradigms of comparable languages in the formation of derivatives, in particular, reflected homonyms, is argued. An important place in this is given to homonymy, arising due to the homonymy of foundations and affixes.

Key words: homonymy, non-derivative and derivative homonyms, word-building nest, source word

Article history:

Received: 01.05.2019

Accepted: 20.09.2019

For citation:

Kurbanov, Bakhram Sh. (2019). Non-Derivative and Derivative Homonyms in the Russian and Uzbek Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 906—919. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-906-919

Актуальность вопроса заключается в том, что в настоящее время перспективным направлением лингвистики остается комплексное изучение лексических парадигм в межъязычном аспекте. Типологическое изучение проблем открывает принципиально новые возможности в обучении языкам. Несмотря на столь глубокое и многостороннее изучение, вопрос омонимии относительно их возникновения и разграничения от полисемии остается незавершенным. Традиционно вопросы разграничения омонимов от полисемии сводятся к таким причинам, как заимствование, расширение или сужение значений, семантическая деривация, или

иначе — распад полисемии, различие в наборе грамматических категорий, разное членение, генетическая связь слов, омонимия основ, омонимия аффиксов и т.д. Также общепринятыми являются причины, «приводящие к возникновению полисемии в языке: расширение значения слова, дифференциация значений, заимствования, вхождение в обиход с новым значением некогда устаревшего слова, перенос значений (метафорический и метонимический) [1. С. 71—73].

Целью исследования является определение роли словообразовательных гнезд в образовании глагольных омонимических парадигм в русском и узбекском языках.

Материалами исследования служат лексические парадигмы, приведенные в толковых, омонимических, а также словообразовательных словарях русского и узбекского языков.

Методы: эмпирический, метод классификации, сопоставительный, метод компонентного анализа.

Результаты. Многие ученые изучают явление омонимии в связи с лексикографией, морфологией и словообразованием, ибо изучение языковых явлений невозможно без учета взаимосвязи и взаимоотношений языковых уровней. Следовательно, на фоне системности, регулярности и повторяемости синонимии и антонимии следует отметить регулярные отношения омонимических парадигм.

Следует отметить мнение и определение омонимии Л.А. Новикова относительно омонимии: «на фоне полисемии с регулярностью, повторяемостью, пропорциональностью (и, следовательно, в значительной степени предсказуемостью отношений ее ЛСВ (семем), омонимия выступает в целом как категория негативная.

При омонимии семантические отношения выступают как изолированные, единичные, исключительные, трудно предсказуемые, не укладывающиеся в рамки регулярных отношений, свойственных лексико-семантическим вариантам одного слова» [2. С. 209].

По этому поводу А. И. Головня пишет: «что касается омонимии производных слов, то регулярность и предсказуемость отраженной омонимии менее высока, чем регулярность и предсказуемость отраженной синонимии, но все же достаточно высока, как и регулярность и предсказуемость словообразовательной формантной омонимии. Большинство лингвистов в настоящее время омонимия рассматривается как системная категория языка» [3. С. 132].

На наш взгляд, омонимия, и словообразовательная омонимия в целом, как явление системное и регулярное, достаточно полно отражается, анализируется, классифицируется в научных работах ученых-лингвистов.

А.Н. Тихонов, изучая проблемы омонимии, называет ее одной из сложных лексикологических, словообразовательных и лексикографических проблем. Важнейшим критерием разрешения проблем омонимии он считает внутреннюю структуру слова [13. Т. 1. С. 33].

А.С. Пардаев считает нецелесообразным изучение лексических и словообразовательных омонимов в отрыве от исследования структуры омонимических гнезд. В этой связи он предлагает следующую классификацию омонимов:

- 1) непроемные омонимы, возглавляющие омонимические гнезда;
- 2) производные омонимы в пределах одного гнезда;

3) непроизводные омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд;

4) отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд [4. С. 64].

О.С. Ахманова справедливо отмечает системный характер лексико-семантических отношений в образовании омонимов и делит их на следующие типы.

I. Слова с выраженной морфологической структурой:

- 1) омонимия основ,
- 2) омонимия аффиксов,
- 3) разная степень членимости,
- 4) различие внутренней структуры,
- 5) несовпадение (различие) по принадлежности к частям речи.

II. Исконно разные слова.

III. Разошедшаяся полисемия [14. С. 6—8].

О.Л. Рублева выделяет лексические, словообразовательные и семантические омонимы и отмечает следующие причины возникновения лексических омонимов: а) в результате заимствования одного из компонентов (*брак I—II*), б) в результате параллельного заимствования из разных языков (*гриф I—III*), в) в результате различных фонетических изменений внутри языка (*лук I—II*) [5. С. 87].

А.Н. Тихонов и А.С. Пардаев большое внимание уделяют системе производных омонимов, главным образом связывая изучение проблемы с деривационными процессами. О.С. Ахманова называет словообразовательные омонимы омонимами «с выраженной морфологической структурой», считая важным критерием классификации производных омонимов морфологическую структуру, этимологию и семантическое значение слова. Значит, критерий производности и непроизводности является одним из важных факторов в разграничении омонимии и полисемии, ибо набор производных и семантические связи в словообразовательных гнездах являются материальным выражением лексико-семантических отношений между парадигмами. Поэтому «важным средством разграничения полисемии и омонимии непроизводных слов является набор производных и семантические связи в словообразовательных гнездах. Лексикологи, разграничивающие полисемию и омонимию безотносительно к словообразовательным гнездам, хотя и руководствуются критерием близости лексических значений, наличием или отсутствием семантической связи между определенными единицами, грамматическими особенностями или пытаются выработать формальные критерии моносемии, полисемии и омонимии, в определенной мере делают это «на глазок», интуитивно. Однако производные, входящие в то или иное СГ, либо эксплицируют семантические связи с исходным словом гнезда, либо сигнализируют об их отсутствии (если гнездо неправильно составлено) [6. С. 68—72].

Непроизводные омонимы — это простые, лексические омонимы. Непроизводные омонимы являются исходными словами словообразовательных гнезд. Они возглавляют гнезда.

Рассмотрим несколько примеров непроизводных омонимов из «Словаря омонимов русского языка» О.С. Ахмановой [14] и проведем анализ данных омонимов

по «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова [13] относительно их соотношенности к словообразовательным гнездам. В словообразовательном гнезде (СГ) размещаются однокоренные слова, отражается их внутренняя структура и состав производных, что является одним из важных критериев определения омонимии. По отношению к системе словообразовательных гнезд русского языка можно выделить следующие основные типы **непроизводных** омонимов-глаголов:

1. Непроизводные омонимы, возглавляющие омонимические гнезда.

Исходные слова таких омонимов возглавляют либо разные, либо одно СГ в зависимости лексико-семантических отношений между парадигмами.

а) Глаголы-омонимы, возглавляющие **разные** словообразовательные гнезда, например: *болтать I (приводить в движение) и болтать II (пустословить); валить I (заставлять падать) и валить II (двигаться в массе, во множестве); верстать II (располагать набор) и верстать II (брать на военную службу; наделять чем-л., награждать; уравнивать); воротить I (заставить вернуться) и воротить II (поворачивать в сторону, управлять); гореть I (поддаваться действию огня) и гореть II (быть в игре горелки в роли ловащего); доложить I (официально сообщить; известить) и доложить II (добавить; кончить кладку); жать I (давить, сжимать) — жать II (срезать стебли хлебных злаков); зубрить I (механически заучивать) и зубрить II (делать зазубрины); влечь I (тянуть) и влечь II (от лечь); влиять I (воздействовать) и влиять II (устар. вливать).*

Здесь омонимичность глаголов основывается главным образом тем, что омонимы являются исходными словами разных словообразовательных гнезд, отчего следует делать вывод об их разном происхождении.

б) Глаголы-омонимы, возглавляющие **одно и то же** словообразовательное гнездо. Такие омонимы возникают на базе многозначных слов, главным критерием порождения таких омонимов является семантическая деривация: *баловать I (детей) и баловать II (от баловаться); бить I (молотком), бить II (ключом) и бить III (тревогу); валять I (сено) и валять II (шерсть); веять I (овес) и веять II (прохладой); вязать I (снопы, веники) и вязать (кофточку); гнать I (стадо) и гнать II (спирт из пшеницы); грести I (веслом) и грести II (сено); долбить I (дятел долбит дерево) и долбить II (каждый вечер уроки); драть I (одежду в клочья) и драть II (розгами; за уши).*

О.С. Ахманова справедливо отмечает, что «разграничение полисемии и «невыраженной» омонимии очень облегчается при различном происхождении сопавших комплексов и, напротив, затрудняется при общности происхождения. Кроме того, на данном этапе развития языка тот или другой процесс может оказаться незавершенным, не доведенным до конца» [7. С. 153].

2. Непроизводные омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд.

Непроизводные глаголы-омонимы такого типа вступают в омонимические отношения с производными словами, являющимися дериватами другого словообразовательного гнезда. Например: *блудить I (распутничать) и блудить II (дериват от блуждать); бродить I (дериват от брести), бродить II (дериват от брод) и бродить III (находиться в брожении); бухнуть I*

(*дериват от бух*) и *бухнуть II (набухать)*; *вешать I (дериват от вес)* и *вешать II (делать висящим)*; *влечь I (тянуть)* и *влечь II (дериват от лечь)*; *вспылить I (проявить гнев)* и *вспылить II (дериват от пыль)*; *выправить I (достать, получить какой-либо документ)* и *выправить II (дериват от править II)*; *выстегнуть I (высвободить из застёжки)* и *выстегнуть II (дериват от стегать)*; *выторочить I (окаймить, опушить чем-либо)* и *выторочить II (дериват от торока)*; *детонировать I (взрываться)* и *детонировать II (дериват от тон)*; *добреть I (полнеть, толстеть)* и *добреть II (дериват от добро I)*; *донести I (доложить, известить)* и *донести II (дериват от нести)*; *дрогнуть I (зябнуть)*, *дрогнуть II (не выдержать)* и *дрогнуть III (дериват от дрожать)*; *душить I (дериват от духи)* и *душить II (насильственно прекращать дыхание)*; *влопаться I (от влопать)* и *влопаться II (влюбиться)*.

3. Межчастеречные непроезводные омонимы. Омонимы такого типа возглавляют разные словообразовательные гнезда. Характерной чертой таких омонимов является то, что в их образовании «спорадически встречаются разные типы межчастеречной омонимии: глаголов и существительных, наречий и существительных, междометий и существительных, междометий и наречий [8. С. 71—73]. Однако главным образом в организации таких омонимов участвуют глагол и существительное: *выть I (глагол.)* и *выть (сущ.)*; *мочь I (глагол.)* и *мочь II (сущ.)*; *пасть I (глагол.)* и *пасть II (сущ.)*; *есть I (глагол.)*, *есть II (имеется)*, *есть III (буква)* и *есть IV (межд. Будет выполнено)*; *знать I (глагол.)* и *знать II (сущ.)*; *печь I (глагол.)* и *печь (сущ.)*; *бить (глагол.)* и *бить (сущ.)*.

Более разнообразной и разносторонней представляется организация **производных** омонимов русского языка. Всякое производное слово, в том числе производные омонимы — результат деривационных процессов. Производные омонимы — это словообразовательные омонимы или просто членимые слова, независимо от их морфематического строения и словообразовательной структуры.

Важную роль в организации производной омонимии выполняют словообразовательные гнезда. Как отмечает А.Н. Тихонов, «словообразовательные гнезда участвуют в системной организации всех единиц лексики, в координации их отношений. С ними связаны все отраженные явления в лексике — «отраженная синонимия», «отраженная омонимия», «отраженная антонимия», «отраженная полисемия» («отраженная метафора», «отраженная метонимия») и др. [9. С. 4].

В традиционном языкознании словообразовательную омонимию часто используют наравне с лексическими и морфологическими омонимами, часто относят к ним просто производные и членимые слова. Следует отграничивать словообразовательные омонимы от производных омонимов, созданных на базе лексических омонимов, а также омонимов, имеющих разное членение. Закономерно, что производное слово состоит из двух составляющих частей — производящей основы и словообразующего аффикса. Внутренняя структура слова всегда «подсказывает» о семантической и морфологической близости омонимических слов. Имея совпадающие внешние части, словообразовательные омонимы обладают разной словообразовательной структурой. Словообразовательные омонимы должны иметь совпадающие омонимические компоненты. Иначе они не могут быть отнесены

к словообразовательным омонимам, например, нельзя относить к словообразовательным омонимам, как отмечает А.Н. Тихонов, следующие парадигмы: *составить* (акт) и *со-ставить* (что-либо с чего-н.), *за-жить* (начать жить) и *зажить* (рана зажила), *вы-глядеть* (высмотреть) и *выглядеть* (хорошо), *пере-бить* (посуду) и *перебить* (собеседника), *до-нести* — *до-носить* (до дома) и *донести* — *доносить* (сделать донос на кого-н.) [9. С. 48]. У этих омонимов не совпадают по структуре ни производящие основы, ни словообразовательные аффиксы.

О.С. Ахманова справедливо констатирует, что «при бесчисленном разнообразии отдельных случаев существования следующих четырех основных категорий можно считать не вызывающим сомнения, а именно: 1) частичная омонимия видовых форм, приставочная омонимия (т. е. омонимия, возникающая вследствие омонимии приставок при тождестве корневой морфемы), 3) омонимия корневой морфемы при тождестве префиксальной и, 4) омонимия обеих морфем [7. С. 144].

Следовательно, словообразовательными следует считать омонимы, если у них совпадают обе части слова или одна из них — основа или словообразующий аффикс, что способствует появлению корневой и аффиксальной омонимии производных слов. Если в парадигмах *за-брызгать* (начать брызгать) и *за-брызгать* (покрыть брызгами) представляется омонимия префиксов, то в парадигмах *вы-жать* (сок) и *вы-жать* (рожь) омонимичными являются основы слов, а также в соотношениях *за-топить* (печь) и *за-топить* (погреб водой) омонимичными являются обе части производных глаголов.

Исходя из множества особенностей явления омонимии глаголов в русском языке А.Н. Тихонов выделяет несколько типов производных омонимов: 1) омонимы, возникшие на базе лексических омонимов; 2) омонимы, созданные на базе однокоренных слов; 3) омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных и не однокоренных слов, основы которых совпадают, когда они участвуют в словообразовании [9. С. 49].

Нами в целом принимается классификация словообразовательных омонимов русского языка, разработанная А.Н. Тихоновым, однако с некоторыми терминологическими и фактическими уточнениями. В частности, омонимы, созданные на базе созвучных, но не омонимичных и не однокоренных слов, производящие основы которых совпадают в процессе деривации, являются важным звеном омонимов в системе языковых единиц русского языка.

По предлагаемой нами классификации **производные** глагольные омонимы делятся на следующие типы: 1) отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд; 2) производные омонимы в пределах одного гнезда; 3) омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных слов.

Омонимы этих групп главным образом образуются от основ непроеизводных омонимов, возглавляющих словообразовательные гнезда, а также от непроеизводных омонимов, противопоставленных производным в составе разных гнезд. Кроме того, все производные омонимы этих двух типов отражают омонимичность своих производящих, которые относятся к одной и той же части речи. Отметим, что изучение явления отражения впервые было начато В. В. Виноградовым именно на материале омонимии [10. С. 53—119].

4. Отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд. К этой группе относятся производные глагольные омонимы, производящими которых являются **исходные слова разных** словообразовательных гнезд: *болтнуть I (однокр. к болтать I) и болтнуть II (однокр. к болтать II), заболтать II (размешать что-либо в жидком) и заболтать III (на своем языке), вывалить I (седока из экипажа) и вывалить II (толпа вывалила из переулка), выжать I (белье) и выжать II (целое поле пшеницы), винтить I (скреплять винтом) и винтить II (сыграть в(карты) винт).*

Сюда же относятся омонимы, производящими которых являются непродуцируемые омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд: *заблудить I (от блудить I) и заблудить II (блудить II от блуждать), выбродить I (бродить I от брести), выбродить II (бродить II от брод) и выбродить III (вино, от бродить III), вывесить I (от вес) и вывесить II (от вешать II), обвесить I (от вес) и обвесить II (от вешать II), видать I (вводн.сл. очевидно, по-видимому) и видать II (от видеть много раз видеть), развить I (развернуть свитое) и развить II (способствовать физическому и духовному росту).*

5. Производные омонимы в пределах одного гнезда. К этой группе относятся производные омонимы, производящим для которых служит один и тот же глагол, являющийся исходным словом гнезда. Омонимия при таких парадигмах возникает благодаря омонимичности основ, аффиксов или одновременно — основ и аффиксов. Приведем примеры омонимии **основ**, например: *выдрать I (стражицу) и выдрать II (мальчишку розгами), побудить I (разбудить) и побудить II (склонить к чему-либо), привить I (пересадить часть одного растения на другое; ввести вакцину) и привить II (свивая, прикрепить к чему-либо).*

Особенно продуктивен этот тип благодаря омонимии аффиксов, в частности, для глаголов с **приставками за-, по-, на-, с-, про-, пере-** и др. Например: *забить I (начать бить) и забить II (глубоко вбить; убить), заболтать I (начать болтать) и заболтать II (размешать что-либо в жидком), забрызгать I (начать брызгать) и забрызгать II (запачкать), завалять I (начать валять) и завалять II (запачкать), навалить I (сделать небрежно) и навалить II (валять во множестве), отварить I (приготовить варкой) и отварить II (отделить нагреванием), приварить I (добавить варкой) и приварить II (прикрепить сваркой), сварить I (приготовить (пищу) кипячением) и сварить II (соединить, расплавив края), довозить I (окончить возку) и довозить II (несов.), завозить I (начать возить) и завозить II (испачкать), отвозить I (кончить возить) и отвозить II (несов.), перевозить I (перевезти всех, многих) и перевозить II (несов.), провозить I (возить некоторое время) и провозить II (несов.), свозить I (отвезти и привезти) и свозить II (несов.), увозить I (сильно запачкать) и увозить II (несов.), заверстать I (типограф.) и заверстать (забрать на военную службу), (наверстать I (типограф.) и наверстать II (уравнивать), заводить I (начать водить) и заводить II (вода, утолить), сводить I (отвести и привести обратно) и сводить II (помогать, заставляя спуститься вниз; собирать в одно место; помогать познакомиться), завеять I (начать веять) и завеять II (засыпать; унести ветром), повить I (обвить) и повить II (вить некоторое время), свить I (изготовить путем витья) и свить II (соединить путем витья).*

Нужно подчеркнуть важность омонимических парадигм, которые возникают благодаря омонимии словообразующих **суффиксов**: *верстаться I (типограф.)* и *верстаться II (награждаться)*, *важивать I (от везти)* и *важивать II (от вести)*.

Особое место в образовании омонимических парадигм, имеющих отношение к отраженной омонимии, занимают глаголы поливершинных асимметричных гнезд. Как отмечает Р.Р. Атаева, «наиболее активны в словообразовательном отношении лексические варианты-глаголы фонематического типа **хватать // хватить, сажать // садить, тонуть // топнуть, тускнуть // тускнеть, шнырять / шнырить, цепенеть // цепенить**, которые могут содержать и до 70 производных в первом подгнезде и 4—5 во втором» [11. С. 23—31].

Эти глаголы образуют множество омонимических парадигм, способных представлять омонимию, имея в качестве исходных слов лексические варианты глаголов. Например, в гнезде поливершинных глаголов **хватать//хватить** образованы следующие омонимические парадигмы: захватывать I и захватывать II, хватываться I и хватываться II, перехватывать I и перехватывать II, расхватывать I и расхватывать II и т. д.

Следует отметить, что вопросы определения границы полисемии и омонимии, производных и непроизводных глаголов в отношении словообразовательных гнезд в русском языке остаются незавершенными. Свидетельством тому служат случаи, выявленные в ходе исследования структуры непроизводных и производных глаголов. Например, омонимические парадигмы *драть I* и *драть II* в словаре омонимов О.С. Ахмановой приводятся как омонимы, соответственно, являются производящими для производных глаголов *выдрать I* и *выдрать II*. В словообразовательном словаре А.Н. Тихонова глагол *драть* является исходным словом гнезда, омонимичных парадигм не имеет. Глаголы *выдрать I* и *выдрать II* приведены как производные от *драть* в пределах одного гнезда. В толковом словаре С.И. Ожегова *выдрать I* и *выдрать II* даны как два значения одного слова *драть*.

Омонимические парадигмы *верстать I* и *верстать II* в словообразовательном словаре А.Н. Тихонова приведены в качестве непроизводных омонимов как исходные слова разных гнезд, а также имеют несколько производных омонимов. В словаре омонимов О.С. Ахмановой материалы относительно этих глаголов не отражены.

6. Производные омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных слов. По классификации А.Н. Тихонова это единственный тип словообразовательных омонимов, возникающих в результате случайного совпадения членения производных основ относительных прилагательных: *метельный I (от метла)* и *метельный II (от метель)*; *душевой I (от души)* и *душевой II (от душа)*; *кремнистый I (от кремень)* и *кремнистый (от кремний)* [9. С. 52].

На наш взгляд, сюда следует отнести глагольные производные омонимы, производящими которых являются созвучные, но не омонимичные глаголы русского языка, например: *кусать* и *кушать*, *месить* и *мешать I—II*, *мести* и *метать I—II*. В словообразовательных гнездах данных парадигм образуется множество омонимичных слов. Однако они не имеют отношения к отражению в силу отсутствия омонимичности исходных слов их гнезд.

В узбекском языке **непроизводные** глагольные омонимы образуются главным образом от основ глаголов. Известно, что инфинитив в узбекском языке выражается при помощи суффикса **-моқ**, что соответствует русскому показателю инфинитива **-ть**. Однако в словаре омонимов узбекского языка Ш. Рахматуллаева, который является единственным словарем омонимов общего характера, глаголы приведены в форме повелительного наклонения, например *оз* вместо *озмоқ* [15. С. 92]. Причиной такого подхода является то, что повелительная форма глагола меньше инфинитивной формы по своему морфемному составу. Следовательно, в словаре приведена наименьшая значимая часть слова.

Непроизводные омонимы узбекского языка, по классификации Ш. Рахматуллаева, делятся на два основных вида: 1) омонимия как результат совпадения плана выражения; 2) омонимия как результат расширения лексического значения. Совпадение плана выражения предусматривает возникновение трех разных видов омонимии: 1) омонимия между узбекскими лексемами; 2) омонимия между узбекскими и заимствованными лексемами; 3) омонимия между заимствованными лексемами.

Ш. Рахматуллаев делит производные омонимы узбекского языка на два вида:

- 1) омонимы, состоящие из непроизводной и производной лексем;
- 2) омонимы, состоящие из производных лексем.

Омонимы второй группы делятся на два подвида:

- 1) омонимы, образованные от одной лексемы;
- 2) омонимы, образованные от разных лексем.

Обе последние группы омонимов, следовательно, делятся на подгруппы по участию в их образовании одних и тех же или разных аффиксов [12. С. 133].

На наш взгляд, одним из основных критериев определения границ омонимии и полисемии служат лексикографические описания словообразовательных гнезд. Взаимоотношения лексем узбекского языка в словообразовательных гнездах представлены в «Учебном словообразовательном словаре узбекского языка» Б. Менглиева [16].

Предлагаемая нами классификация, применимая по отношению к глагольным омонимам как русского, так и узбекского языков, предусматривает следующие виды непроизводных и производных омонимов.

1. **Непроизводные омонимы, возглавляющие омонимические гнезда.**

Сюда можно включить омонимические парадигмы, возглавляющие разные или одно и то же словообразовательные гнезда.

а) Глаголы-омонимы, возглавляющие **разные** словообразовательные гнезда: *бела I* (*укладывать в узбекскую колыбель*) и *бела II* (*запачкать, выпачкать в чем-то*), *бит II* (*кончатся, заканчиваться*), *бит III* (*уродиться*) и *бит IV* (*написать*), *бўл I* (*делить, разделять*) и *бўл II* (*быть*), *ёз II* (*писать*), *ёз III* (*разостлать, стелить*), *ёз IV* (*устар. провиниться, прогрезиться*) и *ёз V* (*вспом. гл.*), *ёқ II* (*зажигать*) и *ёқ III* (*нравиться*), *сўк II* (*распороть*) и *сўк III* (*ругать, бранить*), *сўр I* (*сосать*) и *сўр II* (*устар. спрашивать*), *уюш I* (*объединиться, организоваться*) и *уюш II* (*запекаться*), *чоп I* (*бежать, скакать*) и *чоп II* (*рубить; окучивать*), *элт I* (*относить, отвозить, доставлять*) и *элт II* (*вмещать*).

б) Глаголы-омонимы, возглавляющие **одно и то же** словообразовательное гнездо. Главным критерием порождения таких омонимов является семантическая деривация: *бер I (давать, предоставлять) и бер II (вспом. глаг. значения завершенности; продолжительности действия), бич I (кроить) и бич II (кастрировать, холостить), боқ I (смотреть; кормить, откармливать) и боқ II (выполнение действия с целью проверки), ёп II (закрыть) и ёп III (печь), оз II (худеть), оз III (слабеть) и оз IV (сбиваться), орт II (грузить, погружать) и орт III (увеличиваться), сур V (сдвинуть) и сур VI (смазать), тириш I (морищаться) и тириш III (стараться, усердствовать), тол II (уставать, утомляться) и тол III (погружаться в раздумье), туй I (толочь, обдирать шелуху) и туй II (чувствовать), пиши I (доходить до степени готовности; натренироваться) и пиши II (окутать), суз I (цедить, процеживать), суз II (раскладывать на блюда), суз III (щурить глаза, кокетливо), суз IV (плавать) и суз V (бодать), чақ I (колоть, расколоть) и чақ II (жалить), чек V (тянуть; ставить, выводить) чек VI (курить), эш II (вить, скручивать) и эш III (грести), яраш I (мириться) и яраш II (подходить, быть к лицу).*

2. Непроизводные омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд. Непроизводные глаголы такого типа омонимизируются с производными омонимами, являющимися дериватами другого словообразовательного гнезда: *яра I (ёр — разделить на два + а — суффикс суц.) — яра II (годиться); тезла I (от тез «ускорять») и тезла II (от тезла «ремонттировать»).*

3. Межчастеречные производные омонимы. Следует отметить, что автор включает в один ряд омонимы, имеющие разное частеречное происхождение, что приводит к появлению главным образом межчастеречных омонимов. Межчастеречные омонимы составляют большую часть парадигм словаря омонимов узбекского языка. Они образуются от существительного, глагола, прилагательного, наречия и других частей речи: *от I (лошадь), от II (имя, наименование) и от III (кидать); сол I (плот), сол II (класть во внутрь) и сол III (вспомогательный глагол), ел I (ветер(ок), ел II (водяной рак, нома) и ел III (мчатся); оч I (голодный), оч II (светло-) и оч III (открывать), уч I (кончик), уч II (числ. три) и уч III (летать) и т.д.*

Производные глаголы-омонимы в узбекском языке образуются как от основ глаголов, так и от основ именных частей речи. Производные глагольные омонимы в основном образуются путем присоединения к основе суффикса **-ла, -а**. Следует отметить универсальное для русского и узбекского языков явление отраженной омонимии, ибо в узбекском языке, как и в русском, производные глагольные омонимы отражают омонимичность своих производящих.

4. Отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд. К этой группе относятся производные глагольные омонимы, образованные на базе лексических омонимов, производящими которых являются **исходные слова разных** словообразовательных гнезд: *газла I (мерить) и газла II (газировать), бўша I (опоразниваться) и бўша II (расслабнуть), дастала I (придывать ручку, рукоятку) и дастала II (собирать в пучки, в букет), кўкла I (прорасти) и кўкла II (наметывать, прошивать крупными стежками), сиркала I (гнида) и сиркала (мариновать), товла I (греть) и товла II (скрутить), чогла I (прикинуть) и чогла II (приподнять, улучшить).*

5. Производные омонимы в пределах одного гнезда. К этой группе относятся производные омонимы, производящим для которых служит один и тот же глагол, являющийся исходным словом гнезда. Омонимия при таких парадигмах возникает благодаря омонимичности основ, аффиксов или одновременно — основ и аффиксов: *бетла I (осмелиться, сметь) и бетла II (пронумеровать страницы рукописи), бошла I (начинать), бошла II (спец., поставить новые союзники) и бошла III (вспом. глаг., приступить к действию, означаемому основным глаголом), дамла I (тушить) и дамла II (заваривать).*

6. Производные омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных слов. Сюда следует отнести омонимические парадигмы производных глаголов, образованных от созвучных, но не омонимичных слов. Об отсутствии омонимии производящих слов таких парадигм свидетельствует их разное членение: *ўт-а-моқ I (очищать от сорняков) и ўта-моқ II (исполнять), яраш-моқ I (мириться) и яра-ш-моқ II (быть к лицу), уюш-моқ I (объединяться) и ую-ш-моқ II (затекать, неметь).*

Заключение

Таким образом, следует подчеркнуть, что явление омонимии в русском и узбекском языках имеет регулярный и системный характер. Особенно регулярны взаимоотношения и взаимодействия в образовании производных, в частности, отраженных омонимов. Важное место занимает при этом омонимия, возникающая благодаря омонимии основ и аффиксов. Если производность глагольных омонимов русского языка характеризуется активным участием префиксов и суффиксов, то в узбекском языке производные глагольные омонимы в основном образуются при помощи суффиксов **-ла, -а**. В отличие от русского, в узбекском языке образование производных омонимов префиксальным способом является непродуктивным. Омонимы русского и узбекского языков можно образовать как от основ глаголов, так и от основ других частей речи: имени существительного и прилагательного и др. Русский и узбекский языки, как разносистемные и неродственные языки, имеют много общего в области омонимии. Об этом свидетельствует представленный анализ омонимов сопоставляемых языков, проведенный на основе общих для двух языков критериев.

Библиографический список

1. *Хасанов Э.Р.* Факторы, определяющие развитие полисемии. Русский язык и литература в Узбекистане, 2016 // Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения М.А. Булгакова. Ташкент: НУУз, 2016. С. 133—134.
2. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
3. *Головня А.И.* Омонимия как системная категория языка. Минск: БГУ, 2007.
4. *Пардаев А.С., Курбанов Б.Ш.* Типология омонимов и омонимические словообразовательные гнезда в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд: СамГУ, 2015. С. 64—68.
5. *Рублева О.Л.* Лексикология современного русского языка. Владивосток. ДВГУ, 2004.

6. Пардаев А.С., Кодирова З.А. Словообразовательные гнезда как критерий разграничения непроемных омонимов в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы традиционного Республиканского семинара в рамках Узбекстанской научной школы русского словообразования. Ташкент: НУУз, 2016. С. 68—72.
7. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957.
8. Мирзаева Ш.Р., Усманова С.Ю. Омонимы русского языка в частеречном аспекте. Русский язык и литература в Узбекистане, 2016 // Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения М.А. Булгакова. Ташкент: НУУз, 2016. С. 71—73.
9. Тихонов А.Н., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. Ташкент: Фан, 1989.
10. Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явление омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. М.: Наука, 1968. С. 53—119.
11. Атаева Р.Р. Структурное своеобразие русских поливершинных словообразовательных гнезд асимметричного типа // Вестник Челябинского университета, Филологические науки. 2019. № 6 (428). Вып. 117. С. 23—31. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10603.
12. Турсунов У., Мухторов А., Рахматуллаев Ш. Хозирги ўзбек адабий тили. Тошкент: Ўзбекистон, 1992.

Словари

13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. М.: Русский язык, 1985.
14. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М.: Русский язык, 1974.
15. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тили омонимларининг изохла луғати. Тошкент: Ўқитувчи, 1984.
16. Менглиев Б., Бахриддинова Б., Холиёров Ў., Зарипова М., Хушвақтов М. Ўзбек тилининг сўз ясашиши ўқув луғати. Тошкент: Янги аср авлоди, 2008.

References

1. Xasanov, E.R. (2016). Factors determining the development of polysemy. Russian language and literature in Uzbekistan — 2016 In *Materials of the Republican scientific-practical conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of M. A. Bulgakov*. Tashkent: National University of Uzbekistan. pp. 133—134. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (1982). *Semantics of the Russian language*. Moscow. (In Russ.).
3. Golovnya, A.I. (1974). *Homonymy as a systemic category of language*. Minsk: Belarusian State University. (In Russ.).
4. Pardaev, A.S. & Kurbanov, B.Sh. (2015). Typology of homonyms and homonymic word-building nests in the Russian language In *Actual problems of Russian word-formation*. Samarkand: Samarkand State University. pp. 64—68. (In Russ.).
5. Rubleva, O.L. (2004). *Lexicology of the modern Russian language*. Vladivostok: Publishing house of DVGU. (In Russ.).
6. Pardaev, A.S. & Kodirova, Z.A. (2016). Word-building nests as a criteria for distinguishing non-derivative homonyms in the Russian language In *Actual problems of Russian word-formation. Materials of a traditional republican seminar in the framework of the Uzbek scientific school of Russian word formation*. Tashkent: National University of Uzbekistan. pp. 68—72. (In Russ.).
7. Akhmanova, O.S. (1957). *Essays on General and Russian Lexicology*. Moscow: Publishing house of Uchpedgiz. (In Russ.).

8. Mirzaeva, Sh.R. & Usmanova, S.Yu. (2016). Homonyms of Russian language in the frequency aspect. Russian language and literature in Uzbekistan, 2016 In *Materials of the Republican scientific-practical conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of M.A. Bulgakov*. Tashkent: National University of Uzbekistan. pp. 68—71. (In Russ.).
9. Tixonov, A.N. & Paradaev, A.S. (1989). The role of nests of root words in the systemic organization of Russian vocabulary. Reflected synonymy. Reflected homonymy. Reflected Anthony. Tashkent: Publ. Fan. (In Russ.).
10. Vinogradov, V.V. (1968). Problems of the morphemic structure of the word and the phenomenon of homonymy in Slavic languages In *Slavic linguistics. 6th international congress of Slavists*. Moscow: Nauka. pp. 53—119. (In Russ.).
11. Ataeva, R.R. (2019). The Structural Peculiarity of the Russian Vertex Derivational Nestsof Asymmetrical Type. *Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology Sciences*, 6 (428), Iss. 117, 23—31. (In Russ.). DOI 10.24411/1994-2796-2019-10603. (In Russ.).
12. Tursunov, U., Muxtorov A. & Raxmatullaev, Sh. (1992). *Modern Uzbek literary language*. Tashkent: Uzbekistan. (In Uzb.).

Dictionaries

13. Tixonov, A.N. (1985). *Word formation dictionary of Russian language*. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.).
14. Axmanova, O.S. (1974). *Dictionary of homonyms of the Russian language*. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.).
15. Raxmatullaev, Sh. (1984). *Explanatory dictionary of homonyms of the Uzbek language*. Tashkent: Oqituvchi. (In Uzb.).
16. Mengliyev, B., Bahriddinova, B., Xoliyorov, O'., Zaripova, M. & Xushvaqtov, M. (2008). *Word-formation dictionary of the Uzbek language*. Tashkent: Publ. Yangi asr avlodi. (In Uzb.).

Сведения об авторе:

Курбанов Бахрам Шукриевич, докторант, младший научный сотрудник Узбекского государственного университета мировых языков; *e-mail*: kurbanov.baxram@bk.ru.

Information about the author:

Bakhran Sh. Kurbanov, PhD student of the Uzbek State University of World Languages; *e-mail*: kurbanov.baxram@bk.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-920-946
UDK [811.111:811.411.21]276:654.197

Научная статья / Research article

TV Live Reporting: a Pilot Study in Contrastive Genre Analysis

Amr M. El-Zawawy

Alexandria University
El-Guish Road, El-Shatby, Alexandria, Egypt, 21526
amrzuave@yahoo.com

TV live reporting or otherwise on-the-spot reporting is a sub-genre of TV journalism, but it is characterized by liveness and immediacy. The present paper focuses on the sub-genre of live reporting from the point of view of genre analysis within a contrastive framework. It makes use of two corpora of live reporting videos in English and Arabic, and analyzes them, both electronically and manually, according to a modified version of Bhatia's approach to genre analysis (1993; 2002; 2012). It was found that TV correspondents maximize the use of first person pronouns that reflect the fact that they are reporting from the scene. They likewise tend to use hyperboles (see Geis, 1987). They also create an atmosphere of excitement by starting their reports by rising intonation patterns, but later on either resort to level routine delivery or attempt to project a certain attitude through a falling tone. English or English-speaking correspondents follow a generic structure where a spatial, temporal or opinion-centered setting is provided first, then follows the detailed body of narrative then finally the recapitulation. Arab correspondents, in contrast, directly go to the specifics of their reports, leaving the listeners without any trace of an introduction, and likewise clinch their reports abruptly by addressing the presenters.

Key words: TV; TV live reports; correspondents; genre analysis; contrastive analysis

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.09.2019

For citation:

El-Zawawy M., Amr (2019). TV Live Reporting: a Pilot Study in Contrastive Genre Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 920—946. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-920-946

© El-Zawawy M. Amr, 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК [811.111:811.411.21]’276:654.197

Телевидение: прямой репортаж (пилотное исследование в контрастивном жанровом аспекте)

Амр М. Эль-Завави

Университет Александрии

El-Guish Road, El-Shatby, 21526 Александрия, Egunet

amrzuave@yahoo.com

Репортажи в прямом эфире или, иным образом, репортажи на местах являются поджанром телевизионной журналистики. Настоящая статья посвящена анализу данного поджанра в сопоставительном аспекте на основе подхода Бхатии к жанровому анализу (1993; 2002; 2012). Выяснилось, что телевизионные корреспонденты максимально используют личные местоимения первого лица; они также склонны использовать гиперболы (см. Geis, 1987). Они также корреспонденты создают атмосферу волнения в своих репортажах за счет повышения интонации. Англоязычные корреспонденты следуют общей структуре, в которой сначала указывается пространственная, временная или ориентированная на мнение обстановка, затем следует подробный текст повествования и, наконец, повторение. Арабские корреспонденты, напротив, напрямую обращаются к специфике своих отчетов, оставляя списки без каких-либо следов введения, а также резко обрезают свои отчеты, обращаясь к докладчикам.

Ключевые слова: телевидение; телевизионный репортаж; корреспондент; жанровый анализ; контрастивный анализ

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.09.2019

Для цитирования:

Эль-Завави М. Амр Телевидение: прямой репортаж (пилотное исследование в контрастивном жанровом аспекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 920—946. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-920-946

1. Introduction

News reporting is a broad genre that includes sub-genres, so to speak, such as news presenting, TV journalism and on-the-spot news reporting. The last two instances, however, pose some questions. TV journalism is now regarded as a genre (see Harrison and Nascimento, 2013), which includes TV interviews, live reporting and TV documentaries. Thus, it can be said that live reporting or otherwise on-the-spot reporting is a sub-genre of TV journalism, and is characterized by live liveness and immediacy. There are views (especially Bhatia, 2002), though, that consider media discourse as a whole a system of genres that includes news reports as part of it, and which in turn includes inter alia live reporting or on-the-spot reporting. Despite this classification, it can be stated that live reporting is markedly a noticeable sub-genre that depends mainly on the veracity brought about by the effect of being there in situ and providing information live. It is the construction of reality that makes live reporting a special form or sub-genre of TV journalism (cf. Hansen, 2004).

Live reporting is also characterized by ‘verbal visuality’ (see Harrison and Nascimento, 2013) and proximity, whether temporal or spatial (Huxford, 2007). These

two features render live reporting as a factual and truthful construction of reality to a great extent. The correspondent stands there in front of the camera, speaking from the scene to join the presenter and provide the latest updates. This practice is typically known as ‘going live’ by media practitioners and has its institutional context as well as linguistic features that make up that sub-genre.

The present paper focuses on the sub-genre of live reporting from the point of view of genre analysis within a contrastive framework. It makes use of two corpora of live reporting videos in English and Arabic, and analyzes them according to a modified version of Bhatia’s approach to genre analysis (1993; 2002; 2012). The modification was triggered by the fact that Bhatia’s approach did not lay much emphasis on orality or verballity (Harrison and Nascimento, 2013) as a key feature in genre analysis. The component of orality or verballity is indeed as constitutive of live reporting as other linguistic features that make that sub-genre stand out.

Given the dearth of linguistic studies on this sub-genre, the present paper aims at discovering the generic linguistic and paralinguistic features (namely intonation, fillers and pauses) of live reporting in both English and Arabic with the use of manual and computerized methods.

2. Trends in TV liveness

Tolson (2006, p. 11) defines liveness as sources or broadcast talent having to ‘look lively’. He links this notion to the fact that some TV encounters are scripted, but appear as live. He (2006, p.11) describes these encounters as “performances which are like acting in some ways, but are not ‘actorly’”. Bourdon’s (2000) views are also taken into consideration, particularly the distinction he draws between ‘fully live’, ‘continuity’, ‘edited’ and ‘fiction’. According to him, ‘fully live’ means that the encounters where the TV cannot be but live: events are scheduled to be live long ago and spectators are told so beforehand. Any diversion from this definition leads to questioning the ‘liveness’ of any TV event. It is this definition which will be the benchmark for the present study: liveness is any event that is broadcast directly in real time, without any scripted content or lapses, i.e. done or delivered impromptu.

Despite the fact that a number of studies focused on live reporting as a sub-genre worthy of investigation, many of them adopted a non-linguistic orientation. This may be attributed to the catchy term of ‘liveness’, which remained at the center of interest for a considerable period of time.

Geis’s (1987) study is a classical one, i.e. written 29 years ago. It provides the linguistic aspects of TV journalism alongside those of TV live reporting. Geis contends that the main advantage of TV journalism is the ability to show people everything anywhere and anytime. This creates immediacy which print journalism cannot achieve. He also offers his opinion on live reporting as posing certain problems, especially ‘loss of taste’ (Geis’s term) and loose sentences as well as correspondents who appear to speak of their own accord without focusing on the situation they report. What is significant about Geis’s study, though, is his detailing of the linguistic features that make TV live reporting remarkable. These features include reporters’ metaphors, hyperboles, non-sequiturs and quotations.

Higgins (1991) adopted the same trend of focusing on the linguistic mode of analysis. She discusses the discursive practices of broadcast news, and fuses the live reporting mode with the newsreader discourse. The interesting point is that she notes that reporters can ask questions and pave the way for more information. Higgins also concludes that language can be considered as part of the news itself. It both confirms and consolidates the ideological organizations that shape it, as well as being used to manipulate people and to establish and maintain them in economically convenient roles and statuses. Thus, the linguistic analysis of news, she maintains, has to provide a valuable means of revealing ideological processes in the production of discourse and it can act as a means of partially demystifying the discursive practices and functions of broadcast news.

However, this linguistics-oriented approach was abandoned by other researchers later in the 1990s and throughout the 2000s, with a view to co-mingling the value and dimensions of TV live reporting with snatches of linguistic observations. A major study in that direction is Dunsmore's (1996). He sees that live television coverage from the battlefield raises major security, political and journalistic questions. These questions are tackled by Dunsmore throughout his study through interviews with experienced reporters. These questions, which he carefully answers, include the likely military consequences of TV live reporting (especially mistakes that are made by live reporters and might lead to public backlash), which might jump to conclusions about events that have not yet finished, and may thus endanger operational security. Dunsmore concludes that live coverage from the battlefield has to be done regardless of the consequences, and military and operational security is usually at stake.

Another study which touches upon TV live reporting is Barnhurst and Steele's (1997). They revisit the then new technologies used in the coverage of the US elections from 1968 to 1992. They see TV live reporting as managed through running pictures while the reporter speaks, which is a practice that was not there in the 1960s. This gives TV an edge over any other means of reporting news, since the radio at that time depended on voice only. Their study is based on coding the length any journalist appear on the screen while reporting the US presidential elections, using shots as units of analysis, namely around 1,064 shots. The scope of the study included the journalist's relative size, any motion (of journalist, camera, or environment), and the background (plain, studio set, technical equipment, full-screen chroma key, or on-location). They also studied close-ups and long shots. Through detailed statistical analyses, they found out that in 1992, presidential candidates tried to divert the growing influence of major television news stations. The Bush campaign worked through local news and provided satellite feeds to small groups and individual stations. The Clinton campaign not only exploited alternatives such as "Arsenio" and "Saturday Night Live" but aggressively analyzed network coverage and set a daily agenda to dominate the 'media spin'. Barnhurst and Steele also conclude that the visual changes in network news had implications for American presidential Campaigning, for TV journalists became important actors in media elections, their own images appearing frequently and with greater impact in news reports.

Bourdon's (2000) study offers valuable discussions on the topic of TV liveness in a new key. He opines that current TV theories attach much less importance to liveness in broadcasting. Although recurrent in many titles of TV programs in USA and France, 'liveness' is a term that has lost some of its value. It was meant to defeat through the image the limitations of time and space, yet TV live programs cannot guarantee

truth and authenticity at the same time. As Bourdon (p. 533) contends, the indices of talking directly to the viewers or editing remain to predominate the discussion on what liveness is. However, he sees liveness as a varying notion ('live shots', 'live singing', etc.) that has the common core of a connection of people to people. This, in turn, leads to making all 'voices' (compare Fairclough's study below) subservient to the image broadcast.

Marriott (2000) followed a similar line of Bourdon's (2000), where she argued, within the context of election nights broadcasts, that there are two extremes when tackling the issue of liveness. There is the 'ontologically pure' event, unaffected by the presence of the camera, and at the other end, there are the studio-based discussions. Between these two extremes lie numerous forms that are not strictly live. Marriott (p. 146) also sees interconnectivity as giving rise to the 'co-articulation of participants at spatially diverse sites'.

In 2003, Fairclough published his seminal book *Analysing Discourse*. Although the book broadly discussed discourse analysis in its textual and social contexts, it included insights into news discourse analysis and TV live reporting as an important part of it. Fairclough provides lengthy extracts from TV news reports where correspondents speak on the spot. He does not directly focus on the linguistic features that constitute the correspondent's speech, but rather discusses two concepts, namely voice and framing. A voice is a term used to refer to the identity of the speaker though it may as well refer to other speakers or identities not physically present in a text but are hinted at. Moreover, voices have to be recontextualized in order to show their differences. As for framing, it refers to how other voices are incorporated in a text and thus require a context in the same text. Fairclough applies the two terms to a BBC reporter's and correspondent's interview on the Libyan government in the 2000s. The antagonist-protagonist structure of the news report is achieved through the analyses of conjunctions, sentence structure and textual patterning. However, this method is more CDA-oriented, and does not afford to present a generic-based analysis. The emphasis on power and voice is a second step to highlighting the generic properties of live TV reporting. Such properties need to be outlined first for CDA to be properly carried out.

Andersson's (2003) study followed a line similar to Fairclough's book, and situated TV live reporting within the context of news reporting in BBC and Fox News. The study depended on two broadcasts from BBC and Fox News on the Staten Island fire, which broke out on February 21st, 2003. Andersson discusses discourse authority, voice, management, hedging, presuppositions and code-switching by relying on Fairclough *Media Discourse* (2002). In the course of her analysis of these features, she touches upon the roles played by presenters and correspondents in both channels. She concludes that BBC correspondents usually confirm what the presenter or news reporter says in their answers, and through live pictures, they gain more credibility. The Fox News correspondent, however, vividly describes what he sees on the screen while delivering his report. This is reflected with the use of vocabulary, voice and code-switching.

Thussu's (2003) study also focused on TV live reporting but in the context of war and infotainment. He provides reasons for live coverage such as the pressure of unfolding news and the deadlines that TV journalists have to meet when investigating a news story. However, Thussu criticizes TV live reporting, since hasty accounts are taken to detriment the quality of the news products offered. She also notes that the pressure

of finding up-to-date information to present in live reports, especially about wars and conflicts, has led to depending on ‘gangreporting’, which consists of rumors.

Montgomery (2006) offered a seminal view on TV live reporting. He focused on the changing discourses of the news in mainstream public service broadcasting, especially the case of Andrew Gilligan. Montgomery introduces the notion of ‘two-way’ TV broadcasts, i.e. unscripted TV reports, and compares it to regular news presenting. Montgomery (p. 240) recognizes TV live broadcasts as a ‘sub-genre that most emphasizes the capacity to collapse the deictic spaces of the news between the ‘there-then’ of the event and the here-now of its enunciation’. Thus, he observes a number of ‘linguistic’ properties that distinguish the ‘voice’ of two-way broadcasts such as markers of propositional attitude/personal point of view, modality choices, hypothetical conditioning, speculativeness, and the degree of colloquialism.

Huxford (2007) tackled TV live reporting from a different angle. He discusses the paradox of proximity in what he calls ‘on-the-spot’ reporting, where technology provides the illusory nature of being there at the scene. Huxford hypothesizes that a TV journalist and/or reporter attempts to invest on his/her authority by broadening the concept of ‘placelessness’ as advocated by new media practices. Huxford used a corpus of 35 hours of TV live reporting to validate his hypothesis, and analyzed dimensions of proximity, namely spatial, temporal and broadcast proximities. He found out that 76% of the live reports in his study did not fulfill the criteria of ‘live’ reporting, i.e. possessed illusive proximity, by blurring temporalities. This blurring process is achieved, he maintains, through combining live and non-live images and voice-overs, which are all governed by the reporter’s dominant role.

Harrison and Nascimento (2013) locate TV live reporting within the genre of TV journalism by discussing its compositional unities (such as construction of the whole, types of completion, and types of relations between the speaker and other participants in the speech communication), and thematic and stylistic elements that mark it as a discourse genre that intends to convey information. The two researchers selected productions by Globo Television Network (in Brazil), particularly the ones when reporters working as foreign correspondents or working outside the studio in order to understand newscast style differences. They conclude that the compositional organization of the scenario and the positioning of the journalist in the studio points to an informal news broadcast in a more interactive relation with the viewers, welcoming them from the “living room”, in a family context as it is the first newscast of the day.

The only study that placed TV live reporting in a contrastive framework is Kasmani’s (2013). He investigated the similarities and differences between the BBC and Al Jazeera English in the discourse of the Iranian 2009 pre-electoral campaigns. Kasmani provides several sections on TV live reporting, where the lexicogrammatical features and discursive practices are accentuated. He notes how BBC’s reporters usually use hyperboles and biased language, whereas the Al Jazeera English ones resort to the event’s cultural background.

Through this brief review, it appears that there are few studies that focus on TV live reporting from a linguistic point of view, i.e. as a sub-genre. The linguistic trend endured for a decade or so, and was superseded by philosophical studies later on. The linguistic trend can be exemplified by Geis’s (1987), Higgins’ (1991) and to some extent Fairclough’s (2003), Montgomery’s (2006) and Kasmani’s (2013) studies, while

the ideological one is particularly based on Bourdon’s (2000), Marriott’s (2000) and Huxford’s (2007) investigation. The majority of these studies either tackle the practice by discussing one aspect such as proximity or verbality, or do not put the sub-genre in perspective by investigating its properties separately: they usually lay more emphasis on news reporting or TV journalism, and relegate TV live reporting to the background by discussing it en passant or questioning its ‘liveness’ in the first place as a crucial aspect of the practice. Only one study used the contrastive framework as a driving force, but the analysis remained limited to the English language.

3. Problem of the study

The present paper is an attempt to systematically discover the generic linguistic and paralinguistic features (namely intonation, fillers and pauses) of live reporting in both English and Arabic with the use of manual and computerized methods. It is based on the ‘fully live’ TV reports delivered by correspondents as distinguished by Bourdon (2000) (see section 2 above). The article provides a new approach to the study of genre analysis through comparing the constituent features of TV live reporting in both English and Arabic segments taken from recorded shots of live (with the reporter speaking from the scene) news reports from the BBC, Russia Today, Al-Jazeera English, Press TV, France 24, CBC (Extra), Al-Hayah, Al-Nahar, Al-Araby, and Channel One of the Egyptian TV.

4. Methods and materials

4.1. The Data: Two Mini-Corpora:

Two mini-corpora were compiled. The first corpus is composed of 10 TV live reports randomly chosen from English language channels, while the second is composed of 10 TV live reports also randomly chosen from Arabic channels, all downloaded from Youtube. Both corpora also span a period of three years from 2013 to 2016. The English corpus totals 34:13 minutes with 4,440 words (excluding the role-play markers). As for the Arabic corpus, it totals 35:23 minutes with 3,529 words (excluding the role-play markers). The segments were randomly chosen so as to be representative of as many English language and Arabic language channels as possible. The following table summarizes the details of the English segments:

Table 1 / Таблица 1

**A summary of the details of the English Corpus /
Корпус данных английского языка**

Segment name	Channel	Duration in minutes	Source Language
1. Aljazeera newshour 15 gmt	Al-Jazeera English	3:00	English
2. Al Jazeera reporters on Gaza-Israel conflict	Al-Jazeera English	4:48	English
3. BBC World News — Live report on Syrian refugees	BBC World News	2:19	English
4. SYRIA Aleppo battle — BBC reporter embedded with sunni djih	BBC World News	1:36	English
5. Exclusive ISIL strikes with chemical warfare as PressTV rep...	Press TV	4:53	English
6. Press TV's reporter covers the ongoing operation in Tikrit	Press TV	3:46	English
7. Terror arrest Detainee had planned string of attacks to coi...	France 24	1:00	English
8. France floods Seine river hits critical 6-metre mark in Par...	France 24	3:00	English
9. Reporter sneaks into 'sterile' zone of Marseilles stadium a...	Russia Today	3:44	English
10. Reporter Al Jazeera told me to ignore Syria intervention	Russia Today	6:02	English
Total Duration 34:13			

Table 2 / Таблица 2

**A summary of the details of the Arabic segments /
Курс данных арабского языка**

Segment name	Channel	Duration in minutes	Source Language
1. غرفة الأخبار صلاح وجيدي مرسل سي بي سي إكسترا من غزة بيشر # (tr. Newsroom: CBC Extra correspondent Salah Wahidi explains what's going on in West Bank)	CBC Extra	5:46	Arabic
2. هنا العاصمة مرسل سي بي سي حطم لطائرة نُشر على مسلحة كي # (tr. The Capital Now: CBC correspondent: the debris of the crashing plane spread over a 5-kilo meter area)	CBC	4:21	Arabic
3. لخر النهار هلقا مرسل تلفزيون النهار من أسوان ومشجر # (tr. Al-Nahar News: a telephone call from Aswan, an altercation between two families, Al-Nahar TV correspondent)	Al-Nahar TV	4:37	Arabic
4. مرسل النهار اليوم يرصد المشهد الامتحلي من لمم مدرسة الأور (tr. Al-Nahar News: Al-Nahar TV correspondent is updating in front of the the Orman School in Dokki)	Al-Nahar TV	3:09	Arabic
5. الحياة اليوم - مراسل الحياة اليوم ينقل الاجواء الاحتفالية ب (tr. Al-Hayah Today: a TV correspondent on the celebrations of New Suez Canal in Ismailia)	Al-Hayah	3:10	Arabic
6. عين على البرلمان - مراسل الحياة يروي أهم تفاصيل لحظة المواف (tr. An Eye on the Parliament: TV correspondent narrates the moment of approving the government's new mission statement)	Al-Hayah	4:06	Arabic
7. مراسل التلفزيون العربي إجراءات أمنية وسياسية في تونس بعد اغ (tr. Al-Araby TV correspondent: tight political and security measures in Tunisia following the murder of 4 policemen)	Al-Araby TV	3:06	Arabic
8. مراسل التلفزيون العربي توقيف الإرهابيين في تونس أصبح روتين (tr. Al-Araby TV correspondent: detaining terrorists in Tunisia has become a daily routine)	Al-Araby TV	2:24	Arabic
9. أخبار مصر اتصال هاتفي - إيهاب عمران .. مراسل التلفزيون الم (tr. Egypt's News: a telephone call-Ihbab Imran, Egyptian TV correspondent)	Channel 1 Egyptian TV	2:16	Arabic
10. أخبار مصر اتصال هاتفي - حيدر الأسدي .. مراسل التلفزيون الم (tr. Egypt's News: a telephone call-Haidar Assadi, Egyptian TV correspondent in Iraq)	Channel 1 Egyptian TV	3:19	Arabic
Total Duration 35:23			

It is noteworthy that in the case where the recorded video included more than the TV live news report, the extra irrelevant parts were pruned so as to be only composed of the on-the-spot report. Only one case underwent this change, which is the segment about Al-Jazeera English news hour, i.e. the first one in table 1 above. It was originally made up of 11 minutes, and was pruned to 3 minutes.

It is also of note that the names of the segments were left unchanged as they appeared in the Youtube website to guarantee authenticity and ease of reference. This is why some names appear very long.

4.2. Preparing the Data for Analysis:

Each segment in the two corpora was transcribed verbatim. The process was done manually, and rechecked to ensure maximum fidelity. The video files were slowed down using Windows Media Player 7. The transcribed files were then turned into UTF-8 version in order to be compatible with the corpus software suites.

4.3. Methods of Analysis:

Two methods were used for each corpus. The first method is electronic, where a corpus analysis software was used to arrive at the number of sentences, the frequencies of the parts of speech, the pauses, the intonation patterns, as well as the distribution of certain hits. This method required electronically tagging and parsing the corpus to determine the part of speech for each word. For the English Corpus, this was done using the two software programs AntConc 3.4.3 and Wordsmith 6. As for the pauses and intonation patterns, they were detected with the use of specialized software, namely WavePad Sound Editor 5 and Speech Filing System (SFS). As for the Arabic Corpus, it was analyzed using the software program Unitex GramLab 3.1 to find frequencies and tag the corpus, and the same software ones used with the English Corpus to analyze the prosodic features.

The second method was manual analysis of the features obtained above in addition to discovering the text patterns as proposed by Bhatia (1993; 2002; 2012) and Hoey (2002). This method allowed for verifying the data obtained through electronic analysis. The manual method is a modified version of Bhatia's (1993) steps of analyzing genres, which run as follows:

1. Placing the given genre-text in a situational context.
2. Analyzing lexico-semantic features.
3. Analyzing syntactic features.
4. Interpreting the structure of the text-genre.
5. Analyzing prosodic features.

It is important to note here that the original steps proposed by Bhatia (1993, pp. 23—36) included other procedures that are by default done, such as surveying the existing literature and consulting specialists. Moreover, the step 2 above is different from Bhatia's notion of lexicogrammar, which consists of the analysis of word-classes, tenses, or clauses used to determine the frequency of these specific features. The tense and clause analyses were relegated to step 3 above, where syntactic features are discussed. The reason for this is two-fold. First, it is difficult to detect the significance of the deployment of tense in terms of lexicalized sets: tense interacts with other elements in a sentence or discourse, and provides a more vivid picture in relation to temporal proximity as discussed by Huxford (2007). Second, tense is often expressed through auxiliaries, and are considered function words. Such words cannot assign two values in the analysis of lexical items. If viewed from the angle of function words, then they would be considered insignificant for the analysis, but if viewed as markers of tense, then they have to be significant. This inherently includes a contradiction. Thus, it is better to separate

the two levels of analysis. Finally, Step 4 is based on Bhatia's (1993) and Hoey's (2002) approaches, and step 5 is a new one added by the researcher here because the genre-text is in the spoken mode.

Swales' model was not applied despite the fact that it is usually quoted in relation to genre analysis for a number of reasons. First, Swales' definition of genre is too broad to be applicable, i.e. 'a genre comprises a class of communicative events' (Swales, 1990, p. 58). He further defines communicative events as based on the occasions where language plays a significant and indispensable role, which is again a very broad definition. Second, Swales prefers to view a genre as identifiable according to 'shared purpose rather than similarities of form or some other criteria' (Swales, 1990, p. 46). This point was further elaborated on by Jensen (2005), where she deems the conflict between shared purposes and form as posing the problem of definition versus family resemblances when analyzing a certain genre or sub-genre. This means that Swales' provides generic features as the definition, thus blurring the distinction between definition and genericity and procedural definition. Therefore, Bhatia's (1993; 2002; 2012) approaches were selected in the present analysis for both the English and Arabic corpora.

The Arabic corpus was subjected to the same methods mentioned above. However, it was electronically tagged using a software program called Unite-GramLab. Manual analysis was also used to discover text patterning.

5. Data analysis

5.1. The English Corpus

The analysis is applied to the lexico-semantic level, the syntactic level, textual patterns and prosodic features.

5.1.1. Placing the genre-text in a situational context

The present corpus is delivered by specialist TV reporters to TV viewers who are native speakers of English or can perfectly understand spoken English. The bios of the reporters were consulted from online sources. It is taken from real-life reports in the scene of action.

5.1.2. The lexico-semantic features

The features detected include hyperboles, loaded emotive words, repetition of lexicalized sets and lexical density. Hyperboles typically subsume intensifiers such as the lexical items 'great', 'very', 'a lot', 'many', 'massive', 'tremendous', etc. Loaded emotive words are defined according to Galperin (1981), where emotive words reflect strong feelings such as love, pain, anger, etc., while lexicalized sets include address terms; official posts or job titles; pronouns such as you, your, he and she; indexical s; and names. Lexical density, on the other hand, refers to the percentage of content words in a text.

The above features, except lexical density, were electronically analyzed by AntConc 3.4.3 and Wordsmith 6, and the findings were as follows:

Table 3 / Таблица 3

**The lexico-semantic features of the English Corpus /
Лексико-семантические особенности английского корпуса данных**

Feature	Number of occurrences	Percentage per 1000*
Hyperboles:		
Very	14	3.15%
A lot	1	0.23%
Many	4	0.90%
All	11	2.48%
Every	1	0.23%
Tremendous	3	0.68%
Great	0	0%
Big	2	0.45%
High	0	0%
Highly	0	0%
Loaded emotive words		
Words that express happiness	0	0%
Words that express sadness	0	0%
Words that express anger	0	0%
Repetition of lexicalized sets:		
Address terms	1	0.23%
Official posts	5	1.13%
Pronouns:		
You	34	7.66%
He	12	2.70%
She	0	0
I	60	13.51%
Indexicals		
Now	24	5.41%
Then	9	2.03%
Here	14	3.15%
There	32	7.21%
Total	373	80.04%

*The percentage is calculated per 1000 as it is the normal practice in corpus research.

It is clear from the above table that hyperboles and pronouns form the highest rates, especially ‘all’. This observation corroborates what Geis (1987) maintained about the use of hyperboles; however, he did not discuss pronouns. It also partly confirms what Kasmani (2013) said about BBC correspondents’ employment of hyperboles. The excessive use of pronouns, especially the pronoun ‘I’, reflects the concept of proximity as proposed by Huxford (2007). Yet he spoke of spatial and temporal proximities, describing them as fake most of the time. The use of ‘now’ is much more conspicuous than the use of ‘then’, but the same does not apply to the use ‘here’ versus ‘there’ (referring to places, not argumentative discourse connectors). This shows that temporal proximity is expressed much more highly than spatial proximity. Moreover, the sense of immediacy as characteristic of TV live reporting is not much more prominent than spatiality, i.e. the total number of ‘now’ occurrences is less than the total number of ‘there’ occurrences. As for ‘then’, it is least used in the category of indexicals, compared to ‘there’. TV correspondents, in this corpus, also sparingly use official address terms and official posts, which signals a tendency to sound informal.

This excessive dependence on function words such as pronouns and conjunctions has conduced towards a medium rate of lexical density, i.e. 47.3%. This means that almost half of the corpus is made up of lexical items that do not carry meaning. This point can be considered a new feature that has not been discussed in the literature.

5.1.3. The syntactic features

They include number of sentences; sentence length; connectors or any conjunctions or transitional adverbs; non-sequiturs; passive and/or active voice; and tense. The following table summarizes the findings of the software used:

Table 4 / Таблица 4

**The syntactic features of the English Corpus /
Синтаксические особенности английского корпуса данных**

Feature	Number of occurrences	Percentage per 1000
Number of sentences*	127	28.60%
Sentence length (in words):		
Average sentence length	35.31	7.95%
Maximum sentence length	252	56.76%
Minimum sentence length	3	1.13%
Connectors:		
And	101	22.75%
But	18	4.05%
For	0	0%
So	19	4.28%
Or	6	1.35%
Therefore	1	0.23%
However	1	0.23%
Moreover	0	0%
Non-sequiturs	0	0%
Voice:		
Active	112	25.23%
Passive	15	3.38%
Tense:		
Past	60	13.51%
Present	88	19.82%
Future	21	4.73%
Non-finite:		
Infinitives	102	22.97%
Gerunds	116	26.13%
Total	931.31	210.21%

*Although in spoken English it is difficult to set sentence boundaries, the pauses between meaningful units observing the canonical structure of the English sentence are used to separate strings operating as sentences.

It is clear from the above table that in a 4440-word corpus, there are only 127 sentences, which means that each 34.96 words form a separate sentence. This may be normal, since in the spoken variety, the average sentence length may be longer than in writing. It is of note, however, that there are sentences that exceed that limit. Consider, for example, the following from the present corpus:

1. *I think this statement warning to journalists to stay away from quote Hamas ah bases that that is it that's going to be a very very difficult thing for journalists carrying out their duties in the Gaza Strip as the your Israeli statement cou said because wherever you go there will be sites which all for example ministries which of hospitals links to the Ministry of Health run by Hamas and so on. (73 words)*

2. *There was a private security firm we believe you had that staff the front of the stadium but I simply walked around to the rear stadium and entered an open hotel car park through endless around the rear perimeter fence of the building and came across a group of construction workers ah who simply waved me through the perimeter barrier.* (60 words)

Very short sentences, in contrast, are typically replies to the presenter's questions. Consider the following examples:

1. *Not at all.* (3 words)
2. *Yes I mean the crackdown that they've launched in the last couple of months has been the largest one that there's been in the Sinai Peninsula the many decades.* (29 words)

Most notably, the use of the connector 'and' assumes the highest rate in the present corpus. It occurs 101 times with a percentage of 22.75%. The use of 'so' and 'but' also comes second and third, respectively, with very close percentages. As for the use of 'and', this shows that TV correspondents tend to use informal style, and cannot search for variable conjunctions when reporting live from the scene. The reason may be the relatively short time allotted to live reporting, since the longest video in the present corpus does not exceed 6:04 minutes (see table 1 under section 4.1). They may lack the necessary skill to avoid repetition, given the 6-minute time to speak live. As for the use of 'so' and 'but', they render the report cohesive, though 'but' may be used to express concession. Thus, contrary to Geis's (1987) claims, the present corpus does not include any non-sequiturs, a feature he preferred to underline in his paper.

As for the use of voice, active sentences by far exceed the passive ones: active sentences occur 112 times, while passive ones occur 15 times. The reason for this may be the reporter's need to provide a narrative that follows plain English style, and does not sound anonymously referenced. Another reason might be the style adopted in TV live reporting, where personal agency of the reporters can be said to add authenticity. This is an important syntactic feature for TV live reporting in English, and has not been discussed in the literature thus far.

TV correspondents' deployment of tense in the present corpus is significant. The highest rate is that of the non-finite verbs, i.e. infinitives and gerunds. The second highest rate is that of present-referring verbs. Moreover, the sub-category of non-finite verbs constitutes 49.99% of the present corpus, that is, half of it. This result means that TV correspondents tend to over-apply temporal proximity in order to create a sense of immediacy: the overuse of the gerunds implies that the correspondent describes the reality as it happens in front of him/her at the scene of the events. This temporal proximity may be used at the expense of spatial proximity, given the fact that viewers watch the scene behind the reporter while he/she speaks. The following example illustrates this point:

Ex: *"It was supporting and ah ah meddling into into every and future a detail in the in the Syrian ah ah revolution ah at the same time. It was kind of covering up what's going on in Bahrain and not showing really what's ah what's happening by here".*

In this short extract, gerunds occur 6 times in a 48-word text. More notably, the first line has two gerunds following each other with only two fillers and an additive ‘and’. As for spatial proximity markers, they occur two times only.

This stands in contrast with the use of the future-referring verbs in the present corpus (which constitutes 4.73%), where the correspondent cannot speak about future events without tangible evidence.

5.1.4. *The structure of the text-genre*

The structure of the texts in the corpus was manually analyzed, since no software is available to carry out this type of analysis. Most of the texts in the present corpus exhibit the following structure. Examples are given under each move:

MOVE 1: PLACING THE EVENT IN A CONTEXT or SETTING (which may be spatial, temporal, personal opinion or mixture of the three)

Ex: “*Yes we are now in northeast of Tikrit*”. *SPATIAL CONTEXT*

Ex: “*It's difficult for us to say at this stage whether there is any connection between the attacks whether the attacks are coordinated, but they do ah coming as they have a on the same day, and after the violence that yesterday...*”. *TEMPORAL CONTEXT*

Ex: “*Actually um as everyone knows now right now I resigned like ah a month ago and that was because of the the ah ah channel's way of covering got the whole ar Arab Spring precisely the the situation in Syria and Bahrain*”. *TEMPORAL CONTEXT + PERSONAL OPINION*

Ex: “*Well good evening Kevin it was remarkably and worryingly simple to penetrate security at the start of Velcro birthday off*”. *PERSONAL OPINION + SPATIAL CONTEXT+ TEMPORAL CONTEXT*

MOVE 2: A LENGTHY DETAILED NARRATIVE ABOUT THE EVENT (which may include statistics, numbers, quotes)

Ex: “*We can ah give you an update that the the death toll has risen since Wednesday 52 Palestinians killed in Israeli strikes. The latest ah ah was was the latest victim was a woman in her fifties whose body was pulled out of the rubble of her building in Tofah district Gaza City. Um medics said medical sources say that around the halls about number 52 killed have been civilians, and fourteen of them have been children...*”

MOVE 3: RECAPITULATING BY REFERRING TO THE BEGINNING OF THE CONTEXT OR NARRATIVE OR EXPECTING MORE EVENTS (which may be signaled by markers like ‘as I said’, repetition of certain pieces of information or opinions)

Ex: “*I said it's their right to do whatever they want to our you know I as far as they are saying that they are serving a certain agenda*”.

Ex: “*Beyond that it's a policy as journalists to try to point out where there are security lapses. The stadium will play hosts tonight 30,000 England fans and it has many thousands of seats so ah ah in my opinion the reaction has been positive so far*”.

Ex: “*As things stand we are though expecting things to get worse around the day*”.

Sometimes the above structure is not preserved due to interruptions on the part of the presenter.

5.1.5. The prosodic features

The prosodic features include intonation patterns, fillers, and pauses. This level of analysis has not been proposed in the literature so far, and is done via specialized software, namely WavePad Sound Editor 3 and Speech Filing System (SFS).

As for intonation patterns, they were detected relative to the pitch and intensity, which are subject to frequency analysis. If the frequencies are very high approaching 1000 Hz, then the intonation pattern is rising, and indicates excitement. If they are below 200 Hz for example, then this means that the intonation pattern is falling. If they approach 250 HZ, then the intonation pattern is level and indicates certainty or routine delivery. The following table provides the fundamental frequency levels for each of the segments in the English corpus:

Table 5 / Таблица 5

**The frequency levels and intonation patterns for the segments in the English Corpus /
Уровни частоты и образцы интонации для сегментов в английском корпусе данных**

Segment name	Frequency Level (Hz)		Intonation Pattern
	Highest	Lowest	
1. Aljazeera newshour 15 gmt	1096	670	Rising, then relaxing
2. Al Jazeera reporters on Gaza-Israel conflict	1099	238	Rising, then level
3. BBC World News — Live report on Syrian refugees	1099	190	Rising, then falling
4. SYRIA Aleppo battle — BBC reporter embedded with sunni djih	1091	263	Rising, then level
5. Exclusive ISIL strikes with chemical warfare as PressTV rep...	1091	160	Rising, then falling
6. Press TV's reporter covers the ongoing operation in Tikrit	1099	198	Rising, then falling
7. Terror arrest Detainee had planned string of attacks to coi...	1099	136	Rising, then falling
8. France floods Seine river hits critical 6-metre mark in Par...	1096	151	Rising, then falling
9. Reporter sneaks into 'sterile' zone of Marseilles stadium a	1093	144	Rising, then falling
10. Reporter Al Jazeera told me to ignore Syria intervention	1039	123	Rising, then falling
Average	1090.2	227.3	Rising, then level

It is clear from the above table that the intonation patterns for the segments range between rising and falling or level. This indicates that TV correspondents speaking in English tend to add excitement to their reports in the beginning, then they relax their intonation contours later on. This relaxation usually boils down to a level or falling tone. The level tone usually indicates routine delivery with no detectable emotions, while the falling pattern is often associated with certainty or finality. Thus, the TV corre-

spondents in the English corpus start their reports excited, then they express certainty through the details they deliver and end at the same tone.

Fillers, on the other hand, are used to a great extent. ‘Ah’ or ‘uh’ is indicative of speech planning, and has no particular significance, while ‘um’ signals word-finding difficulties. In the present corpus, TV correspondents used ‘ah’ 178 times, while they used ‘um’ 14 times only. This shows that they have no difficulty delivering their reports fluently, which is a basic requirement for TV correspondents. The important note here is that TV reporters have limited time to deliver their reports; they should not waste time by inserting such fillers. Given the fact that TV live reports are information-oriented, planning speech needs to be dexterously manipulated by TV correspondents. Yet the ratio of the ‘um’ usage is not significant enough to label their reports as grossly disfluent.

Finally, although the speech rate is 130.09 words per minute¹, pauses appeared to be within the normal range. They ranged from 808 milliseconds to 272 milliseconds. In normal English speaking, a pause lasts for 250—500 milliseconds, which means that in a text of 100 words, around 24—30 pauses are allowed. Thus, given the tight time-limit and lack of skill, the 808 millisecond pauses can be considered normal. Most of them are due to breath taking, which adds to the fluency factor discussed above.

5.2. The Arabic Corpus

The analysis is applied to the lexico-semantic level, the syntactic level, textual patterns and prosodic features.

5.2.1. *Placing the genre-text in a situational context*

The present corpus is delivered by specialist TV reporters to TV viewers who are native speakers of Arabic, since these channels do not employ non-native speakers. It is taken from real-life reports in the scene of action.

5.2.2. *The lexico-semantic features*

The features detected include hyperboles, loaded emotive words, and repetition of lexicalized sets and lexical density. Hyperboles typically subsume intensifiers such as the lexical items كبير (i.e. large, big), جدا (i.e. very, extremely), للغاية (i.e. to a great extent), etc. Loaded emotive words are defined according to Galperin (1981), where emotive words reflect strong feelings such as love, pain, anger, etc., while lexicalized sets include address terms; official posts or job titles; pronouns such as you, your, he and she; indexical s; and names. Lexical density, on the other hand, refers to the percentage of content words in a text.

The above features, except lexical density, were electronically analyzed by Unitex GramLab 3.1, and the findings were as follows.

¹ Fast delivery is usually correlated with reduced pausing (see Field, 2004).

Table 6 / Таблица 6

**The lexico-semantic features of the Arabic Corpus /
Лексико-семантические особенности арабского корпуса данных**

Feature	Number of occurrences	Rate per 1000*
Hyperboles:		
جدا 'jiddan', i.e. very	9	2.55%
كثير 'kathiran', i.e. a lot	2	0.57%
عديد 'adeed', i.e. several	0	0%
كل 'kul', i.e. all	5	1.42%
جميع 'jameea', i.e. everyone	0	0%
لِلغاية 'lilghayah', i.e. extremely	1	0.28%
كبير 'kabeer', i.e. huge	8	2.27%
Loaded emotive words		
Words that express happiness	1	0.23%
Words that express sadness	0	0%
Words that express anger	5	1.42%
Repetition of lexicalized sets:		
Address terms	9	2.03%
Official posts	12	3.40%
Pronouns:		
أنا 'ana', i.e. I	2	0.57%
هو 'huwa', i.e. he	8	2.27%
هي 'heya', i.e. she	7	1.98%
أنت 'anta', i.e. you	0	0%
نحن 'nahnu', i.e. we	3	0.85%
Indexicals		
الآن 'al'an', i.e. now	12	3.40%
منذ 'mundhu', i.e. since	13	3.68%
هنا 'huna', i.e. here	4	1.13%
هناك 'hunaka', i.e. there	34	9.63%
Total	242	67.99%

*The percentage is calculated per 1000 as it is the normal practice in corpus research.

**The Egyptian Arabic variant إنا 'ihna (i.e. a dialectal form of 'we' in Egyptian Arabic) is used to mean نحن nahnu in the present corpus.

It is clear from the above table that hyperboles and pronouns do not form the highest rates. In contrast, the connector يعني yaani (i.e. “that’s”) is much more recurrent than the sum of all hyperboles. This observation does not tally with what Geis (1987) and Kasmani (2013) maintained about the use of hyperboles. The use of pronouns, especially the pronoun أنا 'ana (i.e. ‘I’) or نحن nahnu (i.e. ‘we’), is not as recurrent as the indexical هناك which does not reflect the concept of spatial proximity as proposed by Huxford (2007). However, the use of الآن 'al'an (i.e. ‘now’) can be said to offset the low rate of أنا 'ana (i.e. ‘I’) or نحن nahnu (i.e. ‘we’). There is also a very narrow gap between the use of الآن 'al'an (i.e. ‘now’) and منذ (i.e. ‘mundhu’), which can be placed within the context of temporal proximity: the TV Arab correspondents are not much aware of the immediacy factor as a significant component of the TV live report.

As for the use of official address terms and official posts, it is clear that use of official posts assumes a higher rate, which can be taken as an indication of the highly formal style adopted by TV Arab correspondents.

The analysis of the dependence on function words such as pronouns, articles, prepositions and conjunctions has conducted towards a very high rate of lexical density, i.e. 84.969%. This means that most of the TV live reports in the present corpus are highly informative. This point can be considered a new feature that has not been discussed in the literature.

5.2.3. The syntactic features

They include number of sentences; sentence length; non-sequiturs; passive and/or active voice; and tense. The following table summarizes the findings of the software used:

Table 7 / Таблица 7

**The syntactic features of the Arabic Corpus /
Синтаксические особенности арабского корпуса данных**

Feature	Number of occurrences	Rate per 1000
Number of sentences*	90	25.51%
Sentence length (in words):		
Average sentence length	111.8	31.68%
Maximum sentence length	184	52.14%
Minimum sentence length	1	0.28%
Connectors:		
و 'waw', i.e. and	11	3.12%
لكن 'lakina', i.e. but	4	1.13%
مما 'mima', i.e. so that	2	0.57%
أو 'aw', i.e. or	22	6.23%
لذلك 'lidhalika', i.e. therefore	1	0.28%
يعني 'yaani', i.e. that's	45	12.75%
أيضا 'aydan', i.e. also	22	6.23%
Non-sequiturs	28	7.93%
Voice:		
Active	73	20.69%
Passive	17	4.82%
Tense:		
Past	39	11.051%
Present	47	13.32%
Future	4	1.13%
Non-finite**:		
Infinitives	10	2.83%
Total	604.8	171.38%

*Although in spoken Arabic it is difficult to set sentence boundaries, the pauses between meaningful units observing the canonical structure of the Arabic sentence are used to separate strings operating as sentences.

**The category of gerunds has been left out in this analysis, since Arabic does not have gerunds.

It is clear from the above table that in a 3529-word corpus, there are only 99 sentences, which means that each 111 words form a separate sentence. This may be normal, since Arabic tolerates the use of connectors, which render sentences very long. It is of note, however, that there is one sentence that exceeds that limit. Consider, for example, the following from the present corpus:

1. هذه الاشتباكات يبدو أنها عنيفة مازالت ويحقق فيها المسلحون بعض التقدم في مناطق مختلفة أه من قضاء القائم أيضا قرب الحدود أه مع أه أه الاردن وسوريا، فيالتالي هناك أيضا اشتباكات أه مسلحة تدور بين الحين والآخر متقطعة في أو قرب أه مصفاة بيجي أو في مدينة بيجي ولكن أه أه أه بعيدة نسبيا عن موقع المصفاة بعد تدخل

ال الطائرات المروحية وقصف أو كوار المسلحين في مناطق مختلفة، أي أننا امام أه يعني موقف لم يحسم حتى يعني هذه ال أه الدعوة تأكيد مجدد على عدم نسيان التوقيعات الدستورية الآن في تلغفر أو في القائم أو في في عملية تشكيل الحكومة هذا يعني ال ال المرجعية الدينية هناك العراق عندما دعت إلى حمل السلاح لم تنس أيضا في الوقت ذاته العملية السياسية، باعتبار أن أه حل الازمة الامنية مرتبط بشكل مباشر ب أيضا حل المشكلة السياسية و تشكيل حكومة قادرة على أن تتجاوز أخطاء الماضي ال الواضح أن المرجعية أه الدينية فيالتالي يجب تجاوز هذه الأخطاء على ترى بأن هناك أخطاء قد وقعت فيها الحكومة أه ال الحكومات السابقة، (184 words).

hazhihi alaashtibaakaatu yabdou 'annahaa maazaalt wayuhaqqiqu feehaa almusallahouna ba'd attaqaddumi fee manaatiq mukhtalifata 'ah min qadaa' alqaa'imi 'aydaa quriba alhudoudu 'ah ma'a 'ah 'ah alaardn wasouryaa, fabiaalттаalee humaaka 'aydaa ashtibaakaatin 'ah muslaha bayna alhayni wal'aakhiri mutaqaati'atu fee 'aw qurub 'ah musafaa bayjee 'aw fee madeena bayjee walakunna 'ah 'ah 'ah ba'eedatan nisabyaa 'an muwaqqi' almusafaati ba'da tadakhkhul al attaa'iraati almuraw-wihyyati waqasf 'awkaar almusallaheena fee manaatiq mukhtalifatin, 'ay 'annanaa amaam 'ah yu'anniya mawqifu lam yuhsam hattaa al'aana fee tal'fr 'aw fee alqaa'imi 'aw fee yu'annee hazhihi al 'ah 'ah adda'wata ta'keed mujaddid 'alaa 'adamu nisyaaan attawqeetaati addustouriyata fee 'amaliyya tashkeel alhukoumati hazhaa yu'anniya alu al almarji'iyati addayyiniyyati hunaaka al'iraaq 'andaman da"at 'ilaa haml assilaahi lam tanus 'aydaa fee alwaqti zhaath al'amaliyyata assiyaasiyyata, bii'tibaarin 'an 'ah hall alaazma alaamnya murtabit bishakli mubaashir ba 'aydaa hulla almushkilatu assiyaasiyyatu wa tashkeel hukouma qaadiratin 'alaa 'an ta-tajaawaza 'akhitaa'u almaadee al alwaadihi 'anna almarji'iyata 'ah addayyiniyyata turaa bi'anna hunaaka 'akhitaa' qad waqu'ti feehaa alhukoumata 'ah al alhukoumaati assaabiqa, fabiaalттаalee yajubbu tajaawuzu hazhihi al'akhtaa'a 'alaa 'ah 'ah 'am almustawiyaatu almukhtalifatu sawaa' 'akaanat fee almalaffi alaaqtsaadiyyi aw assiyaasiyya aw al'irqee

The clashes appear to be violent where the gunmen are making some progress in different areas uh from alqaim province also near the border, uh, with, uh, uh, Jordan and Syria, it follows there are also clashes uh armed ones running every now and then sporadically in or near uh Baiji refinery or in the city of Baiji, but ah uh uh relatively far from the refinery site after the intervention of the helicopters bombed hideouts of militants in different areas, namely that we are facing uh, I mean the position has not been decided yet in Tal Afar, or in the existing or which means these uh uh call reaffirmation not to forget the constitutional timings in the process of forming a government that means the the religious authority there Iraq when called to arms also did not forget at the same time the political process, as the uh solve the security crisis directly linked to also the political problem and the formation able to go beyond the mistakes of the past the government solution clearly, the religious reference uh see that there are errors in which the government has signed uh the previous governments, therefore it must be these errors exceeded the uh uh or different levels, whether in the economic profile, political or racial.

Very short sentences, in contrast, are typically replies to the presenter's questions. Consider the following examples:

1. نعم na'am (one word) ('yes')
2. نعم بالضبط بعد مقتلهم أستاذ محمود ni'ma biddabti ba'da maqtalihim 'ustaazh mahmoud (6 words) (yes, exactly, after their murder, Mr Mahmoud)

The use of the connector أو 'aw (i.e. 'or') assumes a reasonably high rate in the present corpus if compared with the use of يعني ya'ni (i.e. "that's"). It occurs 22 times with a percentage of 6.23%. Most notably, this rate is identical with the recurrence of أيضا aydan (i.e. 'also'), which can be indicative of the lexical balance TV Arab correspondents try to strike to compensate for the excessive use of أو as a marker of uncertainty. The use of و waw (i.e. 'and') لكن lakinna (i.e. 'but') also comes second and third, respectively, with varying percentages. Consistent with Geis's (1987) claims, the present corpus includes 28 non-sequiturs, a feature he preferred to underline in his paper.

As for the use of voice, active sentences by far exceed the passive ones: active sentences occur 73 times, while passive ones occur 17 times. The reason for this may be the reporter's need to provide a narrative that sounds well informed and documented. This is an important syntactic feature for TV live reporting in Arabic, and has not been discussed in the literature thus far.

TV correspondents' deployment of tense in the present corpus is significant. The highest rate is that of the present-referring verbs, namely 13.32%. The second highest rate is that of past-referring verbs. Moreover, the sub-category of non-finite verbs constitutes only 2.83% of the present corpus. There is a very narrow gap between the use of the present and past tenses. This inherently negatively affects the sense of immediacy required in TV live reports. This stands in contrast with the use of the future-referring verbs (i.e. only 2.83%), where the correspondent cannot speak about future events without tangible evidence.

5.2.4. The structure of the text-genre

The structure of the texts in the corpus was manually analyzed, since no software is available to carry out this type of analysis. Most of the texts in the present corpus exhibit the following structure. Examples are given under each move:

MOVE 1: GOING DIRECTLY INTO THE NARRATIVE BY MERGING CONTEXTS (which may be spatial, temporal or mixture of the two)

Ex: برحب بيك شريف للمرة الثانية أو الثالثة من أمام مجلس النواب بالفعل صدق مجلس النواب على أو منح الثقة
SPATIAL CONTEXT

birahbi biyika shareefi lilmarrati attaaniiyati 'aw attaalta min 'amaama majlisi annuwwaabi bilfu'uli sudiqa majlisu annuwwaabi 'alaa 'aw muniha aththiqa lilhukumah biri'asat al muhandis shareef ismaeel

I welcome you Shareef the second or third time in front of the House of Representatives actually the House of Representatives has ratified the or has granted confidence to the Government under Enginner Shareef Ismaeel.

Ex: أه قضاء تلعفر أه قبل قليل تحدثت مع أه رئيس مجلس القضاء أه أه قضاء تلعفر رئيس المجلس البلدي في قضاء
TEMPORAL CONTEXT

qadaa'u tal'fr 'ah qabla qaleeli tahaddathti ma'a 'ah ra'ees majlisi alqadaa'i 'ah 'ah qadaa'a tal'fr ra'ees almajlisi albaladiyyi fee qadaa'i tal'fr 'ah 'akhabarana bi'anna alquwwaati al'aminiyyati al'iraaqiyyati qad bada'ti bilfu'uli bi'amaliyyati tattheerin fee ba'di aljuyoubi 'ah lilmusallaheena

Uh Tal Afar Province uh not long ago I talked to the Head of the Judiciary Council uh Tal Afar the head of the municipality he said the Iraqi security forces have actually started to purge the armed uh pockets

Ex: أه اه بالأمس حدثت مشاجرة بين مجموعة من الشباب بين منطقة الناصرية والحكروه أسفرت عن مصرع شخصين أه بعد مصرع هذين الشخصين

SPATIAL CONTEXT+ TEMPORAL CONTEXT

'ah ah bil'amsi hadathat mushaajaratu bayna majmou'atin mina ashshabaabi bayna mintaqati annaasiriyyati walhakrouh 'asafarti 'an masra'i shakhsayni 'ah ba'da masra' hazhayni ashshakhsayni

Uh uh yesterday a fist cuff happened between a group of youngsters in the district of Nasriyyah and Hakarouh and led to the deaths of two people uh after the deaths of these two...

MOVE 2: A LENGTHY MORE DETAILED NARRATIVE ABOUT THE EVENT (which may include statistics, numbers, quotes)

Ex: ولكن تم الكشف عن ان الجثتين احدهما لشخص من قرية الكوبانية يعى عبد العزيز سالم يدعى عبد العزيز سالم 23 عاما والشخص الاخر أه هو نوبي ولي ولكن ليس بدابودي ويدعى رجب قنحي عمره 18 عام الأجهزة الأمنية فرضت طوق أمني وتشكيلات أمنية مكثفة في المنطقة وتم السيطرة على الوضع

walakunna tamma alkashfu 'ani an aljaththatayni ahduhumaa lishukhisa min qariyyatin alkawbaanya yud'aa 'abdu al'azeezi saalim yud'aa 'abdu al'azeezi saalima 23 'aammaa washshakhsu alaakhr 'ah huwa nuwabuy walee walakunna laysa badaaboudee wayud'aa ru-jbu futaahee 'umarihi 18 'aama al'ajhizatu al'aminiyyatu faruddat tawqu 'aminee watash-keelaatu 'amaniyyati mukaththifatin fee almintaqati watamm al assaytarati 'alaa alwad'

But the two bodies were discovered to be for one from Al Kubaniya town called Abdel Aziz Salem 23 years and the other uh a Nubian but not a Daboudi called Rajab Fathi 18 years the security apparatuses besieged the area and placed security forces and controlled the situation.

MOVE 3: ABRUPT END OR CLINCHING BY DIRECTLY ADDRESSING THE PRESENTER (which may be signaled by markers like إليك 'ilyaka (i.e. across to you) or ...يا شكرا لك ya shukran laka ya (i.e. thank you))

Ex: وما زالت التعزيزات الأمنية موجودة بالمنطقة.
wamaazaalt atta'zeezaatu al'aminiyyatu mawjoudatu bilmintaqat
The security beefups are still in the area.

Ex: شكرا ليكي ياالبنى وعودة مرة أخرى
shakiraa laykee yaalbnay wa'awda marrata 'ukhrraa
Thank you Lubna and across to ...

Sometimes the above structure is not preserved due to interruptions on the part of the presenter.

5.2.5. The prosodic features

The prosodic features include intonation patterns, fillers, and pauses. This level of analysis has not been proposed in the literature so far, and is done via specialized software, namely WavePad Sound Editor 3 and Speech Filing System (SFS).

As for intonation patterns, they were detected relative to the pitch and intensity, which are subject to frequency analysis. If the frequencies are very high approaching 1000 Hz, then the intonation pattern is rising, and indicates excitement. If they are below 200 Hz for example, then this means that the intonation pattern is falling. If they approach 250 HZ, then the intonation pattern is level and indicates certainty or routine

delivery. The following table provides the fundamental frequency levels for each of the segments in the Arabic corpus:

Table 8 / Таблица 8

**The frequency levels and intonation patterns for the segments in the Arabic Corpus /
Уровни частоты и схемы интонации для сегментов арабского корпуса**

Segment name	Frequency Level (Hz)		Intonation Pattern
	Highest	Lowest	
1. غرفة_ الأخبار صلاح الوحيدي مراسل سي بي سي إكسترا من غزة يشتر # (tr. Newsroom: CBC Extra correspondent Salah Wahidi explains what's going on in West Bank)	1 099	430	Rising, then relaxing
2. هنا_ العاصمة مراسل سي بي سي حطام الطائرة أنشر على مساحة كبي -# (tr. The Capital Now: CBC correspondent: the debris of the crashing plane spread over a 5-kilometer area)	1 091	185	Rising, then falling
3. اخر_ النهار هاتفياً مراسل تلفزيون النهار من أسوان و مشاجرة# (tr. Al-Nahar News: a telephone call from Aswan, an altercation between two families, Al-Nahar TV correspondent)	792	400	Barely rising, then relaxing
4. مراسل النهار اليوم يرصد المشهد الامتحاني من امام مدرسة الاو (tr. Al-Nahar News: Al-Nahar TV correspondent is updating in front of the the Orman School in Dokki)	1 091	258	Rising, then level
5. الحياة اليوم - مراسل الحياة اليوم ينقل الاجواء الاحتفالية ب (tr. Al-Hayah Today: a TV correspondent on the celebrations of New Suez Canal in Ismailia)	1 047	308	Rising, then relaxing
6. عين على البرلمان - مراسل الحياة يروي أهم تفاصيل لحظة المواف (tr. An Eye on the Parliament: TV correspondent narrates the moment of approving the government's new mission statement)	770	228	Barely rising, then level
7. مراسل التلفزيون العربي إجراءات أمنية وسياسية في تونس بعد اغ (tr. Al-Araby TV correspondent: tight political and security measures in Tunisia following the murder of 4 policemen)	1 091	219	Rising, then level
8. مراسل التلفزيون العربي توقيف الإرهابيين في تونس أصبح روتين (tr. Al-Araby TV correspondent: detaining terrorists in Tunisia has become a daily routine)	1 077	285	Rising, then level
9. أخبار مصر اتصال هاتفي - إيهاب عمران .. مراسل التلفزيون الم (tr. Egypt's News: a telephone call-Ihab Imran, Egyptian TV correspondent)	782	369	Barely rising, then relaxing
10. أخبار مصر اتصال هاتفي - حيدر الأسدي .. مراسل التلفزيون الم (tr. Egypt's News: a telephone call-Haidar Assadi, Egyptian TV correspondent in Iraq)	1 077	299	Rising, then level
Average	991.7	298.1	Barely rising, then level

It is clear from the above table that the intonation patterns for the segments range between rising and level or relaxing. This indicates that TV correspondents speaking in Arabic tend to add excitement to their reports in the beginning, then they void their intonation contours of any emotions later on. This relaxation usually boils down to a level or relaxing tone. The level tone usually indicates routine delivery with no detectable emotions, while the relaxing pattern is often associated with speaking at leisure (which may be associated with the barely normal speech rate of 100.17 words per minute). Thus, the TV correspondents in the Arabic corpus start their reports excited, then they indulge into routine delivery through the details they deliver and end at the same tone.

Fillers, on the other hand, are used to a great extent. In the present corpus, TV correspondents used the Arabic filler أم 'uh' 122 times, while they used أم 'um' 2 times only.

This shows that they have no difficulty delivering their reports fluently, which is a basic requirement for TV correspondents.

Finally, with a speech rate of 100.17 words per minute, pauses appeared to be within the normal range. They ranged from 709 milliseconds to 169 milliseconds. Most of them are due to breath taking, which adds to the fluency factor discussed above.

6. A comparison between the two corpora

At the lexico-semantic level, the two corpora exhibit many differences. TV live reports delivered in English tend to be full of hyperboles, such as ‘all’ and ‘many’. This renders Geis’s (1987) remark applicable to the English corpus only. Moreover, Arab correspondents prefer to relegate spatial proximity to the background of their discourse by relying much more on the indexical *هناك* (i.e. there) at the expense of the use of the Arabic first person pronouns. This stands in sharp contrast with English and English-speaking TV correspondents, who overuse the pronoun ‘I’ at the expense of the indexical ‘there’. There is also a very narrow gap between the use of *الآن* *al’an* (i.e. now) and *منذ* *munthu* (i.e. since, then), which can be placed within the context of temporal proximity: the TV Arab style of reporting live may be one that does not lay much emphasis on the immediacy factor as a significant component of the TV live report. As for English TV live reports, it appears that the sense of immediacy as characteristic of TV live reporting is not much more prominent than spatiality, i.e. the total number of ‘now’ occurrences is less than the total number of ‘there’ occurrences. English TV live reports also exhibit a much more informal style of speaking, since the use of official posts and the connector ‘and’ most of the time is not conspicuous in the present English corpus as compared to the Arabic corpus, where official posts assume a high rate, i.e. 12 times, while *و* *wa* (i.e. and) is used 120 times. In terms of lexical density, on the other hand, the Arabic corpus appears to be more informative than the English one.

At the syntactic level, both corpora share the feature of lengthy sentences, since the English corpus is divided into 127 sentences while the Arabic one is divided into 99 sentences. However, mean length of Arabic sentences by far exceeds that of the English ones, namely 35 for English and 111 for Arabic. Moreover, operating with fewer connectors, Arabic correspondents tend to use more non-sequiturs than English and English-speaking ones, a feature that Geis (1987) preserved for English correspondents only, since his study focused on English news. As for the use of voice, both corpora include more occurrences of the active voice than the passive voice, which indicates that TV correspondents prefer to sound better informed and trustworthy, thus giving a sense of authenticity by citing the precise doers of the actions in active and passive sentences most of the time. The same is true for the use of present-referring verbs, where the present time frame is much in focus, compared to the past time frame. However, the sub-category of non-finite verbs is more recurrent in the Arabic corpus than in the English one, thus constituting half of the former.

As for the generic structure of the texts, it is obvious that English and English-speaking TV correspondents follow an orderly way of presenting their data. The English texts examined start with a move that places the event within its temporal, spatial or opinion-centered context or setting, or sometimes fusing two or three types together.

This serves as a stepping-stone for the listener, unlike the Arabic texts, which rarely introduce the event: they delve directly into the narrative. The same is true for the endings in the Arabic corpus: the abrupt end shocks the listeners into discovering that the text has ended, unlike the English listener who is given a recapitulation of the main event.

Finally, the prosodic features exhibit more similarities than differences between the two corpora. Both correspondents start their narrative by a rising intonation pattern, perhaps to alert the listener. However, the English correspondents then signal certitude and finality by adopting either a falling or level tone, while Arab correspondents quickly relax their intonation pattern by opting for a level tone devoid of any emotions. As for pauses, the two corpora have similar pause length, yet the speech rate of the Arabic corpus could have saved the Arab correspondents many of these pauses, being highly normal, i.e. 100.17 words per minutes, as compared to the very fast delivery rate of the English and English-speaking correspondents who adopt a rate of 130.09 words per minute.

6. Conclusions

It can be concluded that TV correspondents whether speaking in English or Arabic seek to provide truthful, concise and detailed accounts of the events they attempt to cover. In doing so, they are obliged to follow certain generic or sub-generic features that are tailored to their media needs. They are therefore required to utilize their lexico-semantic resources in order to reflect reality in an immediate, spontaneous manner that impinges on their ability to select the most appropriate strategic moves in their on-the-spot coverage. However, when doing so in English, they are obliged to deliver their accounts as informatively as possible, given the tight time limit that usually does not exceed 6 minutes. They try to maximize the use of first person pronouns that reflect the fact that they are reporting from the scene. They also tend to use hyperboles to some extent. Due to these difficult circumstances in media coverage, they try to speak with 130 words per minute (normal speech rate being within 100—150 words per minute) and end up using lengthy sentences, which are only broken by breath-taking pauses. The same is true for Arab correspondents, though they consciously or unconsciously strike a balance between first person pronouns and indexicals that designate distance.

In both corpora, as analyzed electronically and manually, the correspondents appear to be creating an atmosphere of excitement by starting their reports by rising intonation patterns. However, they cannot keep that tone for a long time, and either resort to level routine delivery or attempt to project a certain attitude through a falling tone. English or English-speaking correspondents follow a generic structure that is similar to academic English writing (Oshima and Hogue, 2006), where a spatial, temporal or opinion-centered setting is provided first (as an introduction), then comes the detailed body of narrative then finally the recapitulation (or conclusion). Arab correspondents in the present corpus, in contrast, directly go to the specifics of their reports, leaving the listeners without any trace of an introduction, and likewise clinch their reports abruptly by addressing the presenters.

It is important to note that the present study is limited to twenty TV reports: ten in English and ten in Arabic. It does not also deal with the role of the presenter and

the deployment of power as manifested in how presenters manage the flow of the dialogue in the interlocution. It is a study that uses a relatively small-sized corpus, but it offers an analysis of TV live reports as a distinct sub-genre—a subject that has not received due scholarly attention in terms of linguistic investigation.

References

1. Andersson, J. (2003). *Live News Broadcasting: Credibility vs. Entertainment*. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:216055/FULLTEXT01.pdf>. (accessed: 30 May, 2019).
2. Barnhurst, K.G. & Steele, C.A. (1997). Image-Bite News: the Visual Coverage of Elections on US television, 1968—1992. *The Harvard International Journal of Press/Politics*, 2(1), 40—58.
3. Bhatia, V. (1993). *Analysing Genre — Language Use in Professional Settings*. London, UK: Longman.
4. Bhatia, V. (2002). Applied Genre Analysis: a Multi-Perspective Model. *Ibérica: Revista de la Asociación Europea de Lenguas para fines específicos (AELFE)*, (4), 3—19.
5. Bhatia, V. (2012). Critical Reflections on Genre Analysis. *Ibérica: Revista de la Asociación Europea de Lenguas para Fines Específicos (AELFE)*, (24), 17—28.
6. Bourdon, J. (2000). Live Television is Still Alive: on Television as an Unfulfilled Promise. *Media, Culture & Society*, 22(5), 531—556.
7. Dunsmore, B. (1996). The Next War: Live?. *The Harvard International Journal of Press/Politics*, 1(3), 3—5.
8. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. Psychology Press.
9. Field, J. (2004). *Key Terms in Psycholinguistics*. London: Routledge.
10. Galperin, I.R. (1981). *English Stylistics*. Moscow: Vysshaja Škola. (In Russ.).
11. Geis, M. (1987). *The Language of Politics*. New York: Springer.
12. Harrison, K.M.P. & Nascimento, V. (2013). Verbal Visuality of Journalistic Television Genre: Readings to Build Sign Language Interpreting Strategies. *Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso*, 8(2), 202—219.
13. Higgins, C. (1991). Broadcast News: a Linguistic Mode of Analysis. *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*, 5(1), 149—165.
14. Hoey, M. (2002). 'Signalling In Discourse: A Functional Analysis of a Common Discourse Pattern in Written And Spoken English', Malcolm Coulthard (ed.) In *Advances in Written Text Analysis*. London and New York: Routledge, 26—45.
15. Huxford, J. (2007). The Proximity Paradox: Live Reporting, Virtual Proximity and the Concept of Place in the News, *Journalism*, 8(6), 657—674.
16. Inskip, R.K. (2012). Live, but at What Cost? An Analysis of Live News Reporting in the Indianapolis Television News Market. URL: digitalcommons.butler.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1185&context=ugtheses. (accessed: 10 June, 2019).
17. Jensen, U.M. (2005). *Genre Analysis of System Description for Pallet Handling Machine* [dissertation]. Denmark: The Aarhus School of Business.
18. Kasmani, M. (2013). The BBC and Al Jazeera English: The Similarities and Differences in the Discourse of the Pre-Election Coverage of the 2009 Iranian Election, *International Journal of Communication*, 7, 1718—1739.
19. Marriott, S. (2000). Election Night, *Media, Culture & Society*, 22(2), 131—148.
20. Montgomery, M. (2006). Broadcast News, the Live 'Two-Way' and the Case of Andrew Gilligan. *Media, Culture & Society*, 28(2), 233—259.
21. Oshima, A. & Hogue, A. (2006). *Writing Academic English*. UK: Longman.

22. Swales, J. (1990). *Genre analysis: English in Academic and Research Settings*. UK: Cambridge University Press.
23. Thussu, D.K. (2003). Live TV and Bloodless Deaths: War, Infotainment and 24/7 News In Thussu, D.K. & Freedman, D. (Eds.) *War and the media: Reporting conflict 24/7*. pp. 117—132.
24. Tolson, A.V. (2006). *Media talk: spoken discourse on TV and radio*. Edinburgh: Edinburgh University Press, Edinburgh Software.
25. *Antconc 3.4.3*. URL: <http://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (accessed: 3 May, 2019).
26. *Unitex GramLab 3.1*. URL: <http://www-igm.univ-mlv.fr/~unitex/> (accessed: 6 June, 2019).
27. *Wordsmith 6*. URL: www.lexically.net/wordsmith/version6/ (accessed: 10 June, 2019).

Sources

English Corpus

1. Al Jazeera English NewsHour 15:00 GMT Monday Oct 07—13. https://www.youtube.com/watch?v=2oE_WNNIGsU
2. Al Jazeera reporters on Gaza-Israel conflict. <https://www.youtube.com/watch?v=ByQMhWenzlQ>
3. BBC World News — Live report on Syrian refugees. <https://www.youtube.com/watch?v=-xamksy1VcU>
4. Exclusive: ISIL strikes with chemical warfare as PressTV reporter explains situation in Tikrit. <https://www.youtube.com/watch?v=E-b8zuzCzBo>
5. France floods: Seine river hits critical 6-metre mark in Paris, could rise to 6.5 m. <https://www.youtube.com/watch?v=PIBa5nsB6Qs>
6. Press TV's reporter covers the ongoing operation in Tikrit. <https://www.youtube.com/watch?v=1YdDwxW0Q6Y>
7. Reporter: Al Jazeera told me to ignore Syria intervention. https://www.youtube.com/watch?v=zWBADsK_7YE
8. Reporter sneaks into 'sterile' zone of Marseilles stadium ahead of Euro 2016 match. <https://www.youtube.com/watch?v=caukUtPKb2c>
9. SYRIA Aleppo battle — BBC reporter embedded with sunni jihadists and Al-Qaeda members. <https://www.youtube.com/watch?v=OEHewnGuw18>
10. Terror arrest: Detainee had planned string of attacks to coincide with Euro 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=-7AEjGZGUd4>

Arabic Corpus

- 11 أخبار مصر: اتصال هاتفي — إيهاب عمران .. مراسل التلفزيون المصري بأسوان
(tr. Egypt's News: a telephone call-Ihab Imran, Egyptian TV correspondent)
<https://www.youtube.com/watch?v=sD2ah4I8SEk>
- 12 أخبار مصر: اتصال هاتفي — حيدر الأسدي .. مراسل التلفزيون المصري في العراق
(tr. Egypt's News: a telephone call-Haidar Assadi, Egyptian TV correspondent in Iraq)
<https://www.youtube.com/watch?v=vvBBulXwfjE>
- 13 #آخر_النهار | هاتفياً مراسل تلفزيون النهار من أسوان و مشاجرة تسفر عن قتيلين
(tr. Al-Nahar News: a telephone call from Aswan, an altercation between two families, Al-Nahar TV correspondent)
<https://www.youtube.com/watch?v=qkXZgjpn4f8>
- 14 الحياة اليوم — مراسل الحياة اليوم ينقل الاجواء الاحتفالية بالإسماعيلية لإفتتاح قناة السويس الجديدة
(tr. Al-Hayah Today: a TV correspondent on the celebrations of New Suez Canal in Ismailia)
https://www.youtube.com/watch?v=_XAfIj0iqEE
- 15 عين على البرلمان — مراسل الحياة يروي أهم تفاصيل لحظة الموافقة على بيان الحكومة بموافقة 433 عضوا
(tr. An Eye on the Parliament: TV correspondent narrates the moment of approving the government's new mission statement) . <https://www.youtube.com/watch?v=xv80gYZMa3s>

- 16 #غرفة_الأخبار | صلاح الوحيدي مراسل سي بي سي إكسترا من غزة يشرح ما يحدث بالضفة الغربية CBC (tr. Newsroom: Extra correspondent Salah Wahidi explains what's going on in West Bank) <https://www.youtube.com/watch?v=KnwJ0cmd8ZU>
- 17 مراسل التلفزيون العربي: إجراءات أمنية وسياسية في تونس بعد اغتيال 4 شرطيين (tr. Al-Araby TV correspondent: tight political and security measures in Tunisia following the murder of 4 policemen) <https://www.youtube.com/watch?v=V0OfWJvDwlQ>
- 18 مراسل التلفزيون العربي: توقيف الإرهابيين في تونس أصبح روتينياً (tr. Al-Araby TV correspondent: detaining terrorists in Tunisia has become a daily routine) <https://www.youtube.com/watch?v=aJv06sryWNQ>
- 19 مراسل النهار اليوم يرصد المشهد الامتحاني من امام مدرسة الاورمان بالدقي (tr. Al-Nahar News: Al-Nahar TV correspondent is updating in front of the the Orman School in Dokki) https://www.youtube.com/watch?v=Bsi_kn1yhM8
- 20 #هنا_العاصمة | مراسل سي بي سي : حطام الطائرة أنشر على مساحة كبيرة بلغت 5 كيلو متر (tr. The Capital Now: CBC correspondent: the debris of the crashing plane spread over a 5-kilo meter area) <https://www.youtube.com/watch?v=aWNoCTtPmM>

Information about the author:

Amr M. El-Zawawy, Associate Professor of Linguistics and Translation, Faculty of Education, Alexandria University (Alexandria, Egypt). *Research interests:* Construction Grammar, Contrastive Stylistics, Discourse, Discourse analysis, Theory and Practice of Translation. *e-mail:* amrzuave@yahoo.com

Сведения об авторе:

Амр М. Эль-Завави, доцент кафедры английского языка факультета общеобразовательных дисциплин в Университете Александрии (Египет). *Сфера научных интересов:* грамматика конструкций, сопоставительная стилистика, дискурс, дискурс-анализ, перевод и переводоведение. *e-mail:* amrzuave@yahoo.com

Семиотика и коммуникация Semotics and Communication

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-947-956
УДК 81:003:929.6

Научная статья / Research article

Полисемиотические элементы государственных гербов — лингвоконфликтологический анализ

О.И. Максименко¹, П.Н. Хроменков²

Московский государственный областной университет
ул. Веры Волошиной, 24, Мытищи, Российская Федерация, 141014
¹maxbel7@yandex.ru; ²geleiter@gmail.com

Государственный герб страны как один из трех главных символов государства можно рассматривать как поликодовый текст, включающий вербальный компонент (девиз, название страны) и иконические геральдические составляющие. Присутствие на гербах потенциально конфликтосодержащих элементов (фигуры бестиария, оружие и пр.) может восприниматься как скрытая конфликтосодержательность. В статье дается лингвосемиотический анализ гербов всех стран мира на предмет их гипотетической конфликтосодержательности и приводятся результаты интерпретации реципиентами потенциально конфликтосодержащих составляющих гербов.

Ключевые слова: герб, лингвосемиотика, лингвоконфликтология, геральдика, интерпретация

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Максименко О.И., Хроменков П.Н. Полисемиотические элементы государственных гербов — лингвоконфликтологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 947—956. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-947-956

© Максименко О.И., Хроменков П.Н., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81:003:929.6

Polysemiotic Elements of the State Emblems

Olga I. Maksimenko¹, Pavel N. Khromenkov²

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina st., Mytishi, Moscow Region, Russian Federation, 141014

¹maxbel7@yandex.ru; ²geleiter@gmail.com

The national emblem of the country as one of three main symbols of the state can be considered as the polycode text including a verbal component (the motto, the name of the country) and iconic heraldic components. Presence on the arms potentially conflict elements (a figure of a bestiary, the weapon and so forth) can be perceived as latent conflictogenity. The article deals with linguosemiotic analysis of the arms of all world countries for their hypothetical conflictogenity. The results of the interpretation by recipients potentially conflict arms (national emblems) are given.

Key words: the arms, linguosemiotics, linguoconflictology, heraldry, interpretation

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Maksimenko O.I. & Khromenkov P.N. (2019). Polysemiotic Elements of the State Emblems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 947—956. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-947-956

*Символ заставляет задуматься, он зовет к интерпретации.
П. Рикёр*

Введение

С самых ранних времен развития цивилизации люди выбирали и использовали знаки, чтобы маркировать и объяснять свое существование, верования и культуру. Знаки постепенно приобретали дополнительные смыслы и превращались в символы. Изучением знаков, присутствующих практически во всех сферах жизни человека и общества, занимается семиотика, которую проще всего определить как науку о знаках и знаковых системах. Но когда знак превращается в символ, появляется необходимость его интерпретации, что, по сути, меняет отношение к знаку, расширяя его внутреннюю и внешнюю семантику.

А.Ф. Лосев, различая знаки и символы, писал, что образ (знак) и смысл образуют два элемента символа, немислимые друг без друга, и поэтому символы существуют как символы (а не как вещи) только внутри интерпретаций [3]. По словам П. Рикёра, символ заставляет задуматься, он зовет к интерпретации именно потому, что больше говорит, чем не говорит [6]. Одним из наиболее ярких феноменов, мультисемиотических, по сути, текстов, преисполненных символами и глубинными смыслами, требующими интерпретации, являются гербы.

Геральдические символы как лингвосемиотическая система

Одной из сфер науки и во многом искусства, единицей которой является именно символ, можно считать геральдику. В ней естественным образом произошло создание и развитие системы символов, одновременно идентифицирующих индивидуума и определяющих его место в социуме. Если следовать идеям Э. Кассирера [2], который расширил понятие символа, что позволило относить к «символическим формам» язык, миф, искусство и пр., то и геральдику, где сочетаются и язык, и миф, и история, и искусство, также можно считать «символической формой» человеческой культуры. Геральдика, являясь определенным «культурным кодом», входящим в семиосферу (по Ю. Лотману), требует, соответственно, раскодирования и интерпретации, т.е. она может стать объектом исследования в рамках семиотики и герменевтики. Г. Гадамер, разрабатывая теорию философской герменевтики, заметил, что в процессе интерпретации текста (в нашем случае мультисемиотичного текста гербов) происходит не только реконструкция, но и конструкция смысла [1].

Символы идентификации требовались для государств в той же степени, что и для отдельных индивидуумов. Первыми гербами стран мира считают символы, которые появились примерно в III тыс. до н.э. на монетах и медалях. Это были иконические знаки, изображавшие разнообразных мифических животных (например, орла с головой львицы у шумеров (Анзуд)), обладавшие непростой семантикой, требовавшей интерпретации формы, цвета (золотой и синий, как цвета неба и солнца), одновременно добра и зла. Символ, превратившийся в герб, служил как защитой, так и возможностью предъять себя всему миру. Учитывая постепенно усложнявшиеся образы, используемые в гербах и проходящие все ступени абстракции, к их анализу можно применять средства лингвосемиотики.

В ходе исторического развития постепенно у государств сложились три главных символа — гимн, флаг и герб. Гимны представляют собой насыщенные вербально выраженной символикой художественно-литературные образы (проанализированные нами в [4, 8]), флаги — визуальные символы, опирающиеся, как правило, на семиотику цвета и графических символов. Гербы, в свою очередь, можно считать художественными визуальными поликодовыми символами, т.е. феноменами, сочетающими в себе разные семиотические коды — пиктографическую составляющую, иногда вербальную составляющую, семиотически наполненные цвета и пр. Мотивы выбора того или иного знака-символа, цвета, вербальной составляющей для герба государства уходят корнями в глубины истории и не всегда известны или понятны.

Гербы государств (во всяком случае современные гербы) часто являются производными от гербов индивидуальных, которые в европейской традиции стали формироваться ориентировочно в 12 веке. В средние века воинские доспехи становились все более сложными, средневековый воин оказался буквально с ног до головы закован в броню, а закрывающий голову шлем скрывал лицо и превращал воина в некоего анонима, отчасти поэтому потребовалась символика, позволяющая отличать в бою своего от чужого.

Щит был основным элементом защиты, а его широкая поверхность оказалась идеальной для размещения геральдических символов, поскольку на щите они были

хорошо видны. Иконические символы были еще и прагматически оправданы, поскольку воспринимались как эмблемы или знаки отличия, которые проще было идентифицировать, поскольку большинство воинов читать не умело.

По мнению М. Пастуро, средневековые символы в большей мере характеризовали общие модусы смыслопорождения, чем то или иное свойственное ему значение. Например, если говорить о цвете, как важной семиотической составляющей гербов, то можно утверждать, что красный — это не столько цвет, обозначающий страсть, сколько цвет, который навязывает себя (в хорошем или плохом смысле слова); зеленый предполагает перелом, нарушение порядка, обновление; синий успокаивает или стабилизирует; желтый связан с возбуждением или трансгрессией [5]. Кроме того, цвет никогда не бывает изолирован; он приобретает значение и смысл только в сочетании с другим цветом или цветами — или по контрасту с ними. В символике герба, уходящей корнями в средневековье, вербальная составляющая, цвет, цифры, поза или жест фигуры животного из геральдического бестиария, растение, форма герба обладают глубинной семиотикой, то есть могут представлять, означать или отсылать к чему-то другому, отличному от того, чем они хотят являться или казаться. Задача состоит в том, чтобы установить эту имплицитную отсылку и попытаться интерпретировать ее.

Однако поскольку эти семиотически сложные объекты являются репрезентантами государств в современном цивилизационном пространстве, имеет смысл провести анализ их восприятия и интерпретации средствами лингвоконфликтологии с целью выяснения, являются ли конфликтосодержащие элементы гербов (по мнению одних реципиентов) конфликтогенными (для других), где под конфликтосодержащим элементом мы понимаем элемент, воспринимаемый и дефинируемый как имеющий негативную коннотацию, а под конфликтогенным — элемент, способный спровоцировать развитие конфликта.

Конфликтосодержащие элементы государственных гербов: анализ иконического и вербального компонентов

В силу сложившихся экстралингвистических обстоятельств и существенного роста конфликтных ситуаций в современном социуме изучение и анализ конфликтов разного рода превратились в очевидную потребность. Анализ природы конфликтов становится темой разнообразных научных исследований.

Конфликтология как научная дисциплина складывалась в течение двадцатого века, опираясь на исследования психологии, социологии, истории и др. Соответственно, методы конфликтологии во многом заимствованы из этих научных направлений. Конфликты между нациями и государствами рассматривались в конфликтологии как производные от противоречий национальных интересов.

Появление в гуманитарном дискурсе категории «цивилизация» (в ее постшпенглеровской трактовке в качестве историко-культурного типа) привело к акцентированию внимания не только на противоречиях интересов, но и на противоречиях ценностей. Наиболее определенно конфликтная сторона цивилизационного направления была представлена в теории «цивилизационных войн» С. Хантингтона. Конфликт цивилизаций в хантингтоновской версии является запрограмми-

рованным результатом их существования [7], что способно отражаться в государственной символике.

Лингвоконфликтология как междисциплинарное научное направление, существующее в рамках общей лингвистики и опирающееся также, что очевидно, на изыскания конфликтологии, находится в процессе становления. Как правило, в рамках этой дисциплины изучаются языковые, чаще всего речевые, конфликты либо с позиций языкового коммуникативного акта, либо с позиций экстралингвистики, изучения диалога, т.е. лингвоконфликтология занимается исследованием природы вербального конфликта и его гипотетических последствий.

Однако учитывая современную мультимодальную коммуникативную среду, существующую в рамках межкультурной коммуникации, можно расширить сферу интересов лингвоконфликтологии не только на непосредственные речевые акты или же речевые акты, зафиксированные в письменных текстах, например, в сакральных текстах, художественной литературе, СМИ печатных и электронных [8], но и на сферу семиотически комплексного восприятия окружающих человека поликодовых текстов, опираясь на точку зрения Ю.М. Лотмана, говорившего, что вся жизнь есть текст.

Как упоминалось выше, герб представляет собой поликодовый текст, в котором можно выделить основные семиотические доминанты, отражающие «язык геральдики» — цвет, форму, иконическую символику, вербальную составляющую (надписи, девизы, собственно названия стран). Иконическая составляющая символики государственных гербов весьма разнообразна и может отражать характерные природные ресурсы страны (растения и животных), как, например, кенгуру и страус эму на гербе Австралии, кофе на гербах ряда стран Латинской Америки или хлопок на гербах Узбекистана, Туркмении и некоторых других стран, для которых эти сельскохозяйственные культуры являются экономически значимыми. Такие естественные негеральдические иконические компоненты можно отнести к категории семиотически описательных.

Но, как известно, гербы многих государств мира содержат изображения хищных животных, оружие, атрибуты воинской службы, оборонительные сооружения, карающие силы природы (молнии и пр.). Все эти символы можно отнести к мотивационной категории конфликтосодержащих образов.

В современном мире насчитывается немногим больше 250 стран, однако, не у всех есть герб как официальный государственный символ. Например, Япония в качестве отсутствующего у нее государственного герба использует герб императорского дома Японии — стилизованную хризантему. У Франции и Турции также нет официальных гербов, только эмблемы. Тем не менее, большинство стран мира чрезвычайно серьезно и осознанно относятся к семиотике гербов, так, например, Франция меняла свою эмблему не менее 10 раз — от трех жаб на белом фоне времен Хлодвига I (5 век н.э.) до современной эмблемы с глубокой семиотикой, последние изменения в которую были внесены в 2018 г. Тем самым блазонирование, как универсальный геральдический код, учитывает значительное число семиотически осмысленных факторов, включая гипотетически конфликтогенные. Безусловно, теория интерпретации подсказывает, что оппозиция «конфликтогенный — неконфликтогенный» зависит от автора и реципиента, тем не менее, поскольку герб является репрезентантом государственной идеи той или иной страны, учитывать то, как будет воспринят этот репрезентант, принципиально важно.

Таблица 1 / Table 1

**Конфликтосодержащие образы в гербах стран мира /
Conflict-containing images in the arms of the countries of the world**

Страна	Конфликтосодержащие образы
Австралия	лев
Австрия	орел; разорванные цепи
Азербайджан	ветви дуба (трактуются как символ национальной военной мощи)
Ангола	мачете
Армения	лев; орел; разорванная цепь; меч
Барбадос	рыцарский шлем
Бельгия	львы; рыцарский шлем
Бенин	леопарды; крепость
Бермуды	чудовище; гибнущий в водной стихии корабль
Боливия	пушки; мушкеты; боевые знамена; боевой топор
Бразилия	меч
Бутан	драконы; удар молнии
Вануату	воин; копье; кабаньих клык
Великобритания	львы; леопард; нашлемник; цепи, в которые закован единорог
Венесуэла	меч; сабля; копыя; боевые знамена; лук со стрелами
Восточный Тимор	автомат Калашникова; сабли; стрелы
Гаити	пушки; ядра; боевые знамена; ружья; барабан; боевые топоры
Демократическая Республика Конго	ягуар; копье; бивень слона
Западная Сахара	винтовки
Зимбабве	автомат Калашникова
Иордания	орел; копыя; сабли; щит; луки со стрелами
Ирак	орел
Иран	меч
Исландия	орел; дракон
Кения	львы; копыя; боевой топор
Колумбия	орел; копыя
Латвия	лев; грифон
Лесото	копыя, крокодил
Ливия	ястреб
Литва	рыцарь на коне; доспехи; меч; щит
Лихтенштейн	орел; гарпия
Мартиника	змеи с жалом
Мексика	орел, пожирающий змею
Мозамбик	автомат Калашникова
Монако	вооруженные монахи; мечи
Непал	солдаты; нож; винтовка; пика
Панама	орел; меч; винтовка; боевые знамена
Папуа Новая Гвинея	копыя; барабан
Россия	двуглавый орел; Георгий Победоносец; змей; копыя
Сербия	двуглавый орел
Сингапур	тигр; лев
Сирия	ястреб
Соломоновы острова	крокодил; акула; орел; оружие
США	орел; стрелы
Танзания	копыя; топор; бивень слона
Того	львы; луки и стрелы
Тонга	мечи
Фиджи	копыя; дубина; лев
Филиппины	лев; орел; стрелы
Финляндия	лев; меч; сабля
Франция	лев; боевой топор
ЮАР	копыя; слоновий бивень
Ямайка	крокодил; шлем; копыя

С целью выяснения присутствия конфликтосодержащих элементов было проанализировано более двухсот гербов стран мира (см. табл. 1). Квантитативный анализ позволяет установить, что потенциально семиотически конфликтосодержащие геральдические фигуры содержатся в большинстве современных государственных гербов — 67,8%. К потенциально семиотически конфликтосодержащим мы относим оружие разного рода (пики, копья, луки, мачете, боевые топоры, сабли, ножи, дубины, пушки, ружья, винтовки, автомат Калашникова) и иные воинские аксессуары (рыцарский шлем, боевые знамена, щиты, цепи); изображение вооруженных людей (рыцари, вооруженные монахи, воины и современные солдаты); изображение оборонительных сооружений (крепость, замок); геральдический бестиарий — как исторический, мифологический, так и современный (драконы, единороги, грифоны, гарпии, змеи с жалом, львы, леопарды, орлы, крокодилы, акулы). Оружие содержится в 28,9%, а хищные животные — в 43,1% государственных гербов. В гербах трех государств — Восточного Тимора, Зимбабве и Мозамбика в качестве геральдической фигуры используется автомат Калашникова. Для ряда гербов тема конфликта является содержательно образующей.

Наиболее частотными в гербах по-прежнему остаются фигуры геральдического бестиария — львы, леопарды, ягуары, змеи, орлы, грифоны, драконы, гарпии, причем геральдическая интерпретация животного, входящего в бестиарий, может заметно отличаться от его трактовки обычным современным обывателем. Так, например, едва ли не самой частой геральдической фигурой, начиная со Средневековья, остается лев или леопард (в геральдике они нередко совпадают и различаются только позой). Он в той или иной форме присутствует более чем на 20% гербов стран мира, а орел, также представитель геральдического бестиария, — примерно на 15%.

Лев как, безусловно, агрессивное животное, появившись в качестве иконического символа сначала на рыцарских щитах с XI века, воспринимался в Средневековье как знак-маркер рыцаря-христианина, в то время как дракон фигурировал на щитах языческих воинов. Хотя, как указывают разные источники, льва долгое время не считали «царем зверей» и благородным созданием, достаточно вспомнить библейские ветхозаветные истории Давида и Самсона. Лев в этой интерпретации жесток и необуздан. Дополнительную коннотацию привносит поза льва, например, готовящегося к прыжку, как на гербе Шотландии. С течением времени интерпретация этого иконического символа изменилась, и в наши дни ему по большей части приписывается благородство и надежность.

Как упоминалось выше, герб представляет собой в высшей степени сложный для интерпретации поликодовый феномен, в рамках которого может рассматриваться понятие внутренней интертекстуальности, то есть существование интертекстуальных связей между вербальным и невербальным элементами герба. Вербальная составляющая гербов распадается на две категории — собственно номинацию страны (Беларусь, Вьетнам, Италия и др.) и девиз, выражающий мотивационный призыв или констатирующую идеологическую доминанту на национальном

языке или нередко на латыни (например, Гайяна — “One people. One nation. One destiny” или Андорра — “Virtus unita fortior”). Так, арабские страны отдают предпочтение арабскому языку (Алжир — «Руками народа, для народа», Бруней — «Всегда служить под водительством Бога», Ирак, Иран — «Бог велик!» и др.). Одним из исключений является девиз на гербе Великобритании, являющийся, по сути, девизом британской монархии “*Dieu et mon droit*” (Бог и мое право), написанный не на государственном английском, а на французском языке. В целом, анализ показывает отсутствие конфликтосодержащей лексики в вербальном компоненте мировых гербов. Как правило, мотивационной доминантой служат понятия свободы, независимости, мира, процветания. Пожалуй, единственный девиз на гербах стран мира, который можно интерпретировать как имплицитно конфликтосодержащий — это девиз на гербе Чили — “*Por la razón o la fuerza*” («Правом или силой»).

Безусловно, символ всегда весомее и подлиннее реального человека или вещи, которых он должен представлять, а глубинная интерпретация геральдических символов не входит в задачи лингвистики, однако, нами была поставлена задача выяснить, вызывают ли гипотетически конфликтосодержащие (оружие, хищные звери и пр.) иконические символы гербов, указанные выше, чувство угрозы у реципиентов, которым предъявлялось изображение герба. Геральдическая интерпретация символики не требовалась. Ассоциативный эксперимент проводился среди студентов-международников университета МГИМО МИД России в возрасте 18—25 лет, представителей разных стран мира. По результатам опроса выяснилось, что подавляющее число респондентов (87%) воспринимали указанные символы как конфликтосодержащие, если обращали внимание именно на отдельно взятый элемент герба — фигуры бестиария, оружие и пр., хотя многие из этих символов специалисты по геральдике таковыми не считают. Как уже упоминалось, лев на гербе говорит о могуществе и силе государства, но, поскольку лев не нападает, если не голоден и не уверен в победе, то геральдический лев еще и символ благоразумия. Присутствующий на множестве гербов орел означает то же самое. Стрелы на гербах символизируют готовность к войне (имеется в виду к обороне), но однозначно трактуются реципиентами как угроза, равно как и весь ряд бестиария. Те реципиенты, кто знал об интерпретации символов герба конкретного государства, как правило, о конфликтосодержащести не упоминали. Оружие и животные воспринимались как символ способности защищать государство.

Отдельно стоит отметить наиболее частотное среди реципиентов восприятие гербов как поликодовых символов, вообще не требующих интерпретации. Они воспринимаются как своего рода гештальт, целостный образ, не предполагающий разложения на составляющие. Максимальный интерес при таком восприятии вызывали вербальные компоненты герба. В символике, как в любой другой открытой семантической системе, ничто не функционирует вне контекста. Наличие вербального компонента (девиза) существенно сужает круг интерпретаций.

Заключение

Интерес к геральдической символике как поликодовой системе, особенно государственной, устойчив из-за ее способности абсорбировать новое, поддерживать связь с прошлым и обеспечивать целостность с настоящим. При изучении символов не следует проецировать на прошлое наши собственные знания, ибо те общества, которые предшествуют нам во времени, ими не обладали [5]. Необходимо учитывать воздействие времени, экстралингвистических реалий, смены парадигм восприятия одного и того же символа у разных поколений.

Таким образом, все же стоит отметить, что по устойчивости выраженности темы конфликта государственные гербы оказываются содержательно насыщенными. Следовательно, функция государственной идеологии в качестве мотиватора борьбы с врагом государства по-прежнему сохраняет свою актуальность. Государственный герб языком художественных образов позволяет выразить то, что сформулировать прямым текстом официальных документов недопустимо. Это говорит о том, что установка государств на борьбу сохраняется, хотя и оказывается вынесенной в нишу имплицитного аллегорического проявления.

Библиографический список

1. Гадамер Г. Истина и метод. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1.
3. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Наука, 1993.
4. Максименко О.И., Хроменков П.Н. «Язык вражды» в отношениях религиозных и светских общностей // Современная коммуникативистика. 2016. № 6 (25). С. 55—61.
5. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. Пер. с фр. СПб.: Александрия, 2012.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. Пер. с франц. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2008.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
8. Хроменков П.Н. Лингвоконфликтологический анализ государственных гимнов // Вестник МГОУ сер. Лингвистика. 2015. no 5. С. 55—61.

References

1. Gadamer H-G. (1988) *Wahrheit und Methode*. Moscow: Progress (In Russ.)
2. Kassirer E. (2002) *Philosophie der symbolischen Formen*. SPb: (In Russ.)
3. Losev A.F. (1993) *Essay of antique symbolism and mythology*. Moscow: Nauka (In Russ.)
4. Maksimenko O.I., Khromenkov P.N. (2016) “Hate speech” concerning religious and secular communities. Moscow: *Modern communicativistics* (In Russ.)
5. Pastoureau M. (2012) *Une histoire symbolique du moyen age occidentale*. SPb.: Alexandria (In Russ.).
6. Ricœur P. (2008) *Conflict of interpretations: hermeneutics essay*. Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole (In Russ.)
7. Huntington S. (2003) *The clash of civilizations*. Moscow: AST (In Russ.)
8. Khromenkov P.N. (2015) *Linguokonfliktological analysis of national anthems*. Moscow: MGOU (In Russ.)

Информация об авторах:

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; *научные интересы*: лингвoseмиотика, прикладная лингвистика, формальные методы в лингвистике; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

Хроменков Павел Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; *научные интересы*: лингвoseмиотика, прикладная лингвистика, лингвоконфликтология; *e-mail*: geleiter@gmail.com

Information about the authors:

Olga I. Maksimenko, Doctor of Philology, Professor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department Moscow Region State University; *research interests*: linguosemiotics, computer linguistics, formal linguistics; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

Pavel N. Khromenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department Moscow Region State University; *research interests*: linguosemiotics, applied linguistics, linguoconflictology; *e-mail*: geleiter@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-957-976
УДК 81'22

Научная статья / Research article

Юродство, потемневшие иконы и механизм забвения в контексте семиотической системы культуры

С.В. Герасимова

Московский политехнический университет
ул. Большая Семеновская, 38, Москва, Российская Федерация, 107023
metanoik@gmail.com

Юродство осмысливается в контексте семиотической системы культуры, в которой в отношении целого и части, отражающей универсальные принципы целого, находятся такие явления и символы, как, с одной стороны, космическая ночь, а с другой — советское богоборчество, забвение, потемневшая икона, юродство. Для анализа этих категорий приводятся примеры из творчества писателей, принадлежащих к золотой цепи русской духовной традиции.

Ключевые слова: Андрей Голов, Николай Кириянов, Галина Пыльнева, мать Руфина

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Герасимова С.В. Юродство, потемневшие иконы и механизм забвения в контексте семиотической системы культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 957—976. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-957-976

УДК 81'22

Foolishness, Darkened Icons and the Mechanism of Oblivion in the Context of the Semiotic System of Culture

S.V. Gerasimova

Moscow Polytechnic University
st. Bolshaya Semenovskaya, 38, Moscow, Russian Federation, 107 023
metanoik@gmail.com

Foolishness is understood in the context of a cultural semiotic system, where the proportional relation of the whole to the part reflecting the universal principles of the whole contains such phenomena and symbols as, on the one hand, a cosmic night, and on the other, oblivion, soviet theomachism darkened icon,

© Герасимова С.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

foolishness. For the analysis of these categories, examples are given from the works of writers belonging to the golden chain of the Russian spiritual tradition.

Key words: Andrei Golov, Nikolay Kiryanov, Galina Pylneva, nun Rufina

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Gerasimova, S.V. (2019). Foolishness, Darkened Icons and the Mechanism of Oblivion in the Context of the Semiotic System of Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 957—976. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-957-976

Посвящается памяти матушки Феклы

Текст представляет контекст как некоторая часть — целое.

Лотман М.Ю. Семиотика культуры и понятие текста.

Часть гомеоморфна целому: она представляет

не дробь целого, а его символ

Лотман М.Ю. Проблема знака и знаковой системы

и типология русской культуры XI—XIX веков

Введение

Цель статьи — понять место в семиотической системе русской культуры такого духовного подвига, как юродство, и указать на его связь с механизмом забвения, потемневшими иконами, русским бунташестом и др.

Размышляя над механизмом забвения, отметим, что рождение письменности не только символ прогресса человеческой культуры, но и условие отмирания памяти, поскольку созданные в дописьменный период поэмы Гомера ориентированы на культуру запоминания. Кроме возникновения письменности, есть еще один важный процесс, лежащий у основания постепенной мутации культуры памяти в записывающую цивилизацию, — это процесс десакрализации текста.

Ю.М. Лотман, анализируя автокоммуникацию, выделяет ее важнейшие свойства, указывая, что порожденные ею тексты

— превращаются в штампы, тождественные со всем вечным и стабильным [1. С. 48];

— предполагают многократное прочтение [1. С. 48];

— фиксируют не события, а схемы организации сообщений, становясь синтагматическими и асемантическими, как мифы [1. С. 51];

Первые два из этих свойств можно отнести к сакральным текстам, какими были в древности мифы и сказки, противопоставленные массе оригинальных произведений и пассивности читателя современной цивилизации [1. С. 50]. Лотман говорит о большей статичности древней автокоммуникационной культуры и об активности ее членов.

В житиях встречаются упоминания о святых, которые знали наизусть всю Библию. Таков, например, преподобный Марк Постник, подвизавшийся в Нитрийской пустыне в V в. Есть упоминания о том, что знал Библию наизусть Иван Грозный. При всей своей статике сакральный текст создан для запоминания, поэтому обретае жизнь, подвижность и множественность восприятий верующих

при общей направленности церковного истолкования. В работе «Священное писание и Церковь» свт. Иларион Троицкий свидетельствует, что Евангелие — уступка падшей природе людей, не способных жить так, чтобы благодать Святого Духа писала на скрижалях сердец человеческих.

Первой реакцией на вступление древнегреческой культуры в эру накопления знаний и текстов станет рождение духа соревновательности, который позволяет ограничить круг сведений, сделать его запоминаемым, пусть и с трудом, хотя бы для избранных. Актуальная память сужается и большие пласты знаний уходят на периферию, в пассив.

Дух соревновательности внушал мысль выбирать лучшего из трех трагиков. Этот же дух унаследовала христианская цивилизация: когда просияли подвигами три вселенских учителя Церкви: святители Василий Великий (ок. 330—379), Григорий Богослов (ок. 325 — 389) и Иоанн Златоуст (ок. 347 — 14 сентября 407) — и начались споры между духовными чадами и последователями святых: кто из них лучше, то Церковь — после их явления в 1084 г. митрополиту Евхаитскому Иоанну — постановила чтить их память вместе, то есть 12 февраля (по н. ст.). Святитель Дмитрий Ростовский передает обращение святителей так: «Нет между нами ни первого, ни второго. Если ты ссылаешься на одного, то в том же согласны и оба другие. Поэтому, повели препирающимся по поводу нас прекратить споры, ибо как при жизни, так и после кончины, мы имеем заботу о том, чтобы привести к миру и единомыслию концы вселенной» [2. С. 433].

Сакральная память отказывается от избирательности. Даже накапливая знания и создавая иерархию ценностей, она исключает механизмы, запускающие процесс забвения: дух соревновательности; центростремительные силы, сосредоточивающие культурную жизнь в столице; создание пантеона деятелей культуры первого ряда, которые существуют словно в вакууме, вне живой культурной среды.

Кроме того, механизм забвения запускается культурным сломом, ярче всего выражающимся в учении о смерти, или в танатологии. Высший пантеон вытеснен христианской культурой, в скрипториях которой сохранены преимущественно те древние памятники, в коих появляются архетипы, наиболее ярко соотнесенные с христианскими логосами. Например, в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» зафиксировано сознание девушки, которая на алтаре в Авлиде пережила по воле отца, Агамемнона, смерть и воскресение, вызывающее в памяти историю Исаака, прообразующего в библейском сюжете, известном как жертвоприношение Авраама, — Самого Христа, с которым также соотнесен Прометей прикованный из одноименной трагедии Эсхила, так как ее герой страдает за то, что облагодетельствовал род человеческий, принеся на землю небесный огонь. На сломе эпох проявляется принцип избирательности памяти, нацеленный на то, чтобы помочь человечеству забыть все, что удерживает его в контексте язычества, и сохранить то, что помогает язычеству принять христианство.

Однако мировоззренческий слом, свидетельствуя о живучести предшествующей культуры, ставит нас перед проблемой невозможности забыть. Особенно живучим оказывается порождающий двоеверие низший пантеон, потому что быт, с которым он сросся, консервативен и меняется медленнее синхронического, то есть лидирующего в культуре мировоззрения, точнее быт — тоже является мировоззрением, но архаическим (или диахроническим) и выраженным на языке артефактов.

Мир как текст в творчестве Галины Пыльневой

Итак, если синхронический тип культуры устремляется к полюсу светскости и конкурентоспособности, запускающей механизм забвения, то диахронический тип культуры, срастаясь с бытом, устремляется к сакральному ее типу. В Советской России была уничтожена сакральность повседневного быта. Она осталась лишь в церковном обиходе, для которого Вера неотделима от культуры телесного вхождения человека в культ. Светской культуре забвения в целом противостоит сакральная культура Церкви. О том, что кажется преданным забвению светской культурой, теплится память

в контексте культуры сакральной, ибо эталонным носителем ее памяти является сам Господь.

Носительницей сакральной культуры была Галина Александровна Пыльнева, монахиня Варвара, в схиме мать Сергия (1936—10.03.2017). Галина Александровна еще девочкой впервые поехала в Сходню к прошедшему лагеря старцу иеросхимонаху Иннокентию (Орешкину) (1869/1870—1949), который, хотя из-за немощи брал в чада уже не всех, принял ее в духовные дочери и исповедовал вплоть до своей кончины. Спустя 68 лет Схимонахиня Сергия почилла в один день с первым своим духовником — 10 марта 2017 года и покоится рядом с ним.

В христианстве духовная традиция не самозарождается, а передается от учителя к ученикам. О золотой цепи говорит св. Федор Студит, воспринявший опыт игумена и архимандрита Студийского монастыря — Саввы, стоявшего за иконопочитание на Втором Никейском соборе (787). Золотая цепь, или духовная традиция, которая связывает мать Варвару (Сергию) с подвижниками Святой Руси, позволила ей жить в ином времени и в иной России, сокровенной, гонимой, внутренней, которая оставалась по духу своему неведомой и невидимой для России Советской. Это был город в городе и страна в стране, которая приоткрылась нам благодаря многочисленным книгам матушки.

Схимониня Сергия (Галина Пыльнева), получившая имя в честь преподобного Сергия Радонежского, после пострига в великую схиму в 2016 г.

В 1953—1959 годах Галина Пыльнева училась в Московском текстильном институте. В «Глинской мозаике» она рассказывает, как, сдав летнюю сессию на первом курсе, от переутомления и усталости страдала бессонницей, поэтому тетушка, срочно взяв отпуск, повезла ее в начале июля на Украину — в возрожденную Глинскую обитель (1942—1961), куда Галина Пыльнева приезжала каждое лето с 1954 по 1959 год, вспоминая, что от обители остался только архиерейский корпус и больничный храм, посвященный празднику Воздвижения Креста Господня.

В очерке, стремящемся стать патериком, делается акцент на духовной жизни обители, насельники которой подвизались в крайней скудости, жажда богатства духовного, а не восстановления стен. В преодолении материальных интересов рождалась любовь и бескорыстие иноков.

Словно реализуя метафору Жака Деррида, а также Топорова — мир как текст, Галина Пыльнева узнает Украину сквозь призму творчества Шевченко, Гоголя, Куинджи, удивляясь тому, как ночью, таинственной и одухотворенной, «странно увидеть настоящую украинскую хату с маленькими окнами, крытую соломой, обмазанную глиной и выбеленную известкой» [10], как, например, на картине Архипа Куинджи (1842—1910) «Украинская ночь».

Куинджи, Архип Иванович. «Украинская ночь» (1876) [7]

Семиотика потемневшей иконы

Тема света, исходящего из тьмы, объединяет работы обрусевшего грека Куинджи и испанского художника, уроженца Крита, Эль Греко (1541—1614).

Возрожденческие шедевры не созданы для православных молитв, но картины Эль Греко, не заменяя ни в коем случае церковные образы, доносят память иконописной традиции. На потемневшей от времени иконе засиял обновившийся лик Христа. Только обновление на полотнах Эль Греко не чудесное, а рукотворное, сымитированное. Икона соотносится с картиной как чудесное обновление — с имитацией.

Этот образ Спасителя стал возрожденческим истолкованием лика Спаса с доиконоборческой иконы монастыря св. Екатерины на Синае.

Эль Греко. Христос в молитве (1595—1597) [14]

Эль Греко. Спаситель
(1608—1614) [3]

Образ Спасителя из монастыря
св. Екатерины на Синае

«Образ Спасителя из монастыря св. Екатерины на Синае — один из самых впечатляющих шедевров иконописи. Был написан, как принято считать, в Константинополе в середине VI века при императоре Юстиниане I и передан им в дар Синайскому монастырю, пользовавшемуся покровительством императора» [4].

Андрей Михайлович Голов связывал картины Эль-Греко с эффектом самосветящейся тьмы. Затворник и благотворитель Куинджи, как и Эль Греко, создает светящегося Спасителя, окруженного ночной полутьмой [11].

Но контрастнее всего свет, прорезающий тьму, появляется на картине Куинджи «Лунная ночь на Днепре», потемневшей вскоре после создания.

Иконы со временем темнеют, переходя от катафатического богословия (Господь — Свет, Истина, Любовь, выражающиеся в божественных энергиях, разлитых в мире) к апофатическому (Господь — Тьма, превышающая всякого человеческого разумение, трансцендентное, запредельное миру Бытие), явленному также в имени Спаса под титлом. Русская традиция написания слов под титлом близка древнееврейской письменности, в которой записывался преимущественно костяк согласных, свидетельствующий о сакральности знания, которое не должно быть осквернено полным называнием, обнажением истины. Потемневшая икона — культурный код, который реализуется в способности представить мудрость под прикрытием безумия, полноту знания — в виде невразумительного потока слов (в глоссолалиях, которые в апостольское время обретают силу многоязыкой проповеди), в юродстве.

Куинджи, Архип Иванович.
Христос в Гефсиманском саду (1901) [5]

Куинджи, Архип Иванович. Лунная ночь на Днепре (1880) [6]

Место юродства в семиотической системе культуры

Юродство есть в тех христианских странах, где встречаются потемневшие иконы, порождающие опыт бытового общения с апофатическим богословием. Первый русский юродивый — блаженный Прокопий Устюжский († 8.07.1303 по ст. ст.) — выходец из Пруссии. После разорения отца он прибыл в ганзейский град — Великий Новгород и принял Православие. Не оставивший по себе никакой памяти в Пруссии, он стал русским святым, приобщившись к важнейшему коду русской семиотической системы — к потемневшей иконе, которая выражает и формирует особенности сознательного и бессознательного в поведении человека. Сознательную устремленность к святости и бессознательное желание скрыть ее за внешним юродством и его падшим секулярным двойником — бунташеством.

Динамику его судьбы повторяет блаженная Ксения Петербургская: не осталось воспоминаний о ее молодости, но после смерти супруга она приняла на себя подвиг юродства, достигнув святости. Ею двигала любовь к почившему, ибо он умер без покаяния, и блаженная Ксения взяла на себя крест его грехов, чтобы очистить их собственным страданием, к которому приводит юродство. Внутренний мир святого — любовь и святость — прикрыты внешним безумием, мнимой духовной болезнью. А болезни воспринимались как следствие грехопадения Адама, то есть как следствие греха, а порой и влияния духов зла.

На иконе полнота бытия святого сокрыта потемневшими от времени красками, в житии юродивого святость спрятана под внешним, напоказ, безумием и грехом.

В семиотической системе культуры связаны все элементы и целое повторяется частью. Целое — это космическая тьма, это мир во грехе, который, как пелена, окутывает тьмой творение. Часть, символизирующая сущность вселенских процессов, — периоды революций в истории человечества, которые тоже являются целым, частью коего, символизирующей и его, и его способность к обновлению становятся потемневшие иконы и святость под спудом внешнего юродства, свидетельствующего о свете на языке тьмы, к которому привыкло больное сознание современников святого. Его показное безумие имеет не только внутренние детерминанты (желание скрыть свой подвиг), но несравненно более важные детерминанты внешние — желание заговорить о святости на языке мира, но мир во зле, мир безумен, поэтому безумен и язык жестов и поступков, а не только слов юродивого.

Целое — это огненное сошествие Святого Духа в Троицу, которое предсказывает чудо обновления вселенной, однако не всей, а только святых, но не космической тьмы. Часть, указывающая на целое, — это реставрация духовных ценностей после революций, а в свою очередь ее частью, указывающей на сущность целого, становится обновившийся иконографический образ и признанная святость юродствующего подвижника. В контексте катафатического богословия потемневшая икона и подвиг юродства — символы вселенной во тьме, космической ночи. В контексте апофатического — они указывают на непознаваемость Творца. Таким образом, человеческая культура является частью вселенной и сохраняет ключи к ее пониманию (ср. катафатическое Богословие), но она же является частью замысла Творца о творчестве своего творения и сохраняет ключи к постижению Его непостижимости (ср. апофатическое Богословие).

Г.П. Федоров в труде «Святые Древней Руси» сравнивает юродивого с Иванушкой-дурачком. Юродивый и Иванушка соотносятся друг с другом как Логос и архетип. Как Иван преобразится в мужа царевны, так под безумием юродивого просияет святость. Апофатическое богословие в потемневших красках иконы лежит в основе чисто русской любви к блаженным и блажененьким. Подобными примерами наполнена книга Ивана Прыжова «Юродивые и кликуши».

Логос юродства соотнесен с Божественным кенозисом, ибо Господь «уничтожил [εκένωσεν] Себя Самого, приняв образ раба...» (Фил. 2:7). Его архетипическим, или падшим, двойником стал Дионис. Среди свойств, связующих сакральный Логос юродства с его архетипом, назовем причастность к смеховой культуре, точнее — к разным ее видам; мотив винопития и помутнения рассудка; нагоходства. Дионис выражает первобытное алкание истины, обретшее полноту в Логосе юродства. А винопитие — теневое истолкование логоса Причастного Вина. Архетипы как двойники Логосов утратили зерно благодати с приходом христианства, которое хотя и в искаженном виде, но предваряли, а ныне стали деструктивными.

Космос как самостоятельная семантическая единица

«Лунная ночь на Днепре», потемнев, разделила судьбу икон. Но на обновившейся иконе вновь засиял Свет, и семантика иконы стала иной: космосу и тьме мира во грехе противостоит Спас. Такова же семантика иконы Сошествия Духа Святого на апостолов: языки пламени почивают на главах апостолов, которым противостоит символическая фигура темного космоса, что внизу. Хотя апостольское служение связано с образом обновившейся иконы (катафатическое (утвердительное, положительное) богословие), а юродство — потемневшей (апофатическое (отрицательное)), эти два подвига сходятся как противоположности. Когда апостолы заговорили на разных языках, их признали пьяными. Узкому человеческому сознанию чужды и смешны как глоссолалии апостолов, с их явной благодатью, так и сокровенное служение юродивого. Но юродивый сам притворяется пьяным, а апостол оправдывается, уверяя, что в три часа дня (по-нашему около девяти утра) апостолы не могут быть пьяны (Деян.: 2, 15).

Сайт иконописца Петра Нефедова.
Сошествие Святого Духа на апостолов —
икона из праздничного ряда
храма на о. Городомля на озере Селигер.
URL: <http://petr-icons.ru/icon/018.html>
(дата обращения: 29.05.2019)

Пятидесятница.

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник XV век: URL:
<https://pravoslavie.ru/sas/image/100607/60751.b.jpg?1466191240>
(дата обращения: 29.05.2019)

Работы Эль Греко и Куинджи сохраняют память о чуде обновления. Темный фон — это память о темнеющих красках на левкасе. Но, кроме того, это и символ грехопадения мира, всей твари в нем, всего космоса, не просвещенного светом Христовой Истины. На праздник Троицы обновилась не вся тварь, но власть над первородным грехом получил лишь человек: только апостолы пребывают в пламени, а весь мир по-прежнему погружен во тьму и действительную, и символическую, то есть в тьму греха, поэтому фигура, обозначающая космос на иконе Троицы, изображена на фоне греховной ночи, представленной также покрывалом в руках космоса. Космический смысл тьмы картинного пространства почувствовал И.В. Долгополов около картины Эль Греко *«Вид города Толедо»*.

«Впервые я зримо ощутил, осязаемо почувствовал реальность движения нашей планеты в Космосе. И это ощущение громадности пространства, непостижимости, необъятности мира, вселенной, окружающей нас, уже не покидало меня... Как ничтожно мал человек, как бы потерявшийся в этих просторах! Вот он бродит по пустынным дорогам, переплывает на белом коне быстрюю реку... Истинно не люди, а лишь черви малые, затерянные человечки, копошатся в этом гулком,

Эль Греко «Вид города Толедо»

летащем в бездне галактики мире. Никто до Эль Греко и, пожалуй, никому, кроме позднего Ван Гога, не удалось с такой безнадежной ясностью ощутить всю трагическую суть конечности бытия рода человеческого, его обреченность и подвластность грозным стихийным силам.

С неистовой, неодолимой стремительностью продолжала полет наша Земля в аспидно-черных провалах Вселенной, и не небо, а зияющую бездну Космоса ощущал я в прорывах седых туч...» [7].

Потемневшая икона соотносима с космической тьмой, которая в день Троицы засияла благодатью, принявшей образ языков пламени. В момент их сошествия на апостолов вселенная, подобно иконе, начала обновляться, а космическая тьма отступать.

Упоминание о Куинджи в книге Галины Пыльневой свидетельствует об архетипическом родстве их художественных миров. Она тоже жила среди тьмы советского времени: «...я помню первые свои годы у тетушек... Они разговаривали вполголоса, оберегая меня, чтобы я этого не слышала. Я делала вид, что сплю, но мне, конечно, было интересно, о чем они говорят — в детстве все интересно. И они говорили: у такой-то мужа взяли, у такой-то брата, у кого-то сослуживца... Люди исчезали, чаще всего по ночам, и я чувствовала, какое напряжение было

у тетушек, особенно ночью, если какие-то стуки, звук подъезжающей машины... Сразу напрягались так, в окно смотрели... Ждали всё. В такое время поумнеешь быстро и соображать будешь четко: что можно говорить, чего нельзя говорить, что можно спросить, чего лучше не спрашивать» [8].

Тьму духовной ночи прорезает свет от житий современных подвижников. Мотив обновления и восстановления обителей (Глинской пустыни, Троице-Сергиевой лавры) и дневниковая фрагментарность при описании их жизни характерны для поэтического мира Галины Пыльневой: рассказывая о многообразном опыте переживания Пасхи в концлагерях, в лепрозории, в старинных дворянских семьях, писательница продолжает выкладывать мозаику.

В «Глинской мозаике» поэтический образ обители, живущей так, словно денег не существует, рождается из кружева слов, включающих инклюзы неупотребительных, прорезающих тьму забвения. Храм назван двухсветным, то есть с окнами в два ряда — один над другим (или напротив друг друга). В электронной антологии «Русская литература от Нестора до Маяковского» это слово в вариантах «двусветный» и «двухсветный» использует только Булгаков в шестой главе романа «Белая гвардия», когда речь идет об актовом зале знаменитой киевской гимназии, где разместились 200 юнкеров, 120 из которых не умеют стрелять (то есть действие происходит тоже на Украине). «Иеромонаха» Галина Пыльнева именуется «священноиноком» — это слово встречается в 11 главе Сказания Авраамия Палицына, в которой повествуется о видении огненного столпа над Троицким храмом Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры), — что видел священноинок Пимен во время осады.

Космическая ночь в художественном мире Галины Пыльневой соотносима и со тьмой советской атеистической системы, и именно в эту тьму мира — на символическом языке в тьму космоса — выходят на подвиг юродивые, живущие в шуме города, а часто среди блудников и убийц, веря, что и они достойны спасения.

Миссия юродивого в космической тьме

Юродивый вступает в поединок с падшей природой мира в целом, он смеется миру, или над миром, бросает вызов не просто городу, но космической ночи. Если преподобный очищает свою душу, несет крест покаяния за личные грехи, помогая всем, кто к нему обратится, то юродивый возлагает на свои плечи тьму мира в целом, грехи ближних и дальних, обличая и спасая которых он вызывает всеобщий смех.

Из писателей христианской Европы ближе всего к идее юродства, точнее священного безумия, подходит в «Похвале глупости» Эразм Роттердамский, возвеличивающий его в третьей части своего труда, говоря, что божественные тайны раскрываются лишь в состоянии духовного опьянения, экстаза, священного безумия. Духовный экстаз без отсутствующего в Западной Европе учения о состоянии прелести, в котором подвижник может принять тьму за свет, а зло за добро, опасен, так как легко порождает безумие, причем совсем не священное, — множество примеров тому приводит Марк Орлов в исследовании «Сказания и легенды средневековой Европы». Православное противоядие от состояния прелести — смирение, запечатленное в потемневших иконах — ибо грешному человеку при-

стально смотреть на иконописных святых — дерзостно — иконы не рассматривают, перед ними предстоят, склонив голову. Потемневшая икона — материализованный призыв к смирению и трезвению, не позволяющий впасть в прелесть и гордость. В семиотической системе культуры все взаимосвязано: созерцание потемневших икон психологически рифмуется со смирением, учением о состоянии прелести — с явлениями, противостоящими религиозному экстазу Европы.

Возвращаясь к теме священного безумия, отметим, что Православие противопоставляет католическому экстазу Терезы Авильской юродство Христа ради.

Первой юродивой стала византийская святая Исидора (ум. в 365), но ее подвиг нетипичен, ибо юродивые чаще подвизаются не в монастыре, а в городе, не имея дома, пропитания, а порой даже одежды, воцерковляя и очищая нагоходством языческий дионисизм.

Георгий Федоров замечает, что подобно тому, как на смену доброму молодцу в русских сказках приходит Иванушка-дурачок, так эпоха благоверных князей в русской истории сменяется эпохой юродивых, которые становятся преемниками святых князей в социальном служении: достигнув бесстрастия, некоторые иноки возвращаются в мир, ибо их цель теперь не только бороться с личной склонностью ко греху, сколько смеяться (ругаться) над законами человеческой природы (св. Симеон Юродивый (VI) отправляется мыться в женскую баню) и мира (в XIV в юродивые Никола Кочанов (жил в Новгороде на Софийской стороне) и Федор (с Торговой стороны) пародировали битвы софийского и торгового веча, сходясь в поединке на волховском мосту). Юродивый отрекается от своего ума, и своим безумным поведением свидетельствует о безумии мира, и учит бороться за небесное, а не за земное. Юродивый кажется безумным в безумном мире, чтобы как зеркало отразить абсурдный мир, тем обличив и исправив его.

Юродство — единственный тип святости, освящающий смех. Типологической особенностью житий юродивых становится трансформация абсурдно-смешного в Истинное и Благодатное: юродивый смеется над миром, а ум его пребывает в покое и благодати.

Самое непобедимое, что побеждает юродивый в природе человека — это тщеславие. Прокопий Устюжский (+ 1303) познал всю тщету своего существования настолько, что воскликнул, что им гнушаются даже псы, среди которых он, нагой, хотел согреться в лютую стужу, а они вскочили и убежали.

Он отрекся от всего земного, даже от своего земного ума, поэтому его ум отражает благодатную Истину, которая кажется миру безумной (так, юродивый может целовать двери дома блудницы, объясняя, что к ней прижался ее ангел-хранитель, вытесненный из дома, где лютуют блудные бесы, — и бросать камнями в церковный крест, ибо в храме царит святость, а вся нечисть вытеснена за пределы храма и вьется везде, даже у креста — примеры приведены из жития св. Василия Блаженного). Отрекшись от себя, от всякого греха и прихоти в себе, юродивый живет ради Бога и спасения безумного мира. В отличие от Преподобного пустынножителя, он — святой экстраверт, готовый спуститься в самую гущу бед человеческих, даже в мир городского дна и порока, и освятить его своей молитвой и ревностной любовью, которая внешне может показаться странной блажью юродивого (св. Симеон спасал блудниц, объявляя их своими «женками», выделяя

им содержание из собранной им милостыни и грозно ревновал к измене). Но его ум и прозорливость всегда прикрыты безумием Христа ради, ибо он подражает Христу в спасении мира и преобразении природы человека из страстной в бесстрастную, поэтому это высшее служение прикрыто смиренным безумием.

Юродивый — воплощенная духовная свобода, ибо он оставил все, даже ум — Христа ради — и ему нечего терять и некого бояться. Юродивый воплощает народную мечту о простолюдине, свободно общающемся с царем. Св. Николай Псковский (+1576) в 1570 г., во время похода опричного войска на Псков, угощал Ивана Грозного куском мяса, тот отказался: была первая неделя Великого поста. На что юродивый заметил, что лучше в пост есть мясо, чем человечину — и тем спас Псков от погрома, как то случилось с Новгородом. Фигура Ивана Грозного тоже подобна потемневшей иконе, ждущей своего обновления.

Юродство — самое яркое воплощение идеала свободы в христианстве, ибо это свобода не только от личного греха, но и от греховных склонностей самой человеческой природы (вспомним св. Симеона с его походами в женскую баньку). Юродство — вера в возможность преобразить космическую ночь и падшую природу человека и всего мироздания, прорезав их благодатью.

Покой и воля в семантических системах романтизма и христианской культуры

Если у Пушкина покой и воля — еще не само счастье, то Галина Пыльнева ощущает его именно как свободу и покой, ибо ей открылся «мир такой глубокой внутренней тишины и невыразимого покоя, которого больше не дано было нигде» [9].

Разница в переживании свободы в романтизме и в христианстве основана на том, что христианский логос свободы и покоя наиболее полно явлен в образе субботствования Спасителя, который также был увит пеленами, как и Лазарь Четверодневный. Пелены символизируют связанность греховной природы человека, его страстной плоти. **Когда дисциплина связывает пеленами грех, рождается духовная свобода.**

<http://ruicon.ru/images/iconografy/fresco/Serbia-Pech%20Patriarshia/304-2.jpg>
(дата обращения: 29.05.2019)

Запрет как базовое условие существования семиотической системы культуры

Покой и свобода, обретенные Галиной Пыльневой в монастыре и основанные на строгой дисциплине, покажутся романтику типа Мцыри тяжким рабством, потому что связаны с трудами и послушаниями в монастыре, сном по четыре часа, продолжительными службами. Романтический и монашеский тип свободы противопоставлены друг другу благодаря мотивам бегства — и добровольного возвращения (в данном случае каждое лето в Глинскую обитель), своеволия — и пленения плоти пеленами, освобождающими дух; как ветхий Адам — и Новый. Духовный тип свободы воспет А. Толстым в поэме «Иоанн Дамаскин».

Монастырская жизнь, ставшая для Галины Пыльневой воплощением свободы — даже от чудес, прорастает ими: нерукотворный образ Спаса, вернувшийся в обитель из дореволюционных времен, ждет случая, — как это бывало в старину, — заскрипеть, чуть слышав пустословие. Но наибольшее чудо — это сами старцы, сохранявшие дореволюционные традиции окормления и воспитания и удивлявшие бескорыстием и искренностью. Вот они: о. Серафим — духовник, и о. Андроник. Они смиренно и радостно принесли орлецы, дикирий и трикирий и быстро и толково справились с приготовлениями к архиерейской службе, так как молодые послушники не знали, как встречать пастыря. Вот о. Адриан, которому быки жаловались, если их бьют — и он понимал их, общаясь с животными как Адам в раю, видя их насквозь.

Культура рождается вместе с запретом. Если Бога нет, то все дозволено, — перефразирует Сартр Достоевского. Запрет — это имманентное присутствие Творца в культуре, ибо, переиначив Сартра, получаем — если не все дозволено, то Бог есть. Запреты на наготу и сыроядение — древнейшие в культуре, когда юродивый их нарушает, кажется, что он отвергает самую культуру, считая, что все человеческое соткано из одних предрассудков. Это отрицание культуры как сосредоточия предрассудков роднит юродивого с русским бунташным духом. Юродивый спеленат заповедями и обременен земными крестами — он потому и свободен духом, что обременен. Русский бунташный дух тоже ниспровергает запреты, но не ради духовной свободы, а ради вседозволенности, страстности, следования всем искушениям. Юродство и бунташество — это сакральный и секулярный символы космической тьмы.

Поединок памяти и забвения в культуре

Подобно Галине Пыльневой, свидетелем жизни праведника — священномученика Иллариона (1869—1949) — стал Николай Борисович Кирьянов (1902—1988), посвятивший ему стихи «„Памяти архиепископа Верейского Иллариона“<...>

Ушел от меня ты на раннем закате,
До дна не истратил кипучести сил...
Не нас ли с тобой преподобный Савватий
За Светлой Заутреней лаской кропил... (1929 г.)

Андрей Голов (1954—2008)

<...> Здесь же, на Соловках, в 1924 году и с 1926 по 1929 год, отбывал свой срок и архиепископ Иларион (Троицкий), о котором в воспоминаниях протопре- свитера Михаила Польского сказано следующее: «Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послуш- ник находился у него и в Соловках». Этим «послушником» заключенного архи- епископа стал Николай Кирьянов» [12. С. 96—99].

Свидетельство о живом праведнике сохраняет стихотворение А. Голова «Дьячок»:

Горбатенький седобородый дьячок,
Родившийся еще при последнем царе,
Протянул мне крашеное яичко
(Была Фомина неделя),
Сияя такой ослепительной радостью,
Какую мне, наверное, не испытать никогда,
И тихонько сказал:
— Христос воскрес!
И, поклонившись, тихонько пошел на паперть,
На вывернутую ногу прихрамывая... [2].

Воспоминания Г. Пыльневой о Глинской обители и лирические дневники А. Голова и Н. Кирьянова подобны частично обновившимся иконам: крупницы памяти, тонущие во тьме забвения, становятся метонимией ее полноты.

Во время службы в обители всегда читали, но тьму забвения прорезал единственный всполох памяти, в которую врезалось лишь одно: «О. Иосиф читал: „Мы не можем запретить птицам летать над нашей головой, но мы можем и должны не позволять им вить на ней гнездо“» [9]. Это образное сравнение помогает бороться с помыслами. Перед нами единственная цитата из ежедневных чтений, что отражает меру, которую может понести человеческая память, ибо если она слишком перегружена реалиями, то созданное ею художественное пространство тоже кажется юродствующим, например, Андрей Голов творит так, словно икона памяти никогда не темнела, или обновилась полностью, но насыщенность памятью делает его стихи также апофатическими.

Причастность лагерной теме позволяет вспомнить имя матушки Руфины, о которой написала инокиня, пожелавшая не назвать своего имени и хранящая ее молитвослов, как Ноев ковчег с ее записями: «Схимонахиня Руфина. Свято-Михайловский монастырь, г. Одесса. Далее перепечатаваю слова матушки: „Папа умер в 1949 г., на Пасхальной неделе, было ему 105 лет. Из ссылки он пришел 40 году, ему тогда было 98 лет. Мамочка была против папы очень молодая. Судьба... Беда... аресты... расстрелы... Заставили папу жениться на маме моей ему нельзя было женица. Он иеромонах был; но его по благословению отца Иоанна Кронштадтского, Юны Одесского заставили спасти маму, и ея маму и сестру от расстрела. Она была непразной. Мы с сестрой были как близнецы. Это я все которое узнала, ибо все скрывали. Беда была на свете. Записала подвиги папы и мамы, что узнала. Папочка уже был старше очень против мамочки, и я нашлась. Папочка все покрыл и удочерил меня и сестру, стал отцом. Женился, венчали. Страдания были великие им, ей... Царского сановника, а ея мужа, расстреляли. Она непразная. Мама умерла на Введение во Храм Пресвятой Богородицы, рано утром 1972 года, на 85-м году жизни. Подвижница большая. Папу арестовали в 1925 году. Я родилась 22 года. Мне было 3 года, как папу арестовали. В 40-м году папа вернулся из ссылки на 98 году. Я родилась 22 года 8 февраля. Это правильная дата, в паспорте я моложе. Ибо хотели забрать в Греманию и меня тоже, как сестру мою забрали, а родители старые... и сделала мамочка меня моложе, 28 года 8 февраля, чтобы не забрали в Германию и меня. 3 года мне было как папу забрал черный ворон съ Одессы я... Много видели мы, Слава Богу за все... Вот такие были мои родители. Мама — Лехачева Марфа или Павлова. Папа — Канчура Афанасий. Дом Павловых на Куликовом поле в г. Одессе. Братия папы крупные купцы 1-й гильдии. Леонтия сразу расстреляли 17-м году. Вот так: бедный — в рубле, царь — в порфире, — обратятся оба в прах. Богатство не стоИт: и слава человеческая мимо идет. Где звание рода? Дворяне. Все суета сует. Небом наДа мне плениться (пленица) и во веки с Богом жить. Верой в Бога утешаться и во всем Его любить, а все мiра сего прах, обман и суета временная. <...> каждый должен заботиться о своих душевных недугах, каждый должен оплакивать грехи свои, не зазирая ближняго! <...> Я уже старенькая и молитвослов мой старенький, как и я. 84 года мне. Все пролетело стрелой. Боже мой прости и помилуй. Схимонахиня Руфина.“

Прилагаю фото с пострига матушки. Она крайняя справа, от нас, радостная».

Заключение

Механизм забвения поясняет потемневшая икона. Актуальная память (подобно новописанной иконе) удерживает лишь краски настоящего дня, а стоит им отойти в прошлое — все покрывается тьмой забвения. Но потемневшая икона — это апофатическое свидетельство непостижимости Творца.

Подобно иконе, солнечная картина повседневности, отдаляясь во времени, темнеет. Космическая ночь — это целое, отражающееся по законам семиотической системы в каждой из значимых ее частей, таких как беспамятство, или потемневшая икона, или юродство, свидетельствующих о большем, чем они есть.

В контексте апофатического богословия беспамятство — это человеческий **кенозис**, то есть истощение образа Божьего в человеке, это безумие, ибо Творец — носитель абсолютной памяти. Но в контексте катафатического богословия беспамятство — гениально, точнее оно становится гениальным свидетельством непознаваемости Творца и Его творения, в том числе и истории, поскольку оно утверждается и становится универсальным свойством человеческой культуры и даже ее защитным механизмом в условиях **плеромы**, или полноты вселенского и Божественного бытия. Забвение хранит тепло рук своего Отца и отражает Его тайну, но на языке метафор и непрямых соответствий, то есть архетип беспамятства человечества восходит к Логосу Непознаваемости, символом которой в трудах св. Дионисия Ареопагита становится Божественная тьма.

Итак, в беспамятстве сходятся гениальность и безумие, как в юродстве святость и кажущийся эпатаж. Архетип безумной гениальности восходит к юродству, как заблуждение к истине.

Забывшие тексты — целое, представленное в современной культуре гомеопатически малой частью памяти о них, которая символизирует целое, излечивая

его от самого себя, то есть превращая беспамятство в апофатический символ полноты памяти. Аналогом русской революции в Византии стал экуменический Ферраро-флорентийский собор (1438—1445). Так умер Второй Рим и укрепился Третий. Русский бунташный дух — это секулярный двойник святого юродства. Советская богоборческая система и ее преодоление — возможности, заложенные в самую сущность русской семиотической системы, частью которой является потемневшая икона, потенциально сохраняющая возможность обновления, и юродство, реализующее идею неявленной святости.

Подобно тому как часть раскрывает сущность целого, так целое семиотической системы является ничтожно малой частью космоса и рассказывает о нем на языке культурных кодов. Богоборческое умопомрачение советской системы — часть, указывающая на космическую ночь, которая ждет обновления в таинстве сошествия Святого Духа на апостолов, в результате которого обновилась гомеопатически малая часть мироздания — апостолы, но эта часть символизирует потенциал обновления всего мира. И юродивый становится ответом на «запрос на воплощение семиотически заданных тенденций» [10. С. 496] — на запрос о преодолении космической тьмы и беспамятства.

Библиографический список

1. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2015.
2. *Ростовский Димитрий, Святитель.* Собор трех великих вселенских учителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Память 30 января // Святитель Димитрия Ростовский. Жития святых. Январь. Часть Вторая. М.: синодальная типография, 1994. С. 432—435. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/103 (дата обращения: 19.04. 2019).
3. *Эль Греко.* Спаситель (1608—1614). Режим доступа: <https://static1.squarespace.com/static/54a8ea9ae4b0d1cd06f46bba/t/569aee8ab20943556a8bd1b2/1452994188783/> (дата обращения: 12 мая 2019).
4. Спаситель. Синайский образ (VI). Режим доступа: <https://pravoslavie.fm/bogoslovie/rochemu-na-ikone-spasa-sinajskogo-pris/> (дата обращения: 3 июня 2019).
5. *Куинджи А.И.* Христос в Гефсиманском саду. 1901. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Христос_в_Гефсиманском_саду_\(картина_Куинджи\)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Христос_в_Гефсиманском_саду_(картина_Куинджи)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg) (дата обращения: 13 мая 2019).
6. *Куинджи А.И.* Лунная ночь на Днепре. 1870. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лунная_ночь_на_Днепре#/media/File:Kuindzhi_Moonlit_night_on_the_Dnieper_1880_grm_x2.jpg (дата обращения: 13 мая 2019).
7. *Долгополов И.В.* Эль Греко // Мастера и шедевры в 3 тт. Том 1. М., 1986. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/dolgoplov-igorj-viktorovich/mastera-i-shedevri-t-1/8> (дата обращения: 3 июня 2019).
8. *Гарковенко О.* Один из белых платочков // Журнал «Православие и современность». 2011. 18 (34). Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/odin-iz-belyh-platochkov/ (дата обращения: 12.05.2019).
9. *Пыльнева Г.* Глинская мозаика. М.: Паломник, 1997. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/glinskaja-mozaika/ (дата обращения: 12 мая 2019).
10. *Загуменнов А.В.* Церковный раскол XVII века как «намекаемое» содержание: к постановке проблемы когноминации события в культуре (на материале текстов первой половины семнадцатого столетия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 493—498. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498.

11. Голов А.М. Дьячок / Пасха // Топос. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/poeziya/pasha> (дата обращения: 29 мая 2019).
12. Кирьянов Н.Б. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего... // Волны времени. Соловки в русской поэзии. Архангельск: ООО «Типография А4», 2018. С. 96—99.
13. Эль Греко. Христос в молитве (1595—1597) Режим доступа: <https://i.pining.com/originals/a3/e6/80/a3e680c9204441be0ed13696e8a14080.jpg> (дата обращения: 12 мая 2019).

References

1. Lotman, Yu.M. (2015). Inside the thinking worlds. St. Petersburg: ABC.
2. Rostovsky, Demetrius, Saint. (1994). The Cathedral of the three great ecumenical teachers of Basil the Great, Gregory the Theologian and John Chrysostom. Memory January 30 // St. Demetrius of Rostov. Lives of the saints. January. Part two. Moscow: Synodal printing house. pp. 432—435. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/103 (accessed: April 19, 2019).
3. El Greco. Savior (1608—1614). URL: <https://static1.squarespace.com/static/54a8ea9ae4b0d1cd06f46bba/t/569aee8ab20943556a8bd1b2/1452994188783/> (accessed: May 12, 2019).
4. The Savior. Sinai image (VI). URL: <https://pravoslavie.fm/bogoslovie/pochemu-na-ikone-spasasainayskogo-pris/> (accessed: June 3, 2019).
5. Kuindzhi, A.I. (1901). Christ in the Garden of Gethsemane. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Christos_in_Gefsimansky_sadu_\(Picture_Kuindzhi\)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Christos_in_Gefsimansky_sadu_(Picture_Kuindzhi)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg) (accessed: May 13, 2019).
6. Kuindzhi, A.I. (1880). Moonlit night on the Dnieper. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Dunny_Moonlit_night_on_the_Dnieper_1880_grm_x2.jpg (accessed: May 12, 2019).
7. Dolgoplov, I.V. (1986). El Greco In *Masters and Masterpieces* in 3 vols. Vol. 1. Moscow. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/dolgoplov-igorj-viktorovich/mastera-i-shedevri-t-i/8> (accessed: June 3, 2019).
8. Garkovenko, O. (2011). One of the white handkerchiefs. Orthodoxy and Modernity Magazine. no. 18 (34). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/odin-iz-belyh-platochkov/ (accessed: 05/12/2019). (<http://pstgu.ru/news/smi/2011/05/18/29948/>).
9. Pylneva, G. (1997) Glinsky mosaic. Moscow: Pilgrim. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/glinskaja-mozaika/ (accessed: May 12, 2019).
10. Zagumennov, A.V. (2019). The 17th century church schism as a “hinted” content: to staging problems of cognition of an event in culture (based on the texts of the first half of the century), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 493—498. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498.
11. Golov, A.M. Clerk In *Easter. Topos*. URL: <http://www.topos.ru/article/poeziya/pasha> (accessed: May 29, 2019).
12. Kiryanov, N.B. (2018). God bless the soul of your dead servant ... In *Waves of time. Solovki in Russian poetry*. Arkhangelsk: LLC A4 Printing House. pp. 96—99.
13. El Greco. Christ in prayer (1595—1597) URL: <https://i.pining.com/originals/a3/e6/80/a3e680c9204441be0ed13696e8a14080.jpg> (accessed May 12, 2019).

Сведения об авторе:

Герасимова Светлана Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и истории литературы Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета. SPIN-код: 4006-9266; e-mail: metanoik@gmail.com.

Information about the author:

Svetlana V. Gerasimova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature History of the Higher School of Press and Media Industry of the Moscow Polytechnic University; e-mail: metanoik@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989
УДК 81'37:316.77

Обзорная статья / Review article

Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты

А.Л. Новиков, И.А. Новикова¹

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

¹Novikova-ia@rudn.ru

В настоящее время этнические стереотипы рассматриваются как феномены, опосредующие процессы межкультурного восприятия, диалога и взаимодействия, что определяет актуальность их комплексного междисциплинарного изучения представителями разных наук (социологии, политологии, психологии, лингвистики и др.). В данной статье этнические стереотипы анализируются, во-первых, на психологическом уровне (виды, функции, структура), а, во-вторых, на психолингвистическом и психосемантическом уровнях (с точки зрения обоснования их диагностики с помощью метода семантического дифференциала). Рассмотрены возможности метода семантического дифференциала для исследования содержания, согласованности, направленности и интенсивности социальных стереотипов вообще, а также модификации метода, применяемые для диагностики параметров этнических стереотипов. На примере конкретных эмпирических исследований этнических стереотипов в контексте межкультурной коммуникации показан эвристический потенциал метода семантического дифференциала для диагностики этнических стереотипов как феноменов, с одной стороны, отражающих различные аспекты межкультурного восприятия и диалога, а, с другой — оказывающих непосредственное влияние на протекание межкультурного взаимодействия. Результаты исследований этнических стереотипов имеют высокую практическую значимость для разработки программ повышения межкультурной компетентности, которые востребованы в различных сферах современного общества в условиях неизбежной глобализации и роста межкультурных контактов (образование, бизнес, туризм и др.).

Ключевые слова: этнические стереотипы, межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность, этнонациональные установки, семантический дифференциал, Ч. Осгуд

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Новиков А.Л., Новикова И.А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 977–989. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989

© Новикова И.А., Новиков А.Л., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81'37:316.77

Ethnic Stereotypes in Intercultural Communication: Psychological and Semantic Aspects

Alexey L. Novikov, Irina A. Novikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198

¹Novikova-ia@rudn.ru

Currently, ethnic stereotypes are considered as phenomena that mediate the processes of intercultural perception, dialogue and interaction. This fact determines the relevance of its comprehensive interdisciplinary study by different sciences (sociology, political science, psychology, linguistics, etc.). In this article, ethnic stereotypes are analyzed, firstly, at the psychological level (types, functions, structure), and secondly, at the psycholinguistic and psychosemantic levels (from the point of view of the rationale for its diagnosis with using the semantic differential). The possibilities of the semantic differential for studying the content, consistency, direction and intensity of social stereotypes in general, as well as the method modifications for diagnosing ethnic stereotypes, are examined. The heuristic potential of semantic differential for diagnosing ethnic stereotypes as phenomena, on the one hand, reflecting various aspects of intercultural perception and dialogue, and, on the other hand, directly affecting the intercultural interaction, is shown on the example of empirical studies on ethnic stereotypes in the intercultural communication context. The results of ethnic stereotypes studies are of high practical importance for the development of programs for increasing intercultural competence, which are in demand in various areas of modern society in the face of globalization and the growth of intercultural contacts (education, business, tourism, etc.).

Key words: ethnic stereotypes, intercultural communication, intercultural competence, ethno-national attitudes, semantic differential, Ch. Osgood

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Novikov, A.L. & Novikova, I.A. (2019). Ethnic Stereotypes in Intercultural Communication: Psychological and Semantic Aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 977—989. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989

Введение

Проблема этнических стереотипов является подлинно междисциплинарной и активно изучается социологами, психологами, лингвистами, педагогами, журналистами, политологами, специалистами по межкультурной коммуникации и PR, а также других наук и сфер практики, которые, так или иначе, затрагивают аспекты взаимодействия между собой разных народов и культур (межкультурного дискурса в широком смысле слова). Актуальность исследования этнических стереотипов обусловлена, прежде всего, тем фактом, что они выступают одним из важнейших факторов, опосредующих протекание межкультурного диалога и взаимодействия как на групповом, так и на межличностном уровнях [1; 2]. В современных условиях глобализации и неизбежного роста межкультурных контактов именно функционирование этнических стереотипов может вести к возникновению предубеждений, коммуникативных барьеров и конфликтов между представителями различных

стран и/или этнических групп. Этот факт определяет востребованность и практическую значимость исследований этнических стереотипов, результаты которых необходимы для разработки психологических программ по профилактике и снижению межэтнической напряженности.

Этнические стереотипы как феномены, отражающие особенности восприятия представителей других племен, народов, стран существуют с далекой древности и находят свое отражение в языке, устном народном творчестве, фольклоре, литературе, искусстве и т.п. Предметом подлинно научного исследования они становятся в XX веке, после того как Уолтер Липман в своей работе «Общественное мнение» вводит понятие «стереотип», который понимается как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой картинки мира в голове человека» [3].

Липман писал о социальных стереотипах в широком смысле, выполняющих основные индивидуально-психологические функции систематизации сложной социальной реальности и защиты ценностей. В дальнейших исследованиях социальные стереотипы стали дифференцировать на этнические, гендерные, профессиональные, возрастные и др., среди которых в настоящее время этнические стереотипы являются одними из самых изучаемых и изученных [4]. Также именно на примере этнических стереотипов разрабатывались методы диагностики социальных стереотипов разных видов, о чем будет сказано далее.

В современной науке этнические стереотипы понимаются как упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные и чрезвычайно устойчивые образы этнической группы, распространяемые на всех ее представителей [5]. Важно различать *два основных вида* этнических стереотипов, которые выделяют на основании соотношения стереотипизирующей и стереотипизируемой групп:

- 1) *автостереотипы* (стереотипы о своей этнической группе);
- 2) *гетеростереотипы* (стереотипы о другой, «чужой» этнической группе).

Известная отечественная исследовательница этнических стереотипов Г.У. Солдатова (Кцоева) определяет автостереотипы как «этноинтегрирующие атрибуции-представления о действительных или воображаемых чертах группы», а гетеростереотипы — «этнодифференцирующие атрибуции-представления о других группах» [6; 7]. Автор, с одной стороны, подчеркивает общую природу этих видов стереотипов и их взаимосвязь в структуре личностного или группового самосознания, а с другой, — отмечает ряд различий между ними [7].

Во-первых, этнические автостереотипы более разнообразны и комплексны по содержанию, а гетеростереотипы — «гомогенны и монолитны». Эта разница связана, прежде всего, с количеством информации о «своей» (более подробное и детализированное знание о языке, культуре, религии и др.) и «чужой» группах (дефицит информации). Как полагает Г.У. Солдатова, на этой основе поведение в межгрупповом (межэтническом) контексте более регламентировано, чем внутригрупповое.

Во-вторых, если этнические автостереотипы в большинстве случаев позитивны (в них, как правило, преобладают позитивные и даже идеализированные черты собственного этноса, наиболее самобытные качества национального характера), то гетеростереотипы имеют гораздо более широкий эмоциональный разброс: от почитания до ненависти [7; 8].

В-третьих, исследователи полагают, что в автостереотипах чаще всего содержатся культурно приемлемые и одобряемые признаки, а гетеростереотипы чаще включают отрицательные, нежелательные и отчуждаемые в собственной культуре признаки. Однако в содержании гетеростереотипов могут усиливаться не только негативно воспринимаемые у своей группы качества, но и то, что ценится в собственной культуре [7; 9]. В целом, более позитивный характер групповых автостереотипов (не только этнических) был показан в многочисленных исследованиях межгрупповой дискриминации и внутригруппового фаворитизма, начиная с экспериментов Г. Тэшфэла [10].

Таким образом, Г.У. Солдатова полагает, что этнические стереотипы внутренне диалогичны: авто- и гетеростереотипы, взаимодействуя, достигают определенного уровня сбалансированности и в этноконтактной ситуации являются основой межкультурного взаимопонимания. Сходства и различия между этническими автостереотипами и гетеростереотипами в результате отражают уровень взаимопонимания между народами [7], что является одной из важнейших социальных функций стереотипов.

В исследованиях этнических стереотипов выделяют два основных направления — функциональное и содержательное [1; 9]. Как уже отмечалось, еще У. Липпман выделил две основные «индивидуально-психологические» **функции** социальных стереотипов — систематизация сложной социальной реальности, которая позволяет экономить усилия и время, и защита ценностей личности. Г. Тэшфел [10] обратил внимание на «социально-психологические» функции стереотипов, к которым относится межгрупповая дифференциация и поддержание с ее помощью позитивной социальной идентичности (т.е. установление различий между своей и чужой группами, как правило, в пользу собственной группы, о чем уже говорилось выше). Г. Тэшфел выделил и «социальные» функции стереотипов: объяснение существующих отношений между группами и оправдание существующих отношений между группами. Т.Г. Стефаненко полагает, что к этим «социальным» функциям можно добавить и функцию сохранения существующих отношений между группами [9]. Речь идет о том, что институты власти, политические силы, средства массовой информации могут сознательно создавать и поддерживать этнические стереотипы для манипуляции общественным мнением [11].

С **содержательной** стороны чаще всего изучаются следующие параметры ЭС, которые были выделены Эдвардсом [1]:

1) содержание, т.е. конкретные черты, которые приписываются этнической группе;

2) согласованность (единообразие), т.е. степень согласия членов группы с приписыванием черт оцениваемой этнической группе;

3) направленность, которая отражает положительное, нейтральное или отрицательное восприятие этнической группы (соотношение положительных и отрицательных черт);

4) интенсивность (степень выраженность направленности) — показывает насколько сильно проявляется положительная или отрицательная направленность стереотипа.

Необходимо отметить, что происхождение этнических стереотипов исследователи связывают как с социально-историческими (история взаимоотношений между народами), психологическими (подражание, идентификация, фрустрация потребностей и др.), так и культурными факторами, среди которых особое значение придается языку и устному народному творчеству. Так, еще А. Потебня писал, что основой процесса формирования этнического самосознания и стереотипов поведения является язык народа [12]. Неслучайно, что одним из самых распространенных методов исследования этнических стереотипов стал семантический дифференциал, обладающий большим эвристическим потенциалом в лингвистических и психологических исследованиях и исходя из этого являющийся одним из основных методов психолингвистики и психосемантики.

1. Метод семантического дифференциала и его модификации для исследования этнических стереотипов

В настоящее время для изучения различных параметров этнических стереотипов используются многочисленные методы и методики: свободного описания, приписывания качеств, прямого опроса, психосемантические методики (прежде всего, семантический дифференциал) и др. [1; 2; 4; 5; 13; 14 и др.]. Безусловно, каждый из этих методов имеет свои преимущества и недостатки, поэтому часто они используются в совокупности или применяются последовательно. Например, в первых эмпирических исследованиях этнических стереотипов, в которых исследователи, вслед за У. Липпманом, хотели показать их ложный характер, широко использовались методы свободного описания (охарактеризовать этническую группу с помощью любого количества характеристик) или «приписывания качеств» (выбор из большого набора нескольких черт, наиболее характерных для того или иного народа). Во многом, к удивлению авторов этих исследований, удалось выявить согласованность мнений разных групп относительно отдельных наций, что привело к более сбалансированной оценке этнических стереотипов, а также к возможности использовать для их изучения меньшее количество характеристик. Поэтому в современных исследованиях стереотипов чаще используются методы с ограниченным количеством оцениваемых черт, например семантический дифференциал.

Как известно, метод семантического дифференциала был разработан под руководством американского психолингвиста и социального психолога Чарлза Осгуда изначально для «измерения значений слов» [15]. Механизмом, лежащим в основе данного метода, Ч. Осгуд считал синестезию, т.е. ассоциацию между ощущениями разной модальности [15]. На основе исследований в области психолингвистики и культурной антропологии он показал связи между синестезией, с одной стороны, и мышлением и языком — с другой, что позволило сделать вывод о тесной связи синестезии с метафорами языка [16]. Таким образом, по мнению Осгуда, любой объект или явление реальности могут быть описаны с помощью пар антонимичных прилагательных, что и стало сущностью предлагаемого метода оценки значений слов [15].

Процедура проведения семантического дифференциала состоит в оценивании субъектом любых объектов по предлагаемым биполярным шкалам (обычно их бывает от 10 до 35—40), полюса которых чаще всего заданы прилагательными-антонимами [17]. Тот факт, что антонимы являются языковой универсалией, позволил Ч. Осгуду применять метод на материале разных языков и культур [18]. Как правило, «расстояние» между полюсами задается 7-балльной шкалой, которая при обработке переводится в баллы от «+3» до «-3» («0» обозначает равное удаление от полюсов, т.е. нейтральное, среднее значение оцениваемого признака).

В дальнейшем, данные многочисленных исследований с использованием семантического дифференциала были подвергнуты факторному анализу, в результате которого были получены три независимых фактора, определяющие семантическое пространство — «оценка» (evaluation), «сила» (potency), «активность» (activity) — ЕРА.

Как правило, в фактор «оценки» объединяются шкалы «плохой — хороший», «красивый — уродливый», «добрый — злой», «сладкий — горький», «справедливый — несправедливый» и т.п.; в фактор «силы» — шкалы «большой — маленький», «сильный — слабый», «тяжелый — легкий» и т.п.; в фактор «активности» — шкалы «быстрый — медленный», «активный — пассивный»; «горячий — холодный» и т.п. [17]. Но Ч. Осгуд отмечал, что «не существует „теста семантический дифференциал“ как такового» [19], то есть в зависимости от целей и задач конкретного исследования необходимо подобрать объекты для оценивания, сконструировать шкалы, продумать инструкцию. Более того, в некоторых случаях факторизация не дает классических факторов «оценка — сила — активность», такие варианты метода получили название «частные семантические дифференциалы» [16].

Благодаря относительной простоте проведения, наглядности представления результатов, универсальности (возможности использования во всех языках и культурах) метод получил широкое распространение в лингвистике и психолингвистике, семантике и психосемантике, в разных отраслях психологии (прежде всего, в социальной и этнической психологии), рекламе, маркетинге и др. [17].

Были созданы модификации метода семантического дифференциала, в которых полюса шкал задаются не прилагательными, а другими частями речи или даже невербально — графическими изображениями, символами, картинками, фотопортретами и т.п. Невербальные семантические дифференциалы имеют особую ценность для кросс-культурных исследований, в том числе и для исследований этнических стереотипов, так как они могут более однозначно задавать полюса шкал (например, при использовании цветовых обозначений, которые могут не иметь точного аналога в разных языках).

С целью исследования стереотипов (не только этнических, но и гендерных, профессиональных, возрастных и т.п.) могут быть использованы как вербальные, так и невербальные семантические дифференциалы. В этом случае используется модифицированная инструкция, в которой респондента просят оценить не конкретный объект, явление или человека, а «типичного» представителя той или иной группы (например, «типичного русского», «типичного китайца», «типичного

испанца» и т.п.), «таким как Вы его представляете». Использование нескольких разных инструкций (оценить по предложенным шкалам самого себя, свой идеал, типичного представителя своей или другой этнической группы) дает возможность для сравнения результатов и еще более комплексной характеристики изучаемых стереотипов [2].

Дальнейшая количественная обработка результатов позволяет оценить основные параметры стереотипов: 1) содержание (доминирующие характеристики, получившие наиболее высокие баллы); 2) согласованность (степень совпадения мнений у разных респондентов); 3) направленность (преобладание положительного или отрицательного полюса оценочных шкал); 4) интенсивность (величина выраженности положительной или отрицательной направленности в баллах). В случае использования факторного анализа и выделения классических факторов «Оценка — Сила — Активность» результаты по шкалам, вошедшим в каждый из факторов, получают следующую интерпретацию [2]:

1) высокие значения по шкалам из фактора «Оценка» рассматриваются как показатели симпатии и уважения к оцениваемой «типичной» группе, низкие значения — как показатели отрицательного отношения;

2) значения по шкалам из фактора «Сила» — как показатели воспринимаемого доминирования (высокие баллы) или подчинения (низкие баллы) во взаимоотношениях со стороны представителей оцениваемой группы;

3) значения по шкалам из фактора «Активность» — как показатели воспринимаемой экстраверсии (высокие баллы) или интроверсии (низкие баллы), собственной оцениваемой группе.

Далее мы более подробно рассмотрим примеры исследований, в которых этнические стереотипы изучались с помощью различных модификаций семантического дифференциала в контексте проблем межкультурной коммуникации.

2. Результаты исследований этнических стереотипов с помощью модификаций метода семантического дифференциала

В исследовании этнических авто- и гетеростереотипов российских студентов РУДН [2; 20] использовалась модификация семантического дифференциала «Личностный дифференциал», который изначально был разработан для самооценки и оценки отдельной личности [21]. Данный вариант включает 21 bipolarную шкалу, которые соответствуют трем классическим факторам семантического дифференциала: «Оценка» (например, «обаятельный — непривлекательный», «добрый — эгоистичный» и др.), «Сила» (например, «сильный — слабый», «решительный — нерешительный» и др.) и «Активность» («разговорчивый — молчаливый», «общительный — нелюдимый» и др.). Респондентам предлагалось оценить по данным шкалам «типичного студента РУДН» из России, Африки, Латинской Америки и Китая.

На первом этапе исследования было показано отсутствие явных этнических предубеждений у российских студентов относительно иностранных и выделены доминирующие качества, характеризующие каждую из изучаемых групп: «обая-

ние (привлекательность)» для российских студентов; «доброта» для африканских, «добросовестность» для китайских, «дружелюбие» для латиноамериканских студентов. При этом автостереотип российских студентов по большинству оцениваемых параметров более благоприятен по сравнению с гетеростереотипами (что соответствует описанным во введении социально-психологическим закономерностям), за исключением гетеростереотипа «типичного» латиноамериканского студента, который очень близок автостереотипу российского студента и даже более позитивен в некоторых аспектах. Гетеростереотип африканских студентов немного более благоприятен и близок к автостереотипу россиян, чем гетеростереотип китайских студентов (при восприятии китайского студента, в отличие от других, отмечается его интровертированность, отсутствие доминирования в отношениях).

На втором этапе исследования были выявлены соотношения между личностными характеристиками российских студентов (уверенность и агрессивность) и склонностью к более предубежденному восприятию иностранных студентов (доминирование более низких оценок по шкалам личностного дифференциала). Установлено, что характеристики этнических стереотипов в большей степени связаны с выраженностью уверенности, нежели агрессивности, причем большую предубежденность проявляют студенты, с одной стороны, склонные к самоуверенности, а с другой — к повышенной самокритичности [20].

В другом исследовании изучались особенности стереотипов о невербальной коммуникации у российских и китайских студентов РУДН и роль данных стереотипов в межкультурном взаимодействии студентов из этих групп между собой [22]. Для диагностики стереотипов о невербальной коммуникации использовался сконструированный нами семантический дифференциал, включающий 16 вербальных и 5 невербальных оценочных шкал, отражающих различные системы невербальной коммуникации (для китайских студентов с помощью процедуры двойного перевода был разработан вариант этого дифференциала на китайском языке). На первом этапе исследования было выявлено, что большинство различий между стереотипами о невербальной коммуникации связано с оптико-кинетической системой знаков (жесты, мимика, пантомимика): представители собственной культуры чаще оцениваются как более экспрессивные, но эти различия не велики в абсолютных цифрах (скорее всего, это связано с тем, что участниками были студенты РУДН, имеющие опыт непосредственного общения друг с другом).

На следующем этапе в процессе эксперимента было показано, что российские студенты более эффективно взаимодействуют с теми китайскими студентами, чье невербальное поведение в большей степени соответствует гетеростереотипу «типичного китайского студента». Китайские студенты, наоборот, более эффективно взаимодействуют с теми российскими студентами, чье невербальное поведение ближе к автостереотипу «типичного китайского студента». На основе результатов этого исследования можно сделать предварительный вывод о том, что при общении между российскими и китайскими студентами первым лучше немного «подстраиваться» под собеседника в использовании средств невербальной коммуникации, а вторым, наоборот, демонстрировать более стереотипное невербальное

поведение (в данном случае: сдержанность жестикуляции, отсутствие прямого взгляда на собеседника, быстрый темп речи).

Еще одно исследование было посвящено анализу этнических авто- и гетеростереотипов российских и армянских студентов [23; 24]. В первой части исследования сравнивались этнические стереотипы у студентов с разным опытом межэтнического общения (в данном случае — имеющих опыт общения, соответственно, с представителями Армении или России). Этнические стереотипы диагностировались с помощью «Личностного дифференциала», описанного выше. Установлено, что армянские студенты более склонны к идеализации своей этнической группы, что вполне объяснимо для представителей небольшого народа с весьма непростой исторической судьбой (как правило, индивидуальные самооценки ниже оценок автостереотипа). Российские студенты, в свою очередь, более реально и иногда критично оценивают своего типичного представителя (как правило, индивидуальные самооценки выше оценок автостереотипа). Также было выявлено, что опыт межэтнического общения сильнее (в положительную сторону) сказывается на гетеростереотипах русских студентов, чем на стереотипах армянских студентов [23].

Основной целью второй части исследования [24] было выявление соотношений этнических авто- и гетеростереотипов с этнонациональными установками у российских и армянских студентов. Этнические установки вслед за О.Е. Хухлаевым понимались как «предрасположенность индивида к оценке проявлений феномена национальности (этничности), или оценочного отношения к феномену национальности» [25], которая тесно связана с этническими предубеждениями [26]. Для их диагностики использовалась методика «Шкала этнонациональных установок», разработанная О.Е. Хухлаевым с коллегами [27], которая позволяет выявить четыре основных вида этнических установок: «националистические» (преобладание неприязненного отношения к представителям иных национальностей); «патриотические» (гордость за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми «своей национальности»); «нейтральные» (индифферентное отношение к факту своей и чужой национальной принадлежности); «негативистские» (отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности).

В результате, во-первых, было установлено, что у армянских студентов гораздо сильнее выражен разрыв между авто- и гетеростереотипами (в пользу представителей своей национальности) и значимо выше уровень выраженности патриотических и националистических этнических установок. Во-вторых, в обеих группах с этническими установками гораздо сильнее связаны этнические гетеростереотипы (по сравнению с автостереотипами). В-третьих, выявленные связи имеют специфику: 1) у армянских студентов теснее всего с этническими стереотипами связана выраженность нейтральных этнических установок (более взвешенная оценка представителей своей и чужой группы при нейтральном отношении к национальной принадлежности); 2) у российских студентов с этническими гетеростереотипами отрицательно связаны только националистические этнические установки, что вполне логично [24].

Результаты этого цикла исследований подтверждают, что этнические стереотипы являются важным фактором межкультурной коммуникации: они связаны с характером межэтнических отношений личности и группы, они имеют этническую специфику, а также соотносятся с другими характеристиками межэтнического восприятия.

Заключение

Современные исследования этнических стереотипов как междисциплинарного феномена показывают их важную роль в межкультурном восприятии, диалоге и взаимодействии. Как на индивидуальном, так на групповом уровне этнические стереотипы могут быть причиной возникновения коммуникативных барьеров, роста межэтнической напряженности и конфликтности, что, к сожалению, может быть использовано для манипулирования общественным мнением.

Возникновение и происхождение этнических стереотипов обусловлено комплексом причин (социально-исторических, психологических, культурных), среди которых немаловажную роль играют язык и устное народное творчество. В связи с этим для исследования и диагностики этнических стереотипов используются психолингвистические и психосемантические методики.

Метод семантического дифференциала был разработан под руководством Ч. Осгуда с учетом ряда общепсихологических (учение о синестезии), лингвистических (учение о языковых универсалиях), семантических (учение о значениях слова) и других закономерностей. Благодаря своей относительной простоте и универсальности метод получил широкое распространение, в том числе в кросс-культурных и этнопсихологических исследованиях.

Модификации процедуры метода семантического дифференциала позволяют использовать его для диагностики основных параметров этнических стереотипов: их содержания, согласованности, направленности и интенсивности. В эмпирических исследованиях с использованием данного метода показаны особенности авто- и гетеростереотипов различных этнических групп, а также их соотношения с различными индивидуальными, групповыми и социальными характеристиками участников межкультурного диалога: личностными чертами, этническими установками, невербальным поведением, опытом межэтнического общения, этнической принадлежностью, характером отношений между группами и др.

Результаты подобных исследований необходимо учитывать при разработке программ повышения межкультурной компетентности для студентов и преподавателей многонациональных университетов, сотрудников международных организаций и корпораций, а также все более широкого круга людей, вовлеченных в разного рода межкультурные взаимодействия.

Библиографический список

1. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Практикум. М.: Аспект Пресс, 2006.
2. *Новикова И.А., Панчехина Н.Н.* Сравнительные характеристики этнических авто- и гетеростереотипов российских студентов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2010. no 1. С. 14—20.

3. *Липпман У.* Общественное мнение. М.: ИФ «Общественное мнение», 2004.
4. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990.
5. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
6. *Кцова Г.У.* Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. 1986. no 2. С. 41—51.
7. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
8. *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Основы этнологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
9. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2009.
10. *Tajfel H.* Social Categorization in the social psychology of intergroup relations. London: Academic Press, 1988.
11. *Сикевиц З.В.* Социология и психология национальных отношений. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1999.
12. *Павленко В.Н., Таглин С.А.* Общая и прикладная этнопсихология. М.: Издательство КМК, 2005.
13. *Рябова М.А., Серкин В.П.* Семантические оценки этнических стереотипов и образа жизни представителей коренных малочисленных народов Севера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. no 3. С. 48—58.
14. *Гриценко В.В., Бражник Ю.В., Орлова А.П.* Авто- и гетеростереотипы как показатели степени выраженности эмоционального компонента этнической идентичности младших школьников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. no 4. С. 67—79.
15. *Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1957.
16. *Бовина И.Б.* Семантический дифференциал // Социальная психология: Практикум / под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 90—104.
17. *Новиков А.Л., Новикова И.А.* Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. no 3. С. 63—71.
18. *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М.: Прогресс, 1976.
19. *Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствоведение. М.: Мир, 1972. С. 46—48.
20. *Новикова И.А., Панчехина Н.Н.* К проблеме соотношения личностных черт и этнических стереотипов студентов многонационального вуза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. no 1. С. 29—35.
21. Методика личностного дифференциала // *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 20—21.
22. *Новикова И.А., Гридунова М.В.* Особенности стереотипов о невербальной коммуникации и их роль в межэтническом взаимодействии российских и китайских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. no 4. С. 21—28.
23. *Оганнисян А.А.* Специфика этнических стереотипов и социальных представлений армянских и русских студентов // *Wyzwania i kierunki rozwoju nauk społecznych.* Polska, Gdansk: Uniwersitet Gdanski, Wydział Nauk Społecznych, Instytut Politologii, 2016. С. 431—459.
24. *Новикова И.А., Новиков А.Л., Оганнисян А.А.* Соотношение этнонациональных установок и этнических стереотипов у российских и армянских студентов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / науч. ред. В.И. Казаренков. М.: РУДН, 2017. Ч. 2. С. 40—45.

25. Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. no 1. С. 46—57.
26. Ткаченко Н.В. Этнонациональные установки и этнические предрассудки: проблема взаимосвязи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 1. С. 149—158.
27. Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К., Тудупова Т.Ц., Хакимов Э.Р. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи // Культурно-историческая психология. 2011. no 4. С. 97—106.

References

1. Stefanenko, T.G. (2006). *Ethnopsychology: Practical Work*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
2. Novikova, I.A., & Panchekhina, N.N. (2010). Comparative characteristics of Russian students' auto- and heterostereotypes. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 14—19. (In Russ.).
3. Lippmann, W. (1922). *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace and Company.
4. Ageev, V.S. (1990). *Intergroup Interaction: Socio-Psychological Problems*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.).
5. Tatarko, A.N., & Lebedeva, N.M. (2011). *Methods of Ethnic and Cross-Cultural Psychology*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.).
6. Ktsoeva, G.U. (1986). The experience of empirical research on ethnic stereotypes. *Psikhologicheskii Zhurnal*, (2), 41—51. (In Russ.).
7. Soldatova, G.U. (1998). *Psychology of Interethnic Tension*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
8. Sadokhin, A.P., & Grushevitskaya, T.G. (2012). *Fundamentals of Ethnology*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.).
9. Stefanenko, T.G. (2009). *Ethnopsychology*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
10. Tajfel, H. (1988). *Social Categorization in the Social Psychology of Intergroup Relations*. London: Academic Press.
11. Sikevich, Z.V. (1999). *Sociology and Psychology of National Relations*. St. Petersburg: V.A. Mikhailov' Publishing house. (In Russ.).
12. Pavlenko, V.N., & Taglin, S.A. (2005). *General and Applied Ethnopsychology*. Moscow: KMK Publ. (In Russ.).
13. Ryabova, M.A., & Serkin, V.P. (2016). Semantic Evaluation of Ethnic Stereotypes and Lifestyle of Indigenous Peoples of the North of Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 48—58. (In Russ.).
14. Gritsenko, V.V., Brazhnik, Y.V., & Orlova, A.P. (2016). Auto- and Heterostereotypes as Indicators of Expressiveness Degree in Primary School Age Children's Ethnic Identity Emotional Component. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 67—79. (In Russ.).
15. Osgood, Ch.E., Suci, G.J., & Tannenbaum, P.H. (1957). *The Measurement of Meaning*. Urbana: University of Illinois Press.
16. Bovina, I.B. (2006). Semantic differential. In T.V. Folomeeva (Ed.), *Social Psychology: Practical Work* (pp. 90—104). Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
17. Novikov, A.L., & Novikova, I.A. (2011). Semantic differential: theory and practical applications in linguistic and psychological research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, (3), 63—71. (In Russ.).
18. Slobin, D., & Green, J. (1976). *Psycholinguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
19. Osgood Ch., Susi J., & Tannenbaum P. Application of semantic differential to research on aesthetics and related problems. *Semiotics and Artmetry* (pp. 46—48). Moscow: Mir. (In Russ.).
20. Novikova, I.A., & Panchekhina, N.N. (2012). To the problem of relation between personality traits and ethnic stereotypes of multinational university students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 29—35. (In Russ.).

21. Personality differential (2002). In N.P. Fetiskin, V.V., Kozlov, & G.M. Manuylov (Eds.), *Socio-Psychological Diagnosis of Personality and Small Groups Development* (pp. 20—21). Moscow: Institute of Psychotherapy Publ. (In Russ.).
22. Novikova, I.A., & Gridunova, M.V. (2012). Peculiarities of stereotypes about non-verbal communication and their role in cross-cultural interaction between Russian and Chinese students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 21—28. (In Russ.).
23. Ogannisyan, A.A. (2016). Specifics of ethnic stereotypes and social representations in the Armenian and Russian students. *Wyzwania i Kierunki Rozwoju Nauk Społecznych* (pp. 431—459). Polska, Gdansk: Uniwersytet Gdanski, Wydział Nauk Społecznych, Instytut Politologii. (In Russ.).
24. Novikova, I.A., Novikov, A.L., & Ogannisyan, A.A. (2017). Relations between ethnic attitudes and stereotypes in Russian and Armenian students In *Higher School: Experience, Problems, Prospects: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference* (part 2, pp. 40—45). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.).
25. Khukhlaev, O.Ye. (2011). Ethno-national attitudes of modern Russian youth. *Voprosy psichologii*, (1), 46—57. (In Russ.).
26. Tkachenko, N.V. (2009). Ethno-national attitudes and ethnic prejudice: problem of relationship. *Bulletin MGOU. Series: Psychological science*, (1), 149—158. (In Russ.).
27. Khukhlaev, O.Ye., Buchek, A.A., Zinurova, R.I., Radina, N.K., Tudupova, T.Ts. & Khakimov, E.R. (2011). Ethno-national attitudes and values of modern youth. *Cultural-Historical Psychology*, (4), 97—106. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Новиков Алексей Львович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация); *e-mail*: Novikov-al@rudn.ru.

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация); *e-mail*: Novikova-ia@rudn.ru.

Information about the authors:

Alexey L. Novikov, Ph.D. in Philology, is Associate Professor, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation); *e-mail*: Novikov-al@rudn.ru.

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation); *e-mail*: Novikova-ia@rudn.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002
УДК 81:82-7

Научная статья / Research article

Ирония как культурный и языковой феномен

А.А. Горностаева

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034
anngornostaeva@yandex.ru

В центре внимания статьи — ирония как многоплановое явление, находящееся на стыке нескольких наук: истории, философии, культурологии, литературоведения, лингвистики и т.д. Автор анализирует различные точки зрения на порождение и интерпретацию иронии, отмечает развитие и изменение понимания этого феномена с течением времени. Ирония рассматривается как культурно-исторический и как языковой феномен. Ирония существует в кругу смежных явлений — юмора, сатиры, сарказма, шутки, анекдота, имеет с ними общую область пересечения, и в то же время отличается собственными специфическими характеристиками. В статье подчеркивается, что ирония не существует вне языка и функционирует на разных уровнях: как высказывание, как речевой акт и как речевой жанр. Цель статьи — проанализировать закономерности функционирования иронии в дискурсе и определить условия эффективности иронического общения. Автор приходит к выводу, что ирония, как категория дискурса, является совместным продуктом говорящего и слушающего; для успешного иронического речевого акта необходима соответствующая культурно-социальная, а также психологическая обстановка. Обширная теоретическая база статьи представляет собой синтез классических работ по теории комического и трудов современных ученых в области изучения иронии.

Ключевые слова: ирония, история, философия, комическое, язык, дискурс

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Горностаева А.А. Ирония как культурный и языковой феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 990—1002. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002

© Горностаева А.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81:82-7

Irony as a Cultural and Language Phenomenon

Anna A. Gornostaeva

Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation 119034
anngornostaeva@yandex.ru

The article focuses on irony as a multilateral phenomenon, which is the subject of many spheres: history, philosophy, culture, literature, linguistics etc. Different views on irony's production and interpretation, as well as its development in history, are analyzed. Irony is viewed as a historic and cultural phenomenon, as well as a linguistic one. Irony exists in the sphere of other phenomena — humour, satire, sarcasm, joke etc. These notions are interrelated, they have something in common, yet irony has its own characteristics and peculiarities. It is stated that irony and language are inseparable, irony can function as an utterance, as a speech act and as a speech genre. The aim of the article is to analyze the characteristics of irony in discourse and to determine the conditions of efficient ironic communication. The author argues that irony as a discourse category is a common product of both the speaker and the recipient. Thus, to be effective, an ironic speech act needs proper cultural, social and psychological atmosphere. Theoretical basis is represented by both classical works on the nature of the comic, and contemporary research on irony.

Key words: irony, history, philosophy, comic, language, discourse

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Gornostaeva A.A. (2019). Irony as a Cultural and Language Phenomenon. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 990—1002. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002

Введение

С античных времен и до современности ирония являлась феноменом, вызывающим интерес и неоднозначность толкования. Ирония принадлежит и науке, и культуре, а также представляет собой идеологию, способ восприятия действительности. В то же время она неотделима от языка и человека. Ирония рассматривается как философская, эстетическая, мировоззренческая, психолингвистическая, антропоцентрическая категория.

Целью данной статьи является проанализировать место иронии с точки зрения культурного, исторического, психологического и лингвистического аспектов, а также описать ее как категорию дискурса, обладающую собственными характеристиками и особенностями.

1. Феномен иронии и его различные толкования

Ирония является предметом изучения лингвистов, философов, культурологов, социологов. Подходы к ее осмыслению отличаются многообразием и разноплановостью. Ирония рассматривается с точки зрения философско-эстетического, литературного, лингвистического подхода; она существует не только в литературном языке, а в пространстве интертекстуальности. Ирония тотальна и повсеместна: она присутствует в межличностной коммуникации, искусстве, журналистике,

рекламе, политике, науке и, в целом, практически во всех областях культурного взаимодействия. Само слово «ирония» имеет значения, выходящие далеко за пределы понятия фигур речи; ее определяют как «настроение, оглядывающее все с высоты и бесконечно возвышающее над всем обусловленным, в том числе и над собственным искусством, добродетелью или гениальностью» [1. С. 283].

Понимание иронии постоянно меняется с течением времени; она по-разному толкуется представителями не только разных культур, но и внутри одной культуры, ее по-разному представляют себе ученые и люди, не относящиеся к науке. Ирония непременно нуждается в некоем фоне (так называемое «эхо»), подкрепляющем ее: мнении, норме, мысли или высказывании, с которыми она ассоциируется (“irony necessarily needs an opinion, norm, thought or utterance (called *echo*) to which a dissociative attitude is held” [2. С.100]). Иронию называют явлением «невывысказанного понимания» (“a matter of unspoken understandings”) и явлением «идеологической сложности», то есть основанным на общем понимании устройства мира: “a matter of ‘ideological complicity’—an agreement based on shared understandings of ‘how the world is’” [3. С. 19].

Характеристиками иронии являются ее неоднозначность, обуславливающая широкий спектр ее понимания и толкования (от тонкой насмешки, выраженной в скрытой форме, антифразиса, до способа мировоззрения [4]) и многообразие ее видов — вербальная, ситуативная, структурная, космическая, ирония судьбы и т.д.: “verbal and structural ironies, ... situational irony, cosmic irony, the irony of fate, and so on” [5. С. 3]. Это определяет выбор подхода для анализа той или иной ее разновидности.

В лингвистике существуют риторико-стилистический, структуральный и прагматический подход, последний из которых рассматривает иронию в аспекте теории речевой деятельности, в аспекте речевых актов, максим и принципа кооперации. Поскольку ирония является сегментным концептом, в ней выделяют три сегмента: философско-эстетическая (мировоззренческая) ирония, литературоведческая (как часть комического) и стилистическая ирония. В рамках литературоведческой иронии выделяются две крупные разновидности: ирония как стилистический прием (ироническая насмешка) и ирония как эффект, производимый на читателя (или зрителя, так как данный тип иронии часто встречается в драматических произведениях) [6]. Отсюда следует разница в определении терминов: «Подход к иронии как к способу мировосприятия подвел и литературоведов, и лингвистов к необходимости разграничения двух понятий: ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат — иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка» [6. С. 16].

Ироническое взаимодействие между собеседниками и правильная интерпретация иронии очень важны для успешной коммуникации. Ирония служит своеобразным фильтром для выявления «своих», то есть тех, кто понимает смысл сказанного. Таким образом ирония делит слушателей на целевую аудиторию и «жертвы», провоцируя эмоциональную реакцию и у первых, и у вторых: “irony has an evaluative edge and manages to provoke emotional responses in those who “get” it and those who don’t, as well as in its targets and in what some people call its “victims” [5. С. 2].

Правильное толкование иронии может сблизить собеседников, создать эффект «причастности», обеспечить комфортную и плодотворную коммуникацию. Неправильно использованная, непонятая или неуместная ирония, напротив, приводит к разрушению понимания, ухудшению межличностных отношений. Иначе говоря, понимание иронии «ведет либо к хаотизации, либо к гармонизации общения» [4. С. 179].

Многоплановая природа иронии, разнообразие ее видов и широта ее трактовки связывает иронию со многими областями жизни, науки и явлениями языка.

2. Ирония и ложь

Существует мнение, что ирония — это разновидность лжи, так как говорящий высказывает нечто противоположное тому, что думает, следовательно, говорит неправду. Такое понимание имеет историческую основу и отражено в этимологии: в древнегреческом языке «иронизировать» означало «говорить ложь», «насмехаться», «притворяться». Ряд авторов предлагает объединить иронию и ложь на том основании, что они изначально не присутствовали в языке, то есть не являлись информационными техниками человека. Человек сам учится лжи, точно так же он постигает механизмы иронии. Изучение языка лжи представляет собой отдельное научное исследование [7], в котором доказывается, что вранье, обман не всегда деструктивны. Зачастую ложь, как и ирония, является инструментом манипулирования мнением собеседника, что сближает эти понятия.

Многие исследователи обращали внимание на связь иронии с намеренной неискренностью [8—11]. В частности, отмечалась обманчивая природа иронии (“the deceitful nature of irony”) и утверждалось, что «косвенность иронии является щитом, маскирующим истинное намерение, которое может расцениваться говорящим как рискованное» (“Irony’s indirectness acts as a shield which masks a genuine intent deemed risky by the speaker”) [12. С. 165].

Тем не менее, между иронией и ложью существуют явные различия. Ложь в большинстве случаев имеет корыстную цель и прячется под маской истины [13. С. 16]; ирония же, явная или неявная, рассчитана на понимание собеседником скрытого смысла — без этого ироническое высказывание теряет свое значение. Отмечено, что в отличие от простого обмана ирония предстает как бы в двойной экспозиции, когда утверждение и снимающее его отрицание выражаются явно [14]. Ирония, в отличие от лжи, не имеет намерения стать правдой, а передает сигнал о намеренной неискренности автора иронического высказывания.

Таким образом, основное различие между иронией и ложью заключено в коммуникативном намерении говорящего: цель лжеца всегда лежит вне высказывания, в то время как ироническая фраза, в которой притворство говорящего очевидно, выражает реальное отношения к объекту иронии.

3. Ирония и философия

Понятие иронии имеет в философии и эстетике самостоятельный статус и обладает возможностью проявления практически в любой форме человеческой деятельности. Связь иронии и философии весьма тесна. Не случайно ирония как жанр появилась именно в эпоху расцвета древнегреческой философии, которая представляла собой способ отношения к окружающей действительности и внутреннему

миру человека. В то время зародился метод, называемый Сократовой иронией (стратегия притворства несведущим в каком-либо вопросе с целью заставить противника пуститься в объяснения, чтобы потом развенчать их), который существует и в настоящее время. В древнеримской риторике, начиная со времен Цицерона, ирония широко использовалась в политических спорах как средство дискредитации противника. В разные периоды истории тот или иной вид иронии занимал главенствующее положение: так, у Гомера преобладала трагическая ирония, у Вольтера — насмешливая, у романтиков — ирония разочарования, у Ницше — ирония нигилизма и пессимизма.

Ученые современности подчеркивают неразрывную связь иронии, философии, культуры, эстетики и искусства. Исследователи иронии как философской категории указывают на то, что современное философствование становится все более ироничным. Многие философские концепции, созданные на рубеже XX—XXI вв., содержат комическую, юмористическую или саркастическую иронию. К изучению иронии существуют различные подходы: исторический [15—19]; философско-мировоззренческий [20; 8]; общий эстетический [21; 22]; комический [6; 23—25] и др.

Иронию выделяют как философскую категорию романтической эстетики и как троп [26. С. 223]; как самостоятельный род искусства, не относящийся ни к эпосу, ни к лирике, ни к драме, но своеобразно объединяющий их особенности (и это надо отличать от случаев, когда словом «ирония» обозначают один из оттенков смеха) [23. С. 106]. Ее рассматривают в разных философских аспектах — как эстетическую, нравственную категорию, как форму комического; в целом, как феномен культуры, «служащий для обозначения эмоционально-ценностного отношения, которое, будучи видом комического, характеризуется трехплановой структурой при относительной равноценности этих планов, амбивалентностью, возможностью двунаправленности (интровертной и экстравертной) и особым характером выражения» [8. С. 44]. Ирония — особый эстетический способ рефлексии, который представляет собой уникальную идейно-эмоциональную оценку и эстетическое отношение между субъектом (ироником) и объектом (окружающей действительностью). Рефлексивность (то есть деятельность субъекта по оценке объектов, включая самого себя, их значения и степени удовлетворения социальных потребностей) отмечалась в тесной связи с иронией еще несколько десятилетий назад такими учеными, как: А.Ф. Лосев [17], С.Л. Рубинштейн [27], Е.В. Золотухина-Аболина [28]. Современные исследователи, развивая теорию Грайса об имплицатуре, подчеркивают зависимость иронии от оценочного отношения говорящего к предмету: “Irony relies on the speaker’s expression of his/her evaluative belief at the level of Grice’s what is said or implicated” [29].

В силу двуплановости иронии рассудок и воображение оказываются в постоянном состоянии игры. Ирония заставляет переосмыслить символы и ценности культуры, подразумевает обыгрывание смыслов, интерпретацию и импровизацию. Ироническое отношение является связующим звеном между трагическим и комическим, а также противоположностью возвышенного и патетического. В рамках философского смысла ирония представляет собой способ сопряжения культуры, в которой происходит перманентная переоценка ценностей, и ментальности, которая пребывает в состоянии постоянного недоверия [14].

Таким образом, ирония, являясь феноменом философии и культуры, также представляет собой способ мировоззрения, именно через нее самоактуализируется иронизирующая личность. Человек, как языковая личность и как носитель определенной лингвокультуры, является отправной точкой изучения иронии с точки зрения философии.

4. Ирония и комическое

Категория комического обширна и неоднородна: она находится в связи со смежными логико-философскими категориями и является предметом изучения философов, литературоведов и филологов. Ее основные особенности изложены в трудах Ю.Б. Борева [23], Б. Дземидока [30], В.Я. Проппа [25], С.И. Походни [6], В.М. Пивоева [8], S. Attardo [31] и др.

Термин «комическое» неразрывно связан с понятием «смех». Смех, по наблюдениям исследователей, осуществляется при наличии двух величин: смешного объекта и смеющегося субъекта — человека [25]. В XIX—XX вв. изучение объекта и субъекта было строго разграничено: комический объект анализировался в трудах по эстетике, смеющийся субъект — в трудах по психологии. Тем не менее, комизм определяется не тем и не другим в отдельности, а воздействием объективных данных на человека.

Характер и предназначение смеха могут варьироваться. По мнению теоретиков комического [20], смех — это проявление неосознанного желания унижить противника и тем самым откорректировать его поведение. Ряд исследователей подчеркивает суть смеха как стремление достичь удовольствия [32], направленность смеха против всего, что считается святым, благочестивым, почетным [33], а также его мудрое начало, поскольку смех — «общечеловеческая способность воспринимать мир во всем сплетении его светлых и темных сторон» [34. С. 246]. В целом комический эффект несет в себе положительный смысл: он способствует повышению настроения и отвлечению от насущных проблем.

Комическое, в отличие от трагического и драматического, не универсально, оно существует в конкретной ситуации — общественной и культурно-исторической: “The tragic (and the dramatic) — it is said — are universal. The comic, on the other hand, seems bound to its time, society, cultural anthropology” [35. С. 62]. Для понимания комического необходимо иметь представление о ситуации, ее культурно-исторических и национальных предпосылках.

В природе комического присутствует расхождение объективных свойств предмета и его нормы, имеющейся в нашем сознании [30]; также имеется противоречие между должным и несоответствующим ему [25]; отмечается важность фактора неожиданности при восприятии словесных форм комизма [36]. Пониманию комизма во многом способствуют коммуникативные ожидания, эмоциональный фон, интеллектуальная готовность к мгновенному изменению фокуса внимания. Выделяется общее свойство, которое применимо к любой форме комического: это контрастное несоответствие или отклонение от нормы, обуславливающее возникновение комического эффекта.

Таким образом, комизм — это сочетание причины (смешной объект) и следствия (восприятие этого объекта реципиентом с юмористической точки зрения,

которое обусловлено посредством включения определенных механизмов понимания).

Категория комического неоднородна. Во многих случаях для различия между эстетической («высшей») категорией комического и внеэстетической («низшей») используется разная терминология. В одних случаях говорят о «комическом», в других — о «смешном», хотя существует мнение, что целесообразно не различать эти понятия, а объединить «комическое» и «смешное» под одним термином и понятием — «комизм» [25]. Это не значит, что «комизм» есть нечто совершенно единообразное. Разные виды комизма ведут к разным видам смеха.

Следует заметить, связь между комическим объектом и смеющимся человеком не обязательна и не закономерна. То, что вызывает смех у одного человека, совсем не покажется смешным другому. То же можно сказать и об иронии: ироничная, в понимании некоего реципиента, фраза, может быть воспринята другим адресатом как далекая от иронии.

Причина этого может крыться в условиях исторического, социального, национального и личного характера. Каждая эпоха, каждый народ и каждый человек обладает особым, специфическим для них чувством юмора и способностью воспринимать и интерпретировать иронию и юмор.

Таким образом, ирония — это сложное явление, которое обладает этнокультурной спецификой, опирается на всю когнитивную базу человека, имеющего определенную культурную и языковую картину мира. Восприятие иронии зависит и от культурно-исторических, и от индивидуально-психологических условий, включая черты личности, ее опыт и ценностные ориентации, а также от структурно-коммуникативных особенностей конкретного иронического высказывания и ситуации его употребления.

5. Ирония и язык

Одним из важных вопросов в изучении иронии является принадлежность ее языку. Мнение об иронии как о самостоятельной категории основано на том, что она функционирует в специфической ситуации с опорой на когнитивные структуры участников и, не являясь единицей системы языка, реализуется преимущественно с использованием языкового кода. Сигналом иронии для реципиента является контекстуальная неуместность сообщаемого. Подобный подход представляется не вполне правомерным, поскольку ирония — не просто фрагмент объективного мира в виде иронической ситуации, а языковое явление.

Связь иронии и языка неразрывна, ирония выражается языковыми средствами. Большинство исследователей справедливо считают иронию одним из важных атрибутов речевого поведения, зависящим от соблюдения или нарушения этических норм, от специфики ситуации общения, от отношений участников коммуникации: О.П. Ермакова [13], В.М. Пивоев [8], Ю.М. Скребнев [37, 38], К.М. Шилихина [39], L. Alba-Juez [40], S. Attardo [31], L. Hutcheon [5] и др.

Ирония — явление прагматического уровня. Существуют разные взгляды на механизмы ее порождения, восприятия и интерпретации. Ирония может существовать на уровне высказывания (без учета реакции собеседника); на уровне речевого акта (с учетом действий реципиента по восприятию иронии); если рече-

вой акт рассматривается совместно с ответной репликой, правомерно говорить об ироническом речевом жанре.

Поскольку ирония является нарушением контекстуального соответствия, нарушением искренности, культурных норм и не соответствует ожиданиям собеседника [31], ирония часто характеризуется как притворство, неискренность (о сходстве иронии и лжи уже говорилось). Некоторые говорят о переворачивании смысла либо о его отрицании, на которое накладывается в зависимости от контекста дополнительный смысловой компонент [41]. Иронию определяют как намеренную передачу неискренности по отношению к иллокутивному акту, что ставит на центральное место понятие намерения говорящего, или авторской интенции.

Термин «ироническая игра» наиболее точно передает суть явления, которое включает в себя действия коммуникантов по порождению, передаче и восприятию иронического смысла. Условия успешности иронической игры определяют успешность иронии на интеракционном уровне. Эти правила охватывают требования иронической подготовленности коммуникантов, пригодности обстоятельств для проведения иронической игры. В условиях, благоприятных для иронической игры, понимание иронии — больше, чем понимание смысла высказывания; оно интегрирует в себе различные виды информации из социального контекста, включая события, убеждения и эмоции говорящего, а также паралингвистические факторы, например, выражение лица (“Comprehension of irony ... goes beyond literal understanding, integrating various types of information from the social context, including events, the speaker’s beliefs and emotional attitudes, and paralinguistic cues such as facial expression” [2. С. 102]).

Ироническая игра может обернуться неудачей в не подходящей для нее ситуации: могут возникнуть различные типы негативных последствий — отказ адресата от участия в ироническом общении, игнорирование ограничений, налагаемых обществом на использование иронии, стилевые и жанровые ошибки. Коммуникативные сложности могут быть вызваны невнимательностью или волнением адресата, неожиданностью и неприемлемостью иронии в данных обстоятельствах. Важно помнить, что в самой сути иронического общения заложена необходимость активного интеллектуального контакта его участников. Следует добавить также значимость психологического контакта.

По определению исследователей, ирония «случается» в пространстве между высказанным и невысказанным; “happens in the space between (and including) the said and the unsaid; it needs both to happen” [5]. Связь между этими двумя компонентами и порождает иронический смысл, который должен понять адресат.

Дискурс протекает согласно определенной стратегии коммуникативного поведения. Отклонения от «типичных» дискурсивных действий воспринимаются как значимые и сигнализируют адресату о дополнительной смысловой нагрузке. Кроме того, играют роль и другие факторы, такие как ситуация общения и личностные характеристики собеседников. Все эти факторы в совокупности определяют «действенность иронии»; при нарушении взаимодействия смысловой системы дискурса с коммуникативной ситуацией и сознанием коммуникантов прагматика иронии остается нереализованной для реципиента [4].

Исследователи иронии используют термин *иронический дискурс*, который понимается как частотная речеактовая реализация иронии, коррелирующая со специфическими свойствами личности говорящего, а также *иронизирующая личность* [42]. Способность продуцировать и воспринимать иронические высказывания является присущей каждому человеку, но эта способность во многом зависит от образования, интеллектуального и культурного уровня.

Сторонники дискурсивного подхода к анализу иронии придерживаются мнения, что ирония создается в дискурсе усилиями двух сторон: говорящего и адресата. Адресат тоже участвует в создании иронии, которая рассматривается уже не как готовый инструмент, а как сложный коммуникативный процесс. Ирония возникает в результате взаимодействия всех сторон, участвующих в коммуникации, и представляет собой результат активных дискурсивных действий как со стороны говорящего, так и со стороны адресата, поскольку появление иронии в равной степени зависит и от интенции говорящего, и от интерпретации высказывания адресатом. В дискурс, как правило, включено несколько участников, и каждый адресат имеет свое понимание и отношение к тому, что высказано и что осталось за рамками: “Irony, then, will mean different things to the different players. From the point of view of the *interpreter*, irony is an interpretive and intentional move: it is the making or inferring of meaning in addition to and different from what is stated, together with an attitude toward both the said and the unsaid” [5. С. 11]. Ирония не может полноценно функционировать, цели говорящего не будут достигнуты, если по каким-то причинам собеседник не сумеет распознать и правильно интерпретировать адресованное ему высказывание.

Сторонники рассмотрения иронии как категории дискурса справедливо считают, что ирония в дискурсе не является готовым продуктом и не может быть использована повторно [42; 43]. Она создается в процессе коммуникации усилиями двух сторон: говорящего и адресата. В ироническом общении адресат занимает активную позицию, так как создание и понимание иронии обеспечивается как говорящим, так и слушающим, точнее их взаимодействием. Адресатом иронии может быть не отдельный слушающий, а целая аудитория. В таком случае специфика создания средств комического эффекта обусловлена авторской установкой, учитывающей особенности восприятия комического целевой аудиторией. Целевая аудитория, как адресат иронии, должна быть подготовлена к принятию и обработке иронического высказывания. Для того чтобы ироническое общение состоялось, должны быть выбраны адекватные языковые средства и иронические механизмы.

Существует ряд факторов, которые имеют значение в процессе интерпретации иронии. Во-первых, ирония как категория дискурса реализуется только на фоне контекста (различают микроконтекст, макроконтекст и мегаконтекст [6]). Во-вторых, наблюдается неразрывная связь иронии как текстовой категории, которая реализуется лингвистическими средствами, с экстралингвистическими моментами (социальной позицией автора, его биографией, положением в обществе, этическими нормами, философско-политическими течениями эпохи), а также ориентированность иронии на характеристику внутреннего мира человека. Таким

образом, характер иронии зависит как от личности автора, уровня его образованности, социального статуса, политических убеждений, эстетических взглядов, так и от личности реципиента, его характера, уровня развития, настроения.

6. Выводы

Ирония — явление многообразное, имеющее разные формы выражения. С этой многоликостью связана сложность ее определения и интерпретации. Ее можно рассматривать вне науки — как настроение, мироощущение, вид искусства; иронию можно также толковать с точки зрения научного подхода — философского, исторического, эстетического; как категорию комического и как явление языка. Ирония связана с когнитивной базой человека, представляет собой компонент языковой картины мира.

Ирония в коммуникации может играть положительную и отрицательную роль. Обладая способностью делить аудиторию на «своих» и «чужих», т.е. ироников и «жертв», она имеет целью как сближение, так и отдаление коммуникантов. Таким образом, ирония либо гармонизирует межличностное общение, либо ухудшает его.

Ирония — категория дискурса, она не существует в отрыве от языка. Для успешности иронического акта необходимо учитывать как личность автора, так и адресата иронии. Также важен характер отношений между участниками коммуникации, степень их близости и другие факторы. Иронический речевой акт (успешный или неуспешный) является продуктом совместных усилий говорящего и слушающего. Без понимания со стороны адресата иронический речевой акт не может считаться успешным. Ирония как речевой жанр имеет качественно более сложную природу и соотносится с ситуацией, событием, текстом, оперирует определенным набором механизмов и соответствует коммуникативным намерениям автора.

Библиографический список

1. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика / сост., пер. с нем., вступ. ст. Ю.Н. Попова. В 2-х тт. М.: Искусство, 1983. Т. 1.
2. Yus F. Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22. No 1. P. 94—107.
3. Chambers R. Irony and the canon. *Profession*. (MLA). P. 18—24.
4. Храменко Д.С. Ирония как средство активизации синергичных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса // *Вестник Самарского государственного университета* № 67, 2009. С. 175—180.
5. Hutcheon L. *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge, 2005.
6. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989.
7. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. Волгоград: Перемена, 2010.
8. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск, 2000.
9. Brown R.L. The pragmatics of Verbal Irony. *Language Use and the uses of Language*. Washington, 1980. P. 111—127.
10. Fraser B. The domain of Pragmatics. *Language and Communication*. London: Longman, 1983. P. 29—59.

11. *Leech G.N.* Principles of pragmatics. L.; N.Y.: Longman, 1983.
12. *Giora R.* Irony and its discontent. Utrecht publications in general and comparative literature. Vol. 35. John Benjamins publishing company. Amsterdam/ Philadelphia, 2001. P. 165—185.
13. *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
14. *Пигулевский В.О.* Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Научное издание. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фолиант», 2002.
15. *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики и Сократ. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994.
16. *Лосев А.Ф.* Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М., 1966. С. 54—84.
17. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М., 1969.
18. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
19. *Шестаков В.П.* Эстетические категории. Опыт систематического и исторического исследования. М.: Искусство, 1983.
20. *Бергсон А.* Два источника морали и религии / пер. с фр., послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1994.
21. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
22. *Борев Ю.Б.* Эстетика. М.: Политиздат, 1969.
23. *Борев Ю.Б.* Комическое. М., 1970.
24. *Паси И.* Ирония как эстетическая категория // сб. Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. М., 1980. С. 60—84.
25. *Пропп В.Я.* Проблема комизма и смеха. СПб., 1997. Режим доступа: http://librus4.ilive.ro/vladimir_proppp_problemi_komizma_i_smeha_23909.html (дата обращения: 25.05.2019).
26. *Поспелов Г.Н.* Теория литературы. М., 1978.
27. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
28. *Золотухина-Аболина Е.В.* Курс лекций по этике. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
29. *Dunel M.* (2017) The Irony of Irony: Irony Based on Truthfulness January 2017. Режим доступа: <https://www.researchgate.net>. DOI: 10.1007/s41701-016-0003-6 (дата обращения: 25.05.2019).
30. *Дземидок Б.* О комическом. М.: Прогресс, 1974.
31. *Attardo S.* Irony as a Relevant Inappropriateness // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. By H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135—172.
32. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 2006.
33. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
34. *Столович Л.Н.* Философия. Эстетика. Смех. СПб.—Тарту: Крипта, 1999.
35. *Eco U.* The Limits of Interpretation, Bloomington: Indiana University Press, 1990.
36. *Хайрутдинова Г.А.* Морфологические средства создания комизма // Русская и сопоставительная филология: сист.-функцион. аспект. Казань, 2003. С. 135—139.
37. *Скребнев Ю.М.* Функциональный аспект лингвистики текста // Лингвистика текста. М., 1974. Т. 1.
38. *Скребнев Ю.М.* Ирония // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997. С. 159.
39. *Шилихина К.М.* Современные теории вербальной иронии: основные проблемы. Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 6. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 24—32.
40. *Alba-Juez L.* Irony as inferred contradiction // Russian Journal of Linguistics. 2014. no 4. P. 139—152.
41. *Шаронов И.А.* Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи: Сб. научных статей / под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004. С. 38—53.
42. *Горностаева А.А.* Ирония как компонент английского стиля коммуникации: монография. М.: ИПЦ «Маска», 2013.
43. *Шилихина К.М.* Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. no 4(38). С. 177—182.

References

1. Shlegel', F. (1983). *Aesthetics. Philosophy. Critics*. F. Shlegel'. Sost., per. s nem., vstup. st. Yu.N. Popova (Ed., transl.). Vol. 2. Moscow: Iskusstvo. Vol. 1. (In Russ.).
2. Yus, F. (2018) Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication, *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 94—107.
3. Chambers, R. (1990) Irony and the canon. *Profession* (MLA). P. 18—24.
4. Khramchenko, D.S. (2009). Irony as a means of activating synergy processes of pragmatic semantic self-organization of English business discourse, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 67, 175—180. (In Russ.).
5. Hutcheon, L. (2005) *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge.
6. Pokhodnya, S.I. (1989). Language means of irony realization. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.).
7. Panchenko, N.N. (2010). *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya: monografiya [Credibility as a communicative category]*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
8. Pivoev V.M. (2000). *Ironiya kak fenomen kul'tury [Irony as a cultural phenomenon]*. Petrozavodsk. (In Russ.).
9. Ermakova O.P. (2005). *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka [Irony and its role in the life of language]*. Kaluga, KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo. (In Russ.).
10. Pigulevskiy V.O. (2002). *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu Nauchnoe izdanie [Irony and lies: from romanticism to postmodernism]*. Rostov-na-Donu: Izd-vo "Foliant". (In Russ.).
11. Isaeva V.I. (1994). *Antichnaya Gretsia v zerkale ritoriki i Sokrat [Ancient Greece in the mirror of rhetoric and Socrates]*. M.: Nauka. Izd. Firma "Vostochnaya literatura". (In Russ.).
12. Losev A.F. (1996). *Ironiya antichnaya i romanticheskaya [Ancient and romantic irony]*. *Estetika i iskusstvo [Aesthetics and art]*. Moscow. P. 54—84. (In Russ.).
13. Losev A.F. (1969). *Istoriya antichnoy estetiki: Sofisty. Sokrat. Platon [The irony of ancient aesthetics: sophists. Socrates. Platon]*. Moscow. (In Russ.).
14. Losev A.F. (1995). *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The problem of the symbol and realistic art]*. M.: Iskusstvo. (In Russ.).
15. Shestakov V.P. (1983). *Esteticheskie kategorii. Opyt sistematicheskogo i istoricheskogo issledovaniya [Aesthetic categories. Historic and systematic approach]*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
16. Bergson A. (1994). *Dva istochnika morali i religii [Two sources of morals and religion]*. Per. s fr., posleslovie i primechaniya A.B. Gofmana. Moscow: Kanon. (In Russ.).
17. Bakhtin M.M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of word creation]*. Moscow: Iskusstvo.
18. Borev Yu.B. (1969). *Estetika [Aesthetics]*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
19. Borev Yu.B. (1970). *Komicheskoe [The comic]*. Moscow. (In Russ.).
20. Pasi I. (1980) *Ironiya kak esteticheskaya kategoriya [Irony as an aesthetic category]: sb. Marksistsko-leninskaya estetika v bor'be za progressivnoe iskusstvo [Marxist-Leninist aesthetics in the struggle for progressive art]*. Moscow. P. 60—84. (In Russ.).
21. Propp V.Ya. (1997). *Problema komizma i smekha {the problem of the comic and laughter}*. SPb. [http://librus4.ilive.ru/vladimir_propp_problemi_komizma_i_smekha_23909.html]. (In Russ.).
22. Pospelov G.N. (1978). *Teoriya literatury [Theory of literature]*. Moscow. (In Russ.).
23. Rubinshteyn S.L. (1973). *Problemy obshchey psikhologii [Problems of general psychology]*. Moscow. (In Russ.).
24. Zolotukhina-Abolina E.V. (1999). *Kurs lektsiy po etike [Course of lectures in ethics]*. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.).
25. Dzmidok B. (1974). *O komicheskom [On the comic]*. M.: Progress. (In Russ.).
26. Freyd Z. (2006). *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu [The wit and its attitude to the subconscious]*. Moscow. (In Russ.).

27. Likhachev D.S. (1979). Poetika drevnerusskoy literatury [The poetry of ancient Russian literature]. Moscow. (In Russ.).
28. Stolovich L.N. (1999). Filosofiya. Estetika. Smekh [Philosophy. Aesthetics. Laughter]. SPb—Tartu: Kripta. (In Russ.).
29. Khayrutdinova G.A. (2003). Morfologicheskie sredstva sozdaniya komizma [Morphological means of creating the comic]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Sist.-funktsion. aspekt*. [Russian and comparative philology: functional aspect]. Kazan'. P. 135—139. (In Russ.).
30. Skrebnev Yu.M. (1974). Funktsional'nyy aspekt lingvistiki teksta [Functional aspect of text linguistics]. *Lingvistika teksta* [Text linguistics]. Moscow. Vol. 1. (In Russ.).
31. Skrebnev Yu.M. (1997). Ironiya [Irony]. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [the Russian language: Encyclopedia]. Moscow. P. 159. (In Russ.).
32. Shilikhina K.M. (2008). Sovremennye teorii verbal'noy ironii: osnovnye problemy. [Modern theories of verbal irony: general questions]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment]. Issue 6. Voronezh: VGU. P. 24—32. (In Russ.).
33. Sharonov I.A. (2004). Priemy rechevoy agressii: nasmeshka i ironiya [Strategies of speech aggression: scorn and irony]. *Agressiya v yazyke i rechi. Sbornik nauchnykh statey* [Aggression in speech and language]. Ed. by I.A. Sharonova. Moscow: RGGU. P. 38—53. (In Russ.).
34. Gornostaeva A.A. (2013). Ironiya kak komponent angliyskogo stilya kommunikatsii [Irony as a component of English communicative style]. Monografiya. Moscow: IPTs “Maska”. (In Russ.).
35. Shilikhina K.M. (2011). Ironiya v politicheskom dialoge [Irony in political dialogue]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], No 4(38). P. 177—182(In Russ.).

Сведения об авторе:

Горностаева Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводческого и педагогического мастерства института непрерывного образования Московского государственного лингвистического университета. *Научные интересы:* ирония, политический дискурс, межкультурная коммуникация, этностилистика, лингвопрагматика; *e-mail:* anngornostaeva@yandex.ru

Information about the author:

Anna A. Gornostaeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Pedagogical Excellence, Institute of Continuing Education, Moscow State Linguistic University. *Research interests:* irony, political discourse, intercultural communication, ethnic studies, linguo-pragmatics; *e-mail:* anngornostaeva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1003-1020
УДК 811.112.2:811.161.1:659.4

Научная статья / Research article

Говорящий как субъект деонтики в политической речи (на материале немецкого и русского языков)

А.В. СЫТЬКО

Минский государственный лингвистический университет
ул. Захарова, д. 21, Минск, Республика Беларусь, 220035
anns5555@yahoo.de

Данная работа посвящена проблеме семантической и функциональной вариативности деонтических конструкций, где субъектом деонтики выступает сам говорящий, в ядерном жанре политического дискурса — политической речи — в немецкой и русской лингвокультурах. Материалом послужили деонтические высказывания с прототипическими модальными экспликаторами, такими как *должен, ich muss, kann, darf, надо/нужно*. На основе контекстуального анализа выявляется обусловленная социокультурным контекстом семантическая многозначность модальных конструкций с деонтическим субъектом-говорящим и глаголами говорения. Метод функционально-семантического описания позволяет раскрыть дискурсивную полифункциональность данных деонтических высказываний.

Ключевые слова: деонтика, семантика, субъект деонтики, деонтическое высказывание, деонтическая конструкция, модальный экспликатор, глагол говорения

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Сытько А.В. Говорящий как субъект деонтики в политической речи (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 1003—1020. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1003-1020

УДК 811.112.2:811.161.1:659.4

Speaker as a Deontic Agent in Political Speech (on the Material of German and Russian Languages)

Anna W. Sytko

Minsk State linguistic university
Zacharov str., 21, Minsk, Republic of Belarus, 220035
anns5555@yahoo.de

This work is devoted to the problem of semantic and functional variability of deontic constructions, where the speaker himself is deontic agent, in the nuclear genre of political discourse — political speech — in German and Russian linguistic cultures. As the material deontic expressions with prototypical

© Сытько А.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

modal explicators are used, such as *dozen, ich muss, kann, darf, nado / nuzhno*. It is fixed that the speaker in political speech can be deontic agent only in the structures with verbs of speaking. On the basis of contextual analysis the semantic polysemy of these modal constructions is defined that is determined by the socio-cultural context is revealed. The method of functional-semantic description allows revealing the discursive polyfunctionality of these deontic statements.

Key words: deontic, semantics, deontic agent, deontic statement, deontic construction, modal explicator, verb of speaking

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Sytko, A.W. (2019). Speaker as a deontic agent in political speech (on the material of German and Russian languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1003—1030. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1003-1020

Введение

Деонтика как отношение к действиям по неременному созданию или изменению положения дел в мире выражается в языке высказыванием (далее — деонтическим высказыванием), в котором имеются два плана: содержательный (пропозиция), указывающий на действие для выполнения, и деонтический, который содержит информацию о различного рода факторах, влекущих создание иного положения дел, о характере (обязательный, запрещенный или разрешенный) модального отношения к действию и о потенциальном исполнителе действия, т.е., соответственно, о модальном источнике, модальной силе и модальных агентах.

Семантические и прагматические нюансы деонтического высказывания зависят как от факторов, обуславливающих возникновение деонтического отношения, так и от типа модального агента, реализуемого в разных видах деонтических конструкций. Данные вариативные компоненты модального плана, в свою очередь, «обнаруживают сильную зависимость от дискурсивной системы координат» [1], поскольку дискурс задает особую «организацию модальных структур» [2. С. 33].

В деонтическом высказывании речь идет о выполнении действия неким агентом, субъектом деонтики, который выражен чаще всего грамматическим субъектом и может быть представлен:

- 1) конкретными существительными, обозначающими лиц:

A. Merkel: Ja, von Einwanderern und Flüchtlingen muss die Einhaltung von Recht und Gesetz und die Beachtung unserer Werte verlangt werden (Rede zur Verleihung des Nationalen Integrationspreises, 29.10.18) 'Да, иммигранты и беженцы должны соблюдать законы и блюсти наши ценности';

- 2) собирательными существительными, обозначающими совокупность определенных лиц как одно неделимое целое:

Человечество должно было пересмотреть свой путь до Чернобыля, чтобы понять, как не следует развиваться дальше (Вл. Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... (1999—2003)) [3];

3) метонимическими номинациями:

Д.А. Медведев: *Мир должен объединиться, чтобы предотвратить угрозу истребления целых народов и наций, чтобы воспрепятствовать гибели европейской цивилизации* (Выступление на торжественном мероприятии, посвященном 65-летию освобождения Братиславы от гитлеровских захватчиков, 07.04.2010).

А. Merkel: *Die türkische Regierung muss sich an diesem Bericht messen lassen und die darin aufgeworfenen Fragen beantworten* (Regierungserklärung, 27.04.17) ‘Турецкое правительство должно оценить этот доклад и ответить на поставленные в нем вопросы’;

4) различными местоимениями: *я должен* им помочь; *мне надо* позвонить родителям; *каждый должен* заниматься своим делом.

Семантическая дифференциация субъекта деонтики — задача не простая. Семантически наименее растяжимым способом оформления деонтического агента оказывается форма личного местоимения 1-го лица ед. числа, которая совпадает с говорящим лицом.

Говорящий в любом дискурсе представляет собой субъекта, опыт которого сформирован определенным социокультурным контекстом. Деятельность речевого субъекта политической коммуникации направлена, прежде всего, на реализацию функции воздействия для достижения основной цели политической коммуникации — удержанию власти. По этой причине деонтическое высказывание в политическом дискурсе, представляя собой «проект» иного положения дел, обусловленный обстоятельствами, а также убеждениями, мотивами и оценками политического субъекта, служит задачам идеологии.

Целью данного исследования стало выявление дискурсивной специфики функционирования деонтических высказываний в ядерном жанре политического дискурса — в политических речах — в немецкой и русской лингвокультурах, где модальным агентом выступает сам говорящий. Для этого было проанализировано 200 выступлений канцлера ФРГ и президентов РФ, президента РБ перед общественностью и парламентом о положении дел в стране или с политическим докладом за период с 2000 по 2018 гг., взятых с официальных сайтов (www.kremlin.ru/events/president, president.gov.by, www.bundespraesident.de и www.bundeskanzlerin.de), где деонтика реализуется эксплицитно, а именно: или соответствующими деонтическими операторами (*разрешено, запрещено, обязательно*), или прототипическими лексемами, к которым относятся предикативные единицы *должен, надо/ нужно*, или их эквиваленты, синонимичные единицы, такие как *обязан, необходимо, следует, надлежит, позволено, нельзя, запрещено* и некоторые др. В немецком языке набор экспликаторов несколько уже: это модальные глаголы *müssen, sollen, können, dürfen*, а также глаголы *verbieten, erlauben*, наречия *notwendig, nötig*.

Субъект деонтики, адресат, грамматический субъект

Описывая семантику деонтической модальности, Е.В. Падучева отмечает, что это «возможность/необходимость действий некоторого *Агенса*, утверждаемая морально или социально ответственным субъектом или институцией» (курсив наш) [4].

В прототипической ситуации деонтики в роли модального агента выступает активный участник ситуации, некий одушевленный субъект, который в состоянии осуществить указываемое в пропозиции действие: *тебе надо позвонить родителям*. Деонтический агент, или субъект деонтики, представляет собой, таким образом, конкретного или потенциального получателя информации о том, что должно, запрещено или разрешено осуществить.

Поскольку при описании семантической структуры деонтического высказывания исследователи используют понятия «субъект» и «получатель», следует уточнить их применительно к деонтике и отграничить от омонимичных понятий.

С позиции структуры деонтического высказывания существует источник, предписывающий действие, и воздействуемый субъект (модальный агент), «на которого оказывают влияние некие силы (наше прим.: внешние и внутренние принуждения), которые могут побудить его к действию» [5. С. 251].

С точки зрения коммуникативной роли выделяется адресант (отправитель) и адресат (получатель) сообщения, которые могут как совпадать, так и не совпадать с субъектом, предписывающим и воздействуемым. Отправитель представляет собой субъекта речи (говорящего), лицо, которому принадлежит то или иное высказывание, понимаемый как источник отношения и речевого действия, внутреннего по отношению к языку. При этом адресант, говорящий, далеко не всегда выступает источником деонтики, а зачастую служит лишь ее транслятором. Так, в следующем примере предписывающей силой выступают конвенциональные правила, о которых сообщает говорящий:

Олег! Я знаю, что ты должен сделать. Ты должен пойти в милицию и заявить на твоих бандитов. Их арестуют, и ты станешь свободным как птица (В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002) [3].

Получателем деонтической информации может выступать и не адресат сообщения, поскольку потенциально осуществлять / не осуществлять необходимое, разрешенное действие может/должен субъект вне акта речи, например,

Ходорковский же попадает в ситуацию, когда остановить волну протестов уже нельзя — потеря лица, прежде всего на Западе, где придется легализовываться и долго и плодотворно трудиться на развал путинского режима. То есть Ходорковский обязан теперь жить по закону велосипеда: остановился — значит, упал (С. Доренко. Левые силы — перезагрузка (2003) // «Завтра», 13.08.2003) [3].

В поверхностной структуре формальный грамматический субъект, подлежащее, не всегда совпадает с деонтическим агентом. Так, в следующем примере подлежащим является местоимение *которые*, относящееся к существительному *задам*, однако модальным агентом в структуре деонтического высказывания выступают *местные органы власти*:

А.Г. Лукашенко: Создание условий для стимулирования рождаемости, обеспечение людей работой, рост их благосостояния — основные правительственные задачи, задачи местных органов власти, которые надо решать (Выступление президента РБ во время посещения реконструированного Минского городского клинического онкологического диспансера, 29.12.17).

Подлежащее, обозначающее неодушевленные объекты, указывает на импликацию деонтического агента. Например:

В.В. Путин: Но хочу особо подчеркнуть и хочу, чтобы все это поняли: темпы инновационного развития должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня (Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 08.02.2008).

Деонтическое высказывание может и не иметь грамматического субъекта, т.е. быть безличным, но с имплицированным деонтическим агентом, который в формальной структуре оформлен синтаксическим нулем. Это происходит, когда говорящий обозначает лишь действие, например, *это Ø надо проверить; Ø надо спилить это дерево, мало света; ребенка надо Ø показать врачу*, где модальным агентом является адресат в конкретной ситуации. Или в роли агента может выступать некий обобщенный адресат, неактуальный слушатель. Например,

В.В. Путин: Это касается развития судостроительного кластера. Надо его в известной степени возродить, а по большому счету, что касается гражданского судостроения, по сути, начинать заново (Выступление на встрече с преподавателями и студентами Дальневосточного федерального университета, 09.01.13).

Таким образом, субъект деонтики есть единица семантической структуры высказывания, функцией которого является идентификация исполнителя пропозиционального действия. Он является социальным субъектом, внешним по отношению к языку. Деонтический субъект может совпадать как с коммуникативным адресатом, так и с формальным, грамматическим, субъектом, но может быть и не выражен в поверхностной структуре.

Типы деонтических конструкций с я-субъектом в политической речи

Деонтические высказывания с эксплицированным я-субъектом отмечаются в политической речи только с действием-говорением в пропозиции (я *должен сказать, я позволю заметить*). Лингвистами постулируется, что это лишь клишированная модальная конструкция, которая описывает намерение говорящего [6]. Употребление модального глагола служит в таких случаях смягчению утвердительности и снятию коммуникативного выделения с речевого глагола [7], (ср.: я скажу, что \diamond я должен сказать, что), у которого «компонент ‘говорение, порождение речи’ акцентуирован изначально» [8. С. 137].

Однако такие конструкции не полностью десемантизированы. Наличие у них деонтической семантики доказывает существование другой модальной формулы, волитивной: [я] *хочу +сказать, отметить, (особо) подчеркнуть, что..., хотел бы напомнить/ ich will (ausdrücklich) sagen, daran erinnern* ‘хочу (ясно, четко) сказать, я хочу напомнить’. В рамках модальной парадигмы эти два типа клише *хочу сказать* и *должен сказать* образуют модальную семантическую оппозицию, где они противопоставлены на уровне парадигматического и синтагматического микрокомпонентов значения. Ср.:

В.В. Путин: Хочу отметить, на мой взгляд, главное: все достигнутое за прошедшие годы создает прочную основу для движения вперед, для решения тех ключе-

вых исторических задач, о которых говорил и в Послании, и на церемонии вступления в должность Президента нашей страны (Выступление на пленарном заседании Государственной Думы, 08.05.18).

В.В. Путин: Конечно, много возникло проблем и сложностей в связи с теми крупными историческими переломами, с которыми столкнулись наши народы в начале 90-х годов. Но должен сказать, что в этих условиях роль и значение православия для духовной жизни наших народов — это роль и значение многократно для нас возросли (Обращение к иерархам Украинской православной церкви Московского патриархата, 24.01.2004).

*В.В. Путин: Но мы, разумеется, должны защищать свои интересы, а не бросать деньги, а сейчас об этом тоже еще **позволю себе несколько слов сказать** (Выступление на пленарном заседании Государственной Думы, 08.05.18).*

Опущение их в политическом дискурсе не приводит к искажению смысла дискурсивных фрагментов, но нивелирует важные коммуникативно-прагматические характеристики политического текста. Деонтическое высказывание с агентом-говорящим оказывается «прагматически насыщенным» [9. С. 151], что в значительной мере обусловлено экстралингвистическими условиями, а именно социальным институтом политики как устойчивой формой взаимоотношения людей и их совместной деятельности.

При этом можно выделить два типа деонтических высказываний с разным семантико-прагматическим содержанием — с разрешительностью и с обязательностью.

Источником формирования деонтического отношения в таких высказываниях становятся объективно- и индивидуально-ситуативные факторы: либо конвенциональные правила поведения, либо обстоятельства, либо внутренние решения говорящего (волеизъявление говорящего), опыт которого сформирован социокультурным контекстом политической коммуникации. Основной интенцией данных высказываний выступает ассертивная, а в ее рамках рациональная оценка, предположение, уверенность. Их дискурсивное предназначение состоит в экспликации отдельных признаков политического дискурса: субъективности и оценочности. Коммуникативной функцией данных конструкций является маркирование содержательной релевантности последующего за деонтической конструкцией сообщения.

Клишированные деонтические конструкции с семантикой разрешительности

В политической речи отмечаются десемантизированные «разрешительные» деонтические клише типа: «*позволю себе / ich darf, kann* + глагол говорения».

Так, семантика глагола *позволять* свидетельствует о чем-либо согласии, дающем право сделать что-либо, иными словами разрешении на какое-то действие. В случае с конструкцией «*я позволю себе* + инфинитив» речь идет о допущении говорящим, который уже осуществляет речевой процесс, для самого себя в данный момент в зависимости от задач коммуникации некоего определенного процесса

речи. Установить доподлинно модальный источник здесь достаточно сложно в силу размытости семантического содержания политического дискурса. В следующем примере:

Д.А. Медведев Был еще вопрос в отношении распределения, я тогда позволю себе продолжить (Встреча с активом партии «Единая Россия», 03.10.13),

невозможно определить точно, является ли данное допущение решением говорящего или оно обусловлено ситуативными обстоятельствами.

В немецком языке используемый в подобных деонтических конструкциях модальный глагол *dürfen* или синонимичный ему *können* имеют семантику деонтической возможности, разрешительности, предоставленной обстоятельствами либо этическими нормами [10]. Таким образом, в немецких маркерах, которые переводятся на русский язык ‘мне позволено/ (исходя из обстоятельств) могу/ имею право’, уже в самой семантике заложен деонтический фактор, что отличает их от русского эквивалента, где модальный источник не поддается четкой идентификации. Например:

A. Merkel: Über diese Zusammenarbeit konnte ich mich jüngst auch auf meiner Afrika-reise informieren und mir ein Bild davon machen. Ich darf sagen, dass sich schon erste Auswirkungen zeigen (Rede beim „G20 Investment Summit — German Business and the Compact with Africa Countries“, 30.10.18). ‘Благодаря этому сотрудничеству недавно во время своей поездки в Африку я смогла получить представление об этом. Могу / имею право сказать, что уже видны первые результаты.’

A. Merkel: ... aber das verbietet mein Amt sowieso. Ich kann aber feststellen, dass es in seinen praktischen Folgen unsere Vorstellung von Religionsfreiheit auf die Probe stellt (Rede bei der Verleihung des Heinz-Galinski-Preises, 28.11.12) ‘... но моя служба это запрещает. Я, однако, могу сказать/констатировать, что последствия этого подвергают испытанию нашу идею религиозной свободы’.

Несовпадения в семантике деонтических маркеров в русском и в немецком языках обуславливают их комбинации с отличными глаголами говорения, которые сами по себе представляют собой сложный денотат. В них характеризуется содержание мысли, коммуникативная сторона речи, взаимодействие коммуникантов, речевое побуждение, эмоциональное отношение, оценка [11. С. 44].

К числу речевых глаголов в данных клише наряду с глаголом *сказать/sagen*, описывающим сам факт произнесения, относятся такие глаголы, как *напомнить/erinnern, wiederholen* ‘повторить’, *feststellen* ‘констатировать’, *hinweisen* ‘заметить’, *mitteilen* ‘сообщить’, *versichern* ‘заверить’, *zusagen/versprechen* ‘обещать’, обозначающие какое-либо другое реализованное в процессе речи действие, а также такие глаголы, как *продолжить, выразить уверенность, предположить, привести (пример / несколько цифр), назвать (имена, цифры)*, указывающие на определенные особенности содержания или на место реплики. Кроме этого, в русском языке фиксируются также усеченные сочетания деонтического маркера *позволю себе* с существительными с семантикой говорения *реплику, несколько замечаний*. Разрешительные конструкции в зависимости от своего языкового наполнения выполняют различные функции, которые обусловлены как семантикой глаголов

говорения, так и присутствием определенных вербализаторов в высказывании. При этом конструкции с глаголом *сказать/sagen* отмечаются во всех функциональных реализациях.

1) информационно-смысловая организация текста

Присутствие в структуре деонтического высказывания таких вербализаторов, как *два слова о, реплику* и т.п., указывают на начало новой части текста, на тему или предмет рассуждений, например,

В.В. Путин: И я позволю себе маленькую реплику по вопросу о нацеливании ракет (Выступление Президента РФ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Президентом США Дж. Бушем, 24.05.2002).

Такие деонтические клише относят к метатекстовым средствам привлечения внимания к информации, которые структурируют дискурсивный фрагмент и определяют его информационную ценность. Ю.Д. Апресян справедливо отмечает, что «это — своего рода прагматические инструкции по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации» [9. С. 151].

2) композиционная организация текста

Деонтическая конструкция с глаголом *продолжить*, а также при наличии в высказывании таких маркеров, как *в завершение, далее*, которые характеризуют место последующего сообщения в смысловой структуре текста относительно текста в целом, разрешительные клише структурируют текст, например,

В.В. Путин: В завершение нашей сегодняшней процедуры позволю себе сказать буквально два слова, оттолкнусь от того, что здесь уже прозвучало из уст одного из награжденных (Вручение государственных наград, 27.11.18).

3) маркирование эпистемического отношения

В русской политической речи в разрешительных клише используется сочетание модального маркера *позволю* и глаголов *предположить, выразить уверенность*, которые являются средством выражения эпистемической модальности, например:

В.В. Путин: Я, кстати, позволю себе предположить, что такой болезненный для нашего общества вопрос, как коррупция, во многом связан с тем, что у нас появилось слишком много душевно неразвитых людей (Заседание Совета при Президенте по культуре и искусству 25.12.15).

В немецком языке в подобных клише употребляются модальные слова низкой степени уверенности:

A. Merkel: Ich darf vielleicht auch sagen, dass an der Erfolgsgeschichte in erster Linie natürlich die Spielerinnen, die Trainerinnen und alle, die direkt daran mitarbeiten, beteiligt sind (Ansprache anlässlich des Empfangs der Fußballnationalmannschaft der Frauen und der Eröffnung der Ausstellung “Frauen schreiben Fußballgeschichte“, 05.04.11) ‘Я, наверное, имею право сказать, что, конечно, в первую очередь в историю успеха вовлечены игроки, тренеры и все, кто непосредственно работал’.

Такое коммуникативно обоснованное дополнение деонтического высказывания эпистемическими операторами направлено на поддержание коммуникативного имиджа политика как вежливой личности.

4) маркирование иллокутивного отношения

Немецкие деонтические клише могут указывать на различные иллокуции. Так, модальный глагол *dürfen* сочетается с перформативами комиссивных речевых актов — обещания и заверения (*darf + jmdm versichern* ‘заверить’, *jmdm zusagen* ‘обещать’), возлагающие на говорящего обязательство совершить некоторый поступок, например,

A. Merkel: Ich darf Euch versichern: Auch Mädchen können das (Rede anlässlich der Auftaktveranstaltung zum Girls‘ Day, 21.04.10) ‘Я могу вас заверить: даже девушки могут это делать’.

Разрешительные конструкции выражают возражение или несогласие с одним из эксплицитных или имплицитных компонентов пропозиции предыдущего высказывания. При возражении в разрешительном клише может использоваться глагол *напомнить/erinnern*, реализующий речевой акт информатива, например,

V.V. Putin: ...что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что было сказано (В.В. Путин. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10.02.2007).

Интенция напоминания направлена на передачу конкретной информации, с помощью которой говорящий ставит целью оказать на аудиторию определенное воздействие, например,

A. Merkel: Ich darf daran erinnern: Europa hat sich im Jahr 2000 mit der sogenannten Lissabon-Strategie das Ziel gegeben, im Jahr 2010 der dynamischste Kontinent der Welt zu sein. Dieses Ziel haben wir erkennbar verfehlt (Rede beim BGA-Unternehmertag, 24.10.12) ‘Я могу напомнить, что в 2000 году с помощью так называемой Лиссабонской стратегии Европа поставила перед собой цель: в 2010 году стать самым динамичным континентом в мире. Мы явно упустили эту цель’.

В немецких разрешительных клише при оформлении возражения присутствуют местоименные наречия *dazu, darauf* ‘на это’, которые выполняют анафорическую функцию, отсылая к тому, что уже было сказано до данного акта речи, а лексем *aber* ‘но’, *allerdings* ‘однако’ указывают на несогласие говорящего с предшествующим высказыванием. Например,

A. Merkel: In dieser Hinsicht hapert es bei uns ja sicherlich noch in vielen Bereichen. Ich darf allerdings nichts dazu sagen, weil die Schulen in der Hoheit der Länder liegen (Rede anlässlich Eröffnung des Neubaus für die Kulturstiftung des Bundes, 30.10.12) ‘В этом отношении у нас еще много недостатков во многих областях. Однако я ничего сказать не могу по этому поводу, потому что школы находятся под юрисдикцией федеральных земель’.

5) маркирование нестандартного лексического наполнения при выражении оценочного отношения

В политической речи используется еще одна формула разрешительных конструкций, а именно условная формула *wenn ich das (so) sagen darf* 'если мне позволено так сказать'. Она выступает маркером некоторой «нетривиальности» языкового оформления мысли, например:

A. Merkel: Ich finde dieses Motto jedenfalls sehr richtig und wichtig — wenn ich das sagen darf — für unsere heutige Zeit (Rede beim Wirtschaftsgipfel der „Süddeutschen Zeitung“, 13.11.18). 'В любом случае, для сегодняшнего дня я считаю этот девиз, если можно так выразиться, очень правильным и важным'.

Сферой действия такой формулы оказывается не пропозиция высказывания целиком, а лишь ближайшее окружение слева и/или справа. «Нетривиальность» заключается в том, что лексическое наполнение высказывания, с точки зрения самого говорящего, является неожиданным для адресата либо не соответствует представлениям говорящего о языковой норме, и поэтому заслуживает привлечения внимания для правильной интерпретации [12. С. 627].

Кроме этого, в политической речи у говорящего существует возможность путем употребления условной неопределенно-личной конструкции *если можно так сказать, если можно так выразиться / wenn man (so) das sagen darf* вывести себя как субъекта деонтики из коммуникативного фокуса высказывания. При этом с помощью деонтического клише говорящий обращает внимание адресата на другие имплицитные смыслы, когда выбранный способ именованного объекта или его свойства выражает оценочное отношение, как правило, негативное. Например:

А.Г. Лукашенко: Наряду с беспрецедентным ростом терроризма, числа региональных конфликтов, мощными социально-экономическими дисбалансами, фундаментальными угрозами демографического и экологического характера мы сталкиваемся с новыми или, если можно так выразиться, мутировавшими вызовами (Выступление Президента Беларуси на международной экспертной конференции «Восточная Европа: в поисках безопасности для всех», 24.05.18).

Такие деонтические структуры характеризуют последующее или предыдущее высказывание как нестандартное, необычное, чуждое для речевого обихода говорящего, они служат своеобразной «извинительной пометой за языковые вольности» [13. С. 130—131], возможно, нарушающие требования говорить точно, подбирая единственно верные слова и др. [14. С. 76].

Неопределенно-личная формула может включать в себя эпистемический компонент *vielleicht* 'возможно', снижающий категоричность высказывания, например:

A. Merkel: Deshalb wünsche ich mir streitbare Bürger, aber zivilisierten Streit — eine richtig gute Disputkultur, wenn man das vielleicht sagen darf (Rede im Rahmen der Konferenzreihe „Denk ich an Deutschland“ zum Thema „Wie wollen wir leben?“ bei der Alfred-Herrhausen-Gesellschaft, 28.09.12). 'Поэтому я хочу спорить с гражданами, готовыми спорить, но при этом спорить цивилизованно — с хорошей культурой спора, если можно так сказать'.

Таким образом, все указанные функциональные (семантические и прагматические) возможности разрешительных клише в политической речи, имеющие целью привлечение внимания, обусловлены социокультурным контекстом, они придают высказыванию менее ассертивный характер. Дискурсивная семантика этих конструкций показывает определенный набор дополнительных коммуникативных задач, которые решает говорящий. Их полифункциональность определяется языковым наполнением высказывания и глаголами говорения.

Клишированные деонтические конструкции с семантикой обязательности

В клишированных конструкциях с деонтической необходимостью, а именно «[я] *должен, вынужден, считаю необходимым / ich muss* + глагол говорения» в политической речи фиксируется отличный от разрешительных конструкций набор глаголов говорения. Помимо универсального глагола *сказать / sagen* в обеих лингвокультурах используются лексемы *подчеркнуть / betonen, отметить / feststellen, констатировать / feststellen*. Кроме этого в русском языке в подобных структурах используются глаголы *заметить, сделать небольшой экскурс, признать*, в немецком — *aussprechen* ‘высказаться’, *erklären* ‘объяснить’. Очевидно, что семантика глаголов говорения в сочетании с обуславливающим деонтику источником предопределяет определенные функциональные перспективы клише с семантикой обязательности.

1) акцентирование, активизация внимания

С целью целенаправленного восприятия информации деонтические конструкции используются политиком для облегчения коммуникативно-прагматической ориентации адресата. Деонтика в таких случаях обусловлена волеизъявлением говорящего, который руководствуется своими внутренними решениями (волевыми, интеллектуальными, эмоциональными), долгом сообщить о важном факте, акцентировать содержательно значимые моменты своей речи, что может быть усилено разрешительной конструкцией с двойным отрицанием, например:

В.В. Путин: Кстати говоря, мы все время говорим о коррупции, о чиновниках. Должен сказать и не имею права это не сказать: подавляющее большинство людей, которые работают в системе управления, — честные, порядочные и нацеленные на результат люди (Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 01.03.18).

В случае привлечения внимания аудитории к релевантным для речевой ситуации фрагментам употребляются чаще всего сочетания деонтического экспликатора (*должен, считаю необходимым / ich muss*) либо с универсальным глаголом речи *сказать/sagen*, либо с глаголами, в которых акцентирование имплицитивно в их семантике (*подчеркнуть/betonen, реже отметить/feststellen*), например:

В.В. Путин: Считаю необходимым подчеркнуть (и это очень важно): растущая военная мощь России — это надежная гарантия мира на нашей планете, поскольку эта мощь сохраняет и будет сохранять стратегическое равновесие и баланс сил в мире, что, как известно, было и остается одним из важнейших факторов международной безопасности после Второй мировой войны и до наших дней (Послание Президента Федеральному Собранию, 01.03.18).

Деонтическая конструкция позволяет эксплицитировать модальный источник, обуславливающий акцентирование, например, социально-политическую принадлежность, которая может быть маркирована в немецком языке союзом *als* в значении ‘в качестве’+ существительное, в русском — сравнительным оборотом с союзом *как*, который являясь приложением, имеет оттенок причинного значения (оборот можно заменить придаточным предложением с союзами *поскольку*, *так как*, *потому что* или оборотом с *будучи*):

A. Merkel: Das verstehe ich auch, das hat man jetzt ja nicht so nötig. Nur muss ich als Bundeskanzlerin auch darüber reden (Rede beim Deutschen Arbeitgebertag, 16.10.12) ‘Я это понимаю, сейчас это не нужно. Но как канцлер я должна и об этом сказать’.

2) актуализации общеизвестной информации, детализация информации, комментарий

Конструкция «*должен / ich muss* + глагол говорения» реализует авторские интенции уточнить, конкретизировать, детализировать, специфицировать информацию. В таких клише помимо лексемы *сказать/sagen* используются глаголы *заметить*, *сделать небольшой экскурс*, *erklären* ‘объяснить’. Дискурсивная функция подобных деонтических клише контекстуально обусловлена и состоит в: а) фокусировании информации в последующем высказывании; б) введении уточняющего или поясняющего высказывания, например:

В.В. Путин: ... вы знаете, у Патриарха есть свои палаты — место, где он проводит время и встречи, прежде всего это международные встречи, ... Должен сказать, что место, в котором расположены палаты Патриарха в Кремле, относятся к самым древнейшим постройкам Кремля и Москвы. И думаю, что это не случайное совпадение, поскольку и православие на Руси и Русская православная церковь — это самые корни нашей духовности (Обращение к иерархам Украинской православной церкви Московского патриархата, 24.01.2004).

A. Merkel: Ich bitte um Verzeihung dafür, wenn ich mich etwas zu technisch ausgedrückt haben sollte. Aber ich muss das erklären, damit man weiß, woran wir arbeiten und dass wir die Dinge vernünftig betrachten (Rede beim BGA-Unternehmertag, 24.10.12) ‘Я прошу прощения за то, что изъяснялась слишком технически. Но я должна это объяснить, чтобы стало понятно, над чем мы работаем, и что мы с пониманием подходим к решениям’.

3) маркирование аксиологического отношения (отрицательной оценки)

Деонтические клише оформляют частное модальное значение вынужденности, при условии наличия в ближайшем правом контексте оценочных маркеров или высказываний с отрицательной характеристикой сложившегося положения дел. В самом деонтическом высказывании отмечаются указатели на текущую ситуацию (*в этой ситуации*, *такая ситуация*, *в связи с этим*, *angesichts der Lage*, дейктиков *da*, *здесь*) или противительные коннекторы (*однако*, *aber*). Сложившиеся обстоятельства обязывают говорящего как представителя социального института сообщить о неприятных фактах или последствиях чего-либо. Введение

деонтической конструкции способствует снижению интенсивности отрицательной оценки в последующем высказывания, например:

A. Merkel: Ich muss angesichts der Lage und auch der Verhandlungsverläufe der letzten Tage, insbesondere des Sonntags, an dem die Regierung viele neue Angebote auf den Tisch gelegt hat, sagen, dass ich, wenn sich da nichts ändert, wenn man sich also nicht auf das konzentriert, was wirklich zur Debatte steht, sehr schlechte Chancen sehe, uns in kurzer Zeit einigen zu können (Rede anlässlich des Spitzengesprächs zur Initiative „Familienbewusste Arbeitszeiten“, 08.02.2011). ‘С учетом ситуации и хода переговоров за последние несколько дней, особенно в воскресенье, когда правительство представило много новых предложений, я должна сказать, что если ничего не изменится, вы не сконцентрируетесь на том, что на самом деле подлежит обсуждению, то я вижу очень плохие перспективы договориться за короткое время’.

A. Merkel: Die Unterschiede in der Wettbewerbsfähigkeit sind groß. Sie sind im Übrigen in den letzten zehn Jahren größer und nicht kleiner geworden, obwohl wir so viele Instrumente, Strukturfonds und Ähnliches entwickelt hatten. Man muss einfach feststellen: die Dinge haben sich nicht so entwickelt, wie wir wollten (Rede anlässlich des „Tages des deutschen Familienunternehmens“ der Stiftung Familienunternehmen, 15.06.12) ‘Различия в конкурентоспособности велики. Кстати, за последнее десятилетие они выросли, а не уменьшились, хотя мы разработали так много инструментов, структурных фондов и т.п. Надо просто констатировать/признать, что все сложилось не так, как мы хотели’.

Деонтическая конструкция может относиться одновременно к двум последующим пропозициям, реализуя функцию маркирования содержательной релевантности (1) и негативной оценки (2), например,

В.В. Путин: Вы знаете, что в следующем году исполняется 10 лет нашей Конституции, и в ней основные права и свободы человека продекларированы высшей ценностью и заложены как нормы прямого действия. Должен сказать, что, конечно, это большое достижение, однако в практической реализации этих норм все еще очень много вопросов (Выступление на встрече с членами Комиссии по правам человека при Президенте, 10.12.2002).

При актуализации деонтического субъекта-говорящего в конструкциях обязательности всех функциональных проявлений в речи могут наблюдаться тема-рематические трансформации: смещение коммуникативного центра высказывания с модального я-агента на пропозицию. В результате наряду с формулой *должен сказать* используется безличный модальный оборот *надо, необходимо, следует, приходится / man muss*, где агент-говорящий выражен имплицитно: синтаксический нуль Ø в русском языке или неопределенно-личное местоимение *man* в немецком, например:

A. Merkel: Das heißt, nicht jede Marktbeurteilung ist an sich schon aussagekräftig und richtig — das muss man an dieser Stelle sagen —, genauso wenig, wie jede politische Beruhigung an dieser Stelle richtig war (Rede anlässlich des „Führungstreffens Wirtschaft 2011“ der Süddeutschen Zeitung, 17.11.11). ‘То есть не каждая оценка рынка сама по себе является значимой и правильной, — здесь это надо сказать, — так же, как здесь было бы неправильным любое политическое заверение.’

Д.А. Медведев: Хотел бы еще сказать и по проблемам, которые на сегодняшний день видятся нам исключительно с силовой составляющей непосредственно на Северном Кавказе и в Дагестане. **Следует отметить, прежде всего, тот факт, что количество проявлений террористической направленности в этом квартале в Дагестане возросло. Могу сообщить, что если в прошлом году их было 38, то в этом году уже 47** (Выступление на совещании с руководителями республик Северо-Кавказского федерального округа, территориальных подразделений Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел, 01.04.10).

Такие структуры указывают на несущественность модального агента для ситуации. Как отмечает Е.В. Падучева, говорящий в таком случае «уходит из центральной, субъектной позиции на периферию» [15. С. 31].

При этом семантика глагола *приходится* однозначно маркирует частное значение деонтического клише (вынужденности) и его функцию маркера оценочного отношения, например:

В.В. Путин: **Вместе с тем опять приходится констатировать, что не произошло существенных изменений в деятельности органов расследования. На фоне сокращения числа направленных в суд дел количество допущенных нарушений закона выросло и составило 5,2 миллиона** (Выступление на заседании коллегии Генпрокуратуры России, 15.02.18).

Усложнение модального плана деонтического высказывания с я-субъектом

Деонтические конструкции с частным значением вынужденности, обусловленные негативным развитием событий, дают возможность говорящему воспользоваться своим правом выразить свое отношение к собственному высказыванию. В результате подобные конструкции могут быть в политической речи осложнены эмоциональными и истинностными оценками. Деонтическое высказывание, таким образом, «обрастает» различными метасмыслами.

При указании на информацию неприятного характера (значение вынужденности) в деонтической конструкции *должен сказать / ich muss sagen* может использоваться эмоциональный маркер *к сожалению / leider*. Таким образом, автор стремится предупредить адресата о негативном характере последующего высказывания, прокомментировав свое речевое поведение. То, что политик представляет себя перед массовым адресатом как личность, испытывающую эмоцию сожаления по поводу того или иного положения дел, как лицо равнодушное и сопереживающее, способствует поддержанию его коммуникативного престижа. Выражения подобного рода позволяют судить о некоторых установках, взглядах субъекта дискурса и т.п. Например:

В.В. Путин: **Но все это наши партнеры используют, к сожалению, — и с болью в сердце вынужден это констатировать, — не более чем как информационно-дипломатическое прикрытие для реализации своих собственных планов. Никаких реальных шагов для поиска компромисса мы не видим до сих пор** (Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 08.02.2008).

В.В. Путин: ... и в результате, конечно, выигрывают люди, должны выигрывать люди. Такая ситуация, к сожалению, должен об этом сказать, наблюдается не везде, не во всех субъектах Российской Федерации (Выступление на встрече с федеральными и региональными омбудсменами, 05.12.2014).

A. Merkel: Liebe Kolleginnen und Kollegen, vielleicht denken Sie, dass das eigentlich Selbstverständlichkeiten sind. Doch ich muss das leider hier so deutlich aussprechen; denn ich habe das Gefühl, dass sich einige in Großbritannien darüber noch Illusionen machen (Regierungserklärung, 27.04.17) ‘Уважаемые коллеги! Возможно, Вы думаете, что это само собой разумеется. Но я, к сожалению, должна здесь четко обозначить; поскольку у меня есть ощущение, что в Великобритании некоторые все еще строят иллюзии по этому поводу.’

Следует отметить, что эмоциональный маркер относится к модусу деонтического высказывания, к тому, как нечто сообщается.

Намеренный отказ от своей выделенной позиции в акте коммуникации, импликация себя как субъекта деонтики, влечет за собой изменение структуры дискурсивного фрагмента в случае его усложнения эмотивной оценкой. Высказывание, содержащее отрицательную характеристику события, предшествует деонтическому клише, а эмотивная оценка выходит за модальную рамку деонтического высказывания, например:

A. Merkel: Das WTO-System muss also weiterentwickelt werden. Wir wollen den multilateralen Ansatz stärken. Eigentlich ist es ein wenig traurig, dass man das betonen muss (Rede beim Unternehmertag des Bundesverbands Großhandel, Außenhandel, Dienstleistungen e.V., 15.10.18). ‘Таким образом, система ВТО нуждается в дальнейшем развитии. Мы хотим укрепить многосторонний подход. На самом деле, немного грустно, что нужно на это указывать.’

A. Merkel: Dass Journalisten frei arbeiten können, bedeutet auch, dass sie frei von Angst, frei von Bedrohung und Gewalt arbeiten können. Es ist traurig, das betonen zu müssen (Rede zur Verleihung der Goldenen Victoria im Rahmen der Publishers‘ Night, 05.11.18) ‘Тот факт, что журналисты могут работать свободно, также означает, что они могут работать без страха, без угроз и насилия. Грустно это подчеркивать.’

Кроме эмотивных оценок деонтическая конструкция-вынужденность может получать в политической речи истинностные оценки, что осуществляется путем введения в поверхностную структуру деонтического высказывания таких маркеров, как *честно, прямо, объективно / (ganz) ehrlich*, которые являются следствием рациональных умозаключений говорящего. Он подчеркивает, что говорит правду, что настраивает адресата на более эмоциональное восприятие высказывания и вызывает доверие к говорящему, например:

A. Merkel: Da muss ich ganz ehrlich sagen — ich bin sonst unpolemisch —: Diejenigen, die sich im Augenblick nur mit einer Vermögensabgabe und dem Spitzensteuersatz beschäftigen, aber denjenigen, die geringe Gehälter haben, weder die Rentenbeitragsenkung, noch steuerliche Vorteile zugestehen, kann ich nur schwer verstehen (Rede beim BGA-Unternehmertag, 24.10.12). ‘Здесь я должна честно сказать — в остальном я не полемична — мне трудно понять тех, кто в данный момент занимается только налогом на капитал и максимальной налоговой ставкой, но не признает за теми, у кого низкая заработная плата, ни снижение пенсии, ни налоговые льготы’.

В.В. Путин: Должен честно сказать, Правительство никак не может решиться действовать в этой сфере последовательно («Прямая линия» с Президентом России, 19.12.2003).

Показатель искренности, истинности относится в таких конструкциях к глаголу речи, в отличие от эмоциональных маркеров, относящихся к модальному экспликатору. Деонтические конструкции с я-агентом, акцентирующие искренность сообщения, нетипичны для русской лингвокультуры, в таком случае чаще используются деепричастный оборот с глаголом речи *честно говоря* или изъясительное *говорю честно*.

В случае усложнения модального плана истинностными оценками агент-говорящий может уходить на второй план и выражаться имплицитно, например:

В.В. Путин: Но, нужно прямо сказать, при своей эффективности гранты не стали в полном смысле катализатором системных изменений в научной и университетской среде. Большая часть средств на науку по-прежнему распределяется в рамках привычного государственного задания (Выступление на заседании Совета по науке и образованию, 27.11.18).

A. Merkel: Nun muss man einmal ganz ehrlich sagen: Es ist nicht nur so, dass nur Grüne und vielleicht ein paar SPD-Mitglieder Photovoltaik-Anlagen gerne auf ihren Dächern hätte (Rede beim Deutschen Arbeitgebertag, 16.10.12). Сейчас надо совершенно честно сказать: дело не только в том, что только зеленые и, возможно, несколько членов СДПГ хотели бы иметь на своих крышах фотоэлектрические системы.'

Заключение

Таким образом, нам удалось продемонстрировать, что деонтический агент-говорящий участвует в формировании важных семантических нюансов деонтического высказывания. Политический дискурс, характеризующийся семантической расплывчатостью, специфичной адресатностью, динамичностью и оценочностью, обуславливает функциональные возможности деонтических высказываний с данным модальным компонентом, что позволяет субъекту политической речи использовать деонтические высказывания с я-агентом для разных прагматических задач, обеспечивающих вариативность реализаций деонтического плана, в том числе и обогащения его дополнительными модально-эмоциональными коннотациями. Коммуникативно обоснованное осложнение модального плана деонтических высказываний направлено на поддержание коммуникативного престижа политика.

Библиографический список

1. *Задворная Е.Г.* Дискурсия // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-1069760-pall.html> (дата обращения: 14.03.2019).
2. *Греймас А.Ж., Фонтаньи Ж.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души, пер. с фр. д-ра филологии Лимож. ун-та (Франция), к.филол.н. (Россия) И.Г. Меркуловой. М.: ЛКИ, 2007.
3. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 31.01.2019).

4. Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016. Режим доступа: <http://rusgram.ru/Модальность#212>. (дата обращения: 14.02.2019).
5. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991.
6. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 199—219.
7. Добровольский Д.О., Падучева Е.В. Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 104—121.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 5-е, испр. М.: URSS Изд-во ЛКИ, 2008.
9. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 135—155.
10. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. Режим доступа: <http://www.dwds.de>. (дата обращения: 12.06.2019).
11. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Уфа: Баш. ун-т, 1981.
12. Шилихина К.М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» в 2-х тт. Т. 1. Москва: РГГУ, 2013. С. 625—633.
13. Шмелева Т.В. «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова. Новосибирск: НГУ, 1987. С. 125—132.
14. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. no 1. С. 72—77.
15. Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания, 2012. no 1. С. 27—41.

References

1. Zadornaja, E.G. (2001). Discourse. In *Postmodernism. Encyclopedia*. Minsk: Interpresservis; Knizhnyj Dom. URL: <http://textarchive.ru/c-1069760-pall.html> (accessed: 14.03.2019). (In Russ.).
2. Grejmas, A.Zh. & Fontanij, Zh. (2007). *Semiotics passions. From the state of things to the state of the soul*, I.G. Merkulova (Transl.). Moscow: LKI. (In Russ.).
3. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 31.01.2019). (In Russ.).
4. Paducheva, E.V. (2016). *Modality*. URL: <http://rusgram.ru/Modal'nost'#212>. (accessed: 14.02.2019). (In Russ.).
5. Karasik, V.I. (1991). *Language of social status*. Moscow: The Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, Volgograd Pedagogical Institute. (In Russ.).
6. Apresjan, Ju.D. (1995). Performances in grammar and vocabulary In: *Selected Works*. Vol. 2. Moscow: Shkola “Jazyki ruskoj kul'tury”. 199—219. (In Russ.).
7. Dobrovolskij, D.O. & Paducheva, E.V. (2010). Statements from the 1st person: semantics and pragmatics In *Logical analysis of the language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow: Indrik. pp. 104—121. (In Russ.).
8. Paducheva, E.V. (2008). *The statement and its correlation with reality: the referential aspects of the semantics of pronouns*. Moscow: URSS LKI. (In Russ.).
9. Apresjan, Ju.D. (1995). Pragmatic information for the explanatory dictionary In *Selected Works*. Vol. 2. Moscow: Shkola “Jazyki ruskoj kul'tury”. pp. 135—155. (In Russ.).
10. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: <http://www.dwds.de>. (accessed: 12.06.2019). (In Russ.).

11. Vasil'ev, L.M. (1981). *Semantics of the Russian verb*. Ufa: Bashkir State University. (In Russ.).
12. Shilikhina, K.M. (2013). Discursive markers of non-trivial lexical choice. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Proceedings of the annual International Conference "Dialog"*. Vol. 1. Russian State University for the Humanities. Moscow. pp. 625—633. (In Russ.).
13. Shmeleva, T.V. (1987). "Tak skazat'" and "kak govoritsja". *Grammatical Words [Sluzhebnye slova]*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 125—132. (In Russ.).
14. Shmeleva, T.V. (1983). Code of speech behavior, *Russian language abroad, 1*, 72—77. (In Russ.).
15. Paducheva, E.V. (2012). Indefinite-personal sentence and its implied subject, *Topics in the study of language, 1*, 27—41. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Сытько Анна Васильевна, кандидат филологических наук, зав.кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета, доцент; *научные интересы*: прагматика, теория коммуникации, коммуникативный синтаксис, фоностилистика; *e-mail*: anns5555@yahoo.de

Information about the author:

Anna W. Sytko, PhD, Head of German phonetics and grammar department, Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus; *research interests*: pragmatics, theory of communication, communicative syntax, prosody; *e-mail*: anns55555@yahoo.de

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1021-1036
UDK 811.111'276:32:659.4-055.2

Научная статья / Research article

Cross-situational Consistency of Female Politicians' Language Use

Denis S. Mukhortov¹, Yana S. Malyavina

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991
¹dennismoukhortov@mail.ru

This article seeks to study political discourses of American female politicians, specifically Madeleine Albright, the first female United States Secretary of State in the history of the United States of America, from 1997 to 2001, Condoleezza Rice, the 66th United States Secretary of State, and Hillary Clinton, the 67th United States Secretary of State. Different in age, ethnicity, political views, educational and social backgrounds, they reveal that in order to succeed in the political arena, women are bound to hide their female personality. Examples in question are Madeline Albright and Condoleezza Rice, recurrent users of such male discursive features as rhetorical questions, logical order of arguments, conceptual metaphors of war, sports, and hunting. Gender-marked female discourse is characterized by hesitation, use of standard speech, cognitive, social words, and hedges. Research shows that Hilary Clinton is a typical example of the female-marked political discourse. This has enabled her to pursue, among others, a feminist agenda, which has proved an efficient communicative tactic. Drawing on the socialization specifics of Albright, Rice, and Clinton, the paper explains why Albright and Rice tend to have a male-marked discourse and Clinton a female-marked discourse, as the first female Secretary of State, Albright simply had no female role models, with only male predecessors before her. She seeks to make her speech as neutral as possible, just at times exploiting female discursive patterns. Condoleezza Rice, Albright's successor, uses characteristically male discourse the most. It can be attributable to the fact that she belongs to two 'minority' groups: women and African Americans. Sounding femalish might have weakened her chances to stay the strong Secretary of State that the geopolitical situation would demand. It is noteworthy that female politicians can, or have to, switch between male-marked and female-marked discourses in order to achieve certain goals and preserve their current status.

Key words: political discourse, communicative behavior, gender-marked discourse, Theresa May, Nicola Sturgeon, Madeleine Albright, Condoleezza Rice, Hillary Clinton

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Mukhortov, D.S., & Malyavina, Y.S. (2019). Cross-situational consistency of female politicians' language use. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1021—1036. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1021-1036

© Мухортов Д.С., Малявина Я.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.111'276:32:659.4-055.2

Модели коммуникативного поведения женщины-политика

Д.С. Мухортов¹, Я.С. Малявина

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991

¹dennismoukhortov@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию идиолектов Государственных секретарей США, а именно: Мадлен Олбрайт — первой женщины-госсекретаря в истории США, находящейся на посту с 1997 по 2001 год, Кондолизы Райс, шестьдесят шестого Государственного секретаря, и Хиллари Клинтон, шестьдесят седьмого госсекретаря, отличающихся с точки зрения этнических и возрастных особенностей данных женщин-политиков, их политических и идеологических воззрений, образовательного бэкграунда и социального происхождения. В ходе исследования было выявлено, что женщина вынуждена использовать классический (так называемый мужской) тип риторики, скрывая свой женский идиолект, чтобы преуспеть на политическом поприще. Это особенно заметно на примере идиолектов Мадлен Олбрайт и Кондолизы Райс. Эти женщины-политики часто прибегают к использованию мужского типа риторики, который характеризуется: а) точностью формулировок и структурной четкостью, выражающейся, главным образом, в использовании слов-связок; б) рекуррентным появлением риторических вопросов; в) специфической эмоционально-экспрессивной лексикой, которая репрезентируется, в частности, концептуальными метафорами, связанными с войной, охотой и спортом. В ходе исследования было доказано, что политики, к примеру, Хиллари Клинтон, успешно ведущие феминистский политический курс, склонны прибегать к коммуникативно типично женскому виду риторики. На примере речей Хиллари Клинтон в статье получают освещение некоторые типичные особенности женской речи: некатегорические высказывания, использование хедж-маркеров, употребление лексики, относящейся к разряду социальной и когнитивной языковой подсистемы. Подводя итог, можно сказать, что у каждой из женщин были свои причины для использования того или иного типа коммуникативного поведения: Мадлен Олбрайт была первой женщиной в истории США на посту Государственного секретаря, соответственно, она стремилась сделать свою речь как можно более нейтральной, потому что в то время еще не существовало примеров того, как может говорить женщина на столь высоком политическом посту. Кондолиза Райс использует преимущественно мускулинный тип дискурса, так как она является представительницей сразу двух меньшинств: гендерного и этнического. Очевидно, использование женской коммуникативной модели едва ли повысило бы ее авторитет. Необходимо отметить, что женщины-политики зачастую вынуждены переключаться между двумя гендерно-маркированными коммуникативными типами, чтобы достичь определенных целей и сохранить свое политическое положение.

Ключевые слова: политический дискурс, языковая личность политика, коммуникативное поведение, гендерлект, мужская риторика, Тереза Мэй, Никола Стерджен, Мадлен Олбрайт, Кондолиза Райс, Хиллари Клинтон

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Мухортов Д.С., Малявина Я.С. Модели коммуникативного поведения женщины-политика // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2019. Т. 10. no 4. С. 1021—1036. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1021-1036

Featuring genderlect studies

Gender studies is a popular, yet underdeveloped branch of political linguistics. Researchers, for example [1; 2], have not yet arrived at a cut-and-dried conclusion as to the differences between male discourse and female discourse. Pennebaker claims that “one group of scientists passionately believes that men and women are essentially the same; another believes that they are profoundly different” [3. P. 45]. This can be attributable to the fact that men and women are brought up and socialized differently.

In her book *Language and Woman's Place* Robin Lakoff [4] underlined some nuances of gender-marked language. She argued that men used the language of power and rudeness, while women's speech tended to be more passive, and more polite. Cutting across phonology, prosody, vocabulary, and syntax, Lakoff observed that women's speech in English is characterized by hesitation. Women also tend to make extensive use of standard markers. Lakoff argued that this style is derived from a sense of inferiority [5].

Several studies afterwards supported Lakoff's observations. By the early 1990s, Deborah Tannen, a linguist at Georgetown University, published the book *You Just Don't Understand* which argued that “men and women often talk past each other without appreciating that the other sex is almost another culture. Women, for example, are highly attentive to the thoughts and feelings of others; men are less so. Women view men's speaking styles as blunt and uncaring; men view women's as indirect and obscure” [3. P. 45].

While it is argued that men and women perceive the world differently and use language accordingly [6], researchers use language as a tool to determine the contrast between the two. Nowadays, when the political platform is being heavily “invaded” by women, interest in the analysis of their political speeches is increasing proportionally and, in fact, quite a few linguists, including Lakoff, Charteris-Black, and Chilton have channeled their work to analyze political discourse. For example, James Pennebaker in his book *The Secret Life of Pronouns* confirmed that gender affects the way we use words. He argues that “women use first-person singular, cognitive, and social words more; men use articles more; and there are no meaningful differences between men and women for first-person plural or positive emotion words” [3. P. 40].

Cognitive words are words that reflect different ways of thinking and include words such as: *understand, know, think, because, reason, rational*, and so on. Social words refer to any words that are related to other human beings.

According to Pennebaker [3], males categorize their worlds by counting, naming, and organizing the objects they confront. Women, in addition to personalizing their topics, talk in a more dynamic way, focusing on how their topics change. It means that discussing change implies using more verbs.

Finally, one of the most studied dimensions of women's language is hedges. Hedges typically start a sentence in the form of a phrase such as “*I think that*” or “*It seems to me*” or “*I don't know but ...*”

Scholars have repeatedly discussed gender differences between politicians. Gender peculiarities of communicative behaviour of public figures are a traditional focus of

attention and stereotypical forms of behaviour of men and women are described as well as national and cultural specifics of verbal and nonverbal communication among representatives of ethnic cultures. Gender communicative behaviour is thus a type of socially determined communicative behaviour that requires systemic description in political discourse [7].

An important component of communicative behaviour is a theatrical nature of politicians. A communicative portrait gives us the ground to determine gender roles of politicians. It is observed with the help of analyzing gender-marked metaphors a politician uses. Some linguists argue that metaphors might not really be gender-marked and the differences or similarities in the choices depend on the target audience and the political course of a party and its objectives [8]. Nurseitova [7] made a comparison between typical roles of male politicians and female politicians, investigated by Issers [9] in 1998, in the article *Language and Gender in Political Discourse (Mass Media Interviews)*.

Nurseitova analyzed political metaphors and concluded that in today's political communication women mostly use the conceptual spheres of "nature", "production" and "physiology", third come the metaphors associated with "journey" and "military" sphere. Gender specific are metaphors associated with "household objects", "family" and "characters of the fairy tales", men do not use them at all. The fact that some conceptual spheres of men and women coincide proves that there is a redistribution of social power in society and there are increasingly more women in politics [7].

Charteris-Black [10] arrived at an interesting conclusion while analyzing British parliamentary debates. He observed that men tend to use more metaphors than women and inexperienced women politicians try to avoid employing them in their speech. Furthermore, Charteris-Black singles out an obvious tendency of female politicians to avoid the usage of health metaphors in their speech [11].

Totibadze [11] in her work *Most Frequently Used Gendered Metaphors in British Political Discourse* argues that "so-called feminine metaphors connote the ideas that are primarily connected to the function of a woman in a domestic space/family or a society, such as a child bearer, mother or a homemaker. Consequently, feminine metaphors include NURTURING (cooking, feeding, etc.) and other notions that as a cliché are associated with femininity" [12]. On the other hand, masculine metaphors are comprised of the notions denoting historic roles of men, among which are HUNTING, WAR and, nowadays SPORT, operating machinery and using tools [13]. These particular metaphors show a high tendency to discriminate and exclude women.

It can be assumed that politics is a male-driven sphere and when part of it, women subconsciously or consciously use the metaphors that are associated with power and winning, rather than stressing their maternity and nurturing side of their nature. This is how they avoid placing an emphasis on the empathetic side of feminine character and stress its strong, 'man-like' side in order to achieve political power.

It should also be stressed that metaphors are not only used while describing certain political situations, but are also perfect techniques in the process of creating an image of a political leader, in order to enhance or weaken their gender-marked public image. For instance, calling Margaret Thatcher "The Iron Lady" "underlies her iron-like charac-

ter, which for its part presents her strong personality — unusual for a woman. Gendered metaphors related to Hillary Clinton sometimes help her revise positively her role in society (Madonna), or, on the contrary, destroy her femininity and public image (Witch, Bitch)”.

Geert Hofstede [14] divides ethnic cultures into masculine and feminine and distribute indexes to them. Men in feminine cultures hold more feminine values than women in masculine cultures. According to the data proposed by Hofstede, the UK, for example, shows a high (66/100) masculinity index (MAS). This score implies that both men and women are more focused on achievement and are driven by success and competition. In addition, women are more commonly accepted in man-driven workspaces, for instance in the subculture of politics. Hence, British female politicians are likely to be more ‘masculine’ in their speech patterns than feminine. Therefore, the most frequent metaphors will be from the domains that are inherently connected to the functions of a male member of society.

Potapov [15], Arustamyan [16], Polyakova [17], Danilova [18], Vagenlyaytner [19], Kendall and Tannen [20], Wodak [21], Brouner [22], Fracchiolla [5], McConnell-Ginet [23], Ferrary [24] claim that female strategies and tactics are in a way different from male. Russian and international researchers have largely focused on the main differences between male and female linguistic behavior [25; 26], phonetic differences of gender [15], lexical differences [27], markers of female linguistic behavior [17; 28; 21], interplay between gender and politeness [29; 22], gender psycholinguistics [30], language in the history of feminism [31; 32], connection between language and power [33].

Problem-setting and the novelty of research

The last two decades in American politics have brought about the emergence of three women politicians, Madeleine Albright (the first female United States Secretary of State in U.S. history, from 1997 to 2001 under President Bill Clinton), Condoleezza Rice (the 66th United States Secretary of State from 2005 to 2009, the second person to hold that office in the administration of President George W. Bush, the first female African-American Secretary of State), and Hillary Clinton (the First Lady of the United States from 1993 to 2001, 67th United States Secretary of State from 2009 to 2013, and as the Democratic Party’s nominee for President of the United States in the 2016 election, the first woman nominated by a major party). It would not be an exaggeration to say that these women have made history, defining national strategies and geopolitical turns. Likewise, one may not argue that their discourses have rarely, if ever, been studied in contrast. For instance, the scientific information sources *dissetcat.com* and *sciencedirect.com* provided no results as of May 30, 2019. Hence, the novelty of this paper.

Research shows that their discourses were influenced by several meaningful factors, including differences in familial, social, and political backgrounds (Madeleine Albright is divorced, Condoleezza Rice has never been married and Hillary Clinton is married to the 42nd president of the United States Bill Clinton; Madeleine Albright and Hillary Clinton are representatives of the Democratic Party, and Condoleezza Rice is a Republican), which can enable us to discuss cross-situational consistency of their language use, thereby making a contribution to genderlect studies.

This paper sets itself the task of analyzing several speeches on a similar topic by Madeleine Albright, Condoleezza Rice, and Hillary Clinton with the intention of finding idiosyncratic properties of their discourses and scrutinize their speaking styles.

The speeches under analysis are as follows: Theresa May on the 100th anniversary of women's suffrage; Theresa May's first statement as Prime Minister, July 13th, 2016; Theresa May's speech to the Conservative Party Conference in Manchester, October 6th, 2015; Theresa May's Brexit speech, January 17th, 2017; Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016; Nicola Sturgeon's full speech at SNP conference October 12th, 2017; Nicola Sturgeon's speech on International Women's Day 2017; Nicola Sturgeon about Scotland's commitment to Europe; Nicola Sturgeon at EU Referendum Result Press Conference at Bute House 2016; Madeleine Albright on Building a Bipartisan Foreign Policy, 1997; Madeleine K. Albright's Statement to the North Atlantic Council, 1998; Madeleine K. Albright's Interview on NBC-TV "The Today Show", 1998; Madeleine K. Albright's Statement Before the Senate Foreign Relations Committee on the Comprehensive Test Ban Treaty, 1999; Madeleine K. Albright's Statement at the Opening Plenary of the Multilateral Steering Group (Middle East Peace), 2000; Madeleine K. Albright's Farewell Remarks at U.S. Department of State, 2001; Condoleezza Rice's Overview of International Support for Iraqi Democracy on the Eve of the December 15, 2005 Elections; Condoleezza Rice's Remarks at the U.S. Global Leadership Campaign's 10th Anniversary Gala Dinner, 2005; Rice's Remarks at the Southern Baptist Convention Annual Meeting, 2006; Rice's remarks at Georgetown School of Foreign Service, 2006; Condoleezza Rice's remarks On International Women's Day, 2007; Press Conference by Secretary of State Condoleezza Rice, 2007; Rice's Remarks with Iraqi Foreign Minister Hoshiyar Zebari, 2007; Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations At The German Marshall Fund, 2008; Rice's Farewell Remarks to the State Department Press Corps, 2009; Hillary Clinton's remarks on the human rights agenda for the 21st century, 2009; Hillary Clinton at Women's Empowerment Event November 3, 2010; Secretary Clinton's Remarks on Women, Peace, and Security, 2011; Clinton's Remarks to the Inauguration of the 2012 National Work-Life and Family Month Event, 2012; Clinton's Farewell Remarks to State Department Employees, 2013; Hillary Clinton's Campaign Launch Speech, 2015; Hillary Clinton's Super Tuesday Victory Speech, 2016.

The speeches were selected due to their prominent character and illustrative nature of the politicians' linguistic behaviors. The Madam Secretaries appeared in similar communicative situations and aimed to achieve similar objectives.

This research is done within the framework of critical discourse analysis with special emphasis on lexical, syntactical, and stylistic patterns in the communicative behaviors.

Contrastive analysis of Albright's, Rice's, and Clinton's discourses

Madeleine Korbel Albright (82) is an American politician, a democrat. She has been the first female United States Secretary of State in U.S. history (1997—2001) serving under President Bill Clinton.

Condoleezza Rice (64) served as the 66th US Secretary of State (2005—2009) in the administration of President George W. Bush. Rice was the first female African-American Secretary of State and the first female National Security Advisor (2001—2005). Growing up as a Democrat, she later became a strong Republican.

Hillary Diane Rodham Clinton (71) is an American politician who was the First Lady of the United States (1993—2001), served as U.S. Senator from New York (2001—2009) and 67th United States Secretary of State (2009—2013).

The discourses of Madeleine Albright, Condoleezza Rice, and Hillary Clinton as Secretary of State are different at some points and similar at other points.

In general, the female politicians' discourses are characterized by a wealth of evaluative epithets, which make their speech sound emotional and personalized. Such, for example, are Madeleine Albright's and Hillary Clinton's words: "*I am **happy** to report that a truly **impressive** coalition of leading companies has supported this process and welcomed these principles*" (Madeleine K. Albright, Press Briefing, December 20, 2000, Washington, D.C.), "*The **struggling**, the **striving** and the **successful***" (Hillary Clinton's Super Tuesday victory speech, March 1, 2016).

The use of hedges is equally widespread among the female politicians. Both Albright and Clinton use hedges in their speech: "*Our discussions have — **you know**, I have benefited a great deal from the friendship and advice of my predecessors, and I offered him my continued support*" (Madeleine K. Albright, Press Briefing, December 20, 2000, Washington, D.C.), "*So I can imagine who only, **you know**, follow it from, **you know**, some of the snippets on TV might, **you know** not be sure exactly who's saying what and what the campaigns are doing*" (Interview with Senator Hillary Clinton, April 21, 2008).

Many linguists claim that the use of hedges is conditioned by a willingness to express solidarity and not to hurt the interlocutor. The hedge *you know* shows lack of conviction and acts as a signal for displaying support.

These are the examples of *ladylike talk*, or "expressions and sentence constructions inherent to women" [4].

Albright and Clinton exploit traditional male discourse markers. Yet, in contrast to Rice they do it to a slightly different extent. Traditional masculine arguments allow Albright to maintain credibility as the chief foreign policy officer and afford her the freedom of drawing the feminine features into the discussion in a way that does not seem threatening her reputation.

Clinton skillfully plays the roles of mother, lawyer, and expert. She compares America to a family, which, ironically, has no head, and it may seem that she pretends to be it: "*like any family, **our American family** is strongest when we cherish what we have in common, and fight back against those who would drive us apart*" (Hillary Clinton's Super Tuesday victory speech, March 1, 2016). Moreover, the enemy is the Republican Party, wishing to drive the American *family* apart by creating a larger separation between social and economic classes and Hillary Clinton hopes to become the leader of the Democrats.

Condoleezza Rice is a completely different type of woman in politics. She sticks to traditional, masculine, foreign policy arguments and avoids showing off her femi-

ninity. She puts emphasis on military means to achieve her ends. On the whole, Rice's discourse, unlike that of Albright or Clinton, largely remains rooted in a traditional masculine framework.

The conceptual construction metaphor, which is recurrent in Albright's, Rice's and Clinton's discourses, acts as the litmus test for the difference between the discourses. Rice combines this metaphor with the notion of democracy: "*But what is needed is to help people **build the institutions of democracy, to build civil society, [...] to build competent police forces, to build competent judiciary forces that are not corrupt...***", "*[...] **prosperity could be built, humanitarian values could spread and, indeed, national security could be secured.***", "*...we are **rebuilding the foundation** of the resources*" (Condoleezza Rice at Atrium Ballroom of the Ronald Reagan Building and International Trade Center, Washington, DC November 8, 2005). The examples show that this metaphor highlights Rice's intolerance toward any country lacking US style democracy, it is branded as under-developed.

Clinton, on the contrary, uses this metaphor in reference to the USA, and not to other countries. "Building", according to Clinton, is about tolerance and unity: "***To build success for the long run***", "***civil society can build the foundations for rights-respecting development...***" (Hillary Rodham Clinton Remarks on the Human Rights Agenda for the 21st Century, Washington, D.C. December 14, 2009).

Albright's construction metaphor is somewhere in between: it is not as harsh and masculine as Rice's, and not as liberal and feminine as Clinton's: "***Democratic progress must be sustained as it was built*** — *by American leadership*", "***Leaders such as Truman, Marshall and Vandenberg were determined to build a lasting peace***" (Albright's Address at Rice Memorial Center, Rice University, Houston, Texas, February 7, 1997), "*[Montenegro] has **built a more democratic system***", "*[WMD initiative] **builds on the successful work***", "***we are building the relationship***" [Madeleine K. Albright, Statement to the North Atlantic Council, Brussels, Belgium, December 8, 1998]. Albright strives to establish a robust cooperation with other countries. Madeleine Albright's discourse is gender-neutral.

The construction metaphor can be regarded as gender-neutral. There are conceptual metaphors however that are used by women solely, for example, metaphors associated with health, family and nurturing. And Albright sometimes resorts to these: "*Mr. Chairman [...] I was blessed with my fourth **grandchild**, and first granddaughter. Her name is Madeleine. I hope I am not being selfish when I say that I want Madeleine and others her age to grow up like those of us on both sides of this table in one respect could not*" (Madeleine K. Albright, Statement Before the Senate Foreign Relations Committee on the Comprehensive Test Ban Treaty, Washington, DC, October 7, 1999). Condoleezza Rice has never used these types of metaphors, with her, demonstrating gender is the same as exhibiting your vulnerabilities. Hillary Clinton, on the contrary, is at ease with female metaphors, and they are plentiful in her speeches. For instance, "***Like any family, our American family is strongest when we cherish what we have in common, and fight back against those who would drive us apart***" (Hillary Clinton's Campaign Launch Speech, June 13, 2015). Clinton establishes a new leadership paradigm and she believes that it may secure her victory.

The personal pronoun “I” is another focus of research. Condoleezza Rice and Hillary Clinton use first personal singular very often, which is indicative of self-focus and attitudes toward different events: “*I love policy, I do not really love politics*” (Condoleezza Rice, June 26, 2012), “*I want to be... your champion. If you’ll give me the chance, I’ll wage and win Four Fights for you*” (Hillary Clinton’s Campaign Launch Speech, June 13, 2015). Madeleine Albright, as the first woman Secretary of State, hesitates whether to act all alone and to show her individuality. She mostly uses the pronoun *we*: “*we had a half-a-million troops...*”, “*...we push him back*”, “*we have to contain Saddam Hussein*” (Madeleine K. Albright, Interview on NBC-TV “The Today Show” with Matt Lauer, Columbus, Ohio, February 19, 1998).

Albright, Rice and Clinton, however, demonstrate that success comes at the price of maintaining masculine discourse of power and security. All the three have a strong character and a will of iron, which is essential for resisting pressure coming from male politicians, because being a female politician is a challenge, which demands hard work and uncompromising nature.

Discussion

Gender is an inalienable part of political language. It is built on cultural and social bases, it has to do with one’s race, ethnicity, social standing, educational backgrounds, work experiences and other factors.

Since politics is a male-driven sphere, the conventional politician is always a man, the role of a public advocate is masculine-gendered. Discourse studies show that a female politician is still considered a deviation of the norm. It serves as an integral element in the conceptual opposition “*us*” and “*them*”.

A tendency toward linguistic feminization in politics can be considered discreditable due to the fact that the conventional and “right” politician is male. Speech feminization alienates women in politics, but possibly aids them to move closer to female voters. It is expressed in speech with the help of hedges (“*You know...*”) or conceptual family and nurturing metaphors, which are actively used by Hillary Clinton.

Today political discourse has a tendency to level down gender-marked language markers or even to masculinize speech of women politicians. Masculinization of female discourse can be exemplified by Condoleezza Rice. Primarily it is manifested in self-referencing and direct accusations of the other party.

Research shows that women politicians, consciously or subconsciously, avoid emotional language in their strife to imitate male discourse. And all for the same reason, politics is a male-dominated sphere.

Entering into the complex sphere of politics, a woman needs to hammer out an analytical, consistent, direct, and cold-minded way of thinking which would be manifested in her language. This can bring fame, respect, and love of others.

The female politician who uses characteristically male discourse the most is Condoleezza Rice. It can be attributable to the fact that she belongs to two ‘minority’ groups: women and African-Americans. No wonder, she simply had to follow male behavioural patterns. Our previous research [34] shows Theresa May has a similar idiolect. And all for the same reason, she is the leader of a country where politics is still normally a man’s job.

Madeleine Albright's discourse is somewhere in between: her discourse is mostly male, but sometimes she resorts to female discursive patterns. She is the first female Secretary of State, she simply had no role models, with only male predecessors before her. She seeks to make her speech as neutral as possible, and that would be impossible if she completely ignored female discourse.

Research shows that masculine discourse is mainly used by female politicians either of the older generation or of conservative political views. However, more progressive women in power, like Nicola Sturgeon [see 34] or Hillary Clinton, are not afraid to reveal their gender through discourse and it largely contributes to the feminist agenda they lead.

References

1. Butsyk, E.D. (2015). Construction of gender identity in political discourse, *The MGIMO Review of International Relations*, 3 (42), 167—172. (In Russ.).
2. Božić, Dragana (2016). *Gender differences in the political speeches from the 113th united states congress*. Faculty of humanities and social sciences, Osijek.
3. Pennebaker, J. (2011). *The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us*. Bloomsbury Press.
4. Lakoff, R. (1973). Language and woman's place, *Language in Society*, 2 (1), 45—79.
5. Fracchiolla, B. (2011). Politeness as a strategy of attack in a gendered political debate — The Royal — Sarkozy debate. *Journal of Pragmatics*, 43 (10), 2480—2488.
6. Holmes, J. (1995). Women, men and politeness. *Language and Literature*, 7 (3), London, Longman. (In Eng.).
7. Nurseitova, Kh., Zharkynbekova, Sh., Bokayev, B., Bokayeva, A. (2013). Language and Gender in Political Discourse (Mass Media Interviews). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 70, 417—422.
8. Semino, E. & Koller, V. (2009). Metaphor, politics and gender: a case study from Italy In K. Ahrens (Ed.), *Politics, Gender and Conceptual Metaphors*. pp. 36—61.
9. Issers, O.S. (1998). *Language and Gender in Political Discourse (Mass Media Interviews)*. Omsk. (In Russ.).
10. Charteris-Black, J. (2009). *Metaphor and Political Communication*. Metaphor and Discourse, 97—115.
11. Totibadze, S. (2017). *Most Frequently Used Gendered Metaphors in British Political Discourse*. Leiden University.
12. Friedmann, J. (1987). *Planning in the Public Domain: From Knowledge to Action*. Princeton University Press.
13. Flannery, M.C. (2001). *Quilting: A Feminist Metaphor for Scientific Inquiry*. *Qualitative Inquiry*, 7(5), 628—645.
14. Hofstede, G. (1991). *Cultures and Organizations Software of the Mind*. London McGraw-Hill.
15. Potapov, P. (1997). *Language of men and women: phonetic differentiation*. AN RAN, 52—62. (In Russ.)
16. Arustamyan, R., Makurina, M. A., Pirozhkova, I. S. (2016). *The manifestation of gender peculiarities in political discourse*. Ekaterinburg, Politicheskaya lingvistika, 244—249. (In Russ.).
17. Polyakova, L.S. (2011). Gender strategies as a factor of realization of a politician's language. *Cultural linguistics*, 5 (In Russ.).
18. Danilova, M.B. (2009). Frame «background» in the scenario «autobiography of a woman politician». Yekaterinburg, *Political Linguistics*, 72—75. (In Russ.).

19. Vagenlyaytner, N.V. (2011). Language image of the woman-politician in aspect of the description of appearance (according to printing mass-media). Yekaterinburg, *Political Linguistics*, 3, 180—183. (In Russ.).
20. Kendall, S., Tannen, D. (2001). *Discourse and gender. The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford, Blackwell, 46—63.
21. Wodak, R. (1997). *Critical Discourse Analysis*. In T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies A Multidisciplinary Introduction*, 2, 258—284.
22. Brouner, D. (1982). The influence of the addressee's sex on politeness in language use. *Linguistics*, 20, 1982, 697—711.
23. McConnell-Ginet, S. (2012). Linguistics and Gender Studies. *Philosophy of Linguistics*.
24. Ferrary, F. (2010). Gender and Identification in political Discourse: The (American) Woman as and beyond a Category for Analysis. Ekaterinburg, *Politicheskaya lingvistika*, 1, 39—54. (In Russ.).
25. Goroshko, E. (1999). *Sex, gender, language*. 98—112. (In Russ.).
26. Goroshko, E. (1994). *Issues of studying peculiarities of male and female linguistic style*. Dnepropetrovsk, 160—169. (In Russ.).
27. Kolesnikova, M. (2000). *Lexicographical aspect of current gender studies*. MGLU Rudomino, 28—35. (In Russ.).
28. Kunitsyna, E.V. (2011). Gender specificity of political discourse: language and speech aspects (based on the election speeches of H. Clinton and B. Obama). *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 7(19), 103—112. (In Russ.).
29. Johnson, F.L. (1983). Political and pedagogical implications of attitudes towards women's language. *Communication Quarterly*, 31, 133—138.
30. Edwards, J. (2009). *Language and identity. An Introduction*. St Francis Xavier University.
31. Christie, Ch. (2000). *Gender and Language: Towards a Feminist Pragmatics*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 216.
32. Cuellar, S. (2006). *Women's language: a struggle to overcome inequality*. Columbian University, 137—162.
33. Ross, K. (2017). *Gender. Politics, News: A Game of Three Sides*. Wiley-Blackwell.
34. Mukhortov, D., Malyavina, Ya. (2019). Communication Styles of Female Politicians: Theresa May and Nicola Sturgeon. *Moscow University Philology Bulletin*, 36—53.
35. Mukhortov, D.S. (2015). The Metaphor in Foreign Policy Discourse as a Manifestation of the Commonality of the Ideological Attitudes of Anglo-Saxon Politicians (Based on the Speeches of B. Obama, D. Cameron, T. Abbott and S. Harper in 2014—2015). *Political Linguistics: Problematics, Methodology, Aspects of Research and Prospects of Development of Scientific Direction* [International Science Conference (Ekaterinburg)], 175—182.
36. Clinton's Farewell Remarks to State Department Employees (2013). URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2013/02/203684.htm>. (accessed: 06/09/2019).
37. Clinton's Remarks to the Inauguration of the 2012 National Work-Life and Family Month Event, 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199724.htm>. (accessed: 06/09/2019).
38. Condoleezza Rice's Remarks at the U.S. Global Leadership Campaign's 10th Anniversary Gala Dinner (2005). URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/56689.htm> (accessed: 06/09/2019).
39. Condoleezza Rice's remarks On International Women's Day (2007) URL: <http://gos.sbc.edu/r/rice4.html>. (accessed: 06/09/2019).
40. Hillary Clinton at Women's Empowerment Event 03.11.2010. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/11/150343.htm> (accessed: 06/09/2019).
41. Hillary Clinton's Campaign Launch Speech (2015). URL: <http://time.com/3920332/transcript%13full%13text%13hillary%13clinton%13campaign%13launch/> (accessed: 06/09/2019).

42. Hillary Clinton's remarks on the human rights agenda for the 21st century (2009). URL: <http://gos.sbc.edu/c/clinton3.html> (accessed: 06/09/2019).
43. Hillary Clinton's Super Tuesday victory speech (2016). URL: <https://www.vox.com/2016/3/1/11144350/hillary-clinton-super-tuesday-transcript> (accessed: 06/09/2019).
44. Madeleine Albright on Building a Bipartisan Foreign Policy (1997). URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/970207.html> (accessed: 06/09/2019).
45. Madeleine K. Albright's Farewell Remarks at U.S. Department of State (2001). URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/2001/010119.html> (accessed: 06/09/2019).
46. Madeleine K. Albright's Interview on NBC-TV "The Today Show" (1998). URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/980219a.html> (accessed: 06/09/2019).
47. Madeleine K. Albright's Statement at the Opening Plenary of the Multilateral Steering Group (Middle East Peace) (2000). URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/2000/000201.html> (accessed: 06/09/2019).
48. Madeleine K. Albright's Statement Before the Senate Foreign Relations Committee on the Comprehensive Test Ban Treaty (1999). URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1999/991007a.html> (accessed: 06/09/2019).
49. Madeleine K. Albright's Statement to the North Atlantic Council (1998). URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/981208.html> (accessed: 06/09/2019).
50. Nicola Sturgeon about Scotland's commitment to Europe. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QRrPZDuvy> (accessed: 06/09/2019).
51. Nicola Sturgeon at EU Referendum Result Press Conference at Bute House (2016). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1-kKMt-pvEE> (accessed: 06/09/2019).
52. Nicola Sturgeon's full speech at SNP conference 12.10.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u5su2ArPHY0> (accessed: 06/09/2019).
53. Nicola Sturgeon's post-Brexit speech to the IPPR, July 25th, 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iMbF0JQn4gA> (accessed: 06/09/2019).
54. Nicola Sturgeon's speech on International Women's Day 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uMKjXaJW1Jw>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
55. Nicola Sturgeon's speech on Scotland's referendum, March 13th, 2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ReYB_ysgN_Y (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
56. Nicola Sturgeon's speech to the SNP conference, October 10th, 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UxHGulVdFbE> (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
57. Rice's Farewell Remarks to the State Department Press Corps, 2009. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2009/01/115017.htm>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
58. Rice's remarks at Georgetown School of Foreign Service, 2006. URL: <http://gos.sbc.edu/r/rice3.html>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
59. Rice's Remarks at the Southern Baptist Convention Annual Meeting, 2006. URL: <http://gos.sbc.edu/r/rice2.html>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
60. Rice's Remarks with Iraqi Foreign Minister Hoshyar Zebari, 2007. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2007/12/97735.htm>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
61. Secretary Clinton's Remarks on Women, Peace, and Security, 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/179173.htm>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
62. Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations At The German Marshall Fund, 2008. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/09/109954.htm>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
63. Theresa May on 100 anniversary of women's suffrage. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xNT3we--luY>. (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
64. Theresa May's Brexit speech, January 17th, 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o0RnTFJszU> (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).

65. Theresa May's first statement as Prime Minister, July 13th, 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FDyZ8trge2E> (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
66. Theresa May's speech to the Conservative Party Conference in Manchester, October 6th, 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hoiuCPxHk1E>, (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).
67. Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RRHjfl kTRzE> (accessed: 06/09/2019). (In Eng.).

Библиографический список

1. Буцык Е.Д. Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2015. no. 3 (42). С. 167—172.
2. Božić D. Gender differences in the political speeches from the 113th united states congress. Faculty of humanities and social sciences. Osijek, 2016.
3. Pennebaker J. The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us. Bloomsbury Press, 2011.
4. Lakoff R. Language and woman's place // *Language in Society*. 1973. no 2(1). P. 45—79.
5. Fracchiolla B. Politeness as a strategy of attack in a gendered political debate — The Royal — Sarkozy debate // *Journal of Pragmatics*. 2011. no 43 (10). P. 2480—2488.
6. Holmes J. Women, men and politeness. *Language and Literature*. London, Longman, 1995.
7. Nurseitova Kh., Zharkynbekova Sh., Bokayev B., Bokayeva A. (2013). Language and Gender in Political Discourse (Mass Media Interviews) // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 70. P. 417—422.
8. Semino E., Koller V. Metaphor, politics and gender: a case study from Italy // K. Ahrens (Ed.), *Politics, Gender and Conceptual Metaphors*. 2009. pp. 36—61.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 1. С. 74—79.
10. Charteris-Black J. Metaphor and Political Communication. *Metaphor and Discourse*. 2009. P. 97—115.
11. Totibadze S. Most Frequently Used Gendered Metaphors in British Political Discourse. Leiden University, 2017.
12. Friedmann J. *Planning in the Public Domain: From Knowledge to Action*. Princeton University Press, 1987.
13. Flannery M.C. Quilting: A Feminist Metaphor for Scientific Inquiry // *Qualitative Inquiry*. 2001. Vol. 7, issue 5. P. 628—645.
14. Hofstede G. *Cultures and Organizations Software of the Mind*. London McGraw-Hill, 1991.
15. Потанов П. Язык мужчин и женщин: фонетическая дифференциация. М.: АН РАН, 1997. С. 52—62.
16. Арустамян Р., Макурина М., Пирожкова И. Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2016. no 6. С. 244—249.
17. Полякова Л.С. «Гендерные стратегии как фактор реализации языка политика» // *Лингвокультурология*. 2011. no. 5. P. 67—72.
18. Данилова М.Б. Фрейм «Происхождение» в сценарии «Автобиография женщины-политика» // *Политическая лингвистика*. 2009. no 28. С. 72—75.
19. Вагенляйтнер Н.В. Языковой образ женщины-политика в аспекте характеристики внешности (на материале печатных СМИ) // *Политическая лингвистика*. 2011. no 3. С. 180—183.
20. Kendall S., Tannen D. *Discourse and gender. The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell, 2001. P. 46—63.
21. Wodak R. *Critical Discourse Analysis* // T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies A Multidisciplinary Introduction*. 1997. no 2. P. 258—284.

22. *Brouner D.* The influence of the addressee's sex on politeness in language use // *Linguistics*. 1982. no 20. P. 697—711.
23. *McConnell-Ginet, S.* *Linguistics and Gender Studies // Philosophy of Linguistics*. 2012. P. 503.
24. *Феррари Ф.* Гендер и отождествление в политическом дискурсе: американская женщина как категория анализа // *Политическая лингвистика*. 2010. no 1. С. 39—54.
25. *Горошко Е.* Пол, гендер, язык. 1999. С. 98—112.
26. *Горошко Е.* Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи. Днепропетровск, 1994. С. 160—169.
27. *Колесникова М.* Лексикографический аспект современных гендерных исследований. МГЛУ Рудмино, 2000. С. 28—35.
28. *Куницина Е.* Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы) // *В мире научных открытий*. 2011. 7(19). С. 103—112.
29. *Johnson F.L.* Political and pedagogical implications of attitudes towards women's language // *Communication Quarterly*. 1983. no 31. P. 133—138.
30. *Edwards J.* *Language and identity. An Introduction*. St Francis Xavier University, 2009.
31. *Christi Ch.* *Gender and Language: Towards a Feminist Pragmatics*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2000.
32. *Cuellar S.* *Women's language: a struggle to overcome inequality*. Columbian University, 2006, pp. 137—162.
33. *Ross K.* *Gender. Politics, News: A Game of Three Sides*. Wiley-Blackwell, 2017.
34. *Mukhortov D., Malyavina Ya* Communication Styles of Female Politicians: Theresa May and Nicola Sturgeon. // *Moscow University Philology Bulletin*, 2019, pp. 36—53.
35. *Mukhortov D.S.* The Metaphor in Foreign Policy Discourse as a Manifestation of the Commonality of the Ideological Attitudes of Anglo-Saxon Politicians (Based on the Speeches of B. Obama, D. Cameron, T. Abbott and S. Harper in 2014—2015). *Political Linguistics: Problematics, Methodology, Aspects of Research and Prospects of Development of Scientific Direction [International Science Conference (Ekaterinburg)]*, 2015, pp. 175—182.
36. Clinton's Farewell Remarks to State Department Employees, 2013. Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2013/02/203684.htm>. (дата обращения: 06.09.2019).
37. Clinton's Remarks to the Inauguration of the 2012. Режим доступа: National Work-Life and Family Month Event, 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199724.htm> (дата обращения: 06.09.2019).
38. Condoleezza Rice's Remarks at the U.S. Global Leadership Campaign's 10th Anniversary Gala Dinner, 2005. Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/56689.htm> (дата обращения: 06.09.2019).
39. Condoleezza Rice's remarks On International Women's Day, 2007. Режим доступа: <http://gos.sbc.edu/r/rice4.html> (дата обращения: 06.09.2019).
40. Hillary Clinton at Women's Empowerment Event 03.11.2010. Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/11/150343.htm> (дата обращения: 06.09.2019).
41. Hillary Clinton's Campaign Launch Speech, 2015. Режим доступа: <http://time.com/3920332/transcript%13full%13text%13hillary%13clinton%13campaign%13launch/> (дата обращения: 06.09.2019).
42. Hillary Clinton's remarks on the human rights agenda for the 21st century, 2009. Режим доступа: <http://gos.sbc.edu/c/clinton3.html> (дата обращения: 06.09.2019).
43. Hillary Clinton's Super Tuesday victory speech, 2016. Режим доступа: <https://www.vox.com/2016/3/1/11144350/hillary-clinton-super-tuesday-transcript>. (дата обращения: 06.09.2019).
44. Madeleine Albright on Building a Bipartisan Foreign Policy, 1997. Режим доступа: <https://1997-2001.state.gov/statements/970207.html>. (дата обращения: 06.09.2019).

45. Madeleine K. Albright's Farewell Remarks at U.S. Department of State, 2001. Режим доступа: <https://1997-2001.state.gov/statements/2001/010119.html>. (дата обращения: 06.09.2019).
46. Madeleine K. Albright's Interview on NBC-TV "The Today Show", 1998. Режим доступа: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/980219a.html>. (дата обращения: 06.09.2019).
47. Madeleine K. Albright's Statement at the Opening Plenary of the Multilateral Steering Group (Middle East Peace), 2000. Режим доступа: <https://1997-2001.state.gov/statements/2000/000201.html>. (дата обращения: 06.09.2019).
48. Madeleine K. Albright's Statement Before the Senate Foreign Relations Committee on the Comprehensive Test Ban Treaty, 1999. URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1999/991007a.html>. (дата обращения: 06.09.2019).
49. Madeleine K. Albright's Statement to the North Atlantic Council, 1998. Режим доступа: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/981208.html>. (дата обращения: 06.09.2019).
50. Nicola Sturgeon about Scotland's commitment to Europe Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=QRrPZDuvy_. (дата обращения: 06.09.2019).
51. Nicola Sturgeon at EU Referendum Result Press Conference at Bute House 2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=1-kKMt-pvEE>. (дата обращения: 06.09.2019).
52. Nicola Sturgeon's full speech at SNP conference 12.10.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u5su2ArPHY0>. (дата обращения: 06.09.2019).
53. Nicola Sturgeon's post-Brexit speech to the IPPR, July 25th, 2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iMbf0JQn4gA> (дата обращения: 06.09.2019).
54. Nicola Sturgeon's speech on International Women's Day 2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=uMKjXaJW1Jw>. (дата обращения: 06.09.2019).
55. Nicola Sturgeon's speech on Scotland's referendum, March 13th, 2017. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ReYB_ysgN_Y (дата обращения: 06.09.2019).
56. Nicola Sturgeon's speech to the SNP conference, October 10th, 2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=UxHGulVdFbE> (дата обращения: 06.09.2019).
57. Rice's Farewell Remarks to the State Department Press Corps, 2009. Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2009/01/115017.htm>. (дата обращения: 06.09.2019).
58. Rice's remarks at Georgetown School of Foreign Service, 2006. URL: <http://gos.sbc.edu/r/rice3.html> (дата обращения: 06.09.2019).
59. Rice's Remarks at the Southern Baptist Convention Annual Meeting, 2006. Режим доступа: <http://gos.sbc.edu/r/rice2.html>. (дата обращения: 06.09.2019).
60. Rice's Remarks with Iraqi Foreign Minister Hoshiyar Zebari, 2007. Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2007/12/97735.htm>. (дата обращения: 06.09.2019).
61. Secretary Clinton's Remarks on Women, Peace, and Security, 2011. Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/179173.htm>. (дата обращения: 06.09.2019).
62. Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations At The German Marshall Fund, 2008. Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/09/109954.htm> (дата обращения: 06.09.2019).
63. Theresa May on 100 anniversary of women's suffrage. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=xNT3we--luY> (дата обращения: 06.09.2019).
64. Theresa May's Brexit speech, January 17th, 2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=o0rRnTFJszU> (дата обращения: 06.09.2019).
65. Theresa May's first statement as Prime Minister, July 13th, 2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FDyZ8trge2E> (дата обращения: 06.09.2019).
66. Theresa May's speech to the Conservative Party Conference in Manchester, October 6th, 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hoiuCPxHk1E>, (дата обращения: 06.09.2019).
67. Theresa May's Tory leadership launch statement, June 30th, 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RRHjfl kTRzE> (дата обращения: 06.09.2019).

Сведения об авторах:

Мухортов Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: dennismoukhortov@mail.ru.

Малявина Яна Станиславовна, кафедра русского языка как иностранного Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: yana_m3@mail.ru.

Information about the authors:

Denis S. Mukhortov, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology Lomonosov Moscow State University; *e-mail*: dennismoukhortov@mail.ru.

Yana S. Malyavina, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *e-mail*: yana_m3@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1037-1047
UDK 811.134.2:316.77

Artículo científico / Научная статья / Research article

Las tendencias contemporáneas del lenguaje español y los cambios sociales en la sociedad hispanohablante

Guido Tejerina

Universidad de Rusia de la Amistad de los Pueblos
Mikluho-Maklaya, 6, Moscú, Rusia, 117198
tejerina@yandex.ru

La lengua es la primera ciencia social que posee el hombre. Las lenguas cambian, generalmente muy lentamente, a veces muy rápidamente. Existen muchas razones por las que una lengua puede cambiar. Una razón obvia es la conexión entre la lengua y la conciencia social. Entonces, el autor se dedica a la investigación de los cambios en el lenguaje español que reflejan los de la sociedad. La relevancia del tema es aún más evidente si recordamos la velocidad con la que las relaciones sociales están cambiando en nuestro tiempo, nacen nuevas tecnologías, aparecen nuevos medios de comunicación. El idioma aceptó, adoptó y cobijó nuevas definiciones de actividades que son hijas directas de las tecnologías de comunicación modernas. Su poder de sociabilización y de viralización impactó en la anatomía de una lengua que vive en constante transformación. La lengua es una entidad viva, crece, se transforma, adopta términos nuevos. Si no lo fuera, seguiríamos hablando en latín. Para lograr el objetivo de identificar la conexión entre los cambios de idioma y los de la sociedad, el autor utiliza los siguientes métodos. Por un lado observa los cambios del sentido de unas palabras que imponen los políticos para lograr una especie de nebulosa que llamamos lo políticamente correcto. Por otro lado comenta las palabras nuevas que aparecen en el lenguaje gracias al desarrollo tecnológico, a través de las redes sociales y por la jerga juvenil. La última parte se trata de la discriminación lingüística. Para identificar y describir los cambios del lenguaje, el autor analiza desde el punto de vista de la lingüística los discursos de figuras políticas modernas, textos de periódico y publicaciones en redes sociales. Como resultado, el autor muestra claramente la conexión de las tendencias modernas en el idioma español con los cambios en la sociedad.

Palabras clave: lenguaje español, cambios sociales, sociedad

Historia del artículo:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

Para citar:

Guido Tejerina (2019). Las tendencias contemporáneas del lenguaje español y los cambios sociales en la sociedad. *Boletín de la Universidad de Rusia de la Amistad de los Pueblos. Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (4), 1037—1047. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1037-1047

© Guido Tejerina, 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.134.2:316.77

Contemporary Trends in Spanish Language and Social Changes in the Spanish-habitat Society

Guido Tejerina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Language is the first social science that man possesses. Languages change, usually very slowly, sometimes very quickly. There are many reasons why a language can change. An obvious reason is the connection between language and social consciousness. Then, the author is dedicated to the investigation of changes in the Spanish language that reflect those of society. The relevance of the subject is even more evident if we remember the speed with which social relations are changing in our time, new technologies are born, new media appear. The language accepted, adopted and sheltered new definitions of activities that are direct daughters of modern communication technologies. Its power of sociabilization and viralization impacted the anatomy of a language that lives in constant transformation. Language is a living entity, it grows, it transforms, adopts new terms. If it were not, we would continue speaking in Latin. To achieve the objective of identifying the connection between language changes and those of society, the author uses the following methods. On the one hand, he observes the changes in the meaning of words imposed by politicians to achieve a kind of nebula that we call politically correct. On the other hand, he comments on the new words that appear in the language thanks to technological development, through social networks and youth jargon. The last part is about language discrimination. To identify and describe the changes in language, the author analyzes from the linguistic point of view the speeches of modern political figures, newspaper texts and publications in social networks. As a result, the author clearly shows the connection of modern trends in the Spanish language with changes in society.

Key words: Spanish language, social changes, society

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Guido Tejerina (2019). Contemporary trends in Spanish language and social changes in the spanish-habitat society. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (4), 1037—1047. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1037-1047.

УДК 811.134.2:316.77

Современные тенденции испанского языка и социальные изменения в испаноязычном обществе

Гидо Техерина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию изменений лексического значения единиц испанского языка, вызванных изменениями в обществе, развитием технологий, возрастанием роли СМИ. Данное направление исследований является актуальным в современной лингвистике, так как является универсальным, с одной стороны, и предлагает новые примеры трансформации смыслов лексических единиц конкретного языка, с другой. Цель исследования, под которой автор статьи понимает установление связи между изменением языка и изменением общества и описанием их результатов, достигается с помощью наблюдений, комментариев и описанию примеров языковой дискриминации. Материалом исследования является лексика социальных сетей, молодежный жаргон, статьи в СМИ и тексты

выступления современных политических деятелей. Предметом анализа выступает новая лексика или слова с новым (измененным) лексическим значением.

Ключевые слова: испанский язык, социальные изменения, общество

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Guido Tejerina. Современные тенденции испанского языка и социальные изменения в обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 1037—1047. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1037-1047

Evidentemente los cambios del cualquier lenguaje reflejan los de la sociedad. Nos parece muy interesante describir unas modificaciones contemporáneas del lenguaje español en relación a las tendencias modernas en la sociedad hispanohablante.

Hoy en día los cambios del lenguaje vienen de dos partes.

“Cambios de arriba”

Por un lado, “Cambios de arriba” — así nombramos las pulsiones de usar el lenguaje de los medios de comunicación para lograr los objetivos de tipo político. “El lenguaje político está diseñado para que las mentiras suenen como verdades, que el crimen parezca respetable y para darle consistencia a lo que es puro viento”. Son palabras del escritor y periodista George Orwell, que en su ensayo *La política y la lengua inglesa* (1946) las hacía extensivas “a todos los partidos políticos, desde los conservadores a los anarquistas”. “No creo que sea posible un mundo sin mentiras”, explica John Mearsheimer, autor del libro publicado en 2011 “*Por qué mienten los políticos*” [1]. La mayoría de la gente, según Mearsheimer, “se siente muy incómoda en el terreno de la mentira porque tienden a pensar que está moralmente mal. Pero los resultados de mi investigación sugieren que cuando la mentira es por razones estratégicas para el país, el individuo deja la dimensión moral en un segundo plano”.

No de poca importancia en esta transformación ideológica tenga el uso del lenguaje políticamente correcto y la evitación de los imperativos radicales. “Ahora nos encontramos con un fenómeno curiosísimo, por el cual la censura, que pensábamos superada en una sociedad democrática, está empezando a renacer. Ya no es una censura de la Iglesia, del Estado, o del poder político. Es la censura de una especie de nebulosa que llamamos lo políticamente correcto” — dice **Darío Villanueva**, un teórico y crítico literario español, elegido director de la Real Academia Española [2]. “El eufemismo es el rey de lo políticamente correcto. Se da en todas partes. En Brasil, durante la presidencia de Lula, se publicó una guía sobre el lenguaje políticamente correcto en la que se imponen de manera expresa muchas indicaciones. Prohibía, por ejemplo, decir “viejo” y proponía usar en su lugar el adjetivo “añejo”... Eso ocurre en todos los países en los que la corrección política está triunfando. Es algo que George Orwell ya había previsto en su distopía 1984, donde la neolengua que se instaura en esa sociedad terrible que describe está trufada de eufemismos y posverdades”, — dice Darío Villanueva, director de la Real Academia Española en la entrevista “La RAE resistirá cualquier injerencia política: jamás censurará el español” [3].

No hay un origen claro sobre quien fue el primer político en colocarse tras el atril y lanzar mensajes que, o bien necesitan traducción simultánea o, al menos, algún que otro subtítulo. He aquí alguno de los mejores ejemplos prácticos de los últimos tiempos [4].

Movilidad exterior. Más de 300.000 jóvenes se han marchado de España durante la crisis económica en busca de un horizonte laboral porque el desempleo de los menores de 25 años alcanzó el 55,13% en 2012. Para la ministra de Trabajo, Fátima Báñez, no es algo grave. Simplemente, se trata de una “movilidad exterior”.

Crecimiento negativo. Desde el inicio de la crisis en 2008 la economía española ha experimentado un descenso en el PIB que ha supuesto la mayor recesión en la historia reciente. El exministro de Economía Pedro Solbes no habló de crisis ni de recesión. El principio del declive económico español era un “crecimiento negativo”.

Situación ciertamente difícil y complicada o condiciones adversas. El experto en evitar la palabra “crisis” es Zapatero. Para evitar pronunciar la palabra tabú utilizó los siguientes términos: “estancamiento”, “frenazo”, “situación ciertamente difícil y complicada”, “condiciones adversas”, “brusca desaceleración”, “deterioro del contexto económico”, “ajuste”, “empeoramiento” o “periodo de serias dificultades”.

Novedad tributaria. El ministro de Hacienda, Cristóbal Montoro, prefiere llamar a las cosas por su nombre. Si se trata de una novedad tributaria, ¿por qué llamarla impuesto?. Él lo tiene claro: “El Gobierno utilizará elementos de tributación indirecta”. “Al pan, pan; y al vino, vino”, como diría Mariano Rajoy.

Ajustes, austeridad o reformas estructurales. Recortes es una palabra rebuscada. El Gobierno español facilita la comprensión de conceptos económicos complejos a los ciudadanos, y los transforma en expresiones sencillas como “ajustes, austeridad” o “reformas estructurales”.

Indemnización en diferido. Si le van a contratar, lea bien antes de firmar con la empresa. No es un consejo, es porque, tal vez, su jefe no le haya informado bien de lo que ocurrirá si algún día le despiden. Puede ser que su finiquito esté pactado como una “indemnización en diferido, en forma de simulación”.

El tique moderador y la externalización. La sanidad en España es gratuita y universal. Para no contradecir este hecho, los políticos necesitan nuevos términos. Por ejemplo, el presidente de la Generalitat de Cataluña, Artur Mas (CiU), ha inventado un sinónimo más comprensible para el copago: el “tique moderador”. La Comunidad de Madrid no se ha quedado atrás. “Externalización” es una palabra que no existe en el diccionario. Pero para Ignacio González y Javier Fernández Lasquetty, cuando se habla de pasar la gestión de servicios públicos a empresas privadas es siempre preferible a “privatización”.

Los ejemplos mencionados arriba son de los dichos de los políticos españoles. El mismo “enriquecimiento del lenguaje” podemos encontrar en los países de América Latina. Aquí tenemos unos ejemplos del lenguaje políticamente correcto de la vida chilena de la era neoliberal [5].

Desvinculación. Sólo en un contexto del descaro cultural, que sólo es producto de la insólita posición de poder de las clases dominantes en la actualidad, es posible llamar desvinculación al frío concepto de despido. Ocultando de esta manera, todo lo que se suele asociar con los despidos, y dando la sensación de que se trata de un alejamiento no forzado.

Flexibilización. No es extraño tampoco, que cuando el capital globalizado necesita fortalecer más la dependencia de los países atrasados, y en consecuencia, controlar más las condiciones laborales de los trabajadores, se llame flexibilización a la libertad del capital de imponer sus necesidades productivas y lucrativas sobre las necesidades humanas y materiales de los trabajadores. Sorprende menos que a la organización de los trabajadores se le llame rigidez.

En situación de calle. Un dato no menor, es que a las personas indigentes se les llame “en situación de calle”, dando a entender que el problema es vivir en la calle, no la extrema pobreza.

Consenso social. Esto sucede, por ejemplo, cuando se le llama “consenso social” al consenso entre los distintos sectores de las clases dominantes, aparentando acuerdos entre grandes sectores de la sociedad, siendo en realidad, acuerdos entre los pequeños grupos que se reparten todo nuestro país.

Negociación colectiva. También sucede cuando se le llama “negociación colectiva” a la imposición de las condiciones que los empresarios estimen convenientes, para finalizar una huelga de trabajadores, con el estado como cómplice.

Es obvio, que nunca salen de moda los eufemismos que tratan de ocultar los dolores incurables de la vida humana que no puede recuperar la sociedad. **Edad dorada** o **tercera edad** (*vejez*), **Pasar a mejor vida** (*morir*), **Persona con capacidades diferentes** (*discapacitado*), **No vidente** (*ciego*), **Establecimiento penitenciario** (*cárcel*), **Conflicto armado** (*guerra*), **Residencia para la tercera edad** (*geriátrico*).

“Cambios de abajo”

Por otro lado, “Cambios de abajo” — así nombramos las pulsiones de usar ampliamente el vocabulario de los grupos especiales de la población de los países hispanohablantes.

La primera piedra de La Real Academia Española fue el Diccionario de Autoridades, elaborado entre 1726 y 1739. En el prólogo, sus admirables autores dicen que no incluirán “términos que designen desnudamente objeto indecente”. Ellos sí aplicaron un criterio de moralidad puritana de la época. En él no hay palabras relacionadas con el sexo y la escatología. Hoy en día eso sería absurdo. No podemos hacer un diccionario solo de las palabras bonitas. El diccionario de la RAE no es una selección moral de palabras, sino un registro.

Para empezar, hablamos sobre una jerga juvenil característica de una determinada cohorte de edad. Este modo de hablar es muy fresco, muy vivo, enormemente interesante, pero al mismo tiempo es muy efímero. Cada generación juvenil introduce palabras que con el paso de los años se abandonan. Pero al mismo tiempo estas palabras sirven como unos marcadores de la época y, obviamente, pintan la paleta de idioma.

Pagafantas: es un término relativamente nuevo (la creación de la palabra y su uso en el mundo de internet se remonta a 2005) pero esconde un significado que conocemos de toda la vida: es el *pringao* pegado a la chica guapa, el que de primeras no tiene ninguna posibilidad de ligársela pero que está acechando por si cae algo. Ella lo ve como amigo y jamás se ha planteado que el chaval tenga ningún peligro sexual.

Montarse una película: la frase que significa imaginar o tener fantasías absurdas sobre algo, en otras provincias significa armar un rollo o problema.

Estar de jajas: significa pasarlo bien, divertirse. Por ejemplo: Laura llama a sus amigos o colegas y les pregunta: “¿Oye chicos qué hacéis, dónde estáis? que voy para allá”. Sergio contesta: “Nada, aquí estamos de jajas en el bar de siempre tomándonos algo”.

Ser un gocho: designa a aquella persona que come en exceso y es muy glotona. Por ejemplo: Juan no ha dejado nada de comida al resto de sus compañeros. Es un gocho.

Meh: Según el diario El País esta expresión “se utiliza para denotar dejadez o falta de interés”. Por ejemplo: Laura, por favor, recoge tu habitación. A lo que ella contesta: “Meh, qué pereza. ¿No puede ser en otro momento?”.

Ser (algo) (alguien) morralla: significa que carece de valor, inútil. Por ejemplo: Jo, tío, este concierto es una morralla. ¿Nos piramos (vamos)?

Hacer un next: El País nos explica esta expresión de la siguiente manera: cuando alguien ha hecho un next es que ha pasado olímpicamente de otra persona, con el agravante de que lo ha hecho en su propia cara. La expresión viene del inglés: next significa siguiente.

Hacer o ir de postureo: exhibirse, llamar la atención, aparentar. Por ejemplo: Mira, Lidia, ya está haciéndose selfies con sus amigos en la playa. Cómo le encanta el postureo.

Ser (alguien) o (algo) un trol/ Mordor: se dice cuando una persona es muy fea. La palabra Mordor procede de la obra literaria de El señor de los anillos.

Troleár: Engañar, bromear, tomar el pelo a alguien, vacilar.

Zas en toda la boca: La expresión procede de la serie Padre de familia. Y es una de las frases más famosas de Peter Griffin, personaje de la serie. Se le dice a alguien que le han dado un corte o se ha equivocado [6].

Aquí tiene un diccionario corto de la jerga juvenil [7].

A huevo (expresión): A punto. Enrique lo tenía a huevo. **A tope** (expresión): Al límite. El coche está a tope, no cabemos. **Abrir** (verbo): Largarse, irse. Tatiana se abrió de aquel lugar. **Acoplao** (sustantivo): Cuando alguien se mete en un tema sin que le llamen. Rodolfo es un acoplao. **Chorra** (sustantivo): suerte. Este tío tiene chorra en los exámenes. **Chulo** (adjetivo): personas que presumen mucho. Samuel es un chulo. **Crujir** (verbo): sinónimo de pegar fuerte. Ven aquí que te crujo chacho. **Estar de bajón** (expresión): estar de capa caída. Estoy de bajón porque me han quitado el ordenador. **Gallito** (adjetivo): ponerse chulo, vacilar. Manuel se puso gallito. **Ir puesto** (expresión): estar bajo los efectos de las drogas. Ese de allá está puesto. **Jalar** (verbo): Comer. Me voy a jalar. **Lapa** (adjetivo): persona que está siempre pegado a ti y que no te deja. Rodolfo es un lapa. **Maderos (sustantivo): policía.** Por aquella calle vienen los maderos. **Mangar** (verbo): robar. Nacho mangó muchas cosas. **Manta (adjetivo): persona** que es muy mala haciendo deportes. Mario es un manta. **Me voy de juerga** (expresión): irse de marcha, fiesta. ¿Nos vamos de juerga? **Mogollón** (adverbio): mucho. Me gusta mogollón. **Ni de coña** (expresión): de broma. Niña no hagas eso ni de coña. **No me ralles** (expresión): No me confundas. **Ñoño/a** (adjetivo): soso, mimado. Ese dibujo es muy ñoño. No te pongas ñoño! **Palmar** (verbo): morir, fallecer. Mi abuela ha palmado. **Partir la pana** (expresión): ser el alma de la fiesta, tener éxito. Alma, parte la pana en todas las fiestas. **Peña** (sustantivo): grupo de gente o amigos. Mi peña y yo nos hemos ido de compras. **Se me ha ido la olla** (expresión): despiste, enajenación. ¡Se me ha ido la olla, tronco! **Soplar** (verbo): decir, chivar. Le voy a soplar a Lucas las respuestas del examen. **Viejo** (sustantivo): padre.

Otra fuente inagotable del reabastecimiento de las palabras nuevas del lenguaje son las redes sociales. Es imposible no notar lo rápido que se propagó un nuevo y extraño vocabulario en las redes sociales, donde los más jóvenes están usando palabras que comúnmente no tendrían sentido.

¿Qué significa “**skere**”, la palabra de moda entre los adolescentes? “Skere” es **una nueva palabra que circula entre adolescentes para, en general, rematar una frase**. Es el resultado fonético de la deformación de la expresión en inglés “*let's get it*”, que se traduce como “*vamos a conseguirlo*”. Se dice “skere” cuando se quiere significar **que algo está saliendo bien o que va a pasar algo bueno**. Un ejemplo: “Esta noche salida con amigos, ¡skereee!”. Es que, cuanto más euforia le produce a quien enuncia el plan que tiene entre manos, más “e” lleva al final la palabra importada [8].

¿Qué significa **ATR**? Hay un término que abunda en las redes sociales, en la calle, en las voces de algunas celebridades y, en especial, en los jóvenes y adolescentes: “ATR”. Una expresión que pareciera una simple reacción onomatopéyica más que una palabra, para quien no la conoce, pero que en realidad tiene su significado.

De hecho, en el diccionario de la Generación Z es una sigla cuyas iniciales significan: A Todo Ritmo. Una expresión que describe un estado anímico que, en tres letras, sintetiza: alegría, euforia y, sobre todo, salir a demostrarle al mundo una actitud de energía y positivismo.

Hay quienes aseguran que la expresión tiene su origen en “Shake it up”, una serie juvenil de Disney Channel que narra las desventuras de las bailarinas estrellas de un programa local llamado “Shake It Up Chicago”. En Argentina, el ciclo — que se emitió desde 2010 hasta el 2013 — se tradujo con el título “A todo ritmo”.

Asimismo, el tema principal de la tira lo cantaba Selena Gómez, cuya letra era una invitación a salir a la pista de baile de forma desinhibida, con una actitud semejante como para que nadie pasara desapercibido. “Que nadie te ignore, no pares, rockea, hasta que no puedas más”, rezaba un fragmento de la canción, con marcado ritmo dance [9].

La mayoría de las palabras nuevas creadas en las redes sociales proviene de los dichos ingleses, aunque hay unas españolas también. Aquí tiene unos ejemplos con la traducción como no creo que sea fácil entenderlos.

NTC: No te creas.

NTP: No te preocupes.

Textear: Enviar mensajes de texto por celular, computadora o Tablet. Por lo general los mensajes son cortos y comparten fotos, audios y videos.

TQM: Las redes sociales son excelentes plataformas para sacar a flote sentimientos, cuando veas el término TQM se quiere decir “te quiero mucho”.

Postear: Cuando publicas un artículo en las redes sociales: contenidos, expresiones, preguntas, entre otros [10].

Viral: Se dice de un contenido que, en una o varias redes sociales, se ha popularizado muy rápido. En definitiva la expresión “se ha viralizado” viene a referirse a que algo — foto, vídeo, tuit, etc. — ha tenido una gran difusión.

Discriminación lingüística

Como descubrimos arriba, el lenguaje cambia bajo la influencia de factores sociales. Pero no se puede evitar las cuestiones del uso del lenguaje como un impacto de las armas en la sociedad.

Se habla de discriminación racial o sexual, de discriminar a inválidos o discapacitados, de clasismo (o discriminación por la clase social). Discriminar es separar, excluir, seleccionar, lo que significa una forma de violencia contra el otro, el ser que no se parece a mí, pues el yo, en su deseo de expandirse, es capaz de pisotear al otro cuando no se siente identificado con él o ella.

La discriminación lingüística es el fenómeno de discriminación que una persona o grupo social puede sufrir debido a la lengua en la que se expresa o a sus particularidades lingüísticas.

A mediados de la década de 1980, la lingüista finesa Tove Skutnabb-Kangas capturó esta idea de la discriminación basada en la lengua con el concepto de lingüicismo, definido como “las ideologías y estructuras que se utilizan para legitimar, efectuar y reproducir la división desigual del poder y de los recursos entre los grupos que se definen sobre la base de la lengua”.

Como escribe Juan Antonio Rosado, un narrador, ensayista, poeta, crítico literario e investigador independiente mexicano: “Hay muchas formas en que se manifiesta dicha discriminación. Una de las más obvias es el miedo al lenguaje del hampa, de las bandas marginales, con sus códigos, coloquialismos, gestualidades. El miedo se origina cuando nos enfrentamos a lo desconocido y nos es imposible penetrar en ello. A menudo, la discriminación lingüística también se origina por el habla como producto de una clase social y no de una banda o grupo reducido. Las formas dialectales de nuestra lengua son numerosas y en muchas no podemos penetrar del todo. Por ello es necesario recurrir a la norma; no obstante, mucha gente de escasa cultura desconoce la norma, por lo que es difícil comunicarse con ella. ¿Cuánto se entenderían un campesino boliviano y uno andaluz, considerando la escasa cultura de ambos y su enraizamiento en formas dialectales de su comunidad con ausencia de educación normativa?”

Otra forma de discriminación lingüística es burlarse de nombres o apellidos, actitud inmadura, profundamente infantil. La reacción de muchos es poner apodos para ejercer cierto control sobre el desconocido o el amigo impenetrable. El apodo puede ser positivo o un signo verbal que intenta alterar de modo negativo la identidad del individuo al asociarlo, aunque simbólicamente, con algo ajeno. En una ocasión, el gran poeta Alí Chumacero contó que en la primaria en que estudiaba, sus compañeritos se burlaban de su apellido con la ocurrencia “chuma dos, chuma uno, chuma cero”. Otros cerebros igual de infantiles se han burlado de apellidos como Pitol o De la Colina. Al nacer, nadie eligió ni su color de piel ni su apellido. Burlarse de estos signos impuestos por el azar o por la naturaleza (raza, inclinación sexual, defectos físicos, apellidos, nombres o discapacidades) es no aceptar al otro y, por tanto, una forma más de ejercer la preponderancia del yo sobre el otro: un modo de cobardía y afán de controlar” [11].

Lista bibliográfica

1. *Mearsheimer John J.* Why Leaders Lie: The Truth About Lying in international Politics. Oxford University Press, 2013.
2. *Villanueva Darío.* Ahora mismo el español es la segunda lengua del mundo. Modo de acceso: <https://www.elcorreogallego.es/tendencias/el-correo2/ecg/ahora-mismo-espanol-es-segunda-lengua-mundo/idEdicion-2018-09-30/idNoticia-1139731> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
3. El mundo sin políticos que mientan es imposible. ACV El confidencial. Modo de acceso: https://www.elconfidencial.com/alma-corazon-vida/2012-04-03/un-mundo-sin-politicos-que-mientan-es-imposible_522301/ (La fecha de apelación: 20-05-2019).

4. Siete eufemismos que parió la crisis. *El País*. Modo de acceso: https://elpais.com/elpais/2013/12/31/masterdeperiodismo/1386789937_226264.html (La fecha de apelación: 20-05-2019).
5. Los eufemismos del Chile actual. *El Ciudadano*. Modo de acceso: <https://www.elciudadano.com/politica/los-eufemismos-del-chile-actual/11/28/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
6. La jerga juvenil. *Red mundial de hispanistas*. Modo de acceso: <http://redhispanistas.es/es/actualidad/blogs/virgulillas-por-el-mundo/505-la-jerga-juvenil> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
7. Ejemplos de jerga juvenil. *Tus ejemplos*. Modo de acceso: <https://tusejemplos.com/ejemplos-de-jerga-juvenil/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
8. Qué significa “skere”, la palabra de moda entre los adolescentes. *Clarín*. Modo de acceso: https://www.clarin.com/sociedad/significa-skere-palabra-moda-adolescentes_0_z_bKQwVki.html (La fecha de apelación: 20-05-2019).
9. ¿Qué significa ATR? *La Nación*. Modo de acceso: <https://www.lanacion.com.ar/lifestyle/que-significa-atr-nid2215737> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
10. Las nuevas jergas que imponen las redes sociales. *Pymex*. Modo de acceso: <https://pymex.com/tecnologia/internet/las-nuevas-jergas-que-imponen-las-redes-sociales/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
11. *Rosado Juan A.* Discriminación lingüística. Modo de acceso: <http://www.siempre.mx/2018/10/discriminacion-linguistica/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
12. *David Crystal*. Internet y los cambios en el lenguaje. *OpenMind*. Modo de acceso: <https://www.bbvaopenmind.com/articulos/internet-y-los-cambios-en-el-lenguaje/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
13. El impacto de las redes sociales en el lenguaje. *Infobae*. Modo de acceso: <https://www.infobae.com/tendencias/2016/07/03/como-las-redes-sociales-impactan-en-el-lenguaje/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
14. *Dürscheid, C. y A. Jucker*. «Text as utterance: communication in the electronic media». Presentado en el simposio «Language as a social and cultural practice: advances in linguistics», Universidad de Basilea, 2011.
15. *Grice, H P.* «Logic and Conversation». En Peter Cole y Jerry L. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics Volume 3: speech Acts*. Nueva York: Academic Press, 1975.
16. Millennials argentinos: el Top 10 de las palabras más usadas por ellos. *Parati*. Modo de acceso: <https://www.infobae.com/parati/news/2019/03/29/millennials-argentinos-el-top-10-de-las-palabras-mas-usadas-por-ellos/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
17. *Juan Ruiz Zambrana*. La situación actual de la lengua española en el mundo. El impacto de las redes sociales en el lenguaje. Universidad de Málaga. CCCSS. Septiembre 2009.
18. El español, una lengua en constante evolución. *Diario El Heraldo*. Modo de acceso: <https://www.elheraldo.hn/vida/701461-220/el-espa%C3%B1ol-una-lengua-en-constante-evoluci%C3%B3n> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
19. El impacto de las redes sociales en el lenguaje. *Infobae*. Modo de acceso: <https://www.infobae.com/tendencias/2016/07/03/como-las-redes-sociales-impactan-en-el-lenguaje/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
20. Cambios al idioma Español. *Profelandia*. Modo de acceso: <https://profelandia.com/cambios-al-idioma-espanol/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
21. Noticias sobre Lengua. *El País*. Modo de acceso: <https://elpais.com/tag/lengua/a> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
22. Los nuevos lenguajes de los jóvenes afectan la transformación del español. *Fundéu BBVA*. Modo de acceso: <https://www.fundeu.es/noticia/los-nuevos-lenguajes-de-los-jovenes-afectan-la-transformacion-del-espanol-5911/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
23. *Tamara Guillemot*. Evolución, desarrollo o mutación en el español. *Razón y Palabra*. Modo de acceso: <http://www.razonypalabra.org.mx/anteriores/n32/tguillemot.html> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
24. Últimos cambios en el idioma español. *Taringa*. Modo de acceso: https://www.taringa.net/+apuntes_y_monografias/ultimos-cambios-en-el-idioma-espanol_13rc0e (La fecha de apelación: 20-05-2019).

25. *Mónica Quintero Restrepo*. El español y el cambio lingüístico. El Castellano. Modo de acceso: <http://www.elcastellano.org/news/el-espaa%C3%B1ol-y-el-cambio-ling%C3%BC%C3%ADstico> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
26. *Isabel Gretel María Eres Fernández, Paulo Augusto Almeida Seemann*. Un estudio sobre los cambios lingüísticos del español escrito en las charlas informales por internet. *Trabalhos em Linguística Aplicada*, vol.48 no.1 Campinas Jan./June 2009.
27. *Sofía Benavides*. ¿Es machista el idioma español?: el debate sobre arrobas, equis y términos sexistas. Infobae. Modo de acceso: <https://www.infobae.com/america/cultura-america/2018/01/27/es-machista-el-idioma-espanol-el-debate-sobre-arrobas-equis-y-terminos-sexistas/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
28. *Karina Galperín*. El idioma es también un reflejo de los cambios sociales. *La Nación*. Modo de acceso: <https://www.lanacion.com.ar/opinion/el-idioma-es-tambien-un-reflejo-de-los-cambios-sociales-nid2148044> (La fecha de apelación: 20-05-2019).
29. El lenguaje inclusivo: ¿sólo una moda o una necesidad? *Clarín Vivo*. Modo de acceso: https://www.clarin.com/viva/lenguaje-inclusivo-solo-moda-necesidad_0_KKh-SDBnE.html (La fecha de apelación: 20-05-2019).
30. *Marcelo Pasetti*. Para el director de la RAE, el lenguaje inclusivo “es una solución precipitada” y llamada a tener “poco recorrido”. *La Capital*. Modo de acceso: <https://www.lacapitalmdp.com/ppara-el-director-de-la-rae-el-lenguaje-inclusivo-es-una-solucion-precipitada-y-llamada-a-tener-poco-recorrido/> (La fecha de apelación: 20-05-2019).

References

1. Mearsheimer, John J. (2013). *Why Leaders Lie: The Truth About Lying in international Politics*. Oxford University Press.
2. Villanueva, Darío. *Right now Spanish is the second language in the world*. URL: <https://www.elcorreogallego.es/tendencia/el-correo2/ecg/ahora-mismo-espanol-es-segunda-lengua-mundo/idEdicion-2018-09-30/idNoticia-1139731> (accessed: 20-05-2019).
3. The world without politicians who lie is impossible. *ACV The confidential*. URL: https://www.elconfidencial.com/alma-corazon-vida/2012-04-03/un-mundo-sin-politicos-que-mientan-es-imposible_522301/ (accessed: 20-05-2019).
4. Seven euphemisms that gave birth to the crisis. *The country*. URL: https://elpais.com/elpais/2013/12/31/masterdeperiodismo/1386789937_226264.html (accessed: 20-05-2019).
5. The euphemisms of current Chile. *The citizen*. Access mode: <https://www.elciudadano.com/politica/los-eufemismos-del-chile-actual/11/28/> (accessed: 20-05-2019).
6. Youth jargon. *Worldwide network of Hispanics*. URL: <http://redhispanistas.es/es/actualidad/blogs/virgulillas-por-el-mundo/505-la-jerga-juvenil> (accessed: 20-05-2019).
7. Examples of juvenile jargon. *Your examples* URL: <https://tusejemples.com/examples-of-jerga-juvenil/> (accessed: 20-05-2019).
8. What does “skere” mean, the buzzword among teenagers. *Clarion*. URL: https://www.clarin.com/sociedad/significa-skere-palabra-moda-adolescentes_0_z_bKQwVki.html (accessed: 20-05-2019).
9. What does ATR mean? *The nation*. URL: <https://www.lanacion.com.ar/lifestyle/que-significa-atr-nid2215737> (accessed: 20-05-2019).
10. The new jargon imposed by social networks. *Pymex* URL: <https://pymex.com/tecnologia/internet/las-nuevas-jergas-que-imponen-las-redes-sociales/> (accessed: 20-05-2019).
11. Rosado, Juan A. *Linguistic discrimination*. URL: <http://www.siempre.mx/2018/10/discriminacion-linguistica/> (accessed: 20-05-2019).
12. David, Crystal. *Internet and language changes*. *OpenMind* URL: <https://www.bbvaopenmind.com/articulos/internet-y-los-cambios-en-el-lenguaje/> (accessed: 20-05-2019).
13. The impact of social networks on language. *Infobae* URL: <https://www.infobae.com/tendencia/2016/07/03/como-las-redes-sociales-impactan-en-el-lenguaje/> (accessed: 20-05-2019).
14. Dürscheid, C. & Jucker, A. (2011). “Text as utterance: communication in the electronic media”. Presented at the symposium “Language as a social and cultural practice: advances in linguistics”. Basel: University of Basel.

15. Grice, H.P. (1975). "Logic and Conversation". In *Syntax and Semantics Volume 3: speech Acts*, Peter Cole and Jerry L. Morgan (eds.). New York: Academic Press.
16. Argentine Millennials: the Top 10 of the most used words by them. For you. URL: <https://www.infobae.com/parati/news/2019/03/29/millennials-argentinos-el-top-10-de-las-palabras-mas-usadas-por-ellos/> (accessed: 20-05-2019).
17. Juan, Ruiz Zambrana. *The current situation of the Spanish language in the world*. The impact of social networks on language. Malaga University. CCCSS September 2009.
18. Spanish, a language in constant evolution. El Heraldo newspaper. URL: <https://www.elheraldo.hn/vida/701461-220/el-espa%C3%B1ol-una-lengua-en-constante-evoluci%C3%B3n> (accessed: 20-05-2019).
19. The impact of social networks on language. Infobae URL: <https://www.infobae.com/tendencia/2016/07/03/como-las-redes-sociales-impactan-en-el-lenguaje/> (accessed: 20-05-2019).
20. Changes to the Spanish language. Profelandia URL: <https://profelandia.com/cambios-al-idioma-espanol/> (accessed: 20-05-2019).
21. News about Language. The country. URL: <https://elpais.com/tag/lengua/a> (accessed: 20-05-2019).
22. The new languages of young people affect the transformation of Spanish. Fundéu BBVA. URL: <https://www.fundeu.es/noticia/los-nuevos-lenguajes-de-los-jovenes-afectan-la-transformacion-del-espanol-5911/> (accessed: 20-05-2019).
23. Tamara, Guillemot. *Evolution, development or mutation in Spanish. Reason and Word*. URL: <http://www.razonypalabra.org.mx/anteriores/n32/tguillemot.html> (accessed: 20-05-2019).
24. Latest changes in the Spanish language. Taringa URL: https://www.taringa.net/+apuntes_y_monografias/ultimos-cambios-en-el-idioma-espanol_13rc0e (accessed: 20-05-2019).
25. Monica, Quintero Restrepo. *Spanish and linguistic change*. The Castilian. URL: <http://www.elcastellano.org/news/el-espa%C3%B1ol-y-el-cambio-ling%C3%BC%C3%ADstico> (accessed: 20-05-2019).
26. Isabel Gretel María Eres Fernández & Paulo Augusto Almeida Seemann (2009). A study on the linguistic changes of Spanish written in informal online talks, *Trabalhos in Applied Linguistics*, 48(1), Campinas Jan./June 2009.
27. Sofia Benavides. *Is the Spanish language macho?: the debate about arrobas, x and sexist terms*. Infobae URL: <https://www.infobae.com/america/cultura-america/2018/01/27/es-machista-el-idioma-espanol-el-debate-sobre-arrobas-equis-y-terminos-sexists/> (accessed: 20-05-2019).
28. Karina Galperín. *The language is also a reflection of social changes*. The nation. URL: <https://www.lanacion.com.ar/opinion/el-idioma-es-tambien-un-reflejo-de-los-cambios-sociales-nid2148044> (accessed: 20-05-2019).
29. Inclusive language: just a fad or a necessity? Clarín Live. URL: https://www.clarin.com/viva/lenguaje-inclusivo-solo-moda-necesidad_0_KKh-SDBnE.html (accessed: 20-05-2019).
30. Marcelo Pasetti. *For the director of the SAR, the inclusive language "is a hasty solution" and called to have "little travel"*. The capital. URL: <https://www.lacapitalmdp.com/ppara-el-director-de-la-rae-el-lenguaje-inclusivo-es-una-solucion-precipitada-y-llamada-a-tener-poco-tour/> (accessed: 20-05-2019).

Información del autor:

Guido Tejerina, catedra de idiomas extranjeros de la facultad de filología de la Universidad de Rusia de la Amistad de los Pueblos; e-mail: tejerina@yandex.ru.

Information about the author:

Guido Tejerina, faculty of Philology Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: tejerina@yandex.ru

Семантика и поэтика художественного текста Literary Text Semantics and Poetics

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1048-1066
УДК 811.161.1:316.7

Научная статья / Research article

Сообщение литературных доменов в поликультурном тексте

В.П. Сinyaкин¹, У.М. Бахтикиреева², О.А. Валикова³

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

¹sinyachkin-vp@rudn.ru; ²bakhtikireeva-um@rudn.ru;

³valikova-o@rudn.ru

Авторы статьи рассматривают семиотические системы разного уровня организованности как базы данных — домены, которые на протяжении времени накапливают численность ретранслируемых единиц и сообщаются друг с другом, порождая новые вместилища культурной информации. Если исследовать русскую литературу как домен, выяснится, что она содержит константное ядро в виде ключевых тем, мотивов, разработанной персониферы. Эти ресурсы используются инокультурными (не русскими по происхождению) авторами для создания художественных текстов, в которых усвоенные художественные элементы культурно трансформированы, в результате чего происходит контаминация нескольких культурных слоев в пределах художественного целого. Механизмом сообщения между доменами можно назвать диалог (в широком смысле), а его разновидностями — интертекстуальную переключку, аллюзии, модификацию прецедентных феноменов. На материале романного цикла А. Жаксылыкова «Сны океанных» авторы исследуют *пропозитивные совпадения* как тип аллюзий и иллюстрируют их с помощью компаративного анализа и герменевтического комментария. Результаты: обнаружены пропозитивные совпадения с текстами А.С. Пушкина, О.Э. Мандельштама, Ф.К. Сологуба и др. Проанализированы трансформации интекстовых фрагментов. Сделаны выводы об интертекстуальной аккультурации (С.А. Кибальник).

Ключевые слова: домен, русскоязычная литература, аллюзия, интертекст

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.10.2019

Для цитирования:

Сinyaкин В.П., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Сообщение литературных доменов в поликультурном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 1048—1066. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1048-1066

© Сinyaкин В.П., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1:316.7

Literary Domains' Connection in a Policultural Text

V.P. Sinyachkin¹, U.M. Bakhtikireeva², O.A. Valikova³

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
¹sinyachkin-vp@rudn.ru; ²bakhtikireeva-um@rudn.ru;
³valikova-o@rudn.ru

The authors of the article consider semiotic systems of different levels of organization as databases — domains that accumulate the number of relay units over time and communicate with each other, generating new containers of cultural information. If we study Russian literature as a domain, it turns out that it contains a constant core in the form of key themes, motifs, developed persona sphere. These resources are used by non-Russian by origin authors to create literary texts in which the acquired artistic elements are culturally transformed, resulting in the contamination of several cultural layers within the artistic whole. The mechanism of communication between domains can be called a dialogue (in the broad sense), and its varieties — intertextual roll-call, allusions, modification of case phenomena.

Based on the material of A. Zhaksylykov's novel "Dreams of the Damned", the authors investigate proposition coincidences as a type of allusions and illustrate them using comparative analysis and hermeneutic commentary. *Results*: there are found proposition coincidences with the texts of A.S. Pushkin, O.E. Mandelstam, F. Sologub and others. The transformations of the text fragments are analyzed. Conclusions are drawn about intertextual acculturation (S.A. Kibalnik).

Key words: domain, Russian-language literature, allusion, intertext

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.10.2019

For citation:

Sinyachkin, V.P., Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2019). Literary Domains' connection in a Policultural Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1048—1066. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1048-1066

Введение

Согласно концепции Михая Чиксентмихайи культура есть совокупность доменов, вмещающих в себя символическое знание, которым владеют представители того или иного сообщества [1. С. 34]. Домен включает набор символических правил и процедур; он подвержен изменениям со стороны «поля» — людей, чье творчество и экспертная оценка способны трансформировать заложенные в домене коды.

«Передаваемое посредством символов знание внетелесно; оно не закодировано в химическом составе хромосом, но нуждается в целенаправленной передаче и усвоении» [1. С. 45]. Знание, транслируемое посредством символов, образует отдельные домены, такие как литература, музыка, религия и т.д. Каждый домен имеет собственную систему символов и развивается по определенным правилам, выходящим за рамки программы, заложенной в гены человечества биологической эволюцией. «Усваивая правила домена, индивид выходит за предопределенные биологией пределы и вступает в пространство культурной эволюции» [1. С. 46].

Домен — это систематизированная база данных, область информации с идентификационным кодом (именем, или названием); это метаданные, включающие множество всех допустимых значений элементов, входящих в домен. Системы, выстроенные вокруг языка, относятся к древнейшим символическим системам мира. Из всех культурных доменов самым доступным является литература. Будучи одним из видов искусства, она «вбирает» такие его свойства, как подражательность (теория «подражания подражанию», выдвинутая Платоном, и последующая за ней теория мимезиса Аристотеля), символичность, игровая природа как универсальный принцип культуры.

Любое произведение искусства, в частности, литературы, является двусторонним знаком, обладающим планом выражения и планом содержания. Его родовой чертой выступает образность; художественный образ, в свою очередь, создается автором как «эмпирический репрезентант», который, с одной стороны, уникален, а с другой — типичен, так как содержит в себе обобщение свойств описываемого (создаваемого) объекта. Образу присущи цельность и одновременность восприятия, следовательно, образное мышление недискретно.

Литературное произведение — составляющая литературного домена, его «юнит». Совокупность подобных юнитов образуют «метабазу» домена, которая поддерживается «полем» — писателями, создающими художественные тексты, адресатами и экспертами, мнение которых определяет, войдет ли конкретное произведение в домен и станет ли впоследствии его частью.

Литературный домен «порождает» персоносферу — систему персоналий, присутствующих в активной памяти носителей лингвокультуры (таких, как Печорин, Рудин, Анна Каренина и другие). Таким образом, домен непосредственно влияет на саму когнитивную базу определенного языкового сообщества и, шире, на его ментальное пространство.

Под когнитивной базой мы понимаем «определенным образом структурированную совокупность необходимо обязательных знаний и представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» [2. С. 45]. При этом важно подчеркнуть, что персоносфера является одновременно этноспецифической и транснациональной (воплощенной в «мировых» именах культуры: Гамлет, Дон Кихот, Тартюф и др.).

Юниты литературного домена, или художественные тексты, наличествуют в нем в соответствии с конкретными правилами. Каждое произведение имеет форму и содержание; может быть интерпретировано; создает неповторимый художественный «мир» со своим хронотопом, системой персонажей, конфликтом; «осуществляется» посредством языка художественной литературы, включающего использование различных стилей, тропов, фигур и амплификаций. Оно всегда имеет архитектонику (внешнюю композицию), фабулу, сюжет; включено в литературный процесс (т.е. соотнесено с определенными направлениями и течениями, а также литературным родом); подчинено закону преемственности и «открытости» на уровне глобальной семиосферы. Таким образом, литература — особый домен, составляющий культурное пространство человечества. Это утверждение справедливо и по отношению к «этноспецифическим» литературам — русской и казахской.

Русская литература — особый домен русской культуры, которую Ф.М. Достоевский определил как «всемирно отзывчивую». «Классическая национальная литература, как и национальный язык, — это одновременно и зеркало, и орудие культуры, так как она и отражает, и активно формирует национальный характер и национальную идентичность, тем самым представляя свой народ в диалоге культур» [3].

Социолог и культуролог В.Ф. Чеснокова провела масштабное исследование русского национального характера, на основе которого выделила некоторые его доминанты. Многие из них отражены в персонифицированной русской литературе.

1. Терпение, самоограничение, готовность принести себя в жертву во имя общего блага — «без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения» [4. С. 127]. Одним из воплощений данного качества в литературе является Татьяна из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Преодолевая традицию романтизма с ее акцентом на чувствах, глубоких личных переживаниях и их приоритете над долгом, автор создает героиню совершенно нового типа, способную на самопожертвование (в личностном аспекте) и исполнение долга — человеческого и социального.

2. Инерционность собственных установок (таков, например, Чацкий в «Горе от ума» А.С. Грибоедова).

3. Эмоциональная безудержность («Коль рубить, так без рассудку, / Коль грозить, так не на шутку, / Коль ругнуть, так сгоряча, / Коль рубнуть, так уж сплеча»).

4. Смиренность, основанная на религиозности и культуре «сквозь призму жизненного опыта» (герои Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.).

5. Идея общего блага («ОБЩЕЕ БЛАГО» — культурный архетип, который «транслируется» в литературе из одного направления в другое. На разных уровнях он раскрывается в произведениях всех писателей Золотого века; в творчестве модернистов претерпевает идейные трансформации (в жанре антиутопии и пр.); частично или полностью деструктурируется в текстах постмодернизма).

6. «Установка на социальное отклонение, подразумевающая готовность человека нарушить общепринятые нормативы... не веря в их ценность, не ощущая их непреложной необходимости» [4. С. 213]. К субъектным воплощениям этой доминанты можно отнести Печорина из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, Анну Каренину из одноименного романа Л.Н. Толстого и др.

7. Правдоискательство («Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Очарованный странник» Н.С. Лескова и т.д.).

8. Соборность («Война и мир» Л. Толстого, «Соборяне» Н. Лескова).

9. Бескорыстность.

10. Стремление решать жизненно важные вопросы не по закону, «а по человечеству и по совести» (Митя из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, Ахилла из «Соборян» Н.С. Лескова).

Своеобразие русской культуры исследователи связывают с рядом факторов. Так, Россия находится «на стыке двух великих цивилизаций Востока и Запада, является и мостом, и барьером» [5. С. 93]; располагает огромной территорией с разными климатическими поясами, поэтому «пейзаж русской души соответ-

ует пейзажу русской земли» (Н.А. Бердяев); сформировалась на основе славянских и неславянских племен; до сих пор является «страной двоеверия».

Домен русской литературы специфичен по своему жанровому наполнению. Представленные в нем жанровые формы практически всегда изоморфны историческому содержанию эпохи, в которой они функционируют. Исключения составляют «экзерсисы» постмодернизма, в русле которого границы жанра как классификационного индикатора литературы размываются.

Так, с Крещением Руси в 988 году и началом формирования русского литературного языка связано возникновение таких жанров, как житие, хождение, видение, Слово, летопись; появляются грамоты, кодексы, бояны (зафиксированные в письме сказания), повести, сказания и «цветники» (сборники текстов, объединенных тематически). Некоторые из указанных форм имеют фольклорный генезис, их изначальное бытование в языке было устным (таковы бояны, сказания и др.).

К 18 веку большинство из них перестают использоваться в литературном узусе, сохранившись только в церковной сфере. Отметим, что некоторые памятники («Житие протопопа Аввакума») оказали сильнейшее влияние на семантико-стилистическую структуру русского литературного языка путем десакрализации смыслов слова в границах смыслообразующего контекста и способствовали началу длительной языковой реформы, которая была завершена А.С. Пушкиным.

К эпохе Просвещения с ее канонами классицизма жанровая система русской литературы существенно обновляется. Историческая связь русской культуры с культурой Европы способствует принятию основных принципов классицизма и соответствующих этому направлению жанровых воплощений (трагедии, оды и т.д.). Впоследствии литературный диалог с Европой существеннейшим образом влияет на «облик» национальной художественной словесности (тенденции сентиментализма, романтизма, реализма; огромное воздействие на русскую литературу немецкой философии и европейского модернизма, а в дальнейшем и постмодернизма). Указанные факты подтверждают, что литературный домен — открытая, постоянно пополняемая новыми элементами система. Однако ключевые идеи оказываются в литературе не столько «принимаемыми» (т.е. заимствованными), сколько «воспринимаемыми» (т.е. освоенными и трансформированными в соответствии с национальной картиной мира, системой ценностей, шире — менталитетом).

Особенности «вертикального контекста» (определение дано И.В. Гюббенет; в соответствии с ним вертикальный контекст — это весь социальный уклад, все понятия, представления, воззрения социального строя, знание которых необходимо для того, чтобы произведения данного автора или направления были восприняты адресатами разных стран и эпох [6. С. 39]) сформировали в русской литературе сугубо аутентичные темы и концепции.

Так, веяние европейского романтизма «накладывается» на социальные (революционные) настроения «поэтов Сенатской площади». Разрыв между дворянством и крепостничеством (а этот исторический фактор уникален) осмысливается в творчестве выдающихся писателей (И. Тургенева, Н. Чернышевского, Л. Толстого,

писателей-шестидесятников и др.) и способствует глобальному переосмыслению таких понятий, как «СВОБОДА», «СПРАВЕДЛИВОСТЬ», «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ».

В рамках «натуральной» школы нарастает первая волна народнической литературы (вторая, известная как «неонародничество, происходит уже в 20 веке). Золотой период русской литературы «ознаменован» и тем, что теперь она не только «перенимает» элементы мировой культурной традиции, но и «порождает» их (творчество А. Пушкина, искания Л. Толстого и его «диалектика души», грандиозные по масштабности и эстетической и нравственной силе произведения Ф. Достоевского, «новый театр» А. Чехова).

Уникален и тот период, который Н. Оцуп назвал «Серебряным веком». Опыты модернизма, пришедшие в русскую литературу из Европы вместе с декадентством, нищезанятием (и всей философией жизни) и общим революционным настроением, трансформируются в Искания высшей миссии России в глобальном человеческом пространстве. Этому предшествуют идеи «новой религиозности» в трудах таких философов, как Н. Бердяев и П. Флоренский, В. Соловьев и В. Розанов. Получает развитие идея «евразийства», предполагающая соединение «индивидуализма» Запада и коллективизма Востока, цивилизованности Европы и духовности Азии. «При этом евразийство знаменует принцип равноценности всех культур и народов земного шара» [7. С. 62].

С приходом Революции и советской власти русская литература, оставаясь «генетически единой», навсегда «изменяет свой облик» и порождает уникальные в мировой культуре феномены. Таковы литература «русского зарубежья» и «революционная литература», лагерная проза и произведения, посвященные Великой Отечественной войне, «возвращенная литература» и самиздат, опыты концептуализма, текстуально «построенные» как сатира на советскую действительность, «другая проза» новейшего времени. И все это в «сплаве менталитетов и культур», объединенных общностью русского языка.

Таким образом, домен русской литературы — сложнейшая база данных, претерпевшая за свою историю многочисленные изменения и сформировавшая «культурный слой» национальной языковой картины мира.

Как мы упоминали выше, литературный домен — открытая система, которая пополняется новыми «данными» (художественными текстами, созданными креативной личностью писателя), в то время как «устаревшие» элементы отправляются на периферию (до того, как они будут вновь «востребованы»). Этот процесс напрямую зависит от поля, в котором существует данный домен, то есть от воспринимающего сознания адресатов.

Текст востребован тогда, когда велика сила его воздействия на общество. Так, к середине 19 века «пушкинский стих» начинает восприниматься как «прекрасный, но мертвый и выученный наизусть язык» [8. С. 351], потому что снижается социальный статус среднестатистического читателя России того времени. В условиях измененных параметров «поля» актуальным становится творчество другого поэта — Н. Некрасова, которое построено «на соединении поэтических штампов с прозаизмами» [9. С. 6]. Отход от художественной нормы и ориента-

ция на «поле» не только «ошеломили» современников писателя, но и позволили его творчеству стать неотъемлемой частью домена русской литературы. Только в XX веке были поняты и осознаны гениальные поэтические предчувствия и пророчества Ф. Тютчева [10. С. 15].

Таким образом, креативная личность (писатель) посредством своего творчества формирует литературный домен, видоизменяет и обновляет его. Однако это двунаправленный процесс, так как уже существующий домен (например, русская литература) «создает» писателя. Этому способствуют механизмы литературной преемственности (традиции) и интертекстуальности, то есть то свойство литературы, которое исследователи обозначают как диалогичность в широком смысле.

Создавая художественный текст, автор (в зависимости от степени его «включенности» в домен) намеренно или бессознательно использует весь накопленный опыт литературы в качестве ресурсной базы. Писатель не просто «мыслит образами»; он мыслит образами и мотивами, свойственными литературной традиции, то есть присутствующими в литературном домене его культуры (образы «маленького» и «лишнего» человека, мотив странничества, преступления и наказания и пр.). Доменные коды могут быть интерпретированы писателем, обыграны им, адаптированы к творческим целям и задачам, трансформированы либо отвергнуты ради создания принципиально новых кодов. Однако безусловная «новизна» кода — исторически нечастотное для любого домена явление.

Итак, писатель является одновременно создателем домена и его продуктом. Описанный нами процесс можно представить в виде трехчастной модели, которую М. Чиксентмихайи применил к пониманию феномена креативности: **КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ (писатель) — ДОМЕН КУЛЬТУРЫ (литература) — ПОЛЕ (адресаты и эксперты).**

Открытость домена литературы (в том числе и русской) подразумевает постоянный «обмен данными» с другими доменами. Так, идет непрерывное взаимодействие между этноспецифическими литературными доменами («диалог» русской и немецкой, русской и казахской, русской и французской и др. литератур); между доменами разных типов (литература и живопись, литература и кинематограф, литература и музыка и т.д.).

Иногда в результате подобного взаимодействия формируются новые домены. Так, русский язык и русская литература, функционирующие в условиях грандиозной «этнической мозаики» на территории бывшего Советского Союза, дали импульс к образованию специфического явления — так называемой «русскоязычной литературы». Уникальность этого феномена в том, что русский (по форме языкового воплощения) текст создается иноязычным (т.е. не-русским) писателем и, соответственно, наполняется особым содержанием. Неудивительно, что центры креативности возникали на стыке различных культур, там, где разные менталитеты пересекались, а воспринимающему сознанию писателя было проще «увидеть» новые комбинации идей.

Русскоязычный писатель — неоднозначное в филологической науке понятие. С одной стороны, это продукт историко-культурной универсальности; с другой — важный элемент в структуре своей культуры, способствующий «расширению»

ее рамок, выходу за пределы литературного моноязычия к явлению мирового значения (через русский язык).

Русский язык стал одной из форм выражения бытия других национальных литератур; русская литература — своеобразной «ресурсной базой», или доменом, позволяющим писателям-билингвам «черпать» многовековой художественный опыт на уровне тем, мотивов, философских концепций и пр. и «осваивать» его через особенности своей этнокультуры и ментальности. Итак, мы можем говорить о существовании особого домена — русскоязычной литературы, к представителям которого мы относим Аслана Жаксылыкова.

Теория доменов позволяет четко дифференцировать параметры такого явления, как литература, и изучать «механизмы диалогичности», посредством которых различные культурные феномены видоизменяются, обновляются и даже формируются. Так, русская литература — домен, развивающийся по собственной исторической логике, правилам, культурной траектории; домен, накопивший огромный эмпирический материал и общающийся с целой сетью других доменов, в результате чего появляются новые «базы данных», а следовательно, изменяется культурный облик человечества [11. С. 271—275]. Рассмотрим проблему пропозитивных совпадений на материале романного цикла А. Жаксылыкова «Сны окаянных».

ОБСУЖДЕНИЕ

Пропозитивные совпадения: А.С. Пушкин, Ф.К. Сологуб, В.Я. Брюсов, О.Э. Мандельштам

Главный герой романов, Журналист, «инфицирован» городским образом жизни. Он существует «на ходу», считая, что «жизнь есть движение» — однако ощущает ее «тихим кошмаром» [12. С. 201]. Любимая женщина покидает его ради стабильности с Человеком-Бегемотом. Столкнувшись с запустением и необжитостью собственного дома после очередной командировки, Журналист приходит к выводу, что его существование бессмысленно, так как не имеет своего продолжения в детях:

Дети. У тебя никогда не было собственных детей. Ты жил, свободный от тяжелого отцовского инстинкта, или годы, ведя подсчет седым волосам на твоих висках. Она так хотела иметь детей. Это была ее заветная мечта. Ты отмахивался, посмеивался, дескать, с этим делом всегда можно успеть. А потом она просто ушла. Ты остался один. У тебя были все преимущества свободной жизни. Около года ты вкушал прелести холостяцкой жизни, сделался завсегдатаем ночных клубов, пристрастился к дорогим выпивкам, мотался по странам. Так было до тех пор, пока однажды с ощущением пустоты такого существования тебя не прижала к стене черная тоска <...>

Вкусив сполна депрессии, ты впервые в жизни позавидовал многодетным семьям. Их трудная, полная забот и беспокойств жизнь имела смысл — она была посвящена детям [12. С. 201].

Так Жаксылыков продолжает развитие магистральной для цикла темы детства, мотивно «подпитывающейся» от художественного поля Андрея Платонова.

Образ Журналиста генетически восходит к еще одной «детской» основе — мандельштамовскому коду, реализующему семантический комплекс «детскости» не только на уровне содержательных компонентов «невинность», «чистота» и пр., но и «уязвимость», «беззащитность».

В стихотворениях Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу», «Фаэтонщик» и др. «возникает мир, в котором все страшно, как во сне. В обстановке террора, бесправия, неблагополучия и неустойчивости, когда „и воздух пахнет смертью“, человек чувствует себя по-детски беспомощным, и мир страшных снов и детских страхов становится адекватной моделью его самоощущения» [13. С. 161].

Беспомощным, по-детски слабым чувствует себя Журналист, памятью возвращаясь в прошлое, когда дедушка идет совершить «последнее убийство» маленького беззащитного ослика.

Ты просто орал во все горло, заливался плачем, бежал за дедом, хватал его за руки и умолял отпустить ослика. Дед был непреклонен. <...>

Небывалый указ никого в аулах и кишлаках не удивил, ибо за последние полвека люди привыкли и не к таким революционным новшествам. <...> Таким образом, указ грозил существованию древнего восточного сословия. Над долинами Азии стоял детский крик и плач, оглашенный ослиным ревом [12. С.103].

Ребенок бессилен перед грандиозной «машиной государства»; он не может понять, чем провинился «ослик, одинокий, обиженный». Данная пропозиция «последнего убийства» закладывает фундамент будущего противостояния Журналиста и Государства. Примечательно, что в цикле замыкается библейский «круг» начала человеческого времени и его конца (Последнего срока).

Так, все герои романного континуума названы *окаянными* («проклятыми»); в структуре адъектива заложено ядро имени собственного — *Каина*, первого человека дохристианской истории, совершившего убийство. И если убийство человека (брата) принято трактовать как «первый смертный грех» (т.к. вкушение плодов Древа Познания, после которого мир обрел дуальность, то есть познаваемость в системе онтологических оппозиций добра и зла, жизни и смерти и пр., есть грех первородный, но осуществленный во «внечеловеческом» измерении), то убийство кроткого и покорного существа (животного) есть *грех последний*. «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Таким образом, мотив Апокалипсиса, неразрывно связанный с темой детства, проходит смыслообразующей нитью сквозь все три романа, частично воплощаясь в тематически-сюжетном *плане антиутопии*.

Одна из характерных особенностей прозы Жаксылыкова — ее обращенность к интертекстуальным феноменам высшего порядка, таким, как глобальная пропозиция; за счет введения прецедентных ситуаций макромасштаба происходит экспликация денотативного пространства создаваемого текста.

Художественный мир всегда «ситуационно организован»: «В основу замысла кладется определенная свернутая модель ситуации, полученная в предшествующей познавательной деятельности. Такая свернутая модель определяет главный предмет сообщения... Но она берется не в своем готовом виде, а переконструируется в соответствии с коммуникативной задачей» [14. С. 107].

Денотативное пространство текста — это художественная реализация индивидуально-авторских знаний о мире, представленная как отображение некоей глобальной пропозиции, состоящей, в свою очередь, из макро- и микроситуаций. Их совокупность призвана раскрыть главную идею текста.

Глобальная ситуация, как правило, сигнализируется: в свернутом виде она семантически концентрирована в заглавии, поддерживается эпиграфом и пр. Кроме того, она воплощена в определенной последовательности макроситуаций, каждая из которых привносит в ее интерпретацию дополнительный набор смыслов.

Одной из глобальных пропозиций романов «Сны окаянных» и «Другой Океан» можно назвать тему «ДЕТСТВО» — несмотря на ее выход за рамки собственно «ситуации». Названный концепт предполагает наличие сложной системы ситуаций, хронологически охватывающей жизнь индивида с момента его рождения до вступления в период социальной зрелости. Глобальная пропозиция «ДЕТСТВО» развивается у Жаксылыкова в двух направлениях, одно из которых затрагивает биологически-конкретный возраст (дети-отказники), а второе развивает идею о «вечном возвращении» к изначальной невинности. В данном случае «ДЕТСТВО» становится идиллическим топосом в «одиссее духа».

Так, Журналист, затерявшийся в степи, неслучайно вспоминает собственное детство. Более того, он начинает «детские книги читать» (записи Малыша-Утенка), «детские думы лелеять» («Как там Недоросли?», «Каково им было выживать в этой войне?»), отстраняется от суетливой городской жизни, сделавшей его «невыразимо печальным», *перерождается*. В последовательности вышеперечисленных действий и признаков происходит читательская реконструкция неатрибутированной *пропозитивной аллюзии*:

*Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.*

*Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю,
Оттого, что иной не видал.*

*Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.*

Стихотворение, вошедшее в первый мандельштамовский сборник — «Камень» — продолжает тему первоощущения Человека в мире (предшествующие ему стихи о *звуке плода, сорвавшегося с дерева*, т.е. о *несовершенном грехе*, о *сусальном золоте* рождественских игрушек, закладывают идею о детском утраченном рае).

Произведение построено на антитезе, семантически градуированной до уровня онтологического противопоставления: детское вступает в оппозицию «боль-

шому», «взрослому»; лирический субъект стремится оградить себя от враждебного «взрослого» пространства (поэтому появление маркера с ограничительной семантикой — местоимения «только» — очень закономерно). Именно «большое» связано с глубокой печалью, смертельной усталостью от жизни, неспособностью к ее продолжению, а потому его нужно «далеко развеять» (мотив забвения, «смерти воспоминаний», т.к. развеивают по ветру *прах*).

С прахом («пеплом») фразеологически связан и предикат «восстать» (см. «восстать из пепла», «восстать из праха»). Таким образом, возвращение к детскому мироощущению — единственная возможность перерождения из нынешнего состояния *глубокой печали*. *Восстать из печали* (атрибутированной эпитетом «глубокой») — конструкция, равнозначная ФС «восстать из могилы» («могила» имеет «глубину»; более того, «восстать из могилы», «восстать из мертвых» — паремиологически узуальные употребления рассматриваемого глагола). Итак, возвращение к «детскости» приравнено к перерождению.

По мнению Д. Сегала, знаменательна третья строфа стихотворения, в которой мотив «качания» (амплитудного движения «туда и обратно») синтезирует действительность, в которой можно одновременно пребывать в начале и в конце: «Это память, тот особый мир вечного прошлого, вечного настоящего и вечного будущего, в котором история сплавляется с процессом формирования личного, индивидуального облика [15. С. 461]. Слияние начал и концов, по исследователю, мотивировано наличием «туманного бреда».

В стихотворении звучит голос еще одного поэта Серебряного века — Ф.К. Сологуба с его «Чертовыми качелями» (на уровне прецедентных участков текста Мандельштамом использованы не только «качели», но и «темные ели», и «бедная земля»). Однако, как отмечает Д. Сегал, сологубовский мир, в отличие от мандельштамовского, предстает враждебной и губительной для человека стихией без возможности спасения; в нем действует «злая воля» — «Чорт». В поэтическом мире Мандельштама «злая воля» закреплена за «большим», «взрослым»; именно поэтому «детство» становится для лирического героя спасительной гаванью. Более того, он «любит свою бедную землю», потому что «иной не видал», — в этом утверждении заложена и антисимволистская направленность стихотворения, развенчивающая утопичную идею о существовании «иного» (идеального) мира.

Таким образом, Жаксылыков, поэтапно восстанавливающий мандельштамовскую пропозицию, задействует и сам поэтический код стихотворения: спасение Журналиста, «обескровленного» «большим миром», Автор видит в возвращении к внутреннему ребенку, к душевной «детскости», а, значит, к сотворению в себе до-греховного душевного универсума.

Наше наблюдение подкреплено и другими опорными точками текста: помимо сологубовского «Чорта» в цикле Жаксылыкова (а именно — в городском топосе) появляется еще одно «бесовское» существо — Недотыкомка. По Ф.К. Сологубу, Мелкий бес — это злобный демон, рассыпавшийся по всей стране, побуждающий человека надеть inferнальную маску самоотречения.

«Недотыкомка» как коллективное, следовательно, множественное «образование» существует в обезличенной (утратившей собственную индивидуальность, т.е. саму душу) «толпе». Неслучайно Ф.К. Сологуб пишет, что «в толпе разнудан зверь», «толпа только разрушает».

«Толпа», «чернь», «Недотыкомка» — семантические корреляты Города (Содома и Бедлама), который в художественном мире Жаксылыкова предстает inferнальным пространством, где на смену лицам приходят Маски. Неслучайно людей в тексте заменяют образы-аллегии анималистического мира: люди-медведи (рыси, барсуки, кошки, лисы и пр.). Таким образом, ошутимее и страшнее становится «царство зверя», в котором Человек практически исчезает.

Город сравнивается Жаксылыковым с «людоедским муравейником» (вновь актуализированный мотив пожирания, т.е. уничтожения, человеческого), громадным чудовищем, и в этом отношении воспроизводит образ символистского города-спрута и города-черепа:

Всюду и везде до небес высились цветные стеклянные башины разной формы, тут были параллелепипеды, кубы, конусы, пирамиды, круглые сферы, многогранные кристаллы [12. С. 441].

Так, в стихотворении В.Я. Брюсова читаем:

*И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной...*

Человек города, по Брюсову, раб социальных институтов, реликт «омертвевшей культуры», знаменатель завершившихся времен (сравним — у Жаксылыкова: Последнего срока).

*Пред искренностью страх
Торжествовал и в храме и в гостиной,
В стихах и вере, в жестах и словах...
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый крик.*

Герой Жаксылыкова, как и герой Брюсова, ощущает наступление «Последнего срока». Как отмечает С.Г. Исаев, внутреннее возрождение достигается лирическим субъектом через срывание маски, возвращение к «естественной», «дикой» природе. У Брюсова видим:

*Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О солнце! О простор! О высота степей.*

Введением в текст аллюзии на брюсовский текст Жаксылыков в очередной раз прибегает к образу Узника, идущего по пути освобождения и перерождения. Отметим, что «поле» — это и жаксылыковская антитеза города, топос витальности, стихийное начало (с полем связан образ Пастушка; поле джугары символизирует неукротимую природную мощь; поле — пространство духовного спасения (мотив пасущегося на поле стада)).

Итак, город Жаксылыкова — место семантических пересечений с текстами старших символистов. Журналист (как и его структурная маска, Жан), однако, восходит к еще более далекому образу — пушкинскому «Кавказскому пленнику», который может быть реконструирован на уровне очередной пропозитивной аллюзии: герой «бежит» от городской жизни в дикую местность и попадает в «плен».

Однако в данном случае ситуация намеренно травестирована автором. Место молодой черкешенки занимает вечная «Баба-Яга» (Л.В. Сафронова), а сам «пленник» оказывается добровольно одурманенным.

О «Кавказском пленнике» Пушкин пишет: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19 века» [16. С. 55]. Можно с уверенностью констатировать, что линию «Кавказского пленника» продолжает Журналист, наследующий весь комплекс слабостей и недостатков Пленника и разработанных за ним характеров, составляющих поэтическую парадигму «русского скитальца».

Однажды ты вдруг ясно осознал, что вся твоя дорожная жизнь с суетой, знакомствами, расставаниями, сменой обстоятельств, городов, авральной работой над очередным материалом, есть ни что иное, как проявление все того же архаического инстинкта — бегства [12. С. 138].

В данном фрагменте отчетливо проступает еще один образ, заложенный Пушкиным, — образ перелетной птички, анималистический «аналог» Алеко из поэмы «Цыганы»:

*Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.*

Журналист, как и Алеко, — «перелетная птичка», «человек — перекасти-поле», не сумевший «свить гнезда», сохранить свой домашний очаг. Неслучаен упрек его жены: «Ты никогда не сможешь стать хозяином своей судьбы, а жизнь любит постоянство». Мотив дороги, звучащий у Пушкина, находим у Жаксылыкова практически нетрансформированным: «Жизнь — это движение», «Жизнь — это вечная дорога». Единственное «постоянство» Журналиста проявлено в его любви к одной женщине, и эта микропропозиция «возвращает» нас к «Кавказскому пленнику»: герой пушкинской поэмы тоже любит одну-единственную, и эта любовь делает невозможным его счастье с черкешенкой.

Еще В.М. Жирмунский поставил вопрос о том, что «Кавказский пленник» предполагает взаимодействие различных миров; «Возлюбленная» как проявление

Другого — идеальный объект страстного томления [17. С. 223]. Журналист, как и Кавказский пленник, «страстями чувства истребил» и на этом основании интегрирован в архиобраз Пленника:

*Людей и свет изведаль он,
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашел измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.*

Ведьма/Баба/Чертовка — «перевернутая» Черкешенка. Точка пересечения, тем не менее, между двумя женскими линиями есть: обе концентрируют в себе чувственное женское начало, инстинктивную природу. Семантическая зона «расхождений», однако, существенно шире: основные мотивы поведения Черкешенки — сострадание и жертвенность, жаксылыковской «Бабы-Яги» — хищническое собственничество. Сравним следующие фрагменты:

*На пленника возведишь взор,
«Беги, — сказала дева гор, —
Нигде черкес тебя не встретит.
Спеши; не трать ночных часов;
Возьми кинжал: твоих следов
Никто во мраке не заметит».*

*Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась:
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цепь распалась и гремит.
«Ты волен, — дева говорит, —
Беги!» Но взгляд ее безумный
Любви порыв изобразил.*

Анализируя мотив губительного неприятия в поэме, исследователь С.Г. Исаев пишет: «Во второй части поэмы, где поведение персонажей внутренне преобразуется, Пушкин предлагает альтруистический выход из тупика непонимания. Заметим, и инициатива, и ее осуществление исходят от представителя «чужой» для пленника культуры. Освобождение героя генерирует, пусть и ненадолго, атмосферу искренней объединяющей радости <...>

На предложение героя уйти вместе с ним черкешенка, несмотря на испытываемые сильные чувства, как известно, отказывается. Она утаивает от пленника

свой трагический замысел — его спасти, а самой умереть. Ее поступок — символ благородства и жертвенности, и одновременно — знак непреодолимого страдания» [18. С. 226].

Совсем иначе выражено поведение пленившей Журналиста Бабы:

Казачок, не уходи, не оставляй меня, бабу одинокую, бедовую, горемычную, не бросай. Казачок мой, ненаглядный, сокол ясноглазый, любый мой, не оставляй меня на погибель верную. И-и-и... Ой, лихо мне, лих! Ой, век мне плакать, не переплакать кукушку серую, сиротинушку вечернюю, одинокую! Век мне солнышка без тебя, казачок мой, орлик крылатый, не видать! Сгину я без тебя одна, как сухая верба! Обглодают волки, звери дикие косточки мои, разнесут воды и ветры их по просторам, омоют их дожди осенние, схоронят их в земле-матушке <...> Как я, лебедушка, сиротинушка, буду одна мыкать-зимовать, бедовать в снегах одна без тебя?

Не оставляй меня, бабу свою, единственную, ненаглядную [12.С. 280].

Фрагмент, стилизованный Жаксылыковым под монолог-причитание, функционально призван эксплицировать внутренние чувства героини: душевную горечь, боль, досаду, грусть; в конечном счете — неспособность жить без возлюбленного.

Причитание как жанр, в котором аффект тоски достигает своего апофеоза, развивает идею о крепких отношениях, о нерушимой любви, когда утрата *ненаглядного/ненаглядной* (расставание с ним/с ней) становится непреодолимым жизненным испытанием; об этом сигнализируют такие приемы, как психологический параллелизм (животные и растительные аналоги и пр.), богатые многоступенчатые эпитеты, выстроенные по принципу синонимической градации (*бабу одинокую, бедовую, горемычную*) и пр.

Инверсированный синтаксис, устойчивые номинации-эпитеты (*сокол ясноглазый, лебедушка*), закрепленные за «молодцем» и «девицей» в фольклорном бытовании, самоотожествление героини с растениями и животными должны воссоздать атмосферу беспросветной печали, «кручины». Так, за вербой как пасхальным растением зафиксирована символика воскресения, радости. Увядающая же верба — символ безвозвратной гибели героини, утраты всех надежд на продолжение жизни.

Пафос всего фрагмента, однако, оказывается нивелирован:

— Нет, не единственная ты! — с досадой сказал я и остановился. Остановилась и баба. Улыбка мелькнула в ее глазах.

— Ну и дурень же ты! К медведю на обед ты идешь! — сухо сказала она, повернулась и пошла к баракам [12. С. 280].

Таким образом, весь монолог оказывается фарсом. В нем изначально не проявлены такие качества квазигероини, как жертвенность и самоотречение; в отличие от Черкешенки, готовой физически умереть ради спасения возлюбленного, Баба заинтересована лишь в сохранении собственного душевного равновесия и устоявшегося порядка вещей. При этом «сокол», «любый» оказывается не более чем рабом, пленником.

Драматическая модальность пушкинского текста заменена в данном случае *модусом сатирическим*. Следует отметить, что прозе Жаксылыкова присуща смена не только нарративных уровней, но и модусов художественности: драматизм как

эстетическая доминанта цикла «синкретизирован» элегическим, идиллическим, сатирическим тонами повествования [19. С. 61—64].

Как отмечает В.С. Тюпа, драматическое мировосприятие исходит из постулата «Ничто не проходит бесследно»; участие личности в жизнесложении принципиально затруднено противоречием между внутренней свободой ее самоопределений и внешней несвободой самопроявлений [20. С. 66]. Герой страдает от неполноты самореализации, поскольку «внутренняя заданность «Я» в этих случаях намного шире внешней заданности его фактического присутствия в мире. Таков Журналист, вечно ищущий свободы, но в пределах собственной социальной биографии являющийся «закоренелым бюргером»; таков и его альтер-эго Жан, сумевший познать внутреннюю жизнь своего «Я», лишь избавившись от жизни «внешней». Драматическая дисгармоничность здесь представлена противостоянием героя не миропорядку (и Жан, и Журналист находят в себе силы благословить *толпу*), но «другому» (своему же) «Я».

Смыслопорождающей энергией драматизма здесь становится энергия страдания и со-страдания, в основе которого лежит осознание героем своего места в мире и ответственности за «свою внешнюю жизнь». Так, Журналист принимает на себя ответственность за разрушенное семейное счастье, мирится с внутренним «блудным сыном» как собственной душевной мотивацией.

Определяющее значение для драматического модуса несет фигура Другого: одиночество как способ существования героя раскрывается только в присутствии иного «Я». Поэтому ключевой пропозицией подобного текста является ситуация «встречи-разлуки». «Драматический хронотоп не имеет идиллической замкнутости дома и дола, это хронотоп порога и пути» [20. С. 68].

Что примечательно, в «симфонии настроения» цикла органично звучит и элегическая «нота», воспроизводящая цепь мимолетных, невоспроизводимых состояний внутренней жизни личности. Элегическое чувство «живой грусти об исчезнувшем», причастности Всеединому Многоликому (а потому Безличному) Бытию, хронотоп уединения и странничества (В.С. Тюпа) «дробят» время на неповторимость мгновений, вписанных в картину общего жизнесложения. «Оглядываются» на свою жизнь Журналист и Жан, Старый и Вечно Одинокий и Пастушок, наряду со скорбью ощущая светлую, незамутненную грусть.

Некоторые из героев цикла наделены трагическим идиллизмом и комизмом одновременно. Таков Пастушок, чья биография и трагична (он покинут матерью, лишен отца, внешне слабоумен), и идиллична, так как «органически сопричастна Бытию как целому» (В.Е. Хализев). «Идиллический герой» — это «человек, прикосновенный всею личностью к жизни» (М.М. Пришвин). В то же время комическое проявлено в нем как несовместимость с нормативными установками миропорядка, как маска дурака, шута, чудака, за которой, однако, обнаруживается подлинная индивидуальность.

Заключение

Открытость домена литературы (в том числе и русской) подразумевает постоянный «обмен данными» с другими доменами. Так, идет непрерывное взаимодействие между этноспецифическими литературными доменами («диалог»

русской и казахской, русской и французской и др. литератур); между доменами разных типов (литература и живопись, литература и кинематограф, литература и музыка и т.д.).

Русский язык и русская литература, функционирующие в условиях грандиозной «этнической мозаики» на территории бывшего Советского Союза, дали импульс к образованию специфического явления — так называемой «русскоязычной литературы». Русский язык стал одной из форм выражения бытия других национальных литератур; русская литература — своеобразной «ресурсной базой», или доменом, позволяющим писателям-билингвам «черпать» многовековой художественный опыт на уровне тем, мотивов, философских концепций и пр. и «осваивать» его через особенности своей этнокультуры и ментальности.

Писатель всегда «зависим» от текстов, уже включенных в домен, от литературных и языковых форм, сюжетных ходов, образов, сложившейся жанровой системы. Эти факторы обеспечивают устойчивость домена во времени; традиция служит интегрирующим началом, гарантом стабильного развития литературы.

Диалог между равноправными субъектами коммуникации (в данном случае русской и казахской литературами в поликультурном русскоязычном тексте), каждый из которых действует, исходя из собственных пресуппозиций (т.е. всех предшествующих знаний о себе и о Другом) и интенций в общекультурном контексте потенциально ведет к кооперации самого высокого уровня, в результате чего трансформируется и обогащается семиосфера человечества. С «ракурса» диалога традиция — это «живой голос культуры», а интертекст — «место встречи» нескольких текстов для их дальнейшего «взаимодействия». Это особая форма участия в диалоге, способствующая раскрытию произведения на субуровне, проникновению в глубинный замысел автора. Она выявляет общечеловеческое и этноспецифическое, позволяя воссоздать не только авторскую картину мира, но и представления о ментальности того или иного народа.

Смыслорождающее поле русской литературы способствует усилению смысла, который Жаксылыков закладывает в художественный цикл «Сны окаянных», и генерирует пространство культурного диалога, происходящего между двумя самобытными семиотическими системами.

Библиографический список

1. *Чиксентмихайи М.* Креативность. Поток и психология открытий и изобретений: пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2013.
2. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.
3. *Тер-Минасова С.Г.* Национальные литературы в диалоге культур. Аспекты перевода. Режим доступа: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-15-01/275--1-r-.html> (дата обращения: 30.05.2019).
4. *Касьянова К. (Чеснокова В.Ф.)* О русском национальном характере. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
5. *Сабитова З.К.* Лингвокультурология: учебник. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
6. *Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественных текстов. М.: Изд-во МГУ, 1991.

7. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Наследие Чингизхана. М.: Аграф, 2000. С. 29—92.
8. Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии: Сб. статей. Л.: Худ. лит., 1986.
9. Валентинова О.И. Универсальные принципы анализа вербального искусства: Спецкурс для филологов-магистров: Учебное пособие. М.: РУДН, 2010.
10. Баевский В.С. История русской литературы XX века: Компендиум. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. Valikova O., Bakhtikireeva U. Russian Literature as a Domain of Culture // *Journal of Language and Literature*. 2014. Vol. 5. no 4. P. 271—275.
12. Жаксылыков А.Ж. Сны окаянных: Трилогия. Алматы: ТОО «Алматинский издательский дом», 2006.
13. Левин И.Ю. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.
14. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983.
15. Сегал Д. Литература как охранная грамота. Индиана: Водолей Паблишерс, 2006.
16. Пушкин А.С. Собр.соч.: в 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 55.
17. Грехнев В.А. Лирика Пушкина. О поэтике жанров. Горький, 1985.
18. Исаев С.Г. Литературно-художественные маски: Теория и поэтика. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2012.
19. Валикова О. Цикл «Сны окаянных» А. Жаксылыкова и «Кавказский пленник» А. Пушкина: пропозитивные совпадения // *Материалы Международной научно-практической конференции «1-е Весенние научные чтения»*, 30 мая 2015 года. Киев, 2015. С. 61—64.
20. Тюпа В.И. Модусы художественности // *Введение в литературоведение* / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. Режим доступа: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (дата обращения: 30.05.2019).

References

1. Chiksentmihayli, M. (2013). Creativity. The flow and psychology of discoveries and inventions, I. Yushchenko (Transl.). Moscow: Career Press. (In Russ.).
2. Krasnykh, V.V. (2001). Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory: Lecture Course. Moscow: ITDGK “Gnosis”. (In Russ.).
3. Ter-Minasova, S.G. National literature in the dialogue of cultures. Aspects of translation. URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-22-15-01/275--1-r-.html> (accessed: 30.05.2019).
4. Kasyanova, K. (Chesnokova, V.F). (2003). On the Russian national character. Moscow: Academic project, Yekaterinburg: Business Book. (In Russ.).
5. Sabitova, Z.K. (2013). Linguoculturology: textbook. Moscow: FLINT: Nauka. (In Russ.).
6. Gyubbenet, I.V. (1991). Fundamentals of the philological interpretation of literary and literary texts. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.).
7. Trubetskoy, N.S. (2000). Europe and humanity. Genghis Khan's legacy. Moscow: Agraf. pp. 29—92. (In Russ.).
8. Eichenbaum, B.M. (1986). About prose. About poetry. Leningrad: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.).
9. Valentinova, O.I. (2010). Universal principles of the analysis of Verbal Art: Special course for philologists-masters: Textbook. Allowance. Moscow: Publishing House of RUDN. (In Russ.).
10. Bayevsky, V.S (2003). The history of Russian literature of the XX century: Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
11. Valikova, O. & Bakhtikireeva, U. (2014). Russian Literature as a Domain of Culture, *Journal of Language and Literature*, 5 (4), 271—275.
12. Zhaksylykov, A.Zh. (2006). Dreams of the Damned: Trilogy. Almaty: Almaty Publishing House LLP. (In Russ.).

13. Levin, I.Yu. (1998). Selected Works. Poetics. Semiotics. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
14. Novikov, A.I. (1983). Semantics of the text and its formalization. Moscow: Nauka. (In Russ.).
15. Segal, D. (2006). Literature as a letter of protection. Indiana: Aquarius Publishers.
16. Pushkin, A.S. (1962). Collected works: at 10 vols. Moscow. Vol. 9. P. 55. (In Russ.).
17. Grekhnev, V.A. (1985). Lyrics of Pushkin. On the poetics of genres. Gorky. P. 223. (In Russ.).
18. Isaev, S.G. (2012). Literary and artistic masks: Theory and poetics. St. Petersburg: DMITRY BULANIN. In Russ.).
19. Valikova, O. (2015). The cycle “Dreams of the Cursed” by A. Zhaksylykova and “The Caucasian Prisoner” by A. Pushkin: propositive coincidences In *Materials of the International Scientific and Practical Conference “1st Spring Scientific Readings”, May 30, 2015, Kiev*. pp. 61—64. (In Russ.).
20. Туупа, В.И. Modes of art in Introduction to literary criticism In *L.V. Chernets, V.E. Halizev, A.Ya. Esalnek et al; L.V. Chernets (Ed.)*. URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (accessed: 30.05.2019). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов; *e-mail*: sinyachkin-vp@rudn.ru

Бахтикиреева Улданай Максutowна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов; *e-mail*: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Валикова Ольга Александровна, PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов; *e-mail*: valikova-o@rudn.ru

Information about the authors:

Sinyachkin Vladimir Pavlovich is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication of the Peoples' Friendship University of Russia; *e-mail*: sinyachkin-vp@rudn.ru

Bakhtikireeva Uldanai Maksutowna is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Peoples' Friendship University of Russia; *e-mail*: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Valikova Olga Aleksandrovna is a PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Peoples' Friendship University of Russia; *e-mail*: valikova-o@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1067-1087
УДК 811.161.1'37:821.161.1-1

Научная статья / Research article

Поэт как речевая роль: к семантике и прагматике русского поэтизма

Г.В. Векшин¹, М.М. Лемешева

Московский политехнический университет
107023, г. Москва, ул. Б. Семеновская, Российская Федерация, 38
¹philologos@yandex.ru

Статья посвящена семантике и прагматике русских поэтизмов как дейктических указателей на сферу поэтического и одну из шести универсальных социокультурных ролей — роль поэта-сочинителя. Коммуникативная роль осмысливается как элемент речевого поведения, определяемого базовыми установками общения: быть и казаться. Показано, что стилистическая окраска поэтизма формируется только за счет его устойчивого соотношения с типическим контекстом и ролью; поэтизмы сами по себе не создают поэзии и не могут даже считаться ее обязательным признаком, что и делает их в первую очередь предметом теории литературного языка, отражающего общекультурное сознание говорящих. В связи с требованием разграничения стилистики языка и речи рассматривается отличие поэтического стиля языка, который представляет собой хранилище поэтизмов, от поэтического языка как стиля речевого (операциональной системы приемов и тактик, обеспечивающих выполнение художественной задачи); дается развернутое определение поэтического языка. Рассматриваются поэтизмы на разных уровнях языковой системы. Предлагается описание семантической структуры русского поэтизма. Показано, что поэтизмы могут использоваться с учетом их художественной перспективы (как нарративное средство, инструмент ролевой игры, для остранения какого-либо речевого образа, в ироническом ключе и т.д.), однако их сгущение в тексте говорит о приоритете внеэстетической стратегии самопрезентации в роли поэта и, как следствие, может быть показателем «плохой поэзии». Дается анализ типичного текста массовой поэзии с обилием поэтизмов. Используется опыт составления поэтического корпуса «Живого стилистического словаря русского языка», возможности его диагностики стилистической семантики слова и первичной оценки художественного качества текста.

Ключевые слова: стиль, коммуникативная роль, поэтический язык, поэтический стиль, семантика, массовая поэзия

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-04-00421.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Векшин Г.В., Лемешева М.М. Поэт как речевая роль: к семантике и прагматике русского поэтизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 1067—1087. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1067-1087

© Векшин Г.В., Лемешева М.М., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37:821.161.1-1

Poet as a Role: on the Semantics and Pragmatics of Russian Poeticism

G.V. Vekshin¹, M.M. Lemesheva

Moscow Polytechnic University

Bolshaya Semyonovskaya str., 38, Moscow, Russian Federation, 107023

¹philologos@yandex.ru

The article is devoted to the semantics and pragmatics of Russian poetry as deictic pointers to the poetic sphere and one of the six universal socio-cultural roles — the role of the poet-writer. The communicative role is interpreted as an element of speech behavior, determined by the basic communication settings: *to be* and *to seem*. It is shown that the stylistic coloring of poetry is formed only due to its stable correlation with the typical context and role; poeticisms by themselves do not create poetry and cannot even be considered as its obligatory feature, so they are primarily the subject of literary language theory and reflects the general cultural consciousness of speakers. In connection with the requirement to distinguish between the stylistics of language and speech, we review the difference between the poetic style of the language, which is a repository of poeticisms, from the poetic language as a style of speech (an operational system of techniques and tactics that ensure the performance of an artistic task); a detailed definition of poetic language is given. There is also a short observation of poeticisms at different levels of the linguistic system. The article proposes the description of the semantic structure of Russian poeticisms. It is emphasized that poeticisms can be used according to their artistic perspective (as a narrative tool, role-playing tool, to eliminate any speech image, in an ironic manner, etc.), however, their condensation in the text discloses the priority of an extra-aesthetic strategy of self-presentation in the role of a poet and, as a result, can be an indicator of “bad poetry”. This idea is shown on the example of a typical text of mass poetry saturated with poeticisms. The experience of compiling the poetic corpus of “Russian Live Stylistic Dictionary” discovers the possibility to identify the stylistic semantics of the word and to predict the artistic quality of the text.

Key words: style, communicative role, poetic language, poetic style, poeticisms, semantics, amateur poetry

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-04-00421.

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Vekshin, G.V. & Lemesheva, M.M. (2019). Poet as a Role: on the Semantics and Pragmatics of Russian Poeticism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1067—1087. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1067-1087

1. «Быть» и «казаться» в коммуникации. Речевая роль как источник стилистической окраски единиц языка

Бесплодный, а потому угасающий спор лингвистов о наличии—отсутствии художественного функционального стиля в русском языке стар так же, как вопрос о статусе поэтизмов. Прояснению идеи «поэтического стиля», равно как и понятия

поэтизма, в значительной степени мешает нерешенность вопроса о природе стилистической семантики единиц языка, о роли контекста и/или коммуникативной функции при ее формировании, инерция смешения стилистики языка и стилистики речи¹.

Общеизвестно, что значение как языковая данность — результат употребления знака в речевых контекстах и, через вхождение этих знаков в состав высказываний, — в контекстах внеречевых. Чем устойчивее и типичнее этот контекст, тем скорее он формирует значение знака — стойкую память носителей культуры о его применении. Этой памятью как «отпечатком» окружения, «привкусом» среды и руководствуется говорящий, извлекая из своего запасника знак, чтобы в рамках некоторой тактики использовать его в конкретной, уникальной ситуации. Важным видом семантики знака как памяти о контексте является его стилистическая окраска — осязаемый носителями языка «привкус» типичной среды, а с нею и типичной, наиболее ожидаемой роли говорящего, традиционно действующего в данной среде. Стилистическая окраска — маркер (а вследствие этого — и дейктический указатель) не только типичного контекста, но и конвенционально привязанных к нему форм поведения, коммуникативных ритуалов и ролей.

Человеку свойственно стремление не только *быть*, но и *казаться*. Две эти базовые установки коммуникативного поведения не осуществляются одна без другой, но в крайних своих проявлениях образуют полюса. Общество (а современное — особенно) устроено так, что кажимость и даже мнимость, всяческие относительно или сугубо формальные показатели роли, статуса, социокультурной коммуникативной функции говорящего (не всегда реально и искренне им выполняемой) — неотъемлемый атрибут коммуникативного поведения в целом. «Вы пишете стихи?» — спрашиваем у юного писателя. «Я позиционирую себя как прозаик», — отвечает она. Это не значит, что всякая роль стремится к маске, однако не случайно, что именно идея маски издревле служила источником и формой продуктивной рефлексии человека о культурных сценариях и функциях, которым он следует и которые он выполняет условно, следуя правилам традиционной игры, не вполне органически, поневоле². В то же время второй своей стороной роль тяготеет к *быть*: ее другой полюс составляют существенная функция, миссия, призвание. Осознанные человеком как области самореализации, они являются способом «быть как *выполнять*», который, однако, на следующем шаге на оси роли почти неизбежно переходит в «*исполнять*».

¹ Показательный материал в этой связи можно найти, в частности, в энциклопедической статье, посвященной «художественному стилю речи» [1. С. 606], в учебнике [2] и ряде др. Здесь же дан обзор некоторых взглядов на проблему наличия/отсутствия художественного функционального стиля речи.

² «Маска с точки зрения органопроекции представляет собой аналог лица. Но — в отличие от лица — маска находится в свободном отношении к телу и личности человека. На техническом языке философии языка и этнологии такое отношение называется отчуждаемой принадлежностью: в отличие от лица, которое в каждый данный момент является неотъемлемой частью своего владельца, маска только временно и непрочно связана с тем, кто ее носит» [4. С. 335].

Оппозиция *быть* и *казаться* не привативная, а градуальная. Крайней точкой, пределом *быть* для личности, очевидно, является то несказанное, рационально не познаваемое, сокровенное «внутреннее ядро» личности человека, которое, согласно М.М. Бахтину, вовсе не открыто самому человеку, а отражается лишь в сознании «другого (любящего)» [3. С. 8]³. Именно здесь раскрывается значение искусства как формы «абсолютного сочувствия» [3. С. 9]. В каком-то смысле игровая, лицедейная природа мифологического ритуала и искусства, через повтор и отчуждение открывающих сокровенное и вечное, — способ пройти через «комедию масок», преодолев ее. С другой стороны, маска может быть потехой власти, средством прятать (намеренно ненадежно) угрозу, тем самым ее усиливая, — играть в кошки-мышки. Таково кромешное лицедейство Ивана Грозного, который строит свою речь на стилистических конфликтах, сочетает маску смирения, модальность неважности с маркерами «высокого», «постоянно меняя тон своих посланий: от пышного и велеречивого до издевательски подобострастного и униженного» [5. С. 369].

Если воспользоваться формулами Андрея Платонова, ролевое в общении дает возможность увидеть разведенность «государственного жителя» (институционального начала) и «сокровенного человека» (уникального призвания, «высшего замысла» о конкретном человеке). Крайне противоположную в отношении к последнему полюсу точку образует недиалогическая, однозначная речевая маска как заменитель лица (утраченного или отсутствующего) — инструмент насилия и лжи (дальше за этим только маскхалаты и «маски-шоу», в сущности уже не являющиеся инструментами коммуникации)⁴.

Рубрицируя контексты, культура формирует и основные типы ролей. Шесть универсальных (т.е. обязательных для освоения любым носителем культуры) типических социальных ролей, соответствующих шести базовым социокультурным контекстам, составляют:

1) «я — близкий тебе человек» (обиходно-бытовая среда, родовые, семейные, любовные, дружеские отношения);

2) «я — официальное лицо, чиновник, исполняющий служебные обязанности» (среда административно-правовых отношений — осуществления власти и подчинения);

3) «я — равнодушное к государственной власти и ее распределению, политически ангажированное лицо, идеолог, агитатор, пропагандист» (сфера идеологии и политики — борьбы за власть и удержание власти);

4) «я — ученый, исследователь, мыслитель» (сфера науки, рационально-логического освоения мира);

³ Ср. там же о познании вещи и познании личности в искусстве: «Второй предел — мысль о Боге в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитва. Необходимость свободного самооткровения личности. Здесь есть внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, потребить, где сохраняется всегда дистанция, в отношении которого возможно только чистое бескорыстие; открываясь для другого, оно всегда остается и для себя» [3. С. 8].

⁴ Ср. в набросках к «Слову в романе» у Бахтина: «Недоверие к прямой одноголосой серьезности. За ней реальная внесловесная двуголосость — двуличие — ложь. Специфичность лжи: одноголосое слово прикрывает реальную внесловесную <нрзб. — м.б.: ложь?>» [6. С. 724].

5) «я — верующий, исповедующий религию, молящийся» (сфера религии как иррационального освоения вечности с позиции объективности абсолюта);

И, наконец, последняя из универсальных социокультурных ролей (призваний и масок):

б) «я — сочинитель, писатель, поэт» (сфера искусства, литературного творчества — область освоения метафизического мира, вечности через Я, с позиции уникальности и приоритетной значимости субъекта).

(Есть и другие роли — более частного, неуниверсального характера: социально-сословные, профессиональные, гендерные и т.д. О них здесь лишь напоминаем.)

Стилистическая семантика единиц языка чувствительна ко всему спектру проявлений социокультурной роли, однако преимущественное влияние она испытывает со стороны исполняемых ролей, далее — имиджей и, в пределе, накладных, конспиративных и манипулятивных коммуникативных масок. Это и понятно: чтобы по существу обеспечить коммуникативное и культурное призвание личности, нужно привести в действие многосложный комплекс варьируемых функционально ориентированных средств: прежде всего не отдельных единиц, а приемов, тактик, стратегий построения сообщения и общения, реализуемых на уровне диалога и текста (среди них, кстати, прием комбинирования и игры речевых масок, соединения и конфликта стилистических окрасок, «социального разноречия»⁵).

Таким образом, чтобы *быть* поэтом, нужно владеть языком словесного искусства (собственно функциональным языком, семиотическим инструментарием искусства как системы особых операций со словом и вещью), еще и обновляя его, расширяя его возможности как инструмента общения и познания. Использовать ролевые маркеры здесь вовсе не достаточно. Подобно этому, быть хорошим пропагандистом — отнюдь не значит усыпать свою речь идеологизмами, а быть верующим — не значит говорить *ангела за трапезой* вместо *приятного аппетита*. «Если бы специфические свойства научной речи целиком вытекали из собственно научных потребностей, то, очевидно, статьи и книги наиболее выдающихся ученых являли бы собой наиболее типичные образцы научного стиля. Между тем наблюдается скорее обратная зависимость: настоящие ученые нередко склонны нарушать неписанные нормы академического слога, тогда как слабые по содержанию работы чаще всего пишутся вполне наукообразно» [7. С. 75]. Выбор стилистически окрашенных средств определенного рода далеко не всегда отвечает задаче достижения коммуникативных целей, в данной сфере укорененных. Прежде всего они привлекаются там, где говорящий стремится в большей степени не быть, а казаться.

Нельзя выводить стилистическую семантику (стилистическую окраску) языковых единиц из коммуникативных, в частности социокультурных, функций коммуникативных актов, текстов, в которых эти средства «обычно» или «часто» встречаются. Источником стилистической окраски является только устойчивая индикация типического контекста и типической речевой роли, в то время как сама эта роль в конкретном акте коммуникации может использоваться в прагматической перспективе самого разного рода. Так, выбор говорящим речевой роли ученого

⁵ См.: [6. С. 98].

может быть обусловлен исключительно деловой, карьерной прагматикой (для чего и потребуется усиленное наукообразие), притом что способность текста быть инструментом научного познания — т.е. его логичность, доказательность и объясняющая способность — может быть для его автора совершенно неактуальна. (Недаром современная ситуация с размножением псевдонаучных, лженаучных трудов признается угрожающей науке.) В свою очередь, текст в многообразии его стилистически окрашенных средств не может считаться противоречащим единству коммуникативной цели.

Здесь и лежит ключ к разрешению проблемы «стилевого многообразия» художественной речи⁶. Было бы странно, если бы все персонажи романа говорили поэтизмами, поскольку именно комбинирование речевых ролей отвечает стратегическим задачам эстетической коммуникации (тем более в жанре романа). Так же эстетически нецелесообразна и заведомая ставка на поэтизмы в лирическом стихотворении. Все зависит от того, какие ролевые маркеры нужны автору для решения художественной задачи. Вопрос лишь в том, что не всегда эта задача для сочинителя оказывается приоритетной и выполнимой.

2. Поэтизм, клише, поэтический стиль языка и массовая поэзия

Подобно коллоквиализмам, канцеляризмам, идеологизмам, конфессионализмам и т.п. на всех уровнях строения языка выделяются *поэтизмы* — носители контекстуально-ролевой семантики, приобретшие ее благодаря многократному, традиционному (а потому ожидаемому) воспроизведению в поэтическом окружении, для реализации коммуникативной роли поэта-сочинителя, и в совокупности составляющие общедоступный поэтический стиль литературного языка. В литературных кругах для обозначения таких ожидаемых, тривиальных единиц с нулевой или даже отрицательной экспрессивностью используется слово *штампы*: появление их в поэтическом тексте только потому, что автор считает его поэтическим, крайне нежелательно, поскольку свидетельствует о вторичности произведения. Говоря о поэтических штампах, подразумевают, что человек не смог подобрать точное и «новое» слово для обозначения какого-то предмета или состояния, воспользовался шаблоном, уже отработанным живой поэтической традицией. Не хватило таланта или мастерства: чтобы убедить себя и читателя в своем соответствии роли поэта, пришлось прибегнуть к поэтизмам. Впрочем, и поэту-мастеру использовать такие поэтические шаблоны, для решения частных, тактических художественных задач, иногда бывает необходимо.

⁶ Ср. типичное рассуждение: «Вопрос о функционально-стилистической окраске лексики, представляющей художественную речь, сложен, потому что художественная литература, в особенности современная (в том числе поэзия), отражает все многообразие жизни человека. В художественных текстах используются самые разнообразные пласты словаря, и определить, специально узкохудожественный разряд слов не так-то просто, да и не столь актуально. Для литературы XIX в. это были так называемые поэтизмы, слова с особым стилистико-поэтическим ореолом, наиболее часто встречающиеся именно в художественной (уже — стихотворно-поэтической) речи как ее неизменные приметы. Применительно к современной литературе о такой лексике говорить затруднительно» [2. С. 229—230].

Мы предлагаем видеть в поэтизмах не точечные промахи начинающих стихотворцев, а составляющие поэтического стиля, точнее — поэтического подстиля художественно-беллетристического стиля языка⁷ (в значительно степени — вслед за идеями К.А. Долинина, М.Л. Гаспарова, В.П. Григорьева, Б.М. Гаспарова)⁸, целостность которого обеспечивается только единством контекста и роли, эти элементы объединяющего. Речь идет именно о языковом стиле как совокупности одинаково социокультурно маркированных (однотипно стилистически окрашенных единиц разных уровней языка, включая высший — уровень текста как композиционной модели. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо, поскольку тексты, построенные по шаблонам поэтических, т.е. самой своей конструкцией отсылающие к контексту поэзии и роли поэта (что не исключает их художественной значимости), — далеко не то же самое, что тексты, выполняющие эстетическую функцию.

Для автора, усердно насыщающего свое произведение поэтизмами, они своего рода наряд или элементы наряда, благодаря которым «люди на улице», зрители на площади понимают, что перед ними поэт. Таким нарядом может быть и композиционная модель текста (например, форма сонета). И она может вступать, например, в эстетически значимое противоречие с его лексическим наполнением. А в худшем случае — будет только нарядом, фальшивой маской. Само по себе наличие поэтизмов еще никак не свидетельствует ни о художественном качестве текста, ни о его отсутствии.

В упрощенном виде механизм применения поэтизмов в тексте может быть представлен следующим образом. В хранимой сознанием носителя языка системе форм, значений, правил и категорий — своего рода «ящике» с языковыми инструментами — в разделе контекстуально-ролевых социокультурных маркеров находится ячейка с поэтизмами и прилагаемой инструкцией: употреблять в тексте для указания на контекст «поэтическое сочинительство, стихотворство» и для придания автору имиджа стихотворца, поэта. В этой ячейке хранятся поэтические (а точнее — поэтичные) слова, фразы, клишированные ритмико-синтаксические формы, размеры, расхожие и просто типичные, общеизвестные приемы стихотворства (например, рифма). Конечная цель применения этих средств в тексте зависит от его уникальной прагматики. Дейктическая функция этих единиц предполагает, что они могут быть, например, использованы как нарративное средство, как инструмент ролевой игры, способ обеспечения стилистического разноречия, для остранения какого-либо речевого образа, в ироническом ключе, для создания комического эффекта и т.д. Однако там, где автор настойчиво сгущает в тексте однотипно стилистически окрашенные элементы, возникает законное предположение, что его цель — лишь представить себя в типической речевой роли (в случае сгущения поэтизмов — в роли поэта).

Последнее обстоятельство особенно заметно при использовании лексических и фразеологических поэтизмов. В тексте они притягиваются друг к другу своими

⁷ Ср. понятие беллетристического стиля в работе [8. С. 86—88].

⁸ См.: [9—11].

жанрово-стилистическими валентностями, как в ассоциативном словаре, существенно усиливая свои ассоциативные связи с предшествующими контекстами за счет их закрепленности в определенных ритмико-синтаксических позициях. Чем безраздельнее в этом случае отдается сочинитель инерции стихотворства, чем больше увлекается своей ролью поэта как таковой, пренебрегая собственно задачами и операциями языка словесного искусства (или попросту не владея ими), тем больше вероятность насыщения текста поэтизмами, которые будут соединяться друг с другом, как в паззле.

Вот пример «текста-паззла», взятого нами из замечательной книги О.А. Лекманова, в значительной степени посвященной явлению «массовой поэзии» [12. С. 15]:

*Ты не зови меня порочным;
В моей измученной судьбе,
Я другом был тебе не вечным,
Но думал нежно о тебе.
И часто летнею порою
За рощей пышной, молодой,
Ты помнишь ли, гуляя с тобою
Я мрачный, бледный и худой?
И долго я тоской мятежной
Не мог прошедшее будить
И ручкой милой, белоснежной,
Уста свои я шевелить.*

(Н. Ганецкий, «Не зови меня порочным...», 1913)

Непроизвольно комический финал стихотворения напоминает языковые ляпсусы Игната Лебядкина, хотя в целом оно написано достаточно «грамотно», притом что практически полностью составлено из поэтизмов: *не зови; порочным; в моей* |... (четырёхсложное прилагательное) | *судьбе; не вечным, думал нежно, молодой* в метафорич. знач.; *и часто, летнею порою, за рощей... молодой, пышной, ты помнишь (ли), мрачный, бледный, и долго, тоской мятежной, прошедшее будить, милой, белоснежной, уста* и т.д.). Стилистически из этого ряда явно выпадают только *гулял, худой и шевелить*.

«Неконтролируемые подтексты» (термин О. Ронена⁹) у этого стихотворения обширны до неизмеримости. Здесь как отдельные слова и словоформы, так и устойчивые словосочетания, среди которых есть и общепозитические («фольклорные»), и те, чье происхождение угадывается, но вряд ли осознано самим сочинителем. Среди этих подтекстов, судя по всему, в первую очередь пушкинские: *И думай, что во дни разлуки, / В моей изменчивой судьбе...* («Полтава»); *Как часто в горестной разлуке, / В моей блуждающей судьбе, Москва, я думал о тебе!* («Евгений Онегин») (обратим внимание на самоповторение у Пушкина). У Ганецкого непроизвольное заимствование из последнего отрывка влечет за собой использование и другого его оборота: *И часто...* (от *как часто*). В свою

⁹ См.: [13].

очередь, я *мрачный*, возможно, навеяно *Мрачно он / Недавно гордится славой* из того же фрагмента «Евгения Онегина».

Отметим и другие ходы этого стихотворения, отработанные традицией и попавшие в языковое хранилище поэтизмов.

Тоской мятежной — «гиперпоэтизм»: помимо того, что в словосочетании два лексических поэтизма (первый — еще и поэтический концепт, в семантическом ядре которого компонент ‘о вечном, метафизическом’ укрепляет слово в статусе поэтизма) здесь находим еще и прилагательное в постпозиции, и 4-ст. ямб, рифменное клише *мятежной* — *белоснежной/нежной*. Оборот успешно отработан классической поэзией: *Знакомого образа в милых чертах / Искала с тоскою мятежной* (И.И. Козлов); *Никто, никто, никто не усладил. / В изгнании сем тоски мятежной!* (Лермонтов); *Хочу, хочу в тоске мятежной / Все знать я, — кем он дорожит* (Е.П. Ростопчина); *Проснулась страсть мятежная, / Тоской изныла грудь* (Я.П. Полонский); *И задумалась липа / О весне в тоске мятежной* (К.М. Фофанов); *Пока Борис, в тоске мятежной, / Пытался тщетно позабыть* (Мережковский); *Чтоб скорее от тоски мятежной / Воротиться в низенький наш дом* (Есенин); *Не плачь, не сетуй в тоске мятежной* (А. Мицкевич, пер. А. Ходасевича). Современная практика делает сочетание исключительным достоянием массовой поэзии: *Вам не понять тоски мятежной. / И сердца нежной пустоты* (Е. Речкунова), *Утихнет тоска мятежная, / Не буду таким, как прежде я* (Г. Пикалов); *Не ведал я тоски мятежной, / когда кружится голова!* (С. Поздняков).

Ты помнишь ли, и долго: Ты помнишь ли, при вашей встрече (Тютчев); *Ты помнишь ли, Мария; Ты помнишь ли, как море шумело* (А.К. Толстой); *И долго я блуждал, и часто, утомленный; И долго буду тем любезен я народу...* (А.С. Пушкин). И это лишь малая часть того в традиции, что подготовило поэтизмы, сгустившиеся в стихотворении Н. Ганецкого.

Последняя строфа, притом что поэтический текст предполагает ее особую ответственность за смысл стихотворения в целом, представляет собой абсурдное высказывание: *И долго я тоской мятежной / Не мог прошедшее будить / И ручкой милой, белоснежной, / Уста свои я шевелить* (более оправдан был бы ход **в тоске мятежной*, который бы объяснял разлуку таинственными страданиями героя, вызванными какими-нибудь «роковыми» обстоятельствами; наконец, *не мог будить тоской* — что-то совсем уж странное), однако нелепости смысла, которые образуются при складывании поэтического паззла, включая синтаксически и семантически неудобоваримую финальную фразу, не смущают сочинителя, оглушенного эффектом успешного соединения в одном тексте поэтических клише, позволяющих ему писать «как поэт».

Примечателен и эпитет *измученной* при *судьбе*: автор встраивал его в ритмико-синтаксическое клише, принимая во внимание ритмическую форму, звучание (в частности, отработанное поэзией рифменное притяжение *судьбе* — *тебе*), а не смысл. Сочетание *измученная судьба* — результат довольно неосторожного метонимического переноса и весьма сомнительный образ (эквифоническая корреляция *изменчивой* — *измученной* показательна: сочинение формируется здесь

как своего рода припоминание-калькирование). Выражение *В моей измученной судьбе* — фразеологический поэтизм, речевое клише, возникающее вследствие устойчивого взаимодействия ритмико-синтаксической модели с лексикой, морфологией и даже фонетикой, «результат полного срастания ритмической, синтаксической, семантической стороны стихотворной речи» [14. С. 520].

Возможности современных поисковых систем позволяют быстро обнаружить бытование таких фраз в массовой поэзии. Выражение *измученная судьба*, при всей своей неловкости, в среде массового стихотворства оказывается многократно тиражируемой. Поисковая система Google выдает 226 (!) случаев его употребления, причем исключительно в стихотворных текстах, к тому же в основном написанных 4-стопным ямбом, с рифмой *судьбе — тебе...* Значительная часть произведений воспроизводит оборот, составляющий у Ганецкого строку, целиком (выступает в качестве готовой строки 4-ст. ямба), а если включается в более длинную строку, то не меняет словопорядка: *Ведь ты сама прекрасно знаешь, / какое место занимаешь, / В моей измученной судьбе, / да и вообще здесь, на Земле* (автор неизвестен); *Мне все напоминает о тебе: / И солнце, и земля, и небо. / Ведь ты была важнее хлеба / В моей измученной судьбе* (Елена Венская); *Устал гореть огонь лучисто / В моей измученной судьбе / Закат взирает серебристо, / И нет отрадушки нигде* (Лидия Лазор); *Устал от пьянок и гуляний. / Устал топить печаль в вине / Оно лишь все усугубляет / В моей измученной судьбе* (Кирилл Володин); *Теперь же только о Тебе / Все мысли сны мои и настроения / Ты солнца луч в моей измученной судьбе / Моя надежда на души спасение* (Андрей Петров-Павел); *Ты дитя мое возьми к Себе / Да поближе к сердцу приголубь, / И в моей измученной судьбе / Светом веры непременно будь!* (Татьяна Маругова); *Ты свет в моей измученной судьбе, / Моя дорога к призрачному дому...* (Виктор Северенков). Заметим, что в ядре предложения достаточно предсказуемым оказывается существительное со значением свечения, горения. Тесты с этим выражением дублируют друг друга и в жанровом отношении: это почти исключительно любовная лирика.

Рассматривая явление, названное Бриком «привычным словосочетанием», М.Л. Гаспаров показал, что «такое же мышление готовыми словосочетаниями характерно и для больших поэтов» и что «о формульном стиле в индивидуальном авторском стиле можно говорить с таким же правом» [10. С. 272—274]. В классификации М.Л. Гаспарова строчка *В моей измученной судьбе...* — это ритмико-синтаксическая формула: клише с точным повторением ритмико-синтаксической формы и одного или нескольких слов. Такие формулы, действительно, характерны не только для массового стихотворства. Например, в поэзии мастеров — современников Ганецкого можно обнаружить: *Ты помнишь ли больной осенний день* (Брюсов); *Ты помнишь ли, Париж, как, мститель справедливый* (Мандельштам). Степень эстетической оправданности этих устойчивых поэтических ходов зависит от тактики конкретного текста, степени целостности художественной системы автора. В случае со стихотворением Ганецкого, однако, уже сам факт скопления поэтизмов может считаться свидетельством сомнительной эстетической ценности произведения.

3. Поэтический язык (стиль речи) как операциональная система и ее отношение к поэтизмам

Говоря о поэтизмах, мы обращаем внимание на их принадлежность к стилистике языка, а не стилистике речи. Поэтический стиль языка — то, что Г.О. Винокур рассматривал как одну из ипостасей «поэтического языка», предлагая видеть в этом явлении «не какое-нибудь внутреннее качество языка, не какую-нибудь особую его функцию, в сравнении с его функцией как средства обычного социального общения, а только особую традицию языкового употребления». <...> Точно так же, как есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в языке науки или дипломатии, есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в поэтических произведениях» [15. С. 140—145].

В свою очередь, собственно поэтический язык, будучи «функциональным языком» (в терминах Пражского лингвистического кружка), «не является разновидностью литературного языка» [16. С. 407]. Он представляет собой явление речевое, семиотический инструментарий коммуникативных средств: стратегий и тактик, операций и приемов, область механизмов текстообразования. Применение понятия «язык» в таком случае нужно рассматривать как дань терминологической традиции: именно здесь имеет смысл говорить о поэтическом стиле речи, который, не отвергая ничего в языке, в том числе используя ресурсы поэтизмов, реализует принципиальную интенцию нарушения привычных связей языковых форм, прокладывает новые мыслительные ходы, создает дополнительные валентности единиц, «деавтоматизирует» речевой акт [16. С. 409]. В этом случае все операции и привлекаемые средства подчиняются доминанте, которая предопределяет характер отбора языковых единиц, использование частных операций и приемов, «приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» [16. С. 411].

Хотя подробное обсуждение понятия поэтического языка (поэтического стиля речи) и, шире, языка словесного искусства не входит в задачи этой работы, необходимо, в самом общем плане, подчеркнуть его базовые свойства.

В основе поэтического языка как функциональной речевой системы (по-другому — поэтического стиля речи) лежит установка на остраннение слова и вещи (1), ведущая к многозначности с одновременной актуализацией различных, в том числе и противоположных значений (2а), и многомерности формы (2б), представлении слова и вещи в ипостаси инобытия (2в); преодолению инерционного, автоматизированного утилитарного обращения со знаком (его означающим и означаемым) (3а), установку на «необычное», экспрессивное (3б), образное мышление (4а), метафоризацию (4б) и символизацию (4в) как механизм поиска истинностной связи означаемого и означающего, превращающей случайное в необходимое (4); моделирование индивидуального образа мира, субъективное представления знака и вещи (5а) ради их дальнейшей объективации (5б); овеществление слова (5в) и развеществление вещи (5г); иррациональное сферы абсо-

лютного, области метафизического, вечности (6). Каждое из этих положений с разных сторон раскрыто философией словесного искусства, трудами русской формальной школы, структурно-семиотической теорией искусства, лингвистической поэтикой; см.: [8; 17—20] и др. Для нас важно лишь указать здесь на существенные, принципиальные отличия функционального «поэтического языка» (поэтического стиля речи) как операционального инструментария словесного искусства от нашего предмета — поэтического стиля языка как репертуара поэтизмов — фонда контекстуально-ролевых дейктических указателей, хранимых в памяти говорящего и не требующих собственно реализации эстетической функции языка. Поэтический стиль языка — хранилище всего, что, будучи когда-то найдено поэзией, впоследствии оказалось отработано традицией, в силу чего воспроизводимо как готовый дейктический указатель, всякий раз извлекаемый из ресурсов языка с уже стоящей на нем печатью: «поэтическое».

В отличие от поэтического стиля языка, язык искусства — не область готовых носителей значения, а способ порождения смысла, еще точнее — инструментарий, свод процедур «поиска смысла» (по выражению В. Шаламова — его определению феномена звукового повтора в поэзии; см. [21]). Художественный словесный знак — не готовый символ, а орудие символизации, он ничего не навязывает, а лишь приводит в действие и взаимодействие, не несет заведомого смысла, но зато предполагает ищущего его человека. Поэтому он — обещание, откровение и даже ясно выраженное свидетельство того, что смысл есть.

4. Семантическое строение русского поэтизма

Описание семантических признаков поэтизма¹⁰ в составе языкового значения опирается на трехуровневую модель семантической структуры языковых единиц, выделяющую слои: 1) денотативно-сигнификативной семантики (предметно-логического ядра), 2) стилистической окраски (семантической периферии, формируемой устойчивым употреблением единицы в типических контекстах общения) и 3) коннотации (семантической периферии, вслед за Ю.Д. Апресяном понимаемой как семантика, формируемая национально-специфичными контекстами [22]; ср. [7; 23]). Стилистическая окраска (далее также СО) определяется как область семантики, которую единицы языка приобретают в силу их устойчивого употребления в типических социокультурных и эмоционально-оценочных контекстах и репрезентации с помощью них соответствующих типических коммуникативных ролей («я — ученый»; «я — профессионал»; «я осуждаю» и др.), и рассматривается как средство контекстуально-ролевого дейксиса.

Необходимым и достаточным признаком поэтизма является наличие *художественно-поэтического компонента* в составе *стилистической окраски*. Таковы, в частности, лексические и фразеологические маркеры поэтичности: *безбрежный, безмолвие, брожу, бывшее, взор, вериги, вновь, дивный, лик, незабвенный, пилигрим, сей* (мест.), *а нынче, в сумраке ночном, на миг, сгустилась тьма, чреда грядущих*

¹⁰ Более подробно см.: [24].

дней и т.п. Актуализацию СО как основного семантического компонента поэтизма можно обнаружить, например, в конструкциях: *У нее не взгляд, а взор; Мы говорили не о прошлом, а о былом; День был не удивительный, а дивный.*

Стилистическую краску поэтизма как его главный и необходимый компонент могут сопровождать другие семантические признаки, имеющие факультативный характер, однако могущие существенно усиливать, укреплять единицу в статусе поэтизма. Речь идет о наличии специфических сем в денотативно-сигнификативном ядре поэтизмов, характеризующих тематические константы поэзии, об элементах коннотативной семантики, а также о кластерном взаимодействии СО поэтизма с другими ее видами.

Первым дополнительным признаком поэтизма является включение в состав его семантического ядра семы 'о вечном, метафизическом'. Эта сема соотносит поэзию с ее историческим источником — мифом, а также способствует мифологизации картины мира в конкретном произведении или индивидуальном стиле. Таковы, в частности, устойчивые поэтические концепты-символы: ОГОНЬ, НЕБО, РУКА и др. Концептуальные и тематические слова отражают мотивы, предметы поэтической речи (ср. понятие маркемы [25; 26], экспрессемы [27], поэтемы [28], элемента «предметного мира, организующего характер текста» [29. С. 279—434]. Среди лексических манифестантов этих концептов находим поэтизмы: *пламень, небеса, десница*. Присутствие в семантическом составе поэтизмов ядерного компонента 'о вечном, метафизическом', присущего поэтическим концептам, таким образом, укрепляет его статус. При этом существенно, что лексемы — манифестанты поэтических концептов сами по себе могут быть лишены окраски поэтизма. Так, *пламень, огонь* — поэтизмы; *пламя* носит оттенок поэтичности (тяготеет к поэтизму), хотя может восприниматься и как нейтральное, слово *огонь* — стилистически нейтральное, *пламенеть* — поэтизм, *гореть* — нейтральное. Однако все они реализуют один из значимых концептов поэтического языка.

Вторым катализатором семантики поэтизма является коннотация — печать его использования в конкретных общеизвестных поэтических текстах. В.В. Виноградов определил поэтизмы как «отстоявшийся или образовавшийся набор стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и оборотов» [30. С. 170]. Коннотации поэтизмов размыты и обычно не осознаваемы автором: поэтизмы так или иначе представляют собой уже преимущественно отработанный в поэзии языковой репертуар, который вторично используется ею как известный, расхожий, ощутимый в его коннотативной «памяти» и наиболее доступный инструментарий поэтичности. Поэтизмы носят следы стольких употреблений, что в большинстве своем уже утратили связь с прецедентными текстами: по ним опознается не идиостиль, а стиль коллективный, массовый, тем самым сильно приближенный к фольклору. Вместе с тем эта «смутная» память о конкретных текстах-источниках создает коннотативный ореол, существенно поддерживающий статус единицы как поэтизма.

Яркими примерами носителей коннотативной семантики в составе поэтизма являются рассмотренные выше ритмико-синтаксические клише и формулы. Схожей семантикой обладают устойчивые поэтические ходы, представленные фразео-

логизированными «коммуникативными фрагментами» [11], словосочетаниями, словоформами: *дольние пределы, дальние пределы, иные пределы / предел иной, гудят провода, тревогой объятый / объятый тревогой, биться мотыльком, не ты ль / не вы ль, свершает обряд, унылые песни / печальные песни, на закате горят, у гробовой черты, бушующее пламя, дороги разошлись, вьюга злится, калейдоскоп миров; не печалься, родная; огонь души, пожары страсти, зияющая бездна, в час, и сердце вновь, губы шепчут, краткий миг, срываться с уст, раствориться в тебе, жаль мне, путь твой, взгляд твой, над бездной, у бездны на краю, выстрел в висок, стучит в висках, ты прости, быть может, замедлит бег* и т.п.

Элементами третьего рода, обеспечивающими укрепление статуса поэтизма, являются другие компоненты стилистической окраски (помимо главной, функционально-стилевой, — книжной, художественно-поэтической). Так, усилителем семантики поэтизма служит присутствие жанрового компонента СО, соотносящего единицу с отдельными жанрами поэзии. Такие слова и выражения, как: *безысходный, истома, очаровать, пурпур, так близки, трепетно* характерны преимущественно для лирики; *покуда, вития, былой, грядущих поколений, пламень, будущность, глумление, позорное клеймо, самовластье, отринуть, подыдем* представляют гражданскую оду; *чертог, чудилось, пророчит, преклонил, хладный* — балладу, *синь, стёжка, спозаранку* — крестьянскую поэзию; *коли/коль, али/аль, чисто поле, миленький, кручина, светлица, молвить* — будут связаны с фольклорными поэтическими жанрами. *Грезы, вдохновенье, вновь, неземной, перевозмочь, мерцает, твои черты, в упоеньи* — типичные «лиризмы», носители лирического жанрового компонента СО.

Торжественно-поэтическая лексика и фразеология образуются соединением поэтической функционально-стилевой окраски с окраской эмоционально-оценочной — модальным компонентом важности: *в заветный час, мирозданье, доколь, во гневе, завещано, и вновь, испить до дна, нам не вернуть, неумолимый рок, незримо*. Допуская эмоционально-оценочный нейтралитет, поэтизм вместе с тем исключает появление в области СО компонента пренебрежительности.

Специально следует говорить о связи русских поэтизмов с категорией «высокого». Поскольку за понятием высокого стоит реликтовый теоретический концепт, рожденный системой трех штилей и, шире, классицистическим сознанием и неприменимый к современной коммуникативной культуре (уже в XX веке невозможно представить себе возникновение «высокого» неологизма), для современного русского языкового сознания высокое — семантический кластер, пучок значений, «собирательный образ», образуемый комплексом релевантных стилистических примитивов: 1) книжность (причем не только художественная, но и религиозная); 2) явная архаичность; ксенологический компонент (ощутимое церковнославянское происхождение); 3) жанровая специфичность (тенденция употребления в традиционно «высоких» жанрах — оде, торжественной речи и т.п.); компонент эмоционально-оценочной области СО — модальность важности (торжественности, почтительности) [23. С. 50]. Примеры высоких поэтизмов: *брег, древо, хладный, внимать, постигать, погибель, лик, доколе, покуда, вотще, чело, средь* и т.п.

Сопровождение художественно-поэтической СО комплексом семантических «приправ», образующих «высокое», безусловно, укрепляет поэтизм в его статусе, хотя и не создает его. Область русских поэтизмов лишь частично пересекается с областью «высоких» средств языка.

5. Поэтизмы на разных уровнях языковой системы

Статус поэтизма могут приобретать единицы всех уровней языка, а также устойчивые, общедоступные приемы (силлабо-тонический или тонический стихотворный размер; параллелизм со всеми его фонетическими, лексическими и грамматическими проявлениями — рифмой, анафорой и т.п.; тавтологический лексический повтор и др.).

В числе грамматических поэтизмов русского языка — варианты на *-ою* в тв. п. существительных и прилагательных: *морскою, седою, зимою, бедою, страшною войною, злою силою, мукою*; редуцированные формы существительных на *-је* вм. *-ие*: *пенье, сновиденье*; усеченные формы служебных слов: *меж, средь, ль, иль, чтоб, уж*. Множественное число абстрактных существительных: *Радугами снежных вдохновений* (М. Вега); *Фантазии пространств таинственнее скиний*; *Забвение надежд и жажду утолит. Проявятся тогда из грез и медитаций* (В. Фалёв); *Поймай пятнадцать расставаний*; *То многоцветностью истерик*; *То все оттенки одиночеств / По пальцам не пересчитать*; *Незримые нити с былым расставаний*; *Веселее напевы разлук*; *Аромат апельсиновых зорь* (А. Борычев).

Формы крыла вм. *крылья* (*распахнуть крыла*); *дерев* вм. *деревьев* (*листву дерев*), откуда им. п. *деревá*; краткие формы прилагательных: *светел, черен, горячи*; усеченные формы прилагательных: *сини* вм. *синие* (*сини волны*, ср.: *скользки волны*). *В недоуменьи* вм. *в недоумении*; *в молчаньи* вм. *в молчании*, которые Л.В. Зубова называет «орфографическими поэтизмами», позволяющими современным поэтам «возвышать обыденное, либо иронизировать, либо объединять иронию с пафосом» [31], — формы, широко используемые и в массовом стихотворстве: *И будем в след смотреть в недоуменьи, / И думать: что... мы сделали не так?* (Л. Корнилов, 2015); *В отчаяньи, у жизни на краю, / Когда ни шагу в бок, а только прямо* (Е. Шёпот), *...Держи в смиреньи ноты сердца! / И глаз зевак не подпускай* (И.В. Гримм). По словам лингвиста: «..., чудовищное количество поэтов“ пишет в предложном падеже букву „и“ после мягкого знака потому, что так писали Державин, Грибоедов, Жуковский, Пушкин, Тютчев, Блок, Ахматова, Пастернак, Мандельштам и многие другие — в количестве тоже достаточно „чудовищном“» [31].

Поэтический «привкус» имеет ряд страдательных причастий настоящего времени (в краткой и полной форме): *гонимый* (*гоним*), *негасимый* (*негасим*), *томимый* (*томим*), *незримый* (*незрим*), *хранимый* (*храним*), *влекомый* (*влеком*), *волнуемый*, *колеблемый*. Так же окрашены существительные с нулевой аффиксацией: *высь, синь, глубь, ширь, хмарь, тишь, цветь, звень*.

К поэтизму тяготеют абстрактные существительные, в частности с суффиксом *-ость*: *безбрежность, бездонность, бледность, будущность, лазурность,*

многоцветность, мятежность, необратимость, несвязанность, несравненность, нетленность, осиротелость, прозрачность, сладость, стремительность, фатальность, хищность, — отсюда поэтически окрашены новообразования огромность, алость, бестелость.

В числе синтаксических поэтизмов — такие традиционные формы и приемы, как инверсия (не обусловленная актуальным синтаксисом, например постпозиция согласованного определения: *душа моя, тучи хмурые*), риторические восклицания и обращения (ср. такие поэтические клише, как *мой друг, друг мой, друзья*), умолчания, именная темы, инфинитивные и номинативные модели предложения и др.

Поэтически маркированными являются некоторые средства коммуникативного синтаксиса, например указательное местоимение *этот* (особенно в качестве анафоры, в номинативных конструкциях): *И эта жизнь, и это утро* (О. Озарянин); *Этой правды скромные цветы / У себя не видим под ногами* (Н.В. Доний); *В этот час прозренья, в этот час признанья / Роковой неотвратимости измен* (Н.В. Доний).

Синтаксические поэтизмы находят свое стандартное отражение в зеркале пунктуации. Таково, например, многоточие, оформляющее именная темы, неполные предложения, умолчания, риторические вопросы и восклицания: *Мир в душе... Млечный Путь по спирали... / Красота... И надежды обилье...* (Э.-В. Вайнштейн) — где вкупе с номинативными конструкциями роль автора как поэта реализуют лексические поэтизмы (*в душе, красота, надежды*), редуцированная форма *обилье*. Типично поэтическим ходом может считаться сочетание многоточия с вопросительным или восклицательным знаком; в массовой поэзии: *И глажу перья крыл моих разбитых. / А там?.. Бессилен мозг. Душа молчит* (В. Бородаевский); *Но кто сможет помочь / Эту боль превозмочь, / Эти цепи порвать, Этот мир воссоздать?..* (Э.-В. Вайнштейн); *...Ведь легче, когда, если больно, кому-то больнее?.. / Когда пропадаешь, а кто-то уже — ни за грош?..* (Н.Л. Карпичева); *Июнь, гуляющий в полях густых ромашковых сердец! / Чье счастье спрятал в рукаве непримиримого Персея?..* (А. Борычев); *...Но что мне целый мир, коль я сама — / Вселенная в снегу ночных светил!..* (Н. Егорова). Пунктуация выступает в таких образцах стихотворства, как апофеоз поэтичности, показатель чистого лиризма, поэтической патетики и довершает эффект, созданный другими средствами; ср.: *Чтобы не зябнуть, не мерзнуть, / Чтоб не влачиться во тьме... / Чтобы от нежности вздрогнуть... / Чтобы очнуться в весне...* (Э.-В. Вайнштейн). Поэтизмы в приведенном фрагменте — и анафора, и усечение *чтоб*, причем многократно использованное, очевидно, для сохранения метра, и церковнославянизм *влачиться*, инфинитивные формы, лексические поэтизмы (*во тьме, от нежности, вздрогнуть, весне*).

Это далеко не полный ряд разноуровневых средств, устоявшихся в поэзии и приобретших окраску поэтизма. Они, конечно, характерны и для творчества мастеров, однако находятся «под контролем» их сознания как средства, частое использование которых чревато поэтическим позерством и от которых серьезная поэзия стремится даже избавляться (например, от местоимения *этот*). Массовую

поэзию отличает не критическое перенимание приема как внешнего атрибута, вне его функциональности: так сейчас происходит с набирающей популярность отказом от знаков препинания. Вызванный к жизни установкой поэтического языка на многозначность, в данном случае синтаксическую, этот прием, особенно свойственный современным верлибрам, первоначально использовался как показатель настоящей, свободной поэзии, в отличие от поэзии вторичной, стесненной предписаниями «литературности». Однако на глазах нулевая пунктуация, становясь узнаваемой приметой поэзии и приобретая популярность и в среде массового стихотворства, быстро пропитывается семантикой расхожего синтаксического поэтизма, начинает настораживать хороших поэтов. Ср. в «любительской» поэзии: *Черные птицы в разорванном небе сердца / Тебя уже нет но ты еще помнишь свет* (А. Тасалов) (помимо густой метафорики и лексических поэтизмов характерно устаревшее, отсылающее прежде всего к индивидуальному стилю А. Блока написание *черный*; а знаков препинания нет — «современная поэзия»).

Возвращаясь к поэтической фразеологии, которая рассматривалась выше в связи с феноменом ритмико-синтаксических клише, отметим устойчивые формулы начала строки, строфы и текста: *Есть...*; *Блажен, кто...*; *Как часто...*, *О как...* и т.п., обычно привязанные к риторическому восклицанию. Ср.: *Любовь, любовь, о как же ты прекрасна...* (В. Кузьменко); *Какая ночь! В ней только мы с тобой / да звезды, что горят на небосводе* (В. Евсеев). К общедоступному репертуару поэтизмов относятся, например, такие формулы, как повтор императива *плачь... плачь* в рамках риторического обращения, с предсказуемым адресатом (обычно *сердце*), идущий, вероятно, от А. Пушкина (*Плачь, муза, плачь!* — «Андрей Шенье») и А. Блока (*Плачь, сердце, плачь!* — «На поле Куликовом»): ***Плачь, сердце, плачь!*** *Страданий не унять / Когда болит несчастная душа* (В. Скорых); ***Плачь, сердце, плачь...*** / *И небо тоже плачет / Весенним проливным дождем...* (А. Линева); ***Плачь, сердце, плачь!*** / *Нету в глазах слез. / Мыслей табун вскачь / Вихрем меня нес* (Т. Кузнецова); ***Плачь, сердце, плачь*** *под нежный блюз / Об одиноких и влюбленных* (М. А. Прессман). Ср., однако, у влиятельных поэтов:

Плачь, осень, плачь, — твои отрадны слезы! / Дрожащий лес, рыданья к небу шли! (В. Соловьев); *Плачь, душа, плачь горько по сосне убитой! / Лейтись, лейтись, слезы, молчаливо-дружно...* (К. Случевский); *Зали развевался. / Плачь, Россия, / Плачь, безумную казнь творя!* (Д. Андреев); *Плачь, сердце, плачь, / всех смятений сумятицу переиначь* (В. Соснора).

Заметим, что такого рода формулы — наиболее удобная «приманка» для автоматического интернет-поиска произведений массового стихотворства, которые, в свою очередь, становятся удобным источником сведений о поэтизмах русского языка. На использовании принципа «группового» появления поэтизмов в массовом стихотворческом дискурсе построена методика составления корпусов для «Живого стилистического словаря русского языка» (методика стайлсетов — сетевого обнаружения стилистически однородных текстов с помощью наборов стилевых маркеров), позволяющего на основе машинного обучения автоматически создавать стилистический портрет русского слова (словоформы), в том числе выявляя его тяготение к массовому стихотворческому дискурсу [24; 32]. Обра-

ботка текстов на основе данных веб-сервиса позволяет давать первичную диагностику художественного качества произведения: обилие поэтизмов в современном стихотворстве, стремление активно черпать языковые средства из репертуара языкового поэтического стиля, как правило, оказывается свидетельством невысокого уровня владения автором инструментами собственно поэтического языка (поэтического стиля речи), попросту — показателем плохой поэзии¹¹.

Гораздо труднее будет автоматически определить хорошую поэзию. Ей не предписано заведомо ни стилистического единообразия, ни активного столкновения элементов разных стилистических пластов, притом что стилистическая игра, контрастное соположение стилистически окрашенных средств скорее следует из базовой установки поэтического языка — на многозначность, задаваемую интенцией остражнения, многомерность смыслового устроения текста.

Статус поэта в глазах носителя русской языковой традиции, при всех изменениях в культуре, не теряет своей привлекательности. Именно это обстоятельство делает поэтизмы необходимыми массовой поэзии, общедоступному стихотворческому дискурсу. Как и прежде, многие носители русской культуры пишут и публикуют стихотворения в надежде быть признанными в качестве поэтов. «Поэт» — такой же способ самопрезентации, как «ученый», «деловой человек», «чиновник», «учитель» и пр. Поэтический стиль языка становится в таком случае необходимым подспорьем в реализации социокультурных амбиций. В этом — основа прагматики русского поэтизма.

Библиографический список

1. *Кожина М.Н., Баженова Е.А.* Художественный стиль речи (художественно-изобразительный, художественно-беллетристический) // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 594—608.
2. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008.
3. *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 60-х годов.* 1996. С. 7—10.
4. *Иванов Вяч. Вс.* Маска как элемент культуры // *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки.* М.: Языки славянских культур, 2007. С. 333—344.
5. *Бахтин М.М.* Слово в романе // *Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русское слово. Т. 3: Теория романа.* 2012. С. 9—121.
6. *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
7. *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987.
8. *Григорьев В.П.* Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979.
9. *Долинин К.А.* Интерпретация текста: Французский язык: учеб. пособие. М.: КомКнига, 2010.

¹¹ Нечто прямо противоположное, говоря о поэтизмах, выдвигает в форме гипотезы Б.В. Орехов: «Можно выдвинуть гипотезу, что наиболее частотные для поэтических произведений слова в конечном счете окажутся наиболее экспрессивными и «образными». Проверка этой гипотезы могла бы быть проведена с помощью корпусного исследования» [33. С. 1648]. Природа самого явления экспрессивности как неожиданности, необычности, очевидно, предполагает поиск его проявлений в уникальных, индивидуальных, а потому невысокочастотных формах.

10. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. В 4 т. Т. 4: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012.
11. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
12. *Лекманов О.А.* Русская поэзия в 1913 году. М.: Восточная книга, 2014.
13. *Ронен О.* Лексические и ритмико-синтаксические повторения и неконтролируемый подтекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 56. 1997. С.40—44.
14. *Брик О.М.* Ритм и синтаксис // Славянский стих. 2012. С. 501—550.
15. *Винокур Г.О.* Понятие поэтического языка // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 140—145.
16. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М.: Прогресс, 1967. С. 406—431.
17. *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 9—25.
18. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка // Литературная эволюция: Избранные труды. М.: Аграф, 2002. С. 29—166.
19. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972.
20. *Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Языки русской культуры, 2001.
21. *Шаламов В.Т.* Звуковой повтор — поиск смысла (заметки о стиховой гармонии) // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976. Вып. 7. С. 128—152.
22. *Апресян Ю.Д.* Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. II: Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995. С. 156—177.
23. *Векшин Г.В., Гейченко С.А.* Основы стилистической семантики: учебное пособие. М.: Московский технолог. университет (МИРЭА), 2017.
24. *Векшин Г.В., Лемешева М.М.* Семантика поэтизма и стихотворческий дискурс (из опыта работы над «Живым стилистическим словарем русского языка») // Вестник Воронежского государственного университета. 2019.
25. *Кретов А.А.* Понятие маркемы: методика выявления и практика использования // Универсалии русской литературы: сб. статей / под ред. А.А. Фаустова: Воронежский государственный университет. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010 С. 138—153.
26. *Кашкина А.В.* Маркемный анализ языка русской поэзии: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013.
27. *Григорьев В.П.* Слова в контекстах русской поэзии XX века (О «Словаре избранных экспресsem») // Известия АН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. no 5. С. 12—23.
28. *Руделёв В.Г.* Принципы сегментации поэтической речи // Собр. соч. в 6 т. Т. 2, ч. 2. Тамбов: ТГУ, 2002. С. 85—91.
29. *Фарино Е.* Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.
30. *Виноградов В.В.* Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
31. *Зубова Л.В.* Поэтические вольности и орфография // Арион. 2008. no 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/arion/2008/3/poeticheskie-volnosti-i-orfografiya.html> (дата обращения: 25.05.2019).
32. *Авамилова Э.А., Векшин Г.В., Кретов А.А., Максимов Е.С.* Алгоритмы составления корпусов «Живого стилистического словаря русского языка» и его программная разработка // Книга в современном мире: место в культурной парадигме общества в условиях цифровой революции»: материалы VII междунар. науч. конференции, посвящ. 155-летию Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина, 26—28 февраля 2019 года / науч. ред. Ж.В. Грачева. Воронеж: Принт, 2019. С. 5—19.

33. Орехов Б.В. «Поэтизм»: логический анализ термина // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3 (I). С. 1647—1648.
34. Живой стилистический словарь русского языка. 2019 Режим доступа: <http://livedict.syllabica.com/> (дата обращения: 25.05.1019).

References

1. Kozhina, M.N. & Bazhenova, E.A. (2011). Literary Style (Literary-Figurative, Literary-Belletristic) In *Stylistic Encyclopaedical Dictionary of Russian Language*, M.N. Kozhina (Ed.). Moscow: Flinta: Nauka. pp. 594—608. (In Russ).
2. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R., Salimovskij, V.A. (2008). *Stylistics of Russian Language*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ).
3. Bahtin, M.M. (1996). On Pilosophical Foundations of Humanities In *Collected writings in 7 vols.* Vol. 5. Moscow: Russkie Slovare Publ. and Jazyki Slavjanskij Kul'tur Publ. pp. 7—10. (In Russ).
4. Ivanov, Vjach. Vs. (2007). Mask as an Element of Culture In *Selected Works on Semiotics and History of Culture. Vol. 4. Sign Systems of Culture, Art and Science*. Moscow: Jazyki slavjanskij kul'tur. pp. 333—344. (In Russ).
5. Bahtin, M.M. (2012). Word in Novel In *Collected writings in 7 vols. Vol. 3. The Theory of Novel*. Moscow: Russkoe Slovo. pp. 9—121. (In Russ).
6. Lihachev, D.S., Panchenko, A.M. & Ponyrko, N.V. (1984). Laugh in Ancient Rus. Leningrad: Nauka. (In Russ).
7. Dolinin, K.A. (1978). *French Stylistics*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ).
8. Grigor'ev, V.P. (1979). Poetics of Word. On the material of Russian Soviet Poetry. Moscow: Nauka. (In Russ).
9. Dolinin, K.A. (2010). *Interpretation of the text*. Moscow: KomKniga. (In Russ).
10. Gasparov, M.L. (2012). Selected Works. In 4 vol. Vol. IV. Linguistics of Verse. Analysis and Interpretations. Moscow: Jazyki Slavjanskij Kul'tury. (In Russ).
11. Gasparov, B. (1996). Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ).
12. Lekmanov, O.A. (2014). Russian Poetry in 1913. Moscow: Vostochnaja Kniga. (In Russ).
13. Ronen, O. (1997). Lexical and Rhythm-Syntactic Repeattions and Uncontrolled Subtexts, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Literature and Language*, 56, 40—44. (In Russ).
14. Brik, O.M. (2012). Rhythm and Syntax In *Slavic Verse*. pp. 501—550. (In Russ).
15. Vinokur, G.O. (1990). Concept of the Poetic Language) In *Philologic Researches: Linguistics and Poetics*. Moscow: Nauka. pp. 140—145. (In Russ).
16. Mukarzhovskij, Ja. (1967). Literary Language and Poetic Language In *Prague Linguistic Circle*. Moscow: Progress. pp. 406—431. (In Russ).
17. Shklovskij, V.B. (1983). Art as a Technique In *Theory of Prose*. Moscow: Sovetskij pisatel'. pp. 9—25. (In Russ).
18. Tynjanov, Ju.N. (2002). The Problem of Poetic Language In *Literary Evolution: Selected Works*. Moscow: Agraf. pp. 29—166. (In Russ).
19. Lotman, Ju.M. (1972). Analysis of Poetic Text: Verse Structure. Leningrad: Prosveshhenie. (In Russ).
20. Hanzen-Ljove, Oge A. Russian Formalism: Methodological Reconstruction of the Development based on the Principum of Defamiliarization, S.A. Romashko (Transl.). Moscow: Jazyki ruskoj kul'tury, 2001.
21. Shalamov, V.T. (1976). Phonetic Reduplication — Search for Meaning (Notes on Verse Harmony) In *Semiotics and Computer Studies*. Moscow: VINITI Publ. Issue 7. pp. 128—152. (In Russ).
22. Apresjan, Ju.D. (1995). Connotation as a part of word pragmatics) In *Integral description of the language and System lexicography*. Moscow. pp. 156—177. (In Russ).

23. Vekshin, G.V. & Gejchenko, S.A. (2017). *Theoretical Fundamentals of Stylistic Semantics*. Moscow: Moskovskij Tehnologicheskij Universitet (MIREA) Publ. (In Russ).
24. Vekshin, G.V. & Lemesheva, M.M. (2019). *Semantics of Poeticism and Common Verse-Composing Discourse (Experience Developing the Digital “Russian Live Stylistic Dictionary”, Proceedings of Voronezh State University, (In publ.). (In Russ).*
25. Kretov, A.A. (2010). The Concept of Markeme: Methodology of its Identification and Practice of Use In *Universals of Russian literature*, A. Faustov(Ed.). Voronezh: Nauka-Junipress. pp. 138—153. (In Russ).
26. Kashkina, A.V. (2013). *Markeme Analysis of the Language of Russian Poetry* [dissertation]. Voronezh. (In Russ).
27. Grigor'ev, V.P. (2003). Words in the Contexts of 20th Century Russian Poetry, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Literature and Language*, 62(5), 12—23. (In Russ).
28. Rudelev, V.G. (2002). Principles of Segmentation of Poetic Speech Segmentation In *Collected Writings In 6 vols. Vol. 2, ch. 2*. Tambov: TGU Publ. pp. 85—91. (In Russ).
29. Faryno, J. (2004). *Introduction to Literary Studies*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gercena Publ. (In Russ).
30. Vinogradov, V.V. (1963). *Stylistics, Theory of Poetic Discourse, Poetics*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ).
31. Zubova, L.V. (2008). Poetic Liberties and Spelling, *Arion*, 3 URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2008/3/poeticheskie-volnosti-i-orfografiya.html> (accessed: 25.05.1019).
32. Avamilova, Je.A., Vekshin, G.V., Kretov, A.A. & Maksimov, E.S. (2019). Algorithms for Composition of Text Corpora of “Russian Live Stylistic Dictionary” and its Software Development In *Book in the Modern World: the Place in the Cultural Paradigm of the Society in the Conditions of Digital Revolution*. Voronezh: VGU Publ. pp. 5—19. (In Russ).
33. Orehov, B.V. (2012). “Poeticism”: Logical Analysis of the Term, *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 17(3(I)), 1647—1648. (In Russ).
34. Russian Live Stylistic Dictionary (2019). URL: <http://livedict.syllabica.com/> (accessed: 25.05.1019). (In Russ).

Сведения об авторах:

Векшин Георгий Викторович, доктор филологических наук, профессор Московского политехнического университета. *Сферы научных интересов*: теория русского стиха, поэтика, стилистика. *Контактная информация*: e-mail: philologos@yandex.ru

Лемешева Марина Михайловна, магистр лингвистики, выпускник Санкт-Петербургского государственного университета. *Сферы научных интересов*: поэзия, стилистика. *Контактная информация*: e-mail: lemesheva.m@list.ru

Information about the authors:

Georgy Vekshin, Doctor of Philology, Professor, Moscow Polytechnic University. His research interests include the theory of Russian verse, poetics, stylistics. *Contact information*: e-mail: philologos@yandex.ru

Marina Lemesheva, Master of Linguistics, graduate of Saint-Petersburg State University. Her main research interests include poetry and stylistics. *Contact information*: e-mail: lemesheva.m@list.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1088-1105
УДК 811.161.1'37:821.161.1

Научная статья / Research article

Семантическое пространство романа А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства»

Н.Д. Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
ул. Профессора Попова, 5, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 197376
tashastrel@mail.ru

В статье рассматривается роман лауреата премии «Русский Букер» 2017 года А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства» как гетерогенный текст. Семиотически осложненный текст анализируется сквозь призму культурных кодов. Даются различные определения понятия «культурный код». Семантическое пространство романа разнообразно. Знаковые произведения XX века, к которым обращается автор, — литературные тексты и кинотексты, — рассматриваются как культурные коды. Это позволяет прочесть роман Николаенко на другом семиотическом уровне, проследив многочисленные отсылки, в том числе имплицитные — к символистскому роману Серебряного века. В центре внимания — взаимодействие и пересечение символов и смыслов.

Ключевые слова: семантика, гетерогенный текст, семиотика, знак, культурный код, символизм, смысл

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Стрельникова Н.Д. Семантическое пространство романа А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 1088—1105. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1088-1105

© Стрельникова Н.Д., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37:821.161.1

The Semantic Space in the Novel of A. Nikolaenko “To kill Bobrykin. The History of one Murder”

Nataliia D. Strelnikova

Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI”
Professor Popov Str., 5, St. Petersburg, Russian Federation, 197376
tashastrel@mail.ru

In the article the novel “To kill Bobrykin. The history of one murder” by A. Nikolaenko, the 2017 “Russian Buker” prize-winner, is considered as heterogeneous text. The text, semeiotically complicated, is being analyzed through the prism of cultural codes. Different definitions for the concept “cultural code” are given. The semantic space of the novel is various. Iconic works of XX century, to which the author is drawn by the author, — literary texts and screen texts, — are considered as cultural codes. This approach of looking allows to read Nikolaenko novel on other semeiotic level: to trace numerous references, including implicit — to symbolist novel of The Silver Age. In the focus of attention — the interaction and intersection of symbols and meanings.

Key words: semantics, heterogeneous text, semiotics, symbol, cultural code, symbolism, meaning

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Nataliia D. Strelnikova (2019). The semantic space in the novel of A. Nikolaenko “To kill Bobrykin. The History of one Murder”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1088—1105. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1088-1105

Введение

Роман «Убить Бобрыкина. История одного убийства» (2017) представляет собой гетерогенный текст. Данная статья предлагает познакомиться с книгой Александры Николаенко с этой точки зрения.

Понятие «текст» в лингвистике и семиотике рассматривается широко. Гетерогенный текст интертекстуален и многослоен, его элементы вовлечены в сложное взаимодействие, что влечет за собой различные трактовки и варианты прочтения. Восприятие реципиентом-читателем гетерогенного, т.е. семиотически осложненного, текста, становится все более актуальным и спорным вопросом как в лингвистике, так и в литературоведении. Сама структура текста подразумевает некую заданность кодом или кодами.

Понятие «код и культурный код» являются одними из основных в семиотике.

Под культурным кодом понимается «ключ к пониманию данного типа культуры, уникальные культурные особенности <...> Это закодированная в некоей форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное — не то, что четко говорится или осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках» [1]. Н.В. Худoley пишет про культурный код, что его «принято по-другому называть национальным менталитетом» [2. С. 157]. Рассуждая об актуальности проблемы

культурного кода не только для культурологов, но и лингвистов, философов, социологов и политологов, муслируется мысль о том, что «владение культурным кодом помогает не только понять культурные особенности нации, но и выстраивать стратегии национального развития в будущем» [2. С. 157].

Ранее Р. Барт сформулировал взаимозависимость текста и культурного кода: «Всякий текст сплетен из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор, как правило, не отдает себе ни малейшего отчета, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно [3. С. 39]. По Р. Барту «коды — это определенные типы *уже виденного, уже читанного, уже деланного*; код есть конкретная форма этого „уже“» [4. С. 456]. «Сотканный из множества равноправных кодов, словно из нитей, текст в свою очередь сам оказывается вплетен в бесконечную ткань культуры; он является ее „памятью“, причем „помнит“ не только культуру прошлого и настоящего, но и культуру будущего: “В явление, которое принято назвать интертекстуальностью, следует включить тексты, возникающие *позже* произведения: источники текста существуют не только до текста, но и после него» [3. С. 39—40].

Понятия-термины *интертекстуальность* и *интертекстуальный анализ* также далеки от однозначности. «Следует ли сохранить расплывчатое понятие „интертекст“ или нужно заменить его рядом более конкретных терминов?» [5. С. 5], «каково современное состояние и перспективы так называемого мифопоэтического анализа <...> и существуют ли „аксиомы“ интертекстуального анализа, которые разделяют ученые различных школ и направлений?» [5. С. 5]. Этими и целым рядом других, не менее важных и спорных вопросов, задаются авторы сборника с красноречивым названием «Интертекстуальный анализ: принципы и границы». Сборник составлен по итогам международного научного семинара, проходившего в СПбГУ в апреле 2016 года; сам же термин был введен Ю. Кристевой в 1967 году.

Итак, Р. Бартом текст понимается как «многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [4. С. 388].

Ю.М. Лотман к 1980-м годам подойдет к пониманию текста, очень близкому к бартовскому пониманию. Ранее (1950—1960-е гг.) ученый развивал концепцию Р. Якобсона, применившего метод бинарных оппозиций, предназначенный для описания единиц языка, при анализе поэтических текстов, впоследствии ставший основой для структурного анализа поэтического текста.

В понимании Ю.М. Лотмана «культурный код» — это «взрыв», представляющий собой соотношение двух или более знаков культуры. Взаимодействуя друг с другом, знаки сталкиваются в семиотическом пространстве. «Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степенью переводимости и непереводаемости» [6. С. 30].

Многочисленность связей между знаками, смысловыми элементами, потенциальными и реальными, их совокупность образует новый, объемный, смысл, понимаемый как отношение элементов друг к другу и каждого элемента к целому.

«Смысловое пространство обладает памятью о своих прошедших состояниях и потенциальным „предчувствием“ будущего» [7].

«Итак, текст, по Барту, это не устойчивый „знак“, а условия его порождения — это питательная среда, в которую погружено произведение, это пространство, не поддающееся ни классификации, ни стратификации, не знающее нарративной структуры, пространство без центра и без дна, без конца и без начала — пространство со множеством входов и выходов (ни один из которых не является „главным“), где встречаются для свободной „игры“ гетерогенные культурные коды. Текст — это интертекст, „галактика означающих“, а произведение — „эффект текста“, зримый результат „текстовой работы“, происходящей на „второй сцене“, шлейф, тянущийся за текстом» [3. С. 39—40].

В.В. Красных образно сравнивает культурный код с сеткой: «Код культуры может быть определен как „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [8. С. 5]. Автор развивает данную мысль: «Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и „кодируют“. Коды культуры как феномен универсальны <...> Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [8. С. 5]. Существуют некоторые базовые метафоры, автор статьи приводит типы метафор. Так, для описания окружающего мира используются антропоморфные соматические метафоры [9].

Наконец, снова обратимся к исследованиям Р. Барта и его определению кода: «Мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры» [4. С. 455—456].

В свете идей Р. Барта, Ю.М. Лотмана, «игры» гетерогенных кодов и рассматривается произведение лауреата премии «Русский Букер» 2017 года Александры Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства».

Интертекстуальность в романе «Убить Бобрыкина. История одного убийства»

В аннотации к изданию 2018 г. говорится о «литературоцентричности» этого произведения [10. С. 2]. Само название звучит провокационно, вызывая в памяти, с одной стороны, имя популярного и плодовитого писателя XIX века П.Д. Бобрыкина (1836—1921), с другой стороны, ассоциативно всплывает известный фильм К. Тарантино «Убить Билла» (2003). Кроме того, автор обращается к прецедентным текстам. Третья глава романа называется «Два капитана», пятнадцатая — *Изумрудный город*, а предпоследняя глава — *Под небом голубым*. Упоминаются «Great expectations» Ч. Диккенса, киноверсия пьесы А.Н. Островского «Бесприданница», представленная фильмом Э.А. Рязанова «Жестокий романс»; строками стихотворения Б. Пастернака «Зимняя ночь» *Мело, мело...* названа одна из заключительных глав.

Структурно роман А. Николаенко состоит из двух частей. Первой части предшествуют два эпиграфа: короткий диалог из книги Николая Якушева «Люди на корточках» и стихотворение Олега Григорьева: «Я мялку вынимаю / И начинаю мять. / Кого не понимаю — / Не надо понимать. / А то если подумаешь / и что-нибудь поймешь, / Не только мялку вытащишь, / А схватишься за нож!» [10. С. 3]. Эпиграф второй части — это стихотворение Н.С. Гумилёва «Самоубийство», приведенное почти целиком, без последней строфы, с нарушенной разбивкой на строфы.

События романа Николаенко развиваются с 70-х до начала 90-х годов прошлого века. Это время последних лет существования советской России легко узнаваемо и тактильно воспринимаемо. Автор обращается к двум знаковым произведениям эпохи: это роман В. Каверина «Два капитана» и кинофильм С. Соловьёва «Асса». Оба произведения можно воспринимать как художественные тексты, красноречиво и точно отразившие советское время. В первом случае — это роман в духе социалистического реализма, но одновременно классический, с одной стороны, приключенческий роман, опирающийся на лучшие образцы этого жанра, овеянный романтикой путешествий, с другой, — роман воспитания. Фильм «Асса» четко и точно обозначил конец советской эпохи.

Остановимся на рассмотрении романа В. Каверина «Два капитана» как одного из кодов книги А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства».

Роман В.А. Каверина «Два капитана» и его киноверсия

Автор упоминаемой выше статьи Н.В. Худoley считает, что именно классические тексты формируют культурный код нации. Имеются в виду тексты, без знания которых гражданам той или иной страны сложно будет точно и полно понять друг друга или адекватно разобраться в реалиях современного им мира. С точки зрения автора, «чтобы стать частью культурного кода нации», литературное произведение должно «соответствовать духу своего поколения, отражать свое время» [2]. В список книг, предложенных Худoley, из советской литературы вошли и «Два капитана», и сказочная повесть А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939; 1959) [2].

Любопытно, что приключенческий роман В. Каверина фигурирует у автора в телевизионной версии как фильм, а не как книга. «Санька, ты смотрел „Два капитана“? — однажды Шишина спросила Таня» [10. С. 26]. В третьей главе романа школьница-соседка задает этот вопрос главному герою романа Саше, с которым она дружит. Но «мать Шишину не разрешала смотреть „Два капитана“». «Глаза себе испортишь», — говорила мать. И Шишин не смотрел» [10. С. 26]. Таня эмоционально и зримо рассказывает историю, написанную В.А. Кавериним, «о верной дружбе, верной дружбе и о вечной, вечной о любви. Про Саню с Катей и Ромашку, про какого Шишин сразу же решил, что тот Бобрыкин ненавистный будет» [10. С. 26].

Одну из лучших, как представляется ныне, книг XX века для юношества, В. Каверин начал писать в 1938 году, закончил в 1944 году. Сейчас мы сказали бы, что это «культовая» и знаковая книга, отражающая свое время. Но одновременно

она существует вне времени, это книга с динамичным сюжетом, с обаятельными героями, с тайной, которую необходимо разгадать: это увлекательное чтение. Книга Каверина была экранизирована дважды: в 1955 году и в 1976 году; более того, история, рассказанная Кавериним, не потеряла актуальности и в XXI веке, став литературной основой мюзикла «Норд-Ост». Нельзя не согласиться с А.К. Жолковским: «Я знаю, что этот роман уже не так популярен, как когда-то, да и советскость в нем самая настоящая, но я люблю его с детства <...> Недавно <...> заглянул в книгу и зачитался» [11. С. 174].

Саша Шишин, слушая историю Сани Григорьева, ставшего полярным летчиком и разгадавшего тайну пропавшей экспедиции капитана Татаринова, открывшего Северную землю в 1915 году, «вспомнил вдруг, что Саней звали его когда-то люди, а теперь все Шишиным зовут они его...» [10. С. 27]. Имплицитно можно заметить и отсылку к В. Набокову, обозначившему переход из детства в чужой, безлюбивый, враждебный мир: «Больше всего его поразило то, что с понедельника он будет Лужиным» [12. С. 15]. Саша Шишин, как и Саня Григорьев, клянется «бороться и искать, найти и не сдаваться... — Ты навсегда клянись! — сказала Таня. — Я навсегда!» [10. С. 27]. Слова девиза из романа В. Каверина — «Бороться и искать, найти и не сдаваться» — являются последними строками стихотворения А. Теннисона «Улисс» и высечены на могиле Роберта Скотта, полярного исследователя, погибшего на обратном пути по возвращении экспедиции с Южного полюса в 1912 году. Автор романа «Убить Бобрыкина. История одного убийства» пишет: «Весь мой литературный фундамент — из папиных любимых книг. Это были старинные издания, довоенные. Я до сих пор помню не только, о чем они, но и их запах <...> Это и папины слова из „Двух капитанов“ <...> „Бороться и искать, найти и не сдаваться“. Я не наивна, за папой повторяя их, просто это очень верные слова» [13]. Герой романа В. Каверина Саня Григорьев — настоящий герой времени: смелый, сильный, целеустремленный человек; а сам роман привлекателен и сейчас тем, что в нем утверждаются вечные ценности: верность, память, справедливость, дружба, преданность и любовь.

Отец Саши Шишина был капитаном второго ранга, и «странами морскими пахло от отца» [10. С. 277], но читатель узнает об этом только в «Главе Последней». Трагедия Саши в том, что он остановился в своем интеллектуальном развитии на уровне примерно пятого класса школы. Почему это произошло и когда — неизвестно. Детство кончилось, одноклассники выросли. Напомним диалог первого эпиграфа первой части: «— Слушай, Элька, — пробормотал Сундуков, поддаваясь очарованию заповедной улочки. — Неужели мы когда-то были детьми? — Меня другое волнует, — ответил, подумав, Флягин. — Неужели я когда-то стал взрослым?» [10. С. 3].

Саша Шишин погружен в свой мир, где важную роль играют сны и детские воспоминания. «В одной аннотации, — пишет А. Николаенко, — моего Сашу называли „не вполне здоровым главным героем“ <...> Мой Саша — мой ребенок, человек, который любит, любит по-настоящему, навсегда, из детства, любит против всех жизненных обстоятельств, боли и страха, один против всего и навсегда» [13]. Это отличает книгу А. Николаенко от романа В. Каверина. Каверину

надо было преодолеть «дистанцию между автором и идеальным советским героем» [11. С. 176]. Каверин пишет в Автобиографии, что он «решил — впервые в жизни — писать роман от первого лица» [14. С. 14]. Николаенко пишет от третьего лица, но дистанция между автором и героем незначительна. Несмотря на то, что герой — аутист, иногда кажется, что автор и герой совпадают, сливаются. В главе «О возвращении забыть» Саше снится, что его папа — это сам Александр Иванович Маринеско, Герой Советского Союза. В действительности, отец Шишина, Николай Петрович, капитан второго ранга, ВПА, погиб, когда Саша был маленьким, но он помнит отца. «Ты тоже вырастишь и капитаном станешь, откроешь Северную землю и назовёшь ее в честь Тани!» [10. С. 277], — напутствует он сына то ли в реальности, то ли во сне. Так причудливо и безумно реализуется мечта, а сюжет романа подобно бумерангу, совершает круг, вновь обращая к «Двум капитанам» В. Каверина. Именно отец дарит Саше перочинный нож, которым главный герой воспользуется в финале. Так концовка романа возвращает нас ко второму эпиграфу первой части: «Не только мялку вытащишь, / А схватись за нож».

Представляется важным и то, что Саня Григорьев в детстве был немым, то есть не совсем здоровым, но смог преодолеть этот недуг.

Книга Николаенко построена подобно роману Каверина, т.е. рассказ обрывается там, откуда началось все повествование: Саня Григорьев возвращается в Энск, а последние слова «Эпилога» романа — «Бороться и искать, найти и не сдаваться» отсылают к клятве мальчиков в начале романа. В начале книги Николаенко Саша клянется этими же словами «навсегда», а в Последней главе вспоминается Северная земля, Австралия, возникающая не без влияния Жюль Верна и романа «Дети капитана Гранта», быть может. Кроме того, первая и последняя главы романа начинаются одинаково: «„Удавлюсь!“ — подумал Шишин и за веревкой в хозяйственный пошел. — Куда собрался? (не) спросила мать» [10. С. 5; С. 275]. Саня Григорьев «становится как бы живым заместителем погибшего капитана Татарина» [15], Саша Шишин надевает китель отца в конце романа.

В свою очередь, и роман В. Каверина является гетерогенным текстом [11; 15]. Так, были сопоставлены завязки романа Каверина (выброшенная сумка с письмами) и роман М. де Сервантеса «Дон Кихот» (рукопись у уличного мальчишки) [16]; замечено, что Каверин воспроизводит сюжетную основу романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта» [11]: найденные письма, пропавший капитан, поиски. Каверин опирается на богатую книжную традицию — приключенческого романа, романа-путешествия, романа воспитания [11, 15, 17, 18]. Этим во многом и объясняется «стойкое обаяние» [11] книги В. Каверина.

Таким образом, можно говорить о так называемой «семиотической матрешке». Этот термин был использован применительно к кинотекстам [19], но те же принципы и механизмы работают и в художественных литературных текстах. Напомним, что в романе Николаенко «Два капитана» упоминаются героями как кинотекст, но для автора, конечно, книга В.А. Каверина — увлекательное чтение, литературный текст, прежде всего.

Особую роль в семантике романа А. Николаенко играют письма. Письма Тани представляют собой *вторую реальность, текст в тексте, роман в романе*. Возможно, что на появление этого сюжетного хода — использование эпистолярного жанра в тексте произведения — автора натолкнули также письма из романа Каверина. Это не только письма, найденные в завязке романа маленьким Саней, но и те письма, которые Саня Григорьев пишет Кате, это серия писем, похожих на дневник, так и неотправленных адресату.

Если «Два капитана» можно назвать романом воспитания, по крайней мере, эта жанровая модель использована Кавериним [15], то в «Убить Бобрыкина» взросления не происходит, и в этом трагедия.

Автор статьи о «Двух капитанах» считает, что в романе Каверина рассказана не только история Сани Григорьева, но и «история страны, проходящей те же стадии становления, что и герой. Каверин пытается показать, как после забитости и „немоты“, хаоса начала 20-х и героических трудовых порывов начала 1930-х к концу войны она начинает уверенно двигаться к светлому будущему...» [15]. Роман Николаенко, к сожалению, не дает такой надежды. Страна остается в болезненном состоянии, правда, финал романа открыт. Не сразу становится понятно, что письма Тани пишет Саша, пишет сам себе. Он буквально перевоплощается, становится Таней, заново переживая детские впечатления. В письмах он такой, каким хочет, чтобы его видела Таня, только в письмах заключается и концентрируется настоящая жизнь Саши, из писем состоит его подлинный, теплый мир с запахами, звуками, красками, куда можно убежать от скучной и жуткой реальности. Автор страстно и тонко рисует жизнь на грани безумия, раздвоение личности, симптомы паранойи, знакомые, например, по роману Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1902) и фильму А. Хичкока «Психо» (1960).

Изумрудный город и город золотой как реквием по мечте

Одна из важных глав романа А. Николаенко называется «Изумрудный город», она адресует к известной сказочной повести А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939; 1959). Сказка А.М. Волкова вторична, написана на основе сказки американского писателя Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Однако в 70—80 гг. XX века, а именно в это время происходит действие романа, в СССР не упоминали волшебника страны Оз, дети и их родители воспринимали сказку А. Волкова как оригинальное произведение. «Было холодно и некрасиво», — пишет Николаенко [10. С. 93], и потому Таня, прочитавшая книгу А. Волкова, начинает придумывать, как изменить скучное пространство вокруг. Для этого надо стать волшебником самой, и она становится им, ищет свой Изумрудный город, бродя по улицам и дворам и вовлекая в эти поиски Сашу. Наконец, они находят зеленое стеклышко, после чего угрюмый и тусклый мир вдруг преображается в радостный и светлый. «И дальше шли, меняясь стеклышком и стеклышком меня ненастоящий черно-белый город на город настоящий, что нашли» [10. С. 94].

Предпоследняя глава романа называется «Под небом голубым», это строка известной песни в исполнении Б. Гребенщикова из знакового фильма Сергея Соловьёва «Асса». «„Есть город золотой“, — сказала Таня» [10. С. 270]. Автором стихов «Рай» («Над твердью голубой...») является Анри Волохонский [20]. Это стихотворение с измененной строкой стало известным благодаря песне Б. Гребенщикова и фильму С. Соловьёва. В романе тема *города золотого* возникает как мечта и иллюзия, и, конечно, это город детства. Веря, что *город золотой* есть, можно жить: «кто любит, тот любим. Кто светел, тот и свят». Но если любви нет, человек дичает, а когда любовь заканчивается — наступает смерть. После главы «Под небом голубым» автору, наверно, стало трудно или невозможно придумать название последней главы, поэтому она называется просто — Последняя.

Естественным продолжением «Есть город золотой...» могла бы стать песня И. Корнелюка «Город, которого нет ...» на слова Р. Лисиц из сериала «Бандитский Петербург» (2000). Так как речь в статье идет о тексте в понимании Ю.М. Лотмана и Р. Барта, эта отсылка актуальна и значима. Одна из рецензий на роман А. Николаенко называлась «Реквием по детству из сумерек любви» [21]. Автор романа, высоко оценив рецензию, между тем уточнила, что точнее — «Реквием по мечте» [13].

В фильме «Асса» (1987) символически обозначен конец советской эпохи, запечатлено ощущение, что время в нашей стране изменилось, меняется на наших глазах. Фильм стал своеобразным манифестом: в финале звучит призыв к переменам в исполнении В. Цоя. Кажется, что творчество С.А. Соловьёва с его очень тонкими психологическими фильмами «Сто дней после детства», «Нежный возраст» и «Асса», отражает как личные глубокие переживания, так и переживаемое многими. Зыбкость, острота и болезненность восприятия юношеского взросления, созвучны тому, что фиксирует, заново переживая, Александра Николаенко и ее герой.

Трагическую развязку романа приближает эпизод из времени «нежного возраста» (название фильма С.А. Соловьёва), болезненного перехода из отрочества в юность. В главе 42 «Мело, мело...» Таня цитирует, не совсем точно, известные строки стихотворения «Зимняя ночь» из романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», «и Шишин вспомнил, что пастернак тушила мать в чугуне, с фасолью <...> Я пастернака не люблю ...» [10. С. 239—240]. Так, через фарс, приближая трагическую развязку, обозначается пропасть непонимания, нарастающая по мере взросления Тани и болезненного отставания в развитии Саши, остающегося в детстве.

Импрессионистическое предложение, напоминающее о профессии автора, закончившей Строгановское училище, — «на сером серым март дорисовывал февраль» — имплицитно вызывает в памяти строки «Февраль. Достать чернил и плакать!» [22. С. 75].

В романе много имплицитных отсылок. Яркий, колдовской, «нутряной» язык буквально завораживает читателя. Инверсии, звукопись, обилие окказионализмов, особый «странный» ритм, а большая часть книги написана ритмизованной прозой, отсылает к экспериментам Серебряного века, в частности, к творчеству Андрея Белого и его орнаментальной прозе.

Проза Серебряного века

1. Орнаментальная проза Андрея Белого

Орнаментальную прозу также называют лирической, ритмизованной (или ритмической), неклассической [23]. Л.А. Новиков, автор монографии «Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого», считает, что «термин *орнаментальная проза* как более емкий и общий целесообразно предпочесть другим [24. С. 323]. Исследователь подчеркивает специфику стилистики орнаментальной прозы и перечисляет ее характерные особенности, среди которых «насыщенность и „теснота“ изобразительного ряда, ритмическое спиралеобразное развертывание системы образных средств в виде лейтмотивов, развитие музыкальной темы, многозначность (символичность) самих образов и богатство их ассоциативных связей» [24. С. 326]. Кроме А. Белого в жанре орнаментальной прозы писали Н.В. Гоголь, Е.И. Замятин, А.М. Ремизов, Максим Горький, Л.М. Рейснер. В 2017 году к этому забытому сейчас жанру обратилась Александра Николаенко.

Новиков, настаивая на определении прозы А. Белого как орнаментальной, поясняет, что орнаментальная проза — «это система возможностей, предел поэтической изобразительности художественной прозы» [24. С. 324], вторя тем самым своему любимому автору, Андрею Белому: «труднейшая область поэзии, полная неисчерпаемых, великолепных возможностей», «тончайшая, полнозвучнейшая из поэзии» [25. С. 52; 55]. Одним из первых, написавших об орнаментальной прозе А. Белого, был В.Б. Шкловский, посвятивший Белому очерк и увидевший истоки появления столь необычной стилистической манеры письма Андрея Белого в антропософии: «Антропософское задание было преодолено материалом и повело только к усилению и укреплению метафорического ряда. Вместо антропософской многоплановой прозы мы получили прозу орнаментальную» [26. С. 207]. Орнаментальная проза обладает насыщенной языковой потенцией; кроме музыкальности и ритмичности, особую роль играет и цветопись, и особая пластичность, и архитектура композиции, т.е. в вербальном искусстве орнаментальной прозе находят отражение другие искусства. Эта проза являет собой «гармоничный синтез различных искусств — в словесном» [24. С. 313].

Одной из характерных особенностей своеобычности орнаментальной прозы является двуплановая структура, композиция «двоемирия». В прозе А. Белого данная особенность проявляется в том, что повествование развертывается происходит в двух планах, «второй (внутренний) план — художественное проникновение в глубину бессознательного героев, в мир их мысли и чувств [24. С. 383]. Эту черту орнаментальной прозы наследует автор романа «Убить Бобрыкина». Например, в книге Николаенко переход из одного плана в другой, «стык двух миров» ярко выражен во второй главе: «Пельменями из дворницкой тянуло, кислым мясом, там жили люди в таджикских байковых одеждах, с тюрбанами, с зубами золотыми, без креста. В лифтовой шахте копошились крысы, где-то в доме открывались и захлопывались двери, мигала тускло лампа, ящики почтовые тянулись вдоль стены. Над ящиками было рукой врага написано: ГАНДОН! <...> на дне

конверт нащупал Шишин, схватил его и, с облегчением к груди прижав, стоял, не открывая глаз, и так стучало сердце под конвертом, точно перепрыгнуло из Шишина в конверт. <...> „Шишину от Тани...“ — Шишин прочитал, вздохнул и выдохнул, лицо в бумагу спрятал и долго дышал чернилами и типографской краской, клеем канцелярским, лакрицей, жженым сахаром, корицей, монпансье и мылом земляничным ... и той рукой, что выводила: *Шишину от Тани! Тани-Тани-Тани! Трам-пам-пам!* — стучало сердце. Щекотно было, запах светом солнечным сочился. Перцем лестничная пыль глаза слепила, и расплывались строчки на губах. *От Тани, Тани! Тани! Тани ... Трам-пам-пам!* Всё расплывалось, растворялось, всё стучало! Всё! Пельменный запах, лампа, батарея, мать за дверью, тусклая вода ... и растворилось, всё пропало, всё исчезло... Всё! Трам-пам-пам! — стучало сердце, и Шишин не заметил, как огоньки табло над лифтом вверх вбежали и быстро заскользили вниз. „Шишину от Тани ...“, — опять подумал он, нос защищало радостно, как одуванчиками в мае, мятым леденцом, кленовым медом ... Весенней пылью. Коркой ледяной. Полынью пыльной у забора. Черешней, что с Танюшей ели из газетного кулька, вдвоем, и воблиным хвостом. Ореховым колечком. <...> Черёмуховым снегом ...» [10. С. 21—22].

«Осколочная» композиция некоторых частей текста, смена ракурса изображения, монтаж, «многослойность повествования», «мозаика голосов», дробление единой картины на составляющие [24. С. 388—389], маркированное выражение беспокойных «приливов» «потока сознания» персонажей, эмоционального варьирования какого-нибудь интеллектуального и эмоционального переживания, вызванного неотвязной мыслью» [24. С. 392] — все эти составляющие, отмеченные Л.А. Новиковым в прозе А. Белого, буквально воскресли в книге Николаенко. Композиционный прием «неожиданного каламбурного перевода повествования из одного плана („глубинного“, символического или отвлеченно-научного) — в другой (бытовой)» [24. С. 386]. В романе Николаенко этот прием находит отражение в уже цитировавшемся выше фрагменте с Пастернаком и пастернаком [10. С. 239—240]. Также когда герой оценивает предложение матери взять ложку, не различая при этом многозначности слова: «Зачем мне ложка, — удивился Шишин, — если я ботинки надеваю?» [10. С. 19]. Приведем еще один эпизод, свидетельствующий о «каламбурном» сознании главного героя и двух планах повествования: «неторопливо, неотступно шли за ним следы. Не отставали <...> Следы остановились» [10. С. 102].

И последнее здесь замечание. Реакция критики на книгу лауреата премии «Русский Букер» неоднозначна, иногда агрессивна, что естественно для произведений с «лица не общим выраженьем» [27. С. 117], говоря словами Е. Баратынского. «Деструктивный» язык — «разбросанный», «мысленный» язык, т.е. эмбриональный, как его нарекает Новиков [24. С. 313], далеко не каждым читателем и критиком и, конечно, не сразу, воспринимается. Между тем, именно такой язык произведения способен мотивировать читателя додумать самостоятельно недосказанное автором, соединить отдельные фрагменты и мотивы, подчинить свои мысли и эмоции потоку ассоциаций.

2. Символистский роман Ф. Сологуба

Роман «Убить Бобрыкина» написан не без влияния символистского романа начала XX века, и прежде всего романа Ф. Сологуба «Мелкий бес».

Аллюзия к творчеству Сологуба очевидна. Она заявлена автором в интервью [28].

В обоих случаях эпиграф становится одним из ключей, кодов, помогающим в расшифровке романов, и является тем «ружьем, которое должно выстрелить». Строка из стихотворения Ф. Сологуба «Я сжечь ее хотел, колдунью злую» стала эпиграфом к его роману «Мелкий бес». В конце XXX главы (одна из последних глав романа, третья от конца) главный герой устраивает пожар, поджигает занавес у окна, потому что его мелкий бес, недотыкомка, «навязчиво подсказывала» [29. С. 273] Передонову сделать это. В книге А. Николаенко последняя строка эпиграфа «...А схватишься за нож!» «срабатывает» в конце романа. «„И всё ... — подумал. — Всё“. В кармане перочинный нож нащупал и щелкнул кнопкой выдвигной» [10. С. 282].

Можно бесконечно говорить о параллелях между произведениями Ф. Сологуба и А. Николаенко, множить примеры, касающиеся структуры (две реальности), расстановки действующих лиц (своеобразное преломление темы любовного треугольника), сюжета, обращения к теме школы, системы образов, интертекстуальности, образа главного героя — душевнобольного человека. «Передонов квинт-эссенция обыденного сознания всех, с другой стороны — все остальные словно грязные зеркала отражающие что-то от передоновского сознания» [30. С. 139]. В романе «Убить Бобрыкина» не совсем так. С одной стороны, Шишин, буквально вербально повторяя фразы, произнесенные или изреченные матерью, сказанные Таней, услышанные когда-то, является, перефразируем, «квинтэссенцией обыденного сознания» 80-х годов XX века. С другой стороны, сам Саша представляет собой особый мир с индивидуальными представлениями, страхами, маниями и страстями, где главное — любовь и верность. В этом Шишин есть полная противоположность Передонову. Детская преданность Тане, ставшая любовью, превратившаяся в маниакальную, болезненную страсть, наполняет несчастную и безумную жизнь героя радостью существования, счастьем и осмысленностью.

Естественным результатом искаженного восприятия действительности и у Передонова, и у Шишина является размытость границ между сном и явью, безумием и трезвым взглядом, настоящим и прошлым, воспоминанием и надеждами, чаяниями и иллюзиями; постоянная зыбкость переходов является отличительной стилиевой чертой авторов обеих книг.

Разделяя мнение автора статьи «Семиотика конфликта в романе Ф. Сологуба „Мелкий бес“», считающего, что «реалии, описываемые в романе, становятся выразительным воплощением онтологической безнадежности, присутствующей в картине мира рубежа веков и в мировоззрении Сологуба» [31. С. 28], заметим, что к 70-м годам XX века картина мира не изменилась. Она столь же онтологически безнадежна, но не в мировоззрении Николаенко. Скорее наоборот, автор ностальгирует по ушедшему времени своего детства и юности, но любопытно, что текст свидетельствует об обратном.

Текст Сологуба многослоен: «семиотическая рефлексия сологубовского текста направлена на воспроизводство культурного кода, благодаря чему текст обогащается новыми смыслами» [31. С. 29]. Сологуб использует классические сюжеты и образы («Шинель», «Пиковая дама», «Записки сумасшедшего», «Записки из подполья», «Двойник», «Человек в футляре») [32], но помещает их в реалии современного ему мира, окружает современными декорациями.

Страх Передонова, что на его месте окажется Володин, его подменят Володиным, превращается в манию, ведущую к трагической развязке. «Убить Бобрыкина» становится навязчивой маниакальной идеей Шишина только потому, что «Бобрыкин ненавистный» оказался рядом с Таней, а когда-то, в детстве, на его месте был Шишин. Тема *двойничества*, идея *подмены* звучат в обоих текстах.

Роман Николаенко — прямая проекция на роман Сологуба и, следовательно, роман Николаенко тянет за собой «весь шлейф» того, что уже присутствует в романе Сологуба, порождая новые смыслы, связанные уже с советской реальностью. Чтение первых страниц книги Николаенко уже вызывает аллюзию с сологубовским «Мелким бесом»: фон, атмосфера, буквально давящая все живое. Тоска и мрак, беспредельная беспросветность и бессмысленность бытия, неприютность разлиты по страницам обеих книг. Удивительно, как авторам удастся «навеять» читателю ощущение духоты, угрюмости и тошнотворного пространства, убогость и вязкость быта, создав при этом органичный поэтический текст. В обоих случаях использованы разные приемы и задействованы разные уровни языка. Постепенно нарастающее безумие, приводящее к убийству, искусно описано Ф. Сологубом и А. Николаенко. Раздвоение личности происходит «с разным знаком»: Передонов и Шишин не похожи, однако значимые фамилии-антропонимы указывают на их родственность.

Рамки статьи позволяют привести лишь несколько примеров, свидетельствующих о влиянии сологубовского романа на книгу А. Николаенко, хотя параллели не ограничатся одной страницей. Прежде всего, персонажи подвержены мании преследования и испытывают постоянное чувство тревоги и страха. «Ему казалось, что кто-то все стоял около дома и теперь следит за ним» [29. С. 178]; «Не следит ли мать за ним» [10. С. 7]; «Во рву на улице, в траве под забором, может быть, кто-нибудь прячется, вдруг выскочит и укокошит» [29. С. 60]; «И испугался посредине, что светофор переключится, все поедут и его раздавит насмерть» [10. С. 6], «Передонов <...> чувствовал тоску и страх» [29. С. 111], «Шишин <...> прислушался с тоской, как гниль бормочет и кривой, закрытой дверцами трубе <...>, и стало страшно Шишину» [10. С. 32]. Во-вторых, оба не любят людей. «Передонов смотрел равнодушно: он не принимал никакого участия в чужих делах, — не любил людей...» [29. С. 30—31]; «не люблю людей» [10. С. 6]; «Повсюду люди, — с раздражением думал он. — Битьем людьми набито, как в аптеке» [10. С. 6]; «Везде люди жили чужие, враждебные Передонову, и иные из них, может быть, и теперь злоумышляли против него» [29. С. 121—122].

Болезненная привычка показывать кукиш, дулю или шиш присуща и Передонову, и Шишину. «И если рядом не было людей, то дулю турникету показывал или язык» [10. С. 6]; «Передонов сердито взял у него из рук тросточку, приблизил

ее набалдашником, с кукишем из черного дерева, к носу Володина, и сказал: — Шиш тебе с маслом» [29. С. 211—212]; «И он показывал вслед ей кукиш» [29. С. 227]. Прimitивная привычка *чураться*, упоминать *чёрта*, свойственная низовой культуре и фольклорно-средневековому сознанию, маркируют оба текста, наделяя их яркой спецификой: «...зачурался шепотом» [29. С. 126]; «Переступая порог, Передонов зачурался про себя» [29. С. 96]; «Чур, чур тебя! — крестясь, шептала мать» [10. С. 262]; «Стой смирно, не чертись! — впивая пальцы в плечи, говорила мать» [10. С. 177]; «...и душно пахло в комнате испитым чаем, валерьяной, серной кислотой, которой мать чертей в углах травила и клопов» [10. С. 273]; «Ты, может быть, черта в кармане носишь!» [29. С. 127] и т.д.

Роль пейзажа, создающего настроение, важна в обеих книгах. Это тусклый, серый, тоскливый фон с хмурым небом. «Погода стояла пасмурная. Листья с деревьев падали покорные, усталые. Передонову было немного страшно» [29. С. 89]; «Опять была пасмурная погода. Ветер налетал порывами, и нес по улицам пыльные вихри» [29. С. 95]; «...и снег мочил ему лицо, и ветер безжалостно трепал за капюшон. А под ногами шляпало и жижей воротило за шнуры» [10. С. 6]; «На улице было ветрено и тихо. Лишь изредка набегали тучки. Лужи подсыхали. Небо бледно радовалось. Но тоскливо было на душе у Передонова» [29. С. 112]. Пейзаж враждебен обоим героям. «И погода была неприятная. Небо хмурилось, носились вороны, и каркали» [29. С. 153]; «Припорошило, из пустого неба летели косо белые колючки, в проталинах собачьих песьим стыло...» [10. С. 23]; «Мир, занесенный снегом, не кончался» [10. С. 24]. Постоянно тоскливое настроение зависит от погоды. «Хмурая погода наводила на него тоску» [29. С. 180]; «На улице за вечерело тускло, серо, гадко» [10. С. 9]; «На улице все казалось Передонову враждебным и зловещим» [29. С. 186].

Особый пласт принадлежит лексике. Так, В романе Сологуба много окказионализмов типа: *разгрибаниться*, *глазопялка*, *углан*, *вымурлычет*, *чужепахучее*. Обилие окказионализмов является отличительной чертой прозы А. Николаенко: *вывовать*, *стрянь*, *пришишикнуть*, *пустодень*, *сыровело*, *объедь*, *как пся во всях*. Оба автора используют диалектизмы, например, *во-снях* [29. С. 189], *посолимся* [10. С. 18].

Наконец, когда в тексте Николаенко читаешь: «На улице за вечерело тускло, серо, гадко. Как назло, **встретился** под самым козырьком опасным Шишину красивый **Бобрыкин** ненавистный, в лоснящейся **бобровой** шапке, белозубый, **чернобровый**, в широком шарфе, **небрежно брошенном** за спину» [10. С. 9], то невольно вспоминается фрагмент из романа «Мелкий бес», построенный на аллитерации: «**Вершина**, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся в **черном**, **чернобровая**, **черноглазая**. Она курила папироску в **черешневом**, темном мундштуке» [29. С. 28].

Заключение

«Магазин „Хозяйственный“ через дорогу был, как все хозяйственные магазины. „Все хозяйственные магазины через дорогу. Почему?“ — подумал вдруг» [10. С. 5—6]. Помимо повтора, использованный здесь прием типизации есть харак-

терный гоголевский прием: «Покой был известного рода; ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах» [33. С. 8]. Имплицитно присутствует и классическая пьеса А.Н. Островского «Гроза». Яркий образ фанатичной матери Шишина заставляет поверить, что «темное царство», самодуры города Калинова никуда не исчезли, они продолжают ломать жизнь своим детям, коверкать их психику, навязывая архаичные домостроевские представления [34. С. 258]. Тема нового средневековья, насыщенная густой смесью суеверий, примет, разных жанров русского фольклора, включая современные городские «страшилки» (глава «Мосгаз»), религиозные, библейские тексты, занимает важное место и требует особого разговора.

В интервью, данном «Независимой газете» [13], Александра Николаенко поясняет, что трагический финал повести предопределен и навеян не столько пьесой А.Н. Островского «Бесприданница», сколько ее киноверсией «Жестокий романс» — художественным фильмом режиссера Э.А. Рязанова. Еще точнее, впечатлением, ощущением после просмотра. На последней странице романа «Убить Бобрыкина» автор рисует картину: «Шишин и Танюша на лестнице сидели рядом, по площадке металась семечная шелуха. “Как черный снег...” — подумал. Голова ее лежала на его коленях, и от волос ее, как в детстве, пахло мылом земляничным» [10. С. 283]. Эти слова вызывают ассоциацию, только подтверждающую вышесказанное, с заключительной сценой спектакля «Бесприданница», поставленном в Санкт-Петербургском «Театре на Васильевском». «В финале версии Д. Хусниярова нет знаменитого выстрела. Лариса и Карандышев появляются на высоко раскачивающихся под потолком качелях, говорят тихо и медленно» [35. С. 159].

Наконец, вторая часть романа предваряется эпиграфом. Стихотворение Н.С. Гумилёва приведено почти целиком, кроме последних строк. Оно называется «Самоубийство». Роман с названием «Убить Бобрыкина. История одного убийства» заканчивается тем, что главный герой — Саша Шишин — убивает двух единственных родных, любимых женщин, таким образом, убивая себя. Таким образом, наравне с другими кодами текста А. Николаенко, многие из которых названы в предлагаемой статье, занимает свое место и стихотворение поэта-акмеиста Н. Гумилёва с символическим названием «Самоубийство».

Библиографический список

1. *Культурный код* [Электронный ресурс] // Википедия — версия энциклопедии на русском языке. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 01.06.2019).
2. *Худолей Н.В.* Культурный литературный код современного российского читателя // Вестник КемГУКИ. 2014. no 29. С. 155—164.
3. *Косиков Г.К.* Ролан Барт — семиолог, литературовед. Вст. статья // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 3—45.
4. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
5. Интертекстуальный анализ: принципы и границы: сборник научных статей /под ред. А.А. Карпова, А.Д. Степанова. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018.
6. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

7. *Пенцова М.М.* Проблема культурного кода в семиотике Ю.М. Лотмана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kulturnogo-koda-v-semiotike-yu-m-lotmana> (дата обращения: 01.06.2019).
8. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5—19.*
9. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* Chicago, 1990.
10. *Николаенко А.* Убить Бобрыкина. История одного убийства. М.: РИПОЛ, 2018.
11. *Жолковский А.* Стойкое обаяние «Двух капитанов» // *Новый мир.* 2018. no. 3. С. 174—192.
12. *Набоков В.В.* Избранное. М.: АСТ: Олимп, 2011.
13. *Николаенко А.* Выдохнуть солнце. Александра Николаенко о запахе старинных книг, папфизике, который научил мечтать, и реквиеме по детству [Электронный ресурс]. Режим доступа: Независимая газета. 18.01.2018. www.ng.ru/ng_exlibris/2018-01-18/10_919_nikolaenko.html (дата обращения: 01.06.2019).
14. *Каверин В.А.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худ. лит, 1963.
15. *Майофис М.* Как читать «Двух капитанов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post444034069/>; arzamas.academy/mag/429-2cap (дата обращения: 01.06.2019).
16. *Жолковский А.К.* Уроки испанского // *Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе. М., РГГУ. С. 358—364.*
17. *Литовская М.А.* Две книги «Двух капитанов» // *Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х гг. В 2 томах. Т. I. М., «Академия», 2014. С. 391—400.*
18. *Oulanoff Hongor* *The Prose Fiction of Veniamin A. Kaverin.* Cambridge, Mass., «Slavica», 1976.
19. *Евграфова Ю.А.* Семиотическая «матрешка»: кодирование в гетерогенных экранных текстах (на примере кинотекста «Король говорит!» и видеотекста «Ты один ты такой») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2019. Том 10. no 1. С. 75—84.
20. История песни «Рай» («Город золотой») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://song-story/gorod-zolotoi> (дата обращения 15.03.19).
21. *Борисов Р.* Реквием по детству из сумерек любви [Электронный ресурс]. Режим доступа: livelib.ru/book/1002112837-ubit-bobrykina-aleksandra-nikolaenko/ 8 (дата обращения 15.03.19).
22. *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1990.
23. *Кожеевникова Н.А.* Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // *Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз.* 1976. no 1. С. 55—67.
24. *Новиков Л.А.* Стиль и поэтика прозы Андрея Белого // *Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 295—485.*
25. *Белый А.* О художественной прозе // *Горн, кн. 2—3. М., 1919.*
26. *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929.
27. *Баратынский Е.* Муза // *Путешествие в страну. Поэзия: В 2 кн. Кн. 1. Л.: Лениздат. 1988.*
28. «Я провалилась в ритм романа» // *Огонек.* no 5. 12.02.2018. С. 32. kommersant.ru/doc/3540438/
29. *Сологуб Ф.* Мелкий бес. М.: Художественная литература, 1988.
30. *Барковская Н.* Поэтика символистского романа. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.
31. *Осипова О.И.* Семиотика конфликта в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2014. no 3. С. 27—34.
32. *Мицк З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // *Блоковский сборник, III, Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1979. Вып. 459. С. 76—120.*
33. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в шести томах. Т. 5. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949.

34. Стрельникова Н.Д. К вопросу о языковой личности в романе А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства» // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы Международной научной конференции 18—20 октября 2018 г. Архангельск: КИРА, 2018. С. 250—258.
35. Стрельникова Н.Д. Пьеса А.Н. Островского «Бесприданница» и ее интерпретации // Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы. Тайвань: Тамканский университет, 2015. С. 145—160.

References

1. Cultural code [Electronic resource] Wikipedia-version of the encyclopedia in Russian. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 06/01/2019).
2. Khudoley, N.V. (2014). Cultural literary code of the modern Russian reader, *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 29, 155—164.
3. Kosikov, G.K. (1989). Roland Barthes — semiologist, philologist. UGT. Article In *R. Barth. Selected works: Semiotics: Poetics*, G.K. Kosikov (Ed., transl.), Moscow: Progress. pp. 3—45.
4. Bart, R. (1989). *Selected works: Semiotics: Poetics*, G.K. Kosikov (Ed., transl.). Moscow: Progress.
5. Intertextual analysis: principles and boundaries: a collection of scientific articles (2018). A.A. Karpov (Ed.), A.D. Stepanov. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg. un-ta.
6. Lotman, Y.M. (2000). *Universe Of The Mind*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
7. Pentsova, M.M. The Problem of cultural code in semiotics of Yu.M. Lotman. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kulturnogo-koda-v-semiotike-yu-m-lotmana> (accessed: 06/01/2019).
8. Krasnykh, V.V. (2001). Codes and standards of culture (invitation to talk). *Language, consciousness, communication: collection of articles*. Moscow: MAX Press. pp. 5—19.
9. See, for example, (2001). Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1990. *Language, consciousness, communication: Collection of articles*. ed. Moscow: MAX Press.
10. Nikolaenko, A. (2018). To Kill Barykina. The story of a murder. Moscow: RIPOLL.
11. Zholkovsky, A. (2018). Persistent charm of “Two captains”, *New world*, 3, 174—192.
12. Nabokov, V.V. (2011). *Selected*. Moscow: AST: Olimp.
13. Nikolaenko, A. (2018). Exhale the sun. Alexandra Nikolaenko about the smell of old books, dad-physics, who taught to dream, and Requiem for childhood. *Nezavisimaya Gazeta*. 18.01.2018. URL: www.ng.ru/ng_exlibris/2018-01-18/10_919_nikolaenko.html (accessed: 06/01/2019).
14. Kaverin, V.A. (1963). *Collected works in 6 vols*. Moscow: state publishing house.
15. Mayofis, M. How to read “Two captains”. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post444034069; arзамас.аcademy/mag/429-2cap> (accessed: 06/01/2019).
16. Zholkovsky, A.K. lessons of Spanish. In: Zholkovsky A. K. *Confrontation with the ruler: Articles about Russian literature*. Moscow: Russian state humanitarian University. pp. 358—364.
17. Litovskaya, M.A. (2014). Two books “Two captains” In: *Russian literature of the XX century: 1930s — mid-1950s in 2 vols*. Vol. I. Moscow: Academy. pp. 391—400.
18. Oulanoff, Hongor (1976). *The Prose Fiction of Veniamin A. Kaverin*. Cambridge: Mass., “Slavica”.
19. Evgrafova, Yu.A. (2019). Semiotic “matryoshka”: coding in heterogeneous screen texts (on the example of the film text “the King speaks!” and videotext “You’re the one you’re so”), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 75—84.
20. History songs “Paradise” (“City Golden”) (2019). URL: https://song-story/gorod_zolotoi (accessed: 15/03/2019).
21. Borisov, R. Requiem for childhood from the twilight of love. URL: livelib.ru/book/1002112837-ubit-bobrykina-aleksandra-nikolaenko/ 8 (accessed: 06/01/2019).

22. Pasternak, B.L. (1990). Poems and poems: 2. Leningrad: Sovetskij pisatel'.
23. Kozhevnikova, N.A. (1976). From observations on non-classical (“ornamental”) prose, *Izvestiya an SSSR. Ser. Literatura and yazyk*, 1, 55—67.
24. Novikov, L.A. (2001). Style and poetics of Andrei Bely's prose In *Novikov L.A. Selected works. Aesthetic aspects of language. Miscellanea*. Moscow: publishing house of RUDN. pp. 295—485.
25. Belyi, A. (1919). About fiction, *Gorn*, 2—3. Moscow.
26. Shklovsky, V.B. (1929). On the theory of prose. Moscow: Federation.
27. Baratynsky, E. (1988). Muse In *Journey to the country Poetry*: in 2 books. Book 1. Leningrad: Lenizdat.
28. “I fell into the rhythm of the novel” (2018). *Ogonyok*. 5. 12.02.2018. 32.; kommersant.ru/doc/3540438/
29. Sologub, F. (1988). The Petty demon. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.
30. Barkovskaya, N. (1996). Poetics of the symbolist novel. Yekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo pedagogicheskogo universiteta.
31. Osipova, O.I. (2014). Semiotics of conflict in the novel by F. Sologub “Small demon”, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 27—34.
32. Mints, Z.G. (1979). On some “neomorphological” texts in the works of Russian symbolists. In *Blokov collection, III, Tartu state University*, 459. Tartu. pp. 76—120.
33. Gogol, N.V. (1949). Collected works: in six volumes. Vol. 5. Moscow: hudozhestvennaya literature.
34. Strelnikova, N.D. (2018). The question of linguistic identity in the novel And Nikolaenko “Kill Barykina. The story of one murder” In *Language as a reflection of the spiritual culture of the people: proceedings of the International scientific conference 18—20 October 2018*. Arkhangelsk: KIRA. pp. 250—258.
35. Strelnikova, N.D. (2015). A.N. Ostrovsky's Play “Bespridannitsa” and its interpretations In *Lingvostranovedcheskie, sociocultural and linguistic aspects in the study and teaching of foreign language and literature*. Taiwan: Tamkan University. pp. 145—160.

Сведения об авторе:

Стрельникова Наталья Данииловна, заведующая кафедрой русского языка Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), кандидат филологических наук; *научные интересы*: русская литература и культура, современный русский язык, русский язык как иностранный; *e-mail*: tashastrel@mail.ru.

Information about the author:

Nataliia D. Strelnikova, The head of the Russian language Department of State Electrotechnical University “LETI”, Ph. D. (Philology). *Research interests*: Russian literature and culture, modern Russian language, Russian as Foreign language, *e-mail*: tashastrel@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115
УДК 811.161.1'37:821.161.1-31

Научная статья / Research article

Узуальное и индивидуально-авторское функционирование лексем *грёза* и *мечта* в поэзии Игоря-Северянина

Г.И. Шляхова

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»
Тверской бульвар, д. 25, Москва, Российская Федерация, 123104
galine_24@mail.ru

В статье представлен анализ употребления лексики ментальной сферы в поэзии Игоря-Северянина. Относящиеся к ментальному полю лексемы *грёза* и *мечта* выступают в творчестве эгофутуриста лейтмотивными, смыслообразующими элементами. Частотность их употребления в поэтических текстах Северянина на несколько порядков выше, чем в современном русском языке, что позволяет говорить об их особой роли. Кроме того, сопоставление контекстуальных значений лексем со словарными показывает, как в стихотворениях художественный образ наполняется новыми смыслами, расширяя семантическое поле слова. Это наглядно демонстрируют приведенные в статье примеры из авторских текстов. Лексемы ментальной сферы представляют собой ключ к пониманию идиостиля Игоря-Северянина и его авторского мировоззрения как основоположника литературного течения эгофутуризма, которому свойственно эстетизировать действительность, противопоставляя ей воображение человека.

Ключевые слова: лексика; семантика; идиостиль; слова ментальной сферы; ментальное поле; Игорь-Северянин; лексема *грёза*; лексема *мечта*; семантическое поле, частотный анализ, лингво-поэтика

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Шляхова Г.И. Узуальное и индивидуально-авторское функционирование лексем *грёза* и *мечта* в поэзии Игоря-Северянина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 1106—1115. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115

© Шляхова Г.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37:821.161.1-31

Usual and Individual Authorial Functioning of Lexemes “Dream” and “Reverie” in Igor-Severyanin’s Poetry

Galina I. Shliakhova

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
Tverskoy Boulevard 25, 123104, Moscow, Russian Federation
galine_24@mail.ru

The article contains the analysis of the mental sphere lexis in Igor-Severyanin’s poetry. The lexemes “dream”, “reverie” belong to mental field and represent leitmotifs, sense-making components of the ego-futurist’s literature. The frequency of their use in Severianin’s poetic texts is several times higher than is modern Russian language, which allows to notice their particular role. Moreover, the comparison of contextual and usual (dictionary) meaning shows that in poems the word-picture acquires new senses and expands the semantic field. This is visibly demonstrated by the examples of author’s use given in the article. The mental sphere lexemes help to perceive Igor-Severyanin’s individual style as well as his worldview that reflects principles of ego-futurism, the literary movement aestheticizing reality and bringing human imagination into the foreground.

Key words: lexis; semantics; individual style; mental sphere words; mental field; Igor-Severyanin; lexeme dream; semantic field; frequency analysis; linguopoetics

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Shliakhova, G.I. (2019). Usual and Individual Authorial Functioning of Lexemes “Dream” and “Reverie” in Igor-Severyanin’s Poetry. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1106—1115. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115

Введение

В современной лингвистике интенсивно развивается теория ментальности, под которой понимаются различные способы выражения всех сторон интеллектуальной жизни человека [1]. В.В. Колесов трактует термин как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [2. С. 81]. По мнению ряда авторов, языковая ментальность соотносится с мировоззренческой структурой сознания, а также с закреплением результатов мыслительной деятельности в естественном языке. Таким образом, речь идет об изучении ментальных процессов и структур, представленных в языке и речи [3]. В этой связи учеными уделяется все большее внимание лексике ментальной сферы, к которой принято относить понятия, обозначающие идейные компоненты, мысли, намерения [4. С. 3—6]. Ментальная лексика выступает прямым способом референции к ментальным состояниям человека [5. С. 51—57], а также включает в себя оценочный компонент, выражая мнение субъекта об объектах окружающей действительности [6. С. 143].

Лексемы, входящие в ментальную сферу, не просто называют процесс мышления, но также содержат в своей семантике элементы его описания, указывающие

на структуру мыслительного процесса, и «указывают на национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этнолингвистическим сообществом в целом» [3. С. 218], при этом для исследования важны не только их зафиксированные в словарях значения, но и функциональные проявления в условиях контекста. Вступая во взаимодействие с разного рода контекстуальными уточнителями, лексема опосредованно реализует мыслительный процесс как действие, состояние или отношение [3. С. 220].

Среди лингвистов устоялась традиция представлять языковые единицы, соотносимые с понятием мышления — как конкретного, так и абстрактного, в виде ментального поля. Системные отношения его компонентов подробно рассмотрены в научных работах В.Г. Гака: «Мысль — связующее звено между действительностью и языком. Все идет от действительности через мысль в язык, и все от языка возвращается через мысль в действительность. Все лексические единицы, соотносящиеся с понятием «мыслить», образуют ментальное поле» [7. С. 22]. В большинстве определений понятия *ментальность* заложена цепочка *Язык* → *Мышление* → *Знание (через познание)* → *Слово* [8. С. 36].

Лексика ментального поля имеет особенное значение для исследователей-лингвистов, когда речь идет о языке художественной литературы, которая наиболее полно отражает языковыми средствами ментальность народа и концептосферу языка [9. С. 156].

В данной статье использование лексем ментальной сферы рассмотрено на примере художественных текстов Игоря-Северянина, представителя «серебряного века» и основоположника отечественного эгофутуризма. Склонность автора эстетизировать реальность эпатажирующими экспериментами с формой, возводя в культ внешнюю «красивость» стиха, обуславливает доминирование в его поэтическом лексиконе слов ментальной сферы, благодаря использованию которых поэту удастся противопоставлять пошлой действительности преображенную сферу художественного мировоззрения.

Наблюдения за художественным языком Игоря-Северянина позволили вычлени две лексем, которые лейтмотивом проходят сквозь его творчество и могут расцениваться как ключ к пониманию творческого мировоззрения поэта — *грёза* и *мечта*.

Данное предположение подтверждается частотным анализом лексем в поэтических текстах. При сопоставлении с частотностью употребления слов *грёза* и *мечта* в современном русском языке становится очевидным их количественное доминирование в стихотворениях Игоря-Северянина. (Сопоставление имеет некоторую погрешность, так как частотный словарь отражает современное состояние языка, тогда как Игорь-Северянин писал свои произведения в начале XX века, однако общая тенденция употребления лексемы *мечта* все же сохраняется.) В современном частотном списке лемм *мечта* имеет порядковый номер 2086 ($ipm = 57$, коэффициент ipm — *instancespermillionwords* указывает на частоту на миллион словоформ), *грёза* же только 11 398 ($ipm = 6,1$). Между тем у Северянина из 18 сборников и 5 поэм, входящих в Полное собрание сочинений, ни один сборник и ни одна поэма не обходятся без употребления — чаще всего многократного — данных лексем. Показательно, что в одном только сборнике «Громо-

кипящий кубок» общим объемом около 15 тыс. слов *грёза* встречается 51 раз, *мечта*— 45. (Поскольку в целях исследования нам важен разбор семантического поля, во внимание принимаются в том числе производные от корней *грез/мечт* слова.) То есть значительно превышена их частотность в лексиконе поэта по сравнению с частотностью в языке в целом: частота употребления лексемы *грёза* на пятнадцать тысяч слов в текстах Северянина имеет большее число, чем на миллион словоформ в языке в целом.

В рамках частотного анализа бросается в глаза эволюция поэтического лексикона Игоря-Северянина. Если *мечта* присутствует в поэтическом языке эгофутуриста относительно стабильно, то *грёза* — синонимичное, но более эмоционально окрашенное слово — в поздних сборниках встречается заметно реже, чем в раннем творчестве. Если в первом сборнике Северянина «Громокипящий кубок» обе лексемы употребляются примерно равное количество раз (как уже было сказано, *грёза* — 51, *мечта* — 45), то в примерно равном ему по объему сборнике «Классические розы» число использования словоформ *мечты* остается практически неизменным (49), а *грёзы* уменьшается в несколько раз (13). Еще более ошутимо сравнение двух других равных по объему сборников — «Ананасы в шампанском» и более поздний «Гост безответный». В первом из них лексема «грёза» по частотности употребления почти в два раза обгоняет *мечту* (40 VS 23), тогда как во втором их соотношение противоположное, причем частотность употребления *мечты* сохраняется на том же уровне (25), *грёза* же представлена в четыре раза меньше.

Обратимся теперь к семантическому наполнению данных лексем и словоформ на примере их авторского употребления в поэтических текстах Игоря-Северянина. В качестве отправной точки анализа важно определить узусальные значения понятий *грёза* и *мечта*, чтобы выявить на их фоне специфику их контекстуального авторского употребления.

Согласно статьям Большого академического словаря русского языка,

ГРЁЗА:

1. обычно мн.: грёзы, грёз. Мечта, создание воображения.
2. Сновидение; призрачное видение в состоянии бреда, полусна и т.п. [10. С. 380—381].

МЕЧТА:

1. Мысленный образ чего-л., представление о чем-л., сильно желаемом.
2. Предмет желаний, стремлений; желаемое событие.
3. О том, что нереально, неосуществимо.
4. Процесс создания в воображении представлений о чем-л. желаемом, предполагаемом или несуществующем, фантастическом [11. С. 945—946].

Таким образом, мы имеем дело с двумя лексемами, обозначающими абстрактные понятия и лежащими в пределах ментальной сферы, при этом их значения по узусу вступают в синонимические отношения. В поэзии Северянина синонимия этих слов сохраняется не всегда: где-то они удачно дополняют друг друга, а где-то приобретают прямо противоположные значения.

Важные наблюдения можно сделать при рассмотрении значения слов в диахроническом аспекте. Изучаемые лексемы фиксируются словарями уже в ранней древнерусской письменности (начиная с XII века), широко представлены в памят-

никах древнерусского языка различных жанров и разной территориальной принадлежности (см. например [12, 13]), при этом нельзя не заметить, как изменилась с течением истории языка их коннотация. Если в БАСе толкование обеих изучаемых лексем представляется нейтральным, то в словаре Владимира Даля XIX века наблюдается более недоверчивое отношение к *мечте* и особенно *грёзе*, постановка их в один ряд с понятиями, наделенными отрицательными чертами (сумасшествие, горячка, пустословие, мара).

Согласно словарным статьям В. Даля:

Грёза — мечта, блажь, мнимое видение, бред, игра воображения во сне, горячке или наяву при одностороннем направлении ума; речи во сне, в бреду, в горячке, в сумасшествии; пустые и ложные речи, сказки и рассказы, болтовня, пустословие [14. С. 402].

Мечта — всякая картина воображения, игра мысли; пустая, несбыточная выдумка, призрак, видение, мара [15. С. 330].

В Словаре XI—XVII вв. имеет еще более ярко выраженную негативную окраску.

Мечта — 1) Наваждение, призрак.
2) Колдовство, чародейство [16. С. 135].

Грёза — 1) Ил, муть, грязь.
2) Смятение, смешение [17. С. 128].

В этимологическом словаре отмечается, что происхождение лексемы *грёза* связано с *грязью* и *грехом* [18. С. 455].

У представителя «серебряного века» Северянина противоположное восприятие *грёзы* и *мечты*: вместо ассоциаций с черной магией и греховностью он наделяет их возвышенными свойствами, а порой даже обожествляет. Проиллюстрируем этот тезис конкретными примерами из лирики эгофутуриста.

В ряде текстов Игорь-Северянин интерпретирует *грёзу* в соответствии с узусом, который делает ее абстрактным понятием. Автор признает ее метафизичность, оторванность от действительности: «...бесплотен, как грёза» («Полярные пылы», сборник Громокипящий кубок» [19. С. 74], далее по тексту в скобках указываются страницы этого издания), «в грёзах ярких, но бесплотных» («Стансы», сборник «Ананасы в шампанском» С. 244).

Однако нередко в стихотворениях Северянина можно встретить примеры того, как *грёза* воплощается в конкретных предметах или олицетворяется. Важно, какие именно объекты материального мира выбирает автор для отождествления с ними *грёзы*: «грёза — сердечная моль» («В пяти верстах по полотну», сборник «Громокипящий кубок», С. 72), «вспорхнули грёзы Мая ульем» («Сказка сиреновой кисти», сборник «Громокипящий кубок» С. 73), «грёз весенних вспорхнула лукавая стая» («Зелёное очарованье», сборник «Классические розы», С. 884). В данных цитатах *грёза* становится частью природного мира, ассоциируясь с насекомыми (моль, пчела), птицами (стая). Крылатость, способность парить, воздушность являются теми свойствами *грёзы*, которые Игорь-Северянин выделяет во многих контекстах («крылатых грёз тускнеют краски» («Знаком ли ты?», сборник «Ананасы в шампанском», С. 248).

Кроме того, в уже приведенных цитатах поэтических текстов выявляется настойчиво выстраиваемые автором сопоставления *грёзы* и *весны* («грёзы Мая», «грёз весенних»). Отсюда проистекают ассоциации с теплом, светом, возрождением природы, цветением и буйством красок, что подтверждается множеством примером употребления лексемы и в других произведениях. Так, в стихотворении «Эскизетка» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 219) *весна* и *грёза* оказываются однородными членами: «точно ребенка, Марчелла качала грёзу, меня и весну». В произведении «Что такое грёза?» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 244) в числе прочих толкований понятия автор сравнивает *грёзу* с цветами («это мысль о розе», «это бархатисто-нежная мимоза»). В стихотворении «Валентина» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 206) *грёза* также стоит в одном ряду однородных членов с *розой* («с тайной розой, с красной грёзой, с бирюзовую грозой глаз восторженных и наглых»). Еще один цветок, соотносимый поэтом с *грёзой*, — *фиалка*: «часто вы мне грезитесь фиалкой» («Мадригал», сборник «Ананасы в шампанском», С. 232), «лыются взоры ласково и грёзно: то лазорь, то пламя, то фиоль» (этуод «Прогулка короля», сборник «Громокипящий кубок», С. 91).

Как видно из данных примеров, цветовая палитра ассоциативного ряда, окружающего *грёзу*, включает в себя насыщенные, яркие оттенки: красный, бирюзовый, фиолетовый, лазоревый. Список может быть продолжен: «Грезишь мраком зеленым?» — пишет автор в стихотворении «Это все для ребенка» (сборник «Громокипящий кубок» С. 29), создавая оксюморон и оставляя указание на зеленый — цвет жизни, даже говоря о мраке применимо к *грёзе*.

Важно отметить, что *мечта* в поэзии Северянина также часто помещается в семантическое окружение, связанное с весной, теплом, светом и красками: «пламенная мечта» («Последние зеленые листки», сборник «Вербэна», С. 607), «светлые мечты» («Стансы», сборник «Ананасы в шампанском», С. 244), «о, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной» («Элементарная соната», сборник «Громокипящий кубок», С. 28), «увидеться с вами я мечтаю весною, бирюзовой весною» («Это все для ребенка», сборник «Громокипящий кубок», С. 29). В сказке «Душистый горошек» из сборника «Громокипящий кубок»: «и опал разноцветный горошек, алым снегом мечтаний опал» (сказка «Душистый горошек», сборник «Громокипящий кубок», С. 50).

Между тем, несмотря на позитивные ассоциативные цепочки, *мечта* и *грёза* у Игоря-Северянина не исключают страданий. В уже упоминавшемся стихотворении «В пяти верстах по полотну» (сборник «Громокипящий кубок») *грёза* названа сердечной молью, что, вероятно, означает ее способность изъедать сердце.

Впрочем, анализируя многие произведения эгофутриста в комплексе, становится видно, что *грёза* и *мечта* не сами по себе причиняют лирическому герою боль (например, в стихотворении «Хочется мне плакать» (сборник «Тост безответный» С. 432) обнаруживаем антитезу «тягостно и душно» — «сладостно и грёзно»), но оказываются не в состоянии защитить его от зла окружающей действительности.

Возвратимся к ранее процитированному стихотворению «Стансы» из сборника «Ананасы в шампанском»: «счастье жизни <...> в грёзах ярких, но бесплотных».

Именно бестелесность и нереалистичность *грёзы* делают лирического героя — *грёзера* — легко уязвимым. «Грёзы больше не маги» — пишет Северянин в сти-

хотворении «Ты ко мне не вернешься» (сборник «Громокипящий кубок», С. 48), «Вы лжете мне, мечты!» — восклицает лирическая героиня в стихотворении «Ее монолог» (сборник «Громокипящий кубок», С. 37), «Мечтатели — вечно бездомники... Мечтатели в платье заплатадном...» — сказано в стихотворении «Фантазия восхода» (сборник «Громокипящий кубок», С. 66).

Несмотря на очевидную способность *грёзы* и *мечты* окрылять лирического героя (см., например, произведения из сборника «Громокипящий кубок»: «и загрезится сердце: все на свете возможно, все для Вас ничего» («Качалка грезерки», С. 57), «как в мечтах я вознесен» («Русская» С. 43)), автор показывает, что они не в силах позволить избежать столкновения с зачастую жестокой реальностью, которое может оказаться трагичным. Выше уже приводилась строка из стихотворения «Знаком ли ты?»: «крылатых грёз тускнеют краски». Меланхоличный настрой мы находим и в стихотворении «Кадрильон» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 248): «грезить и плакать, плакать и грезить».

Грёза и *мечта* в поэзии Северянина — носители всего лучшего и драгоценного, что есть в душе человека, но вместе с тем они не всемогущи. Северянин в своем творчестве многократно поднимает вопрос «смертности» *мечты* и *грёзы*: «погибшие грёзы» («Измена мая», сборник «Ананасы в шампанском», С. 236), «в душе — обмершая мечта» («Октябрь», сборник «Громокипящий кубок», С. 52), «пускай бы погибла мечта» («Земля и солнце», С. 54). Есть много указаний на то, что для лирического героя *мечта* и *грёза* синонимичны самой жизни, но их смерть не совпадает с физической смертью человека, откуда и возникает драма.

И треснул форм Мечты безжизненный фарфор!

Фарфоровые грезы!

(«То будет впредь...», сборник «Ананасы в шампанском», С. 240)

Лирический герой осознает угрозу потерять *мечту* и *грёзу*, готов к этой утрате («Мечта моя, прощай!» — «На мотив Фофанова», сборник «Громокипящий кубок», С. 47), но расставание с ними для него хуже смерти.

Мне кажется, гораздо лучше надеяться, хоть безнадежно,

Чем мертвому, в немом безгрезьи, покоиться бесстрастно-нежно.

(«Элементарная соната»)

В противоположность исторической причастности *грёзы* к греху, Северянин отмечает ее близость к святости. Одной из наиболее наглядных иллюстраций этому может служить стихотворение «Что такое грёза?» (сборник «Ананасы в шампанском»):

Что такое — грёза? Что такое — грёзы?

Это серафима блестящие слезы!

Культовое религиозное сооружение *часовня грёз* «возводит» автор в стихотворении «Призрак» сборника «Громокипящий кубок» (С. 92).

Но, пожалуй, самым показательным с точки зрения поэтического мировоззрения эгофутуриста можно считать употребление производного от *грёзы* существительного в стихотворении «Эпиталама»: «Душа грезера, как рай, нелепа» (С. 68). Душа, охваченная *грёзой*, сравнивается с раем — символом святости, чистоты, безгрешности, местом высшего блаженства, но при этом она названа не прекрас-

ной или благословенной, а нелепой. Этот оксюморон объясняет и парадоксальный статус *мечты* и *грёзы* в мироощущении эгофутуриста.

Ментальные лексемы *мечта* и *грёза* формируют в поэзии Северянина альтернативную реальность. Своего рода «визитной карточкой» *грёзы* в творчестве автора может являться стихотворение «Грёзовое царство» (сборник «Громокипящий кубок» С. 89), которое начинается словами: «Я — царь страны несуществующей». Далее Северянин вводит образ «терема грёзового» — дома, в котором лирический герой отгораживается от действительности. Поэту близка идея рассмотрения *грёзы* и *мечты* как некоего пространства, в котором душа может поселиться, выстроить собственный микромир.

*В саду пигмеи, как цари,
Живут в мечте невероятного.*

(«Чайная роза», сборник «Громокипящий кубок», С. 46)

Сердцу, Грёзой живущему...

(«С озёр незамёрзших», сборник «Классические розы», С. 908)

Стоит добавить, что, несмотря на изменения в частотности употребления лексемы *грёза*, отмеченное в начале настоящей статьи, в семантическом аспекте не наблюдается переосмысления поэтом данного понятия в более позднем творчестве. В сборниках разных лет, на материалах которых проведено исследование («Громокипящий кубок», «Ананасы в шампанском», «Вербэна», «Классические розы», «Гост безответный»), прослеживается одинаковое смысловое наполнение лексемы. Что касается соотношения *грёзы* и *мечты*, справедливо предположить, что, имея смежные семантические поля в пределах ментальной сферы, эти слова в поэзии Северянина наделены похожими ролями и смысловой нагрузкой. Вместе с тем отношение автора к *грёзе* в некотором смысле более «трепетное»: даже при использовании слова в его узуальном значении поэт разнообразит контекстуальное употребление оригинальными неологизмами (*грэзэр, грэзэрка, огрезить, загрэзиться, грёзно, грёзово, грёзофарс*). Из малоупотребительного книжного слова в поэтическом лексиконе эгофутуриста *грёза* превращается в лейтмотив и доминанту, привлекая больше внимания, чем *мечта* в том числе за счет непривычного для обывателей преобладания в речи.

Обилие лексем ментальной сферы, обозначающих разрыв с действительностью и превалирование воображения, демонстрирует специфику идиостиля Северянина и концепцию его литературной школы.

Библиографический список

1. Пименова М.В. Смена стереотипов в лингвокультуре, или Новый взгляд на реликты древнего сознания. И слово Ваше отзовется: К 80-летию со дня рождения д-ра филол. наук, профессора Е.С. Отина. К.: Издательский дом Дмитрия Бугаго, 2012.
2. Колесов В.В. Тезисы о ментальности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2006. Том 148, кн. 2. С. 5—13.
3. Омельченко С.Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов // Известия Уральского государственного университета. 2004. no. 31. С. 217—229.
4. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

5. Рябцева Н.К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 51—57.
6. Иванова Г.Ф. Оценка в ментальной сфере языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. по. 9(3). Ч. II. С. 143—150.
7. Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 22—40.
8. Лазарева О.А. Описание русской лексики: ментальность, лингвокультурология, идеография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. по. 6 (2). С. 368—371.
9. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147—165.
10. БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
11. БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
12. Иванова М.В. Алфавитно-частотный указатель словоформ «Жития Стефана Пермского». Депонированная рукопись № 24353 от 03.03.1986. М.: ИНИОН, 1986.
13. Иванова М.В. К истории взаимодействия «книжного» и «некнижного» в лексике литературного языка на рубеже XIV—XV веков // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. М., 1995. С.180—186.
14. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 1. СПб.—М., 1880.
15. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 2. СПб.—М., 1881.
16. СЛРЯХИ—XVII — Словарь русского языка (XI—XVII вв.). Выпуск 9. М., 1982.
17. СЛРЯХИ—XVII — Словарь русского языка (XI—XVII вв.). Выпуск 4. М., 1977.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1986.
19. Северянин И. Полное собрание сочинений в одном томе. Составитель: Михаил Петров. М.: Альфа-книга, 2014.

References

1. Pimenova, M.V. (2012). Change of stereotypes in linguoculture, or a new look at the relics of ancient consciousness In *And your word will respond: To the 80th anniversary of the birth of Dr. Filol. Sciences, Professor E.S. Otin*. Kazan: publishing house of Dmitry Burag. (In Russ.).
2. Kolesov, V.V. (2006). Theses on mentality, *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 148(2), 5—13. (In Russ.).
3. Omelchenko, S.R. (2004). Functional-semantic characteristics of Russian mental verbs, *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 31, 217—229. (In Russ.).
4. Arutyunova, N.D. (1993). Introduction In *Logical analysis of language. Mental actions*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Ryabtseva, N.K. (1993). Mental modus: from vocabulary to grammar In *Logical analysis of language: Mental actions*. Moscow: Nauka. pp. 51—57. (In Russ.).
6. Ivanova, G.F. (2007). Evaluation in the mental sphere of language, *Vestnik of Saint Petersburg University*, 9 (3-2), 143—150. (In Russ.).
7. Gak, V.G. (1993). Space of thought (the experience of systematization of words of the mental field) In *Logical analysis of language: Mental actions*. Moscow: Nauka. pp. 22—40. (In Russ.).
8. Lazareva, O.A. (2011). Description of Russian vocabulary: mentality, linguistic culturology, ideography, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6 (2), 368—371. (In Russ.).
9. Likhachev, D.S. (1999). The conceptual sphere of the Russian language. In: *Essays on the philosophy of artistic creativity*. St. Petersburg: Blitz. pp. 147—165. (In Russ.).
10. BAS — Dictionary of modern Russian literary language (1954). Vol. 3. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
11. BAS — Dictionary of modern Russian literary language (1957). Vol. 6. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

12. Ivanova, M.V. (1986). Alphabet-frequency index of word forms “Lives of Stephen of Perm”. The deposited manuscript number 24353 of 03.03.1986. Moscow: INION. (In Russ.).
13. Ivanova, M.V. (1995). To the history of the interaction of the “book” and “non-book” in the vocabulary of the literary language at the turn of the XIV—XV centuries In *Philological collection. To the 100th anniversary of the birth of Academician V.Vinogradov*. Moscow. pp. 180—186. (In Russ.).
14. Dal, V.I. (1880). Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language. Vol. 1. St. Petersburg—Moscow. (In Russ.).
15. Dal, V.I. (1881). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 2. St. Petersburg—Moscow. (In Russ.).
16. Dictionary of the Russian language (XI—XVII centuries) (1982). Issue 9. Moscow. (In Russ.).
17. Dictionary of the Russian language (XI—XVII centuries)(1997). Issue 4. Moscow. (In Russ.).
18. Fasmer, M. (1986). Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I. Moscow: Progress. (In Russ.).
19. Severyanin, I. (2014). Complete Works in one volume, Mikhail Petrov (Ed.). Moscow: Alpha-book. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Шляхова Галина Игоревна, аспирантка направления «Языкознание и литературоведение» ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»; *e-mail*: galine_24@mail.ru

Information about the author:

Galina I. Shliakhova, post-graduate student of the direction “Linguistics and literature”, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education the “Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing”; *e-mail*: galine_24@mail.ru